

Петрозаводская еврейская религиозная община

Общинный вестник

Избранные публикации 1998 – 2018 гг.

Том II

**Петрозаводск
2021**

УДК 008

ББК 94.3

Редактор-составитель Дмитрий Цвибель

Еврейская община выражает благодарность

Наталии Деминой

за помощь в подготовке тома к печати

Еврейская община благодарит

Льва Кабакова, Ирину Литвинову,

Федеральную еврейскую национально-культурную автономию

за финансовую поддержку издания

Общинный вестник : избранные публикации, 1998 – 2018 гг. Том II / Петрозаводская
О-28 еврейская религиозная община ; редактор-составитель Дмитрий Цвибель. - Петроза-
водск : ПИН ИП Марков Н.А., 2021. - 300 с. : ил. - ISBN 978-5-904704-83-4.

УДК 008

ББК 94.3

В настоящем сборнике собраны материалы, написанные специально для ежемесячника
«Общинный вестник», выходявшем в 1998 – 2018 гг.

Фото авторов и из архива еврейской общины

©Еврейская община Петрозаводска

©Дмитрий Цвибель

©Авторы публикаций

ISBN 978-5-904704-83-4

Общинному вестнику - двадцать лет!

Двадцать лет назад вышел первый номер «Общинного вестника», и сейчас уже жизнь общины не представляется без своей газеты. «Общинный вестник» поступает в Национальную библиотеку Израиля, Национальную библиотеку Карелии, библиотеки Еврейского общинного центра Санкт-Петербурга и ФЕОР. Ее читают в Израиле, Финляндии, Германии, США, Канаде, Дании. Газета долгое время рассылалась в общины Москвы, Череповца, Владикавказа, Таганрога, по всем Хэсэдам Северо-Запада. Материалы из «Общинного вестника» многократно перепечатывали различные издания: петрозаводские газеты «Курьер Карелии», «Карелия»; петербургские «АМИ», «ИДУТ ХАСАДИМ»; украинские «Еврейский обозреватель», «ШОЛЕМ»; журналы «Корни», «Лехаим», «Алеф». Много опубликовано в Интернет-изданиях. Сообщения о событиях общинной жизни размещаются на сайтах ФЕНКА, ФЕОР, РЕКА. С появлением собственного сайта общины (jс-ptz.ru) она стала доступна неограниченному числу читателей.

В газете в разные годы велись рубрики: «Гость редакции» - о людях, внесших большой вклад в дело возрождения и становления общины; «Судьбы, опаленные войной» - о прошедших войну в боевых частях, рассказы об их войне (к 60-летию окончания Второй мировой войны); «Имя» - биографии евреев, известных в Карелии, оставивших своей профессиональной деятельностью заметный след в жизни нашей республики; «Из еврейской поэзии» - авторская рубрика Иосифа Гина, знакомящая читателей с наиболее яркими и известными поэтами, составившими «золотой фонд» еврейской поэзии от раннего средневековья до наших дней; «Наш календарь» - краткие заметки о датах еврейского календаря. Постоянными рубриками являются: «Наша кухня» - рецепты богатейшей, уходящей корнями в глубокую древность, еврейской кухни; «Жизнь общины» - информация о текущих событиях общинной жизни, «Хэсэд Агамим поздравляет с юбилеем» - поздравление с юбилеями членов общины.

Вокруг «Общинного вестника» образовалась своя среда. Авторами газеты стали Иосиф Гин, Софья Лойтер, Залман Кауфман, Дмитрий Цвибель, Бен Гирш, Давид Генделев, Валентина Бравая, Михаил Бравый, Юрий Рыбак, Яков Бравый, Лев Хорosh, Влад Мишин, Юлия Генделева, Мария Гончарук, Гарри Лак, Эма Осилтук, Наталья Лайдинен и многие другие. Газета принимала участие в программе Института изучения иудаизма в СНГ под руководством Адина Штейнзальца по публикации статей и интервью Рава.

На основе материалов, опубликованных в газете, вышел 21 выпуск брошюр из серии «Библиотечка газеты «Общинный вестник». Эти издания пользуются большим успехом, некоторые из них сразу же разошлись и стали библиографической редкостью.

Теперь, по прошествии двадцати лет со дня выхода первого номера «Общинного вестника», можно с уверенностью сказать, что газета состоялась, и прочитав ее подшивку, можно получить представление о деятельности общины, узнать о людях, которые ее создали и тех, кто своим трудом развивает и поддерживает ее существование. Именно эти материалы, думается, будут интересны следующему поколению, это хороший ресурс для изучения живой истории нашей общины. Многие публикации газеты - своеобразное пособие по истории, традиции, культуре еврейского народа и его вкладу в мировую цивилизацию.

Пожелаем нашей газете и ее читателям не потерять интереса друг к другу и

ДО СТА ДВАДЦАТИ!

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Сегодня - знаменательное событие в жизни нашей Общины: сегодня мы обрели ГОЛОС!

Это - первый номер нашей газеты, которая будет выходить еженедельно и, как мы предполагаем, позволит доносить информацию о еврейской жизни до каждого, способного услышать ее. Появление газеты вызвано расширением деятельности еврейской Общины, образованием под эгидой общества «Шалом» разных ее подразделений: Религиозной общины, «Хэсэда Агамим», Молодежной секции, РЕКА, Воскресной школы «ЙОМ РИШОН». И все это - сегодняшняя еврейская жизнь города.

Через газету появляется возможность не только информировать о тех или иных событиях еврейской жизни, но и рассказывать о смысле, традициях, значении их для нас сегодня. Наша задача дать возможность читателю узнать что-то новое для себя, вспомнить забытое, поделиться пережитым, чтобы внести свой вклад в возрождение сознания принадлежности к своему народу с его величайшей культурой, философией, традициями, с уникальной историей. Каждый еврей - это особый мир, у каждого - свой неповторимый путь; а все вместе мы составим картину, которая пишется Творцом.

Одна из главных задач - это возвращение к ТОРЕ, ибо без этого не может быть и речи о еврейском самосознании. Еврей без ТОРЫ - не еврей. За

стремлением «влииться в семью народов» (но зачем же при этом терять свое лицо), «быть как все» (а кто они - все?), периодом атеизма, коммунизма, Катастрофы, но и периодом возрождения Эрец Исраэль вновь встает вечный вопрос: «Кто мы? Зачем мы?». Почему не знаем еврейского языка, территории, культуры, государства мы все же остались народом, евреями, и если мы сами иногда забываем об этом, нам напоминают? Значит в каждом из нас есть еще что-то, чего нет у других. И эти мы должны дорожить, а для этого надо понять, что же это такое.

Гейне назвал ТОРУ «Портативной родной евреев» - может быть, здесь разгадка? Попробуем вместе разобраться.

Своим появлением газета обязана помощи наших друзей из Флориды, это: Алевин Коренблюм, рав Зевин Гольдберг, Хинди Кантор, синагога Темпа Нудев, организация ЯД ЛЕ ЯД, Южный совет Флориды для советского еврейства. (Вот он принцип: «Все евреи ответственный друг за друга»). БОЛЬШОЕ СПАСИБО ИМ ОТ ВСЕХ НАС!

Пожелав нашей газете, чтобы она оказалась нужной, интересной, содержательной, принесла радость в наши сердца.

И ДО СТА ДВАДЦАТИ!

Дмитрий Цвибель

НОВОЕ ПРАВЛЕНИЕ - НОВЫЕ ЗАДАЧИ

В мае месяце состоялось отчетно-превзборное собрание общества «Шалом». С докладом на нем выступил Председатель Общества Александр Модильевский. Он рассказывал о проделанной работе Общества за последние два года. И особенно оказалось немало: за это время образовалась и зарегистрировалась религиозная община и начала функционировать Синагога; старое еврейское кладбище, находящееся в центре города, обнесено художественно выполненной оградой и поставлены мемориальные водные арки; продолжала работу школа «ЙОМ РИШОН»; по инициативе СОХНУта открылся улан.

Все это время активно велась большая социальная работа, был сформирован корпус волонтеров, который и стал основой, образованного недавно,

«ХЭСЭДА АГАМИМ», взявшего на себя ряд функций, прежде выполняемых «ШАЛОМ».

С появлением «ХЭСЭДА АГАМИМ» стало необходимо по-новому строить работу общества «ШАЛОМ», которое теперь в своей деятельности больше внимание будет уделять среднему и молодому поколениям, образовательным программам, расширению связей с другими еврейскими организациями.

На собрании было выражено некоторое беспокойство по поводу появления различных организаций внутри Общины, опасение разобщенности. Поэтому новое Правление призвано координировать действия всех подразделений, выработать общую концепцию, учитывая развитие еврейского движения в разных направлениях.

Исходя из этого, правления общества

«ШАЛОМ» сформировано следующим образом:

Александр Модильевский.

Дмитрий Цвибель - заместитель Председателя, Председатель религиозной общины, директор школы «ЙОМ РИШОН»

Грета Логинская - секретарь Правления

Юрий Рыбак - медицинский сектор, Председатель Совета «ХЭСЭДА АГАМИМ»

Михаил Бравый - сектор работы с пожилыми, директор «ХЭСЭДА АГАМИМ»

Равов Шалом - социальный сектор

Владислав Мишин - молодежный сектор, руководитель молодежной секции

Пожалвав новому Правлению успешной деятельности на ниве возрождения еврейского самосознания, по созданию жизнеспособной еврейской Общины.

ЗЯМА

*Что в имени тебе моем?
Оно умрет, как шум печальный
Волны, плеснувшей в берег дальний,
Как звук ночной в лесу глухом.*

А.С. Пушкин

*Смертельно ранящая, только тронь,
Воспоминаний взрывчатая зона...
Боюсь ее, боюсь в ночи бессонной.
Без жалости к себе, без снисхожденья
Иду по этим минным заграждениям...*

Вера Инбер
«Пулковский меридиан»

**Ревекке,
моей многотерпеливой жене.**

Зяма – это я, ученик восьмой украинской образцовой школы. Когда подошли школьные годы, меня отдали в еврейскую школу. Такие были в местах компактного проживания евреев. Прочился год, научился читать и писать, но родители, боясь, что в связи с повальной украинизацией, имевшей место в те годы, мне придется переучиваться, перевели в украинскую, которую я и закончил.

Как и большинство сверстников, учился так себе, ни шатко, ни валко. Отметки были всех калибров, но очень любил книгу. Читал запоем, в школе – из-под парты, дома – за едой. Однажды, зачитавшись, не заметил, как домашние мне дважды сменили еду. Читать научился рано, лет в пять, по-украински и по-русски, чуть позже и по-еврейски. Дедушка Рафаил, хотя и был простым слесарем, знал несколько языков. Он предпринимал героические усилия, чтобы приобщить меня к ивриту, но тщетно: религия – опиум народа. Это в школе я слышал ежедневно. А иврит ассоциировался с религией. Какая теперь жалею!

Моя любовь к чтению отмечалась победами на разных конкурсах, в том числе и всесоюзных. Видя это, дедушка с меньшей тревогой отнесся к моему будущему: «Если любит книгу, босяком не будет».

Из всех школьных предметов меньше других любил математику, если здесь вообще уместно слово «любил». Она была для меня тяжким испытанием. Двойки встречались значительно чаще троек, а о четверках мог только мечтать, были и переекзаменовки. Наша учительница математики на nive просвещения была человеком случайным. Бесцветная, малообразованная. Перед ней всегда лежала открытая тетрадь с решениями всех наших задач. Сильно подозреваю, что они были кем-то решены. С трудом отсиживая урок, мчалась домой, как мы предполагали, к своему

жениху. И действительно, вскоре сменила фамилию и удивительно быстро ушла в декрет. Это меня спасло. Вместо нее преподавать стал доцент пединститута по фамилии Севбо. Педагог, как говорят, от бога. Он не только великолепно излагал предмет, но знал его историю, массу всяких занимательных событий, связанных с математикой и математиками. Его уроки были интересны, доступны, увлекательны. Я заболел математикой. Передо мной раскрылся совершенно новый мир. Мир мнимых единиц, иррациональных чисел, бесконечно больших и малых величин, абстрактного мышления. Уроки пролетали незаметно, и я с нетерпением ждал следующих. К тому же по физике проходили механику, где эти элементы также присутствовали. Захватила и механика. Я навалился на популярную литературу. Конечно, прочел всего Перельмана, познакомился с теориями относительности и вероятности, начал подбираться к высшей математике. Задачи, которые прежде мне доставляли лишь муки, стали доступными и даже интересными. Во всяком случае, при поступлении в университет, а конкурс был шесть человек на место, письменную по математике сдал в числе первых. Одну из задач помню даже сейчас – дано: $\lg 2$ и $\lg 3$. Найти $\lg 75$. Задача, в общем-то, простая, но ее почему-то многие не смогли одолеть.

И, тем не менее, с точными науками у меня был лишь флирт, одно из моих многочисленных увлече-

ний. Настоящая любовь была только к биологии. Природу, живое во всех его проявлениях любил до самозабвения. Конечно, прочел все по естествознанию, что мог достать в нашем городе. Хорошо знал содержание всех учебников по природоведению, вплоть до десятого класса, хотя сам был лишь в пятом. Учитель биологии, зная мою страсть, ее всячески поддерживал, приносил различные книги, иногда приглашал к себе домой. Отвечать уроки вызывал редко, отметку ставил так, не спрашивая. Однажды предложил провести беседу в 10 классе. Там из-за кафедры меня не было видно, и беседу проводил стоя на стуле. Видимо, она прошла успешно. Была редкая для урока тишина. После звонка учитель меня поцеловал в голову. Позже, когда разразилась война, и в город пришли немцы, мой учитель биологии стал полицаем и участвовал в расстрелах своих еврейских учеников. Уверен, не пощадил бы и меня. Его звали Василь Евдокимович Бойко.

Первая моя статья была опубликована в журнале «Юный натуралист», когда я был учеником 6 класса. Как это ни странно, но она была замечена. На нее появилась рецензия крупнейшего в то время эколога, прекрасного писателя-натуралиста и удивительного художника-анималиста профессора Московского университета Александра Николаевича Формозова. Кроме рецензии профессор мне прислал и письмо. Так у нас завязалась переписка, продолжавшаяся вплоть до моего ухода на войну.

Школьное увлечение точными науками неожиданно сказалось позже, когда я уже был студентом биофака. После сдачи экзамена по физике меня пригласили в деканат, где профессор-физик предложил перейти на физфак. Старейшему академику Теренину нужен был ученик, желательнее мужчина, чтобы продолжить его идеи, и глаз профессора почему-то пал на меня. Конечно, предложение было не только лестным, но и ответственным, и профессор меня не торопил. Когда мы снова встретились, я просил передать академику не только большую благодарность за предложение, но и просьбу понять мой отказ – лишнее заниматься биологией сделало бы мою жизнь существованием.

Вспоминая школьные годы, не могу не упомянуть моего друга детства – Лазаря Юдовича. Редкой одаренности юноша, художник и искусствовед. Учителей поражал недетскими суждениями о тех или иных литературных произведениях. Удивлял и объемом знаний по истории искусства. Он знал содержание разных художественных стилей, искусство разных эпох и народов, творчество отдельных художников. Его родители польские евреи, портные. Увлечение левыми идеями привело их в СССР, в Чернигов, где отец Лазаря Берл работал директором местной швейной фабрики. Русского языка он так и не осилил. Выступая на различных собраниях, начинал по-русски, но быстро уставал, измучивал себя и других и, махнув

рукой, с облегчением переходил на родной идиш. При обращении его звали «реб Берл». Во времена «большого террора» его тоже взяли, но, как это ни странно, года через два выпустили. Все это время их семья ужасно бедствовала, и мы им помогали, чем могли.

Лазарь, как и можно было ожидать, поступил в Академию художеств на искусствоведческий факультет, где быстро себя проявил и даже получал какую-то престижную стипендию. Во время войны ушел на фронт, был ранен, ушел вторично и не вернулся. В вестибюле Академии на мемориальной доске среди фамилий погибших на войне сотрудников и студентов, значится и Юдович Лейзер Беркович (1920-1943). Его мать, узнав о смерти сына, лишилась рассудка. Отец Лазаря позже умер в доме престарелых в Израиле.

Лазарь, несомненно, был очень талантлив, но не вундеркинд. Вундеркиндом был Гриша Золотарев, сын моей конотопской кузины. У него очень рано прорезался мощный математический талант. Еще в школе он заочно закончил первый курс механико-математического факультета. В отсутствие учительницы математики заменял ее. О его таланте писала пресса. В университет он поступил сразу на второй курс. Закончил с кандидатской степенью. Необычайно быстро защитил докторскую, но полностью его талант так и не успел расцвести, помешал инфаркт.

Сдав тринадцать труднейших вступительных экзаменов, я был зачислен на биофак Ленинградского университета – лучшего в то время в СССР. Радости моей не было предела. Но, проучившись всего неделю, был призван в армию – началась финская война. Нас, новобранцев, обмундировали в валенки, теплые фуфайки, выдали белые маскхалаты и оружие. Мне достался ручной пулемет с двумя дисками патронов, но я так и не только не стрелял, но и не узнал, как стреляют. Отправили на Карельский перешеек. Мы залегли в глубоком снегу холодного мрачного леса. Где-то стреляли, иногда ночное небо на мгновение вспыхивало от разрывов снарядов. Царила жуткая неизвестность. Утром мы должны были выдвинуться на передний край и пойти в наступление. Ко мне подошел командир взвода и показал как заправлять в пулемет диски и как стрелять. Но стрелять так и не пришлось. Назавтра война прекратилась, был заключен мир с финнами. Это было 12 марта 1940 года. Дату я хорошо запомнил. С новой силой потянуло в университет, но вместо этого попал в Москву, в Первую Московскую Пролетарскую дивизию – самое элитное соединение того времени.

Через какое-то время меня, как более развитого и грамотного, назначили проверять документы у посетителей командующего округом маршала Семена Михайловича Буденного. Понятно, что уже через некоторое время маршал и другие высокие начальники, кабинеты которых расположены рядом, меня знали и даже здоровались. Однажды, когда нам вместо шле-

мов-буденовок выдали шапки-ушанки, Буденный спросил:

- Что лучше – буденовка или ушанка?
 - Конечно ушанка.
 - Почему? – настаивал маршал.
 - Если командование решило нас одеть в ушанки, значит они лучше.
- Буденный усмехнулся:
- Ну, хитрец! Ты кто? Как тебя зовут?
 - Рядовой Залман Кауфман, товарищ Маршал Советского Союза.
 - А-а... – пожевал мое имя Буденный и скрылся в кабинете.

Караульной рота была недолго, вскоре нас возвратили к каждодневной муштре: отработке строевого шага, поворотов, приветствий, бегу, ползанию по-пластунски, штыковому бою, отражению кавалерийских атак и другому. Всему этому ненужному нас тренировали в то время, когда немецкая армия усиленно моторизировалась, оснащаясь танками и самолетами, боевые качества которых во многом превосходили наши.

Первого мая 1941 года торжественный военный парад на Красной площади. Мы к нему готовились весь апрель, с утра и до вечера отработывали строевой шаг. Перед парадом нам вместо стандартных гимнастеров выдали новенькие мундиры, к сапогам приколотили подковки, чтобы четче печатался шаг. Парад проходили «коробками» 8х24 человека с винтовками со штыками наперевес. На Мавзолее стояло все правительство, но Сталина я так и не разглядел – мешало солнце, да надо было следить за равнением.

2 мая, как обычно, выходной, но, несмотря на это, после обеда весь полк был поднят по тревоге, погружен в товарные вагоны и отправлен в Западную Белоруссию – часть Польши, недавно присоединенную к Советскому Союзу. По дороге меня ссадили в небольшой городок Пуховичи, где располагалась парашютно-десантная дивизия. Будучи молодым и глупым, я этому очень обрадовался. Шутка ли – десантник, голубые петлицы с птичками, значок парашютиста, особое внимание девушек... Но медкомиссия пыл несколько охладила: ей почему-то не очень понравился мой вестибулярный аппарат. Я был сильно огорчен и пошел на комиссию вторично, но значок парашютиста и голубые петлицы с птичками носить было не суждено. Видя мое рвение, один из старослужащих повел меня в рощу, расположенную за военным городком. Это оказалось большое кладбище. «Смотри, – сказал он, – здесь лежат те, которым прыгать разрешили». Он покрутил пальцем у виска: «Богу молись, что у тебя такие уши!» В те годы парашюты и методика прыжка были очень примитивными, и кладбища возле парашютно-десантных частей быстро разрастались. Во время войны дивизию забросили к немцам, и вся она погибла.

Меня, несостоявшегося десантника, оправили дальше на запад за город Гродно, на самую советско-германскую границу, в бригаду противотанковых пушек. Поразительно, но это так: бригада, стоящая на границе, была совершенно не вооружена. На батарее было всего несколько дореволюционных винтовок, а у офицеров – по пистолету и всего по две обоймы патронов. Пушки без панорам, на пушку по шесть снарядов, всего несколько автомашин. За два дня до войны пригнали новобранцев. Все они из Средней Азии, одеты в халаты, подпоясанные платками, по-русски почти не понимали. И все это – на границе в ожидание войны.

Наша батарея расположилась в палатках на берегу небольшой речушки. В нескольких километрах от нас была пограничная застава и дзоты, на которые в случае войны, почему-то, возлагали большие надежды. За два дня до ее начала на небольшой высоте границу пересекли несколько десятков немецких самолетов. Впервые я увидел на крыльях кресты. Но все обошлось мирно: они не стреляли, по ним не стреляли. Более того, тотчас после этого происшествия последовало правительственное опровержение сообщений западной прессы, комментировавшей это событие. Мол, что этого не было, и нас пытаются поссорить с дружественной Германией. Впервые мне, комсомольцу, воспитанному на безгрешности, мудрости и честности партии и правительства, пришлось столкнуться с государственной ложью – самолеты с крестами пролетали над моей головой туда и обратно, и я их хорошо видел. Но командование этого «дружественного» государства думало иначе. Без лишнего шума они выбросили в нашей приграничной полосе десанты, которые с началом войны всеми возможными средствами – поджогами, беспорядочной стрельбой, убийствами должны были вызвать панику, суматоху, неконтролируемую обстановку, что должно было способствовать более быстрому продвижению немецких войск, и этого во многих случаях они добились.

В ночь на 22 июня 1941 года на батарее из комсо­става остался я один. Это была ночь на воскресенье, и все командование батареи ушло смотреть фильм в ближайшую деревню, оставив меня главным начальником. Ночь была прохладной, от реки тянуло сыростью. Я укрылся потеплее и уснул. Мне снилось, будто по улице идет эскадрон лошадей, громко цокая подковами по брусчатке. Но сон досмотреть не удалось, его прервал часовой, настоятельно трясающий меня за плечо. Выйдя из палатки, я обомлел. Цоканье продолжалось, но это уже были разрывы бомб, сброшенных на местечко Мосты, на Гродно и на небольшой полустанок, что был возле нас. Все они горели. Огромное облако черного дыма затянуло горизонт. Война!!! Что делать? Советоваться не с кем. Первое – всех поднял, убрал демаскирующие белые палатки. Стрелять? По кому? Куда? Чем? На батарее всего несколько снаря-

дов. Остальные на складах, километров за шестьдесят, и их уже разбомбили. Да и стрелять-то никто не умел, новобранцев даже не успели переодеть в военную форму. Кое-кто из комсостава прибежал из деревни. Из штаба никаких указаний. К тому же двух своих товарищей оставили в деревне – их застрелили поляки. Это были первые жертвы в нашей батарее. Немцы, готовясь к наступлению, обрушили на нас шквальный артиллерийский огонь. Вокруг рвались снаряды. Дым, огонь, пыль, песок забивали горло, глаза, отчаянные крики раненных. Страшно! Очень! Я лежал в воронке, зарыв лицо в землю, звал и молил: «Мамочка, дорогая, спаси меня!!!» Огонь постепенно утих, и пошли танки, стреляя и утюжа, но позже они свернули в сторону, окружая нас. Из командования батареи осталось трое: лейтенант, старшина батареи и я. Какое сопротивление мы могли оказать. Надо отступить, но куда, как? Карт не было, местности никто не знал. Целыми остались лишь две автомашины, к ним прицепили по пушке – и на восток. Они уехали, а меня оставили подрывать оставшиеся пушки. Насыпав песок в ствол и, спрятавшись в щель, несколько пушек подорвал. Но один в поле не воин, поймав пробегающую бесхозную лошадь, вскочил на нее и подался в поисках наших. Ехал лесными тропинками, избегая дорог, по которым уже во всю разъезжали немецкие танки и мотоциклы. Вокруг что-то взрывалось, что-то горело, где-то стреляли, небо прошивали траассирующие пули, которых мы еще не видели, кто-то истошно кричал. Жутко! Так проехал сутки. Лошадь и я выбились из сил, дико устали. На следующее утро тропинка вывела на большую поляну с людьми. Подкравшись, увидел, что это были наши, не только наши в смысле советские, но наша батарея. Какое счастье! Они уже собирались двинуться дальше, и я еле успел забраться в кузов, оставив лошадь прямо на дороге. Попытались найти какую-нибудь воинскую часть, чтобы к ней прибиться, но такой не попадалось. По дорогам ехали, брели, голодные измученные люди, военные и гражданские. Куда? Зачем? Ответа никто не знал. Проехали Гродно. Страшное зрелище. Разбомбленный родильный дом, несчастные роженицы металась как в горячке. Родившие не знали, где их дети, а те, которым еще предстояло рожать, лежали на земле. На дороге и по обочинам валялись мертвые люди и лошади со вздутыми на летнем солнце животами. Никто их не убирал, да их просто не замечали. А немецкие самолеты бесконечной дьявольской вереницей на бреющем в упор расстреливали эту несчастную человеческую массу. Мое юношеское сознание с трудом воспринимало весь этот кошмар. Наш лейтенант не выдержал, сошел с ума. Нас осталось 26 человек из одиннадцатитысячной 6-й артбригады. Большинство попало в плен, а остальных раздавили танки.

В польских деревнях к нам не скрывали ненависти, стреляли в спину. Единственная надежда – это еврейские местечки, тогда еще густо разбросанные

по западным областям Белоруссии и Украины. Здесь к нам относились крайне дружелюбно, охотно давали воду, еду. Узнав, что среди русских солдат есть еврей, сбегалось все местечко. Меня принимали как самого почетного гостя. Я впервые видел детей, которые не знали другого языка, кроме еврейского. Они облепляли меня со всех сторон, забирались на руки. Несчастные, они не знали, что их ждет.

Мы быстро поняли, что в наших условиях главное – это горючее. Надо было что-то предпринимать. В небольшом городке Новогрудке, находящемся не очень далеко, была расположена танковая часть, значит там мог быть и бензин. Направились туда. Бензозахранилище охранялось. С охраной договориться не удалось. На все наши просьбы отвечали категорически: «Нет!» Пришлось действовать решительно: развернув пушку, бабахнули поверх голов. Это подействовало. Вся доблестная рать, разбежалась, и мы быстро вкатили в кузов бочку бензина. На нем ехали, его и ели, меняя на продукты.

Недалеко от города Лиды, на поле приземлился немецкий самолет, что-то в нем отказало. На предложение его захватить, толпа отступающих, перепуганных бесконечными бомбежками и обстрелами, даже мысли такой не допускала, боясь мщениа. Тем не менее, наведя на самолет канал ствола, мы выстрелили. От самолета в разные стороны полетели ошметки. Нас едва не растерзали.

Возле станции Лесная, что около города Барановичи, немцы высадили десант. Группа наших военных решила его уничтожить. Увидев у нас две пушки, они где-то достали немного снарядов. Мы открыли огонь. Потом туда двинулись пехотинцы. Как это ни странно, но станцию захватили, правда, ненадолго, а мы, оставшись без снарядов, подались дальше на восток.

Проехав Белоруссию, подошли к Смоленску. Где-то было решено защищать город. Собрали отступающие войска. Нас разместили в районе Цыганского колхоза, что возле города. Пушки установили на высотах по обе стороны дороги Витебск – Смоленск. Из нас образовали взвод, дали командира, младшего лейтенанта по фамилии Зима, неумного и дремучего парня из глухой сибирской деревушки, но болезненно амбициозного. Лейтенантский кубик в петлице и кобура с наганом вовсе вскружили ему голову: «Вишь, партия и правительство поручило Зиме оборону Смоленска, и Зима оправдывает это высокое доверие, а ты, вишь, грамотный, а сержант, да еще младший».

По дороге тянулись толпы отступающих, иногда проносились танки или танкетки. Какие из них наши, какие – немецкие младший лейтенант, конечно, не знал, но пальнуть хотел. И он принял решение: мне было приказано спуститься по дороге вниз и проверять документы у отступающих танкистов. Если окажутся немецкие, дать знать на батарею, и мы откроем по ним огонь из обеих пушек. Винтовок у нас

не было, и Зима торжественно вручил мне бутылку с зажигательной смесью: «Брось в немецкий танк и – все». Понять смысла этого идиотского приказа я не смог. Какой немецкий танкист станет предъявлять документы? Меня просто раздавят.

– Вот и хорошо, – упивался своей гениальностью Зима, – мы таким образом узнаем, что это танк немецкий и из двух пушек его раздолбаем.

– Но ведь я погибну!

– Ну и что, зато уничтожим танк. Понимаешь, танк!

Видя, что мои глаза не сияют радостью, Зима вытащил из кобуры наган и стал его нервно поглаживать:

– Я не люблю, когда мои приказы обсуждаются – его маленькие, глубоко сидящие глазки стали излучать неприятные искорки.

Конечно, он мог пристрелить, кто его будет судить? Выхода не было, и я взял бутылку. На мое счастье немецких танков не было. Проехали две наши танкетки. На знак остановиться, они в меня выстрелили парой известных русских слов и, не останавливаясь, промчались.

Все чаще немецкие самолеты стали налетать на Смоленск, а артиллерийская канонада, раздававшаяся вдаль, стремительно приближалась. Зловеще шурша, пронеслись над головой снаряды. Уже горел колхоз, над городом поднялись огромные клубы черного дыма. Я забрался в щель, она оказалась кстати. Выглянув, увидел двигающиеся по ржаному полю темные точки. Это были немцы. Сидение мое в щели, как и все пребывание здесь, абсолютно бессмысленно. Выкатившись в кювет, идущий вдоль дороги, то ползком, то бегом направился к батарее. Когда я, наконец, добрался, ужас охватил меня. Пушка была разворочена снарядом. Одна из наших машин, догорала, вокруг в разных позах лежали ребята, а чуть в стороне и младший лейтенант Зима. Осколком ему снесло половину лица и висок, только на одной сохранившейся петлице блестел новенький лейтенантский кубик. Так бесславно погиб младший лейтенант Зима – надежда партии и правительства. Второй машины и пушки не было. Я подался к Смоленску в надежде найти кого-нибудь из наших, или к кому-нибудь прибиться. Перед городом в группе грязных измученных солдат и нескольких машин я увидел нашу с пушкой. Обрадовался несказанно. Какой-то майор пытался что-то организовать, создать сопротивление, но его никто не слушал. Какое сопротивление могла оказать эта группа измученных безоружных людей. Что мы могли противопоставить огромной плотности огня немецких автоматов, танкам, бомбежкам? Наши несуразные винтовки-трехлинейки, или суворовское «пуля – дура, штык – молодец», так широко пропагандировавшееся в армии, даже упоминавшееся на почтовых открытках. Глупость и малообразованность крупных воинских и правительственных чи-

нуш обошлась нам миллионами молодых жизней. Все огромное пространство от Белого до Черного моря было густо усеяно трупами наших солдат. Мы немцев не победили. Мы их утопили в нашей крови.

Поехали через горящий Смоленск к Соловьевской переправе, что на Днепре, позже ставшей известной своей большой кровью. Горящий город представлял страшную апокалиптическую картину, «Последний день Помпеи». Горели не только дома, но и деревья. Валились стены, перекладки, крыши. Дым, смрад, жара. Еле вырвались к Днепру, но и там не лучше. Скопилось огромное количество отступающих машин, разной техники. Стоило только навести переправу, как немцы тут же ее бомбили. Так было каждый раз. Вокруг убитые, раненные, крики, дикий мат, в воде у берега вспухшие трупы, доски, бревна, какой-то мусор. Перебраться на другую сторону поспешилось лишь несколькими машинам. Что делать? Зажав в зубах студенческий и комсомольский билеты, я махнул на противоположный берег. Там, сняв с убитого капитана сапоги, побрел по дороге. Каким-то невероятным образом наша машина все же смогла перебраться и, догнав меня, подхватила. Мы, миновав Дорогобуж, двинулись к Вязьме. Вязьма почему-то запомнилась. Провинциальный русский городок, когда-то известный своими пряниками, был совершенно безлюден, мертв. Фронт придвинулся вплотную, его обстреливали и бомбили, и это лишило город населения. Кто – удрал, кто – запрягался. Улицы наполнила тяжелая зловещая тишина, лишь в каком-то дворе одиноко мычала корова. На дороге валялась перевернутая детская коляска, а неподалеку – труп молодой женщины. На июльском солнце он быстро разлагался, возле него кружили крупные черные мухи и, как это ни странно, пчелы. Я зашел в распахнутые двери магазина. Он оказался ювелирным. Золотые безделушки аккуратно лежали под стеклом. Взял колечко, повертел, подержал в руке, примерил и подбросил. Оно, вспыхнув холодным огнем, покатилося под прилавок. Кому оно сейчас нужно? Я искал вовсе не это. Я искал воду, хотелось пить. Канонада усиливалась.

На город двинулись танки, завязался короткий, но жестокий бой. Я корректировал огонь, но вскоре связь прервалась, наша последняя пушка, вывезенная с таким трудом с самой границы, умолкла. Ее расстреляли. Погиб и расчет, среди которого и Юрка Орлов, наш шофер, лихач, хулиган, но отличный и надежный парень. Это он смог переправить машину с пушкой на другой берег Днепра, чтобы уложить ее и себя под тихим городком Вязьмой. Из тех 26, оставшихся из одиннадцатитысячной 6-й артбригады, стоящей на границе, осталось всего несколько человек. Такой страшный счет предъявляет война. Нас, оставшихся, влили в сильно поредевший 442-й арtpолк 152 мм гаубиц-пушек. Я снова стал командиром отделения разведки батареи, корректировщиком. После падения Вязьмы полк отправили на берег Волхова.

Там немцы рвались к нашей северной столице. Но и на берегу Волхова закрепиться не удалось. И снова отступление. Тяжелую технику под непрерывными бомбежками, увозили через сплошные болота. Сдали Тихвин, но ненадолго. Уже в декабре этого же 1941 года город был отбит. Это был первый город, освобожденный нашими войсками. Первая победа! Мы снова вышли к Волхову.

Моя работа разведчика связана с обнаружением целей, сообщением на батарею, которая стоит за несколько километров от передовой, и корректировкой огня. Разведчик – это глаза и уши батареи, и он должен находиться на передовой, в передовых порядках пехоты, он все видит, все знает. Жизнь на передовой сопряжена с риском, постоянными потерями, бесконечными смертями, но постепенно с этим сживаешься, к этому привыкаешь, притупляется острота, появляется какая-то беспечность, даже ухарство. Передовая – это изорванная земля, покореженные, изломанные деревья, полуразрушенные землянки и непролазная грязь, все разбито, разбросано, запах взорванного тола, дыма, человеческих испражнений и сладковато-тошнотворный – разлагающихся трупов. Когда линия фронта отодвигалась, убитых собирали и складывали на телегу, а зимой, замерзших в разных позах, на деревенские сани-розвальни. Чтобы не выскальзывали, перевязывали веревками. Свозили к большим бомбовым воронкам, кого смогли, раздевали (одежда шла заключенным). Наполнив, забрасывали комьями мерзлой земли и снега.

Кормили скромно. Неуемное чувство голода не покидало. Кухня располагалась на батарее, возле пушек, в четырех-шести километрах от передовой, еду нам приносили. В рацион неизменно входили сухари и сто граммов водки «наркомовские», для смелости – без них под пули идти совсем непросто. Я всегда имел флягу с водкой, на случай ранения. Сухари раскладывали на кучки, и для честного дележа один солдат отворачивался, другой спрашивал: «Кому?» – и тот называл. Иногда, когда наши окопы были близко от немецких, те, издевательски, кричали: «Рус, кому?»

Тех, у кого нервы не выдерживали ада передовой и пытались бежать, специальные чекистские заградительные отряды перехватывали и тут же расстреливали, иногда показательно – для острастки другим. Трудно забыть совсем мальчика с тонкой шеей, в непомерно большой гимнастерке и несуразных ботинках с обмотками. Видимо, из интеллигентной семьи. Он плакал и молил: «Больше не буду. Не стреляйте. Мама будет плакать». Я отвернулся, закрыл глаза и заткнул уши.

После Тихвина была Малая Вишера, за ней деревня Некрасово, где вместе с пехотой ходил в атаку. Как говорят, в атаку ходят лишь раз, потом или «наркомздрав», или «наркомзем». Ходил статистом, создавая видимость большой численности, оружия у меня все еще не было, и не только у меня. Политру-

ками был брошен клич: «Оружие добудешь в бою!» Ни больше и ни меньше. Но у меня была ракетница и пара ракет. Немецкий пулемет, стрелявший из дзота, не давал поднять головы. Я лежал в глубоком снегу где-то у самого края фланга. Мне удалось обойти этот дзот и пальнуть в него ракетой. Пулемет замолк, облегчив нам жизнь. К вечеру немцы все же отступили. От деревни ничего не осталось, лишь развороченные печные трубы, какие-то бревна, доски, разбитые немецкие дзоты и трупы, трупы, трупы – немецкие и наши. Я с интересом рассматривал место, где недавно были живые немцы. На снегу сидел один из них, раненный в обе ноги, без шапки, несмотря на крепкий мороз. Ветер теребил его жидкие белесые волосы. Несгибающимися отмороженными руками он, ткнув себя в грудь, безнадежно бормотал: «Рус, стреляй!» Я не обратил на него никакого внимания. Но позади раздался выстрел, я обернулся. Молодой пехотинец поправлял на плече винтовку. Немец лежал на боку, возле его головы багровел снег.

– Ты что? Зачем?

– Да жалко, мучается человек без рук, без ног, – добродушно ответил тот.

Эта смерть, среди сотни виденных, почему-то запомнилась.

В следующую деревню Папоротное, лежавшую по дороге к Волхову, я с моими разведчики вошли первыми. Ночью мы подошли к деревне, не встретив немецких постов. Она была мертва – ни огонька, ни звука. Подойдя к крайней избе, я тихо постучали в окно. Напряжение предельное, в руках гранаты. Если в деревне немцы, нам не сдобровать – что наша пятерка сможет сделать против гарнизона. Конечно, мы рисковали. Что поделаешь, такая у нас работа. За стеклом появилось несвежее и перепуганное женское лицо. Немцев в доме не было. Не было их и в деревне, ушли вечером. Дорога, ведущая в деревню, была минирована, но очень небрежно. Торопились.

Затем кровавые бои на Волхове, между деревнями Ямно и Шевелево, расположенными по обе стороны реки. Немцы, закрепившись на противоположном высоком берегу, находились в выгодном положении. Ночью пришлось идти на другую сторону выяснять обстановку. Но ночь мало отличалась от дня: осветительные ракеты почти без перерыва висели над рекой. Реку форсировали по льду. Тяжело, с большими потерями. Лед был густо усеян замерзшими трупами. Ползли от трупа к трупу, прикрываясь ими. Одного разведчика оставили на льду. Наутро комзвод, по уму и интеллекту мало чем уступающий незабвенному младшему лейтенанту Зиме, приказал снова идти на лед, теперь уже днем, и выяснить судьбу разведчика. Каждый метр льда просматривался и простреливался. Это – верная смерть, даже если и ранят, никто не пойдет днем тебя вытаскивать, замерзнешь. Доказывать что-либо бессмысленно. Пришлось надеть маскировочный халат и ползти к реке. У уреза льда за-

глянул в пехотную землянку. Там майор с медсестрой, сидя на ящике из-под снарядов, глушили водку. Поинтересовавшись, куда я ползу, медичка весьма круто высказалась, назвав меня, комвзвода и разведчика, что на льду, коротким русским словом. Покопавшись в каких-то бумажках, налила кружку водки: «Пей, – и она снова повторила это слово, – ночью я его выволокла. Он в санбате» – и отломила хороший кусок колбасы. Лексикон сестрички меня ничуть не смутил, это был мой лексикон. На фронте мат был главным составляющим любого разговора. Матерными словами выражали все – и ненависть и любовь, и хорошее и плохое. Матерились, не замечая этого.

Возвращаясь, наткнулся 45-ти миллиметровую противотанковую пушку. Из-за большой уязвимости ее прозвали: «Прощая, Родина!» Вот, и возле нее была воронка, и расчет был мертв. Пушка исправна. На немецком берегу хорошо просматривался миномет, обстреливающий наш берег. Захотелось похулиганить. Наведя канал ствола дал по нему парой снарядов. Миномет замолк. Это взбесило немцев и они со всех видов оружия открыли по нам шквальный огонь. Ответить было некому и нечем – почти все лежали на льду, уже присыпанные снегом. Едва успел прыгнуть в какую-то яму, где и отсиделся. Когда я пришел, комвзвод спросил: «Какой раздолбай там стрелял из сорокопятаки? Фрицы нас чуть не накрыли». Я молча пожал плечами и придвинулся к огню – сильно замерз.

Как то, находясь в разведке, я тихо продвигался в густых зарослях ивняка и неожиданно лицом к лицу столкнулся с немцем, видимо, тоже разведкой. Он оказался испанцем из «Голубой дивизии», воевавшей на стороне Германии. Он не успел взбросить автомат, а мой пистолет лежал за пазухой фуфайки. Мы схватились, завязалась рукопашная. Я старался прижать его к себе, чтобы он не смог в меня развернуть автомат. Сильным ударом каски испанец разбил мне лицо, выбил зубы, разбил нос. Вся его физиономия была измазана моей кровью, жизнь висела на волоске, но я смог достать пистолет.

В районе занятой немцами деревни Александровка, что на Волхове между Новгородом и Питером (когда-то в ней размещались знаменитые аракеевские казармы), были большие склады боеприпасов. Их надо было уничтожить, но из-за леса они видны не были. Пришлось переходить линию фронта и по радио корректировать огонь. Пошли я – корректировщик, радист с громоздкой и неудобной радиостанцией 6-ПК (как говорили: «6-ПК не работает пока, только нажимает шею и бока») и солдат с аккумулятором. На этот раз все обошлось. Немцы нас не запеленговали. От склада ничего что осталось. Но, возвращаясь, столкнулись с нашим передовым охранением. Нас посчитали немецкой разведкой и развернули пару пулеметов. Выручил громкий мат. Нас только узнали, но и накормили. Командир дивизиона капитан Зинченко за это мне объявил благодарность:

«Ты хоть и еврей, но молодец», – налил кружку водки и дал кусок хлеба с колбасой. Я не знаю, что он написал в боевом донесении, но вскоре стал майором и на груди у него засверкал новенький орден Красного Знамени.

Готовилось наступление. Требовался «язык». Мы пошли небольшой группой. Ушли в ночь. Удачно пересекли линию фронта и углубились в лес, но рассредоточились и в густом кустарнике потеряли друг друга. Я остался один. Спрятался за большую кучу сучьев и веток. Немцы, видимо, были где-то недалеко – виднелась небольшая тропинка. Чувство одиночества и беспомощности охватило меня. Как все сложится? Было страшно. Почему-то вспомнилась мама. Как она, бедная, переживет похоронку? А папа? На финскую он провожал меня до самого вагона. Забравшись в теплушку, я обернулся. У папы на глазах висели крупные слезы...

Было еще темно, но ночь уже начала таять. На тропинке появилось размытое пятно, постепенно принимающее человеческий облик. Немец! Я оторопел. Дыхание перехватило, сердце учащенно забилось. Он был без оружия в расстегнутом френче. Бледное немолодое лицо, впалые небритые щеки, нечесаные волосы. Какой-то дохляк или больной. Немец подошел вплотную, наверное, искал укромное местечко. Я застыл, напрягся до предела. Дрожь волнами пробежала по телу. Удар был сильный. По голове. Оглушенный, он зашатался, но устоял. Глаза стали огромными, квадратными, подбородок мелко дрожал. Он не мог произнести ни слова, лишь прерывисто дышал. Я боялся, что он заорет. Наведя пистолет на грудь, тихо, но внятно приказал: «Kein Laut, Kein Wort, oder – alles – Tod!» – «Ни слова, ни звука, иначе – конец – смерть.» Он умоляюще посмотрел на меня, втянув в плечи голову, и путаясь ногами, покорно побрел.

На батарее это произвело фурор. Все приходили посмотреть на фрица. А он сидел и тупо смотрел в землю, ожидая своей участи. Я чувствовал себя именинником, хотя ничего героического не совершил. Просто повезло, немец попался покладистый. Был бы с оружием, да покрепче, сценарий мог быть совсем иным.

Командир дивизиона Зинченко, так же, как и в прошлый раз, торжественно объявил благодарность. Снова налил кружку водки, дал кусок колбасы. Водку я чуть пригубил – она никогда не доставляла мне удовольствия, а колбасу проглотил почти не жуя. Я, как и всегда, был голоден. Немца отвезли в штаб. Он оказался каким-то писарем, что-то знал, что-то рассказал. А через некоторое время Зинченко получил второй орден Красного Знамени. Но не пошли ему в прок эти ордена – попал под бомбежку и, как говорят, «погиб смертью храбрых».

Однажды возле нас сбили немецкий самолет. Летчик, выбросившийся на парашюте, приземлился рядом. Его фамилия оказалась, как и моя, Кауфман.

Это случайное совпадение наш слишком ретивый политрук понял по-своему и послал депешу в «Смерш», что я, мол, немец и мне нельзя доверять защиту Родины. В то время вышел указ об отзыве с фронта всех западников и советских немцев. Мною заинтересовались, начали таскать. Все мои доказательства не убеждали. Пришлось прибегнуть к решающему алиби, доказывающему мое еврейское происхождение.

В январе 1942 года была предпринята попытка силами нескольких армий, в том числе нашей 52-й в районе деревни Мясной Бор, что севернее Новгорода, осуществить прорыв и, дойдя до Любани, соединиться с другими армиями, и снять блокаду с Ленинграда. Бои были жестокими, и деревня свое название оправдала. В прорыв вошла 2-я ударная армия. Им, однако, требовалось подкрепление. Наш полк раздели поровну, одну часть оставили на месте, а другую – придали 2-й Ударной. При дележе комбат капитан Строганов ткнул в меня пальцем: «Ты останешься». Я умел готовить данные и стрелять по карте, что на нашей батарее умел лишь он и я. А та, вторая половина, ушла в прорыв. Ее судьба – это судьба Второй ударной, владовской. Ее теперь знают все.

Затем Ленинградский фронт, попытка снятия блокады с севера. Синявинские болота, Торфяные поселки. Попал под бомбежку. Засыпало землей. Контузило. И до сего времени плохо слышу на одно ухо. Блокаду не прорвали, захлебнулись активностью немецкой авиации.

Следующая попытка прорыва была зимой 1943 года. В этих боях я, как обычно, сидел на наблюдательном пункте, и корректировал огонь. Немцы засекли. Первый снаряд разорвался за моей спиной, второй – впереди. Я все понял – вилка. Очнулся в санбате. Осколком легко ранен в руку, но взрывной волной сбит с высокого дерева. Падение тормозили густые ветви. Это меня спасло. Сломаны лишь обе руки. Три мучительных месяца в госпитале в городе Боровичах, что под Питером. Обе руки в гипсе, вместе с пальцами. Какой ужас без рук! Медсестры – девочки десятиклассницы, почти мои сверстницы, не только кормили ложечкой, но и водили в туалет, купали. Я сгорал от стыда. Из госпитальных впечатлений запомнилась смена обстановки. После нескольких лет жизни на передовой, в землянке, сна, не раздеваясь, грязи, вшей, коптилки из солярки, вечного чувства голода и ежесекундного ожидания смерти. И вдруг – чистая постель, электрическое освещение, еда из тарелок, чай из стаканов и звук легких женских каблучков. Не верится. Не сон ли? Только здесь понял, как по всему этому изголодался, с каким наслаждением, с жадностью впитывал.

В госпитале узнал, что с того же дерева, с которого сбили меня, сбили и моего комбата Жору Строганова, хорошего артиллериста и хорошего парня, спасшего меня от судьбы владовской армии. Мои разведчики его любили и даже достали для него немецкий

аккордеон. До войны он был студентом театральной школы, хорошо играл на скрипке и баяне. Осколком ему вырвало бок, да еще падение с высокого дерева. Вряд ли выкрутится. Жаль! Очень!

Из госпитальной публики особо запомнилась Рахиль Шапиро, врач, дававшая мне наркоз. Красивая, с густой копной волос, цвета вороньего крыла и чуть подведенными губами. Дочь известного в довоенном Минске врача Моисея Шапиро, Рахиль была ненамного старше меня. Свободными вечерами подолгу сидела на моей кровати. Рассказывала, вспоминала, расспрашивала. Мединститут закончила перед самой войной, тогда же и вышла замуж, но муж погиб при первой же бомбежке города. Так она стала вдовой, не успев быть женой. Иногда заботливо поправляла одеяло, или поила чаем. Как-то принесла, как я пошутил, в клювике шоколадку и мы ее слопали. Я был благодарен заботливым женским рукам, приятной улыбке, и всегда ждал ее прихода.

Лежал в коридоре, в самом его конце. Шли бои за прорыв блокады Ленинграда, и все места, где можно было поставить койку, были заняты. Позже часть раненых эвакуировали в глубокий тыл, и обстановка несколько разрядилась. Рахиль перевела меня в офицерскую палату. Там было не только комфортней, но и кормили сытнее. На лучшем месте возле окна лежал не-то майор, не-то подполковник интендантской службы, тыловая крыса, прохиндей редкий. Он не пропускал ни одной юбки, потом, хвастаясь, рассказывал всей палате мельчайшие подробности (думаю, с немалой долей вранья), довольно и победно смеялся. С утра и до глубокой ночи на его койке собирались картежники. Играли круто, ставки были высокими. То ли он играл хорошо, то ли мухлевал, но, выбросив из наволочки подушку, плотно набил ее деньгами. Прося кого-нибудь из obsługi купить водки, деньги вынимал горстями, не считая.

Другой заметной фигурой был Сашка Закревский, мой близкий госпитальный товарищ. Летчик-истребитель, летавший на тупоносых И-16, или «ишаках». Ранен шальной пулей в ногу («ишаки» были обтянуты лишь промасленным брезентом и почти лишены брони). Сашка – поляк из Ржева, и я его в шутку называл «блэкитна крэв», т.е. по-польски – голубая кровь, на что он, тоже шутя, утвердительно кивал головой. Сашка был веселым парнем, балагур, и девочки от него млели. Его ранение, хотя и не серьезное, означало конец карьеры: пуля перебила нерв, и стопа не поднималась, педалями он пользоваться не мог. Сашку должны были демобилизовать, но он обманым путем достал одежду и удрал в полк. В связи с сильными боями расход летного состава был значительным и пополнялся с трудом. Сашкиному приходу обрадовались. Он ухитрился как-то пристроить стопу к педали и начал летать. После нескольких пробных полетов снова пошел в бой. В одном из них сбил два самолета, и когда кончился боекомплект, пропел-

лером срезал стабилизатор у третьего, а сам выбросился с парашютом. Стал героем. Об этом я прочел во фронтовой газете. Он мне ее прислал (она у меня сохранилась). Я его поздравил, но ответа не получил, не получил ответа еще на одно письмо и еще на одно. Сашка погиб.

Лет через пятьдесят после войны в Петрозаводскую еврейскую общину приехали представители евангелической общины немецкого города Тюбингена, оказывающие нам некоторую материальную помощь. Теперь это стало модным. Их руководитель Пауль Целлер в разговоре со мной поинтересовался, где я воевал. Оказалось, что мы оба были не только на одном участке фронта, но и под одной деревней Званкой (где было поместье поэта Гавриила Державина) только с противоположных сторон. В боях за эту деревню я был ранен, а Целлер пленен. Я лежал в госпитале в Боровичах, а он в этом же городе находился в лагере военнопленных, а встретились через полстолетия в еврейской общине! Фантастика!

После госпиталя направили в команду выздоравливающих, которую использовали на разных работах. Как-то на пару дней поехали на уборку турнепса в ближайший колхоз. Даже в хорошее время северные деревни выглядели убогими и серыми, а сейчас – покосившиеся дома-развалюхи, их некому чинить, везде запустение, удручающее малолюдье и бедность. Женщины – не молодые, не старухи, как тени незаметно появлялись и исчезали в подворотнях. Но наш приезд освежающим ветерком пробежал по деревне, она стала светлей, улыбчивей. Вечером в заброшенном клубе яблоку негде было упасть, собралось все женское население, приоделись, некоторые даже чем-то подкрасились. Принесли гармонь, нашелся и гармонист. То здесь, то там вспыхивал женский смех, пошли танцы. Все оживило. Ночью, в отведенном нам помещении, я спал один. Кто пришел далеко за полночь, кто – утром.

Очередная медкомиссия определила, что я снова годен к защите Родины и меня направили на Балтфлот. Во время блокады Ленинграда флот бездействовал, а моряков списали в морскую пехоту, бригады которой сильно редели. Когда функционирование флота стало возможным, обслуживать его было некому. Мною и такими, как я, решили заполнить эту брешь.

Из Лисьего носа пешком по льду Финского залива отправились в Кронштадт. Там, как обычно, баня и замена армейской формы на флотскую. Здесь же и «крестили» – заставили выпить бутылку водки из горла, без закуски. Жестокое действие, тем более что я вообще пить не люблю. Опьянел, дико кружилась голова, тошнило, но все понимал, лежал в кубрике и ждал конца этим мукам.

Разместили в третьей северной казарме. Кронштадт понравился. Чистый, опрятный и строгий, как корабельная палуба. Красивый морской собор, переделанный в кинотеатр имени Максима Горького, ви-

сячий мост, большой памятник адмиралу Макарову. Рукой он указывал на интендантские склады: «Пропей, матрос, все, там тебя снова оденут», – это из матросского фольклора. Спасая от бомбежек, памятник Петру I сняли с пьедестала и зашили досками. Матросы хохмили: «Петя захотел пи-пи, и его опустили на землю, а досками закрыл глаза, чтобы не видеть баб на флоте». Меня удивило обилие надписей на заборах и стенах домов: «Убей Рашпиля и ты спасешь матросов Балтики», «Смерть Рашпилю!» и тому подобное. Оказалось, что Рашпиль – это прозвище начальника гарнизонной гауптвахты Кронштадта, тупого и жестокого солдафона, прославившегося изощренными издевательствами над матросами. На него покушались, но неудачно. Однажды в Кронштадт прибыла вестовая адмирала Трибуца, командующего Балтийским флотом, – стройная девушка с копной густых красивых волос. Она шла по городу в неположенное время – в Кронштадте действовал комендантский час. Патруль ее перехватил и отвел в комендатуру, где и была гауптвахта. Здесь-то никогда не просыхающий Рашпиль и дал волю своему самодурству: «Почему длинные волосы?! По уставу военно-морского флота женщины, служащие на флоте, должны носить коротко подстриженные волосы», – и сунул ей под нос устав, отчертив грязным толстым ногтем строку, и взял в руки ножницы. Девушка объясняла, молила, просила, грозила, плакала, но Рашпиль стоял на своем: «Трибуц тоже должен подчиняться уставу». Над ней поиздевались всласть, клочки волос выстригали где вздумается. Изуродовали, измучили, обессилили. Такого адмирал вынести не мог и, показав, кто командует Балтийским флотом, списал начальника гарнизонной гауптвахты города-крепости Кронштадта, в штрафняк. Там-то матросы с ним и разобрались. Больше его никто не видел.

Я попал в дивизион траловых катеров КМ, или каэмок – катер маленький. Разминировали Маркизову лужу, т.е. Финский залив, в районе острова Лавенсаари. Работа, не дающая права на ошибку. Один катер из нашего дивизиона напоролся на мелко сидящую мину. От него остался лишь огромный столб воды и дымок, а второй, шедший с ним в связке, разорвало по швам. Одного матроса, еще живого, подобрали, но он умер от переохлаждения – по заливу шло сало-льдины.

И все же для укомплектования флота мужчин остро не хватало, и там, где это было возможно, их заменяли женщинами. Для этого в Кронштадт прибыл первый женский отряд. Случай беспрецедентный. Командовать им назначили капитан-лейтенанта Колю Краснова. Он, истосковавшийся по «нежному и слабому», обрадовался, а многие ему завидовали, считали счастливым. Но цыплят по осени считают. Сложности появились еще до их приезда. Оказалось, что для обмундирования одних тельняшек недостаточно, необходимы и бюстгалтеры, а они еще и разных размеров, и чулки, и трусики, и подвязки,

и женский трикотаж, и многое, многое другое, с чем, естественно, на флоте не сталкивались, чего в перечне флотского довольствия не значилось и в кронштадтских интендантских складах, естественно, не было. Пришлось срочно с кем-то советоваться, кого-то спрашивать, консультироваться, куда-то писать, кому-то звонить, кого-то просить. Коля наматался, намучался. Но это все цветочки... По приезде их, как и всех, отправили в баню. Помывшись и расписавшись в ведомости, приступили к получению обмундирования. Но одной части было положено флотское, а другой – зенитчицам – армейское. Вот тут-то и началось. Большинство девиц отказалось от армейской формы: «Хочу тельняшку! Почему Светке дали, а мне нет. Что она красивая? Да?!» Некоторые пустили слезу. Сидят, чуть прикрывшись полотенцем, и ревут. Галдеж поднялся неимоверный. Старшина, здоровенный мужик, один из немногих, оставшихся от погибшей 6-й бригады морской пехоты, и раздававший шмотки, растерялся. Не зная, что делать с взбунтовавшимся голым бабьем, вызвал каплей. Тот не решился войти, но старшина настоял. Каплей пытался их урезонить, уговорить, устыдить, пригрозить, но не тут-то было: «Это вы специально не дали обмундирование до бани, чтобы зенки пялить на голых баб!» и тому подобное. Еле-еле, с муками, их одели и отвели в казарму. Но дальше – лучше. Подъем, как обычно, в шесть и на зарядку. Но на зарядку выходило лишь несколько человек, остальные спокойно досматривали утренние сны.

– Почему не встаете?! – ревел каплей, но в ответ спокойное:

– Чего кричите? У меня сегодня женское.

– Как женское?! Почему женское?! У всего отряда?!

Командир учебного отряда кипел и пенился, но поделаться ничего не мог. Кто их знает, у кого действительно, а кто – симулирует. Позже появились и требования на увольнение. На ночь. Когда начались бомбежки и прочие фронтовые «прелести» некоторые решили, что лучше быть матерью-одиночкой, чем вообще не быть, и беременели. Когда это стало слишком частым, беременность приравнивали к дезертирству. Краснов несколько раз подавал рапорт о переводе в боевую часть, хоть в штрафную, хоть куда-нибудь, но подальше от «нежных и слабых». Но начальство лишь ехидно посмеивалось.

Раненые руки сильно отекали, болели, всякая физическая нагрузка давалась с муками, и медкомиссия списала меня на берег, в экипаж, в нестроевые. Назначили в бригаду электриков по восстановлению сильно потрепанного бомбежками Кронштадтского морского завода. Как-то в конце лета 1944 года меня отправили по делам в Питер. Очень этому обрадовался. Сойдя с катера, первым делом помчался в Университет. Его вид меня огорчил. Пропала прежняя парадность, торжественность. Он вызывал жалость, какой-то обшарпанный, убогий, с выбитыми стеклами, заделанными фанерой, торчащими

трубами «буржук». Но в нем уже теплилась жизнь. Весь состав университета возвратился из Саратова, куда был эвакуирован. Началось восстановление. Всем руководил энергичный Ал. Ал. Вознесенский – ректор университета. Деятельный, умный, красивый с удивительной зрительной памятью, знавший сотни студентов, знал и меня. Я к нему приходил в числе нескольких студентов – инициативной группы по организации Биологического научного студенческого общества. Позже оно из факультетского стало университетским, а еще позже – Всесоюзным. Когда в конце сороковых громили университет, Вознесенского арестовали и расстреляли. За что? Как и многих, ни за что!

Когда я пришел в университет, проректором был профессор Матвей Гуковский, известный специалист по итальянскому Возрождению. Позже, когда страну захлестнула антисемитская возня с космополитизмом, его арестовали, арестовали и его брата Григория – не менее известного пушкиниста, удивительно даровитого лектора. Послушать его приходили студенты из других факультетов. Такое было и на лекциях известного историка академика Тарле (свое уже отсидевшего), физика Гуревича и некоторых других. После смерти «светоча» Матвей возвратился, а Григорий не выдержал «беспристрастности» следствия.

Увидев меня, проректор поинтересовался, что мне в университете надо. Узнав, что я студент и нестроевой, он тут же обратился к секретарше: «Приготовьте, пожалуйста, документы на этого товарища». Оказывается, был правительственный указ о возвращении в вузы студентов-нестроевиков. Ведь война кончалась. Через несколько дней я снова держал в руках новенький студенческий билет. Радости моей не было предела! Пять долгих лет, через чудовищные муки, кровь и бесчисленные смерти я шел к этой 133 аудитории, где читали общие для всего курса лекции. Снова я мог ходить по знаменитому университетскому коридору, часами копаться в книгах, допоздна сидеть за микроскопом. Какое наслаждение, какое счастье! Но мои первые университетские дни были омрачены прозой жизни – полным безденежьем, ни копейки. Когда я уезжал из Кронштадта, товарищи меня снабдили не только парой карандашей и серой оберточной бумагой для конспектов, но и несколькими банками американской тушенки. Вот ее-то я и решил превратить в деньги: товар-деньги-товар.

Стою на рынке с банкой в надежде на покупателя, но никто не подходит. Подошел милиционер, повертел в руках, спросил откуда. Ничего не подозревая, я откровенно признался, что из Кронштадта. Попросив документы, мент поволок меня в милицейскую контору, которая была здесь же на рынке, в доме на втором этаже. В кабинете за простым письменным столом сидел молоденький младший лейтенант и что-то писал. «Вот, один из этой шайки спекулянтов. Из Кронштадта возят тушенку, а обратно – водку». Лейтенант взял банку и новенький студенческий

билет и положил в ящик стола. Отправив милиционера, он закончил писать, взял лист бумаги и вышел в другую комнату: «Подожди, я скоро вернусь, и мы разберемся». Неожиданно я остался один. Надежды на справедливость нашей милиции у меня почему-то не было и я, как когда-то в разведке, решил рискнуть. Открыв ящик стола, взял студенческий билет, забрал тушенку и нырнул в дверь. Возле дома стоял милиционер.

– Ты куда? – удивился он.

– Как, куда? Домой. Вот, начальник отпустил, – и я показал билет и тушенку.

В это время мимо проезжал трамвай, и я рванул, вскочив на подножку. Так в моей биографии появилось такое понятие, как побег.

Специализироваться начал с первого курса на кафедре беспозвоночных животных у знаменитого профессора В.А.Догеля, а со второго – и на кафедре эмбриологии у не менее знаменитого профессора П.Г. Светлова. Это были не только блестящие ученые, создатели новых научных направлений, но и замечательные личности, последние осколки дворянской интеллигенции, определившие эпоху в культурной истории России. Их порядочности, воспитанности, благородству и гражданской принципиальности теперь можно только удивляться. Мне посчастливилось не только слушать их великолепные лекции, но и общаться, наблюдать их в быту, наслаждаться красотой и грамотностью их речи, манерами поведения, деликатностью. Все это было естественным, заложенным в их генах. Общение с ними осталось ярчайшими моментами в моей, далеко не очень простой жизни.

Учился с большим удовольствием, хотя было нелегко, Стипендии, конечно, не хватало, все время приходилось подрабатывать. Работал на любых работах, которые подворачивались. И, тем не менее, университетский курс по двум кафедрам прошел за четыре года, пятый, оставив для научной работы. Всего сдал 50 экзаменов, из них одна четверка, по педагогике – не смог внятно осветить роль комсомола в воспитании патриотизма у молодежи, и тройка по немецкому языку. В те годы война в моем сознании еще не прошла, и память была ею полна, что поддерживало сильную психическую аллергию ко всему немецкому. Я не мог слышать немецкую речь, хотя и неплохо ее понимал, и не мог заставить себя сдать экзамен по немецкому языку. Деканат не знал, что со мной делать – все пятерки, а иностранный язык не сдан. Решили поставить тройку без экзамена. Это лишило меня диплома с отличием.

В ночь на 9 мая 1945 года молодой здоровый сон студенческого общежития на проспекте Добролюбова был разбужен вдруг возникшей суматохой, шумом, криком. Без стука врывались в комнаты, заполняя их радостным ошеломляющим криком: «Ура! Войне конец!» Мгновенно вся общага зашевелилась,

задвигалась, превратилась в разбуженный огромный человеческий муравейник. Все куда-то бежали, все что-то кому-то говорили, никто никого не слушал, орал, смеялись, плакали. Общежитие охватило какое-то вселенское безумие.

В тот год я жил в одной комнате с Федькой Абрамовым, студентом третьего курса искусствоведческого факультета (тогда такой был). Он, как и я, демобилизовался. Это потом Федя стал известным писателем, а тогда, вскочив с постели, натянув на голые ноги сапоги, стал прыгать и пританцовывать, дико трясая меня за плечо: «Зямка, черт побери, конец мясорубке! Мы остались живы! Живы-ы-ы!»

Не сговариваясь, все пошли в университет, но для меня случилось непредвиденное: напротив, на Неве у стенки стоял военный катер. На палубе откачивали утонувшего матроса. Солидарность к еще недавним товарищам толкнула меня через каменную ограду на палубу. Я откачивал до последнего. Кто-то догадался вызвать «скорую», и она его увезла. Думаю, без успеха. На винт намотался кем-то выброшенный трос, и, надев легководолазный костюм, матрос спустился под воду. Но что-то случилось с воздушным питанием, и он задохнулся. Какая нелепая смерть. В день окончания войны, на Неве, возле университета. Ведь он, несомненно, прошел блокаду, переступил через много смертей, чтобы умереть здесь, сегодня...

В университетский двор выкатили откуда-то взявшуюся огромную бочку вина и Папаша (так прозывали ректора) черпаком всех потчевал. Стихийно возник митинг, Лева Вольф, студент филфака, что-то запел – у него был прекрасный баритон (Позже Леву арестовали. Отсидев семь лет, он уехал в Израиль, стал крупнейшим специалистом по творчеству Томаса Манна и Фейхтвангера). Затем все пошли на кладбище, помянуть тех, кому не суждено было дожить до этого дня.

Невский был до отказа заполнен народом, движение транспорта перекрыли. Тысячи людей ликовали и плакали. Всех встречных в военной форме обнимали, качали, целовали. Я был весь в губной помаде, нацелован на всю мою последующую жизнь.

Вечером собрались у нашего сокурсника Доната Наумова. Его огромная квартира была почти пуста. Все было сожжено в блокаду – и шикарная старинная мебель, и огромная библиотека. Отец Доната еще до войны носил три ромба, это что-то вроде нынешнего генерал-полковника. Он был крупным военным инженером. Как-то, еще до войны, шел по мосту лейтенанта Шмидта (в то время такие чины еще ходили пешком, без охраны и лакеев), навстречу мчался автобус с детьми, но, потеряв управление, пробил ограду и рухнул в Неву. Не раздумывая, комкор нырнул вслед за автобусом спасать детей. Разбив окно, он начал вытаскивать ребятишек, но в этой каше запутался и утонул. Сейчас такой поступок трудно себе представить: другие времена – другие нравы. Судя по

рассказам, он был интеллигентным и неординарным человеком, даже своим двум сыновьям дал нестандартные имена: старшему – Донат, младшему – Дарвин. Даня и Дорик – так их звали жены.

На наш первый победный банкет все принесли что-нибудь съестное. Я по продуктовой карточке отоварил за неделю сахар – 300 грамм, полкило хлеба и бутылку водки.

Одним из моих университетских приятелей был Миша Гельтцер, студент отделения гебраистики восточного факультета (тогда еще на это отделение евреев принимали). Стимулом к нашему знакомству послужила моя неизменная национальная ориентация. Как-то Миша познакомил меня со своей девушкой Цилей Лившиц, студенткой филфака. Она мне приглянулась: хорошенькая, умненькая. Я был старше Миши и опытней и вскоре стал встречаться с Цилей. У нас вспыхнула большая и серьезная дружба. Миша это тяжело переживал, но ничего поделать не смог. Позже я его потерял, но нашел через 30 лет, когда он уже был профессором Хайфского университета. А нашу дружбу Циля описала в своей книге «Утерянные ключи». Лучше ее я не смогу. Но мы все же расстались. Вновь Цилю я нашел через столетия. Сейчас она Циля Сегаль, один из руководителей Самарской еврейской общины, одной из крупнейших в России.

Будучи на каникулах дома в Чернигове, пошел купаться на Десну, поваляться на горячем песке. День выдался хороший, на небе ни облачка. Тихо, сонно, и я начал дремать. Вдруг возникла паника, кто-то тонул. Рядом лежащая женщина показала рукой, и я рванул в воду. После немецких бомбежек в реке осталось много воронок, которые еще не успели затянуться. В такую воронку и попала незадачливая купальщица и, захлебнувшись, стала тонуть. Спасать было несложно: пару хороших толчков – и под ногами дно. Перепугавшись, она не могла устоять на ногах. Подхватив, я вынес ее и положил на песок, она дрожала мелкой дрожью. Разогнав зевак, сел возле. Когда все успокоилось, посмотрел на нее другими глазами. Передо мной была приятная девушка, хорошо сложена, с совсем неплохим личиком. Это был первый год ее самостоятельной работы врачом. Когда пошли домой, я ее проводил. На завтра мы встретились, на послезавтра то же и так пару лет. Когда я перешел на последний курс, она сменила свою фамилию на мою (ее девичья фамилия тоже была Лившиц). Назавтра после регистрации я уехал кончать университет, а медовый месяц отметили лишь через семь долгих и тяжелых лет.

Я уже упоминал, что одно время в общежитии жил в одной комнате с Федей Абрамовым. Федя из глухой северной деревушки, старший в многодетной семье, оставшейся без отца. Совершенно непонятно, как, каким образом деревенский мальчишка заинтересовался архитектурой немецкой готики. Но он стал студен-

том искусствоведческого факультета университета. Немецкий знал превосходно. Способен удивительно. В быту был малообщительным, замкнутым, мрачным, крайне редко смеялся, лишь слегка улыбался, по выходным на танцульки не ходил, не знаю, умел ли танцевать, не проявлял активности по отношению к девушкам. Повзрослев, он понял, что учиться на искусствоведческом, конечно, интересно, но, что потом? Будет ли немецкая готика кормить? И Федя перешел на филфак, на третий курс, доздав кучу экзаменов. Закончив, был оставлен в аспирантуре. Диссертационную тему выбрал беспроектную – что-то о творчестве Шолохова. Защитился и остался на факультете преподавать тоже беспроектный курс «Историю советской литературы». Что же, и Федя был сыном своего времени. Но в развернувшейся в то время травле евреев, космополитов, участия не принимал и на антисемитских шабашах замечен не был. Писательская судьба его была непростая: долго не замечали, отказывались публиковать. Но, пробив стену непризнания, став профессиональным писателем, оставил университет. Вторично я его встретил лет через десять, уже после того, как вновь возвратился в Ленинград, на Невском, в троллейбусе. Он меня, поначалу, не узнал. Потом мы вышли, зашли в магазин, взяв пару бутылок водки, Федя пытался заставить меня к себе (он в то время много пил), но я не мог. Был в командировке, вечером должен уезжать, а дел невпроворот. Так на Невском мы и расстались. Больше я его не видел. Он уже был смертельно болен. Недавно узнал, что на фронте Федя работал оперуполномоченным, служил «в органах».

Наш университетский курс – первый послевоенный. Он был разношерстным, как социально, так и по возрасту: дети адмиралов, генералов, академиков, крупных государственных деятелей и такие, как я, бедствовавших, живших временными заработками. Девочки, только что окончившие школу и отвоевавшие парни. Последние составляли всего 10 процентов – война... Но через некоторое время мы превратились в очень дружный коллектив и собирались даже через десятки лет. На курсе я близко сошелся с Андреем Поленовым и Донатом Наумовым. Оба потомственные ленинградские интеллигенты, добрых дворянских кровей. Дедушка Андрея известный нейрохирург. Его имя носит знаменитый в стране Институт нейрохирургии, а брат дедушки не менее известной художник Поленов.

Возвратившись из лагеря, первую свою ночь в Ленинграде я провел у Андрея. Мы до утра сидели на диване и разговаривали. Андрей был достойнейшим человеком. Уже будучи крупным ученым, членом-корреспондентом Академии наук, но люто ненавидевший советский строй, в самое мрачное время, когда полстраны сажало, а полстраны сидело и все 300 одиночных камер в «Большом доме» были заполнены и стукачами был каждый второй, он и его жена Римма были распорядителями фонда Солженицына

по Ленинграду. Они рисковали всем – карьерой, свободой, судьбой дочери, жизнью. Это был очень мужественный поступок. Я горжусь тем, что был единственным, кто об этом знал, и кому они доверили.

О Донате я уже упоминал. Позже, он, как и Андрей, стал крупным ученым, организатором больших океанологических экспедиций, посетил множество стран, в том числе и экзотических. Хорошо владея пером, предполагал их описать в серии книг, но написал лишь одну, об Индии, больше не успел: «После тяжелой и продолжительной болезни...», как и Андрей и Римма и почти все мои питерские друзья.

Только что закончилась война, ужасы Холокоста, антисемитская истерия, и на фоне этого – возникновение еврейского государства, исполнение вековой мечты еврейского народа, униженного, оскорбленного, почти уничтоженного, и снова война за его независимость, кровавая, непосильная, со всем арабским миром. Все это сплотило еврейскую молодежь. Мы эти события воспринимали очень близко к сердцу, сильно переживали. Многие из нас прошли войну и еще не забыли, как держат в руках автомат, наиболее радикальные рвались туда. Кроме того, возмущали и идиотские компании по пересмотру основ ряда наук – биологии, филологии, философии и других.

Как-то на одном из партийных собраний, посвященных положению в биологической науке, я, молодой и горячий, выступая, брякнул: «С тех пор, как Лысенко возглавил биологическую науку, та облысела!» По залу прокатился смех, но смеялись далеко не все... Я особо не стеснял себя и в других выражениях. Понятно, что в нашу компанию запустили стукача. Он себя хорошо маскировал и не вызывал подозрений. За нами началась охота. Первого взяли меня. В декабре 1948 года, когда до окончания университета осталось совсем чуть-чуть. На рассвете за мной приехали, обыскали и отвезли в «Большой дом» – здание Ленинградского управления МГБ, поместив в одну из множества одиночных камер. Жизнь сделала очередной крутой вираж. Полгода одиночки, этапы, пересылки, лагеря, непосильный труд и голод. Камера три на четыре шага, цементный пол, под потолком небольшое зарешеченное окно с закрасненными стеклами и большим жестяным козырьком. Возле стенки – металлическая шконка – кровать, которая на день поднималась и пристегивалась к стене, такие же столик и стул, тоже прикреплявшиеся к стене. И тут же унитаз и вода. Толстая дверь с глазком и небольшим отверстием для получения баланды. Электричество не выключалось всю ночь, хотя ночью спать почти не приходилось – допросы, а днем кровать, стул и стол пристегивались к стене, а пол увлажнялся. Отсутствие сна очень изнуряло. Я начал «доходить», но упорно сопротивлялся, не понимая, в чем моя вина перед народом, государством, страной, которую я защищал, каждый день идя на смерть.

Однажды, когда меня поздно ночью приволокли в кабинет следователя, я ахнул: рядом с ним, о чем-

то оживленно беседуя, сидел Еська Баренбаум, аспирант французского отделения филфака, активный участник наших тусовок, или, как значилось в следственных материалах, «преступных сборищ». Теперь активно участвовал в допросе. Он был не только примитивным стукачом, но и сотрудником еврейского отдела МГБ. Посадил не только меня, но и еще семерых наших товарищей, не пощадил и красавицу Беллу Локшину, за которой увивался. Его работа щедро оплачивалась. Он, шутя, поступил в аспирантуру, без труда получил квартиру в Ленинграде, быстро защитил кандидатскую, а за ней – докторскую (ее тема: «Ленин, как читатель»). Знал какую тему выбрать). Сейчас – профессор Института культуры, заслуженный деятель науки, упоминается в «Российской еврейкой энциклопедии», даже ездил с какими-то лекциями в Израиль, ведет безбедную и вполне счастливую жизнь, совесть его вовсе не коробит. Будучи в Питере, я его случайно встретил на Аничковом мосту. Он шел с какой-то женщиной. Меня узнал, изменился в лице, испугался. Я его трогать не стал. Лишь бросил: «Какое же ты ничтожество!» – и плюнул в лицо.

Следствие тянулось полгода, я доходил. Как-то следователь разоткровенничался: «Ты на что-то надеешься? Зря! Прав ты, или виноват – это не имеет ровным счетом никакого значения. Из «Большого дома» ни один человек еще не выходил. Отсюда лишь две дороги: на Голодай (кладбище) или в лагерь. В лагере, конечно, далеко не курорт, но свежий воздух, люди, какое-то общение. Зря упираешься». Он уговорил. Обвинив в создании в Ленинградском университете организации сионистского толка, меня осудили на предельный срок – 25 лет лагерей особо строгого режима (каторжного) и 5 лет поражения в избирательных правах. Судили там же, в «Большом доме». Судья был еврей, бравый, высокомерный, обвиняющий. Вскоре после освобождения я и его встретил возле коллегии адвокатов, что в начале Невского. Он первый меня узнал. Подбежал, стал извиваться, пресмыкаться, хватал за руки, становился на колени, просил прощения, мол, от него наша судьба не зависела, все было решено до него и без него, и что совесть его мучила и мучает. От некогда надменного, самоуверенного ничего не осталось. Передо мной стоял не первой свежести человек в старом потертом пиджаке с оттопыренными карманами, с седой щетиной на пожелтевших впалых щеках. Личность, вызывающая жалость. Видимо, на задворках его сознания еще теплелись какие-то остатки совести. Иначе, зачем бы он ко мне подошел, мог бы быть довольным, что я его не узнал. Я даже уверен, что его, еврея, заставили осудить евреев за еврейские дела. Такое практиковалось, как и подписи евреев под антисемитскими воззваниями. Все это звенья одной большой цепи подлости – государственного антисемитизма, ничем не брезговавшего.

Арестовали и аспирантку экономфака Соню Прупис – члена профкома, личность известную в универ-

ситете, недавно вышедшую замуж за Николая Фирсова – лидера комсомола университета. Когда Сою арестовали, она была беременна и родила в тюрьме. Ее положение даже в страшном сне не присниться. Тотчас после ареста Колька с ней развелся и порвал всякие отношения. Отсидев срок, она возвратилась в Ленинград. Николай уже работал крупным деятелем в Смольном. Когда Соня хотела ему показать дочь, он их даже на порог не пустил, приказав не выдавать пропуск. Сейчас Соня профессор, видный экономист.

Не все были мразью, как Еська Баренбаум или Колька Фирсов. Другой Колька, но Волынкин, тоже заметная фигура в университете, не испугался грозного МГБ и выступил в защиту Беллы Локшиной. Тая, девушка Бена Пременгера, осужденного вместе со мной, закончив университет, уехала на Магадан, где он отбывал срок, и сопровождала Бена по всем лагерям, работая в лагерных поселках. Когда его освободили, они уехали с двумя детьми. На такой подвиг вряд ли были способны даже жены декабристов.

Могущественных чекистов не испугались и мои учителя профессора Павел Григорьевич Светлов и Лев Николаевич Жинкин, выступив с заявлением в мою защиту и отослав его в МГБ. Недавно вышла книга генетика Валерия Сойфера «Власть и наука: разгром коммунистами генетики в СССР» о событиях в биологии тех дней. В ней приводится донос профессора Б.П. Токина на Светлова. Бориса Токина добрейший Павел Григорьевич вытащил из провинции и пристроил у себя на кафедре, где тот читал совершенно малоизвестный курс. В доносе указывается, что Светлов у себя на кафедре пригласил евреев. А евреями был я и полукровка докторант Дмитрий Штейнберг. Когда я возвратился и восстановился на кафедре, ею заведовал уже Токин, выживший Светлова, хотя и не имел собственных эмбриологических исследований. К этому времени он стал не только лауреатом, но и Героем Соцтруда. Ко мне отнесся подчеркнуто любезно, и на защите моей диссертации при голосовании даже подошел и показал свой бюллетень, чтобы не вызвать во мне недоверия. Вероятно, подозревал, что мне кое-что известно.

Учиться в послевоенное время было совсем просто: карточная система, мизерная стипендия, жизнь в общепитии и пр. В основном, учиться могли дети обеспеченных родителей. Мне было трудно. Все время приходилось искать какую-нибудь работу, любую. Но и это мало спасало, всегда мучило неустойчивое чувство голода. Как инвалид войны я получал от месткома помощь – УДП, или «усиленно дополнительный паек», как мы шутили: «Умрешь днем позже». УДП состоял из дополнительной тарелки какого-то варева из лебеды и крапивы, или из пары шротов – небольших шариков из жмыха. Как-то, обедая вместе с Цилей, и зная, что она также голодна, как и я, предложил ей эту тарелку. Она упорно отказывалась, и я съел. После этого Циля сказала: «Я думала, что ты еще раз предложишь, и приготовилась

согласиться, очень хотела есть, но ты больше не предложил». Когда ходил разгружать вагоны с овощами, фруктами или другими продуктами, надевал две пары брюк, прочно завязывал у щиколотки, и перед концом работы пространство между ними заполнял тем, что разгружал – свеклой, огурцами, турнепсом, картофелем или яблоками, и иногда приходил к Циле на Малую Охту. В комнате, где она жила, поднималась веселая возня. Доставали огромную кастрюлю, варили и пировали, на время утолив чувство голода. Комната всегда радовалась, увидев меня в брюках, завязанных у щиколоток.

На нашем курсе училась студентка, отец которой был очень крупным начальником. Настолько крупным, что она однажды даже отдыхала вместе со Светланой Аллилуевой, дочерью Сталина. Но в студенческой среде была своя. Иногда приносила шоколад и на лекциях меня подкармливала, хотя я мечтал о черном хлебе. Мы были в хороших приятельских отношениях. Как-то весенним поздним вечером я ее провожал. Возле дома была огромная лужа с плавающими льдинками. «Перенеси», – пошутила она. Я ее подхватил, но через несколько шагов, поскользнувшись, сел на все четыре точки с ней на руках. Ледяная вода мгновенно обожгла тело. Какая неприятность! А она, охватив мою шею, раскатисто смеялась: «Мне хорошо, а тебе?» Рассказывали, что после моего ареста у нее с отцом произошел крайне серьезный разговор. Она просила, умоляла, требовала его вмешательства в мою судьбу, содействия в моем освобождении: «Ты все можешь!» Были слезы, истерика. После этого она даже некоторое время не посещала университет. Несколько лет тому назад, уже будучи бабушкой, сев за руль, на полтора часа пригнала машину из Питера, чтобы повидаться.

На первом курсе ассистентом кафедры, руководимой профессором В.А. Догелем, была Татьяна Александровна, или Танечка – милостивая интеллигентная девушка. Ее отец – известный физиолог А.Г. Гинецинский, по учебнику которого училось не одно поколение врачей и биологов. Таня после окончания учебного года должна была поехать в экспедицию в район дельты Волги. Ей необходим был помощник, и она обратилась ко мне. Это было мое первое послевоенное лето, и я еще не видел родителей. Тогда она это предложила Донату, а осенью, когда они возвратились, я был приглашен на их свадебный вечер. С ними я был дружен до самой кончины Доната и до болезни Тани. У них отметили и мою защиту докторской. Они мне преподнесли именную портфель, в котором лежал килограмм докторской колбасы (как доктору) и бутылка виски «Белая лошадь», на этикетке которой было по-еврейски приписано: «Черная жизнь белой лошади» – это обо мне.

На этой же кафедре возникла еще одна пара – Рахиль и Соломон Шульман. С легкой руки Догеля и в целях сокращения имени Соломона переделали в

Сома и семью их звали Сомами. Особенно я с ними сошелся «из дальних странствий возвратясь». Они жили в большой комнате в коммунальной квартире. Их достопримечательностью был телевизор – тогда еще большая редкость, но доставлявший немалые неприятности. Каждый вечер, когда семья собиралась, ужинала, или занималась насущными семейными делами, жильцы всей квартиры со своими стульями и детишками рассаживались вокруг телевизора. Они не только смотрели, но и оживленно обсуждали передачи, громко смеялись и спорили, сонные детишки капризничали. Сомам было ни поесть, ни отдохнуть. Кончился весь этот кошмар лишь с переездом на другую квартиру.

Сом был, конечно, оригинал. В нем сочеталась масса всяких удивительных качеств.

Во-первых, он был большая умница, эрудит, очень сильный специалист в своей области, крупный ученый.

Будучи натурой свободолюбивой, Сом не терпел начальства. В то время мы вместе работали в Зоологическом институте Академии наук СССР. Его директор Е.Н. Павловский был не только академиком, но и депутатом Верховного Совета СССР и генералом и в институт ходил в брюках с красными лампасами, с целым иконостасом орденов, медалей, значков. Совершенно понятно, что такая персона не могла пользоваться общим туалетом, у него был персональный. Где-то, в чем-то генерал Сому перешел дорогу, и ответ последовал мгновенно. Изъяв из ящичка всю туалетную бумагу, он заменил ее наждачной.

Это была удивительно добрая семья, помогающая всем нуждающимся, чем могла. Голодных – кормили, бездомным – давали кров. Особенно много времени и внимания уделяли научной молодежи. Сомы днями и ночами просиживали со студентами, аспирантами, докторантами, помогали, обучали, беззаветно жертвуя своим покоем, временем, удобством, деньгами. У них всегда были запасные постели, раскладушки, обед готовили в двойном количестве. Понятно, что при таком образе жизни зарплаты научных сотрудников не хватало. Они жили очень скромно, но бесконечные гости об этом даже и не догадывались. Многие кандидаты и доктора своими успехами обязаны этой удивительно семье. Несмотря на значительное количество кандидатов и докторов – более сорока, испеченных Сомом, он так и не имел звания профессора, хотя многие его ученики стали не только профессорами, но заняли различные престижные должности и получили всякие почетные звания, давнo забыв, кому они этим обязаны.

Мы воевали близко друг от друга. Я был в районе Синявинских болот, он – под Невской Дубровкой, на знаменитом «Невском пятачке». Оттуда мало кто ушел живым и невредимым. Сом сильно ранило в голову и в таз. Он всю жизнь мучался головными болями, а по случаю ранения в ягодицу горько шутил:

«Я на алтарь отечества принес половину своего зада». На его похоронах было несколько сот человек, многие приехали и из других городов.

Все из нашей компании стали крупными специалистами в своих областях, имеющими свой собственный почерк в науке и, конечно, не оставались без внимания наших иностранных коллег. Всех нас неоднократно приглашали в разные страны, читать лекции или выступить с докладами. Но этим могли воспользоваться лишь Андрей и Донат, а Сомы, Таня и я, как евреи, были невыездными. Меня не только не пустили прочесть цикл лекций в университете Дели (все за их счет), но даже не разрешили поездку с тургруппой в Грецию, хотя в группе, как известно, были кагебешники.

После освобождения я приехал в Чернигов, к жене и родителям. Но, вскоре, поехал в Ленинград, кончать университет. Деньги на проезд прислал Донат. Закончив, возвратился к жене. Год был безработным. Не брали. Я, жена, теща, тетя и золовка – школьница жили на мизерную зарплату участкового врача. Хотел на все плюнуть и уйти на лесоповал, эту работу я еще не забыл, но из Ленинграда прислали известие о наборе в аспирантуру Зоологического института. Подал заявление, выдержал конкурс – три человека на место, и был зачислен. Но об аспирантской жизни особый рассказ. Защиту отмечали у Андрея, потом снова Чернигов и снова безработица. И снова год! Написал 70 заявлений в учреждения, где мог бы работать. Получил 70 отказов! Не брали! Даже учителем не брали. Не устраивали анкетные данные. Совсем отчаялся! Но в это время Сом нашел для меня работу – Белое море, биостанция. Конечно, в то время это была не конфетка: далеко в глуши, 50 километров морем от железной дороги, без электричества, зимой холод, полярная ночь, но выбора не было, и я поехал. Приехав в Петрозаводск, остановился у Саши Сегаля, университетского товарища. Он работал в тамошнем Институте биологии и жил в огромной квартире дома, построенного специально для научных работников. Комнаты почему-то с большими колоннами. Их неплохо использовал Сашин дог, поднимая заднюю ногу. Весной я уехал на Белое море. Одет был легко. Мне сказали, что теплую одежду получу там, но «там» этому удивились. В результате сильно простыл, серьезно заболел. Отголоски мучают и сейчас.

Саша изучал оленей. Но из-за вопиющей некомпетентности и безграмотности обкомовских деятелей олени в Карелии исчезли, хотя могли принести большую пользу. Наивный Саша все это изложил в статье, где виновников указал поименно, и отправил в «Правду». Как это ни странно, но статью опубликовали. Обком отделался легким испугом, но Саше этого не простили. Он тотчас лишился работы, и ему отказали в защите докторской диссертации. Пришлось уехать в Магадан, но и там обкомовские чинуши его достали. Пришлось снова искать работу, забираясь все дальше в глушь. Устроился в Туве. Сейчас в Изра-

иле. Диссертацию защитить так и не дали.

На море было совсем не просто, но все же я там смог сделать докторскую.

Попав в аспирантуру Зоологического института, я оказался не только среди специалистов высокой квалификации, но, за небольшим исключением, и среди добрых и интеллигентных людей, многих из которых давно и хорошо знал. Мне даже не пришлось вживаться в коллектив, и моя работа продвигалась успешно и быстро даже в отсутствие научного руководителя академика А.В. Иванова, который был в экспедиции на Новой Гвинее и приехал лишь к моей защите.

Но кроме института еще было и управление Академии наук, играющее немаловажную роль в судьбе аспиранта. В нем, кроме разных чиновничьих служб, были и две кафедры, которые обязаны посещать аспиранты, а затем и сдавать кандидатские минимумы. Это – кафедры инъяза и философии. Заведующий последней был некий Харчев – типичный «сторожевой пес сталинизма», верный исполнитель заказов «Большого дома». Во всяком случае, обо мне он знал все. То ли по указанию, то ли по собственной инициативе, но было решено меня на экзамене «завалить», не дав защититься. Я об этом догадывался, зубрил, но «бодался теленок с дубом», что я мог предпринять? С тяжелым сердцем пошел на экзамен. Вопросы были не очень трудные. Во время подготовки ответов ко мне подошел ассистент Харчева и тихо прошептал: «Вас завалят». Готовься, не готовься, знай, не знай – все равно, я – обречен. Как на флоте говорят: «Бук». Это было в июле. В городе жарко и душно. Харчев сидел, расстегнув ворот рубахи, и носовым платком вытирал пот с лица и шеи. Потом попросил ассистента побыть вместо него и вышел попить холодного пива. Только он закрыл дверь, я пошел отвечать. Сдал и, получив отметку, направился к выходу, но в дверях столкнулся с возвращающимся Харчевым. Он очень удивился и попросил у меня экзаменационный лист, где стояла отметка, но я, конечно, не дал. Знал, с кем имею дело. Так важный барьер был взят. Но на этом мои «доброжелатели» не успокоились.

Заместителем директора института по науке был Дмитрий Максимилианович Штейнберг. В высшей степени порядочный и интеллигентный человек. Внук композитора Римского-Корсакова и сын композитора и ректора Ленинградской консерватории. (Как известно, Римский-Корсаков не питал большой любви к еврейскому племени и был наказан: его дочь вышла замуж за еврея.) Он получил прекрасное воспитание, великолепно играл на рояле, владел европейскими языками. Я с ним был давно и хорошо знаком, и он всячески способствовал моей работе, но инфаркт не щадит и хороших людей, а может, их-то и выбирает. Новым заместителем директора стал некий Борхсениус. Личность серая, заурадная, случайно, на гребне волны выдвинувшаяся из обычных агрономов. Ровно через неделю своей деятельности он вызвал меня

к себе. Это испортило настроение: «в предчувствие я верю иногда». Он начал «за здравие», хвалил, но вскоре перешел «за упокой». Был цинично откровенен: я – еврей, и он, при всем уважении ко мне, не может допустить в институте перекося, который сознательно создал Штейнберг, будучи сам евреем (Дмитрий Максимилианович был полукровкой, а евреи в институте составляли всего около 2%). Но, поскольку он меня уважает, то дает 10 дней на поиск работы, после чего издает приказ об отчислении. Я был в отчаянии! Что делать? Все рухнуло. Знакомые сочувственно охали и ахали, но помочь ничем не могли. В то время я был членом месткома, возглавлял культурно-массовый сектор, устраивал вечера отдыха, концерты, крутил фильмы.

Я сидел на последнем для меня заседании месткома. Конечно, не слушал, о чем шла речь. Мне было не до этого. Мысли – одна мрачней другой. Время стремительно приближалось к роковой черте, и я ни чем не мог спасти свое положение. Вдруг врывается оживленный Орик Скарлата (мой бывший однокурсник и парторг института, будущий академик и его директор) и хлопает меня свернутой газетой: «Ты – на коне! – Я ничего не понял. – Надо газеты читать!» Оказалось, что опубликован правительственный указ об усилении роли профсоюзов, где сказано, что член местного комитета не может быть уволен без решения на то месткома. Свое решение местком вынес тут же. И я снова начал организовывать вечера отдыха. После этого Борхсениус при встрече здоровался и был очень любезен, как ничего и не было, но свое решение не забыл. Мне предстояла сдача кандидатского минимума, по немецкому языку, а преподавала его жена. Несмотря на то, что язык я знал вполне прилично, читал почти без словаря и легко общался, она, задав мне какой-то специфический грамматический вопрос, и не получив исчерпывающего ответа, не допустила к экзамену, чем лишила меня защиты. Снова извечный вопрос: что делать? И я решил на авантюру. Взяв в институте направление на экзамен, пристроился к чужой группе и сдал. После этого моя преподавательница перестала со мной здороваться. Ну, это я, с трудом, но пережил.

Я жил в аспирантском общежитии Академии наук, что на Петрозаводской улице, и был членом комиссии, занимающейся разными насущными общежитийскими делами. Решая всякие бытовые вопросы, приходилось общаться с начальником отдела кадров Ленинградского отделения Академии наук Хмелевской. Она по служебным делам часто приезжала в общагу и, будучи еще совсем нестарой, посещала и наши вечера отдыха. Я с ней неоднократно танцевал, да и она нередко приглашала меня на «белый танец». В общем, наши отношения были вполне нормальными. Однажды я задержался и в институт отправился лишь часов в 11. Выйдя, встретил Хмелевскую, она садилась в машину. Увидев меня, дружелюбно усмехнулась и предложила подвезти. Всю дорогу щебетала

и приятно улыбалась. Приехав, я поблагодарил, и пошел к себе в лабораторию. Но Хмелевская не уехала, а пошла в дирекцию, к секретарю: «Когда Кауфман пришел сегодня в институт?» Секретарь, ничего не подозревая, ответила: «Как и всегда в девять». «Как в девять?! Я только что его привезла, а сейчас уже двенадцать. Прошу вынести ему выговор в приказе, за нарушение трудовой дисциплины». Добрейшая секретарша, конечно, приказа не оформила. Где-то к концу работы над диссертацией Хмелевская снова вспомнила обо мне, настаивая на моем отъезде в Пермь, где требовался преподаватель. В принципе, я был согласен, но только после защиты. Она вылила на меня ушат стандартных обвинений в моей неосознанности, в неоправданности потраченных государством на мою учебу средств и тому подобное, но это ей мало помогло – я не поехал. Но после защиты, несмотря на еще оставшийся более чем полугодовой аспирантский срок, с помощью милиции все же выселила из общежития.

За свое более чем семилетнее гулаговское сидение каких только типов не пришлось встретить – от крупных государственных деятелей, министров, генералов, писателей, ученых, шпионов-разведчиков и до самого человеческого дна – воров, бандитов, убийц, аферистов, наркоманов, проституток. С ними пришлось вместе жить и работать, хавать одну баланду, дышать одним воздухом. Некоторые из них по-своему любопытны, и кое о ком интересно вспомнить.

Все отправляющиеся из «Большого дома» на этап, должны встретиться с начальником тюрьмы и расписаться об отсутствии или наличии к нему претензий. Такова формальность.

Начальник, немолодой очень тучный полковник, сидел за большим старинным письменным столом и перелистывал мое дело:

- Сынок, хороший ты малый, – я непонимающе на него взглянул:
- Почему же меня арестовали?
- Эх, молодой, несмышленный. Ты не враг и вины за тобой никакой. Все просто: пленных немцев отпустили, кто будет страну восстанавливать? Вот ты и будешь. Дешево и сердито.
- Но это же рабовладительство!
- А, как хочешь, так и называй.

Я оторопел: – Как вы не боитесь так со мной разговаривать, ведь я же могу и заложить.

– Никому ты ничего не донесешь. Ты наш. На веки. Понял? Раб на всю жизнь!

Несмотря на цинизм, у полковника где-то далеко было запрятано что-то человеческое. Перед уходом он меня напутствовал: «Ты, сынок, в лагере будь тише воды и ниже травы и не давайся на вербовку куму, оперуполномоченному – дольше протянешь». Я был потрясен этой откровенностью в стенах «Большого дома».

Там же в «Большом доме», но в общей камере, где собирался этап, познакомился с неким Дмитрием Быстролетовым, бывшим сотрудником нашей внешней разведки, попросту – шпионом. Он работал в Экваториальной Африке и в Центральной Европе. Человек удивительный. По профессии врач, прекрасный художник, полиглот. Слушать его – одно удовольствие: прекрасная литературная речь, красивые округлые фразы, удивительная эрудиция. Еще в 20-30-х годах, выдав себя за купца, прошел всю Центральную Африку, снимая по заданию Центра топографические карты. Appetit у Центра был нешуточный. Позже, после освобождения, жизнь негритянских племен того времени он описал в интересной книге «Старая Африка». В Европе участвовал в убийстве Седова – сына Троцкого и в других неблагоприятных делах. Много рассказывал о буднях шпионской работы, о ее «морали», о подлогах, обманах, воровстве, убийствах, провокациях, вербовках – в общем, обо всем, что составляет шпионское ремесло. Все это изложено в другой его книге, посмертно изданной в серии «Роман-газета». К тому времени, когда мы встретились, Быстролетов уже отсидел 10 лет, и ему «намотали» новый срок. Его жена – венгерская коммунистка и тоже шпионка умерла в застенках МГБ.

В Тайшетлаге со мной в одном бараке сидел Тодорский, генерал-лейтенант, бывший командующий военно-воздушными силами, личный друг Ленина, автор известной в свое время книги «С пером и винтовкой», сидевший с 1937 г. Будучи уже старым и большим, в лесу не работал, но выполнял функции уборщика: убирал барак, топил печи, уносил в сушилку валенки, вечером заносил и утром выносил парашу – бочку с нечистотами. Несмотря на все превратности судьбы, остался несгибаемым коммунистом. Все, что с ним произошло, считал кознями врагов СССР. Его жена Черняк, впрочем, как и Розанель, жена Луначарского – черниговские еврейки и моя мать их знала. После смерти «светоча всего человечества» Тодорского реабилитировали, но он, проявив принципиальность, из лагеря не выходил, пока ему не сшили и не доставили генеральскую форму. Все лагерное начальство выстроилось, и начальник лагеря старший лейтенант Слипченко отдал честь генерал-лейтенанту и подал машину. До Москвы его сопровождал начальник режима, в свое время немало поиздевавшийся над генералом.

Убежденным коммунистом остался и литератор Александр Исбах, писавший в основном о буднях армии, сотрудничавший в главной армейской газете «Красная звезда» и в других центральных изданиях. Писатель средней руки, типичный ширпотреб того времени. И вовсе он не был ни Александром, ни Исбахом. Это его псевдоним. В действительности он – Исаак Абрамович Бахрах. Несмотря на то, что он старался от еврейства держаться на приличном расстоянии, его все же обвинили в еврейском национализме и посадили. Ай-ай, какая несправедливость!

Когда нас выводили на работу и передавали конвою, его начальник, старший сержант Мажора, пересчитывая, каждого лупил по спине палкой: «Это – молодому жиду», – т.е. мне, «а это – старому жиду», – т.е. Исбаху. Исбах был вне себя от возмущения: «Как так! Он окончил советскую школу, учил историю партии, армия его воспитывала, проходил политзанятия и на тебе: «Жид! Куда их политрук смотрит?!» «Туда и смотрит», – ответил я.

Всю длинную восьмикилометровую дорогу в лес Исбах скрашивал разными рассказами, которых знал множество. Рассказывал о знаменитом в писательских кругах Моисее Маргулисе, парикмахере Дома писателей, известного своими хохмами и панибратством со многими видными литераторами. Когда к нему прибегал какой-нибудь начинающий, но уже зараженный величием писателишка и восклицал: «Дорогой, побрей, у меня такая борода, работать не могу», Маргулис спокойно замечал: «У Льва Толстого была вот такая борода, но он все же как-то написал «Войну и мир». Маргулис воевал: «Как Вы думаете, что на войне самое важное? Пушки – нет, танки – нет, самолеты – нет. На войне самое важное – выжить». На калитке дачи писателя Кочетова, воинственно-го сталиниста, – рассказывал Исбах – была прибитая табличка: «Во дворе злая собака», а кто-то приписал: «и беспринципная». Больше всего Исбах возмущался молчанием Константина Симонова и Александра Фадеева, с которыми дружил семьями. Несмотря на многочисленные к ним просьбы (а Фадеев был не только секретарем Союза писателей, но и членом ЦК), они и пальцем не пошевелили в деле его освобождения. Сейчас их молчание понятно. Освобождение застало Исбаха рабочим на кирпичном заводе, но он отказался уезжать, пока его производственная норма не будет перевыполнена. Он должен уехать только передовиком социалистического труда. Думается, что Исбах легонько «постукивал». Во всяком случае, расправы над стукачами переживал крайне тяжело. После освобождения он был у меня в гостях. Мы сидели и, потягивая вино, вспоминали. Вспомнили и начальника лагеря старшего лейтенанта Слипенко, который требовал, чтобы его называли капитаном. Как он забрал из лагерной кухни свежее мясо, заменив своим испорченным с крупными белыми червями и тяжелым запахом. А лепило, начальница больнички лейтенант Мордашко дала марганцовку, чтобы его промыть. Китайцы, работавшие в бане, рассказывали, что она не только заставляла стирать ее белье, но и требовала, чтобы они натирали ей спину, когда она мылась в бане. Заключение за людей не принимала и не считала нужным их стесняться. По поводу мяса я тогда заметил, что бунт на «Потемкине» начался именно из-за гнилого мяса. Это тотчас дошло до кума, молодого лейтенанта Борисова, с явно семитскими чертами лица. Разговор был кратким: «Что случись, им – ничего, тебя – расстреляют. Иди

и болтай поменьше». Исбах подарил мне небольшой сборник его рассказов. Вскоре он умер.

Интересным был и сидевший уже второй срок, т.е. второе десятилетие, буддийский монах монгол Дондерон. Он имел два высших образования – окончил физфак и восточный факультет Ленинградского университета, прекрасно знал тибетский язык, не только современный, но и древний. Дондерон мечтал: если мы когда-нибудь освободимся, то обязательно встретимся. Он знает, где имеются древнейшие тибетские рукописи с описаниями животных, растений и строения человеческого тела. Он их переведет на русский, и мы напишем книгу. Но нас развели по разным лагерям. Позже в Ленинграде Бадмаев (внук личного врача семьи Николая II, расстрелянного вместе с царской семьей) рассказал, что Дондерону намотали третий срок, и он умер в лагере.

Издательства, побои расстрелы, были обычным средством устрашения и запугивания, превращения человека в безропотного животного, раба. Когда ко мне на свидание приезжала жена, убили двух заключенных, так, ни за что, и трупы положили по обе стороны лагерных ворот, чтобы остальные, возвращаясь из леса, прошли мимо и видели. Стрелявший солдат получал две недели отпуска.

Но с особенной жестокостью лагерное начальство относилось к сектантам-субботникам: «Как, русский и перешел в жидовскую веру!» Что только с ними не делали по субботам, когда они отказывались идти на работу. Изощренности могла позавидовать инквизиция. Их били, травили собаками, привязав за ноги, волокли по лагерю, крестили, опуская в декабре в противопожарный котлован с водой, заставляли мокрыми сидеть на холоде, но ничего не помогало. В следующую субботу все повторялось вновь, они снова на работу не выходили.

В Омлаге, на стройке огромного Омского нефтеперерабатывающего завода, на какое-то время удалось устроиться лаборантом в лагерную больницу. Здесь я познакомился с Львом Гумилевым, тянувшим уже третий срок. Он был, несомненно, незаурядной личностью: грамотный, эрудированный, мыслящий, хотя и далеко не простой в общении. Несмотря на нескрываемую юдофобию, проводил со мной многие вечера, прекрасно зная, кто я. Конечно, со мной ему было интересней, чем с полициями или блатняками. Все-таки мы оба питомцы Ленинградского университета, интеллигенты. Кроме того, я, работая в больнице, всегда мог дать ему липовую справку, по которой освобождали от работы, и такие справки я давал и довольно часто, что тоже немаловажно в той жизни. Лева на мне апробировал отдельные элементы нарождающейся теории пассионарности. Мне казалось, что в нем всегда боролись два таланта: ученого и беллетриста, и часто в его научных рассуждениях сказывался именно писатель. С фактическим материалом он обращался довольно свободно, подменяя его

собственными представлениями. Меня, конечно, интересовали и его знаменитые родители, но при одном лишь упоминании о них, он мрачнел и наглухо замыкался. В чем дело, я так и не понял. После освобождения к своей матери Анне Ахматовой Лева не поехал. Жил в семье писателя Ардова.

На одной из пересылок встретил Теодора Шумовского, арабиста и однодельца Левы. Он тоже тянул третий срок. Личность мрачная, нелюдимая. Узнав, что я – еврей, вообще отвернулся. После освобождения он все же успел, хотя и с большими муками, защитить докторскую диссертацию и написать интересные «Записки арабиста».

К сожалению, в больнице долго продержаться не пришлось – меня перевели в другой лагерь, там же в Омске, но облегченного режима. Работали на земляных работах. Рядом трудились и «девочки» из женского лагеря, что вносило оживление в обе группы. Многие успели перезнакомиться и писали друг другу ксивы – письма. Так как грамотеи они были не шибкие, то эту эпистолярную работу поручали мне. Мои письма «дамам», как они выражались, «доставали до живого», и «кавалеры», довольные моим творчеством, часто освобождали меня от лопаты и тачки. Ко мне даже была очередь, и я часами сочинял письма, «достающие до живого».

Конвой и здесь состоял из солдат срочной службы. Молодые ребята, все время соприкасающиеся с блатным миром, невольно перенимали все его особенности. Их лексика во многом состояла из фени – блатного арго, они подражали блатным замашкам, приносили в лагерь водку, наркотики, передавали «дамам» ксивы, устраивали свидания. «Дамы» не оставались в долгу. Иногда доходило до крайностей: конвоир брал какого-нибудь щипача, вора-карманника, шел с ним на рынок, где тот «работал», потом на эти деньги покупали водку и устраивали общую попойку. После такого веселья мертвецки пьяных конвоиров под руки волокли в лагерь, а мне иногда приходилось тащить их автоматы. Если бы кто-нибудь такое рассказал – не поверил бы, но я сам их тащил.

Однако здесь долго не задержался, отправили на Северный Урал, снова в спецлагерь, снова на лесоповал. Туда ко мне приезжала на свидание жена, совершив этим беспримерный подвиг. Официально она мне женой не была. После моего ареста ее вызвали в Управление МГБ и предложили, как говорят, добровольно-принудительно со мной развестись. В противном случае ее ждет не только безработица, но и ссылка. Перепуганная, она расторгла наш брак, но упорно продолжала поддерживать со мной все возможные контакты, присылала дозволенные два письма в год, посылки, приезжала на свидание на далекий и дикий Северный Урал, добираясь не только поездом, но узкоколейкой, перевозившей лес, и машинами-лесовозами. Рисковала не только собственным благополучием, но и тем, что свидания могли и

не разрешить – ведь мы были в разводе, но лагерное начальство этого не заметило. К Исбаху в Тайшетлаг тоже приезжала жена, но видел он ее всего несколько минут, да и то через глазок в дверях вахты. Издевательство над людьми тюремщикам доставляло удовольствие.

Когда жена была у меня, в лесу вспыхнул пожар. Зрелище красивое, но страшное. Беснующаяся всепожирающая стена огня. Огромные языки пламени метались от одного дерева к другому, жадно слизывая листья и хвою. Горячий воздух обжигающим упругим крылом бил по лицу. Раздуваемый ветром, огонь быстро приближался к нашим баракам. Построенные из сухих досок, они могли вспыхнуть каждую минуту. Если лагерь загорится, чтобы заключенные не разбежались, их, как и всегда в таких случаях, расстреливали. Всех. Но я был бесконвойным, и если бы такое случилось, взял бы жену на спину и переплыл на остров, что на недалеко расположенном озере, однако изменившийся ветер спас положение.

В этом людском потоке, во все стороны пронизывающем «Архипелаг Гулаг», встречались удивительные судьбы. Так, один майор, имевший орден Боевого Красного Знамени, попал в плен. Чтобы в нем не распознали еврея, вступил во власовскую армию, где маскироваться легче. Там получил Железный крест. Перебежал к американцам и там получил орден. После войны чекисты его все же выудили, но и здесь он просидел недолго и вышел по амнистии. Всем угодил и всех обошел.

Яша Уманский по той же причине попал во власовскую, но в диверсионно-разведовательную школу. После того, как немцы его перебросили через линию фронта, о чем он мечтал, сразу пришел к командованию и во всем признался. Срок получил детский – всего 10 лет.

Яшка Клецкин, малолетка, самый молодой в лагере, почти мальчишка. Когда в его родной Луцк пришли немцы, всю семью расстреляли. Яшка где-то спрятался. Его нашел сосед, и сам решил свершить «правое» дело. Но смотреть в глаза соседскому мальчишке все же не смог и стрелял в затылок. Рука, еще не привычная к такой работе, дрогнула, пуля, пробив щеку, вышла через рот. Придя в себя, Яшка побрел в лес, по дороге зашел в какую-то деревенскую хату. Здесь ему заменили окровавленную одежду, дали кусок хлеба и выдворили. Рана нарвала. Куском стекла прорезав нарыв, выпустил гной. Стало легче. Днем прятался в лесу под корягой, а ночью воровал по садам и огородам. К осени пристал к какому-то партизанскому отряду. Узнав в нем еврея, прогнали. Натолкнулся на еврейский отряд и там был, пока тот не влился в армейскую часть. Здесь им заинтересовались чекисты. Как и каким образом еврей, будучи в оккупации, остался жив? Заподозрили в сотрудничестве с немцами, но так как доказательств не было, а оправдывать они не умеют, то Яшке дали всего 5 лет

– срок редкий в то время. Однажды его за что-то посадили в карцер, почти не давали еды. Вечером, придя с работы, я взял свою пайку хлеба и, проникнув в карцер, палочкой стал проталкивать крошки сквозь щель в дверях. Но меня накрыли и раздетого втокнули к Яшке. Карцер, конечно, не отапливался, а был еще март. Эту ночь я помню.

Своеобразные типы встречались и в блатной среде. Так, Сашка Колоднер. Мастер спорта, член сборной СССР по прыжкам на лыжах и один из немногих конструкторов трамплинов. Вполне интеллигентная личность, из благополучной семьи. Не пил, не курил, не матерился, писал неплохие стихи, хорошо рисовал. Отец – крупный деятель внешней разведки, сестра – переводчица. На соревнованиях в Норвегии Сашка неудачно прыгнул. Разбился. Больше прыгать не смог. Ушла слава, деньги, друзья, женщины. Другой профессии не было. Как-то, познакомившись с одним инженером, сконструировали портативный аппарат для вскрытия сейфов. Работали аккуратно. Снова появилась безбедная жизнь. Но, как говорят, жадность фраера сгубила – их занесло. Выдалась редкая возможность ограбить жену крупного иностранного дипломата, и они ею воспользовались. Она осталась в чем была. Произошел международный скандал. Вмешалось МГБ. Их вычислили. В лагере Сашка, хотя с блатными близко и не якшался, но пользовался авторитетом. Как-то один полицаи ему намекнул на его не совсем русский нос. Сашка не стал спорить, но кое-кому из своего «профсоюза» шепнул. Вечером несколько мальчиков так внушили полицаю принципы интернационализма, что тот несколько дней не мог подняться с нар. Я запомнил любимую Сашкину песенку: «Мы разных Гейзенбергов не читаем, мы этих чуваков не понимаем. Раз читаем, два читаем – ничего не понимаем, ничего в дугу не понимаем...» У меня сохранилось Сашкино фото и его несколько совсем неплохих стихов.

Другая нетрафаретная личность – Семен Крутоног (и по сей день не знаю, это фамилия или кликуха, блатное прозвище). Профессиональный вор, вор в законе. Рот полон фикс – золотых зубов, на работу, конечно, не ходил, не пил, не курил, не матерился, хороший компанейский мужик, но лагерное блаточье даже его тени боялось, всячески стараясь шестерить, угождать. Война Сему застала, разумеется, в лагере. Взяли в армию. Воевал, перешел к американцам. После войны подался в еще несуществующий Израиль. Работал в кибуце, охранял от арабов. Чтобы не потерять квалификацию решил «размяться» – поехал в Италию. Отвел душу, но, не зная ни языка, ни тамошних порядков, завалился и был передан родному государству. В своем деле был мастером высочайшего класса. Изредка в лагере работал ларек, продавали курево и всякую копеечную мелочь. Его тщательно охраняли вертухаи – надзиратели, но Семен все же умудрился умыкнуть всю выручку. Пожалев плачущую продавщицу, отдал ей все до копейки. Ему ни-

чего не надо, а если что-нибудь и потребуется – надзиратели сами принесут – они тоже ему шестерили.

Но самой колоритной фигурой, несомненно, был Иосиф Бергер. Бывший секретарь компартии Палестины и глава ближневосточного отдела Коминтерна, заодно он выполнял и некоторые деликатные функции нашей внешней разведки. Родом из Польши. Закончил философские факультеты Ягеллонского университета в Кракове и университета Сорбонны в Париже. Человек удивительной гуманитарной эрудиции, полиглот, свободно владевший почти всеми европейскими и некоторыми восточными языками. Мог часами в самой доступной форме рассказывать о философских воззрениях, скажем, Фихте, Ницше, Шопенгауэра или Спинозы, о различных эпизодах еврейской истории. Я слушал его, забыв обо всем. Еще будучи молодым, он увлекся левым сионизмом и уехал в Палестину, участвовал в создании первых кибуцев. Понятно, что Сталин такую личность не мог оставить без внимания. Когда я с ним встретился, он сидел уже 22-й год. Бергер был небольшого роста, очень худой, в очках с металлической оправой и с неизменной фуражкой на голове. С Львом Гесельзоном, бывшим директором Вильнюсской еврейской гимназии, разменявшим лишь второй десяток, он разговаривал только на иврите. Это им обоим доставляло удовольствие. Как-то Бергера вызвали на этап. В лагерь должна была прибыть группа воров, враждовавшая с ворами, сидевшими в этом лагере (так делалось специально, чтобы уменьшить возможность стоворов, массовых побегов и пр.). Это обещало страшную карусель – поножовщину. Один из воров, чтобы избежать резни, попросил Бергера остаться в лагере, чтобы самому вместо него уйти на этап. Так, как Бергеру воровские разборки ничем не угрожали, он согласился, а тот, выдав себя за Бергера, ушел. Такое иногда практиковалось. Но этап оказался особенным. Все отобранные были отведены на несколько километров от лагеря и расстреляны. Волею случая Бергер остался жить. Из ортодоксального коммуниста-атеиста он превратился в глубоко верующего человека. Ходил только в головном уборе, несколько раз на день молился, отказался от лагерной трэфной пищи. Питался в основном хлебом, достав где-нибудь какие-нибудь продукты, сам готовил в консервной банке. А в пасху, понятно, и хлеба не ел. Его в лагере уважали. Если кто-нибудь доставал съестное, угощали. Даже надзиратели и сам начальник лагеря иногда подбрасывали что-нибудь пожевать. Худ был страшно – кожа да кости. Ко мне относился с отеческой любовью. Когда я, уставший за целый день, и согрешивший, засыпал возле него, он что-нибудь подкладывал под мою голову и укрывал фуфайкой. После долгожданной смерти «Корифея Корифеевича», Иосифа Бергера освободили, и он через Польшу уехал в Израиль. Там, читал лекции в Бар-Иланском университете, успел написать несколько книг о своих

мытарствах по кругам сталинского ада. Возможно, в какой-нибудь из них упоминается и обо мне.

Конечно, в очень коротком рассказе невозможно упомянуть десятки и сотни лиц и событий, с которыми меня столкнула такая, далеко не ординарная, судьба. Я не смог втиснуть рассказ о том, как брат известного диктора Левитана, будучи солдатом Латышской дивизии, получил орден Красного Знамени; об Алексе Шорнике – личном шофере Дж. Маршалла, именем которого был назван план американской помощи послевоенной Европе. Его чекисты выудили в Шанхае; о Шота Джиджадзе – сыне наркома здравоохранения Грузии и самоотверженном борце за ее самостоятельность; о Пизове – философе и каббалисте; Инжире – главном бухгалтере Государственного банка СССР, сидевшего с 1937 года; о дяде знаменитого скрипача Павла Когана; о жене начальника Политотдела Белорусского военного округа Писменного; о том, как на тайшетской пересылке молоденькая учительница из Западной Украины, стесняясь и плача, предлагала

себя: «Візьми мене. Я – чиста, я ще дівка». Кто-то ей сказал, что женщин с детьми и беременных будут амнистировать. Ребенка она воспитает. Я с ней говорил на украинском языке, и она во мне не узнала еврея. Но, когда я в этом признался и поинтересовался, как к этому отнесется будущее чадо, ответ был категоричным: «Я ему об этом не расскажу»; о том, как жестоко расправлялись со стукачами; о японском полковнике Сато, который во время правительственной встречи со Сталиным, подарил ему старинный самурайский меч; о кудеснике Вольфе Мессинге, а также о жизни на Белом море, о том, как мне удалось спасти Беломорскую станцию от очередных глупостей наших реформ, о многих выдающихся ученых, с которыми посчастливилось общаться и о многом, многом другом. Наконец, я ничего не успел рассказать о моих родных и близких. Очень достойных людях. О них следует писать отдельно.

2005

Невыдуманные рассказы

Мотька

Чернигов – родной и дорогой сердцу город. Когда-то он был тихим, спокойным и уютным, утопающим в зелени садов и бульваров, пропитанный щедрым южным солнцем. В те далекие годы небо над ним казалось более высоким и более голубым. С рассвета и до поздней ночи по нему с визгом носились огромные стаи ласточек и стрижей, а еще выше широкими кругами парили длинноногие и длинноклювые аисты – лелеки, тренируя крыло перед осенним отлетом. Город расположился на правом берегу красавицы Десны, тогда еще полноводной и широкой. По ней вверх и вниз, хлопая по воде широкими плечами, ходили пароходы, волоча большие деревянные баржи, доверху нагруженные дровами, стройматериалом или рогожными мешками с аппетитной вяленой воблой. От реки, даже в жаркие дни, тянуло прохладой и сыростью, от плотов, сплавляемых из брянских лесов, запахом подгнивающей древесины, а с противоположного берега – горьковатым и одуряющим ароматом степных трав. Другую сторону города обрамляли безбрежные поля созревающих хлебов. Как было приятно бегать по тропинкам во ржи, босой ногой касаясь теплой и мягкой полевой пыли, или слушать, захлебывающихся и порхающих на одном месте хохлатых жаворонков. Этот чудесный край одни называют матерью-ненькой, другие – песней. Здесь прошло мое босоное детство. Прошло, пролетело, кануло в Лету, рассеялось как далекий призрачный мираж. Осталась лишь тоска и щемящая сладость воспоминаний...

Чернигов расположен в черте оседлости. Видимо Б-гу было угодно переселить сынов Израиля с берегов Иордана на берега Десны. Еврейское население города составляло его большую половину. В основном это были мелкие ремесленники, бедняки, день-деньской не разгибая спины, зарабатывающие свои тяжелые копейки. Они были очень хорошими мастерами. Многие их профессии сейчас почти забыты и упоминаются лишь в старых рассказах: модистки, чулочницы, шляпочницы, заготовщики, шорники, бондари, извозчики, папиросницы, уличные продавцы бубликов с маком, коржиков с корицей, маковников с медом. Их удивительный вкус теперь уже никто и никогда не узнает.

Двор, в котором я жил, был большой, в нем проживало больше сотни человек. Не двор – местечко. В центре его росло несколько груш и яблонь, но фрукты редко дозревали – мы, мальчишки, их срывали еще зелеными. За домами был огромный пустырь, заросший густым высоким бурьяном. Я любил, забившись в траву, часами наблюдать за жизнью разных букашек, сновавших по травинкам.

Наши дома отапливались дровами. Их в больших количествах заготавливали с лета. Во дворе этим занимался старый горбун Шило. Никто не знал, что это – фамилия или прозвище, но он всегда охотно отзывался. Шило всему двору пилил, колот и складывал дрова для просушки. За это его кормили и платили какие-то гроши. Он был одинок и любил нас, дворовых мальчишек. Отдыхая, Шило выдумывал различные удивительные истории. Однажды он рассказал о том, что существуют летучие мыши, несущие на голове маленькую золотую корону. Если такую мышь поймать в субботнюю ночь и принести в дом, то его постигнет счастье. Поймать мышь совсем просто. Надо расстелить на земле белую простыню,

ее белизна ослепит привыкшую к темноте мышь, и она упадет на простыню, останется лишь принести ее в дом. Этот простой рассказ запал в наши детские души, каждому хотелось счастья своему далеко не барскому дому. Мой товарищ Мотька, сын резника, небогатого и набожного человека, решил на этот достойный поступок, сделав меня сообщником. Ближе к вечеру, когда в доме никого не было, он достал из комода большую свежестиранную простыню, и мы ее запрятали на пустыре. Время до вечера тянулось необычайно медленно. Часы стали какими-то длинными, растянутыми, солнце почему-то зависло и не хотело прятаться, как обычно, за край крыши. Наши обычные игры не ладились, мы слонялись по двору, посматривая на небо. Наконец-то тени постепенно стали сгущаться, повеяло вечерней прохладой, воздух превратился в фиолетовую дымку. Где-то высоко в потемневшем небе робко выглянула одинокая звездочка, за ней еще одна и еще.

Расстелив на земле простыню, мы запрятались, чтобы не отпугнуть всевидящих мышей. Застыли в ожидании. Стало совсем темно, из-за черных густых деревьев выплыла большая луна. Евреи пришли из синагоги, в домах зажглись свечи. Святая Суббота опустилась на город. А нам все не везло. Какие-то тени пронеслись над нами, но простыня почему-то их не ослепляла. Мы уже устали, и наш охотничий пыл стал заметно остывать. Что поделаешь? Видимо, не суждено. Мотя предложил идти домой. Но вдруг из темноты что-то живое вырвалось на простыню. Мышь! Конечно, мышь! Мотька даже заметил на ее голове золотую корону. О, какое счастье! Сердца забились быстро, быстро. Мы на секунду оторопели, но затем бросились к простыне и стали ее лихорадочно сворачивать.

Дома у Мотьки уже все было готово к встрече Субботы. На вышитой праздничной скатерти стояли зажженные свечи, халы накрыты накрахмаленной салфеткой, возле каждого из домашних стояла тарелка, а в центре стола – большая супница с вкусным бульоном с домашней лапшей. Возле отца стоял бокал с вином, он приготовился к церемонии Киддуша. Но в это время мы ворвались в дом. Ударом ноги распахнув дверь, с горящими глазами, задыхаясь от радости и перебивая друг друга, бросили на праздничный стол скомканную простыню и стали ее разворачивать. Нам не терпелось показать наш трофей, всех обрадовать, приятно удивить. Вот мы какие! За столом никто ничего не понимал, все застыли с широко раскрытыми глазами. Вдруг из щели в простыни на стол выползла огромная жаба и, сделав несколько шагов, прыгнула в сторону Мотькиного отца. В доме воцарилась гнетущая тишина. Мотька запнулся на полусло-

ве, весь сжался, уменьшился в размерах, даже как-то потемнел, его возбуждение как рукой сняло. Первым пришел в себя отец. Он все понял по-своему. Конечно, ему были хорошо известны песенки, которым нас научили в пионерском отряде: «Долой, долой монахов, раввинов и попов, залезем мы на небо и сбросим всех богов». Не было никаких сомнений – Мотька, этот босяк, надсмеялся над его религиозными чувствами, над святой Субботой. Расправа последовала мгновенно. Мотькина голова была зажата между отцовскими коленями, и ремень, несмотря на Субботу, быстро сделал Мотькин зад синевато-розовым. Мне было гневно указано на дверь. После этой экзекуции Мотька несколько дней ел стоя и несколько ночей спал на животе. Какая вопиющая несправедливость! Он так хотел принести в дом хоть немного, хоть чуточку счастья. Б-г видит, как он этого хотел!

Мишка

Среди многочисленных соседей по двору, где прошло мое детство, выделялся один – Мишка. Несмотря на вполне зрелый возраст его не называли ни Моисеем, ни Мишей, ни Михаилом, а именно Мишкой. Мишка был высок, статен, с правильными чертами лица, с антрацитовым блеском черных цыганских глаз и копной темных волос. Женщины во дворе о нем говорили вполне определенно: «красавец мужчина». Мишка не пил, не курил, не сквернословил, был деликатен, и двор к нему относился хорошо. Он нигде не работал. Целыми днями лежал на раскладушке в тени деревьев и читал романы. Читал взахлеб, книгу за книгой. Иногда приходил к нам, прося какую-нибудь книгу, лучше о любви. Порой он на несколько дней исчезал, но потом появлялся вновь. Профессия у него была особенная. Мишка был вор. Не какой-нибудь мелкий воришка, а вор, и не только вор, а предводитель всей городской шпаны – воров, бандитов, грабителей. Он совершал удивительно дерзкие налеты на инкассаторов, сберкассы, ювелирные и меховые магазины. Не только совершал, но планировал, организовывал, возглавлял и делил трофеи. Всех недисциплинированных подопечных судил, и очень жестоко. Мишку боялись. Одно упоминание о нем вызывало холодный пот. В этом красивом, деликатном и умном человеке жил беспощадный и жестокий хищник. Не только местная, но киевская и даже одесская шпана старались не портить с ним отношений. Милиция, прекрасно зная все его «дела», предпочитала держаться на расстоянии. У Мишки было оружие, чего он вовсе не скрывал и даже давал нам, дворовым мальчишкам, подержать в руках наган.

Не менее колоритной была и его жена Кейля. По паспорту она числилась Екатериной, русской, но по-русски говорила крайне редко, явно предпочитая еврейский. Всегда вызывало большое удивление, когда эта женщина с явно русским лицом, неожиданно начинала говорить по-еврейски, с типичными интонациями, ужимками и жестами обитателей черты оседлости. Более того, Кейля отмечала все еврейские праздники: в Пасху ела мацу, в Судный день постилась, не крестилась и не ходила в церковь, отмечала лишь Рождество и на Новый год ставила небольшую елку. Многие во дворе, даже не знали, что она русская. У них был сын Изя, которому сделали обрезание, «а как же!» В детстве Кейля была беспризорной. Кто знает, как бы сложилась судьба, если бы ее не подобрали добрые люди и не отвели в детский дом, который был еврейским. В далекие двадцатые годы такие были. Здесь ее не только отмыли, одели, накормили, но и воспитали, обучили, дали профессию. Еврейская среда стала для девочки ее средой. Так Катя

стала Кейлей. Позже она работала портнихой. Кейля была красивая: стройная, хорошо сложена, с округлым свежим лицом, с ямочками на щеках. У мужчин она всегда вызывала повышенное внимание. Где пересеклись пути Мишки и Кейли никто не знает, но это была красивая пара. Между собой они жили хорошо. В семье Кейля занималась реализацией Мишкиной «продукции».

Одним из ярчайших явлений в довоенной Украине, несомненно, были базары.

К ним готовились, их ждали. В базарные дни уже с рассвета улицы, ведущие к базарной площади, были запружены бесконечными вереницами телег, запряженных лошадьми или волами. На них среди разного скарба на толстом слое сена восседал хозяин с неизменным кнутом, а позади – хозяйка в ярко вышитой традиционной холщовой белой рубашке и в такой же вышитой, но черной бархатной безрукавке. На шее женщин всегда были цветистые монисты. На базарной площади скапливались тысячи людей, сот-

ни телег, различный скот, привезенный на продажу, горы глиняной посуды, огромные вороха фруктов, овощей, вяленой воблы и другой снеди, масса всякой утвари. Все продавалось и все покупалось.

По базару бродили нищие, на земле сидели слепые бандуристы с длинными казацкими усами, и пели старинные украинские баллады. Конечно, были и вездесущие цыгане с медведем, разные фокусники и аферисты, иногда работала карусель и кукольный театр. Базар бурлил, кишел, гудел. Здесь не только заключали торговые сделки, но и просто встречались старые знакомые, делились новостями или часами болтали ни о чем. Базар на Украине был неотъемлемой частью ее жизни, ее культуры, своеобразным всенародным праздником. Отказаться от такого захватывающего зрелища было невозможно, и я каждый раз, когда мать шла на базар, всячески старался увязаться за ней.

Однажды, пробиваясь сквозь этот шумный человеческий муравейник, мы неожиданно встретили Мишку. Он, остановив нас, попросил не уходить: «Я вам сейчас покажу театр, такого вы в жизни не видели», и он подошел к стоящему здоровенному молодому мужику, продававшему корзину яиц. Поторговавшись, Мишка стал пересчитывать яйца, перекладывая их в подол мужиковой рубахи. Когда все яйца были переложены, Мишка совершенно спокойно расстегнул ему штаны, затем кальсоны и спустил их назем. Мужик остался голый с поднятой рубахой, доверху наполненной яйцами. Такого оборота событий ни мужик и никто другой не ожидал. На секунду все застыли с широко раскрытыми ртами и выпученными от удивления глазами, но затем начал пробиваться смехок, и громкий общий смех

покатился по базару. Базар гоготал, ржал и колыхался от неудержимого смеха. Бойкие бабенки визжали, нескромно тыкая пальцем в сторону голого мужика. А несчастный стоял, не шевелясь, боясь, чтобы с рубахи не скатились дорогие ему яйца. Стоял и плакал от стыда, прося, чтобы кто-нибудь поднял ему штаны, но никто не торопился расставаться со зрелищем. Толпа такое любит. Наконец-то нашелся деревенский сосед и помог. Толпившийся вокруг народ еще немного посмеялся и постепенно разошелся. Мишка, сценарист, режиссер и директор этого «театра», довольный своей выдумкой, растворился в толпе. Конечно, это была унижительная, злая, более того, жестокая шутка, но придумать ее мог только умный человек, с большой фантазией.

Позже, когда началась война, Мишка был призван в армию, воевал и погиб при взятии Кенигсберга. Изя, его сын, тоже не пришел с войны. Кейля на старости лет осталась одинокой. Будучи русской, пережила оккупацию. Когда мои родители возвратились из эвакуации, вместо прежнего дома, в котором мы когда-то жили, они застали кучу битого кирпича. Жить было негде, и они ютились прямо на улице, под открытым небом. Мерзли, голодали, болели. Там умерла моя тетька. О них узнала Кейля, нашла, забрала к себе, накормила, обогрела, выходила, спасла от верной и мучительной смерти.

Теперь, когда все они уже в мире ином, думается, что Кейля вполне заслужила, чтобы по ней сказать Кадиш и в йорцайт зажечь поминальную свечу. Она только по паспорту русская, но душой, вне всяких сомнений, еврейка. Только никто не знает, когда и где похоронена. Она пережила моих родителей.

Суля

Шел второй год войны. Артиллерийский полк, в котором я служил, стоял в лесу. Тяжелые гаубицы были оттянуты на несколько километров от линии фронта, а мы, разведка, глаза и уши батареи, находились на самой передовой. Впереди лишь узкая ничейная полоска, да передовые отряды немцев. Иногда были слышны немецкая речь или игра на губной гармошке. Мы не только вели корректировку стрельбы наших орудий, но ходили в разведку, выясняя обстановку, а иногда и в тыл или за «языком».

Готовилось наступление, требовались свежие разведанные и меня вызвали в штаб дивизиона. Получив задание, я собрался к себе на передовую, но начальник штаба попросил проводить на батарею девчонку-связистку, только что прибывшую в наш дивизион. Это было мне по дороге да, и что лукавить, просьба уж очень была приятной, даже обрадовала. Взяв ее шинель и небольшой узелок вещей, мы зашагали. Тропинка шла по широкой лесной просеке. Была середина лета, выдался великолепный солнечный день. В лесу было сонно и немного душно. Небо над просекой казалось особенно синим, а плывущие по нему перистые облака излучали яркую белизну. Лес был до краев наполнен густой тишиной, лишь иногда какая-то птаха пробовала свой голос, да по-

рой ветерок лениво пробежал по дремлющим листьям. День был на редкость мирным – ни единого выстрела, ни крика, ни шума. Мы шли и оживленно беседовали. Мою спутницу звали красивым, но редким именем, Суламифь, или просто – Суля. Родом она из Куйбышева-Самары – самаритянка, более того, прекрасная самаритянка. На это Суля сдержанно улыбалась. Мое, тоже далеко не частое имя, у нее не вызвало удивления. Мы говорили обо всем и ни о чем. Суля рассказывала о родном городе, маме, школе, которую только что закончила, о коротких курсах связистов. Я с интересом слушал о полузабытой гражданской жизни. Мне нравилась сулина манера рассказывать и не только это. Я с нескрываемым интересом наблюдал за живыми темными глазами. Мне

была приятна ее ладная фигурка, затянутая в еще новую гимнастерку, смуглый румянец, выразительные руки. Суля мне нравилась и не только потому, что я давно не общался с девушками... Иногда, когда тропинка сужалась, наши руки соприкасались, но никто из нас не спешил их разъединить. Мы были молоды и, как нам тогда казалось, счастливы. О том, что вокруг полыхает война, как-то даже не думалось. Забыл я и то, что ночью придется идти в разведку, и кто знает, может в последний раз...

Где-то на полпути мне надо было на время отстать. Суля все поняла и, убыстрив шаг, пошла одна, а я свернул с просеки в лес. Вдруг с ужасным ревом и свистом над самыми вершинами деревьев вдоль просеки на бредущем промелькнула огромная тень и там, где должна была быть Суля, раздался оглушительный взрыв. Качнулась земля и в небо взметнулся черный фонтан с алыми языками пламени. Горячий ветер, ломающий ветви, полыхнул по деревьям. Когда я прибежал, никого не было. Суля! Где Суля?! Зияла лишь большая свежая воронка, из которой торчал присыпанный землей порванный кирзовый сапог, наполненный каким-то кровавым месивом, да зацепившись за ветку,

качался одинокий погон. У меня перехватило дыхание, кровь застыла в жилах... Суля, Суленька, мой Сулененок, где ты?! Что случилось?! Нет, только не это. Этого не могло, не должно быть! Почему? За что? Мысли хаотически металась в возбужденном мозгу. Я верил и не верил... Ведь только что, минуту назад, мы были вместе, я слушал ее рассказ, ощущал ее дыхание. Минуту назад мы были счастливы, и ничто не предвещало беды. Я хотел ее снова видеть, слышать, прикоснуться к ее руке... О, боже! Почему так не справедливо, почему нельзя воскресить минутную давность?! Я стоял на краю воронки, на месте, где только что стояла Суля, убитый беспомощностью и бессилием перед случившимся, и слезы, первые мужские слезы, навернулись на моих глазах и медленно текли по щекам...

Суля погибла, погибла на войне, которую не видела. Погибла, так и не узнав, что такое война, ни разу не слышав, как свистят пули, как зловеще шуршат пролетающие снаряды, как стонут смертельно раненные.

Она даже не видела немцев, ни живых, ни мертвых...

Люся

Полустанок Тавда, затерянный в безбрежье Северного Урала, был конечным. Здесь рельсы обрывались, упираясь в несколько шпал, положенных друг на друга пирамидой. Вокруг сплошной стеной стояла мрачная пугающая тайга. От полустанка на десятки километров вглубь леса уходила узкоколейка, а после нее еще длинные лежневки для лесовозов и лишь в конце их обосновался никому не ведомый поселок со странным нерусским названием Киртым Я. В центре его располагался один из многих тысяч гулаговских лагерей. Опасаясь сговоров, побегов или восстаний, администрация через какое-то время перебрасывала заключенных в другие, еще не знакомые места. Так и я, после многих лет лагерей оказался в этом Киртым Я. И снова уже хорошо знакомый лесоповал, и снова день-деньской таяни опостылевшую пилу: тебе – себе – начальнику...

Чем дальше в глушь, тем условия хуже: начальство больше ворует. И без того мизерная норма до работяг доходила лишь в виде жиденькой баланды, где плавали лишь несколько крупинки да кожура от картошки. Немыслимая физическая нагрузка и низкокалорийная пища быстро приводили к дистрофии. Силы и у меня стали заметно таять, стал доходить. Перспектива самая мрачная. Я это понимал, но ничего предпринять не мог. Кому скажешь? Закон – тайга, прокурор – медведь!

Однажды, работая в лесу, я сильно поранил ногу и вечером пошел в больничку – лагерный медпункт. Очередь была большая. Я сел крайним на длинную скамейку, согрелся и, прислонившись к стене, крепко уснул. Сколько времени проспал не знаю, но меня разбудил женский голос. Его тембр показался каким-то знакомым, где-то я его уже слышал. С трудом раскрыл глаза. В коридоре больнички я сидел один. Передо мной стояла женщина в белом халате и трясла меня за плечо. Окончательно проснувшись и придя в себя, обомлел. Передо мной стояла Люська. Люська, с которой я вместе проучился в одном классе десять лет. Я ее сразу узнал. Люська была лучшей ученицей

нашего класса, только ей, и иногда мне, были под силу каверзные уравнения с тригонометрическими функциями. Она не была красавицей, за ней не увивались мальчишки. Небольшая, кругленькая, черненькая. Моя тетя, увидев ее, сразу точно окрестила: «Перчинка». Так это школьное прозвище к ней и прилипло. Конечно, Люська изменилась. Исчезла беззаботная улыбка, нет и толстой в руку косы, обвивавшей ее голову, глаза потускнели, в их углах появились чуть заметные предательские лучики. Она меня также узнала. Вопросы были приблизительно одинаковыми: «Как? Почему? Каким образом?» Люська больше слушала, меньше отвечала, я лишь понял, что она старший лейтенант, жизнь у нее не сложилась, она – одна. Люся была очень взволнована, достав из пачки папиросу, жадно затянулась. Люська курит! В те годы курящая женщина была большой редкостью.

Перевязав мне ногу и воспользовавшись тем, что мы одни, она успела меня предупредить, чтобы ни одна душа не знала, что мы знакомы, иначе будет очень плохо, не только мне, но и ей. Я удивился: «Что может быть еще хуже?» «Урановые рудники!» – Люся это сказала открытым текстом, прямо. В лагере сту-

качей – каждый второй. Уходя, я ей намекнул, может ли она в чем-то мне помочь. Например, сделать своим помощником, я все же биолог, работал какое-то время в больнице, хорошо владею всей фельдшерской техникой. Но она на это промолчала.

Прошло довольно много времени, и я уже потерял всякую надежду, но однажды утром, когда бригады разводили на работу, ко мне подошел надзиратель и повел на вахту. Там мне вручили медицинскую сумку с медикаментами. Теперь я буду оказывать экстренную медицинскую помощь, а она в лесу требовалась часто, случались разные несчастные случаи. В этом, конечно, была рука Люси. Она оказалась более порядочной, чем я о ней думал. Вечерами, после работы в лесу, помогал ей на приеме, ухаживал за лежачими. Я чувствовал, что моей работой Люся довольна. Кроме того, она мне доверяла, что в тех условиях было совсем немало. Между нами сложились рабочие, строго официальные отношения. Ее предупреждение я всегда помнил.

Через несколько месяцев мне поручили обслуживание и гражданского населения поселка, сделав бесконвойным. И в этом несомненно была заслуга Люси.

Поселок был небольшой и состоял из щитовых домиков, в которых жили военные, вольнонаемные и размещались разные службы. Военных обслуживала Люся, меня туда не допускали. Гражданские были из крестьян или из бывших эков. Жили по-разному. Иногда в дом войти было страшно – не квартира – берлога. Грязь непролазная, немытые окна, на полу окурки, вместо стола – перевернутый вверх дном ящик, вместо постели – ворох грязного тряпья, пустые водочные бутылки. К телам, пахнувшим потом и несвежим бельем, противно прикоснуться. Но были и другие. Чистые, ухоженные квартирки, намытые белые полы, покрытые самодельными дорожками, застланные цветными покрывалами кровати, на стене коврик с традиционными лебедями, фотографии и картинки из «Огонька». Почти все население имело огороды, кур и свиней, а некоторые – овец и даже коров. Но полное отсутствие каких бы то ни было развлечений: ни радио, ни книг, изредка доставлялись газеты и еще реже солдатам привозили устаревшие фильмы. В поселке это воспринималось как праздник. Особенно скучали нигде не работающие женщины. Если летом какое-то время приходилось уделять внимание огородам и хозяйству, то зимой жизнь становилась совсем безликой, однообразно серой, даже мой приход вносил какое-то оживление. Иногда именно поэтому меня и приглашали, придумывая несуществующие хвори. На мой вопрос, где болит, всегда отвечали одинаково: «внутри». Чаще других приглашала жена одного из надзирателей, аккуратная и в общем-то, красивая женщина. Я еще не успевал вытереть ноги у порога, как она уже, расстегнув пуговицы на блузке, с удовольствием демонстрировала здоровое тело молодой кобылицы. Дав лизнуть какое-нибудь пустячное лекарство, быстро уходил, к

явному неудовольствию пациентки. На приглашение попить чай или угоститься я отвечал неизменным отказом. Я знал, что стены имеют глаза и уши, за мной с интересом следят со всех окон, а я слишком дорожил своим положением. Но от гонимых в виде пирожков, ватрушек, колбасы или яиц не отказывался. Я быстро встал на ноги, набрал утерянный вес, кожа разгладилась и порозовела, в волосах снова появился матовый блеск. Я даже стал подкармливать близких по духу эков.

Для увеличения добычи древесины в лагерь завезли электропилы и передвижную электростанцию с газогенератором, работающем на дровах. Напиленные кусочки сухой березы загружали в объемный бункер, где они подвергались сухой перегонке. Образующийся при этом газ, подобный выхлопному в автомашинах, приводил в действие электростанцию. Всем этим управлял Артур Вибе – русский немец из-под Одессы, профессиональный шофер. Во время войны служил в немецкой армии, работая на душегубке – закрытой машине внутрь которой выводилась выхлопная труба. Машина до отказа набивалась евреями, и пока их привозили за город, где были вырыты огромные рвы, все уже были мертвы. Их выгружали, и машина следовала за новой партией. Однажды произошел исключительный случай. При выгрузке на самом дне оказалась живая девушка. Удивленные пассажиры даже хотели ее отпустить, мол, уж если повезло, то пусть живет, но ее все же пристрелили. Артур об этом и о других подобных случаях рассказывал совершенно спокойно, хладнокровно, ни одна мышца не дрогнула на его лице. Это была его работа, работа палача. И даже теперь он ни о чем не сожалел. Артур часто удивлялся, как я выжил, он думал, что все евреи давно уже уничтожены.

Однажды, когда я находился в лесу, ко мне прибежал другой немец, Артура друг, весь взмыленный, взволнованный, вспотевший и, задыхаясь, простонал: «Беги скорей, Артур умирает!» Странный парадокс: я, сидевший за любовь к своему народу, должен был спасти жизнь его убийце... Когда я пришел, Артур лежал возле газогенератора, неловко подвернув под себя руку. Остекленелые глаза тупо смотрели в небо. Пульса не было, зрачки не реагировали на свет. На морозе он быстро остывал, и снег на его ладони уже не таял. Трубка, подающая газ из газогенератора, засорилась. Артур ее отвинтил, прочистил, продул и при этом невольно надышался газом. Я был ошеломлен! В лесу, на чистейшем воздухе умер Артур! Умер от того же выхлопного газа, которым травил тысячи безвинных душ... Я не верил в мистику, во всякие предначертания судьбы, в чудеса, в Высший суд, но Артур мертвый, как доказательство, лежал передо мной... Что это, случайность или справедливое возмездие?! Конечно, в принципе могло быть и случайное стечение обстоятельств, но вероятность его бесконечно мала и осуществление равно нулю. Это, и еще день 9 ава, в который случались все большие

беды еврейского народа (почему в разные годы, даже в разные столетия, но всегда в один и тот же день?!) сильно поколебали мои философские устои...

Вскоре меня освободили. В последний раз я зашел в больничку. Люся, задумавшись, смотрела в окно и нервно глотала папиросный дым. Конечно, она уже все знала. Я отдал сумку с медикаментами, взял ее руки и горячо поцеловал. Люся ко мне прижалась и,

положив голову на плечо, что-то невнятно и тихо шептала. Но в это время в коридоре раздались шаги – за мной пришел надзиратель, чтобы проводить на вахту. Я в последний раз обернулся. Люся стояла одинокая и растерянная. В уголках ее глаз блестела слеза... Она плакала. Думается, что мой внезапный отъезд еще одну ее надежду сделал несбыточной. Больше Люсю я не видел.

Герберт

Мое место было на верхних нарах. Забираться туда после изнурительного тяжелого дня работы было не всегда просто, но зимой, когда печи под утро остывали, а жестокий сибирским мороз прошивал насквозь тонкие стены барака, на верхних нарах было чуть теплее. Моим соседом был Герберт Флинк, немец могучего телосложения, попавший к нам в плен, а затем осужденный на предельный срок, как и я, воевавший против него...

Герберт был эсэсовцем и служил в личной охране Гимmlера. Как и у всех эсэсовцев и других особо ценных для Рейха категорий, у Герберта подмышкой была татуировка группы крови, на случай быстрого оказания медицинской помощи. О своей военной жизни и о том, за что осужден, он никогда не рассказывал и у меня не расспрашивал – в лагере это не принято. Мы работали в далекой тайшетской тайге на лесоповале, валили лес для строек коммунизма. Я работал с Гербертом на одной пиле. Норма была очень высокой и забирала наши последние силы, но ее выполнение давало возможность получения пайки хлеба и хоть как-то продержаться на ногах, не став дистрофиком.

Вечером после работы, забравшись на нары, мы часто беседовали, просто так, обо всем и ни о чем. Я, зная немецкий язык, иногда по памяти читал ему стихи. Герберт был внимательным слушателем, иногда и сам просил что-нибудь прочесть. Так или иначе, но большую часть времени нам приходилось быть вместе. Мы привыкли друг к другу и даже сдружились. Если Герберт где-нибудь случайно доставал что-нибудь съестное, всегда делился со мной. Летом, когда удавалось собрать немного грибов, мы их варили и съедали с одной миски. Он, конечно, знал мою национальность, тем более, что я ее никогда не скрывал. Национальная мимикрия всегда вызывала у меня чувство брезгливости. Но в разговорах никогда не затрагивал еврейскую тему, в отличие от бывших полицаев, также сидевших с нами.

Однажды мы работали в лесу. Зимний лес казался далекой детской сказкой,

Наступал вечер. Тени от деревьев удлинялись и из голубых превращались в синие. Мы закончили работу и сидели у догорающего костра. Угли то ярко вспыхивали, то затухали. Усталость и тепло разморило нас. По телу разливалась приятная дремота. ничего не хотелось делать, ни о чем не хотелось думать. Сидеть бы так и смотреть на последние блики костра... Неподалеку от нас работала другая пара – молодой белорус и пожилой всегда угрюмый украинец. Оба

они были полицаями. В отличие от Герберта, не скрывали и охотно рассказывали разные эпизоды своей военной жизни, даже бравировали этим. Тело и душа у них были в еврейской крови. Евреев люто ненавидели. Сейчас они также сидели у костра и тихо о чем-то беседовали. Затем молодой снял с веточки сушившуюся рукавицу, намазал ее какой-то дрянью, дополнительно присыпал раздавленным углем, И, подойдя к нам и широко улыбаясь, размазал все это на моем лице: «Ых, жидюга!» Я оторопел. Обычно мирный и выдержанный, вскочил, во мне проснулся бывший фронтовой разведчик. Рефлекс сработал мгновенно, и я резким коротким в челюсть пустил его в глубокий нокаут. Он упал как подкошенный. В уголке рта появилась маленькая алая капелька, быстро переросшая в тонкий ручеек. На снегу возле его лица возникло все увеличивающееся красное пятно. Его напарник, увидев это, подбежал, схватив топор, занес его над моей головой. Положение мое стало безнадежным. Ни отбежать, ни увернуться – снег по пояс, да и под рукой ничего не оказалось, мой топор лежал далеко, защититься было нечем. Смерть была неминуема. Я закрыл глаза, увидел лишь искаженное злобой лицо, да острие топора. В голове пронеслось: «Все. Конец».

В лагере убийства были нередки. Они почти не наказывались, разве несколькими сутками карцера, на долго не сажали – нужны рабочие руки. Убийства нередко провоцировались самим лагерным начальством, специально натравливая одних на других, чтобы предупредить сговоры, массовые побегии или даже восстания. Иногда выдавали стукачей на растерзание толпы, если они плохо справлялись с работой.

Но вдруг, как разжатая пружина с непонятным криком, скорее ревом, к нему наперерез рванулся Герберт и сильным ударом ногой в живот, опрокинув его в снег, выбив из рук топор. Все это произошло мгновенно, и я еще ничего не понял. Герберт был очень бледен и тяжело дышал. Мои ноги потеряли упругость, стали ватными и я опустился на снег. На лице выступили капельки не то холодного, не то холодящего пота...

Прошла зима, прошла весна. Постепенно острота этого случая притупилась. Мы никогда о нем не вспоминали. Наступило душливое таежное лето. От переполнившего тайгу гнуса – комаров и мошек она тихо стонала. Тучи их были настолько огромны, что даже солнечный день становился каким-то серым, пасмурным. Приходилось работать в накомарниках, плотно застегиваться и завязываться, но они проникали везде, мучили и кусали наши несчастные уставшие тела. Конечно, нам было плохо, но особенно тяжело было лошадям, вывозившим бревна из леса к штабелям, расположенным у дороги. Их брюхо покрывалось сплошным кишачим слоем кровососов, превращалось в сплошную кровавую рану. Нас некому было жалеть, но лошадей было до боли жалко. Иногда, когда лошадям было особенно неважно, дни активировали, делали их нерабочими, и мы в такие дни, выражаясь по-лагерному, кантовались, просто валялись на нарах, отдыхая, благодарили комаров.

В один из таких дней я и Герберт, лежа на нарах, болтали о всякой всячине, о том, что вечно мы здесь не будем, что наступит время и мы разъедемся по своим родным местам: я – в Ленинград, а он – в Берлин. Я говорил о том, что время сейчас беспокойное, все может случиться, даже война и нас, его и меня,

снова призовут под ружье. Я фантазировал: кто знает, на этот раз в плен могу попасть я. Поможет ли мне Герберт, с кем рука об руку прошли все лагерные муки, который спас мне жизнь. Я был уверен, что Герберт усмехнется и скажет, ну, конечно, а как же иначе, даже по-дружески положит руку на плечо. Герберт, молча меня слушал, затем, посмотрев в окно, сказал:

- Видишь, там за забором растет огромная сосна. Так вот, на нижнем ее суку я тебя повешу.
- Как, Герберт, меня, за что? – недоумевал я.
- Еврей должен быть уничтожен, – спокойно ответил Герберт.

Я после этих слов сник, как проколотый надувной шарик. Кто – кто, но я такого от Герберта не ожидал, все эти, проведенные вместе годы, не давали к этому повода.

– Герберт, ведь мы товарищи, друзья, ты даже спас мне жизнь.

– Да, – ответил Герберт, – друзья, но только здесь, а там все станет на свое место, – это он сказал четко по-русски и умолк.

Констанция

Июльская жара в Ленинграде особенная: густая, влажная, липкая. Все до предела раздеты и расстегнуты. В такое время даже в помещении трудно дышать, а в трамвае – сущий ад, особенно в часы пик, когда он до отказа набит распаренными и вспотевшими телами. Я ехал, прижатый к задней стенке, и с удовольствием ловил тонкую струйку сквозняка, дувшую из щели в окне. Сквозь людскую массу в мое направление с трудом пробивалась какая-то симпатичная девушка, судя по всему, иностранка. Все было в ней нездешнее: и правильный овал лица на высокой красивой шее, и непривычная для нас белизна ровных зубов, и густые каштановые волосы, и нечасто встречающиеся зеленые глаза. Поправив сбившуюся блузку и пригладив волосы, она обратилась по-французски, но мое знание этого языка ограничивалось лишь парой десятком слов и несколькими фразами. Она перешла на английский, но уверенней я себя чувствую в немецком. Ее немецкий был литературным, без заглаживания конечных букв, без диалектологических особенностей и хорошо понимался. Незнакомка пыталась выяснить, как добраться до общежития одного из институтов, которое летом было превращено в гостиницу, где и остановилась ее туристическая группа. Мы познакомились. Ее звали редким именем Констанция. Она – студентка Сорбонны, увлекается историей античного театра. Конечно, была в Греции и Италии. Отец – пастор, она верующая католичка. Мое имя Констанции, конечно, было незнакомо и непонятно, такое ей никогда не встречалось и она вопро-

сительно посмотрела на меня. «Ih in ein flugter Jude» – проклятый еврей, объяснил я. Она растерялась, на такой поворот событий не рассчитывала, смутилась, между нами возник невидимый барьер, продолжавшийся мгновение, но весь остальной путь мое имя Констанция как-то ухитрилась не упоминать. Или мне это казалось. В остальном никакая даже маленькая тучка над нами не стучалась. Констанция была плотно прижата ко мне толпой. На повороте трамвая качнуло и, чтобы сохранить равновесие, она охватила меня рукой. Ее голова приблизилась к моему лицу, и я почувствовал тонкий горьковатый запах ее рыжеватых волос, ее тела. Он пробудил во мне какое-то изначальное животное чувство, восприятие окружающего мира через запах. Это волновало и манило, хотелось его вдыхать еще и еще.

Давка и духота в вагоне стали невыносимыми, и Констанция предложила идти пешком. К тому же она хотела поближе познакомиться с городом. На остановке я выпрыгнул и подал ей руку. Выйдя, Констанция облегченно вздохнула, поправила волосы и улыбнулась, радуясь свободе и свежему воздуху, и мы зашагали, однако, мою руку она так и не выпустила. Мы шли, взявшись за руки. В то время это принято не было, и над нас обращали внимание. Констанция была одета просто, но со вкусом. На ней была красная расклешенная юбочка, легенькая без рукавов белая блузка, белые туфельки на каблучках и небольшая сумочка. Все это ей шло, Констанция смотрелась, и встречные мужчины постреливали по ней глазами.

Всю дорогу она была оживлена и что-то щебетала, путая немецкие и французские слова, иногда, взмахивая моей рукой, намеренно задевая прохожих, озорно смеясь. Ей явно было хорошо и беззаботно.

Нашу жизнь она не могла понять, что и не мудро. Констанция восхищалась роскошью ленинградских дворцов и богатством музеев, сравнивала их с французскими, но недоумевала убожеству магазинов, неумению красиво и модно одеваться. Совершенно не понимала, почему продавцы в продуктовых магазинах экипированы в белые, но ужасно грязные халаты, о которых, не стесняясь, вытирали замусоленные руки. Констанция с большим удивлением следила, как они совком насыпали сахар, крупу или соль в ловко свернутые бумажные кульки, которые взвешивали на чашечных весах с металлическими гирьками. Она даже подержала их в руке, а чашки по-детски пальчиком колыхнула и рассмеялась. Но совершенно была поражена расчетом за покупки, когда продавцы громко щелкали костяшками счетов. Такой вид счета переносил ее в века, когда время определялось солнечными часами, а месяцы – лунными фазами.

Остановившаяся у витрин, Констанция доверчиво прижималась к моему плечу, и я ощущал приятную бархатистость ее кожи. Одна из прохожих глазами указала на беспорядок в туалете Констанции, на что та рассмеялась. Кружева, выступающие из-под юбки, – это дань современной моде, к тому же они дорогие, голландские.

Болтая обо всем, мы, конечно, не обошли и наши литературные вкусы. Констанция была приятно удивлена тому, что я знаю Ронсара, его прекрасные стихи, особенно «На смерть Мари». Этого замечательного, но полузабытого поэта, во Франции даже интеллигенты не всегда знают. Мой авторитет в глазах Констанции вырос.

Я полюбоществовал, как она догадалась, что я смогу ей объяснить, где находится ее общежитие. На что она загадочно улыбнулась: «Так было задумано там», – и Констанция подняла вверх зеленые глаза.

Разговаривая, мы незаметно добрались до гостиницы. Лицо Констанции светилось удовольствием и

счастьем. Она пробудет в Ленинграде еще неделю, и мы ее, конечно, проведем вместе. Завтра на очередную экскурсию она с группой не поедет. Ее гидом буду я. Мы поедем в Петергоф, а вечером – в Мариинку или, что даже лучше, будем бродить по ночному Ленинграду, любоваться белыми ночами, посмотрим, как разводят мосты над Невой. Констанция сочиняла планы, один – лучше другого, не подозревая, что ни одному из них не суждено осуществиться. Буквально через несколько часов я должен уехать в экспедицию на далекое и холодное Белое море, и показал Констанции железнодорожный билет. В первую минуту она это как-то не восприняла, возможно, не совсем поняла, но потом осознала неизбежность разлуки. Счастливое выражение ее лица стало быстро таять, оно помрачнело, даже как-то потускнело, на лбу прорезалась грустная морщинка. Констанция прямо на глазах из веселой девчонки-хохотуни превратилась в женщину, отягощенную житейскими неурядицами. Мы стояли и молчали. Это были наши последние совместные минуты. Констанция снова взяла меня за руку и прижалась к моему плечу. Я приблизил ее голову и погрузил лицо в густые рыжеватые волосы. Подошел мой трамвай. И ушел. Мне не хотелось расставаться с Констанцией. Я хотел и завтра видеть ее зеленоватые глаза, слушать не всегда понятную смесь французских и немецких слов, вдыхать горьковатый запах ее волос. Чего лукавить, Констанция мне нравилась. Подошел второй трамвай. И тоже ушел.

Мы стояли и по-прежнему молчали. Каждый по-своему пытался растянуть быстро сокращающееся время, как-то обмануть его. Подошел третий. Дома у меня невпроворот незаконченных предотъездных дел, время поджимало. Констанция умоляюще посмотрела на последнего входящего в вагон пассажира. Я едва успел вскочить на подножку, набирающего скорость, трамвая. Констанция стояла неподвижно. Трамвай завернул за угол дома...

Время, проведенное с Констанцией, в моей жизни заняло всего несколько часов, но воспоминания о них каждый раз вспыхивали радостным солнечным зайчиком, приятно озаряя серые будни повседневной жизни.

Нина

На уроках физкультуры, когда класс выстраивался в шеренгу по росту, строй неизменно замыкался мной. Я был не только самым маленьким, но самым худым, слабым, болезненным, с тощей шеей, узкой цыплячьей грудью, тоненькими ножками и ручками. Мальчишки избегали брать меня в свои игры, боясь что-нибудь во мне сломать. Я всегда стоял в стороне и с тоской и завистью наблюдал за их веселой возней. Почти все мои одноклассники были рослыми, здоровыми обычными ребятами, а девочки, еще недавно гадкие утеныши, на парном молоке и добротном сале быстро превратились в цветущих девушек с округлыми привлекательными формами и румянцем во всю щеку, хотя их психика все еще оставалась явно детской, не поспевающей за развитием тела.

Однажды, на большой перемене я, как обычно, стоял в стороне и наблюдал за разыгравшимися, раскрасневшимися мальчишками, гонявшимися друг за

другом. Незаметно ко мне подошла Нинка, дородная девица из нашего класса, и, схватив, взяла на руки, прижав к себе как маленького ребенка. Я стал выры-

ваться, но ее сильные руки плотно запеленали меня: «Ну, чего, маленький, плачешь, кушать хочешь? Сейчас я тебя манной кашкой накормлю, ну, успокойся, перестань хныкать». Ребята и девчонки, увидев эту картину, смеясь, окружили нас. Какая-то дуреха посоветовала: «Нин, он молочка хочет, дай ему титьку», и Нинка стала расстегивать пуговку на блузке. Все взорвались от смеха. От стыда и унижения я схватил Нинкину руку и сильно укусил. «Дурак», - вскрикнула она и, разжав объятия, выпустила меня из плена. Забравшись в отдаленный уголок школы, я горестно заплакал. Ну, в чем моя вина, что я не расту, что я такой никчемный, хилый, но я не глупее вас. Это вы, дылды, списываете у меня домашние задания, это меня прикрепляют, чтобы подтянуть вас по математике. Ничего, сильным может быть и маленький. И я решил стать сильным.

При городском Дворце пионеров функционировала школа бокса, и я отправился туда. Придя на занятие, разделся и стал в шеренгу. Преподаватель меня сразу заметил:

– Ты кто такой?

– Хочу стать боксером, – робко признался я.

– Ты?! Боксером?! А ну-ка быстренько оставь зал!

Но я зал не оставил. Смешавшись с ребятами, стал вместе с ними отрабатывать боксерские приемы. Мне, как и многим мальчишкам моего возраста, начитавшихся Джека Лондона, Кервуда, Ирвинга, очень хотелось попробовать боксерские перчатки. Казалось, что, надев их, сразу приобретешь силу, мужество и выносливость их героев. И я с нескрываемой радостью натянул перчатки. Ко мне подошел какой-то верзила, предложив отработать удар прямой правой. Правой, так правой, и я встал в стойку. Первым же ударом он выбил мне челюсть. Я испугался, громко застонал. В зале поднялся шум. Тренер, подойдя, довольно быстро ее вправил, чем успокоил меня и ребят. После этого, не совсем педагогично, но вполне по-боксерски, легонько шлепнув по тому месту, где спина кончает свое благородное название, выдворил из зала: «Чтоб духа твоего больше здесь не было!»

Но в моем хилом теле жил негибемый характер. Я во что бы то ни стало решил стать сильным. К занятиям тяжелой атлетикой явно не годился: у меня не было сил, чтобы поднять даже пустой гриф штанги, да и мальчишек туда не принимали. Борцовской школы не было, и я пошел в школу спортивной гимнастики.

Начало было таким же: разделся и встал в строй. Подошел тренер и критически посмотрел на меня:

– Что, хочешь стать человеком?

– Хочу, – без всякой надежды протянул я.

– Ну, что ж, попробуем.

Мне выдали спортивные трико, тапочки и майку. Моего размера не нашлось, и одежда висела на мне, как на вешалке. Маме пришлось еешить, и я начал

заниматься спортивной гимнастикой. Было мучительно трудно, я падал, сильно ушибался, однажды меня даже отвезили домой на извозчике (такси в те годы еще не было, даже скорая помощь, или карета скорой помощи, была конной), очень уставал, далеко не все и не всегда получалось, но я упорно посещал занятия. Так прошел год, за ним второй и третий. Я изменился до неузнаваемости. Вырос, окреп, раздался в плечах, у меня выработалась фигура, характерная для гимнастов: стройная, мускулистая, сильная. Для меня не было проблем выполнить сальто, стойку на руках, различные махи или, другие довольно сложные комбинации на перекладине, брусьях или кольцах. Мне присудили спортивный разряд, и среди гимнастов я стал своим человеком. Все давно забыли, каким заморышем я пришел. Мы, гимнасты, среди ребят пользовались уважением, а среди девушек – успехом. Многим из них хотелось поближе познакомиться, завязать дружбу.

Однажды в августовский жаркий день я сидел во дворе и читал, затем зашел в дом напиться воды. Дома никого не было, лишь на кухне сидела Настя – знакомая крестьянка из далекой деревни. Приезжая в город, она всегда останавливалась у нас, иногда ночевала. Ее муж, напившись, утонул, оставив в 30 лет вдовой. Белая майка плотно облегла мое тело, подчеркивая бугорки мышц и шоколадный цвет южного загара. Настя что-то спросила, посмотрела каким-то неопределенным продолжительным взглядом, подошла и, сняв с меня майку, провела рукой по плечам, спине, шее: «Какой же ты стал парень, совсем взрослый!». Она это повторила несколько раз, затем охватила мою голову, прижала к груди. Лицо погрузилось в какую-то мягкую ошеломляющую упругость, я слышал быстрые удары ее сердца и тихие слова, прерываемые учащенным дыханием. Настя прижалась всем телом. Между нами был лишь тонкий ситец ее платя. Живое тепло пьянило и туманило сознание... Вдруг послышался шум. Наша кухня была проходной, и соседка, громыхая ведрами, прошла во двор к водопроводу. Услышав шаги, Настя мгновенно отскочила и, поправив косынку, отвернула к окну раскрасневшееся лицо. Я остался стоять, еще не все понимая, что происходит... Прошло много лет, но этот случай хорошо помню, а теперь и понимаю тот отчаянный порыв молодой, здоровой и невостробованной плоти.

Отношение ко мне изменилось и в школе и не только потому, что я выступал на вечере во Дворце пионеров, и мне аплодировал зал, просто мы повзрослели, шел последний год нашей школьной жизни. Изменилось ко мне и отношение Нинки, и я этого не мог не заметить. После уроков она поджидала, чтобы вместе идти домой, иногда просила нести ее портфель, когда мне надо было свернуть домой, придумывала повод, чтобы проводить ее, зачастила к нам в дом. Как-то попросила ее поцеловать. У меня в этом опыта не было и я, ткнув губами в ее щеку, смущенно

покраснел. Нинка взъерошила мои волосы и победно улыбнулась. К радости мамы, энтузиазм с моей стороны был минимальный, просто акт вежливости. У меня не было чем ей ответить, хотя она в классе и считалась красивой, даже очень. Некоторые мои товарищи к ней были весьма равнодушны и завидовали мне. Когда я, служил в армии, Нина забрасывала письмами, в которых без всяких намеков определенно мечтала о нашем совместном будущем.

После войны я сразу восстановился в университет. Домой поехал лишь на следующее лето. Города не узнал, он был весь в битом кирпиче, руинах, пустых глазницах выбитых окон, не догоревших или сожженных зданий. Когда-то до боли знакомые улицы были едва узнаваемы. Еле нашел двор, где должны были жить родители. Открыв калитку, увидел маму. Она набирала из водопроводной колонки воду. Я ее сразу узнал. Постаревшая, похудевшая, плохо одетая. Сердце мое сжалось от боли. Мама равнодушно посмотрела на меня и, согнувшись от тяжести, потащила в дом полведра воды. Я ее окликнул. Она остановилась, не узнавая меня, – ушел мальчиком, пришел – мужем. Я не выдержал: «Мама, ты меня не узнаешь?» Ее глаза увеличились, стали большими, круглыми, и она потеряла сознание. Подняв ее легкое тело, я внес в дом, где ютились мои родители. (Интересно, что его хозяин, хитроватый старик, все еще хранил два портрета: Гитлера и Сталина. Он еще не был уверен, чья власть установится).

Весть о моем приезде мгновенно облетела знакомых, и они целый день приходили повидаться. Некоторые плакали: «Вот ты пришел, а нашего сына нет!» Я чувствовал себя виноватым, будто их смерть была плата за мою жизнь. Конечно, были расспросы о судьбах товарищей, знакомых, друзей, спросил и о Нине. Рассказывали, что она все время оккупации довольно активно сотрудничала с немцами, работа-

ла в каком-то немецком учреждении. Ее часто видели развезжающей в открытой машине с немецкими офицерами и с огромной овчаркой Блонди. Немцы даже привезли Нине рояль, взятый из дома какой-то еврейской семьи. Она хорошо играла. В общем, Нина жила в свое удовольствие, беззаботно и весело. Немцы ее вполне устраивали, даже более того. При отступлении она отступала вместе с ними, дошла до Германии. После войны, никому не нужная, возвратилась домой. Выдавала себя за насильно угнанную в немецкое рабство.

Однажды я ее встретил. Нина меня узнала, ее лицо вздрогнуло, но она сделала вид, что не заметила и прошла мимо. Я ее окликнул. Разговорились. Конечно, услышал легенду о немецком рабстве. Но затем женское любопытство взяло верх, и она кокетливо стала расспрашивать: женат ли, бабы, наверное, прохода не дают?! О себе сказала, что, мол, девушка. Для меня в то время война еще не закончилась, ненависть ко всему, что связано с немцами была жива и свежа. Слишком много ужасного пришлось повидать и пережить. Память была беспощадна: «Да, смогла от немцев рояль родить и остаться девушкой. Интересно! А Блонди где?» Нина вздрогнула, как от пощечины, запнулась на полуслове, побледнела, сгорбилась, повернулась и побрела шаркающей походкой, как жалкая побитая собака. Позже она вышла замуж, работала воспитательницей в детском садике. Своих детей не было – Б-г шельму метит. А в остальном ее жизнь была вполне благополучной и спокойной. Никто ей не напоминал о не таком уж безобидном прошлом.

Больше я Нину не видел. О чем вовсе не жалею. Думаю, она тоже. Как говорил мой знаменитый тезка артист Гердт: «Видеть вас – одно удовольствие, а не видеть – совсем другое!»

Рахиль

*Светлой памяти Рахили Пинской
и Исаака Зайцева посвящается.
Да будет она благословенна.*

Город моего детства. Ушедший за далекие горизонты времени, но оставшийся близким и милым сердцу. Туда, в его туманную даль, как перелетные птицы, возвращающиеся к родным гнездам, улетают воспоминания. Бестелесными призраками бродят они по знакомым улицам, бульварам, дворам, заглядывая в окна домов. Солнечный зайчик памяти то более четко, то менее, высвечивает родные и навсегда исчезнувшие силуэты.

Не знаю почему, но в памяти особенно врезалось раннее утро в моем южном городе. Помню, как растворяются и гаснут последние звезды, и воздух приобретает какую-то особенную тонкость и прозрачность. С реки тянет сырой свежестью, которая, как

хорошее вино, немного пьянит. В садах просыпаются первые птахи, где-то еще поет соловей. Лучи молодого солнца пока слабы и с трудом пробивают густую крону каштанов, бросая на землю робкие неуверенные блики. Травинки, умытые утренней росой, тихо

шелестят узкими листочками. Стены домов, асфальт улиц и площадей, стволы больших белых акаций – все отдает последнее тепло вчерашнего дня. Уже совсем светло и город, поживаясь от утренней прохлады, не спеша, пробуждается. К базарной площади потянулись крестьянские телеги. Открываются разные мастерские, на окнах магазинов и лавчонок поднимают металлические гофрированные шторы. Мой дедушка Рафаил тоже встал, умывшись и одевшись, торопится к первой утренней молитве в Большую синагогу. Так называют главную синагогу города. Она расположена недалеко от нашего дома, и я там часто бываю, особенно по праздникам и субботам, неся дедушкин молитвенник и красиво вышитую темно-малиновую бархатную сумочку с талесом и филактериями. Мне здесь нравится. В большом молитвенном зале в ряд выстроились красивые колонны с лепным украшением. Потолок выстлан черным бархатом с прорезанными светящимися звездами и полумесяцем – наивными символами ночного неба. В восточную стену вмонтирован красивый Арон Кодеш – стеной шкаф для Торы. Он сделан очень искусно и обрамлен сложными переплетениями позолоченных цветов и листьев. Фантазия и умение резчика поражают. Во время молитвы с торжественной осторожностью из него достают Свитки, разодетые в богатые бархатные чехлы, расшитые золотом. Тору бережно обносят, и молящиеся, дотронувшись, целуют пальцы.

Солнце набирает высоту и заметно пригревает. Мама, набросив на голову легкую косынку, спешит на базар. Мама красивая стройная блондинка с чистыми голубыми глазами, что редко встречается среди моих единоплеменников. У нее свежий южный румянец и небольшая родинка на щеке. Отец ее любит и позже, спустя много десятилетий, умирая, последними усилиями гладит ее, увы, уже морщинистую руку.

Папа, наоборот, жгучий брюнет, с крепкими руками и покатыми плечами. Он не только силен, но и завидно здоров, до глубокой старости не знавший ни больниц, ни поликлиник. Муки доставляли лишь корни зубов, выбитых на очередном погроме не то «белыми», не то «красными» – все старались хорошо.

В нашем доме уже открыты ставни и распахнуты окна. Из глубины комнат доносится чистое красивое пение. Это, убирая квартиру, поет Рахилька – младшая сестра моей мамы, почти девчонка, и я не хочу называть ее тетей. Она любит и умеет петь, знает множество песен. Ее пение под окнами нередко собирает любителей. Они понимающе слушают и одобрительно кивают головами. Вообще, в то довоенное время, народ любил петь, особенно на Украине. Пели крестьяне, возвращающиеся с поля, тихо напевали за работой сапожники и портные. Хорошую музыку понимали, да и вкусы были другими. Ценили благородные скрипку, флейту, рояль, но не примитивный барабан и электрогитару, способных лишь отбивать

такт. Часто их окон еврейских домов доносилось тихое детское разучивание скрипичных гамм.

Окончив школу, Рахиль устроилась продавцом в книжный магазин. Однажды в такое же прозрачное утро в магазине она была одна и, по обыкновению, пела. Мимо проходил, захвативший профессор консерватории. Услышав пение, он тотчас его оценил. Зайдя в магазин, упрямая смущающуюся девушку еще что-нибудь спеть. Профессор был ошеломлен. У Рахили оказался редчайший тембр колоратурного сопрано. Вечером профессор был у нас дома, пытаясь уговорить дедушку отпустить дочь для учебы в Киев. Дедушка был непреклонен: «Нет!» – девчонку одну, несмышленую, да еще хорошенькую, в Киев, где столько соблазнов. Парни и здесь доставляют немало хлопот, а там! «Ни в коем случае!» Так он поступил и с моей матерью, когда на городском конкурсе детского рисунка ее карандашный портрет занял первое место, и она получила возможность бесплатного обучения в Одесской художественной студии. Но дедушка сказал: «Нет, одесских босяков нам только не хватало!» – и мамин талант был загублен.

Но профессор был еврей, и беседа происходила на родном языке, что заметно смягчило обстановку. Профессор уверял, божился и клялся, что с Рахилью ничего худого не случится, он этого не допустит и будет ее опекать как родную дочь. И дедушка, скрипя сердцем, сдался.

У Рахили оказался не только удивительно красивый голос, но абсолютный слух и хорошая музыкальная память – все, что необходимо для успешной карьеры оперной певицы. Она легко и быстро освоила необходимые знания и навыки. Будучи на 3 курсе, уже была зачислена в труппу Киевского театра оперы и балета – одного из лучших в стране, вскоре став его солисткой. О ней заговорила пресса. Помню статью в тогдашней центральной газете «Коммунист» под названием: «Рахиль Пинская – украинский соловей».

Дедушка был хорошим слесарем, и к нему на учебу охотно отдавали молодых парней. Одним из них был Исаак, с нетипичной фамилией «Зайцев». Он оказался хорошим малым, смысленным, обязательным, с хорошими руками. Исаак до самозабвения был влюблен в младшую дочь своего учителя. Он страдал и мучился, но признаться боялся ее равнодушия. Для него ее имя было святым. Но подошло время, и Исаака призвали в армию, где он и остался, став профессиональным военным. Служил в полку дальнебомбардировочной авиации. Позже, когда Рахиль училась в консерватории, он с большим трудом перевелся в такую же часть, но возле Киева, чтобы быть ближе к ней. Когда Рахиль перешла на последний курс, они женились. Это была хорошая пара. Однако счастье их было недолгим. Его оборвала война. Рахиль даже не успела сдать госэкзамены. Немцы рвались к Киеву с поразительной быстротой. Частые бомбежки сеяли хаос, неразбериху, панику. В отъезжающие на восток

поезда попасть невозможно. Что могла сделать Рахиль одна, слабая, да еще на последнем месяце беременности. Как-то Исааку на короткое время чудом удалось выбраться из части и он, буквально, силой втолкнул ее в переполненную теплушку последнего поезда. В вагоне крик, стон, матерщина, кулаки, ни сесть, ни лечь. Рахиль так сдавили, что у нее начались преждевременные роды – кошмар, который и в страшном сне не приснится. Родился хороший мальчик, уже с черными как у Исаака волосиками, но обезумевшая, озверевшая толпа его раздавила...

Рахиль больную, обессиленную, измученную поезд привез на какой-то Б-гом забытый сибирский полустанок. Затем телегой до деревни. Поместили в сарай, позже в кухню какой-то старухи. Непривычная работа в колхозе, голод и холод ее крепко измотали. Но удалось установить связь с мужем, и Исаак какое-то время ей пересылал свою зарплату, что сделало возможным как-то продержаться. Но связь вскоре прервалась и установить ее так и не удалось (стопка писем Исаака, трогательных и нежных хранятся у меня). В осеннюю непогоду истощенная, плохо одетая, работая в поле, Рахиль сильно простудилась. Кашель разрывал грудь. Лечить некому и нечем. В груди появились зловещие хрипы, стало трудно дышать, воздух со свистом прорывался в легкие. Развилась бронхиальная астма. Если короткое, но страшное слово «война» жирной чертой перечеркнула любимые театральные подмостки, успех у восторженной публики, аплодисменты, букеты цветов, то такое же

короткое, и не менее зловещее «астма» перечеркнуло и надежду.

Цена жизни на войне – ломаный грош, особенно у летчиков. Немцы в нашем небе чувствовали себя безнаказанно и вольготно. Возвращаясь после бомбардировки нефтеперегонного завода в румынском городе Констанце, и, пролетая над Украиной самолет Исаака был в упор расстрелян немецким истребителем. Объятый пламенем, он рухнул, но Исаак и его стрелок-радист каким-то чудом смогли выброситься на парашютах. Попали к немцам. Радист, будучи украинцем, и всего сержантом был отправлен в лагерь для военнопленных, где досидел до конца войны и вернулся домой. Но Исаак (в то время уже, кажется, полковник) был не только летчиком, но коммунистом и евреем – всем, что немцы «обожали». Его не расстреляли, его рубили по частям: руки, затем ноги... Даже немцы избегали такой «работы», но ее охотно выполняли наши бывшие товарищи, соседи, сослуживцы. Их жестокости можно лишь удивляться. Все это видел радист. Исаак смог ему сообщить имя жены и возможное послевоенное местожительство, чтобы он передал его последнее «люблю!» Радист оказался на удивление порядочным и обязательным человеком, и после войны разыскал Рахиль и все это рассказал. К ней вызывали «скорую».

Рахиль умерла в полном одиночестве. В нужную минуту некому было подать стакан воды. Как говорят: «Не родись красивой, а родись счастливой».

Ада

Женщины на войне – это излюбленная и, по-видимому, неисчерпаемая тема солдатского фольклора. Они, распыленные среди огромного количества огрубевших и очерстевших мужчин, всегда давали обильную пищу многочисленным рассказам, историям, анекдотам и просто элементарному вранью. В них женщины подавались далеко не в самом лучшем свете. Но это фольклор, а в действительности их жизнь на фронте, ох, как непроста. Они не только делили с мужчинами все тяготы войны, но, в добавок ко всему, вынуждены были жить среди их неестественно большой массы, уметь лавировать между многочисленными назойливыми, начальными и далеко не всегда желанными «кавалерами». Кроме всего прочего, у них имеются и свои чисто женские проблемы, немало усложняющие жизнь, особенно в условиях фронте. И, тем не менее, несмотря на все чудовищно огромные моральные и физические перегрузки, на невероятные трудности, порой делающие жизнь невыносимой, и здесь разыгрывались «любвные сцены», хотя и далекие от идиллических, пасторальных, имеющие свой специфический фронтовой привкус. Так, на передовой, где «до смерти четыре шага», хотя и было не до этого, однако пухленький, кудрявый ангелочек, стрелой пронзающий сердце, нет, нет, да и заглядывал. В обычных условиях эти «чудные мгновения» стараются продлить, сделать бесконечными, но на фронте Купидон долго не задерживался, свое «дело» он делал поспешно, суетно, на скорую руку: надо успеть урвать, ухватить, уловить свое – до утра можно и не дожить...

Чтобы избежать «прелестей» фронтовой жизни некоторые решались на беременность. Это давало возможность не только сохранить жизнь, но что само собой уже немало, но и остаться не искалеченной, не инвалидом, что для женщины хуже смерти. Ребенок часто был желанным, особенно при послевоенном дефиците мужского населения. Кроме того, возникла и особая категория женщин, в солдатской среде называемая ППЖ – подвижно-полевые жены, попросту,

содержанки у высокого начальства. Такое положение давало известное преимущество: безбедную жизнь, комфорт и гарантию от передовой. Некоторые из них, наиболее практичные и пробойные, это положение сохраняли не только до конца войны, но и после, выжив законных, ожидавших и надеявшихся. Конечно, была и «любовь до гробовой доски», да и совсем немало стойких и неприступных «как скала», мужественно отражающих сильнейшие атаки «стали и

огня». В общем, как везде и как всегда, лишь несколько по-иному.

Мне, полуголодному и замызганному, постоянно ощущавшему «холодное дыхание смерти», женщины на ум приходили совсем нечасто, как комета Галлея, их образ редко волновал мое воображение. Но было до боли обидно умереть не целованным, не знавшим женской ласки, не видевшим живого женского тела. Ведь я был почти мальчик.

Девушка была и на нашей батарее, телефонистка, из студентов. Ее звали незатасканным и красивым именем Ада. Вполне хорошая девчонка: в меру скромная, в меру кокетливая, совсем не глупая и достаточно начитанная. Ада не курила, не сквернословила и не пила. Так поступали далеко не все фронтовые «дамы». Положенные каждодневные сто грамм водки, «наркомовские», отдавала. Это было не так заметно, но Ада в повседневную нелегкую жизнь батареи вносила какой-то небольшой, но светлый лучик. При ней солдаты даже старались выражаться не так круто. Иногда, когда я приходил с передовой на батарею, умышленно задерживался: мне всегда хотелось с ней поболтать, пообщаться. Помню, как Ада была удивлена, узнав, что ее имя на иврите означает «украшение», что небольшой украинский городок Бердичев прославился не только своим еврейским большинством, но и тем, что в нем состоялась свадьба Бальзака с красавицей польской графиней. Наши «неторопливые светские беседы» мне были очень приятны. Думаю, и ей. Они возвращали нас в бывшую студенческую среду, в полузабытую довоенную жизнь. Как-то в немецком блиндаже я взял для нее кусок душистого мыла и красивую расческу. Ей это оказалось весьма кстати, и она искренне обрадовалась подарку. На батарее к Аде относились хорошо, по возможности оберегали, не заставляли бежать на линию срывать разорванные провода, особенно во время обстрелов.

О санитарии на фронте можно говорить или весьма условно, или в шутку.

О какой санитарии может идти речь, когда вокруг грязь, кровь, смерть. Сон в одежде, в землянках, на еловых ветках, многие месяцы не видя бани, да и вообще не моясь. Белье, задубевшее от пота и грязи, имело цвет кирзовых сапог. Будучи в госпитале, я лишь где-то через месяц увидел нормальный цвет кожи своих рук. А каково женщинам в таких условиях? Сущий ад.

Фаня

Двор моего детства выдающиеся личности почему-то не посещали, но иногда встречались местные знаменитости. Именно такой был парикмахер Берл Гальперин. Себя он называл Борис Яковлевич, но двор его звал Берл дер гелер, т.е. Рыжий. Усаживая

Вот и Ада, воспользовавшись, что позади пушек протекает ручей, пошла постирать свое нехитрое белье, может, и самой сполоснуться. Но в это время немцы засекали нашу батарею и обрушили на нее сильный артиллерийский огонь. Все попрятались в землянку. Вокруг взрывалось, грохотало, дрожало. С потолочного наката и со стен осыпалась земля. В таких условиях особенно опасно прямое попадание в снаряды или в землянку. Тогда – конец. Всем.

Неожиданно в землянку ввалился где-то задержавшийся солдат, и взволнованно прохрипел: «Аду ранило. У ручья». Комиссар батареи стрельнул по мне глазами: «Беги!» Осторожно выглянув из землянки, боязливо выполз, но обстрел прекратился, и я без приключений добежал до ручья. Ада лежала на спине, брюки на ней были изорваны и густо измазаны кровью. Лицо стало каким-то неестественно плоским и очень бледным – ни кровинки. Сняв брюки, я обомлел: вся мякоть бедра от паха и до колена была вырвана, виднелась оголенная кость, из порванных вен выдувались кровавые пузыри. Я все понял:

Ада обречена! Побелевшими губами она чуть слышно спросила: «Что?» «Да ничего особенного. Небольшое ранение. Мы еще потанцуем», – пытался я хоть как-то ее успокоить. Брючным ремешком перетянул то, что еще можно было перетянуть, чтобы сохранить остатки крови, и, взяв на руки, понес ее в ближайший медсанбат. Но на полпути Ада как-то странно вытянулась, ссунулась и стала очень тяжелой. Я опустил ее на землю. Взяв кисть, не ощутил пульса, не было слышно и ударов сердца, полузакрытые глаза потеряли свой естественный блеск, стали какими-то матовыми. Ада была мертва. Умерла только что, у меня на руках, еще не все тепло покинуло ее, еще ее кровь не высохла на моей одежде. Меня, большую часть времени проводившего на передовой и привыкшего к смертям, Адина смерть потрясла до глубины души. Я был не только растерян, но раздавлен, распластан. Я стоял, ничего не понимая, полчаса, может быть час, а может, вечность... В ушах еще звучал ее молодой звонкий голос, перед глазами еще были выбившиеся из-под пилотки черные, как смоль локоны. «Ада, Ада, – испуганно шептал я про себя, – за что? почему?» Ответа не было...

Перенеся ее в бомбовую воронку, прикрыл еловыми ветвями, сообщил на батарею. Пришедшие солдаты засыпали землей. На свежий могильный холмик я положил пару веточек цветущего иван-чая. Был конец лета 1942 года.

клиента на обычный стул с деревянными подлокотниками, почему-то называемый креслом, он задавал традиционный вопрос: «Вам стричь – да, или Вам стричь – нет?» Однако известность ему принесло не это. Известность ему принесла его младшая дочь

Фаня, мизинка. Фаня была красивой девчонкой, с очень приятным личиком и весьма привлекательной фигуркой. Двор ее оценил вполне определенно: “красивая, как солнышко”. Возле Фани всегда вертелись ребята, а мужчины ее провожали продолжительным взглядом. Фаня любила петь. У нее был красивый, сильный голос и она мечтала стать певицей. К удивлению всему двору, Фаня, окончив школу, поступила в Киевскую консерваторию. Берл, ее отец, от радости земли под собой не чуял: шутка ли, его Фаня стала студенткой! Единственной студенткой в нашем дворе! Все его поздравляли, все ему завидовали.

Осенью Фаня уехала учиться. Большой город, занятия, самостоятельная жизнь, общежитие, студенческая среда – все это для нее, провинциалки, было непривычным, новым и вызывало смешанное чувство легкого замешательства и гордости. Фаня со всем этим удивительно быстро освоилась и включилась в обычную студенческую жизнь: лекции, столовая, домашние задания, вечерами по выходным иногда танцульки.

Успех у противоположного пола сопровождал ее и здесь. Парни к Фане тянулись, не оставляли без внимания. На танцах ее неизменно приглашали, с ней старались познакомиться. В общем, она, как говорят, пользовалась успехом, что нередко вызывало зависть и злобу подружек. Иногда, развлечения ради, она кружила ребятам головы, заводя легкие флирты. Но один студент, по имени Степан Чуб, проявлял к ней особую активность. Он всегда был возле нее, дарил ей дешевые безделушки, угощал мороженым и разными деликатесами, присылаемыми ему из деревни. Фаня к этому относилась спокойно. Просто ей, как и любой женщине, ухаживание было приятно, льстило. Но, так или иначе, со Степаном она проводила больше времени, чем с другими ребятами. Они подолгу прогуливались по ночному Киеву или сидели на скамеечке в каком-нибудь парке, иногда допоздна. Их дружба была заметна, о ней говорили, многие завидовали. Все было бы хорошо, но у Фани, молодой и неопытной, стала портиться фигура...

Родилась девочка, Оленька. Жизнь сделала крутой поворот, все изменилось. Что делать, как быть, как жить? О женитьбе и речи быть не могло. Его родители даже видеть ее не хотели. Им достаточно было одного имени. А ее – проклинали тот час, когда она стала студенткой. В те далекие довоенные годы смешанные браки были большой редкостью. Еще реже встречались матери-одиночки. Презирали не только их, но и их детей-байстрюков.

На еще юные Фанины плечи обрушилось множество непредвиденных и невероятно тяжелых проблем, с которыми и в нормальных условиях справиться совсем непросто, а ей? Одной, в общежитии, с маленьким ребенком, которого необходимо кормить, купать, пеленать, без средств к существова-

нию, презираемой. Не с кем посоветоваться, не у кого спросить, некому и поплакаться. Порой охватывало отчаяние, опускались руки, в голову закрадывались черные мысли. Как будет жить этот маленький родной комочек, кто о нем позаботится, кто его приласкает?

Так безрадостно, в постоянных заботах и лишениях, проходили Фанины дни. Но настали времена еще хуже, еще более тяжелые – разразилась война!

Немцы быстро подошли к Киеву. Паника, анархия, безвластие охватили этот огромный человеческий муравейник. Никто не знал, что делать, куда бежать, у кого спросить? Люди метались, как ослепленные птицы, ломая себе крылья. В поезда, уходящие на восток, попасть было невозможно. Там царил жестокая, грубая сила. От Степана, как и прежде, никакой помощи, да и он куда-то исчез. Фаня осталась совершенно одна, растерянная, раздавленная, беспомощная, с маленьким ребенком на руках.

Немцы вошли в Киев, и сразу же началась охота на евреев, грабежи еврейских домов, разбой, убийства, депортации, массовые расстрелы. Особенно усердствовали наши бывшие соседи, друзья, приятели, хорошие знакомые... Фаня ежеминутно ждала смерти и молила, чтобы она была мгновенной, без мучений.

Но ей несказанно повезло. Судьба, казалось, отворачиваясь от нее, улыбнулась. Где-то она нашла паспорт на имя Ванды Свенцицкой, молодой полячки. Фотографию Фане умело переклеили, и она начала новую, чужую жизнь, жизнь Ванды Свенцицкой. Ее не трогали, но каждая проверка документов стоила годы жизни.

Фаня видела все: ужасы гетто, издевательства, кошмарные, нескончаемые потоки ее единоплеменников, гонимых на убой, безнадежность, заплаканные лица перепуганных детишек, прижимающихся к родителям, инвалидов, которых тащили на себе или волокли на самодельных колясках, беспощадных, жестоких полицаев и орущих немцев, прикладами и палками, подгоняющих этих несчастных, и огромных злых овчарок. Эти страшные картины, как ржавчина разъедали душу, проникали во все ее уголки, лишали сна, покоя, доводили до полного иступления...

Немцы, окрыленные легкой победой, стали уверенно обосновываться. В городе появились разные учреждения, рынки, магазинчики, ларечки, а также всевозможные увеселительные заведения, кинотеатры, ресторанчики и рестораны. В тех из них, в которых собиралась офицерская верхушка, выступали даже небольшие оркестры. Как-то Фаня познакомилась с одним из музыкантов, и он пригласил ее выступать с ними. Фаня, конечно, этому обрадовалась. Это был далеко не самый худший вариант, хоть какие-то гроши.

Ее выступления пользовались успехом. Фане не только горячо аплодировали и вызывали на бис, но

дарили цветы, иногда конфеты или совсем неплохую косметику. Из всей этой курящей, жующей и пьющей зеленовато-серой офицерской массы выделялся один, высокий, стройный офицер с неплохим интеллигентным лицом. Он всегда приходил на Фанины выступления, внимательно слушал ее пение. После концертов неизменно преподносил большие букеты цветов и делал дорогие подарки. Иногда провожал или отвозил домой на своей машине. Звали его Альберт Фихте. Он был начальником какой-то крупной тыловой службы. Его ухаживания были ненавязчивыми, деликатными, приятными. С Альбертом было не только легко, но и интересно. До войны он работал архитектором. Его родители, достаточно состоятельные люди, дали единственному сыну хорошее образование. Альберт говорил на нескольких европейских языках, неплохо играл на рояле и, как большинство архитекторов, рисовал. Постепенно ухаживание Альберта становилось все более серьезным. Фаня глубоко запала в душу немецкому офицеру. Через какое-то время она с Олей перешли жить к Альберту. Фаня хорошо понимала, что надежней защиты ей не найти. Альберт оказался совсем неплохим семьянином: заботливым, любящим, терпеливым. К Оле привязался, как к своей, возился с ней, обучал немецкому языку, баловал. Альберт был счастлив. Единственное, что ему не хватало – это ребенка от него и Фани. Но Фаня всяческими ухищрениями этого не допускала.

Их семейная идиллия продолжалась почти все время оккупации. Но наступили другие времена – фронт дрогнул, и немцы начали отступать. Кто-то этому обрадовался, а кого-то и огорчило. Когда бои подошли к Киеву, немцев охватила паника: они стали паковать чемоданы, тыловые службы приступили к эвакуации. Родители Альберта, проживающие в Германии, будучи неглупыми и практичными, поняли неизбежность краха и заблаговременно уехали в Чили, переведя туда и немалые средства.

Альберт, конечно, знал, кем в действительности является его Ванда. Он понимал, что рискует жизнью, но он ее любил, хотя и не мог не понимать, что Ванда никогда не была его и не могла ею быть. Но он на что-то надеясь, уговаривал ее уехать с ним к родителям, где они могли бы жить спокойно, в свое удовольствие. Но тщетно. Фаня неизменно уклонялась от этих разговоров. Перед ее глазами всегда стояли страшные картины палками подгоняемых полуживых, полумертвых, крики немецких солдат, зверства полицаев и оскал свирепых овчарок. От всего этого не хотелось жить. Оно преследовало как тень, не отпуская ни на минуту, въедалось во все закоулки сознания, отравляя жизнь, лишая ее покоя и чувства радости. Фаня не могла видеть серо-зеленые шинели, не могла слышать немецкую речь. Это всегда доставляло ей боль. Нет и только нет! Она никуда не поедет. Даже с Альбертом, в котором так уверена. Фаня с нетерпением ждала советских войск...

Быстро подошло время расставания. Оно было тяжелым. Альберт прекрасно понимал, что теряет Фаню. Теряет навсегда. Больше не увидит родинки на ее шее, которую так любил целовать, не услышит ее голоса, не ощутит мягкой упругости ее плеч... Никогда! Конечно, Фаня рисковала, она даже хотела где-нибудь запрятаться. За отказ уехать ей могли и отомстить. Но вряд ли Альберт пошел бы на это. Он ее слишком любит.

Альберт нежно прижимал Фанину голову к своей щеке, целовал ее глаза, руки, гладил ее волосы. Как он хотел все это увезти с собой! А Оленька! Он привык к ней, привязался. В свободное время рисовал с ней домики, цветочки, по ночам вставал и укрывал упавшим одеялом ...

Дверь в комнату открылась без стука. Вошедший адъютант, поспешно взял вещи и тревожно показал на часы...

В Киеве снова восстановилась советская власть. Ванда Свенцицкая снова стала Фаней Гальпериной. Ей больше не надо избегать людей, платком закрывать лицо, дрожать при каждой проверке документов, бояться депортации или немедленного расстрела. Конечно, судьба к ней отнеслась благосклонно, подарив жизнь. Но новая жизнь была совсем непростой: послевоенная разруха, безработица, голод, безденежье и снова старый вопрос: как жить, одной с ребенком на руках? Приходилось как-то выкручиваться, существовать на копеечные заработки. Но постепенно жизнь стала налаживаться: восстанавливались разрушенные здания, строились новые, появлялись различные учреждения, оживилась торговля. Постепенно руки дошли и до оперного театра – визитной карточки Киева. Его начали ремонтировать и приводить в порядок. Одновременно восстанавливалась и труппа театра. Фане удалось устроиться солисткой хора. Это ее несказанно обрадовало, и не только потому, что она смогла получать продуктовую карточку и какую-то зарплату, что в той жизни было совсем немаловажно, но и потому, что это был театр. Жизнь театра была ее жизнью.

Вновь создаваемая труппа состояла из нескольких старых артистов и музыкантов, а также из новых, демобилизовавшихся из армии или приехавших из эвакуации. Стали поговаривать о репертуаре, начались репетиции, спевки, разучивание ролей. Театр начал жить.

Мужская часть хора приобрела хорошего тенора. Его звали Рувим Коган, он был польским евреем и служил в одной из польских армий, воевавших на советской стороне, дважды ранен. На родине, в Польше, Рувим работал кантором Большой синагоги города Лодзи. Голос ему ставили в Италии. Вся его большая родня осталась там, в лагерях уничтожения, выжил он один.

Одиночество, совместная работа, общие заботы и общие интересы сблизили Рувима и Фаню. Они часто встречались, подолгу беседовали, иногда даже на идиш, рассказывали, расспрашивали, проявляли друг о друге заботу. Вдвоем им было хорошо, и они поняли, что жить надо вместе.

После регистрации брака Рувим преподнес Фане обручальное кольцо, давно припасенное, и цветы, чем Фаню несказанно обрадовал. Для свадебного обеда где-то раздобыли немного картофеля и банку американской тушенки (такой в конце войны кормили наших солдат). По тем временам, когда люди голодали, и продукты были строго лимитированы карточной системой, такой обед был больше, чем барский.

У Рувима и Фани сложилась хорошая семья. Олю Рувим удочерил. Как приятно осознавать, что ты не одинок, что рядом всегда близкий, любящий человек, заботящийся о тебе, тоскующий без тебя. Это, наверное, и есть семейное счастье. И они были счастливы. Но через какое-то время покой в их семье был нарушен – возникло еврейское государство. Государство Израиль – мечта и надежда случайно выживших осколков от вдребезги разбитого и расстрелянного народа. Радости не было предела. Рувим и Фаня этим

заболели, только этим и жили. Туда! Только туда! В свое государство, где больше не будем презираемы, где больше не будем преследуемы, где больше не будем изгоями! Однако осуществить эту мечту оказалось не так-то просто. Своих детей мать-родина цепко держала в железных объятиях. Они сочиняли разные планы, придумывали всевозможные варианты, узнавали, расспрашивали, но все тщетно – вырваться не удавалось.

Но неожиданно на далеком горизонте зажглась едва видимая звездочка надежды: вышел указ правительства, разрешающий бывшим польским подданным возвращение на родину. Из Польши уехать тоже совсем непросто, но там все-таки была какая-то возможность. И они решили этим воспользоваться. Пройдя муки издевательств, унижений и насмешек, свою мечту все же осуществили.

Когда самолет приземлился в аэропорту Лод и пассажиры, как и принято, в знак благодарности экипажу зааплодировали, у Фани на ресницах повисла слеза. Слеза радости и облегчения. Они обнялись и расцеловались. Сколько страданий, сколько смертей, море крови и слез! Наконец-то теперь дома!!!

2003

ЕВРЕИ И РУСЬ

Евреи в Киевской Руси жили с незапамятных времен. Так, известно, что в Киммерийском Босфоре (в Крыму) они пребывали еще в 1 в. н. э. Большая еврейская община населяла Тмутаракань, где она составляла большую часть населения города. В 9-10 в. влиятельная община была в Киеве и состояла из караимов и сефардов, выходцев из Персии, Кавказа, Крыма, Византии и Хазарии. Позже, во времена крестовых походов община пополнилась и ашкеназами из прирейнских городов, спасающихся от преследований. Евреи, в отличие от славянских племен, входивших в Киевскую Русь, были не только грамотными, но и высокообразованными. Еврейская традиция не знает безписьменности. Как заметил рав Адин Штейнзальц: «В то время, когда на Руси еще не умели ни читать, ни писать, евреи уже были таким древним народом, у которого не только была письменность, но и уже тысячелетиями существовали книги, а на эти книги были написаны толкования, а на эти толкования – комментарии». Понятно, что имея такой огромный интеллектуальный резерв, евреи не могли не оказывать влияние на окружающих полудиких язычников. Особенно это относилось к отношениям Руси и соседней Хазарии – огромного и могучего государства, влияние которого распространялось далеко на запад, достигая Румынии, Венгрии и западнотурецких стран. Хазария представляла собой многонациональную и многоконфессиональную страну. В ней уживались разные национальности и разные религии, но влиятельнейшую прослойку составляли евреи. Они проникли сюда из Кавказа, Сасанидского Ирана и из Византии, откуда их вытеснила существовавшая там в VI в. широкомасштабная антиеврейская компания. Господствующей религией Хазарии был иудаизм. Из дошедшей до нас переписки крупного сановника испанского еврея Хасдая ибн Шапрута с правителем каганата Иосифом, известно, что в Хазарии было много преподавателей, ученых и мудрецов, которые несли в народ свет Танаха и Талмуда. Для переписки хазары пользовались ивритом. Иудаизм Хазарии был примитивным и представлял собой смесь караимства и раввинизма, но в начале IX в. Царем Овадией в Хазарии утвердился раввинистическая форма иудаизма. Принятие Хазарией иудаизма сделало возможным избежать религиозной и политической независимости, как от Византии, так и от Арабского халифата. С Киевской Русью у Хазарии сложились тесные и многообразные отношения. Представление о том, что они сводились лишь к «хазарскому игу» фактическим материалом не подтверждается. Такое понимание обусловлено юдофобским мировоззрением его авторов (Л. Гумилева В. Кожина).

В настоящее время изучение взаимоотношений Руси и Хазарии привлекают внимание многих исследователей.

Накопилась богатая литература. В частности, показано, что Киев был основан хазарами еще в V в. как сторожевой пост. Считается, что как город он возник в 840 г. и назван в честь начальника гвардии хазарского царя Куйя, а один из первых властителей киевского престола – Аскольд также был представителем хазарской администрации. Само имя Аскольд, вероятно, происходит от иранского «аскол-т», что означает «пограничный начальник» (иранский элемент в Хазарии был широко представлен). Русь в Киеве появились позже. Однако существует и другая версия. Так, властитель Византии Константин VII Порфирогенет (Багрянородный) в своем сочинении «Об управлении империей», упоминая о Киеве, приводит его другое название – «Самбатас», что некоторыми исследователями связывается с еврейским именем Шабтай (часть хазарских евреев считало себя потомками колена Шимона, одного из пропавших колен израилевых), или с названием реки Самбатсион, упомянутой в некоторых талмудических легендах. Согласно им, пропавших во время ассирийского изгнания «десять колен израилевых» окружает бурная река Самбатсион, перейти которую невозможно. Но она стихает в субботу, однако в субботу евреям всякие путешествия запрещены. Так они и не могут вырваться из этого замкнутого круга. Предполагается, что этой рекой могла быть, протекающая вблизи Киева, река Почайна или даже Днепр. С рекой Самбатсион связывается и былинная Сафат-река, или Салфа-река, на которой Илья Муромец бился со своим сыном, а Алеша Попович победил Тугарина. На этой реке погибали русские богатыри. Днепр в былинах называется Израй-река, что, вероятно, происходит от слова «Израиль». Имя одного из летописных легендарных основателей Киева Хорива, возможно, связано с ивритским названием горы Синай – Хорев.

Историческое значение Хазарии должно быть оценено очень высоко. Она своей мощью защитила Европу от арабских завоевателей и от тотальной исламизации.

Интересно, что после распада Хазарии часть иудо-хазар воевало на стороне Маая, но после Куликовской битвы они получили разрешение поселиться в Мещерском краю, с условием защищать Москву с юга от набегов степных кочевников, что положило начало мещерскому казачеству. Дialect мещерских казаков представляет собой смесь славянизмов с тюркизмом. На воротах и дверях домов казаков прибывалась еврейская мезуза. Через сто лет, в 1493 г. их призвали воевать с турками под Азов, но за поддержку Лжедмитрия, в 1619 они были передислоцированы на Дон, где и дали начало донскому казачеству.

Присутствие хазар на Руси отражается и в топонимике. Так, в районе Киева известно урочище «Кузаре», а также «Жидове», «Жидовские ворота», поселения Казарки, Козаровичи, Козара, Великая и Малая Козари, Козаржинцы. Козары были и возле Чернигова. Интересно, что хазарских евреев в славянских летописях называли «жидове казарстии» и это не имело оскорбительного смысла. Слово «жид», вероятно, происходит от названия Джидан – крупного центра еврейских поселений, расположенного в Северном Дагестане и входившего в Хазарию, где евреи компактно живут и до сих пор. Но, возможно, что это слово происходит из хазарского названия евреев – «джугут», имеющего иранские корни. Киевских евреев звали «евреинами», что связано с византийским «эврэос». Слово «жид» вошло в лексикон восточнославянских народов, а такие в языки румын, венгров и литовцев. Это, возможно, связано с проникновением туда хазарского влияния. Распространение слова «жид» происходило с востока на запад, а не наоборот, как это предполагает нашумевшая, но не оправдавшая себя, теория Артуру Кестлера о происхождении европейского еврейства.

Хазарская военно-политическая организация втянула в себя верхушку киевского княжества, родовую знать. Киевские князья считали себя наследниками Хазарии, переняли от ее властителей не только титул «кагана», который сохранился до Ярослава Мудрого, дуальную систему верховной власти (двузубец), объединяющую государственную и религиозную власть, термин «бояре» для обозначения высшей национальной прослойки общества, но и десятичную систему налогообложения.

Иудаизм Хазарии не обошел и Киевскую Русь. Особенно сильно это сказалось после обретения ею монотеизма. Понятно, что новая религия немислима без грамоты, без умения читать и писать. Созданием славянского алфавита обязано византийцу Константину, по прозвищу Философ. После принятия им монашеского сана он стал именоваться Кириллом. Будучи в Корсуни, Кирилл познакомился с хазарами и благодаря им изучил иврит. Затем с миссионерской миссией отправился в Хазарию. Вернувшись, вместе с братом Мефодием, занялся созданием славянского алфавита. При этом для написания букв «ц», «ш» и «щ», отсутствующих в греческом языке, использовал ивритские «шин» и «цади». Имеются указания на то, что славянская буква «х» (хъерь) является сокращением ивритского слова «херувим», а глаголическое изображение буквы «а» (аза), по мнению крупного лингвиста Шафраника, связывается с написанием еврейского «алеф».

Приняв христианство, Русь, естественно, не могла обойти Ветхий Завет. Именно иудаизм стоит в основе христианства, которое вобрало в себя его моральные догмы, литургию и фундаментальность концепции. Для неопитов, еще плохо разбирающихся в христи-

анской догматике, Ветхий Завет оказал сильное привлекающее влияние. Так, некоторые монахи не только знали иврит, но и ходили молиться в синагогу. Авторитет Танаха был настолько высок, что были монахи, которые знали наизусть некоторые его книги. Известно, что Никита-Затворник, инок Киево-Печерского монастыря, наизусть знал книги Бытия, Исход, Левит, Чисел, Судей, Царств, все пророчества, а также «вся книги жидовские сведеша добре». В некоторых произведениях встречаются и отдельные ивритские слова. Так, в «Житие Федора Печерского» (около 1080 г.) имеется слово «земарная» в смысле певчая. Оно отсутствует в древнерусском языке и происходит от ивритского «земер» «петь». В Киево-Печерском патерике рассказывается, что монах Никита (будущий новгородский епископ, умер в 1108 г.) «впав в ересь» стал читать книги на еврейском языке, игнорируя славянские переводы. Подобное описывается и в посланиях Симона, епископа Владимирской епархии о Поликарпе, киевском иноке, который «одержимый бесом» стал говорить по-еврейски, перестал читать Евангелие и провозглашал молитвы по-еврейски. Вся литература русского средневековья буквально пронизана духом Библии и другими еврейскими произведениями. Иногда сочинения представляют собой сплетение библейских цитат. Древнерусское христианство имело ярко выраженные ветхозаветные черты, хотя русы и не видели в себе богоизбранного народа. Ветхий Завет был привлекателен для древнерусского человека еще и тем, что он близок его религиозному мышлению. Слова древнееврейских пророков, живших за 1500 лет, ставились в непосредственную связь с судьбой россиян X-XI вв. У пророков можно было найти объяснения политических и военных успехов и поражений. Библейские события для средневекового человека лишены времени. Они – его современники. Цитаты из Библии или библейские события считались вполне современными. Ветхий Завет для летописцев был смысловым фоном, из которого они черпали нужные для них готовые литературные заготовки, клише. Их индивидуальное творчество ограничивалось лишь созданием формы и в меньшей степени содержания. Большое значение имела и талмудическая литература. Были сделаны переводы непосредственно с иврита ряда произведений. В этих переводах заинтересованы были не только славяне, но и евреи, поскольку не все они знали иврит. Евреи жертвовали языком ради сохранения и передачи потомкам смысла этих книг, а славяне, сохраняя язык, приобретали новый смысл, новое содержание.

Проникновение значительного количества еврейских слов в молодую русскую литературу потребовало создания еврейско-русского словаря, который и был создан в 1047 г. в Новгороде попом Упырем Лихим для князя Владимира Ярославовича (по другим данным – в 1282 г. для новгородского епископа Клементя), который назывался «Речь жидовского языка переложена на русскую, неразумно на разум и в Еван-

гелиях, и в Апостолах, и в Псалтыри, и Иеремии, и в прочих книгах». А в «Азбуковнике» XVI в. также даются объяснения еврейских слов, встречающихся в переводной литературе.

Интересно, что по некоторым данным мать Владимира Красное Солнышко была хазарской царевной Малкой, или Малушей (от ивритского «малка» – царевна), по другой версии – ключницей Ольги, а воспитателем – его дядя, брат Малки, Довбр, или Добрыня. С ним была и хазарская дружина. Довбр был хазарским витязем, поступившим на службу к Святославу, чтобы быть рядом с сестрой и племянником и принимал активное участие в крещении Руси. Его считают первым средневековым выкрестом на Руси.

Выбор веры князем Владимиром, изложенный летописцем в «Повести временных лет», представляется заимствованием из философского труда известного еврейского поэта и философа Иегуды ха-Леви «Сефер ха-кузари» (Книга хазар), в которой приводится история обращения хазарского царя в иудаизм. Сочинение построено в виде диспута между хазарским царем и представителями разных религий. В ходе этого диспута царь убеждается в превосходстве иудаизма над другими религиями.

Летописец, говоря о Владимире, уподобляет его ветхозаветному Соломону «бъ бо женолюбец якож и Соломон». Сопоставление с Соломоном усматривается и в описании строительства первой в Киеве церкви Богородицы (989 г.). Оно уподобляется строительству Первого Храма в Иерусалиме. Церковь названа Десятинной, что также восходит к ветхозаветному сюжету, где впервые упоминается десятина: Праотец Авраам дает Мелхиседеку «первому священнику (иерею) Всевышнего», «десятую часть от всего» (Бытие, гл. 14, 20).

Некоторые исследователи имя «Владимир» (т.е. владеть миром) сближают с именем «Соломон» (Шломо) т.е. мир. Однако такое сравнение сомнительно. Здесь «мир» в значении «не война», а «мир» в значении «весь мир, вселенная» на иврите будет «олам», или «тевел». «Вторым мудрым Соломоном» именовали и Андрея Боголюбского.

Обычаи плясания, гадания, сбора трав на праздник Ивана Купала, втыкание оградительных знаков, гадания, суеверия церковью запрещались, но не столько как проявление язычества, сколько как запрещения Моисеевым законом. Отношение к роженнице, как к носителю ритуальной нечистоты, затрагивающей не только мать и ребенка, но и весь дом, в который священник мог зайти лишь через три дня, восходит также к нормам Ветхого Завета. Христианские богослужения строились по образцу синагогальных. Некоторые духовные стихи («Песнь евангелиста») сложены под влиянием еврейского песенного текста («Эход ми йодеа» – «Един, кто знает»). В Хронологической записи в Евангелии 1340 г. используется еврейский календарь. Подобных примеров можно привести множество.

Особое значение имела первая книга третьего раздела Библии – Ктувим (Писания), на Руси известная как Псалтырь, то есть «Славословие» (евр. Тхилым, или Теһилим). На рубеже XV-XVI в. псалмы в виде «Псалтыри жидовствующих» были переведены на русский выкрестом Федором Евреем. В литературном плане они представляют собой поэтическое произведение, и на Руси были наиболее популярной, наиболее читаемой книгой. По Псалтырю вплоть до XIX в. учили грамоте. Многие знали его наизусть. Псалтырь оказал огромное благотворное влияние не только на становление русской литературы, но и на образ мышления, на всю общую культуру Руси. Поэтическая структура псалмов стала ведущей в византийской гимнологии, а через нее и в славянской оригинальной поэзии. Славянский перевод псалмов, даже с греческого, сохранял идиоматику еврейского языка. Их высочайшая поэтичность вызывала восторженность читающей публики и служила источником вдохновения почти для всех русских писателей, начиная от митрополита Иллариона (XI в.), составителя первой русской летописи «Повести временных лет» и до Ломоносова и Державина. Отзвуки поэзии псалмов слышны в стихах Пушкина, Лермонтова, Языкова, Федора Глинки, Мея, Бунина. На тексты псалмов И. Стравинский создал «Симфонию псалмов».

Для нарождающейся русской культуры особый смысл придавался городу Иерусалиму. Для еврейского и христианского миров он всегда был и остается городом-святыней, главным духовным центром. Иерусалим с одной стороны рассматривается как земной город, залог иудейского чаяния восстановить величие богоизбранного народа, с другой – символ христианских надежд на грядущую вечную жизнь праведников, символ Царствия Небесного. Хотя Иерусалим Ветхого Завета и Иерусалим Нового Завета, т.е. Иерусалим земной и Иерусалим небесный по-разному воспринимался древнерусскими книжниками, но в русской культуре значение этого города не исчерпывается только его местом в богословских построениях, и он многократно описывается и в плане земных реалий. К середине прошлого века насчитывалось более тысячи произведений в русской литературе, в которых в той или иной степени описывался этот Великий город. С особым вдохновением он упоминается в многочисленных «Хождениях во святую землю». В них дается подробная топография Иерусалима с XII в. и более поздних времен, описываются библейские и евангельские места и достопримечательности, а также чувства человека, охватывающие при виде этого города: «и бывает тогда радость велика всякому христианину, видевше святой град Иерусалим и ту слезам пролитье бывает от верных человек. Никто же бо может не прослезиться, узрев желанную землю» («Хождение иегумена Даниила во

Иерусалим». XII в.). Тема Иерусалима прослеживается и в средневековой русской архитектуре. Так, Борис Годунов, увековечивая свое имя, решил в центре Кремля построить храм, подобный Храму Соломона, заменив им Успенский собор, бывший в то время главным собором Москвы. Для этого зодчие обратились к источникам, главным образом к Ветхому Завету и к сочинениям Иосифа Флавия. Считается, что строительство верхнего яруса колокольни Ивана Великого является частью задуманного плана и не осуществившегося из-за политических и социальных смут. Позже патриарх Никон решил создать под Москвой на реке Истре собственную версию Иерусалимского храма – Новоиерусалимский монастырь. Имеются данные о том, что и петербургская церковь «Спаса на крови» также создавалась на подобие иерусалимской церкви Гроба Господня. Убранству Соломонова храма в Иерусалиме будто бы уподобился и храм, созданный, Андреем Боголюбским и Успенский собор во Владимире. Об этом сказано в «Повести об убиении Андрея Боголюбского». Ее автор представление о Соломоновом храме заимствовал из известной «Хроники Георгия Амортала», переведенной с греческого в XI в., в которой строительству храма уделяются яркие и увлекательные страницы. Миниатюры из этой хроники, изображающие храм Соломона, использовались и при строительстве Храма Ивана Милостивого в Твери и церкви в г. Городне.

Интересно, что на многих памятниках средневекового сакрального искусства Украины и России нередко встречаются изображения евреев. Первые такие изображения имеются на заставках знаменитой Киевской Псалтыри 1397 года. Они обнаружены на украинских иконах IV-IX вв. Евреи изображены и на иконе Андрея Рублева «Воскресение Лазаря». Это является единственными изображениями евреев тех далеких времен.

В 70-х годах XV в. в Новгороде возникло еретическое движение, которое официальная церковь назвала «жидовствующими». Такое название вызвано тем, что религиозные интересы еретиков было резко сдвинуты в сторону Ветхого Завета или даже им и ограничивались» Они «хулили Иисуса Христа и богородицу, молились по-жидовски, прельщали людей жидовским десятисловием, недостойно служили литургию, следовали жидовскому летоисчислению, надругались над иконами и крестами, хвалили жидовскую веру и мудрствовали жидовски». Так их характеризовали церковники. Завоевав Новгород, ересь перебралась на Москву. К ним примкнули многие видные религиозные и знатные личности, даже сам великий князь Иван III Васильевич вначале им горячо сочувствовал, но позже принял сторону церкви и участвовал в разгроме еретиков, отличаясь крайней жестокостью и тем не менее, полностью ересь искоренить не удалось. Она распространилась далеко на восток от Москвы, в заволжские монашеские скиты и отда-

ленные глухие селения. Возможно, из них возникла и секта субботников. «Жидовствующие» отличались не только преданностью своей вере, но и грамотностью и образованностью. Их начитанность поражала и пугала церковных владык. «Жидовствующие» способствовали переводу с иврита значительного количества книг, в том числе, таких как книги «Эсфири», «Даниэля», «Ханоха», средневекового трактата «Иосифон», сказания о Соломоне, Моисее и др. Они перевели сочинение по логике крупнейшего средневекового философа Моше Маймонида (Моисея Египтянина) «Книгу, глаголемую логика сиречь словестница», а также «Слова логики» «Милот ха-хийон»), или «Термины логики» («Шмот ха-хийон») В них излагаются определения ряда логических и математических понятий, таких как угол, линия, бесконечность времени, движение вселенной и др., в те времена отсутствующие в русском языке. С иврита была переведена «Аристотелевы врата», или «Тайна тайных» – трактат об управлении государством, а также сочинение по астрономии Иммануэля бен Яакова Бонфиса из Тарасконы «Шестокрыл» («Шеш кнафаим») в котором приводятся таблицы времени лунных фаз и затмений. Подобные исследования для средневековой Руси просто немыслимы. Было переведено много сочинений по астрологии, истории мироздания, а также ряд гадательных книг.

Значение «жидовствующих» для развития русской культуры еще и сейчас полностью не оценено. Можно предположить, что они, несомненно, являлись мощным катализатором развивающейся на Руси интеллектуальной жизни. Ими, в определенной степени, была подготовлена почва для восприятия более продвинутой культуры Запада. Иногда роль «жидовствующих» приравнивают к Возрождению Западной Европы. Однако, такое сравнение неправомерно. Возрождения в России быть не могло. России нечего возрождать, она не знала античности. К тому же ее культурный уровень, по сравнению с западным, был чрезвычайно низок. Представление о мироздании ограничивалось лишь Божественным писанием. Инъецирование «жидовствующими» еврейского рационалистического направления давало России возможность приподняться на ступеньку интеллектуального прогресса.

Многочисленные факты, указывающие на большое значение еврейского элемента в духовной жизни Киевской Руси свидетельствуют том, что для раннего христианства противопоставление политеизму, по-видимому, было важнее, чем иудейскому монотеизму. Именно в это время происходила преемственность и глубинные связи с иудаизмом. Однако усиление влияния Византии и укрепление христианства стали пресекать увлечение иудаизмом, начала развиваться и набирать силу антииудаистская и антисемитская тенденция. Еще со времен христианских апостолов антииудаизм, а с ним и антисеми-

тизм были важнейшей частью христианской идеологии. Упорное и злонамеренное отвержение Христа, неприятие его учения, образа мысли и стиля жизни делают евреев народом-изгоем проклятым и наказанным Богом. Существенным элементом христианства является полное отрицание всех постулатов послепетрического иудаизма. Презрение евреев, их правовое ограничение стало нормой христианской морали, политическим течением, активно разрабатываемым и пропагандируемым отцами церкви. В этой связи можно упомянуть послания византийских епископов Варнавы, Мелитона Сардийского, Амвросия Медиоланского, патриарха Германа I, Иоана Дамаскина и особенно константинопольского патриарха Иоана Хризостома (Златоуста), который в своем послании «Восемь слов против иудеев» писал: «Иудеи живут для чрева, прилепились к настоящему и по своей похотливости и чрезвычайной жадности несколько лучше свиней и козлов, они только и знают, что есть и пить ... не должно ли отвращать их, как всеобщей заразы и язвы для всей вселенной? Какого зла они не сделали? Не все ли пророки употребляли множество длинных речей для обличения их? Какого злодейства, какого беззакония не затмили они своими гнусными убийствами?» Эти произведения широко распространялись и имели успех. По приблизительным данным в XI-XII вв. на Руси было известно в старославянском переводе более 200 речей этого автора. Они были изданы отдельными сборниками, носившими разнообразными и нередко причудливыми названиями: «Златоструй» или «Златоуст». Нападки на иудаизм, утверждение превосходства христианства над ним становятся все более явственной идеей молодой киевской литературы. Идея «Отверженного Израиля» стала темой многих популярных христианских апокрифов XII в. Антииудаизмом пронизаны послания выдающегося деятеля русского православия Феодосия Печерского, который призывал к миру с врагами, но только «со своими врагами, но не с божьими – с еретиками и евреями». В «Слове о законе и благодати» киевского митрополита Иллариона (XII в.), являющегося одним из наиболее выдающихся произведений древнерусской литературы, антииудаистская направленность красной нитью проходит через все произведение, но даже и в нем не удалось избежать еврейских влияний. Значительная часть его составлена по образцу еврейских литургических гимнов, некоторые из которых, уподоблены молитвам, произносимых в «Грозные дни» (Йомим Нораим). Считается, что появление «Слова» обусловлено весьма заметным распространением иудаизма на Руси в XI в., обилием литературы, дающей библейской истории именно иудаистскую трактовку. Антииудейские и юдофобские мотивы проповедавались с амвонов, насаждались в церковном искусстве, они легко проникали в народ, становились заметной частью фольклора. Зловещий образ еврея передавался из поколения в поколение. Как сказано в Агаде: «Бекол дор ведор камим алейну

лехалутейну» («В каждом поколении встают на нас, чтобы уничтожить»).

Первый еврейский погром произошел в Киеве в 1113 г. Как указывается в известной Ипатьевской летописи: «идоша на жиды и разграбиша я». Современные историки-славянофилы считают, что истоки его лежат в ростовщической деятельности евреев, но большинство историков полагают, что он был результатом церковной антииудаистской и антиеврейской пропаганды. В «Слове VI-го Киево-Печерского патерика» (XII в.) встречается первое упоминание о «кровавом навете», так широко популярном в католических странах того времени. В нем описывается мучения черноризца Евстафия Постника, попавшего в рабство в еврея и использованного им как пасхальную жертву. Но первый процесс по обвинению евреев в ритуальном убийстве в России произошел в 1799 г. в г. Сенно, что возле Витебска, после присоединения этих польских земель к России. Суд евреев оправдал, но поэт Г. Державин по этому поводу заявил, что все равно все евреи повинны в «зломном пролитии по их Талмудам христианской крови». В Министерство внутренних дел России была представлена записка: «Разыскание об убиении евреями христианских младенцев и употреблении крови их». Ее авторами были или известный фольклорист и писатель В. Даль, или В. Скрипичин (директор департамента духовных дел иностранных исповеданий). Точно не установлено.

И, тем не менее, антиеврейские движения в России были заметно мягче, чем на Западе. Как правило, они не выходили за рамки идеологической и духовной сфер. Для средневековой Руси кровавые еврейские погромы, свирепствовавшие в Европе, не были характерны. Православное духовенство считало необходимым убедить еврея в ложности его учения, заставить его отречься. Их антиеврейская полемика была слабее антикатолической, поскольку католицизм стремился оторвать русских людей от православия, приобщить к своей вере, в то время, как евреи лишены института миссионерства, не вызывали у православного духовенства таких опасений. Их упрекали лишь в иноверии.

Петр I к евреям относился без особых предубеждений. Он даже посетил синагогу в городе Мстиславле и наказал солдат за насилие над евреями. Некоторые выкресты даже были допущены в число приближенных (Шафиров, Дивьер, Веселовский и др.). Но при царствовании Елизаветы Петровны жизнь евреев в России сильно осложнилась, слово «жид» приобрело свой уничижительный характер. Она распорядилась выслать всех евреев из России.

Заметное влияние иудаизма на формирование молодой русской культуры продолжалось вплоть до петровских времен. Особый интерес представляет влияние иудаизма на словарный состав русского языка. Так, после крещения Руси и ознакомления с Библией в быт славян быстро стали входить ветхоза-

ветные имена, такие как: Аарон, Аврам (от евр. Абрагам – отец множества), Аввакум (от еврейского борец сильный, любовь Божья), Авдий (раб Г-споден), Авенир (отец света), Амос (крепкий, отягощенный), Ананий (благодать Г-сподня), Анна (благодать, милостивая), Вавила (мятежник), Варлаам (сын народа), Варфоломей (сын радости), Вениамин (от Биньямин – любимый сын), Борис (от Барух – благословенный), Гавриил (от Гавриэль – моя сила Б-г), Григорий (от Гиршон – изгнанный или от Гиршом – пришелец), Давид (друг Б-га), Даниил (судил меня Б-г), Дина (суд), Ева (от Хава – живая), Елизавета (клятва Б-жья), Елизар (от Элизар – мой Б-г – помощь), Захар (от Захарья – вспомнил Б-г), Иван (от Йоханан – Б-г помирует, Илья (от Элиягу – он – Б-г мой), Иммануил (от Имануэль – с нами Б-г), Иосиф, Осип (от Б-г увеличит), Исай, Лазарь, Лев (от Леви – сопровождающий), Лия (слабая), Мария (от Мирьям – горькая), Марфа (наставница, госпожа), Миха (бедный), Матвей (от Мордехай), Михаил (от Михаэль – кто подобен Б-гу), Моисей (от Моше – выгашенный из воды), Наум (от Нахум – утешенный), Руфина, Руфь (от Рут – дружба), Савватей (субботный), Савелий, Симон (от Шимон – услышанный), Самсон (от Шимшон – солнечный), Семен, Соломон (от Шломо – мир полный), Серафима (пламенная), Тамара (от тамар – пальма), Фаддей (похвала), Яков (от Яаков – обгонит). Позже появились некоторые имена, также имеющие еврейские корни: Ада (украшение), Аза (мощь), Ализа (веселая), Ариадна (верная жена), Илона (дерево), Сусанна (лилия). Из этих имен произошли и соответствующие фамилии. Так, от Ивана – Иванов и все варианты, а также Адамович, Аллилуев (от аллилуя – хвалите Б-га), Ананьев, Анисимов, Евреинов, Иерусалимский, Малкин (от малка – царица), Мелехов (от мелех – царь), Малахов (малах – ангел) Самойлов, Самсонов, Ягудин и др. В «Толкователе имен святых угодников Божьих, чтимых Русской Православной Церковью» 20% имен имеют еврейское происхождение.

По мере развития литературного и разговорного языков в них входили, подвергшиеся определенному переосмыслению имена многих персонажей Ветхого Завета. Так, под именем Адам подразумевался первоизданный, Иов – многострадальный, бедный, Соломон – мудрый, Иосиф – целомудренный, Илья – пророк, Гог, Магог – нечто страшное, Валтасаров пир – беззаботное времяпровождение перед приближающейся бедой, Суд Соломона, Соломоново решение – умный выход из затруднительного положения, Валаамова ослица – неожиданно заговоривший молчаливый человек, Молох – кровавый, Ноев ковчег – спасение. Некоторые библейские персонажи стали нарицательными – Каин, Хам и вошли в состав фольклора. Туда же вошло и объяснение грома – Илья-пророк едет по небу на колеснице.

Русским языком освоены и некоторые библейские географические названия, которые употребляются также в переносном смысле и в словосочетаниях:

Содом и Гоморра (очаг распутства), Вавилон (столичный многонаселенный, но греховный город), на реках вавилонских (тоска по родине), труба иерихонская (громкий звук или голос).

Особенно активно происходит ассимиляция библейских (танахических) выражений, таких как; вавилонское столпотворение; вавилонское пленение; в поте лица; время разбрасывать/собирать камни; всякой твари по паре; глас, вопиющий в пустыне; древо жизни/познания добра и запретный плод (сладок); золотой телец; земля обетованная; злчное место; змей искуситель; казни египетские; камень преткновенения; козел отпущения; колосс на глиняных ногах; корень/источник зла; манна небесная; мерзость запустения; неопалимая купина; оливковая ветвь; поставить во главу угла; плоть от плоти; право первородства; притча во языцах; рог изобилия; тьма египетская/кромешная; святая святых; сделать себе имя; сосуд избранный; не согреши; суета сует; фиговый листок; хляби небесные; чечевичная похлебка; носить на руках; увидеть свет; юдоль плачевная; ива вавилонская/плакучая, Иногда к этим выражениям присоединяется глагол: разверзлись хляби небесные; вернуться на круги своя; испить чашу до дна; перековать мечи на орала; посыпать голову пеплом; почить от трудов праведных; беречь как зеницу ока. Некоторые библейские выражения стали крылатыми фразами: не сотвори себе кумира; око за око, зуб за зуб; не убий; не укради; чти отца и мать свою; люби ближнего как самого себя; во многот мудрости много печали; всякое деяние благо и др.

Вместе с Ветхим Заветом в русский язык проникли ивритские слова, как: «амэн» (в русском оно звучит как «аминь»), «гехином» (в русском – геена), «халелуя» (аллилуйя), «иехуди» (иудей), «машиах» (мессия), «песах» (пасха), «шабат» (суббота) «Ерушалаим» (Иерусалим), каббала, каббалист, талмудист (начетчик), Талмуд (толстая книга) др.

Ивритское происхождение имеют такие слова как «гвардия», «губернатор», «губерния». Они происходят от ивритского «гэвер» – сильный человек или от «гибор» – герой, храбрец, победитель. Но в русский язык они попали из французского «garde», обозначающего «стража», личную охрану главы государства, отборные части войск. Слово «губернатор» в русский попало из латинского «gubernator», обозначающего «руководитель, правитель». Слово «регулярный», возможно, также происходит от ивритского «рэгель» – нога, т.е. делать постоянно через определенные промежутки времени, например, входить в Иерусалим пешком в Песах, Суккот и Шавуот – «оле-регель», но в русский язык это слово вошло из латинского «regulare» – приводить в порядок. Если связь с ивритом этой группы слов не так очевидна, то такие слова, как «манна», «сатана», «субботник» не вызывают сомнений. К ним можно прибавить «ермолка (от «ере малка» – убожащиеся Б-га, «абракадабра» (от гре-

ческого «абракос» – божество и ивритского «дебер» – слово), «пенаты» (от ивритского «пина» – угол/краеугольный камень, который кладут в основание постройки), «тарабарщина», «тари-бари-растабари» (от ивритского «дабер» – говорить), «хала» (так же и на иврите), «бедлам» (от «Бейт-Лехем»), «казна» (от «гениза» – хранилище), «шабаш», «шабашка», «бесшабашный» (от «шабат» – суббота), «юбилей» (от «йовель» – того же значения в русский попало, видимо, из латинского), «хохма» (ум), «тужить» – горевать, печалиться (от ивритского «туга» того же значения), оно уже встречается в «Слове о полку Игореве».

Своеобразную группу слов русского языка, имеющих ивритское происхождение, составляют отдельные слова уголовного жаргона, или аргю. Так, «блат» происходит от ивритского наречия «балат» – тайно; «ксива» (письмо, документ) от отглагольного существительного «ктив» – писание, написанное; «малина» (сборище, место тайной ночевки) от «млина»; «параша» (сосуд для нечистот) от «пэрэш» – кал; «мурсор» (оскорбительное наименование милиционера) от «мосер» – доносчик; «хевра» (братва, компания) от «хевра» – компания; «шмон» (обыск, утренний обыск) от «шмонэ» – восемь, т.е. обыск в восемь утра; «шухер» (тревога, опасность) от прилагательного «шахор» – черный.

Таким образом, роль евреев и еврейства в сложном процессе становления и развития русской культуры несомненна, хотя и до сих пор все еще остается малоисследованной темой. Конечно, в небольшой статье ее своеобразия и разносторонность осветить не представляется возможным. За пределами рабо-

ты, например, остаются такие интересные вопросы, как связь еврейских элементов с русским былинным эпосом, со становлением русской драматургии и, конечно, с апокрифами, т.е. преданиями, вошедшими в древнееврейскую литературу II-I в. до н.э., но кроме некоторых (книги Даниила), не вошедших в Библейский канон, утвержденный раввинистической традицией и называемые внешними, или посторонними книгами (Сефарим хиционим). До нас дошло около 30 апокрифов, сохраненных христианством, но подвергшихся соответствующей христианской обработке. Их изучение представляет особый интерес.

Становление русской литературы началось с переводной. Так, из 1493 сохранившихся до наших времен русских рукописей IX-XII веков, лишь 1% составляют оригинальные произведения. Переводы производились главным образом с греческого, но были и с иврита, однако, и греческие произведения представляют собой переводы из иврита. Во многих из них даже сохранилась структура и образность ивритских фраз. Но даже и оригинальные произведения не избежали влияния иврита. Во многих случаях они представляют собой подражания еврейским произведениям, их форме, содержанию, литературным приемам и лишь позже они стали приспосабливаться к русским реалиям.

Еврейская ученость находилась на очень высоком уровне развития и именно ей принадлежит заслуга подъема культурного уровня еще недавних язычников и подготовки России к пониманию и освоению традиционных для всего средневековья литературных жанров, сюжетов и эстетических представлений.

ИУДАИСТСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ В ЕРЕТИЧЕСКИХ ТЕЧЕНИЯХ СРЕДНЕВЕКОВОГО ПРАВОСЛАВИЯ

Ряд церковных догматов, церковная иерархия, обрядность и др. вызывало у многих средневековых религиозных деятелей чувство глубокого неудовлетворения, выходом из которого им виделся только в возврате к Библии, к Ветхому Завету. Несмотря на культивируемое в христианском мире враждебное отношение к иудаизму, многие его идеи оказались весьма привлекательными. Это в определенной степени породило, в частности в православии, различные еретические течения составной частью идей которых, были те или иные элементы иудаизма. Как показал Я.Р. Хоуллетт (1993), в основе всех ересей, возникших после 3-го века, лежал иудаизм. Однако следует заметить, что обвинение было шире, к «еврействованию» относили и варварство и католицизм. «Еврействование» стало одним из синонимов понятия ересь. В ряде случаев это делалось намеренно, т.к. евреи и иудаизм оказались наилучшим громоотводом для снижения социальной напряженности (Чекин, 1994). В Византии слово «эврэос» (еврей) для государства и общества часто теряло свое этнорелигиозное значение. Им нередко обозначали любую оппозиционную идеологию. Так, «евреями» называли несториан, потому, что они подчеркивали человеческую природу Христа. Как иудействующее рассматривали учение о двойной сущности Иисуса. Распространившемуся в средневековой Германии течению арианства также приписывали «еврейство», поскольку его приверженцы считали, что Христос должен стоять ниже Бога-Отца.

Мощным еретическим течением в Византии было иконоборчество. В его основе лежало признание за иконой идола, фетиша или амулета. Созданная рукой человека, она не может претендовать на святость. Истоки этой ереси, скорее всего, лежали в знакомстве с основными положениями иудаизма, с известной заповедью: «Ло-та селеха фесел вхол тмуна» – «Не создавай себе изваяния (фасел – «языческий идол», от глагола фасал – высекать, отсекал) и никакого изображения (тмуна – картина, фигура, подобие). (Шмот-Исход, 20: 4-5). Это движение было настолько сильным, что стало официальной политикой государства, провозглашенной императором Львом III Исавром и продолжалась Константином V Копроним. Поводом для этого послужило извержение вулкана на одном из островов, что было воспринято как гнев божий за недостойное иконопочитание. Патриарх Иоанн 7-й Грамматик, не без влияния иудаизма, прямо обвинил христиан-иконопочитателей в идолопоклонстве, нарушающего Заповеди Моисея. Примечательно, что иконоборчество возникло в Малой Азии, где отношение коренного населения к евреям было значительно лучше, чем в других областях Византии. В Верхней Фригии (область Византии) в результате тесного общения местного населения с евреями возникла антигангойская секта. Ее члены, признавая крещение как путь к спасению, во всем остальном, за исключения обрезания, следовали Торе. В качестве духовного наставника сектанты выбирали себе еврея или еврейку, доверяя им даже финансовые и материальные дела (Хазанов, 1994). С иконоборчеством покончила императрица Ирина, жестокая и фанатичная женщина. Однако на Вселенском соборе 815 года иконы были снова запрещены вплоть до окончательного разрешения в 843 году при Императоре Феодоре.

Интересно, что иконоборчество проникло и в Хазарию. Его элементы обнаруживаются в диспутах Константина-Кирилла (создателя славянского алфавита) с хазарами.

Существует мнение, что религия ранних христиан Болгарии так же испытывала определенное влияние иудаизма. Об этом свидетельствуют и имена князей: Симеон. Самуил, Гавриил и др. (Кратк. еврейск. энцикл., т.9, кол. 726-743).

В 14-м веке в Болгарии возникла и распространилась секта «болгарских жидовствующих», отрицающих церковную власть, причастие, иконы и священников. По приговору церковного собора эта ересь была уничтожена, а евреи Болгарии были лишены права на владение недвижимостью.

Спустя столетие в Греции среди монахов знаменитого Афонского монастыря возникло течение, отвергающее церковную обрядность и некоторые догматы. Они признавали лишь Ветхий Завет. Это учение распространилось по всему православному Востоку.

Приблизительно в это же время (80-е годы XIV в.) в Ростове некий Маркиан восстал против культа икон, считая их идолами, а также отрицал двойственную природу Христа и выражал взгляды антитринитаризма. Маркиан смог в этом убедить многих, даже бояр и местного князя. После трехлетней борьбы (1386-1389 гг.) он был изгнан из города. Такой длительный период активности Маркиана свидетельствует о том, что еретика поддерживали достаточно мощные силы, с которыми официальным церковным деятелям бороться было совсем непросто (Крывелёв, 1986; и др.).

В России в XIV в. образовался кризис религиозной идеологии, стали появляться и быстро распро-

страняться различные ереси. Так, в Пскове возникла ересь «стригольников». Как считают, это название связано с профессией одного из его основателей Карпа – «стриголя сукна», т.е. суконщика (Никольский, 1985). Однако, как показал А.И. Клибанов (1960), посвящению в низший сан сопровождался постригом, специфической стрижкой. Мирского человека, присвоившего себе роль священника, называли стригольником. Еретики выступали против симонии – продажи и покупки церковных должностей (название происходит от Симона-Волхва, который, согласно евангельской легенде, хотел за деньги приобрести у апостолов «благодать духа святого»), а также, как утверждал митрополит Фотий, и против Евангелия. Стригольники признавали Бога только на небе, но не на земле. Из Пскова эта ересь перебросилась в Тверь и Новгород, а затем и в Москву. Несмотря на все карательные меры, оно существовало на протяжении полутора веков, модифицируя форму и содержание, но сохраняя основную тенденцию – борьбу против ряда «евангельских и апостольских благовестей».

Иконоборческое учение Маркиана и ересь стригольников подготовили и обусловили новый подъем реформационного движения, прозванного официальными церковниками как движение «жидовствующих». Оно возникло в Новгороде в 70-х годах XV в. Это было наиболее значительной по своему влиянию на всю культурно-религиозную жизнь России ересью. История его возникновения не всегда ясна. Церковные обличители «жидовствующих» (Иосиф Волоцкий и др.) ее появление связывают с приездом в Новгород в 1471 г. таинственного «жидовини Схарию» и еще евреев, входящих в свиту литовско-русского князя Михаила Олельковича (двоюродного брата Ивана III), одного из православных подданных короля Казимира, приглашенного «на кормление». К его свите из Литвы вскоре примкнули и другие евреи и стали совращать в свою веру попов: «прельстили в жидовство» Алексея и Дионисия – новгородских попов, к ним примкнули и многие другие. При этом Алексей получил имя Авраам, а его жена – имя Сарра. Все они стали распространителями ереси в Новгороде. Ересь не только распространилась в этом городе, но и перебросилась в Москву. Ее прозелитами были такие известные и знатные личности, как думский дьяк Федор Курицин, его брат Иван Волк, бояре Василий Иванович Патрикеев и Семен Ряполовский. К жидовствующим примкнула сноха великого князя Ивана III Васильевича Елена Стефановна Волошанка – мать наследника престола Дмитрия (которого поддерживали жидовствующие), архимандрит Симоновского монастыря Зосим, ставший позже митрополитом, чернец Захарий, возглавлявший монастырь в Немчинове и многие другие. Еретикам сочувствовал и сам великий князь. По прибытию в Новгород он встретился с Алексеем и Дионисием, которых забрал в Москву. Алексей стал протопопом Успенского собора в Кремле, а Дионисий – священником Архангельского

собора. Оба пользовались покровительством «диака великого князя» Федора Курицина (Казакова, Лурье, 1955; и др.). Но в 1490 г. одному из гонителей жидовствующих, епископу Геннадию удалось в Москве собрать «священный собор русския митрополия» для суда над еретиками. К этому времени влиятельный Курицин умер, а Иван III из-за семейных неурядиц охладил к своей снохе Елене, заключив ее в темницу, а своего сына Василия в 1502 г. назначил наследником, приняв сторону церкви. На следующем соборе в 1504 г. основатель Волоколамского монастыря Иосиф Волоцкий, выступая основным обвинителем, потребовал предать смерти главных еретиков. Собор лишил их духовного звания, предал проклятию и осудил на заточение в монастыри и тюрьмы. Ряд видных еретиков (Волк Курицин, Иван Максимов, Дмитрий Коноплев, архимандрит Кассиан и др.) были посажены в клетки и сожжены, другие заточены в темницы. Спасаясь от расправы, видные еретики Иван Черный, автор «Елинского летописца» и «Лествицы» и Иван-Волк Курицин, автор «Мерила Праведного-Кормчей» – важнейшего памятника русского права, бежали в Литву и там официально перешли в иудаизм. Тем не менее, все эти «устрашения» ни морально ни физически ересь не устранили. Так, известные просветители XVI в. Феодосий Косой и Матвей Башкин под влиянием идей жидовствующих выступили против святой троицы, рассматривая ее как многобожество, Христа – как простого человека, не признавали искупительной жертвы Бога-Сына, догмат его земного воплощения и рождения от женщины считали унижающим достоинства Бога. Их возмущение вызывал культ святых мощей, они отрицали иконы и церковное покаяние. По решению Собора 1556 г. Башкина заточили в Волоколамский монастырь, а Косой после ареста бежал в Литву, также перешел в иудаизм и женился на еврейке. После разгрома еретиков отношение к евреям сильно ожесточилось, особенно при царствовании Ивана Грозного. Так, завоевав Полоцк в 1563 г., он приказал всем евреям креститься, а тем, кто откажется – утопить. В Двине было утоплено три тысячи человек. Спаслось только двое детей, которых царь пощадил, и их вырастили чужие люди. Став взрослыми, они получили прозвища Бар-Коэн-Баркан. От них пошла новая община и фамилия Баркан. В память об этой трагедии погребальное братство (Хевра Кадиша) Полоцка вплоть до XX в. в определенный день на старом кладбище, где были похоронены всплывшие трупы, читали поминальную молитву Кадиш (Кандель, 1988).

В отношении содержания ереси жидовствующих существуют две основные версии.

Согласно одной, еретики провозглашали полный переход в иудаизм. Именно этой версии придерживался их главный оппонент новгородский епископ Геннадий. Он обвинил жидовствующих в том, что они «хулили Иисуса Христа и Богоматерь, молились пожидовски, прельщали людей жидовским десяти-

словием, недостойно служили литургию, следовали еврейскому летоисчислению, надругались над иконами и крестами, хвалили жидовскую веру и мудрствовали жидовски». Еретики выступали за право свободной интерпретации священного писания, против его непогрешимости. Они проповедовали: «не подобает рукотворению поклоняться, и яко богу къ Моисею глаголюшу: «да несътворише собе богъ сребрянъ и богъ златы» и: «изваяному и истуканому да не поклонишися», и «како богу отрешу, вы ж творите многа подобия, и поклоняетеся и служите имы» (из: Верещагин, 2000). Митрополит Филипп в послании Феофилу – новому архиепископу Новгорода с возмущением говорит, что мол еретики «субботу хранят и постят в ню, яко жидове, и водою кропятся по все дни, тем же обычаем жидовским» (из: Хоулетт, 1993). Кроме того, между жидовствующими и церковью были существенные расхождения по вопросу о так называемом «конце мира». Поскольку в псалмах сказано, что «тысяча лет для Бога как день единый», а Бог создал мир за семь дней, то он может существовать лишь 7000 лет. По существующему тогда летоисчислению, 1492 г. должен быть 7000-м годом, т.е. последним годом существования мира. Даже пасхалии, или таблицы вычисления дат пасхи на каждый год, были доведены лишь до этого года. Все кроме жидовствующих с тревогой ожидали скорого светопреставления, общей гибели. Они, согласно иудейскому летоисчислению, считали, что в то время шел лишь 5252 г. и до конца мира еще остается более полутора тысячи лет. Так как после 1494 г. конца света не наступило, то это повысило престиж еретиков, а их самих еще больше укрепило в своей правоте.

В отношении идеологии жидовствующих нет единого мнения. Так, известный историк русской церкви Е.Е. Голубовский (1901) считает, что ересь жидовствующих представляет собой настоящее иудейство (жидовство) с полным отрицанием христианства. Однако И. Панов (1877) идеологию этой ереси рассматривает как смесь различных еретических толков, несогласных с ортодоксальным православием. Поскольку еретики принадлежали к разным общественным слоям, резко отличающихся степенью духовного развития и, следовательно, духовными запросами, то не исключено, что обе версии могут оказаться верными.

Ересь возникла как реакция на крайнюю степень церковно-обрядового формализма, религиозной косности, резко ограничивающей любые попытки понимания, не соответствующие догмам православия. Лейтмотивом Лаодикийского послания Федора Курщина значится: «разум самовластен, стесняет его вера». Содержание этого послания навеяно Ветхим Заветом. Как известно, иудаизм не только разрешает, но и поощряет вольнодумство, высказывание своего понимания догматов веры, комментирование различных постулатов Священного Писания. Кроме того, определенную роль при этом играла сложная

и запутанная политическая борьба между Новгородом и Москвой. Однако при этом возникает вопрос: почему еретические движения не приняли сторону католицизма, протестантизма или, скажем, ислама, имеющих к тому же сильно развитый миссионерский характер, а преимущество отдали иудаизму. Привлекательность иудаизма для многих средневековых церковных деятелей и монахов остается пока малоопытным.

И. Панов (1877 а,б,в,) высказал интересную мысль, что сопровождавшие в Новгород Михаила Олельковича были не евреи-раббаниты, а евреи-караимы, для которых характерно миссионерство. В последнее время Г.М. Прохоров (1972) также пришел к такому же мнению. Он показал, что Схария, сопровождавший князя, вовсе не еврей, а получеркес полунитальянец, но по вероисповеданию – караим. Евреи, позже прибывшие из Литвы, вероятно, тоже были караимы. Литва являлась мощным центром караимства. Еретическое течение стригольников также имело караимские корни.

В XVI в. ересь жидовствующих широко распространилась на восток от Москвы, захватив заволжские монашеские скиты и отдаленные глухие селения. Тем не менее, связь жидовствующих с более позднее возникшими различными сектами иудействующих прослеживается с большим трудом. Секты, в разной степени отдающие предпочтение иудаизму, стали возникать в конце XVII и в начале XVIII вв. во время царствования Екатерины II. Так, в 1805 г. в Московской и Тульской губерниях возникла секта «субботников». В начале их было порядка 150 человек, а в 1823 г. по России насчитывалось более 20 тысяч. В разных губерниях учение субботников несколько отличалось, но общим для них было полное отрицание Нового Завета и церкви, преклонение перед Ветхим Заветом, признание Бога в одном лице, обрезание, празднование субботы и другие характерные для иудаизма обрядности. Часть субботников близки к учению евреев-караимов, отрицающих Талмуд, а другая – геры почти ни чем не отличались от евреев-раббанитов и считали себя евреями. Власти предпринимали различные карательные меры для пресечения их распространения. Деревни иудействующих разрушались, а жителей либо отправляли в Сибирь и Кавказ, либо в солдаты. Многие под давлением репрессивных мер правительства формально возвращались в православие, но тайно исповедовали иудаизм, т.е. возникали русские марраны (на иврите – анусим, т.е. изнасилованные, принужденные). Но в начале XX в. власть ослабила давление, и вновь стали возникать поселения иудействующих. В советское время по отношению к ним предпринимались жестокие репрессивные меры, многие из них были отправлены в лагерь Гулага. В результате этого часть иудействующих ассимилировалась (например, в деревне Елизаветовка, в Армении), но многие обнаруживали удивительную стойкость, даже в лагерях Гулага, где они подвергались особен-

но изошренным издевательствам. В последнее время тысячи русских иудействующих переселились в Израиль (Сайчик, 2001), даже целыми деревнями (например, деревня Ильинка в Воронежской области).

Культурный уровень еретиков был несравненно выше такового их противников. По тем временам это были высокообразованные люди. Их начитанность поражала и пугала новгородских владык. Они знали книги, о которых архиепископ Геннадий и представления не имел. В первую очередь следует указать на их повышенный интерес к Ветхому Завету, что вообще характерно для большинства еретических и реформистских течений. Именно в Ветхом Завете жидовствующие черпали основные доказательства против догмата о троичности божества, святости иконы, креста и др. Еретики вводили в обиход переводы многих книг, например, «Притчи Соломона», «Иисуса Сирахова» – книги, не входящие в еврейский канон, хотя и примыкающие к Библии. С иврита были переведены книги «Эсфирь», «Ханоха», «Даниила» и др. Особым вниманием пользовалась «Псалтырь» (еврейский «Теһилим») – сборник еврейских псалмов. В предисловии к ней сказано, что она переведена в 1473 г. Федором, новокрещенным евреем. Однако Н.С.Тихонравов (1898) считает, что Федор был «одним из первых во времени усердных и ловких служителей литовско-иудейской пропаганды в Новгороде», что крестился он фиктивно, а сердце его «всегда лежало к жидовству». Эта мысль была многими поддержана. И. Берлин (1916) рассматривает «Псалтырь» как доказательство влияния иудаизма на новгородскую ересь. Однако Я.С. Лурье (1960) не считает «Псалтырь» Федора результатом деятельности еретиков.

Литература самих еретиков до нас не дошла, известна лишь переводная литература. Поскольку они сыграли огромную роль для становления русской интеллектуальной жизни, еще полностью не оцененной и в наше время, то мы несколько подробнее остановимся на их переводческой деятельности. Среди этих книг, кроме сакральных, большой популярностью пользовались переводы, содержащие элементы еврейской научно-философской мысли. Среди них особый интерес представляет «Книга, глаголемая логика сиречь словестница (речи Моисея Египтянина, или «Логика»). Это компиляция из философских сочинений Авиасафа и трактата по логике крупнейшего еврейского философа Моше Маймонида (Рамбама) (Соболевский, 1890). Труд Авиасафа направлен против учения Авицены (Ибн-Сины) и античных атомистов. Перечисляя «ошибки» материалистов, он вводит читателя в понятия античного и арабского материализма. Это славянский перевод с еврейского анонимного перевода XIV в., отрывка из известного арабского сочинения Абу-Хамида ал-Газали (ум. в 1111 г.) «Устремление философов». Его еврейский перевод лег в основу комментария Моше Нарбского (XIV в.). Имя Авиасафа может обозначать или имя

ал-Фабия – знаменитого средневекового автора (X в.) большого сочинения по логике (его имя в еврейских переводах звучит как Ави-Иеша), или имя самого ал-Газали, что вероятней (Коковцев, 1912).

Второе сочинение называется «Слова логики» (еврейское «Милот хахийон»), или «Термины логики» («Шмот хахийон»). Как указывалось, оно принадлежит Маймониду (Моисею Египтянину – в славянских переводах). Это небольшое, в основном компилятивное сочинение по логике, написанное по-арабски, состоит из 14 глав, в которых излагаются определения ряда терминов логики, а также важнейшие математические понятия – определение тела, линии, различные виды углов, виды количества (непрерывного, дискретного), знакомство с понятиями бесконечности времени, движения вселенной и др. (Лурье, 1960; и др.).

Оба эти сочинения представляют собой памятники средневековой арабской логической литературы. Их переводы с иврита на славянский сделали возможным проникновение этих книг даже в удаленные уголки России, хотя на Западе в то время влияние арабской духовной культуры уже угасало. Для развития русской культуры они имели большое значение, являясь первой попыткой создания в русском языке философской терминологии (Борисов, 1993).

В конце XV – начале XVI вв. в Западной России жидовствующими был выполнен перевод с иврита «Аристотелевых врат», или «Тайна тайных» – трактата об управлении государством. Он изложен в виде наставлений Аристотеля Александру Македонскому. Среди них были поучения о делах государственных и воинских, описания определения характера человека по внешнему виду, а также даны различные врачебные советы. Сочинение поделено на отдельные «врата». Это – арабское произведение X в., переведенное не только на иврит, но и на ряд западноевропейских языков (Сперанский, 1908, 1914).

Среди литературы, находившейся в распоряжении жидовствующих, были и сочинения по астрономии, среди которых видное место занимает «Шестокрыл» – перевод из иврита сочинения Иммануэля бен Якова Бонфиса из Тараскона «Шеш кнафаим» (1365 г.). В нем в основном приведены таблицы времени лунных фаз и затмений. «Шестокрылом» оно названо потому, что было поделено на шесть «крыльев», т.е. глав. Еврейский оригинал «Шестокрыла» обнаружен в знаменитой коллекции древних еврейских рукописей караимского ученого Авраама Фирковича. Сохранился и древнерусский перевод. Возможно, еретики использовали данные, приведенные в «Шестокрыле» для опровержения христианской легенды о «конце» мира. «Шестокрыл» попал в перечень церковью отреченных книг. Это, по-видимому, было сделано лишь потому, что его переводчиками и распространителями были евреи и еретики. Само содержание произведения никаких антихристианских мотивов

не содержит. По поводу «Шестокрыла» архиепископ новгородский Геннадий в послании епископу Прохору Сарскому (по другим данным Иосафату, архиепископу ростовскому (Перетц, 1901), в 1489 г. писал, что жидовствующие очень интересуются «звездозаконием, они «Шестокрыл» себе изучив, да тем прельщают христианство, мня яко с небес знамение сводят, ино то, что не их съставления бысть».

Помимо «Шестокрыла» жидовствующие принесли в русскую астрономическую литературу и другие сочинения. Среди них были «Мартолой» – популярное средневековое сочинение по астрономии, вошедшее в состав календарей, «Звездочетец 12 звезд», «Альманах» – западно-европейский календарь, содержащий различные астрономические предсказания, «Космография» (не Маркатора), «Лапидарус» – трактат о различных вопросах мироздания, а также «Стоглав», «Домострой», «Воронограй», «Зодеи», «Чернокнижье» и др. (Турилов, Чернецов, 1989; и др.).

Жидовствующие внесли в русскую литературу и ряд гадательных книг, таких как «Лунник», «Молнеинин», «Громник», «Лопаточник» (гадание на бараньей лопатке), «Травник», «Трепетник», «Колядник», «Сносудец» и «Рафли». Все они являются апокрифическими сочинениями суеверного характера, осужденные и запрещенные церковью. Широкое распространение гадательной литературы свидетельствует и о живучести языческих реликтов.

Книга «Рафли» – это крупнейший гадательный трактат, основанный как на астрологии, так и на Каббале. Предполагается, что ее авторство может быть связано со средневековым еврейским автором Иегудой ал-Харизи, среди сочинений которого имеются и гадательные книги. «Рафли» была известна на Руси уже в конце XV в. В ней содержится гадательный рисунок, который попал и в знаменитую Радзивилловскую летопись. Перевод ее был сделан, видимо, в Великом княжестве Литовском, возможно в Полоцке. Эта книга пережила разгром ереси и в 1579 г., и была вторично издана псковским книжником Иваном Рыковым. При этом она подверглась переработке и значительной русификации (Турилов, Чернецов, 1985). «Громник» (гадание по грому) имеет еврейских предшественников. Так, еще в XI в. гадание по грому было описано еврейским компилятором Мозесом ха-Даршаном. Позже, в 1560 г. появилось сочинение под названием «Сефер реаним» (Книга о громах). Ее более полное название: «Сефер реаним вреасим» (Книга о громах и землетрясениях). Она вышла в Константинополе в 1720 г. Ее автором был рабби Ицхак Лурия Ашкенази – один из наиболее образованных евреев XVI в. Он родился в 1534 г. в Иерусалиме и умер в Цфате от чумы в возрасте 38 лет. Его главным трудом была Каббала, которую он из разрозненных отрывков собрал и привел в порядок, сохраняющийся и до настоящего времени. «Громник» расположен по месяцам, от тишрей до элула. В нем рассматривается зна-

чение времени грома в связи с фазами луны, значение землетрясения, затмения луны и др. Кроме предсказаний по грому это сочинение содержит свод имеющихся астрологических сведений (Перетц, 1899).

Составление астрологических предсказаний у средневековых евреев не считалось греховным. Наоборот, оно поощрялось, считалось полезным, даже богоугодным и пользовалось широким распространением.

«Трепетник» (исследован Сперанским, 1899) также имеет параллели с сочинениями средневековой еврейской литературы, а именно, с «Сефер рафанот» (Книга членотрясений, XVI в.). В ней приводятся наставления о времени, наиболее удобном для кровопускания, а также имеется краткий громник и некоторые астрологические сведения. Это же сочинение было приведено и в книге «Сносудец» (Сонник), которая вышла в Фераре в 1552 г. ее автор – еврей Псевдо-Гам-Гаон.

Еврейский «Колядник», как греческий и славянский, связан с именем пророка Эдры (Колядник Эдры), «Учение лунника» переведено с иврита в 1460 г. О том, что перевод сделан именно с иврита, свидетельствует ряд терминологических особенностей (Перетц, 1901).

Среди пророческих сочинений, имевших хождение на Руси, были и так называемые Сивиллины книги. В христианском мире они известны начиная с V в. Несмотря на христианскую редакцию, в них явно сказывается еврейское происхождение. Оно обнаруживается в стилистике, напоминающей библейскую, и в упреках грекам, забывших истинного Б-га и ставшими язычниками, выражается надежда, что они все же последуют за Израилем. Израиль выступает как образец веры, истинный приверженец единого Б-га (КЕЭ, т.7, кол. 800). В древнерусской литературе Сивиллины пророчества изложены в «Книге о сивиллах, колика быша, и киим имяны и о предречениях их». Они вошли в состав Троицкого и Румянцевского списков. И.М. Карамзин считает, что книга о Сивиллах написана Максимом Греком. Семь сивиллиных книг содержит Толстовский список («Прорицание Сивиллы», «Сказание о двенадцати сивиллах», «Сиречь пророчицах», «Из книг мудреца Маркуса и двадцати сивиллах» и др.) (Сахаров, 1885)

С движением жидовствующих связана и т.н. «Хроника Иерахмеэля» (около 1150 г.) компилятивное сочинение, включающее фрагменты еврейских и нееврейских писаний, а также «Повесть о семи мудрецах».

Интересно, что среди этой обширной переводной литературы жидовствующих отсутствуют произведения, относящиеся к раввинистической и талмудической направленности, нет переводов и Каббалы. Все это подтверждает предположение о возможных караимских корнях новгородской ереси (как известно, караимы отрицали Талмуд и всю талмудическую литературу). Средневековые славянские произведения, в

которых встречаются мотивы, сходные с некоторыми талмудическими сказаниями и рассказами из Мидрашей, например, «Сказание о Иехонии», вошедшие в Академический хронограф, не относятся к литературе, связанной с жидовствующими.

В заключение укажем, что среди событий, имевших место в XV-XVI в. и определивших историческое развитие России, ересь жидовствующих занимает одно из ведущих мест, хотя и не было массовым, почти не влияющим на политическую жизнь страны. Это было идеологическим явлением. Оно впервые потрясло заглую удручающую обстановку религиозно-церковного формализма, сдерживающего прогрессивные стремления русского общества. Полемика, возникшая в связи с ересью, послужила действенным катализатором широкого развития литературной деятельности на Руси, импульсом к интеллектуальной жизни, хотя творчество самих еретиков оказалось довольно бедным. Жидовствующие внесли в русскую культуру свежую струю рационализма, науку ученого еврейства, подготовили ее к восприятию далеко продвинутой, по сравнению с Россией, европейской культуры.

Некоторые исследователи сравнивают роль жидовствующих с Возрождением Западной Европы. Однако такая аналогия нам представляется неверной. В России не могло быть Возрождения, так как история России не знала античности, ей нечего было возрождать. К тому же Россия отличалась от Запада чрезвычайно низким культурным уровнем. Та часть еврейской культуры, которая через жидовствующих инъецировалась в русскую, характеризовалась рационализмом, базировалась на философии и естествознании, конечно, в их средневековом эквиваленте. По сравнению с примитивностью и безграмотностью средневековой России, не имеющей представления о науке вне Божественного писания, рационалистическое учение евреев было, несомненно, прогрессивным. Некоторые исследователи (Клибанов, 1960) движение жидовствующих рассматривают как реформационное в более радикальном плане, чем вероучение почти современных им протестантских систем Запада, и приближающихся к учению идеологов крайней левой Реформации.

Литература

- Берлин И. 1916. Жидовствующие //Еврейская энциклопедия, т.7, Кол. 577
- Борисов А.Я. 1993. К вопросу о восточных элементах в древнерусской литературе //Палестинский сборн. Вып. 32/98. С.93-99.
- Верещагин Е.М., 200. Библистика для всех. М., 281с.
- Голубовский Е.Е. 1901. История русской церкви. Т. 1-2. М.
- Казакова Н.А., Лурье Я. С. 1955. Антифеодальные еретические движения на Руси 14-16 в. М.Л.. 523 с.
- Кандель Ф. 1988, Очерки времен и событий. Из истории российских евреев /до второй половины восемнадцатого века/ "Тарбут" Иерусалим. 187 с.
- Клибанов А.И. 1960. Реформационные движения в России в 14 – первой половине 16 вв. М. 411 с. Коковцев П.к. 1912. К вопросу о "Логике Авиасафа" //Журн. мин. нар. прос. Май. С. 114-133.
- Краткая еврейск. энциклопедия. (КЕЭ) т.7. Кол. 9. Иерусалим.
- Кривелёв И.А. История религии. Т.I. М. 446 с.
- Лурье Я.С. 1960. Идеологическая борьба в русской публицистике конца 15 – начала 16 века. М.-Л. 532 с.
- Никольский Н.М. История русской церкви.1985. М. 446 с.
- Панов И. 1877 в. Ересь жидовствующих. //Журн. мин. нар. просв. Т. 186, отд. 2, январь. Т. 140. С.1-40 18776; Т. 189, отд. 2, февраль. С. 253-295; 1877г. Т. 190, март. С. 1-59.
- Перетц В.Н. 1899. Материалы к истории апокрифа и легенд. 1. К истории Громника. Введение. // Славянские и еврейские тексты. СПб. 121 с.
- Перетц В.Н. 1901. Материалы к истории апокрифов и легенд. 2. К истории Лунника. СПб, 167 с.
- Прохоров З. М. 1972. Прение Григория Паламы "с хионы и турки" И проблема "жидовская мудрствующих" // Тр. отд. древнерусс. литер. Т. 27. С. 329-360.
- Сайчик Ф. 2001. Ильинка – русские иудеи. // Газета: Ами (Мой народ), за 30 апреля.
- Сахаров ИЛ. 1885. Сказания русского народа. СПб. 399 с.
- Соболевский А.И. 1890. "Логика" жидовствующих //Вестн. археол. и астр. 11. С. 97-99.
- Сперанский М.Н. 1899. Из истории отреченной литературы. 2. Трепетник // Памятники древнего письма. Т.131.

- Сперанский М.Н. 1908. Из истории отреченных книг. 4. «Аристотелевы врата, или «Тайна тайных» // Об-во любит. древн. письма. № 171. СПб.
- Сперанский М.Н. 1914. История древнерусской литературы. 636 с.
- Тихонравов Н С, 1898, Сочинения. Т. 1, 2. Памятники отреченной русской литературы. СПб.
- Турилов А.А., Чернецов А.В.1985. Отреченная книга Рафли // Тр. отд. древнерусск. литерат. Т. 40 С. 260-344.
- Турилов А.А., Чернецов А.В. 1989. К культурно-исторической характеристики ереси "жидовствующих" // Герменевтика древнерусской литературы Сб. 1 (11-16 века). М. С. 407-429.
- Хазанов А. 1994. Евреи в раннесредневековой Византии // Вестн. Еврейск. университета. № 1/5/. С.4-34.
- Хоулетт Я.Р. 1993. Свидетельство архиепископа Геннадия о ереси «новгородских еретиков жидовская мудрствующих» // Тр. отдел. древнерусск. литературы. Т. 46. С. 53-73.
- Чекин Л.С. 1994. К анализу упоминаний о евреях в древнерусской литературе 11-13 веков //Славяноведение. № 3. С. 34-42.

ЕВРЕИ В ТВОРЧЕСТВЕ НЕЕВРЕЙСКИХ ХУДОЖНИКОВ

Национальная и религиозная обособленность евреев, замкнутость жизни гетто и еврейских местечек, своеобразие их духовного и материального мира, разность культур – все это породило у окружающего коренного населения естественное любопытство и живой интерес, особенно среди его интеллигентной прослойки. Так, нееврейскими учеными были созданы очень серьезные работы, затрагивающие различные области иудаики – науке о еврействе. Был выполнен значительный объем переводов еврейских авторов на многие языки мира. Значительный интерес к еврейской культуре обнаружили и многие деятели литературы и искусства. В качестве литературных персонажей евреи выведены почти во всех крупнейших литературах мира, к еврейской тематике обращались многие выдающиеся поэты, а синагогальные мотивы и напевы еврейских народных песен использовались в творчестве ряда крупнейших композиторов. Евреи привлекли к себе внимание и многочисленных художников. Имеется сравнительно большое количество полотен, на которых запечатлены те или иные стороны жизни евреев. Понятно, что каждый из этих художников имел свое видение этого своеобразного и не совсем понятного ему мира. Даже беглый анализ таких произведений может представить известный интерес, тем более, что эта тема все еще остается почти незатронутой.

Пути обретения евреями, как этносом, своего места в творчестве нееврейских художников были не совсем обычны и не совсем просты.

Поскольку христианство своему возникновению целиком обязано иудаизму, а значит и его создателю и носителю – евреям, а Ветхий завет был и остается важнейшим каноническим христианства, то первые проникновения евреев в качестве персонажей художественных произведений всецело связано с христианскими художниками, творчество которых посвящено ветхозаветной и евангельской тематикой. Создавая свои произведения, они, не осознавая того, открыли дорогу евреям на свои холсты. Своеобразие этой ситуации заключается не только в вынужденном изображении евреев – всех персонажей ветхозаветных и основных действующих лиц христианских сюжетов, но и в том, что большинство, если не все, эти художники никогда не видели евреев, не были знакомы с их внешностью, бытом, культурой. Изображенные ими евреи ничего общего не имели с реальными, они были евреями-символами, порождением фантазии художника.

В ряде случаев это слабые копии античных скульптур, фресок, но чаще – изображения лиц, окружающих художника, его знакомых или даже родственников – характерные представители той эпохи и страны, в которой жил и творил художник. Иного и быть не могло. Это характерно для всех почти без исключения художников эпохи средневековья и Возрождения. Примеров этому множество. Так, на картине знаменитого итальянского художника Веронезе /Паоло Кальяри, 1528-1588/ "Нахождение Моисея", события, изображенные на ней, как хорошо известно, происходили в Египте, но пейзажный фон картины и вся атрибутика ничем не напоминает эту библейскую страну, представление о которой художник имел, по-видимому, весьма приблизительное. Дочь фараона изображена в виде знатной патрицианки,

сопровожаемой дамами, кавалерами и слугами, разодетыми в пышные наряды, модные в Венеции в середине 16-го века. Иногда библейские и евангельские персонажи представляют совершенно конкретные лица. В одном из образов богородицы была изображена фаворитка Карда 7-го. В картине "Богородица с младенцем" /1456/ знаменитого французского художника-миниатюриста 15-го века Жана Фуке святая Мария больше похожа на земную царицу, чем на небесную. У нее модная для того времени прическа, на ней придворное платье с полуобнаженной грудью. Вся ее фигура свидетельствует о манере держаться, свойственной придворной даме. В своих великолепных миниатюрах, украшающих Часослов Этьена Шевалье и другие рукописные книги, изображаются сцены из Ветхого и Нового заветов, но действия происходят в обстановке, современной и понятной художнику. Его герои одеты и ведут себя как обычные сограждане. Ни их одежда, ни их лица ничем не напоминают истинных героев изображаемых событий. То же самое можно сказать и о его иллюстрациях к изданным в то время "Иудейским древностям" Иосифа Флавия. Лишь необычные головные уборы на людях, имевшие вид тюрбанов или остроконечных шапок почему-то должны указывать на то, что события разыгрываются на Востоке. Иерусалимский храм изображен в виде хорошо знакомого художнику готического собора. Даже знаменитый "Давид" Микеланджело не только изображен в виде безбородого юноши с явными античными чертами лица и без головного убора, но даже с необрезанной крайней плотью, что для евреев того времени вообще не мыслимо. То же можно сказать и о "Самсоне", разрывающем пасть льву, работы М. Козловского /1801/, о младенце Христе в картине выдающегося художника итальянского Возрождения Караваджо /1573-1610/ "Мадонна Палафреньери", где изображен нагой младенец, попирающий змею – символ порока и зла. Мария богородица и рядом стоящие

женщины ничем не отличались от тех, которых художник встречал на улицах, площадях и рынках Италии. Картина была заказана для церкви Святой Анны деи Палафренъери /отсюда и ее название/, но она настолько отражала реальную жизнь того времени, что коллегией кардиналов была отвергнута. Странно, но важная сторона еврейской обрядности – обрезание крайней плоти – художникам того времени почему-то вообще была неизвестна.

По-видимому, один из первых, кто перенес на холст реальный еврейский образ, был знаменитый критский грек Доменико Теотокопули /1541-1614/, живший и творивший в Толедо, и вошедший в историю искусств как Эль Греко. Незадолго до приезда художника в этот город, в нем проживала большая и процветающая еврейская община, которая и создала город и дала ему название /Толедо происходит от ивритского слова "толедот", что означает родословную или поколения/. Пришедшая в Испанию инквизиция, жестоко обошлась с ее еврейской общиной, хотя именно ей страна обязана своим благополучием и процветанием. Десятки тысяч ни в чем не повинных людей были замучены, сожжены на кострах или насильно крещены. Мало кому удалось избежать этой страшной участи. Во время пребывания Эль Греко в Толедо евреев там практически не осталось. К слову скажем, что художник, разбогатев, приобрел себе часть огромного дворца, некогда принадлежавшего еврею Самуилу /Шмуэлю/ бен Меиру Галеви Абдулафия, казначею короля Испании Педро Жестокого. Последний своего казначея сгноил в тюрьме, а дворец забрал себе. /Абдулафия построил и знаменитую синагогу, позже превращенную в церковь Успенья Богоматери, или Эль Транзите де Нуэстра Сеньера, вторая не менее знаменитая синагога также была превращена в церковь Санта Мария ла Бланка/.

В творчестве художника доминируют религиозная тематика. Широко известны многочисленные "Святые семейства", портреты христианских сподвижников, мучеников, святых. Однако при сравнении его многочисленных женских образов, легко заметить их поразительную схожесть. Создается впечатление, что все они написаны с одного лица. Полагают, ею была возлюбленная художника донья Иеронима Куэвас. Во время жизни Эль Греко в Толедо там еще сохранились единичные евреи, чудом сохранившиеся от жестокостей инквизиции. Предполагается, что донья Иеронима была одна из них. Внимание художника она привлекла не только волнующим женским обаянием, но и богатством ума. Эль Греко через всю жизнь пронес к ней нежность и преданную любовь. Несмотря на то, что он имел от нее сына, их брак не был освящен католической церковью, что в те времена было поступком не столько дерзким, сколько опасным. Возможно, этому претило отрицательное отношение доньи к переходу в христианство или раскрытие ее еврейского происхождения, что, разумеется, было

бы равносильно смертному приговору. Иеронима для художника была воплощением женственности, неисчерпаемым источником творческого вдохновения. Портреты Иеронимы неизвестны, но полагают, что таковыми могли быть "Дама в мехах" /Глазго, собрание Максвелл/ и "Дама в кружевном чепце" /1577. США, частная коллекция/. На обоих портретах, видимо, изображена одна и та же женщина. Прекрасное лицо, огромные темные миндалевидные глаза, длинные ресницы, широкая верхняя часть лица, сужающаяся к подбородку, небольшой рот, прямой нос и, очень печальный взгляд. Все это создает тип явно испанской женщины. Эти черты повторяются почти во всех эль-грековских женщинах, будь то богматери или христианские мученицы. И тем не менее, надежные сведения о еврейском происхождении доньи Иеронимы отсутствуют. Лишь гениальный Рембрандт /1600-1669/ посвятил еврейству заметную часть своего творчества. В его богатом и разнообразном художественном наследии имеется значительное количество работ, запечатляющих различные стороны жизни еврейской общины Амстердама середины 17-го века. Рембрандтом создано более 30 работ, главным образом портретов /пятая часть его портретного наследия/, посвященных еврейству. Кроме того, как хорошо известно, через все творчество Рембрандта красной нитью проходит неугасимое увлечение библейской и евангельской тематикой, что вполне соответствует направлению культуры 17-го века. Средневековье – это эпоха веры. Действующие лица этих работ не были плодом надуманности, фантазии, как это имело место у его предшественников и современников, даже очень именитых. Типажами этих картин были реальные, даже типичные евреи, кем они и должны быть, согласно сюжетной линии. Жители еврейского квартала Амстердама могли в большом количестве и в большом разнообразии предоставить художнику нужные модели. Чем же можно объяснить такой интерес и такую доброжелательность к еврейству, редкую даже и в наше время. По-видимому, это связано с переездом художника в 1631-32 г. из родного Лейдена в Амстердам, где он поселился рядом с еврейским кварталом Бреестраат, в доме, расположенном недалеко от ашкеназской синагоги и дома, где позже поселится Барух Спиноза. Этот район был заселен в основном сефардами, выходцами из Испании и Португалии. Небольшая Голландия в результате 40-летней освободительной войны с огромной Испанской империей наконец-то получила желанную независимость. После провозглашения Утрехтской унии /1579/ в Голландии было разрешено проживание лицам любой национальности, провозглашено уважение к иным традициям и религиям, кроме католицизма, поддерживающего в этой войне испанскую монархию. Понятно, что Голландия для измученных инквизицией евреев стала страной спасения. Несмотря на рискованность дальних плаваний, огромные массы евреев с Пиренейского полуострова хлынули в

Голландию. В 1598 г. в Амстердаме уже начала функционировать первая синагога "Байт Яков" /по имени ее основателя Якова Тирадо. А 15-го мая 1623 г. в ней был предан анафеме Уриель Акоста/, в 1608 г. - вторая – "Нове Шолом" /Мирная обитель/. 80 время 30-ти летней войны в Голландию попала и группа немецких евреев, положившая начало ашкеназской общине. За десять лет, с 1609 по 1618 г.г. еврейское население Голландии удвоилось. Ко времени переезда Рембрандта в Амстердам оно уже насчитывало более 400 семей.

Рембрандт очень часто посещал еврейские кварталы. Со многими их обитателями у него сложились сердечные дружеские отношения. В особенности с главой общины Менашием /Менаше/ бен Израилем /1604-1657/. Менаше был человеком незаурядных способностей – блестящий знаток Ветхого завета, первоклассный юрист, философ, полиглот, владевший десятью языками, редкостный эрудит. Его перу принадлежит около 400 произведений. Он был учителем молодого Спинозы. В 30-тых годах Рембрандт часто встречался с Менаше, особенно при посещении замка Мейден – владения известного в то время историка Питера Корнелиуса Хафта /1581-1649/. Здесь собиралась интеллектуальная элита Амстердама. Эти встречи вошли в культурную историю Голландии как Мейденский кружок. Позже, однако, Менаше превратился в религиозного фанатика и участвовал в травле своего бывшего ученика Спинозы, возглавил кампанию против Уриэля Акосты. Рембрандт иллюстрировал произведения своего еврейского друга, например книгу "Преславный камень, или статуя Навуходоносора", сделал его портрет, который в каталогах числится как "Амстердамский рабби", а также портрет в офорте /1638 или 1654/.

Рембрандт не только был хорошо знаком со многими евреями, но был также знаком и с их национальными и религиозными традициями и в какой-то степени и с ивритом. На некоторых его картинах встречаются надписи на иврите. Предполагается, что с этим языком он познакомился еще, будучи студентом, в Лейдене. После горя, постигшего художника – смерть его первой жены Саскии ван Эйленбург, он еще ближе сходит с жителями еврейского квартала, особенно с представителем знаменитой фамилии Буено – Эфраимом Хаския Буено /Бонус/. Буено – семья выходцев из Испании, ее члены расселились в разных государствах Европы и Америки и стали известными врачами, поэтами, раввинами. Эфраим вместе с Ионой Абрабанелем опубликовали несколько литургических произведений, сделал испанский перевод псалмов, был в дружеских отношениях с Менаше бен Израилем. Вместе с Авраамом Перейрой организовал ученое общество "Тора ор" /Свет Торы/. Эфраим был известным ученым, врачом, врачавшимся в обществе интеллектуалов. В 1647 г. Рембрандт создает портрет своего друга в офорте. Для этого он проводит редкую для себя подготовительную работу, делая

предварительный этюд, что свидетельствует о большом значении, которое художник придавал выполнению этой работы.

Действительно, офорт является одной из лучших графических работ художника. На нем изображен Эфраим в задумчивой позе, опирающийся на перила десницы. Одет в черное платье ван-дейковского покроя с белым отложным воротничком и широкими манжетами, за плечи закинут короткий плащ. В его лице поражают глаза, большие и очень грустные еврейские глаза. Рука, положенная на перило, несколько укороченна, что характерно и для других портретов Рембрандта. Буено, видимо, пользовался большим авторитетом. Его рисовал и известный современник Рембрандта Ян Ливанс.

Рембрандт состоял и в дружеских отношениях с семьей известного в то время книготорговца, бывшего маррана Пинеро, а также с еврейским поэтом Мигелем до Барриасом и его второй женой Абигадь де Пина. Некоторые исследователи творчества Рембрандта высказывают предположение, что супруги Барриас изображены на парных портретах. Он – на "Мужчина с увеличительным стеклом", а она – на "Женщина с гвоздикой. Однако эти высказывания малоубедительны. Более вероятно, что на этих портретах изображены вообще неевреи. Они без головных уборов, что для евреев того времени, вряд ли допустимо. Также считалось, что на мужском портрете изображен Барух Спиноза, который, как известно, занимался шлифовкой линз. Но и это предположение должно быть исключено. Рембрандт был старше Спинозы на 25 лет. Когда художник достиг творческой зрелости, Спиноза был еще ребенком, но когда он стал философом, то Рембрандт уже превратился в дряхлого старика. Интересно, что на той же странице акта об отлучении Спинозы от общины было вписано и объявление о банкротстве Рембрандта, происшедшее в 1656 г. По-видимому, это и была их единственная встреча. Кроме того, Спиноза не был женат, а на пальце мужчины обручальное кольцо. В последнее время доказано, что на портрете изображен известный в то время амстердамский ювелир Ян Лютма-младший. Предполагалось также, что семья Барриос изображена на "Семейном портрете" /1668-1669/, но и эта версия не имеет убедительных доказательств.

У Рембрандта имеются три картины под условным названием "Еврейские невесты" /"Малая еврейская невеста", "Большая еврейская невеста" и "Еврейская невеста"/. И тем не менее, несмотря на эти названия ни одна из них ничего общего с еврейством не имеет. Так, на первой из них, по-видимому, изображена первая жена художника Саския /или ее сестра Лисбет/, одетая в платье какого-то причудливого покроя. На голове венок – эмблема святой Екатерины из Александрии – мученицы раннего христианства. По преданию, палачи надели на ее голову терновый венец,

который тотчас превратился в пышный венок из цветов. Эта работа находится в Эрмитаже и в старых каталогах числится как "Молодая еврейка" или "Еврейская невеста". Такое название, вероятно, возникло в связи с экзотическим покроем ее платья. В настоящее время она переименована во "Флору". Вторая картина изображает молодую богатую женщину с явно нееврейским типом лица, сидящую в кресле с длинными распущенными волосами. Согласно еврейским традициям, невеста в день свадьбы должна убрать волосы. Но в ее руках свиток – ктуба, или еврейский брачный контракт. Таким образом, в этой работе переплетаются элементы как христианского культа, так и иудейского. Некоторые исследователи полагают, что здесь изображена легендарная прорицательница Сивилла или покровительница искусств Минерва. На последней из этого небольшого цикла картине /1665/ изображена счастливая супружеская пара. Ни о содержании картины, а равно как и о ее моделях ничего не известно. Персонажи лишены всякой еврейской внешности. Возможно, это какие-то близкие художнику лица, превращенные его фантазией в библейских Рахили и Якова или Ревекки и Исаака.

К портрету Буено в какой-то степени близок, находящийся в Эрмитаже погрудный портрет "Пожилото мужчины" /1645/. На небольшом полотне запечатлено исхудалое дряблое лицо уже немолодого еврея с рыжеватой бородкой. Грусть и тоска в поникшем взоре – характерные черты небогатых обитателей гетто. Портрет покоряет своим драматизмом, в нем отражено какое-то очищение через страдания, как удачно заметила К.С. Егорова /"Портрет в творчестве Рембрандта". 1974. М./ . Особое место в творчестве Рембрандта занимают портреты пожилых евреев. Им создано 15 таких портретов, занимающих наиболее почетные места в крупнейших художественных собраниях мира. Характерно, что все они созданы в самое трагическое для художника время – смерть первой, а затем и второй жены и сына Титуса, когда шумный успех, сопутствовавший Рембрандту в прежние годы, сменился удручающим материальным крахом, а в последние годы жизни и одинокой безрадостной старостью. Лишенный заказов и будучи свободным в выборе сюжетов, он обратился к образам, способным более полно выразить его чувства, настроения, переживания. И художник с новой силой потянулся к евреям. Их униженное положение в обществе становится ему особенно понятным и близким. Именно в эти последние годы жизни художник создает свои наиболее значительные шедевры – портреты пожилых евреев, портреты-биографии. Все они характеризуются огромной психологической насыщенностью. В них он вложил всего себя, свое миропонимание, свое настроение. Наиболее типичными из этой серии являются "Старый раввин" /1642, Будапешт/, "Еврей в красном" /1652, Эрмитаж/ и "Старый еврей" /1652, Эрмитаж/. Примечательно, что в последнее время из названий картин, находящихся в Эрмитаже, убрано

слово "еврей". Теперь они именуются как "Старик в красном" и "Старик". Метастазы антисемитизма проникают во все мыслимые области, даже в музейное дело. Этот позорный факт не остался незамеченным. По этому поводу поэт А. Кушнер заметил:

*Оказывается, старик
Рембрантовский – еврей.
А сколько лет висел ярлык,
Что просто он старик!
Но равно мог тогда музей
Позволить хоть на миг
Себе такое? Бедный лик!
"Скорей, невец, скорей!"*

/"Знамя", 1994. № 11/

"Старый раввин" написан после смерти жены Саскии, почти одновременно со знаменитым "Ночным дозором", впрочем, так и не понятым его современниками. На нем изображен сидящий в полутемной комнате одинокий старик. Он облачен в тяжелое теплое одеяние. Ослабшие руки опираются на палку. Лицо прорезывают глубокие морщины. На столе в старинном медном подсвечнике мерцает свеча, лежит стопа толстых фолиантов, на подушечке покоится том Библии/ по старинной еврейской традиции Пятикнижие должно лежать на специальной подушечке/. Вся обстановка дышит стариной и патриархальным покоем. Мирские заботы уже далеко позади. Старый философ живет в своем особом мире, мире религиозных переживаний. Вся его внешность свидетельствует о вековой мудрости, о возвышенности, которая приходит только с годами, со старостью. Золотисто-коричневый тон картины еще больше подчеркивает тишину, отрешенность, одиночество.

Интересен и портрет под условным названием "Мужской портрет" /1661, Эрмитаж/. Его модель, а, равно как и первоначальное название, остались неизвестными, однако большая схожесть с "Портретами раввинов" /1657-1660, Лондонская национальная галерея/ разрешает предположить между ними определенную связь. Более, чем вероятно, что и на этом портрете также изображен раввин. Немолодой смуглолицый мужчина в бургундском костюме / костюм 17-го века, состоящий из берета, камзола с прорезьями и рубашки без воротничка, собранной вокруг шеи/. Спокойная поза, умное лицо, выражающее мудрость и скорбь – вечных спутников еврейских лиц. По непонятной причине этот замечательный портрет известен меньше, чем другие работы Рембрандта и, тем не менее, он, несомненно, относится к числу его лучших творений.

Портреты старых евреев являются лучшими образцами мирового портретного искусства. Композиционно они предельно просты, но по содержанию и по эмоциональному накалу исключительно глубоки. На них изображены старые люди, сидящие в креслах со сложенными на коленях руками. Лица их усталые

– жизнь пройти – не поле перейти. Всё у них уже позади – и радость, и печаль. Остались лишь тяжесть от груза прожитых лет. И тем не менее, они не вызывают чувства жалости. Наоборот, они выглядят духовно богатыми, многоопытными, сохранившими благородство и достоинство. Художник вложил в эти образы всю свою огромную любовь, теплоту и сочувствие – всего себя.

Кроме офортов и картин, связанных с еврейскими мотивами, у Рембрандта имеются и многочисленные зарисовки. Например, "Синагога" /1648/, где изображена синагога, видимо, сефардская /к тому времени в Амстердаме уже было три сефардских и одна ашкеназская синагога/, возле которой собралось десять евреев – количество, необходимое для еврейской религиозной службы – миньяна.

Обращает на себя внимание, что почти везде, где у Рембрандта изображены евреи, они являются сефардами. Вероятно, это объясняется тем, что сефардские евреи жили среди христианского населения, а большинство из них были марранами /т.е. евреями, под принуждением принявшими христианство, но тайно оставшимися верными своей /вере/ и не так строго относившимися к некоторым сторонам религиозной обрядности, как ашкеназы, проживавшие более обособленно и более тщательно охраняющие обычаи старины. Сефарды не только охотно позировали художнику, но и даже заказывали свои портреты. Редкие портреты ашкеназских евреев /"Портрет молодого еврея". Нью-Йорк /, видимо, написан по памяти.

Евреи, изображенные Рембрандтом, представляют не только огромную художественную ценность, но историческую и этнографическую. Они запечатлели и донесли до нас типы голландских евреев середины 17-го века, их внешность, одежду, быт.

К евреям Рембрандт относился объективно, без обычной для многих предвзятости. Он не только состоял со многими в теплых дружеских отношениях, но с евреями случались и серьезные конфликты /например, с Диего д'Андрара/, которые, однако, не вызывали у него отвратительного чувства юдофобства. Рембрандту была присуща, зародившаяся в гуманистических кругах 16-го века, традиция религиозной терпимости и широты взглядов. Он был не только величайший художник, но и величайший гуманист. Именно эта сторона его личности оказала, как мы увидим ниже, сильное влияние на творчество ряда крупных художников последующих поколений.

Повышенный интерес Рембрандта к еврейству не только не остался незамеченным, но стал предметом специальных исследований. Укажем лишь на некоторые: Пастернак Л. "Рембрандт и еврейство в его творчестве". 1923. Берлин; Sagers A. "Juden und Judentum in Rembrandts Schopfung". 1924. Dissertacion. Berlin; Landsberger F. "Rembrandt, the Jews and Bible". 1946. Philadelphia; и другие.

Почти в одно время с Рембрандтом жил и творил другой замечательный голландец – Якоб ван Рейсдал /1628-1682/ – величайший мастер пейзажа Его работы отличались не только выселим мастерством, но и глубоким философским содержанием. В нем удачно сочетались внимательный, тонкий наблюдатель и очень глубокий мыслитель. Пейзажи Рейсдала на редкость эмоциональны, насыщены драматизмом и философскими раздумьями. Именно эти черты творчества с исключительной силой проявились в его знаменитом "Еврейском кладбище" – наиболее сложном и наиболее трагическом произведении художника.

В основу этой работы положено изображение одного из уголков реально существующего старинного еврейского кладбища выходцев из Португалии, расположенного недалеко от Амстердама. На заднем плане картины изображены развалины старой кладбищенской синагоги, действительно существовавшей вплоть до 1675 г. и разрушенной ударом молнии. На переднем – несколько мраморных надгробий, мацевес, – свидетельства когда-то существовавших и давно ушедших жизней. Одно из них принадлежит бывшему личному врачу французского короля Генриха 4-го, второе – главному раввину /хахаму/ Амстердама, а третье – какому-то состоятельному горожанину.

Вся картина выполнена в темных сине-зеленых тонах. Фон пейзажа создает грозное небо с темными зловещими тучами, низко висящими над кладбищем. Мрачно и скорбно. Очень ощутимо передана тяжелая кладбищенская тишина. Огромная вековая скорбь пронизывает каждый уголок. Чувство неотвратимости смерти, кратковременности жизни человеческой, тщетность ее земных усилий, земного существования. Жизнь человека – это мгновение перед вечностью природы. Художник размышляет о жизни и смерти. Вольфганг Гете назвал Рейсдала поэтом и мыслителем. Эфемерность человеческой жизни подчеркивается вечным буйством растительности, могучими деревьями, бурлящим потоком, стремительно бегущим между камней, вечностью жизни, но не человеческой... При жизни художника эта картина называлась "Аллегория жизни человеческой". Именно таков ее замысел.

Обращает на себя внимание выбор сюжета. Почему для выражения своего миропонимания художник выбрал именно еврейское кладбище, а не более близкое ему протестантское? Чем вызван такой выбор? Почему именно этой работе художник уделил такое исключительное внимание? Кроме многочисленных подготовительных зарисовок Рейсдал сделал два законченных варианта этой картины. Один – дрезденский /1650-1653/, спасенный советскими воинами во время Второй мировой войны, и второй – детройтский /1660/. Никаких объяснений этому художник не оставил. Можно лишь догадываться.

Мысли, высказанные Рейсдалем в "Еврейском кладбище", не новы. Они были изложены еще три ты-

сячелетия назад великими еврейскими мыслителями в книге Когелет /Экклезиаста/. Все это произведение пронизано духом скептицизма, мыслю о том, что жизнь – это банальная повторяемость, круговорот одних и тех же событий: "Поколения приходят, поколения уходят, а мир остается вечным", что все в мире хавэль хавэлим – суета сует, а конец один – смерть! Только она цена всему, только она всемогуща, никому не подвластна, никем не покорена. Что бы человек не совершил, кем бы он не был – всех ждет одно – тлен! Все перед ним равны: и глупцы и мудрецы, богачи и бедняки, люди и твари – преимущества не имеет никто, "Как умирает тот, так умирает этот, и одно дыхание у всех. Все идет в место одно... и возвратится прах в землю, чем он был, а дух возвратится к Богу, который и дал его..." Коротка жизнь человеческая, тщетны его усилия. Вечна лишь природа.

Думается, что все философское содержание "Еврейского кладбища" было навеяно Рейсдалу именно чтением Экклезиаста. Эта книга, ее мировоззренческая основа оказала на художника очень сильное впечатление. И ещё изображение на картине ручья, который должен символизировать торжество жизни, видимо, также связано с чтением Ветхого завета. В книге пророка Исаии сказано: "Вода, особенно "живая", бьющая ключом, символизирует жизнь и счастье".

Не исключена и возможность того, что и известное пушкинское:

*"... Я говорю: промчатся годы,
И сколько здесь ни видно нас,
Мы все сойдем под вечны своды -
И чей-нибудь уж близок час.*

*День каждый, каждую минуту
Привык я думой провожать,
Грядущей смерти годовщину
Меж их стараюсь угадать.*

*И пусть у гробового входа
Младая будет жизнь играть
И равнодушная природа
Красою вечною сиять".*

также написано под впечатлением Экклезиаста. Уж очень схожие мысли.

Николае Григореску /1833-1907/, выдающийся румынский живописец, яркий представитель демократического реализма. Часть своей жизни жил и творил во Франции, где примыкал к барбизонской школе /группе пейзажистов, работающих в деревне Барбизон, вблизи Парижа, сыгравшие важную роль в развитии европейского реалистического пейзажа/. В 1864 г. Григореску предпринимает путешествие по Галиции и Румынии, что в значительной степени обогащает и изменяет тематику его творчества. Художника глубоко поражает еврейское население, своеобразие

еврейских местечек, в то время еще густо разбросанных по этим местам, их быт и яркая выраженность национальных черт. Григореску делает много зарисовок, пишет этюды, запечатлевающие типичных представителей местечкового люда, характерные бытовые сценки. Еврейская тематика надолго завладевает художником. Он прибегает к ней на протяжении почти всей своей творческой жизни. Немаловажную роль в этом сыграло и его увлечение творчеством Рембрандта. Григореску не только внимательно изучает творения великого голландца, но и копирует многие его картины. В особенности влияние Рембрандта сказывается на выполнении погрудных портрет, к примеру, таких, как "Еврей в кафтане".

Большой реалистичностью отличаются портреты местечковых евреев, этих ярких и своеобразных типов, навсегда исчезнувших вместе с самими местечками. Из этого цикла работ наиболее известны "Портрет еврея", "Раввин" и "Старый еврей" /1874. Бухарест/. Портреты отличаются не только большой правдивостью и исключительной выразительностью, но они излучают тепло и сочувствие. Наиболее свои известные картины Григореску написал в Банате, это "Еврей в кафтане" /1874/ и "Еврей с гусем" /Бухарест/. Первая работа представляет собой погрудный портрет еще не старого мужчины, одетого в темно-зеленый кафтан и высокую, отороченную мехом шапку. Такие головные уборы в то время были очень модны среди евреев среднего достатка. Яркий свет выхватывает из темноты крупные черты лица и меховую оторочку шляпы – прием, так характерный для Рембрандта.

Еврейские местечки юга России и Восточной Европы – это целый и очень своеобразный мир со своими законами, бытом, обычаями, со своей культурой. Понятно, что среди населения местечек были разные слои населения – и ученые раввины и многознающие старцы, и другой разношерстный люд, среди которого встречались и дельцы, и "люди воздуха", и местные дипломаты. Именно один из них и был запечатлен Григореску в его замечательной работе "Еврей с гусем". На ней изображен темноволосый бородатый мужчина с вытянутым лицом и плутоватыми глазами. Он также едет в традиционную шапку с бархатным верхом, отороченную темным мехом. Поношенный кафтан подпоясан кушаком. С одной рукой он прижимает к себе большого гуся, а другой держит какую-то "казенную бумагу", видимо, прошение. Вероятно, на успех шансов немного и гусь, врученный чиновнику, должен их существенно повысить. Его хитроватое уверенное лицо указывает на то, что подобную операцию он проводил уже неоднократно и действует она безотказно... Эта работа одна из шедевров Григореску, вершина его мастерства. С удивительной точностью переданы гусиные перья, меховая оторочка шляпы, выражение лица. Композиционно она также безупречна. Картина была выставлена для

обозрения в парижском Салоне и, несмотря на непривычную для парижской публики тематику, пользовалась огромным успехом.

Еврейская община Польши была одной из самых больших в Европе и тем не менее у польских художников она не вызвала заметного внимания. Из большого количества польских художников еврейская тематика отражена лишь в творчестве А. Горимского /1830-1910/ и П. Михалковского /1800-1850/. Оба они относились к реалистическому течению в польском искусстве. Первый из них создал известный "варшавский цикл", среди полотен которого были и посвященные еврейской тематике. К ним относятся "Ворота в старом городе", "Еврейский праздник /тромбки/" и "Еврейка, торгующая лимонами" /Варшава/. Выполнены они за границей. Первую картину, ни ее репродукцию увидеть не удалось. На второй изображен обряд ташлих, совершаемый евреями в праздник еврейского Нового года Рош-Гашана. Обычно в этот день евреи собираются на берегу реки, молятся и вытряхивают из карманов в воду крошки хлеба, символизируя этим очищение от грехов. На картине хорошо виден берег Вислы, запруженный различными баржами и лодками. Сумерки, первые звезды. На берегу чернеют силуэты бородатых мужчин, поодаль стоят женщины. Все молятся, прося у Бога счастливого года, желают друг другу Шана Това – хорошего года! Очень тонко передана атмосфера наступающего вечера. В домах зажигаются огоньки. Какая-то прозрачность пронизывает всю картину. Тихо и торжественно. Новогодний вечер!..

Следует, однако, указать, что название картины несколько ошибочно, не соответствует содержанию. Перепутано два обряда, сопровождающих празднование Нового года: обряд ташлих, как раз изображенный на картине, и обряд, при котором трубят в бараний рог шофар, чего на картине как раз нет, но она, тем не менее, названа именно в честь этого второго обряда.

На второй картине на фоне осеннего городского пейзажа изображена одинокая пожилая женщина, продающая лимоны, холодное осеннее небо и теплый платок на ее плечах могут указывать на время осенних праздников: суккот, или праздника кущей и весьма возможно, что женщина продает лимоны именно сорта этрог, употребляемые при совершении ритуального обряда лулав.

Михайловский создал три портретные работы: "Голова еврея", "Портрет молодого еврея" и "Еврей". Первая картина пропала, не сохранилась и ее репродукции. Вторая представляет собой небольшой портрет молодого человека с грубоватыми чертами лица, на голове традиционная ермолка. На третьей – пятеро евреев, трое из них пожилые, все в ермолках, на некоторых наброшен талит – ритуальное покрывало. Скорее всего, они собрались на молитву. Можно допустить, что художник рисовал их по памяти. Вряд

ли польские евреи разрешили бы себе позировать. Обе картины просты по замыслу, но реалистичны по исполнению. Эти работы, хотя и не имеют большой художественной ценности, но интересны этнографически – они донесли до нас представление о польских евреях первой половины 19-го века.

Испанец Пабло Пикассо /1881-1973/, живший и творивший во Франции, в своем сложном и многогранном творчестве нашел скромное место и для еврейской тематики. Она приходится на начало нашего века, когда творчество художника переживало так называемый, синий период. В это время им создаются картины, почти полностью выдержанные в холодных синих тонах. Считается, что такой стиль его картин обусловлен очень мрачным настроением, вызванным смертью близкого друга Касагемаса, а также ужасами женской тюрьмы Сен-Лазар, которую в это время посетил художник. Все это привело к глубокому душевному кризису впечатлительного Пикассо. Картины этого периода лишены ярких красок, солнечного света, улыбающихся лиц. Они монохромны, их действующие лица – это несчастные обездоленные люди. Понятно, что для выражения такого настроения евреи подходят как нельзя лучше. Подобное мы наблюдали и у Рембрандта, это же мы видим и у Пикассо. Он рисует свою знаменитую картину "Старый еврей с мальчиком" /1900/. На ней изображен сидящий на земле нищий еврей и прижавшийся к нему такой же несчастный мальчик. На них весьма ветхие одежды, они предельно худы и босы. Головы покрыты, у старика традиционная борода. Возможно они глубоко верующие, но это их мало спасает. Как библейский Иов они вправе сказать: "Невинен я, а страдаю!" Полотно глубоко психологично. Им художник выражает свое глубокое сочувствие страдающему еврейскому народу. Этой же картиной еще молодой Пикассо заявил о себе не только, как о самобытном таланте, со своим почерком в искусстве, но и как о человеке, гражданине, гуманисте.

Путь евреев на полотна русских художников был таким же извилистым, как и на Западе. И здесь евреи впервые попали на холсты в виде библейских персонажей. И здесь они, как и на полотнах своих западных коллег, были плодом фантазии, ничем не напоминая евреев истинных героев библейских событий. Вряд ли петербургские или московские художники вплоть до 18-го века вообще когда-либо видели живого еврея, а если и видели, то это могли быть нищие, незнающие русского языка, часто невежественные жители деревень и местечек далеких российских окраин, черты оседлости. Вряд ли их можно было отождествлять с величественными персонажами и героями Книги Книг – Библии. Даже такой серьезный художник, как И.Н. Крамской в большой работе "Христос в пустыне" в образе Христа изобразил не еврея, а более близкого ему образа русского интеллигента-разночинца, своего современника, имеются подозрения, что в образе

Христе он изобразил себя. Художника даже обвиняли в кощунственном принижении образа Бога-человека. Не менее крупный художник Н.Н.Ге в картине "Саул у Аэндорской волшебницы" /1606/ образу пророка Самуила /Шмуэля/ придал черты любимого художником литературного критика В.Г. Белинского, а в образе Христа в "Тайной вечери" изобразил Герцена, а в Петре – себя. Однако, библейские образы в искусстве – это тема отдельного разговора.

Вероятно, первым в русском искусстве, кто в библейские образы внес конкретные еврейские черты был А. Иванов /1806-1858/ в его капитальнейшем произведении "Явление Христа народу" /1837-1858/. Эта замечательная картина написана не столько в религиозно ключе, сколько в философско-историческом. Художник стремился, на сколько это было возможно, приблизиться к исторической обстановке, в которой происходили интересующие его события. Он стремился представить настоящий национальный и социальный облик народы, специфику общественных отношений, которые, согласно его представлению, должны были иметь место в Иудее в начале нашей эры. А. Иванов старался раскрыть связь мифа с теми реальными историческими условиями, в которых создавался этот миф. Тематика Ветхого и Нового заветов взята им в тесной связи с искусством, реальной жизнью, историей и духовной культурой еврейского народа того времени. Стремясь именно к этому, художник много внимания уделил подготовительным работам. Каждый персонаж картины, ее пейзажный фон, отдельные группы тщательно прорабатывались з натуре. В поисках типичных лиц-прототипов, наиболее отвечающих образам картины, А. Иванов обратился к жителям еврейского квартала Рима. Прорыв к историзму обнаруживается и в других работах художника, посвященных библейским сказаниям, например, в "Моисей перед богом, читающим ему заповеди на скрижалях" и в других. Сцена пророчество Аврааму о рождении Исаака решена как типичный эпизод жизни кочевого племени: босоногие путники в усталых позах, расположились вокруг блюда с едой, стоящего на земле; и др. С точностью, которая только была доступна историческим знаниям того времени, показывает художник облик и жизнь храмового двора, жизнь на площадях и улицах восточного города. Приблизительно то же в определенной степени относится и к творчеству В.Д. Поленова, в особенности к "Христос и грешница". Хотя картина написана в Риме, но в ней художник стремился максимально приблизиться к исторической достоверности, сделать ее не столько мифологической, сколько реалистической. Он также, как и Иванов, прибегал к натурным рисункам, в качестве моделей привлекал жителей римского гетто. Известно, что голова фарисея написана с натуры, с еврея по имени Яхуд. Кроме того, во время путешествия по Святым местам художником создано ряд натурных работ, таких как "Еврейский мальчик из Табуни", "Рахиль – еврейская девочка", "Голова ев-

рея" "Развалины синагоги в Кофф-Бирим", "Вифлеем" и "На Генисаретском озере"

В работе Н. Ге "Суд синедриона" /1892/, по духу близкой к работам А. Иванова и к поленовскому циклу картин "Из жизни Христа", евреи изображены уже несколько реальней, некоторые даже в талесе. Проведя детские годы на черниговщине, Ге, конечно, не мог не сталкиваться с евреями, вероятно, видел и их некоторые ритуалы, но, тем не менее, реального, а не мифологического еврея, допустить на холст он все же не смог.

Возможно, что один из первых, кто в русском искусстве изобразил реального еврея, был Л. Соломатин в картине "Еврей-коробейник" /1607/ и Н. Ярошенко в картине "Еврей". Больше в этом отличились обрусевшие иностранцы, например, итальянец А.А. Риццони /1832-1902/, который заметную часть своего творчества уделил еврейству. Так, первая его картина "Жида-контрабандисты" была написана в 1809 г., когда художнику было всего 27 лет. За нее ему была присуждена малая золотая медаль, после этого он совершил поездку в Париж, а затем в Рим, где и остался. В Риме он рисовал сцены из народной жизни и из жизни евреев. В 1864 г. им создана картина "Жид-ростовщик" /Картинная галерея, г. Пенза/. На ней изображена жанровая сценка прихода к ростовщику обедневшей еврейской семьи. Ему принесли какую-то семейную драгоценность, и он, вальяжно развалившись на стуле, с удовольствием рассматривает ее в лупу, а принесшие ее с трепетом ожидают приговора – во сколько эта вещь будет оценена. Судя по обстановке, это нерусские евреи. Через три года Риццони создает "Еврейскую синагогу в Лифляндии". Выставленная на выставке в Петербурге, она заслуживает высокую оценку Стасова. Вслед за ней создается "Чтение талмуда" /Третьяковская галерея/. У Риццони хороший рисунок, точно выведены типы евреев, обстановка: одежда, но его работы страдают излишней прилизанностью, характерной для салонных художников того времени.

Другой иностранец венгерского происхождения, Михай Зичи /1827-1906/, член Российской Академии художеств, в картине "Мученики-евреи" возвращает нас к трагическим временам инквизиции. На запрятавшуюся в погреб еврейскую семью, нагрянуло "воинство Христово", вооруженное не столько крестом, сколько мечами. Все вокруг разграблено и разгромлено, в лужах крови лежит семья, лишь глава ее, крепкий мужчина, зажав в руке кинжал, решил так просто не сдаваться, картина выполнена тщательно и красиво, но, как и картины Риццони, страдает излишним мелодраматизмом. До последних лет она сохранялась в собраниях Москвы, но затем была передана Венгерской национальной галерее Будапешта.

М.П. Клодт /1835-1914/, обрусевший француз, входил в коллектив передвижников, известен как жанровый художник. В 1870 г. после посещения Лит-

вы создал картину "Виленские евреи" /Музей им. Радищева, Саратов/, где запечатлены типы литовских евреев того, уже далекого времени. Сюжет картины довольно прост, даже примитивен. На фоне убогого жилища, возможно лавчонки, стоят трое евреев неопределенного возраста и ведут о чем-то неторопливую беседу. Бородатые бледные и очень грустные лица, на плечах изрядно потрепанные в дырах и заплатках кафтаны, истоптанная и изорванная обувь. Стены дома облуплены, вокруг мусор. На ступеньках дома сидит молодая женщина с печальным потупленным взглядом. Со всех углов сквозит удручающая нищета, какая-то обреченность – судьба и действительность еврейских общин черты оседлости. В 1892 г. Клодт снова возвращается к еврейской теме, создавая "Молящегося еврея". Эта работа находится в запасниках "Русского музея" в С-Петербурге и, по-видимому, в наше время так и не выставлялась для обозрения.

Сильное благотворное влияние Рембрандта сказало и на творчестве И. Репина, в особенности на его этюде "Еврей на молитве". Это небольшое, но в высшей степени выдающееся произведение было создано в Париже в 1875 г. На холсте изображен старый молящийся еврей. На нем молитвенная накидка талит. Он стоит и шепчет про себя святые слова молитвы. Молится искренне и самозабвенно. Предельное самоуглубление выражается не только обращенным в себя взглядом, безмолвно шевелящимися губами, но и самим талитом, его черно-белыми драпирующими полосами. Как по тематике, так и по эмоциональной насыщенности эта работа весьма близка к лучшим образцам рембрандтовских "Раввинов". Художественно этюд выполнен очень красиво. Репину удалось создать впечатление какой-то своеобразной воздушной прослойки, отделяющей изображение от зрителя. Эту замечательную работу высоко оценил П.М. Третьяков и приобрел для своего собрания. Отметим и портрет молящегося М. Антокольского с накинутым на голову талитом. Этот карандашный набросок еще молодого скульптора создан несколько раньше, в 1866 г., в период их особенно дружеских отношений.

И.Н. Крамской /1837-1887/ в своем богатом творчестве все же отдал дань и еврейству, создав очень интересную картину "Оскорбленный /обиженный/ еврейский мальчик" /1874/. На ней изображен сидящий в уединенном месте, ушедший от обидчиков мальчик, тяжело переживающий свое горе. Красивое детское личико, чуть припухлые губы, налитые обидой глаза. Коротенькие детские штанишки, под коленками перетянутые шнурками, на голове ермолка, поверх натальной рубашки традиционный арбаканфот – четырехугольный кусок белой ткани с прорезью для головы, ко всем четырем углам прикреплены кисти белых шерстяных нитей. Картина написана очень выразительно, с большой теплотой, исключительно лирична. По манере живописи она отличается от всех

других работ Крамского, исполненных несколько грубоватой кистью. Но в этой работе нет ни единого грубого мазка, она в высшей степени деликатна и закончена. С первого взгляда в ней даже трудно узнать Крамского. И тем не менее, история ее создания остается неясной. Где столичный рафинированный художник смог встретить типичного представителя еврейского местечка? Характерно, что несколько годами раньше Крамской создает и "Голову еврейки" /не сохранилась, нет и репродукции/. Интересно, что почти в то же время /1860-1870/ в альбоме Крамского появился рисунок его друга художника К.А. Савицкого /1844-1905/ "Три еврейских мальчика", выполненного в г. Белостоке. Вероятно, оба художника посетили Белосток, где, как известно, в то время была большая еврейская община. Можно думать, что её быт, своеобразие типажей произвели на столичных художников сильное впечатление. Возможно, там и появился "Обиженный еврейский мальчик".

Несколько иную сторону жизни еврейского местечка отразил известный украинский художник Н.К. Пимоненко /1862-1912/ в картине "Жертва фанатизма". В отличие от большинства художников, изображавших те или иные стороны еврейской жизни, и, в общем-то, сочувственно относившихся к их своеобразной и нелегкой жизни, Пимоненко выступил как обличитель религиозной нетерпимости, религиозного фанатизма, национальной замкнутости евреев. В картине изображена реакция обитателей местечка на переход одной из них в христианство. Молодая, красивая и смертельно перепуганная девушка стоит, припертая разъяренной толпой к забору. Изорвана блузка, растрепаны прекрасные волосы, растерянность и отчаяние на лице. Ни провалиться сквозь землю, ни уйти, ни укрыться... Рядом опозоренные несчастные родители, проклинающие свою дочь. С этих пор она для них уже больше не существует. Придя домой, они прочтут поминальную молитву, снимут обувь, сядут на пол, надорвут одежду, посыплют голову пеплом – она для них умерла!

Еврейские общины всегда очень остро реагировали на подобные случаи. И не только потому, что эти люди стали изменниками веры, вековых традиций, но и потому, что, как показал горький опыт, многие выкресты, стремясь подтвердить свою лояльность новым душеприказчикам, нередко обнаруживали крайний антисемитизм, участвуют в погромах, проявляя чудовищную жестокость. Так было во времена гайдаматчины на Украине, во время известного своей жестокостью погрома в Умани и в других местах. Основой сюжета картины послужил реальный случай перехода еврейской девушки в христианство. Это произошло в местечке Кременце, под Харьковом. Работая над картиной, художник неоднократно посещал Кременец, знакомился с его жителями, их бытом, делал многочисленные зарисовки честного пейзажа, характерных представителей местечка. Пиманенко

тщательно готовился к написанию этой картины, стараясь сделать ее максимально правдивой. Его старания оправдались. Картина и сейчас смотрится с большим интересом.

Кроме Н.К. Пиманенко, в украинской живописи евреи изображены и на картине Г. Светличного "Музыканты" /1912/. Примечательно, что еврейские музыканты-клезмеры, будучи своеобразных и ярким явлением еврейской жизни, обратили на себя внимание многих художников. Упомянем скульптора Шокина, создавшего группу "Жиды-музыканты", а также еврейских художников Л. Пастернака, М. Маймона и др.

Из русских художников, уделивших внимание еврейству, отметим и известную представительницу русского авангарда, потомка жены Пушкина Наталью Гончарову и ее картину "Еврейская семья" /1912/ и "Суббота" /1912/, а также скульптора Лаврецкого, создавшего "Бюст неизвестного еврея".

Из грузинских художников – М.Н. Тоидзе и его картину "Портрет неизвестного еврея", француза Александра Вида, который путешествуя по Палестине, написал "Евреи, молящиеся у стен храма Соломона", Густава Доре, создавшего "Еврейский квартал в Лондоне", голландца Де-Витте с его картиной "Интерьер амстердамской синагоги", и др.

Таким образом, этот небольшой обзор показал, что еврейская тематика все же заняла свое скромное место в творчестве ряда крупных художников – неевреев. Большинство из этих произведений представляют собой подлинные шедевры мирового искусства. В их создание вложен не только огромный талант, но и замечательные человеческие качества, большая теплота души и большая добропорядочность. Еврейство изображено реалистично, таким как оно есть, с его достоинствами и пороками, но доброжелательно, без отвратительного и позорного чувств юдофобии. Эти произведения ценны еще и потому, что они являются памятниками этнографии еврейского народа, в них запечатлены живые мгновения ушедшей жизни, ее частички, осколки разбитого вдребезги и навсегда исчезнувшего еврейского мира довоенной Европы, такого своеобразного и больше никогда неповторимого.

И тем не менее, почти все эти художники, даже выдающиеся, в еврействе видели лишь его внешнюю сторону, некий образ, наблюдаемый снаружи, со стороны, привлекала его экзотичность, некая загадочность, несходство и несмешиваемость с коренным населением. Все это затрудняло понимание еврейского мира, более глубокое проникновение в него, осмысливание его сущности. Неевреи лишены возможности описывать, глядя на него изнутри. В этом большую роль играет и разность культур. Еврейская культура слишком самобытна, высоко национальна, тесно переплетена с религией. Её развитие происходило не экспансивно, а интенсивно – не вширь, а в глубь. Она никогда не стремилась к распространению на чужие народы, к оккупации чужих культур, хотя влияние на них оказывала огромное, ни с чем не сравнимое, но это всегда происходило ненасильственными путями, без огня и меча. Чтобы перенести на холст не только образ, форму, но и влить в них жизнь и душу народа, еще недостаточно быть хорошим мастером кисти, хотя это и многое значит, художник и сам должен быть его частью, его плотью и кровью, жить всеми его заботами и радостями. Только при этих условиях можно предельно точно перенести на холст пламень и лед национальной души. Совершенно понятно, что это справедливо не только по отношению к евреям, но и по отношению к любому другому народу. Приехавший в тундру столичный художник в первую очередь, будет поражен экзотикой края, быта и лиц. Именно это и станет предметом его художественных этюдов. Но, думается, что художник, родившийся в чуме, с детства познавший вкус сырого мяса, все это изобразит по-другому, потому, что по-другому он все это и чувствует. Да это понятно. Если внимательно посмотреть на работы художников евреев, изображающих еврейство /Кишиневский, Крестин, Гиршберг, Кауфман, Ашкеиназий, Маймон, Оппенгеймер, Геллер, Мане и др./, то большинство из них в плане мастерства, несомненно, проигрывают лучшим образцам художников неевреев, но они смогли в свои произведения вдохнуть душу, сделать их живыми, заставить говорить языком народа.

Еврейские зигзаги русской словесности

Посвящается светлой памяти жены Ревекки,

זיכרונה לברכה

(Да будет память о ней благословенна)

Взаимоотношение языков, их взаимообогащение представляется закономерным социокультурным процессом. Он происходит со времен возникновения речи, происходит и в настоящее время и является важнейшим фактором прогрессивной эволюции общества. Происхождение языковых доноров и реципиентов, пути их миграции и особенности адаптации к новой языковой среде – все это важнейшие, и непростые проблемы современного языкознания.

Особый интерес представляют особенности проникновения еврейских слов (иврита и идиш) в русский язык. Интерес к этому вопросу, стал особенно активен в последнее время. Прежде из-за антисемитской политики государства заниматься иудаикой в любых ее видах можно было только в глубоком подполье, на свой страх и риск. Сейчас появилось большое количество разработок этого вопроса не только профессионалов, но и любителей. Любительские работы, в большинстве случаев, за основу берут сходство звучания еврейских и русских слов с большой долей фантазии. Такой поверхностный метод неприемлем и ведет к ошибочным результатам. Примеров такой псевдонаучной деятельности можно привести в большем количестве. Приведем лишь некоторые, связанные с расшифровкой названий некоторых русских городов. Все эти названия связываются с деятельностью хазар, преобладающей религией которых, как известно, был иудаизм. Так, слово Москва, по их мнению, происходит от ивритских масс кева – постоянный налог (хазарам московитяне платили постоянный налог). Ростов от рош тов – хорошая голова. Майкоп от идиш майн коп – моя голова (будто бы там жил умный рав Авром с хорошей головой). Киров – от кирув – близость (город находился не далеко от Итиля – столицы Хазарии, хотя хорошо известно, что город так назван уже в советское время в честь убитого политического деятеля Кирова. Гомель – от гамаль – верблюд (будто бы хазары приезжало сюда на верблюдах). Симбирск – от сим бира – налей пива. Только тщательный лингвистический анализ может дать верные результаты.

Некоторые лингвисты считают, что из-за большого количества ивритских слов и корней в русском языке и из-за большой древности иврита, русский язык рассматривается, как целиком стоящий на ивритской основе. Более того, иврит считается языковым прародителем. Разработка этого не простого вопроса накопила сравнительно большую, в том числе и русскоязычную литературу. Укажем лишь на некоторые, по нашему мнению, наиболее значимые работы: Громан, 1995; Ольшаницкий, 2004; Сандлер, 2006;

Бандас, 2010; Подольский, 2011; Бершадский, 2011; и др. (Большой список русских слов с ивритскими корнями есть у Нотарова, 2018, но он представляет собой кальку работы Сандлера).

Интродукция еврейских слов в русскую языковую среду имеет свои специфические особенности. Так, она была всегда, но отличалась заметной неравномерностью, обусловленной важнейшими переломными моментами в истории России. Первый такой период связан с переходом славянских племен от язычества к монотеизму, с крещением Руси [Крюков, 2000, 2002].

Хорошо известно, что основой христианства является Ветхий Завет. Необходимость его детального изучения, как и некоторых других еврейских книг, предусмотрено христианскими традициями. Неофиты были обязаны его знать, читать и изучать, но, еще плохо разбираясь в тонкостях религиозной догматики, они долгое время четко себе не представляли принципиальную разницу между Старым и Новым заветами. Но первый больше соответствовал их мировоззрению, был более интересен и доступен их пониманию, имел огромный авторитет и обладал большой привлекательностью. Многие монахи даже молиться ходили в синагоги, владели ивритом и знали наизусть целые главы Торы. Особой любовью пользовался Псалтырь (евр. Теһилим). На Руси это была наиболее читаемой книгой. Она оказала влияние на всю общую культуру Руси. На рубеже 15-16 веков псалмы в виде "Псалтыри жидовствующих", были переведены на русский язык выкрестом Федором.

Создание и первые шаги древнерусской литературы полностью обязаны еврейской учености, которая к тому времени уже насчитывала более двух тысячелетий и имела богатейшую литературу. Как заметил знаменитый раввин Адин Штейнзальц: "В то время, когда на Руси еще не умели ни писать, ни читать, евреи уже были таким древним народом, у которого не только была письменность, но уже тысячелетиями существовали книги, а на эти книги были написаны толкования, а на эти толкования – комментарии". Понятно, что имея такой огромный интеллектуальный потенциал, евреи не могли не оказывать влияние на

другие народы. Содержание, структура и стиль ранних славянских произведений во многом были лишь подражанием еврейским. Именно на ветхозаветные традиции ориентировались первые русские книжники. Так, при написании «Повести временных лет» широко использовались «Иосиппон» – еврейский хронограф X в. и другие произведения.

Славянская Библия представляет собой перевод Септуагинты – греческого перевода Ветхого Завета. Встречающиеся в ней ивритские слова проникали и в древнерусскую литературу, т.е. основным промежуточным звеном проникновения ивритских слов в славянские и другие языки был греческий. Тем не менее, многие сочинения представляли собой и непосредственные переводы с иврита, лишённые каких-либо посредников («Песня песней», «Иосиппон», «Книга Еноха» и др. Особенно много переводов делали т. н. жидовствующие).

Все, или почти все, ивритские слова, проникшие в русский язык, имели обрядово-религиозный характер и в основном «оседали» в литературных произведениях. По-видимому, таких слов было много, и они не всегда и не всеми были поняты. Это вызвало необходимость создания иврит-русского словаря. Такой словарь в 1047 году и был создан новгородским попом Упырем Лихим и назывался «Речь жидовского языка переложена на русскую, неразумно на разум и в Евангелиях, и в Апостолах, и в Псалтыри, и в Иеремии, и в прочих книгах». Второй такой словарь «Азбуковник» появился в 16 веке. Ивритские слова через книги проникали и в русскую речь. Они обнаружены даже в говорах отдалённых и глухих районов, в Олонецкой губернии, в Сибири, причем в словах, давно устаревших, и теперь мало понятных (кухлима, соболетка, хабал, корец и др.) (Даль, 1978; Фасмер, 1986).

Незначительное влияние иврита на устную речь, характерное для этого периода, обусловлено и тем, что разговорным языком евреев Киевской Руси был тот же, что и коренного населения, – древнерусский (Гаркави, 1865). Иврит являлся языком богослужения (лашон кодеш), делопроизводства и общения с другими общинами еврейской диаспоры. Идиш не мог оказывать какого-либо заметного влияния. Его носители – евреи-ашкеназы, западноевропейские евреи, которым посчастливилось спастись от ужасов крестовых походов, и поселиться на Руси, были сравнительно немногочисленны, к тому же сам язык идиш в то время находился еще на стадии формирования.

Однако со временем влияние иудаизма на развитие русской культуры ослабело. Это вызвано усилением позиции церкви, несущей с собой не только антииудейский, но и антиеврейский характер. Не последнюю роль в этом играла и юдофобская направленность византийской церкви.

Второй период усиленного проникновения еврейских слов, или их корней, в русский язык отмечен лишь через 8 столетий и связан с присоединением к

России части Варшавского герцогства, около 14% которого составляли евреи-ашкеназы, родным языком которых был идиш. Их проживание Екатерина Вторая строго регламентировала территорией (черта оседлости) и профессиональной деятельностью (запрет на государственные службы). Поселяться они могли лишь в провинциальных городах или небольших населённых пунктах – местечках. Таким образом, в России появился еще один инородный языковой источник – язык идиш. Разбросанные и соприкасающиеся с коренным населением компактные еврейские общины создали благоприятные условия для языкового взаимодействия. Но на этот раз он в основном касался разговорной речи, почти не затрагивая литературного языка. Основным языковым донором являлся идиш. Иврит, как и прежде, оставался языком богослужения. Лишь в отдельных случаях, например, при переводах еврейских произведений на русский язык, или для более точной передачи национального колорита в литературных произведениях, сохранялись некоторые традиционные ивритские слова. Так, в произведениях И.А. Бунина «Храм Солнца», М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита», В.Г. Короленко «Братья Мендель» и др. встречаются многие типичные еврейские слова («галес», «Ханука», «тфилин», «маскилим», «Иерушалаим», «шамеш» и др.).

В первом периоде словообмена, как такового, не было, проникновение слов было однонаправленным – из иврита в русский. Во втором – он происходил в обе стороны – из идиш в русский и из русского в идиш. Идиш обогатился значительным набором славянских и, в частности русских слов и понятий. Постепенно давление русского языка на идиш усиливается, вызывая его ассимиляцию. Появляются слова-гибриды, состоящие из еврейских и русских частей или русские слова, принимающие еврейский характер. Например, «фарлатевен» (от залатать); «мучен зих»; «а грош»; «пяте»; «пустух»; «вечере»; «прост ун пошет»; «а лопете»; «а кочерге»; «иберлицевен»; «а чуточки» и др. Из славянских языков проникают множество аффиксов и частиц, при помощи которых образуются сотни новых языковых конструкций. В ряде случаев, особенно в фольклоре, возникают смешанные идиш-русские предложения: («Эх, ты Хава, наша мать, зачем ты ела эйц гадас. Не ела бы ты эйц гадас, то смерти не было б на нас»; «Бесер томер, эйдер помер»; «Йехес на кворес, а дома цорес»; «Дайне эйгелах, ви ды пятакове бейгелах»; «Понэм, покажи твое лицо»; «А хиц ин паровоз»; «Фарфалн их ун майне постройкес»; «Алц кидай, аби лебн зай»; «Рыба-фиш, ды гелт афн тыш» и мн. др.). Идиш обогащается и множеством современных, новых для него слов (ды калошес, а пароход, дер завод, ды гайке, дерч(ц)век – от украинского цвяк – гвоздь, и много других). Впитывая в себя из других языков недостающие ему слова и понятия, идиш становится одним из наиболее гибких и богатых языков, способный передавать даже мельчайшие оттенки и нюансы мышления, что не всегда доступно другим языкам.

Вплоть до XIX столетия и даже позже большинство евреев Русской Империи не владели русским языком. Но позже он мощным потоком стал захлестывать не только еврейский язык, но и всю идишскую культуру, которая по разным причинам пришла на грань полного исчезновения. Если до Второй мировой войны на идише говорило 11 млн., то после – около 2. В настоящее время ЮНЕСКО объявило идиш охраняемым языком.

Все слова, тем или иным путем проникшие в иную языковую среду, вынуждены адаптироваться к ее особенностям. Если их миграционные пути пролегают через несколько посредников, они должны подчиниться и их языковым особенностям, иногда изменяясь до неузнаваемости (например, “адмирал” от ивр. “амар” – сказал, араб. “амира” – приказал, в Голландии приняло форму “адмирал”, и в таком виде попало в Россию (Юшманов, 1937; Подольский, 2011).

Как указывалось, для ивритских слов, проникших в русскоязычную среду, основным посредником был греческий, и они испытали воздействия его грамматического строя. Так, ивритская буква “тав” в греческом произносится как английское “th”, но в русском языке такой звук отсутствует и она заменяется греческой “фитой”, звучавшей как “ф”, а ивритская “цере” в греческом передается буквой “эта”, в русском, звучавшая как “и”. Это привело к тому, что еврейское имя “Эстер” в русском языке превратилось в “Эсфирь”, а “Рут” – в “Руфь”. Мягкий знак в конце слова вызван тем, что в русском языке слова женского рода оканчиваются на “а”, “я” или на “ь” (Подольский, 2002, 2011).

Иногда при переводах бывают казусы, существенно изменяющие смысл. Некоторые ивритские слова в греческом языке не находят себе аналогов, их приходится заменять близкими по смыслу. Так, ивритское слово “алма”, обозначающее “молодая женщина”, в греческом языке отсутствует, и его при переводе Библии заменили на “девственницу”. Так возник миф о беспорочном зачатии.

Другой лингвистический казус связан с личностью Моисея. Как известно, у Моисея, после того как он получил от Бога скрижали, вокруг головы засияли лучи. На иврите слово “луч” звучит как “кern”, но оно имеет и второе значение – “рог”, “рогатый”. Средневековые переводчики Библии это слово переводили как “рогатый”. Так понял его и великий скульптор Микеланджело, создавая для папы Юлия II знаменитый надгробный памятник в виде сидящего Моисея с рогами, что, исходя из содержания Библии, остается совершенно непонятным. (Некоторые лингвисты от слова “кern” производят и славянское “корова”, что маловероятно).

Принятие христианства и, как следствие этого, знакомство с Великой Книгой послужило сильным стимулом к созданию и развитию всей русской культуры. Иврит был непосредственным, или опосредо-

ванным, источником, оказавшим огромное влияние на формирование русского языка. Из иврита русским языком впитывалось огромное количество слов или их корней (см. словарь). Это влияние продержалось вплоть до петровских времен, когда укрепившаяся церковь вытиснула влияние иудаизма. Христианство в числе других новшеств познакомило неопитов и с целым рядом новых библейских имен, которые легко прижились, даже не понимая их значение, считая их исконно русскими. Согласно данным “Толкователя имен святых угодников Божьих, чтимых Русской православной Церковью”, более 30% имен имеют еврейское происхождение. Укажем на некоторые из этих имен: Авраам/Абрам (отец всех народов), Аввакум (от еврейского борец сильный, любовь Божья), Ананий (благодать Господня), Анна (благодать, милостивая), Вавила (мятежник), Варлаам (сын народа), Варфоломей (сын радости), Борис (от Борух – благословенный), Гавриил (от Гавриэль – моя сила Бог), Григорий (от Гиршон – изгнанный, или от Гиршом – пришелец), Даниил (судил меня Бог), Дина (суд), Ева (от Хава – живая), Елизавета (клятва Божья), Захар (от Захарья – вспомнил Бог), Иван (от Йоханан – Бог помилует), Илья (от Элиягу – он – Бог мой), Иосиф, Осип (от Бог увеличит), Лия (слабая), Мария (от Мирьям – горькая), Марфа (наставница, госпожа), Матвей (от Мордехай), Михаил (от Михаэль – кто подобен Богу), Моисей (от Моше – вытасченный из воды), Наум (от Нахум – утешенный), Руфина, Руфь (от Рут – дружба), Савватей (субботный), Симон (от Шимон – слышанный), Самсон (от Шимшон – солнечный), Серафима (пламенная), Тамара (от тамар – пальма), Фаддей (похвала), Яков (от Яаков – обгонит). Позже появились некоторые не библейские имена, но также имеющие еврейские корни: Ада (украшение), Аза (мощь), Илона (дерево), Сусанна (лилия) и др. От этих имен произошли и соответствующие фамилии. Так, от Ивана – Иванов и все варианты, сходно происхождение фамилий Адамович, Аллилуев (от аллилуя – хвалите Бога), Ананьев, Анисимов, Евреинов, Иерусалимский, Шофаревич, Малкин (от малка – царица), Мелехов (от мелех – царь), Малахов (малах – ангел), Самойлов, Самсонов, Ягудин и др.

По мере развития литературного и разговорного языков в них входили, подвергшиеся определенному переосмыслению, имена многих персонажей Ветхого Завета. Так, под именем Адам подразумевался первозданный, Иов – многострадальный, бедный, Соломон – мудрый, Иосиф – целомудренный, Илья – пророк, Гог, Магог – нечто страшное, Валтасаров пир – беззаботное времяпрепровождение перед приближающейся бедой, Суд Соломона, Соломоново решение – умный выход из затруднительного положения, Валаамова ослица – неожиданно заговоривший молчаливый человек, молах – кровавый, Ноев ковчег – спасение. Некоторые библейские персонажи стали нарицательными – Каин, Хам и вошли в состав фольклора. Туда же вошло и объяснение грома

– Илья-пророк едет по небу на колеснице.

Русским языком освоены и некоторые библейские географические названия, которые употребляются также в переносном смысле и в словосочетаниях: Содом и Гоморра (очаг распутства), Вавилон (столичный многонаселенный, но греховный город), на реках вавилонских (тоска по родине), труба иерихонская (громкий звук или голос).

Особенно активно происходила ассимиляция в русскую речь многих танахических выражений, таких как вавилонское столпотворение; вавилонское пленение; возвысить голос; возлюби ближнего, как самого себя; в поте лица; время разбрасывать/собирать камни; всякой твари по паре; запретный плод (сладок); золотой телец; глас, вопиющий в пустыне; древо жизни/познания; злачное место; змей искуситель; и был вечер, и было утро; казни египетские; камень преткновения; козел отпущения; колос на глиняных ногах; краугольный камень; левая рука не знает, что делает правая; манна небесная; мерзость запустения; на свою голову; неопалимая купина; несть ни эллина ни иудея; по образу и подобию; оливковая ветвь; по образу и подобию; поставить во главу угла; плоть от плоти; право первородства; притча во языцех; рвать на себе волосы; рог изобилия; тьма египетская/кромешная; святая святых; сосуд избранный; не согреши; суета сует; фиговый листок; хляби небесные; чечевичная похлебка; юдоль плачевная; ива вавилонская/плакучая. Иногда к этим выражениям присоединяется глагол: развернулись хляби небесные; вернуться на круги своя; испить чашу до дна; перековать мечи на орала; посыпать голову пеплом; почить от трудов праведных; беречь, как зеницу ока. Многие библейские выражения стали крылатыми фразами: перекуем мечи на орала; не сотвори себе кумира; око за око; зуб за зуб; не убий; не укради; чти отца и мать свою; люби ближнего как самого себя; во многотрудности много печали; всякое деяние благо; и др. (Мокиенко, 2017; Бандас, 2018 и др.).

Для многих еврейских слов, вошедших в русский языковый фонд, посредником был и арабский. Иврит и арабский – родственные языки, входящие в одну языковую группу семитских языков. Ряд ивритских и арабских слов имеют общие корни и иногда непонятно, кто у кого заимствовал то или иное слово. Из иврита через арабский, а иногда прямо из арабского, в русский язык вошел целый ряд слов (халиф, Коран, мечеть, гарем, Аллах и др.).

В последнее время в русский язык влились и много слов современного иврита (кнессет, киббуц, алия, Моссад, ульпан и др.).

При адаптации ивритских слов к русской языковой среде важную роль играют особенности иврита. В иврите одна и та же буква в разных словах может

иметь разное произношение, а разные буквы – одно и то же произношение. Так, “бет” читается как “в” и как “б”, “коф” – как “к” и как “х”, “пе” – как “п” и как “ф”, “шин” – как “ш” и как “с”. Для более точного прочтения текста в середине этих букв ставится точка – дагеш. С дагешем они читаются как “б”, “к” и “ф”. В случае “шин” точка ставится над буквой – справа – “ш”, слева – “с”. Но этот опознавательный знак применяется не везде и не всегда (в Торе, как известно, диакритические знаки вообще отсутствуют), что в переводах приводит к разночтению. Так, ивритское хоша на в русском языке читается как осанна, Иерусалаим – Иерусалим, козары – хазары, Шамрон – Самария, ребе – раввин, Барбара – Варвара, Шимшон – Самсон, Моше – Моисей, Ривка – Реббека, шаббат – суббота, Бабилон – Вавилон и др. Некоторые еврейские слова и выражения переводятся буквально. Так, “кэйн аин ха-ра” (идиш – “кэйн айнгоре”) переводятся как “не слезить”, “зол Гот уйшитн” – как “упаси Бог”, что позже, возможно, модифицировалось в “спасибо”, “зол Гот хелфн” – как “Боже, помоги” и др.

Интересно, что кроме языкового влияния, в быт соседнего населения перешли и некоторые еврейские народные поверья. Например, встреча с женщиной, несущей пустые ведра, – к неудаче, полные – к удаче; нежелательно пользоваться парными предметами (отсюда и обычай живым не дарить парное число цветков); не перешагивать через ребенка – не будет расти; не зашивать одежду на себе – зашьешь и память; если похвалить ребенка, чтобы не слезить, его три раза целуют и сплевывают; при посещения кладбища или встрече с мертвым в дом не входят, предварительно не помыв руки; если в доме умерший – выливают всю воду; свежим яйцом проводят по лицу ребенка, чтобы оно было таким же белым и чистым; понедельник – день тяжелый, вторник – удачный (в Торе дважды указывается, что во вторник Бог, создавая мир, сказал, что это хорошо); обрезанные ногти сжигают и др. В настоящее время становится все популярней среди нееврейского населения США, Канады и ряда европейских стран, новорожденным мальчикам делать обрезание. Во многих поверьях и в фольклоре нееврейского населения евреи часто фигурируют как главные положительные или, что чаще, отрицательные герои. Особенно это очевидно в многочисленных, так называемых, “еврейских анекдотах”, плотно вошедших в русскую разговорную речь.

Приведём краткий этимологический словарь русских слов, имеющих еврейское происхождение. Более полные словари см.: Громан, 1995; Сандлер, 2006; Подольский, 2011 и др. Словарь языка фени см. Елистратов В. “Словарь московского арга”, 1993; Быков В. “Русская феня”. 1994. Смоленск; Сандлер, 2006; Сегальчик, 2013 и др.

Краткий этимологический словарь ивритских слов, вошедших в русский язык.

- аббат** – настоятель католического мужского монастыря. Во Франции – католический священник. Из иврита (ивр.) аба – папа или ав – отец. В западнохристианской традиции чаще от аба, в восточнохристианской – от ав.
- Аббадон** – высокая скалистая гора близ Сиона (упоминается у М.А. Булгакова "Мастер и Маргарита").
- абракадабра** – бессмысленный набор слов. От ивр. дебер – говорить и греческого (гр.) абрикос – божество.
- автор** – от ивр. автора – отец Торы.
- адмирал** – высший чин на флоте. От ивр. амар – сказал, что родственно арабскому (араб.) амира – приказал. В русский язык (рус.) проник через голландский адмирал (Подольский, 2011; Юшманов, 1937).
- Азazelло** – демон, который хотел стать божеством. В Библии – козел, отправляемый на вершину высокой горы, получившей это же название (см. М.А. Булгаков "Мастер и Маргарита").
- алия** – переезд в Израиль. От ивр. алия – восхождение в Иерусалим.
- Аллах** – от ивр. Элоhim – Бог.
- аллилуйя** – от ивр. халелуя – хвалите Бога.
- алфавит** – от ивр. алеф, бет – первых букв еврейского алфавита через гр. альфа, бета.
- аминь** – выражение присоединения к благословию. От ивр. амен.
- армагеддон** – гибель всех, кроме членов секты "Свидетели Иеговы". От ивр. хар Мегиддо – холм Мегиддо, место, где происходили кровопролитные войны, и где был умерщвлен Иосия (4 Царств. 2 :3-29, Суд. 5 :19).
- Асмодей** – ивр. Ашмедай – имя апокрифического злого духа, демона, соблазнителя (см. Агада, Талмуд – прототип ранней русской легенды о Соломоне и Китоврасе).
- Ассирия** – ивр. Ашур.
- атака** – от ивр. hatкофа.
- атлас** – гладкая шелковистая ткань. От араб. атлас – гладкий.
- базальт** – искаженное латинское (лат) базанитес, т.е. басонский камень – камень из страны Башан. Так в древности называли Голанские высоты.
- база** – от ивр. базис.
- балабос** – хозяин. От ивр. баал-байт, через идиш балабос – того же значения.
- балаган** – беспорядок. От ивр. балаган – того же значения.
- балагол** – еврейский тарантас. Из идиш балаголе – кучер.
- балбес** – от идиш балабес – неуч.
- балда** – от ивр. баал дат – дурак (Подольский, 2011).
- бальзам** – от ивр. босем – духи, болеутоляющее средство (Подольский, 1982).
- бахорить** – значение и этимология не указаны (Грановская, 2002).
- бахоря** – значение и этимология не указаны (Грановская, 2002).
- бахур** – любовник, франт, молодой еврей, толстяк. От ивр. бахур – парень, или идиш бохер – того же значения.
- бахурим** – молодые люди. Город или поселение (точно не установлено) колена Вениамина, недалеко от Иерусалима (см. 2 Царств. 3 :16, 3 Царств.3 :8).
- бегемот** – От ивр. бегемот – речная лошадь (см. Иов 40:10-19 ; 3 Эзра 6 :51).
- бедлам** – беспорядок, хаос. От названия лондонской психбольницы имени Марии Вифлеемской. Вифлеем – на ивр. Бейт-Лехем.
- бейзехолеймес** – страшные сны. От идиш бейзер – злой и холем – сон.
- бенеха** – любимчик, ребенок-неженка. (говор, Запад России, Украина, Белоруссия). От ивр. бен йохед – единственный сын (Даль, 1978).
- бить** – ивр. баат – пинать, ударить ногой.
- боль** – от ивр. лисболь – страдать.
- Ваал** – языческий бог погоды, покровитель производительных сил природы. Служение Ваалу – погоня за материальными благами. От ивр. баал – владыка, господин.
- вавилонское столпотворение** – сутолока, неразбериха. От библейского сказания о попытке в Вавилоне построить башню до неба. Она рухнула потому, что Бог смешал языки, и люди перестали понимать друг друга.
- Валаам** – остров и монастырь на Ладожском озере. Топонимика не ясна. Возможно, от библейского Билама.
- ведьма, ведать** – от ивр. еда – значение, познание.
- Вельзевул** – демон. От ивр. бааль-звув – победитель мух. В древности муха считалась нечистым насекомым и не должна была появляться в храме Соломона.
- вой, выть** – от ивр. евава – вой, рыдание.
- воскрылие** – у христиан четыре голубые кисти (крыла), прикрепленные к четырем концам верхней накидки. Должны напоминать о заповедях Господа. Восходит к еврейскому арба канфот – четыре

крыла (цицит), или талесконт (идиш).

выбор – от ивр. брира.

гадать – от ивр. гад – счастье.

газ – тонкая ткань. От названия города Газа, на иврите Аза.

гарем – запретная для чужих женская половина дома. От ивр. херем – запрет.

гвалт – громкий крик. От немецкого через идиш.

гвардия – от ивр. гевер – сильный человек, или от гибор – герой, храбрец. Через французский garde – стража. Такого же происхождения слова “губернатор”, “губерния”, но здесь посредником служит латынь – gubernator – рулевой, правитель (Юшманов, 1937; Крюков, 2000, 2002).

гебраистика – наука о иврите. От ивр. иври – еврей. Через гр. и лат. Небраэус – еврей

гегемония – от ивр. гегемония – власть командующего. Предшественник – гр. hegemonia – господство, предводительство.

геенна – огненная бездна, в которой год пребывают грешники. От ивр. гехином, того же содержания. Транслитерация ивритского слова Ge (ben) Hinnom – “долина (сына) Хиннома”. Так называлась долина, расположенная к югу от Старого города в Иерусалиме, где во времена царствования царей Ахаза и Манассии совершались языческие обряды – “проведение детей через огонь” в жертву Молоху. Во времена царя Осии долина превратилась в городскую свалку, куда бросали и трупы преступников. Чтобы долина не превратилась в очаг заразы, мусор сжигали, и огонь в геенне горел непрерывно. Значение преисподней это слово приобрело позже, в Евангелии и в Талмуде (Кучеренко, 2006).

гений – от ивр. гаон – гений, великий.

герой – от ивр. гибор – богатырь.

гетто – особый квартал города, за пределами которого евреям не разрешено проживание. Появился в Западной Европе и в некоторых мусульманских странах (Марокко) в XI в. Интернациональное слово. По-видимому, происходит от итальянского “гетто” – пушечный завод, т.к. впервые гетто появилось в Венеции, вблизи такого завода. В русский, возможно, вошло из идиша.

гешефт – предприятие, дело, сделка. Из идиш гешефт, того же содержания.

гешефтмахер – делец. Из идиш, того же содержания.

гой – не еврей.

голгофа – место мучения, неизбежное страдание. От ивр. гульголта – лобное место, или от гульголет – череп.

голиаф – гигант. От ивр. гольят того же значения.

голый – от ивр. галуй – открытый, обнаженный.

горло – от ивр. гарон – горло, гортань.

город – от ивр. гадер – забор, ограда.

догма – от ивр. дугма – пример, образец.

дон – господин. От ивр. адон такого же значения, через лагинский доминус и испанский дон – господин (Дон-Кихот, Дон-Жуан).

дорога – от ивр. дерех – путь, дорога.

еврей – от ивр. эвер – пришелец с другой стороны (реки Евфрат), или от внука Сима Эвера, очень преданного идее единобожия, но, возможно, и от древнеегипетского амира – чужак, иноземец.

еда – ивр. сеуда – еда, трапеза.

ермолка – головной убор религиозных евреев. От ивр. ере – убоющийся и малка – Бога.

жара – ивр. шарав.

жид – оскорбительное название евреев в России. Этимология не ясна. Возможно, происходит от топонима Джиган – крупного еврейского населенного пункта в Северном Дагестане, входящего в Хазарию, или от итальянского джудео – еврей..

зимарня – певчая (древнерусское). От ивр. зимра – пение.

иврит – от ивр. иври – еврей.

идиш – язык евреев-ашкеназов.

Иегова – одно из имен Б-га.

Иерусалим – от ивр. ир – город и шалом – мир (имеется и другая этимология).

Иерихон, иерихонская труба – громкий голос. От названия города Иерихон (ивр. Иерихо). По библейскому преданию его стены рухнули от звуков труб израильских воинов.

иешивот – высшая еврейская религиозная школа. От ивр. ешива – сидение, заседание (Юшманов, 1937)

израэлит – еврей, не принадлежащий к колену Леви. От ивр. исраэлит, житель Израильского царства.

изумруд – от ивр. барак – блеск.

иудей – приверженец иудейской религии. От имени сына праотца Якова – Иегуды – родоначальника одного из 12-ти колен Израилевых.

иордань – прорубь во льду, из которой на праздник крещения черпают воду или в ней купаются. От ивр. ярден – река Иордан.

Иордан – река в Израиле, где по преданию был крещен Иисус. От ивр. йеред – спускаться, падать (Даль, 1978).

кабала – долговая зависимость, рабство. От ивр. кабала – расписка. В русский вошло через араб. и турецкий – залог, договор.

каббала – еврейское мистическое учение. От ивр. каббала – поучение, предание.

кагал – крик, шум. От ивр. кагал – собрание старейшин, община. Посредник – немецкий.

каган – князь в Киевской Руси. От ивр. коген – первосвященник. Заимствовано у хазар – духовный глава.

кадиш – заупокойная молитва. От ивр. кадиш – святость.

кадка, кадушка, кадь – от ивр. кад – кувшин. Посредник гр. кадос – кувшин, ведро.

казна – от ивр. гениза – хранилище.

каинова печать – Каин – первенец Адама и Евы. Братоубиец. В наказание Господь обрек его на скитания, а чтобы его не убили – пометил особым знаком, печатью. От ивр. кана – приобретать, получать.

кантор – певец, церковный певчий у католиков. Из ивр. хазан, шац – шалиах цибур – посланник общины, тот, кто ведет общественную литургию. Через лат. кантор – того же содержания.

капцан – оборванец. От идиш капцн – нищий, бедняк (говор южных и западных областей России, Белоруссия, Украина).

караим – представитель еврейской секты, признающей только письменную Тору. От ивр. корневой основы глагола кара – писать.

карцер – ивр. кар – холодный, цар – узкий.

касар – черкес, адыгеец (древнерусский). От ивр. ксива – послание. Через хазарское каса – письмо хазарского кагана (от “косор” произошла фамилия Косоогов (Подольский, 2011)).

касия – вид лаврового дерева (древнерусский). От ивр. кассия – вид растения.

кайф – от ивр. кейф – пить кофе.

келья – от ивр. келе – тюрьма.

кибуц – сельскохозяйственный коллектив в Израиле.

клифт – пиджак (бл. арго). От ивр. халифа – костюм (галифе?).

колбаса – от ивр. кол – все, басар – мясо (есть и другие варианты).

копать – от ивр. косеах – срезать, подрезать.

Коран – священная книга ислама. От ивр. кара – писать; так же и араб.

корец – ковш, мучной ларь, мера зерна. От ивр. кор – старинная мера сыпучих тел (Фасмер, 1986; Шапиро, 1963).

кошель, кошелек – от ивр. шекель – монета.

кошерный – пригодный. От ивр. кошер – правильный, подходящий.

кровь – от ивр. каров – родственник.

кугель (гугель, кугл) – изделие из теста (говор районов Украины и Белоруссии). От идиш кугл – того же значения.

кухлима – бродяга (говор районов Сибири). Фосмер указывает на еврейское происхождение, не уточняя.

кухлить – бить кулаками, колотить. Возможно, от “кухлима”.

лазарет – Лазарь+Назарет. В XV веке в Венеции при монастыре Святой Марии из Назарета была построена больница имени Лазаря, которого согласно легенде, Христос воскресил из мертвых. В устах простонародья Лазарь и Назарет соединились в одно слово – лазарет (Кучеренко, 2006).

лапсердак – долгополый еврейский сюртук. От немецкого Leibchen – лифчик и украинского сердак – кафтан из грубого сукна. Через идиш лапсердак.

левиафан – морское чудовище. От ивр. левиафан – того значения. В русский вошло через немецкий Leviathan или французский leviathan.

левит – служитель культа.

лемезень – тайный язык (говор Западной России). От ивр. лимудим – учения (Даль, 1978).

лизать, лакать – от ивр. лелакек – лизать.

лох – кого можно одурачить (бл. арго). От ивр. лахут – жадный.

мамона – божество у христиан – злой дух, идол. От ивр. мамон – богатство (“Нельзя одновременно служить Богу и мамоне” Мф. 6:24).

маска – от ивр. масеха – маска, личина.

маскилим – приверженцы гаскалы – еврейского просвещения. От ивр. маскилим – просветители.

махать – от ивр. маха – хлопать, аплодировать.

махер – махир, – недобросовестный делец. От идиш. махер – того же значения.

маца – тонкие пресные лепешки, в пасху евреям заменяющие хлеб. В Библии – хлеб бедности – лехем они. От ивр. маца – опресноки.

медресе – мусульманская школа. От ивр. мидраш – толкование, изучение священных текстов.

мидраша – вид учебных заведений. От “медресе”.

меламед – учитель в еврейской школе. От ивр. лильмод – учить.

мессия – помазанник, первосвященник, будущий царь, который вернет в мир справедливость и реализует все законы Торы. От ивр. Машиах – того же значения. Посредник гр. мессиас.

мечеть – От арамейского мигад – поклоняться. Посредники: ивр. мисгад, араб. мастжид, и тюркское мечеть (Подольский, 2001).

мишугенер – дурачок, юродивый (Даль, 1978). От ивр. мешуга – сумасшедший. Посредник идиш мешуге, мешугаес – дурь.

мишурис – коридорный, служитель в гостинице (говор запад России). От ивр. мешарет, шейрет – служить. Посредник идиш мешорес – слуга (Даль, 1978; Фасмер, 1986).

могила – от ивр. мо-гила – противная, или жилище мертвых, или от ивр. мугла – гной.

молох – языческое божество солнца, огня и воды, требующее человеческих жертв (молох войны). От ивр. молех – того же значения, или от малах – царь.

окаанный – злой, завистливый. От Каин – братоубийца. От этого же корня происходят каяться, раскаяться, закаяться – сожалеть о содеянном неблагоприятном поступке.

опресноки – см. маца.

осанна – у евреев и христиан молитвенный хвалебный возглас во время богослужения. От ивр. хошана – спаси. Через гр. хашанна того же значения.

помазанный – помазанник Божий. От ивр. мишха – мазь.

пасха – у евреев праздник избавления от египетского рабства, у христиан – память о воскресении Христа. От ивр. пэсах, через гр. пасха (или от ивр. – прошел мимо).

пенаты – место проживания, домашний очаг. От ивр. пина – угол, краеугольный камень, который кладут в основание постройки.

погань, поганий, поганыш, плохой – от ивр. пагани – язычник.

поэт – от ивр. пиют – тип синагогальной поэзии. Через гр. поиэтеc – стихотворец.

пейсы, пейсики – локоны на висках у религиозных евреев (говор. Белоруссия, Украина). От ивр. лэот – виски, через идиш пейес. В русских словарях – пейсы.

раввин – духовное лицо общины, надзирающее за исполнением религиозных традиций. От ивр. рав – того же значения, или от рабби – мой учитель.

раздобар, раздобаривать – болтать (говор. Сибирь). От ивр. диббер – говорить.

регулярный – от ивр. рэгель – нога, делать регулярные движения, шаги. Маловероятно.

Саваоф – одно из имен Б-га. От ивр. цваот – господь воинства.

сак, сачок – вид рыболовной сети, торба для корма лошадей. От ивр. сак – мешок, через гр. саккос того же значения (Фасмер, 1978).

сапфир – драгоценный камень. От ивр. sappir, через гр. sapeiros.

салям алейкум – мусульманское приветствие. От ивр. шалом алейхем – мир вам.

самаритяне – религиозно-этническая группа, проживающая в Израиле. Ивр. шамроним, Шамрон – Самария.

самвики – треугольный струнный инструмент (церковнославянский). От ивр. себака – решетка, через гр. симвоке – того же значения (Фасмер, 1986).

сатана – сила, ставящая препятствия, может относиться и к человеку. От ивр. сатан – того же значения. Возможно, через араб. и тюркские шайтан – черт.

семит, антисемит, семитский – от имени сына Ноя Шема, в русской традиции Сима, через лат. Сем.

семитология – наука о семитских языках. От ивр. Шем (Сем) и гр. логос – слово, понятие.

серафим – один из ангелов (древнерусский). От ивр. сераф – сечь, множественный – серафим. Через гр. серафим.

синагога – еврейский молитвенный дом. От гр. синагога – собрание.

синедрион – высший совет из 23 или 71 законоучителей. От ивр. санхедрин – высший суд. Через гр. синедрион – место собрания, совет.

сионизм – политическое движение, цель которого – создание в Палестине еврейского государства. От ивр. Цион – гора, на которой стоял дворец Соломона, позднее – царя Ирода.

соболетка – женские половые органы (говор. Олонецкая губ.). От ивр. сибболет – течение, через неизвестного посредника (Даль, 1973; Ферсмер, 1986).

Суббота – от ивр. шабат (онег шаббат – субботний отдых), что связано с корнем швт – покоиться, воздерживаться. Слово прошло сложный путь через балканские языки. В русский проникло из гр. саббата.

субботник (а) – приверженец секты субботников, близкой к иудаизму. От суббота.

субботник (б) – в СССР добровольно-принудительные работы. От суббота.

султан – титул монарха в некоторых мусульманских странах. От ивр. шилтон – власть. Посредники араб. и турецкий (Подольский, 2001).

сура – глава в Коране. От ивр. шура – строка (Подольский, 2001).

табарить, растабарить, тарабарщина, тари-бари-растабари – болтать (говор. Нижегородская обл.). От ивр. диббер – говорить (Даль, 1978, Фасмер, 1986).

талиман – предмет, наделяющий сверхъестественной силой. От ивр. талит (см. ниже). Через арб. тилизм и французский талисман.

талит, талэс – четырехугольная накидка с кистями по углам, надевают во время утренней молитвы.

Талмуд – изложение основ устной Торы. От ивр. талмуд – учение, или ламед – учить.

талмудизм – схоластика.

талмудист – знаток Талмуда, начетчик, буквоед.

Танах – письменная Тора. Аббревиатура ивр. слов Тора – учение, наставление, Невиим – пророки и Ктувим – писания.

трефить – брезговать, не есть чего-либо (говор. Псковщина). От ивр. трефа – растерзанное животное, не пригодное в пищу. Через идиш трейфе – того же значения.

тужить, туга (древнеславянское) – тоска, глубокая печаль. От ивр. туга – того же значения. Встречено в "Слове о полку Игореве".

фанабер, фанаберия – гордый, гордость. От идиш файне – тонкий, изящный и берье – умелец. Через польский фанаберья – спесь, чванство, каприз.

фарисеи – представители религиозно-политической партии в Иудее, отличающиеся ревностным соблюдением Закона. Христиане их считали неискренними, ханжами. От ивр. прушим – отделившиеся, или от софрим – книжники.

филистимляне – народ эгейского происхождения, населяющий юг средиземноморского побережья Эрец-Исраэль. От ивр. плиштим – вторгшиеся.

фитиль – от ивр. птиль – шнур, фитиль, через араб. фитилиа и турец. фитиль (Бандас, 2010).

хабал – нахал, смутьян. хабалить – ругаться (говор. Олонец, Курск) (Даль, 1978). От ивр. ха бал – господин (Фесмер, 1986). (Малопонятно).

хабар – взятка. От идиш того же значения.

хадж – мусульманское паломничество в Мекку. От ивр. хаг – праздник.

хадис – предание о Мухаммеде. Возможно, от ивр. хадаш – новый, новость, предание.

хайка – презрительное название еврейки (говор. Украина, Белоруссия). От идиш. Хая – собственное имя.

хала – булка, калач, кусок сжигающегося теста, перед выпечкой. От ивр. хала – того же значения.

халван (галван) – смолистое вещество, выделяемое некоторыми зонтичными растениями (говор). От ивр. хельвна – ароматическая смола.

халиф – преемник, совмещающий светскую и религиозную власть. От ивр. или араб. ххлиф – сменил, заменил.

хам, хамство – один из трех сынов Ноя, увидевшего отца нагим и не прикрывшего его. От ивр. хам – жаркий или хум – темный. (Малопонятно).

хасид – праведник, отличающийся строгим соблюдением религиозных и этических правил иудаизма. От ивр. хасид – благочестивый.

хасидизм – религиозно-этническое течение в иудаизме. От "хасид".

херувим – высший ангельский чин. От ивр. керув, множественное число – керувим – того же значение.

херут – свобода. Лозунг декабристов. От ивр. херут – того же значения.

хохма, хохмач – умное слово, умник. От ивр. хохма – ум, мудрость.

цадик – духовное лицо, чудотворец у хасидов. От ивр. цадик – праведник.

цимес – вид еврейского сладкого блюда. От идиш. цимес – того же значения.

цифра – считается араб. происхождения, но она отмечена уже в Торе, а арабский язык сложился лишь в 7 веке н. э.

цугундер – бездельник, плут, строгое взыскание. Указано у Грановской, без этимологии.

чума – болезнь. От ивр. чума – шишка, нарыв, но в словарях (Шапиро, 1963; Подольский, 1982) такого слова нет.

чуть – от ивр. сетут – глупый, глупость, через идиш штусерай – толкотня (Фасмер, 1986). Малопонятно.

шабаш (а) – конец работы. От ивр. шабат – суббота. По другим данным от шубаш – порчу. Сатанисты портили облатки и служили черную мессу, т. е. портили службу.

шабаш (б) – собрание ведьм, буйное, языческое празднество, оргии. От "шабат". От этого же слова происходят "подшабашить" и "бесшабашный".

шайтан – черт, дьявол. От ивр. сатан, через арабский.

шамеш – синагогальный служака.

шамбер, шамберить – обманщик, шутник, обманывать, шутить. От идиш шейне – красивый и берье – умелец (Фесмер, 1986).

шара, на шару – бесплатно. От ивр. шеар, шеарим – остатки. Все, что остается непригодное для продажи, раздается бедным. Согласно традиции, после сбора урожая остается несжатая полоска для бедных – шеар.

шахрай – униформа заключенного. Производное от "шухер".

шииты – последователи одной из ветвей ислама. От ивр. сия – фракция, что близко к араб. шия – раскол (Подольский, 2001).

шлема, шмулька – презрительная кличка еврея. От ивр. Семму'эль через идиш Шмул – Самуил.

шмон, шмония, шмонить – бездельник, бездельничать, лентяй (говор. Псковщина, Тверь, Смоленщина, Воронежская и Нижегородская губернии) (Даль, 1978). От ивр. сему'а – болтовня, через идиш шмуэсн – говорить, болтать.

шмуклер – бахромщик, позументщик, шмуклерить – заниматься ремеслом шмуклера, усердствовать (говор. Запад. России) (Даль, 1978). От идиш шмуклер – позументщик (Фесмер, 1986).

юбилей. От ивр. керен ювель – бараний рог. В юбилейный год (в пятидесятый год после 49-го цикла) евреям запрещалось обрабатывать землю. Обозначая этот год, трубили в рог – шофар. Через лат. юбилеус (Бандас, 2010; Подольский, 2011)

юдофоб – ненавистник евреев. От гр. иудайос – еврей, через идиш ид – еврей и гр. фоб – враждебный, боящийся.

Яхве – одно из имен Бога.

яшма – от аккадского jасру через ивр. jасре (Подольский, 2011).

Таким образом, даже краткий обзор этимологии ряда слов и оборотов русской речи показывает, что многие из них имеют еврейское происхождение. Это свидетельствует о том, что в районах этнокультурных контактов взаимовлияние еврейских и славянских языков было более богатым, чем это предполагалось.

Имеются весьма серьезные предположения, что из-за очень большой древности иврита, он может лежать в основе не только русского языка, но и всех остальных (Ольшаницкий, 2004 и др.), хотя по этому вопросу имеются и другие точки зрения. Елена Бандас (2018) показала, что ивритские корни проникли даже в терминологию научных дисциплин – биологию и медицину. Более детальный анализ, несомненно, внесет ясность в этот интересный лингвокультурный вопрос.

Благной жаргон (арго) – феня

Евреи дали миру не только Моисея, Иисуса Христа, Карла Маркса, Эйнштейна, но и Соньку Золотую Ручку (Софья Блювштейн) и Мишку Япончика (Михаил Винницкий), – знаменитых воров, послуживших героями не только ряда литературных произведений и кинофильмов, но и объектами исторических исследований, а с ними и целую блатную субкультуру со своими неписаными законами, иерархией, судом, романтикой, песнями, фольклором и, конечно, языком – феней. ”Ботать по фене” значит разговаривать на блатном языке. Происхождение языка ”фени” не совсем ясно, но предполагают, что оно происходит от языка офеней – мелких торговцев-коробейников, близких к преступному миру, занимавшихся сбытом наворованного добра и их ”деловые” разговоры были конспиративными, не желательными для понимания окружающих. Среди них было и немало евреев. Чтобы окружающие не понимали сути их разговора, они вкрапливали и него непонятные слова. Интерес к фене вызван и наличием в нем многих слов, имеющих еврейское происхождение (Сегальчик, 2013;). Причина такого явления не всегда понятна, но оно свидетельствует о том, что далеко не все наши единоплеменники были святыми.

Следует заметить, что ряд слов блатного жаргона перешло в разговорный русский язык, иногда изменив свое содержание: шухер (тревога), стоять на шухере (предупреждать об опасности), падло (ничтожество), чувак (мужик), бабки (деньги), стырить (украсть незначительное), лох (недалекий), фраер (бездельник), бугор (начальник), ништяк (пустяк), атас (команда собаке – куси), кореш (друг) и мн. др.

атас – подготовка, команда для собаки. От ивр. атуд – внимание, приготовиться.

башли – делать навар от аферы. От ивр. бишель – варить.

бебехи – вещи. От ивр. бегед – одежда.

боре мерейоз – компания поджигателей. От конца евр. молитвы: ”Благословен Господь, создавший свет от огня” (Грановская, 2002).

блат, по благу – не честно. От ивр. наречия балат – тайно, скрытно.

болт – мужской половой орган. От ивр. прилагательного ”выделяющийся”, ”заметный”.

ботать – говорить. От ивр. боте – выражаться.

бугор – авторитет в преступной среде. От ивр. борер – взрослый.

галах – поп. От ивр. галах – христианский священник.

йолд – принадлежащий к воровскому миру. От ивр. йелед – ребенок.

каленный – отсидевший свой срок. От ивр. кэлэ – тюрьма.

клифт – пиджак. От ивр. халифа – костюм (галифе?).

кореш – друг, товарищ. От имени персидского царя

Кира, разрешившего евреям возвращаться на родину и отстроить Второй Храм. В литературе слово Кир часто звучит, как кореш.

коцать – избивать, убить. От ивр. кец – конец.

ксива – письмо, документ. От ивр. ктива – писание, написанное.

лох – кого можно одурачить. От ивр. лахут – жадный.

малина – место воровской встречи – от ивр. мелина – убежище, или от мелуна – конура.

малява – письмо. От ивр. милим – слова .

марвихер – вор высокой квалификации. От ивр. марвиах – зарабатывать.

мастырка – членовредительство, чтобы симулировать. От ивр. мастыр – прячу.

махать – от ивр. маха – хлопать, аплодировать.

махерить, мухлевать – обманывать (говор Череповецкой, Рязанской и Владимирской обл.). От ивр. маһель – подрезать, разбавлять вино. Посредник немец. mogeln – метить карты.

мусор – полицейский. От ивр. мосер – доносчик, осведомитель.

падло – от ивр. падлаа – лентяй.

параша – емкость для оправлений. От ивр. пэрэш – кал.

параша – слух. От ивр. параша – история.

стырить – украсть. От ивр. ситер – сделано в тайне.

тырить, притырить – прятать. От ивр. леһастир – прятать.

фраер – не принадлежащий к воровскому миру. От идиш свободный.

хавира – место небольшой встречи блатных. От ивр. хавера – подружка.

хаза – воровской притон. От идиш хуйз – квартира.

халыва – даром. От халав – молоко. Неимущим евреям бесплатно раздавали молоко и халы, чтобы было чем встретить субботу, или евреям субботу запрещается выполнять какие либо работы, в том числе и доить коров. Для дойки нанимали нееврейку (шабес гой) и весь надой отдавали ей бесплатно. И третья версия: европейские евреи собирали деньги на молоко евреям Палестины т. н. дмей халав.

хипес – ограбление при помощи красивой женщины.

хипеш – шумиха.

чувак – покинувший уголовный мир. От ивр. тшува – раскаяние.

шара, на шару – бесплатно. От ивр. шеар, шеарим – остатки (остатки отдавали бедным).

шахрай – униформа заключенного. Производное от "шухер".

шмон – обыск в 8 часов утра или вечера. От ивр. шмонэ – 8 (маловероятно).

шмон, шмония, шмонить – бездельник, бездельничать, лентяй (говор. Псковщина, Тверь, Смоленщина, Воронежская и Нижегородская губернии) (Даль, 1978). От ивр. сему'а – болтовня, через идиш шмуэсн – говорить, болтать.

шутвис – воровская банда. От идиш шутвис – партнерство.

шухер – тревога. От ивр. шахор – черный (полиция носила черный мундир).

Литература

- Альтшулер Б. Э. Русская "блатная феня" и немецкая "красная кровь". // Заметки по еврейской истории. 2012. №10.
- Бандас Е. Алеф-альфа-а, или Маска, я тебя знаю // Заметки по еврейской истории. 2010. №3.
- Бандас Е. Крылатые слова из гнезда ТАНАХа // Заметки по еврейской истории 2018. № 8-9 (210).
- Бандас Е. Перевоплощения древнего иврита в биологии и медицине. 2018.
- Баргтейл А. О проблеме еврейского языка. // Корни. 2006. №29. С. 157-162.
- Бершадский В. Е. Русско-ивритский этимологический словарь соответствий. //Заметки по еврейской истории. 2011. (Интер.).
- Гаркави А. Я. О языке евреев, живших в древние времена на Руси //Труд. Имп. Археол. Общ. 1865. Т. 14.
- Грановская Л. Хипеш и осанна. О гебраизмах в русском языке. // Родина. 2002. № 4-5. С.23-25.
- Громан Ш. Слова ивритского происхождения в русском языке и как они помогают изучать иврит. 1995. (Интерн.)
- Даль В. Толковый словарь живого русского языка. Т.1-4. М.: Русский язык. 1978.
- Кауфман З. Евреи и Русь. // Корни. 2006. № 26. С.160-171.
- Кауфман З. Еврейские зигзаги русской словесности. // Корни. 2007. №32. С.83-97.
- Киселев О. Еврейские слова в русском языке. (Интерн.)
- Краткая еврейская энциклопедия. Т.6.
- Крюков А. К вопросу об ивритских корнях: история и современность. // Корни.2000. №14. С.8-20.
- Крюков А. Мас+Кавуа. Ивритские корни в русской речи. // Родина. 2002. Вып. 4-5. С.26-29.
- Кучеренко А. Ксива для бегемота (16 августа 2006, Интерн.).
- Кучеренко А. Ивритские заимствования в русском языке. 2012. (Интерн.).
- Мокиенко В. Библизмы в современной русской речи. 2011.
- Натаров Б. Еврейские корни в русском языке // Заметки по еврейской истории. 2018.
- Ожегов (ред). Словарь русского языка. Т. 1-4. М.: Прогресс. 1986.
- Ольшаницкий И. Загадки русского заполярья. 2004. Израиль
- Подольский Б. Русско-ивритский и ивритско-русский словаря. М.-Тель-Авив.: Рус. язык. 1982. 848 с.
- Подольский Б. Еврейские слова в русском языке. // Алеф. 2001. № 875 (январь).
- Подольский Б. Из истории русско-ивритских языковых контактов. // Заметки по еврейской истории. 2011. №8.
- Сагальчик Я. О еврейском происхождении воровского жаргона. 2013 (Интер).
- Сандлер В. Евреи и русский язык (пособие для евреев и антисемитов). 2006. Ашкелон. Израиль.
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1-4. М.: Прогресс. 1986.
- Фильцер Ф. О происхождении алфавита. // Заметки по еврейской истории. 2008. № 10.
- Шапиро Ф.Л. Иврит-русский словарь. М.: Гос. изд-во иностр. и национ. словарей . 1963. 766с.
- Шапиро М.А., Спивак М.Я., Шульман М.Я. Русско-еврейский (идиш) словарь. М.: Рус. язык.1984. 720 с.
- Юшманов Н.В. (ред.). Словарь иностранных слов. М.: ОГИЗ РСФСР. 1937. 723 с.

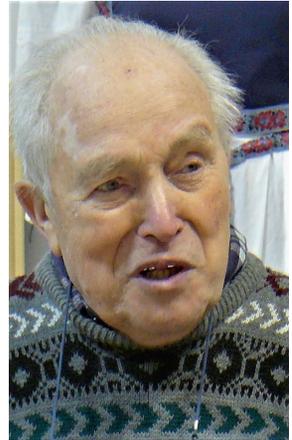

От редактора

6 февраля 2019 года автор сделал правку рукописи, пожелав слегка расширить словарь «фени» и дописать несколько заключительных фраз...

10 февраля 2019 года – 5 адара I 5779 – Залман Самуилович Кауфман закончил свой земной путь в возрасте 98 лет и приобщился к народу своему, **זיכרונו לברכה**

2019

ЗВЕЗДЫ НА СЕВЕРНОМ ЧЕБЕ

Счастливая звезда Гарри Лака

Гарри Цалелович Лак – человек непростой, но удивительной судьбы. В 1944 он ушел добровольцем на фронт, служил в разведке, после войны стоял у истоков создания геологического сектора филиала Академии Наук СССР. Много раз в его жизни случались чудеса и удивительные совпадения, спасавшие Лаку жизнь и здоровье. Вокруг него всегда интересные люди, память Гарри Цалеловича – кладезь невероятных историй, которыми он охотно делится. В свои 86 лет он бодр, полон сил и оптимизма. Лак продолжает писать увлекательные книги для школьников по популярной геологии и для взрослых – о том, что ему, рижскому еврейскому мальчику из некогда большой и счастливой семьи, довелось пережить в жизни.

– Гарри Цалелович, какие воспоминания у Вас сохранились о жизни в Риге? Что известно об истории Вашей семьи?

– Я родом из еврейской семьи Лаков-Пенов. Известно, что мой прадед-ремесленник был родом из диаспоры Новоалександровска (ныне город Заросай, Литва). Он воспитывал детей в ортодоксальном еврейском духе. Маминого отца звали Давид Моисеевич Пен. Моя мама Ханна родилась в Витебске, куда семья Пен переехала из Литвы. В семье было много ярких представителей и интересных историй. Так Иехуда Моисеевич Пен, получив начальное образование в хедере, преодолев массу препятствий, осуществил свою мечту и окончил Петербургскую Академию художеств, после чего открыл в Витебске учебную художественную студию. Среди его учеников – Марк Шагал. Жизненная история моей мамы тоже не была простой: она, родив двоих детей – дочь Таню и сына Илью, – пережила развод с первым мужем и начала заниматься малым бизнесом: развивать небольшой магазин женской одежды. В 1916 году она второй раз вышла замуж, причем ее избранник красавец-блондин с абсолютным музыкальным слухом Цалел – моложе ее на четыре года, прекрасный пианист и танцор, мастер женской модельной обуви. Он был родом из многодетной небогатой семьи, в 13 лет его отдали учеником в ателье по пошиву верхней одежды. Отец прекрасно рисовал и любил создавать новые модели, особенно – для женщин.

Мама с папой встретились и познакомились в Двинске. Их любовь стала очередным вызовом ортодоксальным традициям семьи. В 1916 году в Петербурге состоялось бракосочетание моих родителей. После этого молодые переехали в Ригу и начали закладывать основы семейного бизнеса, который вскоре стал процветающим. В 1917 году на свет появилась сестра Дора, а в 1925, в день Пурима, родился я. Жизнь в Риге в те годы была великолепна, не зря город называли «маленьким Парижем». О детстве в Риге у меня самые светлые воспоминания.

– В родительском доме соблюдались религиозные традиции?

– Семья моих родителей была неортодоксальной. Конечно, у нас отмечались еврейские праздники, но родители были очень продвинутыми людьми с широкими взглядами. Бар-мицва у меня состоялась в центральной синагоге (которую фашисты сожгли с пятью тысячами евреев в 1941 году), я читал главу из Торы, и кантор был у нас дома, – все, как полагается. Между собой родители говорили на идиш, а детей учили уже по-латышски. Они путешествовали, занимались бизнесом, встречались с друзьями, я общался с ними не слишком много.

Моей гувернанткой была одинокая немка Эльза, которая во мне души не чаяла. Поэтому с ранних лет я прекрасно говорил, а потом читал и писал по-немецки. Она открыла мне мир европейских сказок, привила любовь к чтению. Так получилось, что с самого начала она назвала меня ласково Гарри. Имя прижилось настолько, что о моем настоящем имени Гершон я узнал спустя много лет, когда по запросу из Риги прислали копию свидетельства о рождении.

С Эльзой связан и один забавный эпизод моего детства. Я рос болезненным мальчиком, плохо ел, мама расстраивалась по этому поводу. Однажды в гостях у родственников Эльзы меня угостили свиной. Дома я с гордостью рассказал, что наконец-то попробовал действительно вкусное мясо. Мама тяжело вздохнула, и через несколько дней на кухне появился второй комплект посуды... Здоровье ребенка было для мамы самым важным.

– Ваш отец заранее готовился к отъезду в Палестину, даже строил дом в Тель-Авиве. Почему Ваша семья не уехала до того, как наступили страшные для всех времена?

– Мой сводный брат Илья уехал в Палестину, стал там самостоятельным человеком, обзавелся семьей.

Отец действительно тоже готовился к переезду, перевел деньги, построил большой дом на углу современных Дизенгоф и Фришман, на первом этаже которого должны были размещаться магазины. Он чувствовал, что в мире назревают большие столкновения и пытался обезопасить семью. Прибалтийским евреям грозила опасность и с запада, и с востока. Отец уговаривал маму как можно скорее решиться на переезд, но мама медлила, ее держало дело жизни – магазин, выгодно продать фирму сразу возможности не было. Я, успешно сдав экзамены, поступил учиться в престижную латышскую гимназию. Мама просила отца еще немного подождать... Так было упущено драгоценное время. Развитие событий подтвердило правоту опасений отца. В начале 1941 года уже арестовали руководителей еврейских общин, предприятия были национализированы. Отец выплатил чудовищную по тем временам сумму 18000 лат (36000 долларов) для того, чтобы нашу семью не трогали. Но эта сделка была очередным большевистским обманом.

– Как в Вашу семью постучалась беда?

– Сначала в 1938 году, повинувшись приказу фюрера, из дома ночью ушла Эльза. Это была первая ласточка. Ночью 14 июня 1941 г. в половине третьего нас разбудили стуком прикладов в дверь. Мама сначала упала в обморок, потом взяла себя в руки и сказала, чтобы в большую простыню собрали вещи, а меня попросила взять драгоценности. Сама она забрала альбом с семейными фотографиями. За одну ночь 10 тысяч наиболее известных еврейских семей были вывезены из Риги. Наша семья попала сначала в Красноярский край. Сестра Таня, ее муж Миша и маленький сын Веня, вместе с тридцатью пятью тысячами евреев, погибли от рук нацистов около железнодорожной станции Румбула. Веню ударили головой об стену на глазах Тани... Они шли на расстрел в колонне одними из первых – так рассказала женщина, которой чудом удалось спастись в тот страшный день. В Румбуле погибли также мамин брат и папин брат с женами. Расстреляли почти всех учеников моей школы...

– Как складывалась дальше Ваша жизнь в ссылке?

– Настоящая трагедия была впереди – 9 декабря ночью пришли за отцом. Когда его уводили, он оглянулся на меня: «Сын, будь всегда честен!» Это были его последние слова, которые я слышал. Когда вскрылся Енисей, нас повезли в Туруханск, затем в Туру, столицу Эвенкийского национального округа. Там нас вместе с другой еврейской семьей из Риги поселили в бараке, жить в котором было невозможно: зимой стены насквозь промерзали. Сестра с двумя высшими образованиями, включая консерваторию, владевшая пятью языками, машинописью оказалась в мужской бригаде на подледном лове рыбы. Мне запретили учиться в советской школе и отправили дол-

бить вечную мерзлоту. Потом произошло чудо – меня взяли в теплую мастерскую, я стал учеником бондаря, делал бочки для засолки рыбы. Там меня заметил механик электростанции и взял к себе в помощники.

– Как Вы попали на фронт?

– Я понимал, что если меня не возьмут на фронт, – мы все погибнем. В военкомате мне многократно отказывали: «Таких, как ты, – не берем!» Мама знала о моих намерениях и хранила молчание. Но тут случилось неожиданное. В январе 1944 года с фронта на костылях героем вернулся Зяма, сын наших соседей по бараку. Когда нас ночью выслали из Риги, он был на вечеринке. Утром пришел – квартира опечатана, никого нет. 28 июня 1941 года он был мобилизован в Красную армию, защищал подступы к Ленинграду, был тяжело ранен, награжден орденом Красного Знамени. В поисках родных он дошел до Михаила Калинина. При его участии Зяме сообщили о местонахождении матери и сестры. Узнав о моем желании пойти на фронт, Зяма взялся помочь. Моя мама не стала возражать и сказала: «Пусть мой сын поступает, как сам хочет». Зяма пошел со мной к военкому и на своем примере сумел доказать, что знающий несколько языков еврей из Риги, у которого отец в лагере, а мать с сестрой в ссылке, может служить и быть полезным в армии. Так меня призвали добровольцем с направлением в Красноярск и дальше в разведывательную роту.

– А что стало с Вашим отцом?

– Маме и сестре разрешили вместе со мной выехать из Туры. Когда мы в июне плыли обратно по Енисею, на теплоходе с нами возвращался генерал. У мамы оставалась единственная ценность – швейцарские золотые часы, она их ему продала, чтобы в Красноярске закупить еду для отца. Тогда у нас приняли посылку – почти полный мешок продуктов. И лишь спустя время, мы узнали, что в тот момент отца уже не было в живых – он умер еще в феврале от алиментарной дистрофии.

– Как началась для Вас война на передовой?

– Сначала я попал в Омск в 320-й запасной полк, в разведшколу. Там была жесточайшая дисциплина и тяжелые условия жизни. Я учился переносить мыслимые и немыслимые тяготы. Уже через месяц я был переведен в разведроту командиром отделения. С трудом, благодаря сердобольной женщине-врачу, прошел медкомиссию. Она тогда сказала: «У таких доходяг сила духа больше». Комиссия дала мне добро, и я поехал на фронт. Я принимал участие в боях Второго Белорусского фронта.

Жизнь распорядилась так, что я сразу попал в распоряжение командира артиллерийского соединения полковника Меерсона. Он был совершенно седой, на гимнастерку был привинчен орден Красного знамени образца Гражданской войны. Каждый день Победы я

вспоминаю моего полковника благодарным словом – он не один раз спас мне жизнь. Меерсон сразу все великолепно понял о моем происхождении. Кто-то его самого спас в 1937 году, вероятно, поэтому он в свою очередь помогал мне до конца войны. У него в армии был огромный авторитет, он настоял на том, чтобы меня никуда от него не переводили. Он прекрасно понимал, что если я перейду в вышестоящие соединения, начнется проверка, и там откроется правда обо мне. Разведчики приняли меня хорошо, хотя сначала посмеялись, что я – еврей, оказался на войне, в разведке. Но это было до первого военнопленного, пока они не услышали, как я говорю по-немецки. К тому же, я владел готическим письмом, на котором писались все приказы вермахта.

При переправе через Одер в апреле 1945, я был тяжело ранен, но и тогда, перебинтованный, оставался под командованием Меерсона. После ранения меня демобилизовали, полковник отправил меня домой, сказал, что теперь я нужнее матери и сестре.

В 1978 году в Нойбранденбурге меня наградили высокой правительственной наградой ГДР – Серебряным Знаком Чести за освобождение города. Когда мне его вручали, извинились, что не могут дать Золотой, потому, что Золотой Знак Чести только у Брежневца. Зал приветствовал меня стоя. Всего у меня семь сталинских благодарностей времен войны за взятие северо-восточных городов.

– После демобилизации Вы вернулись в Ригу?

– Да, но сначала я навестил маму и сестру на Урале, в поселке Бисертский завод. Надеялся, что мы уедем на родину вместе. Начальник тамошнего НКВД сказал, что я смыл свою вину кровью, а мои родные – нет. В чем была моя вина, он не уточнил. Мама настояла на том, чтобы я один вернулся в Ригу, а они остались. Я так и поступил, но довольно скоро понял, что больше в столице Латвии меня ничего не держит. В Риге я закончил курсы шоферов. Наша квартира была национализирована, в ней жили чужие люди. Я однажды зашел к ним, мне открыла испуганная женщина в халате и бигуди. В квартире стояли старинные предметы мебели, книги, принадлежавшие нашей семье. Вышел я оттуда с огромной болью и твердым намерением покинуть Ригу. И вскоре переехал в Ленинград, где поселился у родственников, в коммунальной квартире. Мама и сестра через несколько лет тоже вернулись в Ригу, они были вынуждены снимать проходную комнату в чужой квартире... В следующий раз я приехал в Латвию уже в 1992 году, чтобы получить бумаги о полной реабилитации членов моей семьи. В России нас реабилитировали в 1993.

– На момент демобилизации у Вас не было не только высшего, но и законченного среднего образования. Тем не менее, Вы решили посвятить себя науке. Как складывался ваш путь в этой области?

– Поначалу учеба давалась мне с трудом – ведь по-русски я научился говорить, но писал с чудовищными ошибками. Родственники устроили меня в техникум текстильной промышленности. В техникуме у меня начались большие проблемы. На мое счастье я познакомился с геологом Галиной Сергеевной Бискэ. С ее помощью мне удалось устроиться в экспедицию, так начался мой новый профессиональный путь. В геологоразведочной партии я выполнял все функции простого рабочего, но трудился на совесть и получил предложение продолжить работу в геологии. В 1947 году я был принят на работу препаратором в сектор геологии Карело-Финской научно-исследовательской базы Академии наук СССР под руководством Г. Бискэ.

Я переехал в Карелию и получил место в общежитии в Сайнаволоке, чему был очень счастлив. Сначала моя работа состояла в копировании карт и схем, потом Галина Сергеевна попросила меня перевести книгу В. Таннера о геологии Фенноскандии... Так, одновременно я совершенствовал русский язык и осваивал геологическую терминологию. Библиотека филиала помогала мне наверстывать упущенное за годы ссылки и войны. На работе очень остро вставал вопрос о моей переаттестации. В 1960 году я экстерном окончил полную среднюю школу в Петрозаводске, а уже в 1961 году, будучи младшим научным сотрудником и активно работая в секторе геологии, поступил в МГУ. К этому моменту у меня уже были научные публикации. Разрешение на поступление давал после личной беседы со мной министр образования СССР. В 1965 году я экстерном сдал экзамены в МГУ по специальности «геоморфология». С экстернатом было немало проблем, я беспокоил заведующих кафедрами, убеждал их принять у меня экзамены, объяснял мою ситуацию, в конечном итоге, все пошло мне навстречу, поскольку знали уже мои научные работы. Сорок лет своей жизни я посвятил исследованию ископаемых диатомовых, защитил кандидатскую диссертацию, стал старшим научным сотрудником геологического сектора.

– Ваш путь в геологии счастливый еще и потому, что наука подарила Вам личное счастье...

– Да, с моей женой Надеждой мы познакомились прямо на рабочем месте. С тех пор мы вместе уже 57 лет. У нас было все: я завоевывал ее любовь, мы вместе были в экспедициях и ночевали в одной палатке, работали над одними темами... Надежду очень тепло приняла моя мама. В день нашего приезда в Ригу они с Дорой встречали нас белыми цветами, а у вокзала стояла роскошная бричка, запряженная лошадьми. В гривы были вплетены ленты, повозка украшена цветами. Мы медленно ехали по городу, а мама рассказывала моей жене о достопримечательностях. Так мама подарила Надежде Ригу и свое расположение...

– В жизни у Вас были удивительные встречи. Кого из Ваших наставников, друзей и товарищей Вы вспоминаете сегодня?

– Моя жизнь действительно была щедрa на неординарных людей. Я много лет подряд дружил с художником Евгением Кибриком, его супругой и был в курсе всех перипетий их непростой личной жизни. Моими наставниками я считаю Галину Сергеевну Бискэ, Петра Алексеевича Борисова и Кауко Оттовича Кратца. Последний был интереснейший человек и талантливый ученый, член-корреспондент Академии Наук СССР, по происхождению – канадский финн. Ему и его семье удалось уцелеть в страшные времена репрессий, это была таинственная история. Кстати, именно он «сосватал» мне Надежду.

Часто вспоминаю друга детства Макса Гуткина: он прошел концлагеря, принимал участие в роковом «переходе через Альпы» для того, чтобы в Турине попасть на судно, идущее в Палестину, воевал за независимость Израиля, закончил авиационный институт в США и в конечном итоге стал заместителем директора компании «Эль Аль». Сегодня он живет в Израиле, ему 86 лет, мы встретились чудом спустя сорок лет после разлуки.

– Ваша мама уехала в Тель-Авив 1955 году. Почему она приняла такое решение?

– Мама, как она написала в письме на имя Никиты Хрущева, «не могла жить в стране, где русские убили

ее мужа, а немцы – дочь». Мама была одной из первых евреек, покинувших Советский Союз. Вскоре за ней уехала и сестра Дора. Когда мама уезжала, я как раз получал допуск «совершенно секретно», который ограничивал любое общение с людьми за границей. Пока до 1957 года мама оставалась гражданкой СССР, я ей мог писать. Потом я получал специальное разрешение для продолжения переписки. На похороны матери и сестры мне приехать не удалось – я был невыездным. В 1987 году я поставил вопрос о том, чтобы навестить могилы моих близких в Израиле. В ОВИРе мне устроили двухчасовой допрос, после чего сказали подождать... Через два года я получил разрешение на выезд. И с тех пор на протяжении 12 лет, пока позволяло здоровье, мы с Надеждой ежегодно бывали в Израиле. Там еще были живы те, кто помнил моих родителей. В доме сохранились семейные альбомы с фотографиями, которые мама сберегла в ссылках и переездах. Адвокатом нашей семьи стал известный юрист Борис Минковский, который сидел с моим отцом в одном лагере.

Я очень люблю Израиль, но остаться жить там я не смог: моей Родиной навсегда стал Петрозаводск, где я встретил любовь, создал семью, получил квартиру и много лет, энтузиазма и сил отдал работе в филиале Академии Наук.

Красноармеец Зяма Кауфман

Залман Самуилович Кауфман – ученый-биолог, член-корреспондент Российской академии естественных наук, автор научных трудов. Испытаний, которые выпали на его долю, хватило бы, наверно, на десятерых. Он прошел суровые будни войны, более семи лет провел в лагерях ГУЛАГа. И при этом не ожесточился, не сдался, продолжал действовать, надеяться, верить и любить. С верной супругой Ревеккой Соломоновной его связывают более семидесяти лет жизни.

Сегодня Кауфману идет девяносто третий год. Он увлечен вопросами иудаики, пишет и публикует статьи на интересующие его темы в этой области. Собрал большую коллекцию (более трех тысяч!) еврейских пословиц и поговорок на идише. Теперь она хранится в отделе рукописей Национальной библиотеки Израиля. Уникальную коллекцию бабочек и жуков Кауфман передал в Национальный музей Карелии, огромное собрание книг – в библиотеку Карельского научного центра Российской академии наук.

– Залман Самуилович, за долгую жизнь Вы встречались со многими интересными людьми, в том числе с легендарным полководцем Буденным. Расскажите об этом, пожалуйста.

– В университете на биофаке я проучился дней десять – призвали в армию. После Зимней войны меня перевели в Москву, в самую элитную военную часть СССР – Первую Московскую пролетарскую дивизию. Мы участвовали во всех парадах на Красной площади, на нас апробировали новшества, которые тогда вводили. При этом дивизия участвовала во всех боях,

которые были в те годы! Многие солдаты и офицеры имели боевые награды, не меньше было и похоронок.

Московским военным округом командовал маршал Семен Буденный, а начальником штаба был генерал-лейтенант Василий Соколовский. Поскольку я был наиболее грамотный, меня поставили возле дверей их кабинета, я проверял документы всех входящих. Почти каждый день встречался с Буденным, он со мной здоровался. Однажды произошел забавный случай: нам вместо буденовок выдали ушанки, апробировали очередное новшество. Семен Михайлович подходит ко мне, здоровается и спрашивает: «А ты скажи, что лучше – буденовка или ушанка?» Я задумался, ведь сам Буденный спрашивал, пришлось хитрить. Говорю: «Ушанка, товарищ Маршал Советского Союза!» Он: «А почему?» Я ответил: «Если командование решило одеть нас в ушанки, значит, ушанка лучше!» Буденный посмотрел на меня и говорит: «Ну и хитрец же ты! Как тебя зовут?» – «Красноармеец Зяма Кауфман». Он переспросил и пошел в кабинет, пережевывая мое имя...

– Вы участвовали в Великой Отечественной войне, были ранены. Как началась для Вас война?

– Войну я встретил на самой границе. Маленькая речушка, по одну сторону немцы, по другую – мы. 20 июня нам прислали пополнение – узбеков, таджиков, туркменов, которые по-русски не понимали. Одеты они были в халаты, подпоясанные платками. Оружия у нас не было, только две дореволюционные винтовки для обучения штыковому бою. Командирам, которые были такими же мальчишками, как я, только что окончившими Киевское артиллерийское училище, выдали пистолеты «ТТ» и две обоймы патронов. У нас было шесть пушек и по шесть снарядов на орудие, представляете? Война началась в воскресенье. Офицеры ушли в польскую деревню смотреть кино, а меня оставили главным на батарее. Мы жили в палатках. Ночь выдалась холодная, и я укрылся потеплей. Снился мне эскадрон лошадей, цокающий подковами по брусчатке. Но постовой не дал досмотреть сон – разбудил. Я вышел из палатки, но цоканье так и не прекратилось. Это бомбили Гродно и близлежащую станцию Мосты. Война!..

– Вы приняли на себя командование батареей. Как действовали дальше?

– Убрали белые демаскирующие палатки и не знали, что делать. Новобранцев даже не переодели в военную форму. Командиры отсутствовали, оружия не было. Вокруг рвались бомбы, снаряды... Я лежал в воронке, грыз землю и плакал: «Мамочка, спаси меня!» Очень было страшно. Потом пошли танки, давили всех подряд. В первые часы войны из нашей бригады, насчитывавшей одиннадцать тысяч бойцов, осталось лишь двадцать шесть. Уцелели две машины, на них мы отступали до Смоленска, при этом вели бои. По дорогам тянулись длинными колоннами отступавшие, кругом валялись трупы, на них не обращали внимания. Мы сдали Смоленск, потом форсировали Днепр. Писатель Г. Бакланов в одной из своих книг подробно описал кровавую Соловьевскую переправу. Жестокие бои велись под Вязьмой. От нашей бывшей батареи осталось всего четыре человека. Потом – Волховский фронт. Все деревни помню, в которых приходилось воевать. Сейчас, раздувая патриотические чувства, подчеркивают лишь военные победы, успехи. Редко вспоминают, какие были жертвы. Все пространство от Белого до Черного моря было густо усеяно трупами. Через трупы переступали, трупами прикрывались. Мы немцев не победили, мы их утопили в нашей крови.

– В одном из боев Вы были тяжело ранены...

– Я испытал все прелести войны: отступление, наступление, форсировал Днепр летом и Волхов зимой, ходил за языком, в рукопашной мне разбили лицо. На войне быстро привыкаешь к смерти, знаешь, что не сегодня-завтра все равно убьют. Но было жаль

родителей: как они пережили бы похоронку... Когда второй раз снимали блокаду, шли бои под деревней Званка. Я был артиллерийским корректировщиком. Мой наблюдательный пункт находился на высокой сосне, меня засекли. Очнулся лишь в санбате. Ранение было не слишком серьезное, но, падая с дерева, я сломал обе руки. Три месяца продолжались мои мучения в госпитале в Боровичах. После выписки я был отправлен на Балтику, в Кронштадт, участвовал в разминировании района острова Лавансаари. Но раненые руки сильно отекали, болели, меня списали на берег, в команду, восстанавливающую Кронштадтский морской завод. Я снова смог вернуться к учебе в университете. С первого курса стал специализироваться на кафедре зоологии беспозвоночных у знаменитого ученого В.А. Догеля, а со второго – и на кафедре эмбриологии у не менее знаменитого профессора П.Г. Светлова. Учился с большим удовольствием. Сдав пятьдесят экзаменов, университет окончил досрочно, за четыре года, пятый оставил для научной работы.

– Почему Вас арестовали?

– Когда я сдавал госэкзамены, началась кровавая война за существование Израиля. Понятно, что студенты-евреи не могли относиться к этому равнодушно, а некоторые, наиболее радикальные, даже рвали туда, еще не забыли, как держат автомат в руках. Кроме того, возмущал «пятый пункт», из-за которого талантливых студентов-евреев не брали в аспирантуру. Нас, евреев, в университете было не так много, но мы встречались, общались, говорили, в том числе и о еврейских делах. При этом в нашу комнату в общежитии приходили и другие ребята, девочки. В компанию запустили стукача. Хозяева им были довольны. Он посадил как минимум восемь известных мне человек из числа своих друзей. Присутствовал он и на моих допросах. За это ему щедро платили: он получил квартиру и был принят в аспирантуру. Через много лет я его случайно встретил, он меня узнал, испугался, но я его трогать не стал, лишь сказал: «Какая ты мерзость!» – и плюнул ему в лицо. Встретил и своего судью – тоже еврея. Тогда его заставили нас осудить, сроки уже были известны. Он меня узнал и прямо на Невском встал на колени, плакал и просил прощения. После нашей встречи, придя домой, он повесился. Об этом я узнал недавно.

– Вы долго отказывались подписывать обвинительные документы...

– Да, полгода я сидел в одиночке. За это время, несмотря на самые разные провокации, я не подписал ничего. Меня мучили бессонницей, с одиннадцати вечера водили на допросы, продолжавшиеся до утра. А днем спать не давали. Кровать на день привинчивалась к стенке, стол и стул металлические – тоже. А пол был цементный, его поливали водой, и сидеть было негде. В последние дни меня буквально тащи-

ли на допросы, я сам ходить уже не мог. Следователь сказал, что из этой тюрьмы еще ни один человек не вышел. Он посоветовал подписать документы. Подписал. Мне дали двадцать пять лет каторжных лагерей с поражением в правах на пять лет, если выйду. Потом перевели в общую камеру и этапом отправили в страшный Тайшетлаг, валить лес для строек коммунизма.

– За время мытарств по лагерям Вы встречали много известных людей...

– Я встречал и хороших людей, и разную дрянь... Рядом были бандиты, ворье, проститутки, извращенцы. Но встречал я и очень интересных людей. Один из них – Дмитрий Быстролетов, разведчик, шпион, он мотал уже второй срок. Человек удивительный, полиглот, знал двадцать иностранных языков, при этом у него была великолепная русская речь. Быстролетов – из русской интеллигенции, которая эмигрировала в Турцию. Там его и заметили люди из НКВД, завербовали, подучили и отправили в Экваториальную Африку, снимать топографические карты местности. Он участвовал в убийстве сына Троцкого – Седова. Жена Быстролетова тоже была шпионкой. Ей приходилось даже соглашаться на встречи с нужными людьми для получения информации...

Еще запомнился секретарь компартии Палестины Иосиф Бергер-Барзилай, бывший начальник ближневосточного отдела Коминтерна. Человек удивительный, знал все основные европейские языки, арабский, иврит, польский... Его должны были отправить на расстрел, но вместо него случайно отправили какого-то блатняка. В лагере он стал верующим, не ел тrefного. Был страшно худ, едва ходил. К моменту нашей встречи он уже отсидел двадцать лет, его в 1935 году арестовали. В лагере его все уважали. Даже

начальство иногда подбрасывало Иосифу что-нибудь из еды: пару картошин, яблоко... После смерти Сталина его выпустили, он уехал в Израиль, стал профессором Университета Бар-Илан, написал несколько книг. Он был намного старше меня и относился ко мне, как к сыну. В одном бараке со мной сидел и бывший командующий ВВС генерал-лейтенант Александр Тодорский. Когда его освободили, он отказался уехать, требовал генеральскую форму и адъютанта. Все это выполнили.

Отказался уехать и писатель А. Исбах, который хотел выйти только передовиком социалистического труда и не успевал выполнить норму. И такое бывает! А в Омске я познакомился со Львом Гумилевым, который сидел уже третий срок. Он был очень своеобразный: эрудированный, начитанный, но дикий, животный антисемит. Со мной он поддерживал дружеские отношения. К тому моменту я сумел пристроиться на работу лаборантом в лагерную больницу. Среди заключенных ни у кого больше не было специального образования и практики. Лёве время от времени давал справку о нетрудоспособности. Как в лагере говорили: день канта – год жизни. Работа была тяжелая: нужно было землю копать или возить в тачках. Свободными вечерами Лев приходил ко мне побеседовать. Он, конечно, знал, что я еврей, но общаться ему больше было не с кем. Все-таки мы оба были образованными людьми, учились в Ленинградском университете... Мне, конечно, хотелось больше узнать о его матери и отце. Но как только я задавал ему вопрос о родителях, он мгновенно замыкался и уходил от ответа. Какие у них были отношения, я не знаю. Факт тот, что когда его освободили, он поехал не к Ахматовой, а к писателю Ардову... О людях, с которыми я встречался в лагерях, можно рассказывать бесконечно!

Светлый человек Семен Бекенштейн

С каждым годом все дальше от нас страшная Вторая мировая война, все меньше тех, кто был ее очевидцем на фронтах, в тылу и за колючей проволокой концлагерей. Житель Петрозаводска Семен Бекенштейн – из тех, кто знает об ужасах Холокоста не понаслышке. Корни его старинной мастеровой семьи – из польского Белостока, где предки Семёна трудились кожевниками и сапожниками. Бекенштейн родился в 1922 году, окончил четыре класса хедера, а потом шесть классов другой еврейской школы, где изучали иврит и польский язык. Он поступил в еврейскую гимназию. В те времена особенно ценились рабочие прикладные специальности, вскоре молодой человек перевелся в еврейское ремесленное училище, где изучал слесарное, токарное, сварочное дело. С детства Семёна приучали к труду, он частенько бывал на кожевенной фабрике, где работал отец. Как окажется позже, именно эти рано усвоенные бесценные навыки мастерства спасут Семёну жизнь.

В предвоенные годы в Белостоке процветал антисемитизм, поэтому многие юноши, чтобы постоять за себя, занимались спортом. Бекенштейн преуспел в боксе. Но однажды жизнь города резко изменилась. «Сначала в Белосток вошли немцы, – рассказывает Семен Ионович. – Они бесчинствовали. Пробыли неделю и ушли. Через две недели вошли русские. Уста-

новились советские порядки – национализировали все предприятия. У дяди была велосипедная мастерская, ее отобрали, отдали хлебокомбинату, но дядю оставили работать там главным механиком. Он взял к себе моего младшего брата учеником. Талантливый Пейсах стал токарем по металлу. Поляки ненавидели русских. Но русские не издевались над евреями. Были

организованы курсы железнодорожников. Преподавателями стали русские военные. Меня направили в группу помощников машинистов паровоза. Некоторое время я работал, потом поступил в железнодорожный техникум, чтобы усовершенствовать навыки. В железнодорожном техникуме долго не проучился, перешел в механико-энергетический политехникум и занимался там год. Я стал гражданином Советского Союза, у меня был паспорт. В субботу 21 июня 1941 года сдал последний экзамен по физике, а на следующий день фашисты напали на СССР. Боев в городе не было, бомбили только железнодорожную станцию. Через неделю, в пятницу, вошли немцы. Сразу же сожгли двадцать девять улиц в еврейском квартале и большую синагогу вместе с находившимися там евреями – более тысячи человек. К этому времени в Белостоке жило пятьдесят тысяч евреев. В первой половине июля немцы уничтожили более шести тысяч. Еврейский район обнесли забором, установили ворота, поставили охрану, согнали туда всех евреев и образовали гетто. Все в возрасте от 15 до 65 лет обязаны были работать на немецких предприятиях, получая 500 г хлеба в день (позже – 350 г). Кормили только тех, кто работал. Все еврейское имущество было конфисковано».

Семен вместе с родными попал в гетто, работал, вынужден был носить на одежде желтую звезду Давида – спереди и сзади («прицел для снайпера», – шутит он). В двухкомнатной квартире, где жила семья Бекенштейнов, постоянно находились двенадцать человек – они взяли к себе всех близких и дальних родственников, казалось, вместе будет легче преодолеть трудности.

Глава семьи устроился на кожевенную фабрику, получил пропуск за пределы гетто. На то же предприятие кочегаром определили и Семена, поскольку он знал паровое дело. Брата Пейсаха устроили работать токарем по металлу в другое место. На работу ходили пешком по проезжей части – по тротуарам передвигаться евреям запрещалось. Задачей тех, кто мог выходить из гетто, было приносить еду для остальных, тщательно ее прятать, поскольку на воротах обыскивали.

Вскоре начались первые расстрелы, тысячу евреев расстреляли, десять тысяч отправили в Трешлинку. Укрыться в чужой квартире не удалось: в феврале 1943 года Семена и его брата схватили и отправили в концлагерь. Сначала братья не знали точно, куда их везут по железной дороге, в пути не кормили и ничего не объясняли. Догадывались, что путь лежит в крематорий. Тех, кто пытался убежать, расстреливали на глазах у остальных. В Биркенау в первый день узников разбили на различные группы, большинство стариков и детей сразу отправили на смерть. Благодаря находчивости и наличию трудовой специальности Семен с братом попали в группу к молодым работоспособным мужчинам. Так удалось выжить на этом этапе мытарств.

К удивлению, в колонне уцелевших оказался также младший брат отца Янкель, сапожник. На предплечье Бекенштейну накололи номер 100611. Над людьми издевались, их унижали разными способами. Больше, чем за себя, Семен волновался за любимого младшего брата. Это придавало сил не сдаваться в самые трудные моменты, продолжать бороться за жизнь.

«В бараке, метров в 30 длиной, мы втроем с братом и дядей без матраца и одеяла на одной кровати, а они были трехъярусными, значит, на каждой по девять человек. Во время карантина постоянно проводили «селекцию»: выстраивали всех в один ряд, через который шли двое эсэсовцев и врач, который щупал сонную артерию, проверял между пальцами рук, нет ли чесотки. Заставляли отжаться от земли: тех, кто не смог, больше не видели. Одна из таких проверок оказалась последней для моего дяди Янкеля, мы не успели даже попрощаться. Позже я встретил в лагере одного русского военнопленного (он был печником, поэтому и выжил), который рассказал, что их было сорок тысяч, а осталось человек десять. На карантине над нами издевались – заставляли носить песок: гора песка, кладут в шапку или в подол рубахи лопату или две песка, и надо отнести километра за полтора-два и высыпать. Рядом тоже гора песка. Берем из нее и так же несем обратно. И так целый день. Другой раз кирпичи таскали».

Вскоре Бекенштейна отправили в Освенцим. Ему известно, что оставшихся в Биркенау расстреляли, и его брата тоже. Семена Ионовича распределили на общие работы на кожевенный завод. Узников избивали, условия труда были нестерпимо тяжелыми. И тут молодому человеку неожиданно помогли семейные мастерские навыки. Сначала по заданию руководства он быстро починил и врезал замок в дверцу кареты, за что не брался никто другой из узников. После этого он стал работать в кузнице, выполнять сложные задания. Ковали подковы для лошадей, чинили брички.

«В Освенциме была столярная, обувная мастерская, кожевенная фабрика. Швейная мастерская, где ремонтировали эсэсовскую одежду и одежду заключенных. Была «Канада» – там работали женщины, они проверяли привозимую одежду и обувь – пороли их, искали спрятанные драгоценности: золото, бриллианты. Была прачечная. Я собирал стиральные машины, проверял, пускал в работу. Привозили горы волос из крематория. Волосы как будто живые – в них находили брошки, расчески, гребенки, шпильки. В одном отделении делали щетки, может, из волос? Там работали женщины. Во время бомбежек нас загоняли под зеленую сетку. Однажды меня сильно ударили ребром доски по плечу и что-то перебили. С тех пор я плохо слышу на одно ухо».

После того как советские войска начали наступление на Краков, Бекенштейна и других узников эвакуи-

ировали в Маутхаузен, в лагерь Гузен-2. Там Семену присвоили новый номер – 118549. Работал он по двенадцать часов в сутки на секретном авиационном заводе «Мессершмитт», расположенном в альпийских штольнях. Судьба и там оказалась благосклонной к Семену: 1 мая он заболел тифом и не пошел на работу, поэтому уцелел. А 5 мая 1945 года лагерь заняли американцы, он попал в лазарет, где несколько дней лежал без сознания.

Когда поправился, оказалось, что всех русских уже отправили домой. Решил добираться на родину самостоятельно. По пути его вызывали на допросы, пытались обвинить в предательстве. В итоге направили в рабочий батальон, и вновь начался тяжелый труд в Польше, Германии, Венгрии, Румынии, Австрии... Выстоял, пережил и это испытание! 1 января 1946 года тех, кто трудился в батальоне, отправили в Россию. Бекенштейн неожиданно для себя оказался в Карелии. Тут вновь пригодились его золотые руки! Работал за еду в «инструменталке» пилоправом, точил пилы, топоры, делал лучковые пилы, топорщица.

Позже трудился электромехаником на электростанции. Там же, в Карелии, Семен встретил свою судьбу – девушку Надежду, женился, родились дети. В 1950-е годы мастер на отлично окончил двухгодичные курсы Ленинградского института повышения квалификации по специальности «техник-механик». Север стал его судьбой: Семен Ионович прижился в Карелии, сегодня он – один из уважаемых жителей города Петрозаводска. Все отзываются о нем как о человеке удивительно светлом, добром, мастере на все руки. Он построил деревенский дом, где сегодня проводит большую часть времени, до сих пор изобретает и мастерит что-то полезное в хозяйстве. Вот только здоровье сдает понемногу – сказываются возраст и тяжелые военные годы...

«Я в жизни не видел более светлого человека! – говорит руководитель Еврейской общины Петрозаводска Дмитрий Цвибель. – Несмотря на все трудности, он остался добрым, жизнелюбивым, открытым, всем помогает. Трудно даже поверить, что в жизни ему пришлось пройти такие страшные испытания...»

«Золотые горы» Михаила Гольденберга

Имя замечательного педагога, заслуженного работника образования РК и директора Карельского государственного краеведческого музея Михаила Леонидовича Гольденберга широко известно не только в Карелии, но и за рубежом. В 27 лет его назначили директором школы, потом молодой ученый стал преподавать в Петрозаводском педагогическом университете. «Я знаю, как надо преподавать историю, – говорит он. – Надо быть интересным! Скучным быть никак нельзя».

Человек широких взглядов, обладатель отлично го чувства юмора, историк и страстный футбольный болельщик, Михаил Леонидович всегда прививал своим ученикам нетривиальный взгляд на историю цивилизаций, учил думать, анализировать и сопоставлять факты, пробуждал интерес к истории разных народов. На его занятиях действительно никому не бывало скучно!

А несколько лет назад он поставил в тупик многих специалистов, обнаружив во время экскурсии в Париж шокшинский, а значит, – карельский, а не финский! – малиновый кварцит в гробнице Наполеона, указал французским коллегам-музейщикам на ошибку. Михаил Леонидович увлекался поэзией Державина и исследовал хитросплетения его судьбы, участвовал в Державинских чтениях. Создал учебник по истории Петрозаводска. И многих соотечественников просветил в области Холокоста, дважды пройдя специальные курсы в израильском музее-мемориале Яд Вашем. Сегодня М.Л. Гольденберг является русскоязычным партнером Стивена Спилберга, помогая ему собирать и анализировать свидетельства жертв «еврейского вопроса».

Пять лет назад историк согласился возглавить Карельский государственный краеведческий музей – один из старейших центров культуры Северо-Западного региона России – и вывел его на европейский уровень, представив в многочисленных залах не только уникальные экспонаты, но и оснастив здание мультимедиа ресурсами. А еще оборудовал специальные залы, в которых школьники могут «вживую» изучать историю, чувствовать себя охотниками и шаманами, погрузившись в особое временное пространство древней игры, устраивать ролевые танцы с бубнами, рисовать и расшифровывать петроглифы. Все это находится в русле нашего непростого времени перемен.

У здания музея существует многовековая славная история. Когда-то именно на Круглой площади города проводил собрания и встречи губернатор Олонецкой губернии Г.Р. Державин, многочисленные его друзья-поэты читали стихи, в этих зданиях позже звенело Музыкальное общество. Зал Благородного собрания напоминает о далеких славных временах, традиция которых продолжается сегодня.

В 1871 году при содействии губернатора Г.Г. Григорьева (внебрачного сына графа Г.В. Орлова) именно в

этих легендарных стенах был основан первый музей на карельской земле. Сегодня это уникальное историческое место: старинные здания и Губернаторский парк образуют архитектурный ансамбль, который осуществляет реальную преемственность поколений в Петрозаводске и служит центром исторического притяжения города и всей республики.

О методах и мотивах работы Михаила Гольденберга – ученого, преподавателя, доцента Карельской педагогической Академии и директора Карельского государственного краеведческого музея, а также о его жизни и истории семьи с необычной фамилией, я смогла узнать больше, побеседовав с ним во время моего очередного приезда в Петрозаводск.

– Михаил Леонидович, почему Вы связали жизнь именно с Петрозаводском? Ваши родители совсем из других краев...

– Все пути судьбы: мой папа родился в Киеве, а мама родом из Винницы. Но я считаю себя местным: родился в Петрозаводске, а в недельном возрасте был увезен в необычное местечко Хуухканмяки, что в Лахденпохском районе Карелии, недалеко от финской границы. Название населенного пункта, между прочим, означает «совиная гора». Детство было кочевое: отца переводили из одного карельского военного гарнизона в другой, мы с мамой, естественно, следовали за ним. Осел в Петрозаводске я в 1966 году. Так что, Карелия – моя родина, это настоящий перекресток культур и цивилизаций. Как моя семья здесь оказалась? Мои родители – дети войны, которые от нее очень сильно пострадали. Стена в доме моего отца в Киеве была пробита пулями от авиаударов. Между прочим, он ушел на войну, когда ему было только 16 лет. В обществе до сих пор жива иллюзия, что евреи – не воевали. Но судьба могла быть по отношению к отцу еще более жесткой: в сентябре 1941 года разразился Бабий Яр! Могло не быть на свете ни меня, ни моих детей. Я все время помню об этом.

– Наверно, не случайно Вашего сына зовут Дан...

– Да, я ему всегда говорю, что его рождение – чудо, он мог и не родиться. Так получилось, что его день рождения – 29 сентября 1992 года. А 29 сентября 1941 года случился Бабий Яр! Я с раннего возраста рассказывал ему историю этой страшной трагедии, от которой нашу семью спасло чудо. Поэтому и имя сына непростое, судейское... Я понимал всю ответственность.

– А где повстречались Ваши родители?

– В военное время они познакомились в Казахстане, на станции «Сары-Озек», которая описана в произведениях Чингиза Айтматова. Они были очень юными. Мой отец, ученик седьмого класса, в первый же день обратил внимание на красивую ученицу, мою будущую маму, решил, что она станет его женой. Но они учились в разных классах. Директором школы тогда был Федор Никитич Цой. Мой отец примчался к нему, разговари-

вал с ним, директор проявил редкое понимание и перевел его в класс, где училась мама. Вскоре он вошел в ее семью, мамы родители старались заботиться о нем. Папа, несмотря на то, что был очень мягким, душевным человеком, умел добиваться своего, проявлял принципиальность. Он рано повзрослел. В своей семье был за кормильца – надо было помогать маме, поднимать сестренку, младше на десять лет...

– Ваши родители следовали еврейской традиции?

– Они оба были воспитаны в еврейских семьях, но постепенно отходили от традиций – дань времени. Стали эмансипированными. Мама Анна Исааковна говорила на идиш лучше, чем папа. Его отец, мой дед, Лев Иосифович Гольденберг, погиб на фронте в октябре 1942 года. Точного места захоронения мы не знаем, возможно, он упокоился в одной из многочисленных братских могил. А вот дед по маминой линии Исаак Лазаревич Сандлер родился в Польше, слыл настоящим аристократом. Закончил Академию в Казани, был известным ветеринаром.

– Ваш отец к удивлению многих стал танкистом?

– Именно так! После окончания войны мой отец Леонид Гольденберг был советским офицером, танкистом, позже заведовал Домом офицеров. Родственников и знакомых за рубежом такое профессиональное самоопределение просто повергало в шок. Особенно в еврейском сообществе: они считали, что такого быть не может! Профессии врача или адвоката воспринимались намного спокойнее.

– Тем не менее, Ваш отец позволял себе и в СССР отстаивать Народ?

– Такие случаи бывали. Сегодня сложно сказать, комическими они были или трагическими. Например, ему часто говорили сослуживцы: «Хороший ты, Ленья, парень, хоть и еврей». Происходили и более серьезные инциденты: однажды генерал Малашенко сказал моему отцу, что он разводит в подведомственном ему Доме офицеров синагогу. Мой отец замахнулся на него стулом. Малашенко на следующий день потребовал посадить отца под домашний арест. Но Леонид Гольденберг не сдавался так просто, он позвонил командующему Шестой армией И.А. Бахметьеву. Тот сказал: «Еще раз позвонит – пошли его подальше! Он Устава не знает!» (По Уставу арестовать старшего офицера, каким был мой отец, мог только его непосредственный командир). Далее очевидцы рассказывали, что Бахметьев вызвал к себе невоздержанного генерала и «воспитывал» его в своем кабинете минут сорок. После этого Малашенко в своей манере извинился: «То, что произошло, этого не было!» – сказал он, позвонив на следующий день отцу.

– А когда Вы обратились к еврейским традициям, заинтересовались историей предков?

– Как я и говорил, всерьез еврейские традиции в семье моих родителей не соблюдались. Но я в 90-х годах пришел к серьезному осмыслению истории Израиля, заинтересовался культурой и традициями. Побывал в стране, дважды учился в музее Яд Вашем. Израиль мне очень понравился, там много удивительных мест. Но остаться там я не захотел, несмотря на то, что многие мои родственники разъехались по всему миру. В России я действительно привык себя чувствовать в меньшинстве, поскольку здесь действуют понятия «свой-чужой». Но я убежден, что в любом народе есть хорошие люди, а есть – подлецы. Жизнь научила меня с уважением относиться к любым меньшинствам. Я считаю, что евреи в России были теми самыми «дрожжами», которые двигали многие процессы. Я уверен, что на территории России существовал уникальный сплав различных народов, который давал яркие результаты в различных областях. Тем не менее, мои родители, намекая на мое происхождение, с ранних лет всегда говорили: «Ты должен быть лучшим, много учиться, много работать! Тебе будет непросто. Ты – сын Народа»... Думаю, из СССР я бы все же уехал – такой свободный у меня дух. Я всегда много работал, а еще шутил, что не обещаю никому золотых гор, ибо я сам и есть – «Золотая Гора».

– Вы испытали на себе проявления антисемитизма?

– Конечно. Проявления эти были многолики... Расскажу один смешной и очень горький случай, в котором тема антисемитизма почти гротескна. Сейчас я уже могу спокойно шутить над ним, но целых десять лет у меня на сердце был глубокий шрам от обиды и несправедливости. В 1978 году мы с моим другом решили поехать в отпуск в Польшу. Мне устами руководителя петрозаводского туристического бюро отказали по «пятой графе». Мой друг не поехал один из гуманистических соображений, поддержал меня. Мы прекрасно отдохнули тогда в Грузии. Но внутренняя боль, чувство несправедливости остались. Я много думал об этом отказе. Пока спустя много лет чиновник от туризма не признался мне, что тогда ему просто были нужны два свободных места в группе, чтобы отправить в путешествие подружек. Все понимали, что ссылку на «пятую графу» проверять никто не будет, жаловаться в высокие инстанции не станет, – евреи привычны к такой постановке вопроса... Тему антисемитизма в СССР некоторые люди просто использовали в своих интересах.

– В иерусалимском музее Яд Вашем Вы проходили курс по проблемам Холокоста?

– Именно, в Иерусалиме я стажировался дважды. А еще я стажировался и преподавал в университете Южной Калифорнии, который курирует проект, связанный с Холокостом. Познакомился со Стивеном Спилбергом, режиссером знаменитого «Списка Шиндлера». В 2006 году именно по его приглашению

я прибыл в США. Спилберг создал колоссальный архив свидетельств жертв Холокоста, который хранится в Южно-Калифорнийском университете. Куратору проекта г-ну Гринбергу был нужен был методический анализ записей от русскоязычных специалистов. Поскольку я по профессии историк, ученый-методист, я смог принять участие в этом проекте. Это было тяжело и страшно: мы целыми днями слушали записи живых свидетелей Катастрофы! И так три недели подряд. Это при том, что в моей семье тема Холокоста всегда была очень болезненной. Из США я привез пять полноценных записей свидетельств жертв Холокоста – наших соотечественников, еще тремя со мной поделились коллеги. Уже на основании этих документов возможно полноценное исследование. А еще я всегда помнил, что среди шести миллионов убиенных – 30% составляют жители СССР, значит – мои соотечественники. Поэтому я много работал над этой темой, контактировал с Аллой Гербер, Фондом «Холокост» в Москве. Сейчас я поддерживаю контакты со многими учеными в мире, занимающимися этой проблематикой.

– Вы принимали самое активное участие в подготовке и проведении семинаров по истории Холокоста в Петрозаводске...

– Да, в этом направлении мы провели большую совместную работу с московским Фондом «Холокост». Дело в том, что в массовом сознании существует эффект удаления от события, при котором с годами память и знание о явлении тускнеет, меркнет, потом – исчезает. В отношении Холокоста я считаю это недопустимым. Сначала я участвовал в организации серии семинаров и круглых столов для карельских учителей истории. В Петрозаводске состоялась презентация документального фильма «Тень свастики», призванного напомнить о страшных событиях прошлого. А еще через многие препоны мы добились попадания термина «Холокост» в школьные учебники для россиян, я считаю это очень важным. Многие дети, вставая со школьной скамьи, не знали, что такое Холокост. Мы дали в учебнике истории определение явления, рассказали о нем. Еще я принял участие в проведении конкурса работ среди соискателей на эту тему, представлял в Петрозаводске шведскую книгу на русском языке «Расскажи об этом детям». В рамках проекта читал лекции о Холокосте для местного общества «Шалом»... На мероприятия в Петрозаводск приезжали члены Фонда «Холокост» из Москвы – Алла Гербер, Илья Альтман, Александр Брод, которые оказали нам большую помощь и поддержку.

– Актуально ли, на Ваш взгляд, рассказывать современным студентам об Освенциме?

– Более, чем! В Петрозаводске еще живы люди, у которых Холокост отнял родственников и близких. Я устраивал встречи в Петрозаводске с бывшим узником Белостокского гетто, лагерей Освенцим и Маут-

хаузен, живущим в Петрозаводске, – Семеном Бекенштейном. Еще у меня есть план отвезти на экскурсию в Освенцим неравнодушных студентов Петрозаводского университета – они должны видеть и знать настоящую историю!

– Вам интересны культуры других народов?

– Естественно. Я живу в Петрозаводске, уже пять лет руковожу Карельским государственным краеведческим музеем. Считаю обязательным для себя знать обычаи и традиции жителей республики: карелов, финнов, вепсов, саамов. Мне интересны разные традиции и культуры. По линии Ассоциации преподавателей истории я объехал разные страны мира, учился в Гааге, обменивался опытом с многочисленными зарубежными учеными. Мне кажется, все беды в мире – от плохого знания других культур и народов.

– Почему Вы решили возглавить Карельский государственный краеведческий музей?

– Можно сказать, меня просто «двинули на дело», а я не считал возможным отказываться. Я по специальности методист, много времени посвятил музейному делу. Долго занимался музейной педагогикой. Музейная экспозиция создается одновременно лет на тридцать – я рискнул создать ее в местном Краеведческом музее, несмотря на многочисленные сложности. Историческое здание было в ужасном состоянии. Мы сушили стены, заново ремонтировали залы, делали перепланировку, ставили противопожарную сигнализацию и видеокамеры.

К юбилею Республики Карелия мы широко распахнули двери музея на площади Ленина. В сегодняшней экспозиции множество ценных экспонатов. Это памятники карельского старообрядчества, уникальные старинные украшения, мечи из эпохи викингов, спил сосны многовековой давности, артефакты из истории Александровского завода, древнейшие плиты с петроглифами... А также редкие бутылки, в которых содержались излюбленные алкогольные напитки губернаторов!

Еврейская музыка Дмитрия Цвибеля

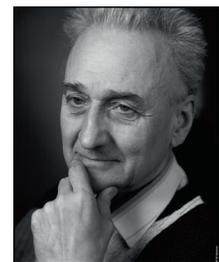
О том, что Карелия – край тысяч озер, водопадов и белых ночей, царство уникальной по красоте природы, знают во всем мире. Историки много говорят о том, что в республике сложился уникальный перекресток культур. А вот о том, что в этом северном регионе уже два столетия наряду с карелами, финнами, русскими, вепсами и людьми других национальностей живут и трудятся представители еврейского народа, задумываются немногие.

А между тем еврейская история и современность Петрозаводска весьма интересны и примечательны. О специфике «еврейского вопроса» в Карелии я побеседовала с председателем Петрозаводской еврейской религиозной общины Дмитрием Григорьевичем Цвибелем. Помимо того что много лет он активно

Тем не менее, сегодняшняя экспозиция далеко не полная, многие ценные экспонаты до сих пор в запасниках. Еще не открыты залы по истории девятнадцатого и двадцатого веков. Приходят ветераны и спрашивают: «А где история партизанского движения в Карелии?» Над этим мы еще будем работать. Тем не менее, показатель эффективности нашего труда – многочисленные экскурсии, на которые приезжают люди из разных уголков России и из-за рубежа, приходят школьники и студенты. Не может не радовать тот факт, что количество посетителей за последние месяцы ощутимо возросло. Мы не только сделали перепланировку здания, но и разработали фирменную символику музея. Обучили экскурсоводов, которые способны увлекательно рассказывать историю экспонатов около каждого стенда! Вы же понимаете, организовать экскурсию в музее – очень сложно, это разовое соприкосновение с посетителем, который, возможно, прибывает издалека. У экскурсовода нет права на ошибку, это однократная схватка, которая навсегда запомнится посетителю. Наша задача – чтобы гость заинтересовался историей края, остался довольным увиденным и услышанным.

– В залах музея есть возможности и для школьников реализовать себя в новом качестве...

– Теперь в залах музея на подземном этаже школьники играют в ролевые игры, ненадолго превращаются в настоящих воинов и шаманов. Мне кажется, что музей, в котором ничего нельзя трогать руками, утратил свой смысл. У нас школьники осваивают древние орудия труда и войны, изучают старинные памятники, учатся ходить по лабиринту, слушают народную музыку, тренируются в изображении петроглифов, осознают себя совершенно в другом качестве. Это стимулирует творческие способности. Еще существуют различные мультимедиа возможности для индивидуальной работы. Музей – это не только мостик между поколениями, которые плохо знают и понимают друг друга, но и шанс глубоко погрузиться в историю родного края. Мне такой подход кажется замечательным и перспективным.

участвует в жизни еврейского движения в Карелии, он известный музыкант, заместитель председателя Карельского отделения Союза театральных деятелей России, автор книг «Еврейская доминанта Дмитрия Шостаковича»

и «От станции Зима к Бабьему Яру», известный в республике публицист и общественный деятель.

– Дмитрий Григорьевич, как и когда в Карелии поселились евреи?

– Материалов на эту тему не так много, часть архивных документов не сохранилась. Из исследования Давида Генделева известно, что евреи появились в Олонецкой губернии в середине позапрошлого века, это были преимущественно солдаты и члены их семей. После 1865 года в Петрозаводске стали селиться евреи-ремесленники, многие из которых прочно укоренились в городе, создали большие семьи. В дальнейшем община пополнилась торговцами, врачами, специалистами в разных областях. Были созданы молитвенный дом и кладбище, в городе совершали религиозные ритуалы, отмечали праздники, обучали детей основам еврейской грамоты, существовала библиотека, которой могли пользоваться все евреи города. В начале XX века еврейская община была уже неотъемлемой частью общественной жизни Петрозаводска. В 1904 году открыли новую синагогу, которая сгорела в 1920-е годы. Упразднена община была в известные времена борьбы со всеми религиями.

– Вы уже четырнадцать лет возглавляете Петрозаводскую еврейскую общину. Расскажите, пожалуйста, об основных достижениях и трудностях, с которыми пришлось столкнуться за эти годы.

– Карелия – республика многонациональная. Поэтому появление в 1991 году Общества еврейской культуры «Шалом» было вполне органичным. Когда в 1997 году стало возможным зарегистрировать религиозную общину, мы это сделали. На сегодняшний день в Петрозаводске работает Еврейский общинный центр, где проходят религиозные службы, действует воскресная школа. Кроме того, мы издаем газету «Общинный вестник», в которой публикуем познавательные материалы о еврейской культуре и жизни общины, знакомим читателей с историей и современностью Израиля, интересными людьми, делимся рецептами национальной кухни. Самым серьезным достижением общины считаю проведение на постоянной основе Межконфессиональных круглых столов, на которых встречаются представители различных религиозных общин и движений Петрозаводска и других стран – христиане, иудеи, мусульмане.

– Многие для поддержки еврейской общины в Петрозаводске делают христиане-евангелисты из общины в городе-побратиме Петрозаводска Тюбингене (Германия). Расскажите об их инициативах подробней, пожалуйста.

– Петрозаводск и Тюбинген стали побратимами не случайно: многое для этого сделал гражданин Германии Пауль Целлер, прошедший Вторую мировую войну и побывавший в лагере на Карельском перешейке. В дальнейшем благодаря его усилиям и трудам

его коллег оказывалась существенная помощь нашей общине, в частности, именно он дал объявления в газетах Тюбингена и Берлина о начале сбора средств для приобретения Свитка Торы для петрозаводской общины. Так благодаря немецким друзьям из христианской общины им. Дитриха Бонхоффера были собраны средства для приобретения Свитка Торы. Мы ежегодно обмениваемся визитами делегаций, друзья из Германии в тяжелые времена присылали посылки для поддержки малоимущих членов Петрозаводской еврейской общины, некоторые мероприятия проходят при поддержке немецкого бюро «Запад – Восток». История нашего сотрудничества с Германией уникальна, она доказывает, что между представителями наших народов и разных религий возможны конструктивный диалог, понимание и взаимопомощь.

– Я знаю, что во многом благодаря Вашим усилиям как председателя общины в Петрозаводске было спасено старое еврейское кладбище.

– Это на самом деле так. Судьба старого еврейского кладбища в центре Петрозаводска трагична. В 1960-е годы при проведении теплоцентрали вокруг него было снято ограждение, после чего многие захоронения подверглись разорению. Несколько семей, ухаживающих за могилами предков, перенесли мацевы на новое еврейское кладбище в Пески. Другим надгробиям повезло меньше. По жестокой иронии судьбы некоторые из них оказались в мастерских известных скульпторов, камни с еврейских захоронений использовались при создании монументов советских вождей! Когда мы узнали о проекте уничтожения кладбища, сразу отправились на прием к мэру города С. Катанандову. После разговора с ним было принято решение сохранить еврейское кладбище. Оно было огорожено, по проекту архитектора Греты Логинской, живущей ныне в Израиле, была создана и установлена входная арка. Несколькими годами позже мы собрали деньги на памятную менору, которую по проекту Евгения Калинина и Александра Ланда выковал известный петрозаводский кузнец Николай Беляков.

– На еврейском кладбище неоднократно наблюдались случаи вандализма. А какая обстановка там сегодня?

– Мы неоднократно подавали заявления в милицию по причине появления на арке кладбища посторонних надписей, в том числе оскорбительных. Открывались уголовные дела, но виновные так и не были найдены. Несколько раз фиксировались попытки разрушения меноры. Но всякий раз члены общины восстанавливали порядок. В Карелии проявления антисемитизма крайне редки. Мы надеемся, что эти ситуации в будущем не будут повторяться, поскольку уважение памяти предков присуще традициям любого народа.

– А лично Вы сталкивались с проявлениями антисемитизма?

– Со мной это случилось единственный раз в жизни: при поступлении в консерваторию. После окончания музыкального училища я успешно сдал экзамены в Ленинградскую консерваторию, но зачислен не был, поскольку на меня и моего друга по фамилии Хумек написали донос из обкома комсомола, нас обвинили в диссидентстве. По этой же причине я не смог поступить в Петрозаводскую консерваторию, а стал вольным слушателем. Потом поступил на работу концертмейстером в Музыкальный театр, где проработал срок лет.

– Расскажите, пожалуйста, о Вашем отце – Григории Цвибеле.

– Мой отец родился в Бобруйске в большой еврейской семье, его звали Мардух-Гершл, но позже записали Григорием. Родным языком папы был идиш. В детстве папа пел в синагоге. В 1914 году община собрала деньги, и папа поступил в местную гимназию. Он очень гордился этим и учился охотно. Во время Первой мировой войны семью разметало по свету: сестры Блюма и Зельда уехали в Америку, а он с родителями перебрался в Киев. Это был тяжелый путь: до Киева добирались два года, а по прибытии мои бабушка и дедушка умерли в больнице с разницей в один день. Так папа оказался в детском доме, где его разыскали сестры, даже специально прислали человека, чтобы вывезти его в Америку. По этому поводу было специальное собрание, было решено «нашего Гришу» никуда не отдавать, папа остался в России и никогда больше не видел сестер.

– Ваш отец – известный музыкант. Каков был его путь к музыке?

– У папы очень рано обнаружился музыкальный слух, он стал учиться. В 1924 году папа как способный ученик получил стипендию им. Ленина (об этом было

написано в официальной газете Киева) и поступил в Музыкальный техникум. Там его соучениками были ставшие впоследствии знаменитыми музыкантами дирижер Исай Шерман, первый исполнитель балета Прокофьева «Ромео и Джульетта» в Кировском театре и балета Синисало «Сампо» в Музыкальном театре Петрозаводска; пианист, профессор Ленинградской консерватории Натан Перельман. Когда потребовалось подтверждение папиного музыкального образования (диплом папа потерял во время войны), Шерман написал в Министерство культуры Карелии письмо с подтверждением факта папиной учебы в Киеве. В годы войны папа выступал в составе концертных бригад, был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 г.г.».

– А от папы Вы что-то слышали о еврейских традициях, культуре?

– Папа был удивительным человеком! Советское воспитание не отбило у него памяти о еврейских корнях. С детства он знакомил меня с еврейской литературой, рассказывал о традициях, привил огромное уважение к еврейской культуре. Кстати, в свое время я даже хотел записать себя евреем в «пятой графе», но мне не дали это сделать в паспортном столе. Папа был очень читающим человеком: он умудрялся даже дорогу переходить с книгой в руке. Был необыкновенно способным, знал пятнадцать иностранных языков. И работал на шести работах, чтобы прокормить семью – жену и трех сыновей. Он очень любил мою маму Тамару. Кстати, они познакомились в библиотеке, он обратил внимание на книги, которые она брала... Маме сейчас 90 лет, она живет в Израиле. У моих родителей никогда не возникало споров, до сих пор семейные отношения родителей я считаю образцовыми.

Наталья Туль: «Танцевать – ум развивать!»

На протяжении многих лет в Петрозаводске действует замечательный ансамбль еврейского танца «Авив», созданный в 1999 году при обществе еврейской культуры «Шалом» на базе благотворительного фонда «Хесед Агамим» при поддержке Республиканского Центра национальных культур. Таких уникальных творческих коллективов на Северо-Западе России всего два, поэтому интерес к «Авиву» велик не только в разных уголках нашей страны, но и за рубежом, мероприятия проходят при неизменных аншлагах. Танцоры постоянно выступают и на концертах, посвященных еврейским праздникам, юбилеям, памятным датам.

Помимо ансамбля для взрослых, существует специальная танцевальная группа для детей и подростков «Дрейдл», многие участники которой плавно вливаются в дальнейшем в старший состав исполнителей. Появились уже целые семейные династии танцоров «Авива».

Готовясь к интервью с Натальей Николаевной Гуль, бессменным руководителем еврейских творческих коллективов Петрозаводска, я узнала, что она

также ведет увлекательные занятия для малышей в городском танцевальном клубе «Ритм», на протяжении девятнадцати лет успешно работает в коррекционном интернате для «особенных» детей, много внимания уделяет «исцелению танцем».

Вот такими наблюдениями за ярким и самобытным действием, осуществляемым на сцене во время представления, со мной поделился один из постоян-

ных зрителей: «Детский концерт – очень впечатляющее и трогательное зрелище. Возникают моменты, когда буквально «комочек» образуется в горле, а глаза зрителей становятся влажными. Важно и показательно, на мой взгляд, то, что концерты, (а их Наталья Гуль вместе с воспитанниками проводит два раза за сезон), очень благожелательно принимаются родителями. Та лёгкость, с которой хореограф воплощает свои творческие идеи и планы, просто завораживает. Руководитель ансамбля пробуждает у воспитанников-танцоров способности, раскрывает возможности, о которых те, вероятно, и не подозревали, обозначает внятную перспективу, поддерживает и вдохновляет. Все, кто вовлечены в этот созидательный круговорот, благодарны Наталье Гуль за работу и творчество. Только интуитивно здоровый человек способен до такого совершенства развить профессиональные качества, настолько полно реализовать внутренние устремления и исполнить своё предназначение. Её пример вдохновляет, и хочется надеяться, что не меня одного».

О том, как складывался творческий путь, какие испытания приходилось преодолевать, занимаясь любимым делом, мы побеседовали с Натальей Николаевной после зажигательного концерта «Авива» в Петрозаводске, посвященного 15-летию коллектива.

– Наталья, как Вы пришли к осмыслению еврейской танцевальной культуры? Вы всегда знали, что у Вас – еврейские корни?

– К осмыслению еврейства я пришла уже в зрелом возрасте, долгое время о корнях семьи даже не догадывалась: мама по паспорту финка, родом из Ингерманландии, отец – белорус. Естественно, наша светская советская семья была далека от любых религиозных традиций. Во время войны родные пережили серьезные испытания: мама попала сначала в концлагерь, после освобождения ее отправили в Казахстан в эвакуацию. Оттуда члены семьи выехали в Финляндию, затем – в Карелию. Бабушка умерла на лесоповалах... Родственники отца оказались на севере, папа, окончив ремесленное училище в Лахденпохье, поступил на работу водителем в Петрозаводске, где они познакомилась с мамой.

Романтическая история: когда папа в 1963 году сделал маме предложение, она взяла время, чтобы подумать, а сама начала всерьез готовиться: на кредитные деньги купила новое теплое пальто, мохеровую шапку, а вот на сапожки денег не хватило. Поэтому когда они с бабушкой зимой ехали на встречу с папой в Мурманскую область в комсомольский город Ковдор, где молодые планировали жить, у нее все время мерзли ноги. Отец как почувствовал: встречал их на вокзале с белыми валенками для мамы! Какое было счастье... Сначала родители гостили на озере Имандра у мамы отца, женщины с сильным характером,

которая пекла великолепные блины. Затем двинулись дальше в Ковдор – так началась их семейная жизнь.

– Когда Вы поняли, что танец – Ваше призвание?

– Танцевала я с детства. Помню себя маленькой – одевала мамину пушистую шапку, которая отчего-то казалась мне лебяжьей, перевязывалась белым платком и на пальчиках ходила по дивану... Такое особенное было у меня «Лебединое озеро»! Я всегда знала, что буду танцевать. В школе принимала участие в спектаклях, занималась в студии ковдорского Дворца творчества балетом и народным танцем.

Мама считала, что мне обязательно нужно получить хорошую профессию, поэтому вынудила поступать в Карельский государственный педагогический институт. Однажды отец застал меня плачущей, спросил, что случилось. Когда узнал, что я мечтаю танцевать, удивился, успокоил меня, и на следующий день мы подали документы в культпросвет училище. Душа моя успокоилась, я стала с радостью заниматься любимым делом, больше не сходила с избранного пути.

– А как пришла идея о создании ансамбля еврейского танца «Авив»?

– Однажды Галина Михайловна Резник, замечательный педагог, пригласила меня работать в воскресную еврейскую школу – вести «танцы на иврите». Естественно, это была совсем новая для меня сфера деятельности, я стала углубленно заниматься изучением еврейских традиций, Торы, кашрута. Заинтересовалась, почувствовала удивительное глубинное родство с еврейской культурой. Стала ходить на занятия в воскресную школу.

И вот тут-то в разговоре с мамой неожиданно выяснилось, что у нас – еврейские корни, родовая фамилия бабушки – Гуль. Оказывается, моя прабабушка Сара и прадед Семен не были официально зарегистрированы, трудно теперь выяснить, кем они были, как сложились их жизни... После развода я решила взять бабушкину фамилию. Так что можно сказать, что я пришла в еврейство через танец. Сначала организовали детский коллектив «Хаверим», много выступали, исполняли, в том числе, молитвенные песнопения. Вскоре я почувствовала, что мои близкие люди, ученики тоже потянулись к познанию национальных традиций, культуры – это замечательно! Так за почти два десятка лет через меня многие люди приблизились к еврейству.

Но мне довелось увидеть и другую сторону «возвращения к корням»: я и мои дочери попадали в ситуации, когда за «звезду Давида» на шею нас были готовы побить, к сожалению, мы неоднократно сталкивались с проявлениями бытового антисемитизма.

То, что сегодня в ансамбле «Дрейдл» при Центре национальных культур вместе с еврейскими детьми танцуют ребята других национальностей, которые

интересуются традициями, задают много вопросов, я считаю большим шагом вперед к толерантности и взаимопониманию между людьми. Все вместе мы живем одной общей еврейской жизнью.

После распада «Хаверим» мне всегда хотелось создать новый ансамбль, уже на более серьезной основе. Он начинался с того, что ко мне потянулись представители старшего поколения – настоящие еврейские бабушки и дедушки. Этот взрослый коллектив был исключительно молод душой. Позже присоединились и танцоры других возрастных категорий, так пятнадцать лет назад родился «Авив». Кстати, название (в переводе – «Весна») придумали именно бабушки-старушки! Мы стали усердно заниматься, выступали в филармонии, ездили на гастроли по Северо-Западу России, за рубеж. Я участвовала в израильских обучающих танцевальных семинарах, чтобы глубже постичь еврейскую танцевальную культуру.

А потом и молодежь подтянулась: стали танцевать мои дочки, их подружки, мы выступали на фестивалях, побывали на гастролях в Кармиэле – привезли в Израиль блок идишских танцев, финскую и карельскую программы, а также танцы грузинских тагов. Принимали нас просто «на ура!». Кстати, на выступлении в Кармиэле случился небольшой казус: ближе к концу выступления внезапно отключился звук. Пока я думала, что делать, наши танцоры продолжали выступать в том же темпе и ритме, зрители стали им помогать аплодисментами, номер удалось завершить блестяще.

Проблема в том, что многие участники ансамбля, получая толчок к развитию, потом разъезжаются по миру. Все время приходят новые люди, так что за 15 лет мы набрали уже третий состав нашего коллектива.

– Вы сами ставите танцы?

– Да, в известные композиции я порой добавляю драматургию, поскольку люблю сюжетные танцы. Детские программы ставлю только сама. Ребенку легче воспринимать песню и движения, когда он понимает, о чем это. Например, песня «Мы варили кашку»: в танце, используя огромную кастрюлю, ложки, крышки, мы с малышами показываем, как это блюдо можно сотворить из батона, из конфеты, из сосиски, чтобы поутру порадовать проснувшуюся маму. Многие зрители признались, что концерте, в канун праздника 8 марта, этот номер получился самым впечатляющим и смешным. Весело при исполнении было и малышам, и их родителям.

В «Авиве» у нас есть постоянный репертуар, но мы все время придумываем что-то новое. В прошлом году поставили программу, посвященную еврейским праздникам. Много образов, идей черпаю из традиции предков, музыки, древних напевов. Сами придумываем, шьем необычные костюмы.

– Как Вы полагаете, в танце может раскрыться любой ребенок?

– Абсолютно любой! Много лет я преподаю в коррекционном интернате для «особенных» детей с задержками речевого развития. Коллеги-учителя говорят, что ребята, которые у меня системно танцуют, лучше осваивают программу по математике, запоминают и читают стихи. Я веду уроки логоритмики, где мы, в том числе, «протанцовываем» поэзию. Дети начинают чувствовать, как ритмически строится фраза, лучше говорят, у них нормализуется дыхание. В частности, на выпускном вечере в этом году мы создали целый спектакль, где ведущими и актерами выступали сами школьники. Вместе с ребятами читаем и исполняем руны из «Калевалы», различные стихи. Не зря говорят: «танцевать – ум развивать!»

Вообще, я заметила, что «особенные» дети лучше танцуют под джаз, поскольку легче адаптируются к нечеткому ритму, не боятся импровизировать. Вероятно, именно такая музыка близка их внутреннему состоянию. Они абсолютно открыты, с нетерпением ждут момента для проявления творчества.

Когда я занимаюсь с обычными детьми в ансамбле, порой наблюдаю, что некоторым детям сложно дать волю своим чувствам, они боятся допустить ошибку, вероятно, стараниями близких взрослых их двигательная активность строже регламентирована и ограничена нормами поведения. И когда я ставлю незнакомую для них музыку, они, вместо того, чтобы свободно и непринуждённо импровизировать и фантазировать, пытаются исполнять уже знакомые и привычные для них движения.

Но в любом случае, ребенок, который с раннего возраста (с года восьми месяцев – двух лет) постоянно занимается танцами, получает ценный опыт общения и взаимодействия со сверстниками, более успешен в других учебных дисциплинах и в спорте. На наших занятиях мы не только танцуем, но играем, поем, читаем стихи, что очень способствует общему развитию. Через игровой подход обучение происходит интенсивно и не утомляет ребенка.

В интернате на протяжении нескольких лет существует авторская программа «Литература и фантазия». Авторство принадлежит библиотекарю интерната Элеоноре Борисовне Кашиной. Замысел – пластическая интерпретация сюжетов литературных произведений для детей. Начали со «Щелкунчика», потом были «Пер Гюнт», «Цветик-семицветик», «Незнайка и его друзья», «12 месяцев», «Мойдодыр», «Синяя птица». Последняя постановка была сделана совместно с учащимися хореографического отделения школы искусств.

– Что Вас вдохновляет на творчество?

– Прежде всего – работа. Я счастливый человек, очень люблю жизнь. Окружают те люди, кто помогает, особенная благодарность – родителям юных танцоров. Мне нравится, когда всем вокруг интерес-

но, и большим, и маленьким. Вдохновляют простые, случайно сказанные кем-то слова, неожиданные картинки, подсмотренные на репетициях. Мальчишки и девочки являются соавторами творческого процесса, некоторые решения приходят только, когда наблюдаешь за детьми, ни один хореограф сам такого не придумает.

И, конечно, надо отметить огромное участие тех, кто непосредственно помогает нашей работе: замечательного костюмера Ольгу Николаевну Варцеву, режиссера Василия Сергеевича Сереброва. Благодаря этим людям концерт превращается в волшебное действо, надолго запоминающийся спектакль.

– Ваши дочери тоже танцуют?

– Старшая Галя закончила консерваторию по композиторскому отделению, младшая Таня – экономист. Обе прекрасно танцуют. Сегодня они живут в Финляндии, занимаются в самодеятельном ансамбле, созданном выходцами из России. Причем Таня выступила постановщиком уже нескольких танцевальных композиций на основе того, чему научилась у меня. Думаю, в душе моих девочек музыка и танец останутся навсегда, а так, пусть они стараются найти свой особенный путь в жизни.

Влюбленная в фольклор. Софья Лойтер

Имя и труды Софьи Михайловны Лойтер известны не одному поколению отечественных и зарубежных филологов, преподавателей и выпускников вузов. На протяжении десятилетий доктор филологических наук, педагог С.М. Лойтер изучала фольклор, занималась проблемами древнерусской и детской литературы. Помимо этого она подготовила и опубликовала несколько монографий и книг, проанализировала отдельные аспекты жизни и творчества Ирины Федосовой, Марии Петровых, Анны Ахматовой, вернула к жизни имена давно забытых ученых-фольклористов.

В канун 80-летия Лойтер продолжает активно работать, заниматься со студентами, ведет обширную исследовательскую деятельность. О долгом жизненном и профессиональном пути, семейных историях и фольклоре мы поговорили с Софьей Михайловной в ее домашнем рабочем кноте, среди книг и рукописей.

О семье

– Я родилась и воспитывалась в простой еврейской семье. Бабушка с дедушкой говорили на идише, в доме соблюдали еврейские традиции. Помню, как мой дед Иосиф Гальперин молился по утрам, надевал тфилин и талес. Он был старостой в синагоге, его уважали за бескорыстие и честность. Мама с папой родились в местечке Левков под Житомиром. Учиться девочкам тогда было не принято, поэтому мама с тремя сестрами почти не получили образования. А вот мой дед по отцовской линии, Берко Лойтер, известный в Левкове столяр-краснодеревщик, служил в имении графа Бронницкого. В свой роскошный замок петербургский вельможа приезжал только на лето, а все остальное время там требовалось поддерживать порядок, следить за мебелью. Этим и занимался Берко — он был главным мебельщиком в усадьбе. Я никогда не видела деда, но много слышала о нем от отца, Михеля Лойтера. Он и его братья перенимали отцовский опыт и тоже стали высококлассными профессионалами, столярами-краснодеревщиками. Поэтому после установления советской власти всех троих пригласили работать по специальности.

С детства помню запах свежей стружки — мой отец Михель Беркович Лойтер трудился на одной из крупнейших мебельных фабрик Украины, которая производила качественную мебель. Когда после

войны отстраивали ГУМ, отца вызвали в Москву, и он вместе с другими лучшими специалистами страны принимал участие в отделке универмага. Потом он работал на восстановлении здания Верховного Совета в Киеве, других правительственных объектов. Отец был стахановцем, передовиком производства, при этом с большим скепсисом относился к советской власти и лично к Сталину.

Жили мы бедно, семья была совсем не книжная. Папа умел писать по-еврейски, но говорил, что держать рубанок ему привычнее, чем перо. С моей мамой — «аидише мамэ» Рухлей-Леей (Рахилью) — они прожили 56 непростых, но счастливых лет, всю жизнь трогательно заботились друг о друге. Меня, девочку, родные оберегали от еврейства — время было такое. Куда-то в глубину памяти западали еврейские пословицы, песни, потом, уже спустя много лет, я их слышала — и узнавала. Но, к сожалению, об истории предков, культуре, литературе, языке я знаю крайне мало, это не позволяет мне глубоко заниматься еврейским фольклором, хотя несколько статей я подготовила. Вечерами слушаю, как мой муж Иосиф Гин читает вслух Шолом-Алейхема на идише. Он вернулся к изучению языка уже в зрелом возрасте.

О войне

– Мы оказались в эвакуации в Мирзачуле, в Узбекистане. Что удивительно, в это же время там находилась семья моего будущего мужа Иосифа Гина. Но тогда мы не знали друг друга. Папу не взяли на фронт по болезни: когда ему было десять лет, в Левкове произошёл страшный погром, на его глазах убивали и ранили людей. У отца случился сильный сердечный

приступ, который превратился потом в порок сердца, с ним отец жил до конца дней.

От войны у меня остались рваные воспоминания: многие детали и подробности я не помню, другие всплывают ярко. Мы жили у хороших, добрых хозяев по фамилии Саратовы, раскулаченных советской властью. До сих пор не могу забыть тогдашнего чувства голода. У меня был маленький «бизнес»: я с разрешения хозяев набирала воду из колодца, а потом бегала по базару с огромным чайником и кричала: «Ким су?» («Кому воды?») Взамен мне давали ломоть дыни, арбуза, лепешку, кусок хлеба — я их складывала в сумку и приносила домой. Катык (кислое молоко) я съедала сразу, на месте. Еще я бегала за коровьим стадом, собирая кизяк для обогрева жилища...

Мои учителя

– В юности хотелось стать лучше, учиться, расти. В школе у меня была удивительная учительница русского языка — Лидия Александровна Семенова, старая дама с буклями, благодаря которой весь наш класс писал грамотно. У нее была интересная методика работы: на каждое правило ученики должны были дома самостоятельно выбрать примеры из поэзии — так педагог приобщала нас к литературе. Отвечая на уроках, мы читали наизусть стихи.

В 1952 году, когда я оканчивала школу, Сталин был еще жив. В выпускном классе пережила настоящую драму — была представлена к золотой медали, но в аттестате мне поставили тройку по русскому языку. Давать еврейской девочке медаль не хотели. Дальше случилось новое горе. Поступить на филфак Киевского университета не удалось по причине того же «пятого пункта». Я страшно переживала, но не сдалась, устроилась в школу вожатой, решила, что с Украины нужно уезжать. Много выпускниц-евреек моего времени поступили точно так же — в российских городах условия приема в университеты были мягче. Все заработанные деньги я откладывала — готовилась к отъезду. Выбрала Петрозаводский университет случайно: на геофаке училась моя знакомая, она рассказывала, что Петрозаводск — хороший город... Я отправила документы, получила вызов в Карелию. Сегодня признаюсь: не жалею об этом. Я сразу окунулась в другую, интеллектуальную среду, познакомилась с удивительными людьми. В годы борьбы с космополитизмом на филфаке ПетрГУ работали выдающиеся профессора из Ленинграда, в том числе Е.М. Мелитинский, Л.Я. Гинзбург, Н.Я. Берковский. Во многом благодаря таким личностям там сформировалась сильная научная школа, особая аура факультета.

Хочу рассказать об Ирине Петровне Лупановой, ученице знаменитого филолога-фольклориста В.Я. Проппа. Именно она оказала большое влияние на мое становление как ученого и человека, пригласила в кружок детской литературы, где занимались неординарные люди, писатели, поэты. С этого момента началась моя научная жизнь.

О муже

– Я была на втором курсе, когда познакомилась с будущим мужем. Иосиф Гин — моя судьба и главный жизненный университет. На третьем курсе я вышла замуж, на пятом родился сын Яша. Средств к существованию не было, надо было сразу работать, пришлось ехать по распределению в Надвоицы. Школа, где предстояло работать, располагалась в деревне на одном берегу Беломорканала (там же, кстати, находилась исправительная колония), а дом без всяких удобств — на другом. Нужно было несколько раз в день переправляться в любую погоду в лодке через Беломорканал. Зимой перебирались на другую сторону по льду.

Бытовая неустроенность сохранилась и после отъезда из Надвоиц. Своей квартиры не было несколько лет.

О Льве Кассиле

– Моя кандидатская диссертация посвящена проблеме романтизма в творчестве Кассиля. С этим удивительным писателем мне довелось встретиться несколько раз. Особенно теплые отношения сложились с его женой Светланой Леонидовной Собиновой, дважды с ее разрешения я работала в квартире Кассилей с архивами Льва Абрамовича. Светлана Леонидовна — доцент ГИТИСа, интереснейшая женщина. Когда я приезжала, мы ходили на выставки, она показала мне Переделкино. Встречи с интересными людьми я тоже считаю своими жизненными университетами. Работа над диссертацией познакомила меня с такими замечательными современниками, как Л.Э. Разгон, Е.А. Таратута, с которыми я встречалась и переписывалась.

О Карельском пединституте и студентах

– Я пришла в институт ассистентом на крошечную ставку, читала курс по детской литературе. На филфаке в то время работал Э.Г. Зыков, ученик Д.С. Лихачева, ученый и педагог. В 1970 году он передал мне интересный, но сложный курс по фольклору, который я приняла с удовольствием. Начав преподавать этот курс, я поняла, что предмет требует больших знаний, разностороннего опыта, читать его и не бывать в экспедициях невозможно. Поездки в Пудожье, Прионежье — очень важный этап в моей жизни. С тяжелыми рюкзаками мы со студентами стучались в каждый дом, записывали бабушек — причитания, песни, сказки. Впитывали колоритную народную речь, которая сохранилась непостижимым образом. Наши поездки продолжались до 1984 года. Я убеждена: если есть увлеченный преподаватель с горящими глазами, который любит свое дело и живет им, обязательно будут и увлеченные студенты. А я до сих пор материалы, собранные в то время, использую в работе.

СВЕТ ИСЦЕЛЕНИЯ

Семейная династия Иссерсон-Барановых: пять поколений врачей на службе людям

Встретившись с Людмилой Васильевной Барановой, заслуженным врачом Республики Карелия и Российской Федерации, руководителем Общественного совета по здравоохранению при Минздравсоцразвития Карелии, мы долго говорили о семейных корнях. Сошлись на том, что, не зная истории рода, невозможно понять многое о современной жизни, ее внутренних задачах, связях между поколениями.

Людмила Баранова, врач-трансфузиолог, отдала пятьдесят лет жизни Петрозаводской станции переливания крови. Заслуги перед медициной имеет государственные награды. Людмила Васильевна с уважением и вниманием изучает семейную историю знаменитой династии врачей Иссерсон-Барановых, которая внесла значительный вклад в развитие медицины на Северо-Западе России – в Карелии. Из поколения в поколение передавалось в этом роду высокое призвание – исцелять людей.

– Людмила Васильевна, с какого момента Вы точно прослеживаете историю Вашего рода?

Я полагаю, что изначально корни семьи Иссерсон – из западной Белоруссии или Литвы: об этом можно судить по сохранившимся фотографиям прадеда Давида Марковича Иссерсона, сделанным в Белостоке. Точно известно, что он закончил Медико-хирургическую академию в Санкт-Петербурге. Так что достоверные, мне известные, сведения о предках начинаются с 1844 года – даты рождения прадеда. После окончания академии Давид Маркович служил военным врачом. Через два года после демобилизации он получил должность земского врача в небольшом городке Лодейное Поле (Олонецкая губерния), где и проработал двадцать пять лет.

Могу сказать, что труд земского врача был очень тяжелым: доктор лечил людей на очень большом территориальном участке, на лошадях по бездорожью колесил по окрестным деревням в любое время года. Как минимум раз в месяц он должен был объехать весь свой участок! К тому же, днем и ночью его могли вызвать к больному. Периодически вспыхивали эпидемии, нужно было вовремя их предотвращать.

С момента принятия «Положения о губернском и уездном земстве» и введения соответствующего указа в 1864 году прошло не так много времени, система еще не сложилась окончательно. Именно земские врачи внесли огромный вклад в развитие российской медицины, помогли приблизиться к больным. Прадед был очень активным, неравнодушным человеком. Помимо непосредственных обязанностей он еще активно занимался общественной деятельностью, был одним из организаторов Красного Креста в Олонецкой губернии.

– Кроме фотографий и справок из архивов, что еще у Вас в семье сохранилось от прадеда?

– Очень грустно, что революционные времена прервали связь поколений, уничтожили реликвии, хранимые в семьях. Давид Маркович был награжден орденом Святой Анны третьей степени, Святого Станислава второй степени, знаком Красного Креста... Представляете, как замечательно было бы сегодня взять в руки эти бесценные свидетельства прошлого! К сожалению, большая часть наших семейных ценностей утрачена.

Вероятно, докторов в нашей семье больше, чем мы сегодня знаем: на Преображенском кладбище в Санкт-Петербурге, неподалеку от синагоги, мы разыскали несколько могил врачей с фамилией Иссерсон, возможно, это наши родственники. Потом, работая с архивными материалами, я обнаружила в северной столице еще нескольких Иссерсонов, которые занимались медицинской деятельностью. Так что, возможно, наша врачебная династия достаточно многочисленна. Полагаю, что в архивах Вильнюса можно было бы найти интересные свидетельства о представителях нашего рода.

– Ваш дед, Михаил Давыдович Иссерсон, тоже стал знаменитым врачом. Расскажите о нем, пожалуйста.

– Сначала еще несколько слов о прадеде, Давиде Марковиче. Когда решался вопрос о получении образования его сыном Михаилом, он принял православие. Об этом сохранились записи в метрической книге Лодейного Поля. Еврейским детям тогда было очень сложно получать образование.

В своих записках мой дед Михаил Давыдович свидетельствует, что его отец, пережив все тяготы работы земской медицины, изначально был против

того, чтобы сын продолжил его путь. На решение начать заниматься врачебным делом, как пишет Михаил Давыдович, повлияло то, что в семье было много медиков. Компромиссом с отцом стало поступление на естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета. Естественное образование оказалось исключительно полезным для будущей специальности деда, который не оставлял желания стать врачом и поступил далее на медицинский факультет в Киевский университет Святого Владимира, сразу на третий курс.

Когда началась русско-японская война (1904-1905), дед был мобилизован, военные годы провел в полевом госпитале в Порт-Артуре, его первая научная работа была посвящена исследованию цинги. За участие в военных действиях в осажденном Порт-Артуре он был награжден орденом Святой Анны третьей степени с мечами.

Первые годы врачебной деятельности Михаила Давыдовича после войны прошли на Украине: в Киеве, в больнице для чернорабочих, в Одессе и Балте. У него был хороший учитель – профессор, хирург К.М. Сапешко, который высоко оценил желание работать и способности талантливого молодого врача, его внимательное отношение к больным. Когда Олонецкое земство объявило конкурс на замещение вакантной должности заведующего хирургическим отделением, именно К.М. Сапешко порекомендовал ученику подать свои документы на конкурс. Назначение состоялось, так, с 1908 года жизнь Михаила Давыдовича Иссерсона оказалась неразрывно связанной с Карелией. Эта связь прервалась только в 1914 году в связи с его участием в Первой мировой войне, откуда он вернулся живым и здоровым.

Михаил Давыдович всегда очень заботливо относился и к молодым хирургам, и к больным. Дом, в котором он жил, находился через дорогу от лечебницы. Из окна его квартиры были видны окна операционной. Если в них загорались огни, он шел в операционную проверить, что происходит, кого оперируют.

Можно сказать, что М.Д. Иссерсон явился одним из организаторов здравоохранения Республики Карелия, особенно в области хирургии. Само здание современного по тем временам хирургического отделения построено во многом благодаря ему. Началось строительство здания в 1910 году, успешно завершилось через два года. В этом корпусе получили рождение и развитие многие хирургические специальности – урология, отоларингология, онкология... Михаил Давыдович стал первым главным хирургом Карелии после введения этой должности, потом дело продолжил мой отец. Не отставала от мужчин и мама – главный хирург горздравотдела.

Михаил Давыдович открыл в Петрозаводске филиалы двух ленинградских институтов (травматологии и переливания крови). Он успешно укреплял и развивал связи с профессурой северной столицы. До

М.Д. Иссерсон

начала войны совмещал руководство хирургической лечебницей и Станцией переливания крови. Трижды побывал в командировках за рубежом (в Германии, Швейцарии, Франции). Все новое, передовое, что можно было внедрить на родине, было оттуда принесено. Благодаря деду, в Петрозаводске появился первый рентгеновский аппарат и первая лаборатория.

В послевоенное время Михаил Давыдович, продолжая возглавлять Станцию переливания крови, немало времени отдавал общественной работе: дважды становился депутатом Верховного Совета КАССР. Сохранилась его рабочая записная книжка, в которой он детально фиксировал, с какими просьбами к нему обращались люди. За большой вклад в развитие здравоохранения он был награжден орденом Ленина. Позднее такую награду получили его дочь Зинаида, моя мама, и мой отец, Василий Баранов. Дед был заслуженным врачом Карело-Финской ССР.

Когда Михаила Давыдовича хоронили в 1955 году, проститься с ним пришли сотни человек, улица перед фельдшерской школой, где проходило прощание, была заполнена людьми, которым он в разное время помогал. Его провожали под траурные мелодии в исполнении струнного трио. Авторитет Михаила Давыдовича в Петрозаводске был очень высок, благодарность пациентов казалась безграничной – все это я смогла понять только годы спустя. До сих пор, проходя на могилы деда и родителей, я вижу, что кто-то приходит поклониться им, приносят цветы, вербочки, конфеты, сыплют пшено для птиц... Люди помнят таких врачей, возвращают им душевное тепло даже многие годы спустя. Хирургической лечебнице Петрозаводска было присвоено имя М.Д. Иссерсона.

– Оба Ваших родителя – тоже известные врачи. Как сложились их жизни?

– Мама, Зинаида Михайловна Иссерсон, с детства очень хотела стать хирургом. После «девятилетки» (тогда в школе учились 9 лет) она дважды пыталась поступать в вуз, но ей отказывали по возрасту. Год она проучилась в Институте физкультуры имени П.Ф. Лесгафта в Ленинграде. Наконец ее мечта осу-

ществовалась – она была принята во Второй медицинский институт (Государственный медицинский университет имени И.И. Мечникова), ориентированный на выпуск врачей санитарно-гигиенического профиля, который и закончила успешно. Год пришлось отработать по специальности, после чего мама всерьез занялась хирургией.

Во время войны нас отправили в эвакуацию сначала в Вытегру, затем за Урал. Мама ехала начальником поезда. Только мы добрались до места, как ее вызвали осмотреть больного с острым аппендицитом, потребовалось срочное оперативное вмешательство. Зинаида Михайловна, как и ее муж Василий Александрович, всегда возила с собой хирургические инструменты. Первую операцию в эвакуации она провела при шести керосиновых лампах. Спустя почти полвека, спасенный разыскал маму, написал ей теплое благодарное письмо.

После возвращения в Карелию Зинаида Михайловна до 1966 года заведовала хирургическим отделением в Петрозаводской городской больнице. Избиралась депутатом районного совета.

Отец окончил Петрозаводскую фельдшерскую школу, она была организована в 1899 году. Так случилось, что ее выпускниками стали сначала двоюродный брат отца Петр Филимонов, а потом и родной – Михаил Баранов, оба были очень довольны полученной специальностью, рекомендовали поступать и Василию. Так мой папа, Василий Александрович Баранов, по примеру братьев принял решение пойти учиться в фельдшерскую школу, успешно ее закончил, работал в Пудожском уезде. Продолжил образование в Государственном институте медицинских знаний, вернулся в Петрозаводск, трудился в хирургической лечебнице, был заведующим травматологическим отделением.

Во время войны отец призвался на фронт, но пробыл в армии три дня – его отозвали для оказания медицинской помощи гражданскому населению. В Беломорске, в эвакуации, отец работал заведующим хирургическим отделением. Тем не менее, он получил боевую награду – медаль «За отвагу»: сотрудники больницы участвовали в строительстве военного аэродрома. После войны отец работал главным врачом хирургической лечебницы имени М.Д. Иссерсона.

В 1950 году было принято решение об открытии в Петрозаводске Республиканской больницы, отец занимался ее организацией и возглавлял на протяжении пяти лет. Затем был главным врачом больницы Министерства здравоохранения, продолжал хирургическую практику. Дважды избирался депутатом Верховного Совета КАССР, работал заместителем Председателя Президиума. Как и мама, он – заслуженный врач КАССР и Российской Федерации.

Василий Александрович был очень организованным человеком, оставил интересные записи о раз-

витии хирургической помощи в Карелии, систематизировал домашний архив, часть которого сегодня передана Национальному музею Республики Карелия. Сожалею, что мы не часто говорили с ним о моей работе. Он умер в августе 1978 года. Вскоре врачи Республиканской больницы обратились с ходатайством в Минздрав республики о присвоении больнице имени В.А. Баранова. Уже через восемь месяцев это осуществилось.

– Доводилось ли Вам работать вместе с родителями?

– Такое случилось единственный раз, на практике после 4 курса. Отец оперировал, мама ассистировала, а я «стояла на крючках» – вторым ассистентом. Отец рекомендовал мне становиться не хирургом, а окулистом.

– Что самое главное для себя Вы вынесли, исследуя биографии Ваших родных?

– Мы с братом воспитывались на примерах родителей и рассказах о том, как жили, работали, как относились к больным, друзьям, родственникам. Никакого назидания, начетничества, повышенного голоса или дурных слов в доме.

Когда я размышляю о судьбах родителей и деда, невольно задумываюсь обо всем, что в последние годы утрачивается в нашей медицине. Прежде всего, основополагающее – заботливое, внимательное, уважительное отношение к больному. Был очень высокий спрос за поддержание порядка. Особое внимание уделялось уходу за пациентом. Если врач видел, что у тяжелобольного не подстрижены ногти, немедленно следовало замечание. Недопустимыми считались грубость и невнимательное отношение к жалобам или просьбам больных.

Убеждена на примере своих родных старшего поколения, что руководитель обязательно должен быть хорошим воспитателем – разумным и негрубым, деликатным. Только тогда можно создать коллектив единомышленников, изнутри зная каждого человека, его сильные и слабые стороны.

– На протяжении многих лет Вы служите медицине. Как складывался Ваш профессиональный путь?

– Во многом главное направление моей работы определилось благодаря случайному разговору с Верой Александровной Дрейман, врачом-хирургом, «правой рукой» моего деда Михаила Давыдовича на станции переливания крови. После его ухода с работы Вера Александровна стала главным врачом Петрозаводской станции переливания крови. Однажды, когда я еще была студенткой мединститута, она пригласила меня к себе работать, продолжить дело деда... Даже не зная почему, я ей пообещала, что обязательно приеду.

Так и получилось: с 1 сентября 1959 по 31 декабря 2009 года я проработала на станции переливания крови. Среди основных достижений коллектива за этот период – строительство станции в 1968 году, открытие лабораторий, новых отделений. Я старалась, по возможности, внедрить прогрессивный зарубежный опыт в работу учреждения.

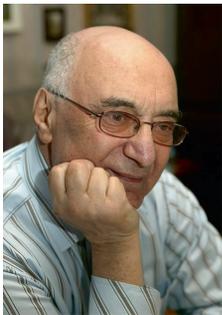
В 1995 году мы в числе трех ведущих станций – Санкт-Петербурга, Архангельска и Петрозаводска – значительно раньше многих станций в стране получили аппараты по автоматической заготовке плазмы. Практически с этого времени не было никакой разницы в методе получения плазмы по сравнению с западными учреждениями службы крови.

В 1975 году по итогам смотра работы станций переливания крови мы были вторым учреждением в Российской Федерации, через пять лет получили премию Министерства здравоохранения СССР и обще-

ства Красного Креста и Красного Полумесяца СССР. Наша станция участвовала в пилотном проекте «Федеральная программа развития службы крови», и мы были одними из первых, где эта программа реализовывалась. За годы работы сложился коллектив, состоящий из специалистов высокого уровня, настоящих единомышленников. Я очень благодарна всем, с кем мне пришлось работать. В последние годы, после выхода на пенсию, я являюсь председателем Общественного совета по вопросам здравоохранения при Министерстве здравоохранения и социального развития Республики Карелия.

Надеюсь, что наша семейная династия врачей будет продолжаться, в нее пришло пятое поколение. Хочется, чтобы преемственность сохранялась, и в новых поколениях нашей семьи появлялись замечательные врачи – достойные продолжатели дела Иссерсон-Барановых.

Профессор Зильбер: «Подготовка специалиста должна иметь гуманитарную основу!»

Побеседовать и опубликовать интервью с известным профессором, доктором медицинских наук Анатолием Петровичем Зильбером я собиралась давно. Последней каплей для осуществления задуманного стала встреча с коллегами в Белоруссии, которые, услышав рассказ о моей малой родине, столице Карелии, воскликнули с нескрываемой радостью: «Петрозаводск! Это город, где живет профессор Зильбер!»

Слава об этом уникальном человеке, враче от Бога, действительно много десятилетий подряд шагает через все границы. Несмотря на очень почтенный возраст (82 года!), Почетный гражданин Петрозаводска, кавалер многих научных званий и государственных наград, доктор Зильбер плодотворно работает, возглавляет кафедру критической и респираторной медицины Петрозаводского государственного университета, руководит республиканским Комитетом по медицинской этике, ведет обширную научную и образовательную работу. Пообщаться с ним приезжают медики со всего мира, а его лекции, которые он читает в том числе и по скайпу, пользуются неизменным успехом в самых разных уголках планеты. В текущем году в Санкт-Петербургском издательстве вышла его сороковая по счету книга – «Врачи-труэнты: очерки о врачах, прославившихся вне медицины». Это лишь первый том давно задуманного многотомного повествования о талантливых докторах.

Когда мы договаривались об интервью, Анатолий Петрович сообщил, что на рабочем месте он бывает ежедневно с четырех часов утра, и я могу приехать в любое удобное время. Такая работоспособность меня поразила.

Разговор с профессором Зильбером – это обсуждение глубоких и важных тем не только в медицине,

доктор много размышляет о современных проблемах и болезнях социума и предлагает свои варианты для исправления ситуации. В его кабинете – собранная за долгие годы библиотека редких книг на медицинские темы на разных языках и огромная коллекция фигурок разномастных котиков, к которой он относится с улыбкой. Интересы знаменитого доктора очень широки, с ним можно беседовать не только на профессиональные темы, но говорить о поэзии, искусстве, образовании. Профессор цитирует наизусть Гейне, разбирается в тонкостях поэтического перевода, сам пишет стихи. Не чужд Зильбер и совсем иному труду – неподалеку от Петрозаводска, в селе Кончезеро, его руками построен двухэтажный дом. Предмет особой гордости – десятки поделок из дерева, также выполненных собственноручно.

О том, как удастся совместить такие разные ипостаси в одной жизни, не замыкаться на узкой специализации и никогда не останавливаться в развитии, мы побеседовали с доктором медицинских наук, профессором Зильбером в его рабочем кабинете, а потом и в уютной домашней библиотеке.

– Анатолий Петрович, расскажите, пожалуйста, о Ваших корнях, Вашем детстве, семье.

– Я появился на свет в Запорожье, в очень простой семье – у моих родителей даже не было среднего образования. Мама всю жизнь занималась хозяйством, растила детей. Она из рода долгожителей, в 99 лет в

ясном уме и светлой памяти она еще читала лекции для членов общества «Шалом» – сравнивала условия жизни при Первой мировой, Гражданской и Великой Отечественной войнах. Мой старший брат окончил Высшее военно-морское училище имени М.В. Фрунзе в Ленинграде, стал моряком, потом преподавал в Таллинском мореходном училище и объездил полмира с курсантами. Папа начинал разнорабочим, но поскольку проявил себя человеком сметливым и пробытым, дослужился до должности заместителя директора крупного завода. Его заслугой, в частности, был перевоз в военное время предприятия в Ташкент: работу завода в эвакуации удалось запустить через несколько дней! В детстве я был большим хулиганом (впрочем, остаюсь таковым и сейчас), моя первая учительница постоянно жаловалась на меня маме. В начальной школе, кроме прочих шалостей, мы покуривали – собирали «бычки», делали самокрутки и дымили. Отец был мудрым человеком: узнав об этом, подвел меня к тумбочке, где были заперты папиросы «Казбек», и предложил мне пачку. Я, конечно, похвастался перед мальчишками, но какой интерес курить, раз это разрешено? С тех пор не курю и не пью.

В четвертый класс я пошел уже в эвакуации, в Ташкенте. Окончил школу с золотой медалью. Сдавал в выпускном классе экзамен по узбекскому языку письменно и устно, готовил сочинение об Алишере Навои, поэте и мыслителе. Знания в области узбекского совершенно неожиданно пригодились мне недавно: по скайпу читал лекции для ташкентских врачей, объяснить некоторые моменты нерадивым слушателям удалось только, припомнив крепкое выражение на их родном языке, которое я почерпнул на алайском базаре. Видели бы вы реакцию аудитории! Еще в запасе у меня – немецкий, который учил в школе, английский, французский, не считая украинского, на котором говорили в родном Запорожье.

Я собирался поступить в Ленинградский политехнический институт на новый тогда физико-технический факультет. Я знал, что там будет развиваться перспективное направление ядерной физики. Как золотой медалист я должен был пройти процедуру зачисления вне конкурса. Но в приемной комиссии мне сказали, пряча глаза, что произошла ошибка, набор золотых медалистов уже закончен, и мне нужно поступать на общих основаниях. Я был готов и к такому повороту событий, но еще через день мне сообщили, что принимать экзамены у медалиста – против институтских правил. Я понял, что просто человека с такой фамилией там видеть не хотят, и ушел.

Прислушался к мнению родителей, которые мечтали, чтобы я стал врачом, и подал документы в Первый медицинский институт в Ленинграде. Интересовался сначала биохимией, потом хирургией. Мои интересы всегда были шире, чем просто медицина.

– Расскажите, пожалуйста, о Вашей уникальной работе в области сбора информации о доктор-ах-труэнтах. Как Вы к этому пришли?

– Действительно, у меня собрана огромная база данных о врачах-труэнтах, которую я веду с 1949 года. По поводу сбора информации я переписываюсь с Библиотекой Конгресса в Вашингтоне, Библиотекой Ватикана. Моя коллекция – самая обширная в своем роде, она насчитывает более четырех тысяч имен. Труэнты («truant» в переводе с английского – «лентяй, прогульщик») – это практикующие врачи или люди, получившие медицинское образование, которые сумели реализовать и прославиться в других областях.

Будучи студентом второго курса, я познакомился с трудами ученого Клода-Луи Бертолле, того самого, который открыл бертолетову соль. С удивлением я узнал, что известный химик – по образованию врач. Потом я встретил фамилию Лавуазье. Этот ученый окончил юридический факультет Парижского университета, но, кроме того, он интересовался естественными науками и создал биохимию дыхания, числится выдающимся химиком. Поначалу я просто отметил эти открытия для себя, как любопытные факты.

Дальше стали попадаться все новые данные о врачах, добившихся успеха во всевозможных немедицинских сферах деятельности, и я заносил их в свой каталог. Первая объемная и хорошо иллюстрированная книга о врачах-труэнтах, которая вышла в Санкт-Петербурге в 2013 году, посвящена врачам, одним из главных жизненных интересов которых стало коллекционирование. Сейчас готовлю второй том о врачах, прославившихся на ниве педагогики, материалы уже собраны.

– Ваша библиотека впечатляет огромным количеством редких изданий. Как Вам удалось собрать столько уникальных книг?

– Во время учебы в институте я зарабатывал себе на жизнь не так, как обычно это делали студенты. Иногда шоферил на грузовой машине в составе «бригады «Хох» (сокращенно от ивритского «хохма» – мудрость), мы возили бутовый камень для колхозов Карельского перешейка. Вторым источником материального благополучия того времени была игра в джазовом оркестре под руководством известного дирижера, прекрасного композитора Ильи Семеновича Жака. Это был известный музыкант, во многом благодаря ему знаменитой стала Клавдия Шульженко, которой он аккомпанировал и писал песни.

Я играл на пианино и на аккордеоне, за три-четыре концерта я получал столько, сколько обычные врачи за полгода труда. Денег хватало на вполне безбедную жизнь, поэтому я имел возможность покупать редкие и довольно дорогие книги.

Среди моих раритетов – уцелевший в единственном экземпляре альбом Н.И. Пирогова, которого я

считаю основоположником всей мировой хирургии, а не только российской. Случилось так, что типография, в которой были отпечатаны сто экземпляров этого издания, сгорела, а именно этот альбом уцелел потому, что находился у цензора. Мой институтский педагог поверить не мог, что я купил такую уникальную книгу в букинистическом магазине на Литейном, специально приходил ко мне в общежитие, брал альбом на проверку. Предполагалось, что погибли все экземпляры...

Мне удалось собрать все прижизненно опубликованные труды Пирогова. Связывался недавно с музеем-усадьбой «Вишня» (Винницкая область, Украина), оказалось, что находящаяся там коллекция работ Николая Ивановича беднее моей. Также в моей библиотеке – уникальные издания с иллюстрациями Гюстава Доре, книги с редкими автографами.

– Среди основных сфер Вашей работы – не только медицина, но и педагогика, Вы подготовили и воспитали несколько поколений врачей-анестезиологов в Карелии. Что сегодня заботит Вас, как педагога?

– Как раз сейчас я подготовил очень важную лекцию о наставничестве и менторстве в медицине критических состояний, опираясь в своих рассуждениях на труды Пирогова. Я считаю Николая Ивановича выдающимся педагогом, многие из его идей актуальны сегодня: «сначала растить людей, а из них уже – специалистов», «не запоминать, а размышлять», «программа и учебник – ориентир, а не догма», «языки и историю – изучать всем», «не делать никаких различий в доступе к образованию, но никого не тянуть за уши».

На научных работах Н.И. Пирогова, его идеях, которые легли в основу создания целой школы, в России защитились десятки и сотни кандидатов и докторов наук, но у него нет ни одного ученика. Ведь наставничество – это не только наука, а призвание.

Моя основная забота сегодня – не просто научить специальности, а по Пирогову, – «делать людей»! Наставничество – это обучение профессиональным знаниям и навыкам, достаточным для самостоятельной работы специалиста. А менторство – постоянное воспитание и совершенствование человека, из которого надо вырастить специалиста. Кстати, немногие помнят, что «Ментор» – имя собственное, так звали учителя Телемаха (сына Одиссея), который всему обучил молодого человека – от стрельбы из лука до управления государством.

Подготовка любого специалиста должна иметь гуманитарную основу. Особенно это касается профессии врача, престиж которой в обществе, к сожалению, в последние годы неуклонно падает. Немногие приходят на медицинский факультет по призванию.

Надо признать, что сегодня ни средняя, ни высшая школа не воспитывают. В нашей стране работает

огромное количество выдающихся профессионалов, но этого мало. Нужно, чтобы они становились менторами. Поэтому каждый на своем месте должен делать все, что в его силах, для передачи собственного опыта и развития человеческого потенциала в учениках, тогда мы сможем хотя бы частично преодолеть существующие системные проблемы.

Ежегодно, начиная с 1964 года, в Петрозаводске на базе нашей кафедры проходят семинары по актуальным проблемам медицины критических состояний, которые уже на третий год существования приобрели статус международных (в последние годы семинар носит название образовательной конференции «Школа Зильбера: Открытый форум»).

Подобные мероприятия в Америке стали проводиться лишь с 1969 года, то есть на 5 лет позже. И вот, уже без малого столетия, традиционно в октябрьские дни, когда отмечается День анестезиолога, к нам съезжаются врачи со всех уголков России, специалисты из разных стран мира, чтобы принять участие в конференции, цель которой остается неизменной много лет – это не наука ради науки, но практическое претворение в жизнь идей человековедения и просвещения, непрерывного медицинского образования и самообразования.

– Расскажите, пожалуйста, трудно ли было начинать работу в области анестезиологии в стране, где никогда не было такой специальности?

– Я приехал в Петрозаводск в качестве хирурга в 1954 году. К тому времени в западной медицинской литературе уже широко освещались проблемы анестезиологии, а в СССР об этом разделе медицины еще ничего не слышали. Я тогда подвиг своего учителя по амбулаторной хирургии Владимира Львовича Ваневского задуматься о том, чтобы начать готовить анестезиологов в Ленинграде. Вскоре были организованы первые курсы по специальности «анестезиология».

В номенклатуре такой специальности не было, поэтому, когда соответствующая бумага-приглашение на курсы поступила в Министерство здравоохранения Карелии, ее, по рекомендации заместителя министра, передали в Министерство культуры, решив, что термин связан с модной в то время борьбой против буржуазной эстетики. С трудом документ разыскали, и в мае-июне 1957 года я прошел одномесячную специализацию в первой группе советских врачей-анестезиологов. Нам тогда преподавали хирурги – специалистов-анестезиологов не было. В результате оказалось, что я, читавший много профессиональной зарубежной литературы, знал больше, чем педагоги. В декабре того же года состоялись повторные курсы. А уже в 1958 году я выступил с докладом на первом Всероссийском съезде хирургов, травматологов и анестезиологов. Я был единственным специалистом-анестезиологом, остальные выступавшие были хирургами.

В то время у тех, кто начинал в области анестезиологии, не было ни медикаментов, ни специального оборудования. Поэтому приходилось применять смекалку, создавая из подручных средств всевозможные медицинские приборы. До сих пор эти удивительные экспонаты хранятся в нашем больничном музее.

В семидесятые годы на одном из международных симпозиумов ко мне подошел заведующий кафедрой анестезиологии Гарвардского университета и спросил по-английски: «Профессор, хотите, я расскажу Вам, как стал анестезиологом?» «Разумеется!» – ответил я. Врач перешел на русский язык и рассказал, как в 1958 году он, будучи студентом четвертого курса Первого ленинградского медицинского института, проходил практику в Кондопожской центральной районной больнице, и как в один из дней для проведения сложной операции из Петрозаводска ждали главного уролога и «какого-то врача-анестезиолога».

Я сразу вспомнил больного, оперировать которого мы тогда были приглашены, и вспомнил тот «хитрый» наркоз – прием искусственной гибернации, погружения в «зимнюю спячку», когда на время у пациента пропадают дыхание и пульс. Уже через пару лет, в своей первой книге, которая вышла в 1961 году, я в пух и прах раскритиковал этот прием и писал о недопустимости его применения на практике, но тогда, в первый год работы в качестве анестезиолога, подобные штучки казались мне невероятной дерзостью. Мое тогдашнее «колдовство» произвело такое впечатление на молодого практиканта, что он решил стать анестезиологом.

Я побывал в Гарварде в статусе приглашенного профессора. Когда я читал первую лекцию, в зале было негде яблоку упасть, студенты сидели даже на ступеньках. Я был очень удивлен такому ажиотажу. Оказывается, учащиеся пришли посмотреть на

«шефа их шефа»: того, кто является наставником их руководителя.

– А пошли ли по Вашим стопам Ваши дети?

– Обе мои дочери стали врачами, живут в Соединенных Штатах. Внук Ден Маршаллик – американский врач-уролог, закончил университет Нью-Джерси, стажировался в Барселоне. Кроме того, он всерьез занимается проблемами гуманитарной культуры, глубоко освоил испанский язык. Сейчас он работает в Вашингтоне, в Джорджтаунском университете ведет курс художественной литературы для врачей, является соавтором серьезных научных сборников. Это второй известный мне врач, кроме меня самого, который занимается гуманитарным образованием коллег. Очень горжусь тем, что внук пошел по моим стопам именно в этом вопросе.

– Каждый день в четыре часа утра Вы уже на работе. Откуда черпаете силы?

– Это просто давняя привычка, биоритмы перестроились. За стеной моего кабинета – отделение интенсивной терапии, анестезии и реанимации. Мы принимаем самых тяжелых больных. Четыре утра – пересменка для медсестер и врачей, опасное время для тех, кто пребывает в критических состояниях. Поначалу меня практически каждый день вызывали в больницу именно в это время – несколько лет я же вообще был единственным анестезиологом в республике. Приезжать сюда, а потом ехать домой на пару часов, чтобы снова вернуться, никакого смысла не было. Так что я оставался на рабочем месте – анализировал карты больных, знакомился с интересующей меня литературой. Я могу сказать, что все мои статьи, книги, диссертационные сочинения почти полностью подготовлены мною как раз в эти ранние часы.

Марк Буркин: «Друзья и помощь людям – лучшее противоядие от депрессии»

В наше суетное время беседа с интеллигентным, мудрым и обаятельным человеком – большая редкость и радость. Серьезные, поучительные, веселые и не очень истории из жизни профессора Марка Михайловича Буркина, доктора медицинских наук, заведующего курсом психиатрии Петрозаводского государственного университета, члена-корреспондента Российской академии медико-технических наук, можно слушать часами.

Врач-психиатр высшей категории, М.М. Буркин из тех, кто с одинаковым вниманием и уважением относится ко всем пациентам, стремится услышать и понять человеческую душу, исцелить ее боль. В свое время творческий подход врача к лечению шизофрении и адаптации больных к трудовой и общественной жизни одобряли далеко не все коллеги, но Марку Михайловичу – одному из пионеров в этой области медицины – удалось добиться действительно значимых результатов, которые изложены в десятках на-

учных статей, опубликованных в разных странах мира.

О том, как помочь человеку сохранить душевное здоровье, что может являться стержнем, удерживающим его от попадания под влияние чуждых ценностей и стереотипов, а также о роли еврейского самосознания в жизни и врачебной практике мы побеседовали с профессором М.М. Буркиным в его рабочем кабинете.

– Марк Михайлович, расскажите, пожалуйста, о своей семье. Откуда Ваши корни?

– Вся история нашего рода – совершенно еврейская. Мама родом из города Романов Житомирской области, папа – из Бердичева, а познакомились родители в Одессе, куда обе семьи переехали. Мамины родные считались вполне обеспеченными – держали постоянный двор и аптеку. Известно, что у меня была совершенно удивительная бабушка Мириам (ее девичья фамилия – Шварцер), необыкновенно мудрая. Несмотря на ее юный возраст, к ней часто приходили советоваться люди. Она, к сожалению, рано умерла от столбняка, я не был с ней знаком, но в ее честь названа моя внучка. Фамилия дедушки Абрама Ароновича – Нудельман, он развивал семейное аптечное дело сначала в Романове, потом в Одессе.

Дедушка по линии отца занимался кожевным ремеслом, всю жизнь шил перчатки. Его жена Евгения Иосифовна была замечательной, очень теплой и ласковой, настоящей еврейской бабушкой, растила сначала детей, потом внуков. Вспоминаю ее с большой нежностью.

Папа Михаил Исаакович (дома – Моня) – человек веселый, артистичный поступил во ВГИК и даже год там отучился, но потом понял, что совершил неправильный выбор профессии. Вернулся в Одессу, стал успешным инженером, работал на руководящей должности, много бывал в командировках. Мама родилась в знаковую дату – 7 ноября 1917, что, наверно, повлияло на всю ее жизнь. Она окончила Одесский институт связи, по распределению приехала в Орел, быстро сделала там карьеру – стала начальником местной телефонной станции, всегда проявляла себя как активный, неравнодушный человек.

– Какими для Вашей семьи стали военные годы?

– Как только началась война, маму и папу призвали на фронт. Меня отправили в детский дом в Пензенскую область. Забрали назад только после освобождения Орла. Я смутно помню это время: когда началась война, мне исполнилось два года. По рассказам взрослых, я вернулся страшно изголодавшимся, все время просил есть. Военное время изменило характер родителей, семейная жизнь дала трещину, они вскоре расстались. Мама была человеком сильным и решительным, очень правильным, честным, не склонным к компромиссам в ключевых вопросах. Именно ее пример оказался очень важным для моей жизни.

– Ваша мама работала сначала в Орле, потом возглавляла телефонную станцию в Петрозаводске. Как к ней относились коллеги?

– Мама интересовалась жизнью всех сотрудников, занималась делами каждого человека в коллективе, знала, у кого какие проблемы, кому и чем нужно помочь. Женщины приходили к ней просто поговорить,

спросить совета. Связисты получали немного, но отличались дружной, взаимовыручкой. При необходимости, мама могла обратиться в больницу к ведущим специалистам с просьбой проконсультировать ее сотрудников и, как правило, ей не отказывали. В детстве я частенько проводил время на телефонной станции, меня там все знали. Будете смеяться: лет пятнадцать назад я решил поехать в Орел, побродить по знакомым местам. На улице обратился к женщине с просьбой помочь среди современной застройки найти дом, где жила наша семья... Дама сразу меня опознала как «Марика, сына начальника телефонной станции», поскольку прежде там работала, сказала мне много замечательных слов о маме, поведала о моих детских шалостях и проказах. В Орле маму до сих пор помнят добром. Авторитет среди сотрудниц у нее был непререкаемый.

– Как Вы поняли, что медицина – Ваше призвание?

– Ну, вообще-то в десятом классе я мечтал об Институте международных отношений, хорошо учился, был очень деятельным парнем, комсомольским вожаком. Очень любил литературу, у меня преподавал блистательный педагог Александр Васильевич Фокин, по слухам – бывший «троцкист». Он сформировал у учеников интерес к чтению, хороший литературный вкус. Мне особенно нравилось читать произведения Фейхтвангера, я неплохо писал сочинения. Учитель полагал, что мне нужно поступать на факультет журналистики.

Мама объяснила, что шансов пройти в ИМО у меня нет, поэтому выбрали более реальное направление – медицину, тем более, что врачей в нашем роду немало. Я поступил в Первый Ленинградский медицинский институт имени академика И.П. Павлова. В вузе продолжал работать в студенческой многотиражной газете, писал статьи.

Мама передала мне очень важное для профессии качество – способность к эмпатии, проникновению в человеческую душу. Психиатрию как основное направление врачебной деятельности я выбрал на третьем курсе. У профессора П.И. Буля успешно занимался гипнозом, начал выступать с лекциями, демонстрировал опыты. Большое влияние на мое становление как психиатра оказал доцент кафедры психиатрии Первого Ленинградского медицинского института С.И. Коган, блестящий профессионал, он по-настоящему нас учил, с любовью передавал опыт. Впоследствии он приезжал в Петрозаводск из Ленинграда, консультировал местных психиатров.

– Соблюдались ли в Вашей семье еврейские традиции?

– Родители жили вполне светской жизнью, причем мама была членом партии, вела себя всегда с большой осторожностью. Оба говорили на идиш, но только когда мы приезжали к родственникам в Одессу, меня языку не обучали, в синагогу не водили. В семье разгово-

ры на национальные темы не приветствовались. Хотя дом у нас был очень открытым, постоянно приходили многочисленные еврейские друзья. Мама прекрасно готовила блюда национальной кухни: кисло-сладкое жаркое, фаршированную рыбу... Так что традиции передавались таким ненавязчивым способом.

Пока я учился в школе, самосознание у меня было вполне советское, хотя я понимал, что я еврей, помнил о своей идентичности, а когда забывал – тут же напоминали. В школе порой бывали неприятные моменты, но это исходило даже не от детей, а от взрослых – как эхо «дела врачей» и прочих антисемитских акций. Но серьезного преследования никогда не возникало.

Моя еврейская вовлеченность усилилась, когда я поступил в институт в Ленинград. Там компания друзей-студентов оказалась исключительно еврейской, вместе осваивали традиции, ходили в синагогу, танцевали. Душа там пела – объяснить это трудно, возможно, сработала генетическая память. С огромной благодарностью вспоминаю дом кантора синагоги Давида Стискина, с дочерью которого я дружил. Там я и мои сокурсники впервые познакомились с еврейскими праздниками, обрядами, национальной музыкой. В этом изумительном доме нас всегда тепло встречали, угощали, просвещали, образовывали. Это очень повлияло на формирование моего еврейского самосознания, которое окончательно сложилось уже в зрелые годы.

– Доводилось ли Вам бывать в Израиле? Как Вы себя там чувствуете?

– Бывал там раз шесть, и у родных, и у друзей по институту. Многие врачи с нашего курса переехали в Израиль, подтвердили дипломы, успешно практиковали. Могу сказать одно: чувствую себя там превосходно.

Для меня очень важно все, что происходит с родными и близкими и в России, и в Израиле. Израиль – как очаг, он очень много дает всем нам – и это не пустые слова. Конечно, жизнь там очень трудная, проблем немало, многие я знаю изнутри. Но как важно, что Израиль – есть, причем не только для евреев, но для всех жителей Земли.

– Как складывался Ваш профессиональный путь после окончания Ленинградского медицинского института?

– Я с радостью вернулся в Петрозаводск и начал заниматься медицинской практикой. Заведовал отделением в психиатрической больнице, организовал психотерапевтический и наркологический кабинеты. Позднее перешел на кафедру психиатрии открывшегося медицинского факультета университета, где работал под руководством прекрасного профессионала и замечательного человека Юлии Лукиничны Сологуб. Занялся научной работой, защитил кандидат-

скую, а затем и докторскую диссертации по клинико-социальным аспектам шизофрении. Меня всегда волновало, как научиться эффективно адаптировать больных, помочь им вернуться к нормальной социальной и трудовой жизни, потому что люди, перенесшие тяжелое психическое заболевание, могут чувствовать, что оно безвозвратно изменило их жизнь, и они не способны стать такими, какими были до болезни. И перед специалистами стоят важные проблемы, связанные с изучением характера приспособления больного в окружающем мире. Наш коллектив стоял у истоков освоения этой темы.

Психиатрические исследования проходили тогда в условиях закрытого учреждения, фактически в изоляции больного от окружающего мира. Я был очень увлечен темой создания новой среды для адаптации больных на базе открытого отделения больницы. Главный врач Ирина Антоновна Мойзе, дочь одного из родоначальников карельской психиатрии А.М. Мойзе, была прогрессивным врачом и руководителем, с интересом относилась к нашим исследованиям, всячески их поддерживала. В тот период, в связи с появлением новых методов исследования мозга, все больше заговорили о том, что все психические процессы имеют биологическую основу.

Важно отметить и другое: больные шизофренией зачастую испытывают серьезные затруднения в отношениях с другими людьми, и, в первую очередь – с близкими, особенно, когда нужно учитывать позицию другого человека. Они плохо понимают эмоции и настроение окружающих, не воспринимают намеков, намерений, иронии, что зачастую ведет к семейным конфликтам (тем более что и у родственников больных тоже есть похожие проблемы). Подготовку к гармоничному существованию в социуме нужно было начинать уже в стационаре. Идея заключалась в изменении лечебной обстановки, приближении ее к домашней, использовании новых методов восстановительного лечения. Важно уже в больнице помочь пациенту вернуться к обычной жизни.

В обществе еще очень сильны стереотипы, которые мешают больному успешно адаптироваться. Только с помощью лекарств улучшить социализацию человека невозможно, хотя возможности для выбора медикаментов на сегодняшний день очень широки. Но помимо психофармакологии, важно уделять внимание социальному методу: на базе отделения мы старались моделировать общественные ситуации, отношения. Больные занимались лечебным трудом, осваивали навыки общения. Мы вместе с сотрудниками и больными ходили в походы, устраивали спортивные соревнования, театрализованные представления, рисовали и т.п. В нашей работе использовались различные приемы, в том числе – система Станиславского.

Серьезная проблема, с которой я столкнулся в работе, – персонал. Очень добрые, отзывчивые люди, они не совсем правильно понимали стоящие перед

нами задачи, не становились в полной мере моими соратниками. Нередко возникала проблема «патернализма» – с пациентами обращались как с малыми и неразумными детьми. Начали с того, что провели работу с сотрудниками – стремились поднять уровень их профессиональной подготовки, расширить кругозор. Как у психотерапевта у меня были хорошие связи в артистической, музыкальной среде, и я частенько привлекал друзей из творческих кругов к моей работе. Например, народная артистка РСФСР и КАССР Людмила Филипповна Живых со своими коллегами приходила к нам, выступала перед сотрудниками и пациентами. Проводились беседы, вечера поэзии, музыки, живописи. Многие из них организовывали мои бывшие пациенты. Такая работа имела непосредственное значение для повышения эффективности процесса излечения больных и их последующей адаптации.

– Кто в современном обществе, на Ваш взгляд, наиболее подвержен психическим расстройствам?

– Как бы мы ни ругали современную медицину, за последние десятилетия она серьезно продвинулась вперед, люди стали жить гораздо дольше, что, увы, привело к появлению новых заболеваний. Например, число старческих психозов в разы увеличилось, поскольку выросла продолжительность жизни. Поэтому сейчас в этом направлении перед нами стоят совершенно новые задачи, мы активно занимаемся геронтопсихиатрией, сосудистыми расстройствами головного мозга, возрастной деменцией.

Что касается шизофрении и других серьезных заболеваний (эпилепсия, МДП и др.), то уровень заболеваемости ими относительно стабилен: примерно 1-2% населения в любом обществе страдает этими недугами.

Я вижу очень серьезную тенденцию в повышении числа лиц, подверженных депрессии. По прогнозам, к 2020 году по масштабу именно депрессия выйдет на второе место после сердечно-сосудистых заболеваний. Вообще в основе любого психического расстройства могут быть самые разные причины: наследственность, влияние окружающей среды, экологическая ситуация, неврологические расстройства. Следует понимать, что если в роду человека были отклонения, связанные с болезнью головного мозга, то, как бы они ни назывались, это означает его повышенную уязвимость и может быть причиной болезненной реакции на всякого рода жизненные трудности. Именно влияние нескольких сочетающихся между собой факторов способно спровоцировать начало болезни.

Большую роль играет система ценностей: модель с акцентом на физическое и материальное превосходство, которая культивируется сегодня, не для всех приемлема. У Мэлора Стуруа в очерке «Туманы Британии» мне запомнился такой образ: человек стоит на площади в Лондоне, вокруг проплывают толпы

людей, а в его глазах читается: «Ну, хоть кто-нибудь, остановитесь! Пожалуйста, поговорите со мной». Но все погружены в собственные проблемы, проходят мимо... Это образ современного человека. В мире исчезают человеческие отношения, понимание того, что не все можно конвертировать в деньги. В обществе присутствует напряженность, неуверенность в завтрашнем дне. Усугубляют эту тенденцию такие варианты саморазрушающего поведения, как алкоголь, наркомания и курение.

– Каково, на Ваш взгляд, противоядие от депрессии?

– Трудно давать рекомендации общего характера, поскольку каждый больной требует индивидуально-го подхода. Я вижу системное решение для этой проблемы в воспитании личности с младых ногтей, изменении существующих неправильных стереотипов, формировании системы здоровых ценностей.

Живите сегодня. Прошедшие беды бессильны, забудьте обиды, не вспоминайте о том, чего уже не вернуть. Не стоит пугать себя фантомами грядущих бед. Занимайтесь спортом. Наблюдения показывают, что склонные к депрессии люди лучше себя чувствуют, если регулярно занимаются физическими упражнениями на воздухе, бегают, плавают.

У человека обязательно должны быть друзья. В. Маяковский писал: «Плохо человеку, когда он один, горе одному, один не воин». Старайтесь не оставаться в одиночестве. Не принимайте серьезных решений, не обсудив проблему с близкими друзьями или родственниками. Очень важным считаю основанные на традиции, осознании национальной идентичности встречи в рамках еврейской общины, участие в общественной жизни, – это очень помогает в трудные минуты, объединяет.

Полагаю, что Петрозаводская еврейская община делает немало добрых дел для своих членов, как и Благотворительный фонд «Хесед Агамим». Очень полезно заниматься благотворительностью, оказывать адресную посильную помощь тем, кому она необходима, а потом видеть результаты. Многие элементы благотворительной работы в области оказания помощи престарелым и малоимущим людям, которая была изначально профессионально поставлена в «Хесед Агамим», сегодня используют и государственные социальные службы Карелии. Такого рода деятельность, направленная на благо других, тоже является мощным противоядием от депрессии.

Еврейская мудрость гласит – мир стоит на трех вещах: на Торе, на служении и на милосердии. И один из способов поддержать гармонию нашего мира и сохранить себя, свой внутренний мир – помочь тем, кто в этой помощи нуждается, ибо одно доброе дело – лучше тысячи слов.

Рудольф Мельцер: «Чувствовать чужую боль»

Рудольф Ионтелевич Мельцер – известный врач-травматолог, профессор, доктор медицинских наук, пользуется заслуженным уважением благодарных пациентов, коллег по медицинскому делу, а также педагогов, многочисленных студентов и выпускников Петрозаводского университета. Стаж его профессиональной деятельности в больнице скорой медицинской помощи столицы Карелии – почти пятьдесят лет, которые вместили в себя много боли и радости, работы над собой, совершенствования в профессии, открытий, изобретений, вдохновения...

В возрасте 76 лет Рудольф Ионтелевич продолжает трудиться в травматологическом отделении больницы, возглавляя курс травматологии Петрозаводского государственного университета, с удовольствием делится с подрастающим поколением медиков накопленным опытом, занимается наукой. И при этом ему удается не терять чувства юмора в любых ситуациях! В сжатом до предела жизненном графике заслуженного врача Республики Карелия находится место для семьи, чтения, любимой кошки Каси, литературного творчества, сотрудничества с Петрозаводской городской еврейской общиной. О медицинских буднях, духовном становлении, главных ценностях и увлечениях мы поговорили с доктором Р.И. Мельцером в редкие свободные часы между самыми разнообразными занятиями, наполняющими его жизнь.

– Рудольф Ионтелевич, расскажите, пожалуйста, Вашу семейную историю. Откуда Ваши корни?

– Мой отец Ионтель Давидович Мельцер был морским офицером, капитаном I ранга. Прошел войну, вернулся живым, награжден орденами и медалями. Он дослужился до солидных высот: командовал сначала минно-торпедной частью Краснознаменной Амурской флотилии, потом возглавил минно-торпедный отдел Балтийского флота. Его особенность – необычайная доброта, не очень понимаю до сих пор, как она совмещалась с военной службой. Дома он нас с братом пальцем не трогал, в сложных ситуациях с нами всегда «разбиралась» мама. Отец вообще не употреблял алкоголь, и я унаследовал эту традицию.

Родом Ионтель Давидович из Чернобыльских мест, с Припяти. Мой дед был ветеринаром-самоучкой, успешно практиковал, так что в некотором роде я продолжатель врачебной семейной династии. Бабушку звали Пэрэле. Отец родился восьмым, всего в большой семье было одиннадцать детей. Он учился в еврейской школе, прекрасно знал идиш, закончил рабфак, потом Военно-морское училище имени М.В. Фрунзе.

В июне, перед началом войны, многочисленные отцовские родственники с детьми съехались к бабушке и деду, чтобы вместе провести лето, покататься в теплых водах Припяти, отдохнуть. Меня не привезли, поскольку я еще был маленьким – родился в 1938 году. Это меня спасло: большая часть семьи, все, кто не были на войне, навсегда остались в близлежащем рву – их расстреляли. В деревне жили люди раз-

ных национальностей, но, как известно, различия обычно проявляются на переломных этапах. Некоторые из односельчан не только равнодушно глазели, как гнали на расстрел их еврейских соседей, но даже выставляли патефоны на окна и включали музыку. После войны мы с отцом побывали в тех местах, десятилетним мальчиком я впервые услышал страшный и правдивый рассказ о Холокосте, который повлиял на всю мою дальнейшую жизнь. Отец похоронен на еврейском кладбище в Ленинграде.

Моя мама Роза – красавица, умница, родом из Полтавы, она тоже говорила на идиш. Дед по ее линии, Мендель, был сапожником. Мама выучилась на печатницу, в молодости работала в типографии, потом всю себя посвятила воспитанию детей. Она великолепно, очень чисто и грамотно говорила по-русски, привила мне с детства любовь к языку. Идиша я не знаю, кроме ругательств, которые похожи скорее на ласковые слова на фоне русского мата и проклятий. Когда приезжал отдыхать в Одессу и слышал идиш, он звучал для меня как музыка.

У меня было по-настоящему счастливое, солнечное детство. Нас с братом все любили, нам помогали. Даже во время войны я не голодал, всегда имел условия для учебы и нормального проживания. Родителей вспоминаю только добром.

– А основам еврейских традиций Вас в семье обучали?

– В нашей семье еврейских традиций не соблюдали. Меня назвали Рудольфом, поскольку в год моего рождения советские вожди держали курс на сближение с Германией. Отец был коммунистом, служил в штабе флота, кажется, кроме него там в то время работал еще только один еврей.

Несмотря на то, что отец тоже был пропитан тогдашней идеологией, во время нашей жизни под Хабаровском, у нас в коридоре всегда стоял фибровый чемоданчик с консервами и теплыми вещами на случай, если вдруг за отцом «придут». Любые разговоры на национальные темы не приветствовались, с детьми религиозные традиции не обсуждались. Сейчас, задним умом я, конечно, понимаю, что надо было больше самому расспрашивать, узнавать, но увы... У меня очевидный недостаток еврейского образования,

большинство из того, что я знаю, почерпнул, самостоятельно изучая историю, читая книги. С традициями нашего народа всерьез знакомился уже в зрелые годы, в петрозаводском «Хеседе».

Атеистом я себя не считаю, но стою на позициях Единого Бога. Полагаю, что и вера у людей должна быть одна – в Добро. «Не делай другому того, чтобы ты не хотел, чтобы сделали тебе», – на мой взгляд, это главное.

– Вы, несмотря на все сложности советского времени, не сменили еврейскую фамилию и отчество на более привычные для российского уха. Трудно ли Вам жилось с ними?

– В военное время с антисемитизмом мы напрямую не сталкивались, тогда все люди считались «братьями и сестрами», а вот с 1946 года гайки снова стали закручивать. В третьем классе ленинградской школы, где я учился после нашего переезда, мне уже доходчиво объяснили все про нашу национальность. Именно за год учебы в Ленинграде я получил образование по «пятой графе» на всю оставшуюся жизнь. Поэтому никаких сомнений, колебаний, желания поменять отчество или фамилию у меня не возникало. Я никогда никем не прикидывался, не лукавил, хотя внешность позволяла.

Антисемитизм – это как пропитка коржей. Даже если люди сами не разделяют таких взглядов, они живут в обществе, где подобные идеи витают, дышат отравленным воздухом, – яд все равно проникает в организм.

Если впоследствии при мне о евреях начинали говорить гадости, я непременно вмешивался – у каждого человека обязательно должно присутствовать самоуважение. К концу школы я прекрасно знал: тем, кто нас ненавидит, – имя легион, тратить на каждого морального урода отдельно не хватит жизни. Поэтому при знакомстве с самого начала, чтобы не возникало двусмысленностей, старался отчетливо дать понять, кто я такой. Необходимости нравиться всем никогда не испытывал. А тратить время на выяснение национальных вопросов не желал – хотелось заниматься учебой и профессией.

– Вы бывали в Израиле? Что Вас больше всего впечатлило?

– Впечатление от Израиля у меня оглушающее! Трудно даже поверить, что иерусалимским камням, деревьям – несколько тысяч лет. У меня беспредельное уважение к израильтянам. Однажды, на заре становления Государства Израиль, туда приехал Уинстон Черчилль, посмотрел на пустыни и пески и сказал, что здесь никогда ничего не будет. Время показало, насколько он был не прав. Встречая на улицах ультрарелигиозных евреев в лапсердаках и меховых шапках, я понимал, что только благодаря таким чу-

дакам и безумцам мы не растворились, сохранились как этнос в кислотной среде, в которую оказались погружены.

– Кого Вы считаете Учителями?

– В первую очередь расскажу о Зоте Кирьяновиче Башурове, моем ленинградском наставнике, которого вспоминаю с огромной благодарностью. Это блестящий врач, травматолог высочайшей квалификации, очень образованный человек. Два года, пока я учился у него в отделении восстановительной травматологии ЛНИИТО, никогда не забудутся, я с жадностью перенимал опыт и знания Башурова. Зот Кирьянович обладал фантастической памятью, помнил каждого студента. Его корни – из родных мест М.В. Ломоносова, Зот Кирьянович – тоже помор, просветитель. Достопримечательности Ленинграда он знал лучше многих историков, с его легкой руки у меня возникла тяга к исследованию родного города.

После приезда в Карелию я познакомился с Исааком Соломоновичем Консоном, в прошлом – военным врачом, практиком, знатоком военно-полевой хирургии, специалистом по оказанию помощи при катастрофах. Вместе с другими докторами мы участвовали в ликвидации аварий, помогали ему при чрезвычайных происшествиях. От Исаака Соломоновича – многие бесценные навыки, которые в дальнейшем очень пригодились мне в работе. Именно он пригласил меня работать на кафедру хирургии в университет, и я начал преподавать.

Были и другие фигуры, которые существенно повлияли на мою судьбу и профессиональное становление. Один из лучших карельских урологов, врач Валентин Львович Дробнер, за которым я пристально наблюдал, – сразу заинтересовал меня как личность нестандартная. Во время войны он провел несколько лет в гетто, жизнь его простой не назовешь. Много лет В.Л. Дробнер работал по профессии в Петрозаводске, а сейчас живет в Торонто, пишет книги.

Надолго врезался в память эпизод, как однажды на Ученом совете медицинского факультета обсуждалось дело студента, который что-то украл. Все участники единогласно проголосовали за его исключение, только Дробнер воздержался. Позже он пояснил, что в главной Книге написано: «Не судите – и не судимы будете». Студента исключили на год, после чего он вернулся к учебе, окончил университет, а впоследствии стал хорошим хирургом, который пользуется большим авторитетом у коллег, а это, как известно, – настоящий знак профессионального качества.

Хочется вспомнить добрым словом Капитолину Григорьевну Готовцеву, заведующую хирургическим отделением в Республиканской больнице, главного хирурга Карелии, замечательного человека и врача. Когда я начинал профессиональный путь в Пряже, она, понимая, что у меня еще недостаточно опыта, предложила приехать ко мне в поселок и проопери-

ровать больных вместе. Как будто у нее мало другой работы! Конечно, это был подарок для меня: я таких операций никогда не видел, только в книгах о них читал. Она действительно приехала, показала все нюансы, даже проассистировала мне. Такой поступок не входил в ее рабочие обязанности, это была помощь коллеги, она подставила мне крепкое профессиональное плечо.

К счастью, замечательная Капитолина Григорьевна и сейчас щедро делится с нами опытом, мы встречаемся с ней, беседуем. Всякий раз вспоминаю, как она меня выручила своим приездом. В другой раз она обнаружила у моей малолетней пациентки заболевание, которого я, в силу недостаточности опыта, даже не заподозрил, деликатно показала мне, как правильно действовать в подобной ситуации. Я, хирургический недоросль, чувствовал себя неважно... При этом не последовало никакого пинка, нотаций, урок она преподавала блестяще, тонко, интеллигентно.

Отдельное слово – об Анатолии Петровиче Зильбере. Он – настоящая глыба, думаю, если бы познакомился с ним пораньше, стал бы анестезиологом, а не травматологом. Доктор Зильбер – блестящий профессионал, его невозможно послушаться. Даже в Первом Ленинградском медицинском институте ни один профессор на его уровне не читал нам лекции. Для петрозаводских студентов его преподавание – необыкновенный дар.

– Как Вы выбрали профессию?

– Мой отец мечтал, чтобы я продолжил военную династию: один из моих дедов проливал кровь еще при защите Порт-Артура в 1904-1905 годах. Сам я собирался стать летчиком. Но, к сожалению, меня подвела леворукость, я ее пытался скрыть, но не прошел одно из испытаний. Оперировать, кстати, левой рукой, а вот пишу правой: с детства меня приучила к этому учительница, когда стояла в классе над душой с деревянным портновским метром в руке. Пару раз она ударяла им по столу, демонстрируя, что будет дальше. Мой почерк – настоящий врачебный – ужасный...

Через военкомат меня пытались определить вне конкурса на учебу в Военно-медицинскую академию. Но через десять дней документы вернулись с невнятной формулировкой о том, что военкомат опоздал с их подачей. Это случилось еще до начала вступительных экзаменов! Всем стало понятно, что произошло. Мне было семнадцать лет, конечно, я переживал. Только потом, когда уже довелось послужить на подводной лодке, я понял, насколько я благодарен тем, кто не принял меня в академию. Все сложилось к лучшему.

Тогда я переосмыслил то, что рассказывал мне дядя Израиль Яковлевич, закончивший вместе с отцом Военно-морское училище имени М.В. Фрунзе. Он в конце 30-х гг. был посажен по доносу, участвовал в работах на БАМе, который начали строить еще

до войны. Там полегло немало людей... Потом Израиль Яковлевич многократно писал бумаги с просьбой отправить его на фронт, добился положительного решения, храбро воевал в штрафбате, получил тяжелое ранение, был награжден двумя орденами Красной Звезды и переведен в обычную часть. Несмотря на реабилитацию уже после победы, в Ленинграде на работу по специальности он устроиться так и не смог, поэтому уехал в Мурманск, где работал капитаном, двадцать лет водил корабли на Чукотку и обратно. Именно дядя, реалист и откровенный человек, открыл мне глаза на происходящее вокруг, рассказал кое-что о судьбе еврейского народа. Ему я мог задавать вопросы на любые темы. Так вот, Израиль Яковлевич порекомендовал мне идти учиться на врача: если даже посадят, будет легче выживать. Я, конечно, мыслил еще другими категориями, однако, вопрос, почему я решил стать врачом, до сих пор для меня открыт. Пятьдесят пять лет я думаю, не ошибся ли я в своем выборе.

На самом деле, вариантов было не так много, как кажется, несмотря на прекрасные оценки в аттестате. Я надеялся на серебряную медаль, однако, в этом же году оканчивал школу еще один еврей. Сразу двум представителям нашей национальности медали дать не могли, так что мне поставили «три» на сочинении, притом, что у меня даже «четверок» никогда не было ни по русскому языку, ни по литературе. Более того, я писал сочинения даже в стихах! Преподавательница литературы очень хорошо ко мне относилась, видя любовь к своему предмету... Несkolько меньше я любил математику, прекрасно осознавал, что я – не Ньютон. Хотя и по этому предмету имел отличные оценки. Поэтому окончательный выбор, сделал в пользу медицины.

Я учился в Первом Ленинградском медицинском институте, до сих пор с гордостью об этом рассказываю. Вуз опередил свое время, на каждом курсе там давалось информации столько, сколько за три года в обычном высшем учебном заведении. Работал потом с удовольствием и на совесть. На враче лежит колоссальная ответственность. Знаете заповедь «не навреди»? Я всегда помнил об этом.

– Как Вы полагаете, с высоты лет и опыта, врачебное дело – это призвание или нет?

– Думаю, бывает по-разному. Существуют «генетические» врачи, которые сразу не видят себя ни в какой другой специальности, это главное, для чего они родились. Другие выросли в семьях медиков, видели «благий пример», что и повлияло на выбор профессии. Третьи – благодарные пациенты, которые пережили опыт, определивший их желание прийти в медицину. К этой группе я отнес бы и себя. Четвертые могли бы работать и в других местах, но приняли сознательное решение посвятить себя врачеванию... Особенно это характерно для евреев, которые на протяжении истории привыкли вести себя разумно и практич-

но. Я также руководствовался при выборе специальности чисто прагматическими соображениями.

– Какими качествами, на Ваш взгляд, должен обладать человек, чтобы стать настоящим врачом?

– Врач не может состояться без доброты и умения сопереживать. Если человек не чувствует чужой боли, в профессии он случайный гость, лучше ему поскорее податься в другие места. На мой взгляд, настоящий доктор также не состоит, если он слишком хорошо о себе думает и у него не возникает сомнений в собственных знаниях. Нужно всегда оставлять пространство для погрешности, не стесняться вовремя проконсультироваться с коллегой, заглянуть в книгу. Свое первое кесарево сечение я проводил в деревне. Когда делал операцию, положил рядом на табуретку открытый учебник, который перед этим к тому же практически вызубрил. Слава Богу, заглядывать мне в него не понадобилось.

Врача должно пронизывать чувство ответственности. Он как священник: человек может при нем раздеваться и ни о чем не беспокоиться. Так что ответственность двойная: за себя и за того, кто тебе доверился, он рискует всем, что у него есть, в первую очередь – жизнью.

Помимо этого, уверен, что для медицинской работы требуется определенный характер, навык принятия самостоятельных решений. Значительную часть пути врач проходит без страховки, а обстоятельства складываются по-разному. Доктор должен чувствовать себя незавершенным объектом, быть похожим на здание, которое постоянно достраивают. Необходимо все время учиться, совершенствоваться, особенно сегодня, когда прогресс достиг небывалых скоростей.

Труд врача очень тяжел, оплата весьма невысокая, так что вначале многие молодые люди, выбирающие эту профессию, не отдадут себе отчета в грядущих трудностях. В моей биографии было время, когда, чтобы свести концы с концами, я вынужденно брался за любую работу. В частности, приходилось подрабатывать в тюремной медсанчасти. Не жалею об этом: для любого человека важно все понимать, видеть своими глазами, чтобы по-настоящему ценить жизнь, свободу. У меня в жизни был самый разный опыт, который позволил лучше узнать людей и этот мир, прийти к пониманию важных вещей. Я никогда не смог бы жить в другой стране, поскольку люблю русский язык, существую в его пространстве, не мыслю нахождения в другой среде.

В работе врача затрачивается колоссальное количество физических и моральных сил. Если сложить все ночные дежурства в больнице, получится, что на них я провел целых пять лет. Не всякий на такое согласится. Так что периодически у медиков происходит «разрядка аккумулятора», необходимо некоторое время побыть наедине с собой, помолчать.

Лет через десять после начала профессиональной практики я понял, что мне очень не хватает толстокожести, я все очень близко принимал к сердцу. С детьми я совершенно не могу работать, мне тяжело видеть их страдания.

– Что для Вас является главным достижением в профессии?

– В жизни порой происходят страшные, непредсказуемые вещи. Однажды летним вечером 8 июля 1990 года мы узнали, что на железнодорожном переезде в 14 километрах от Петрозаводска поезд столкнулся с переполненным автобусом, который вез в город дачников. Было много жертв – в катастрофе погибли 35 человек. Я руководил оказанием помощи пострадавшим, которых довели живыми в БСМП, и из них умерла только одна женщина. Считаю, что за четыре жутких часа после аварии я отработал всю зарплату, которую мне платило государство.

Когда ближе к полуночи у нас появился первый начальник, заместитель министра здравоохранения Ю.В. Скрипников, он удивился, что приемный покой и коридоры больницы пусты. «Где все?» – спросил он. Это был как раз тот случай, когда хотелось ответить по-еврейски, но я объяснил, что больные уже размещены: кого-то оперируют, кто-то уже на вытяжении, проходит восстановительную терапию, часть пострадавших отправили в другие медицинские учреждения – в беде помогли все... Я справился, потому что Исаак Соломонович Консон, один из моих учителей, подготовил меня, как и других врачей отделения, к такого рода ситуациям, научил быстрому и правильному реагированию, принципам организации работы в чрезвычайных обстоятельствах.

– Я знаю, что Вас привлекала литература, Вы сами пробовали писать стихи. Что для Вас творчество?

– Могу про себя сказать, что я – книжный алкоголик, с детства читаю запоем. Неудивительно, мы же – Народ Книги. Как многие, в подростковом возрасте я писал лирические стихи, потом «окислился» и перешел к ироническим. Работа у врача очень нервная, как мы с вами уже обсуждали, поэтому обязательно требуется отдушина, нужно снимать стресс. Писать нравится, это развлекает. У меня вышли две книжечки, которые пользовались широкой популярностью в узких кругах. «На публику» практически не читаю, никогда этого не делаю на работе, в университете, только среди близких друзей, в хорошо знакомых компаниях.

– Что еще помогает снять стресс, восстановиться?

– Важную роль в моей жизни играет семья, дети, внуки, недавно родилась правнучка. С супругой Татьяной Николаевной (она доктор-инфекционист) мы

вместе пятьдесят три года. Жена у меня русская, так что я – настоящий интернационалист, ценю людей по внутренним качествам, а не по национальности. Негодяи есть в любом народе. Мы с супругой не пытаемся переделать друг друга: считаю, жить надо с тем

человеком, которого выбрал, а не делать из него то, что нравится. Еще помогает восстановлению кошка Кася. Мы все живем очень дружно.

Савелий Хенкин: «Врач – прежде всего хороший человек»

Заслуженный врач РСФСР и КАССР Савелий Хонанович Хенкин – один из самых почтенных и уважаемых докторов в Петрозаводске. Ветеран Великой Отечественной войны, он на себе испытал все ужасы передовой, был сильно контужен, но снова вернулся на фронт. Судьба точно хранила его, оберегала в самые тяжелые моменты жизни. Савелий Хонанович награжден орденом Отечественной войны II степени, медалями.

При участии доктора Хенкина почти шестьдесят лет назад с нуля создавалось отделение урологии в Республиканской больнице Карелии, которое Савелий Хонанович возглавлял более тридцати лет. На базе отделения внедрялись новые методы врачебной практики, происходил набор и обучение кадров, велась научная деятельность, создавались традиции. По словам дочерей, основную часть жизни отца составляла работа, для него не существовало ни выходных, ни праздников. Вечерами он читал, готовился к операциям – беспокоить родителя запрещалось, днем пропадал в больнице. Доктор Хенкин всегда был готов откликнуться на любой вызов, просьбу о помощи днем и ночью. Периодически домой приходили пациенты, которых выписывали из отделения, с просьбой оплатить проезд, поскольку у них не хватало денег на билеты. И врач с широкой душой старался помочь всем...

Помимо этого Савелий Хонанович активно участвовал в еврейской жизни, еще в советское время встречался с единомышленниками для субботних молитв, а позднее стоял у истоков создания в Петрозаводске общества «Шалом» и городской религиозной общины.

Сегодня Савелию Хонановичу 92 года, и он с удовольствием делится впечатлениями о разных периодах долгой и насыщенной событиями жизни.

– Савелий Хонанович, откуда корни Вашей семьи?

– По материнской линии мои родные – выходцы из села Рудня Смоленской области. Дедушка Нахман был правильным, глубоко верующим человеком, возглавлял похоронное братство. Он служил в армии, воевал в русско-турецкую войну, после чего получил надел земли в Рудне, женился, работал кузнецом – сам построил кузницу. Помню из детства, что он постоянно молился, соблюдал все еврейские традиции, был крайне аскетичным человеком. По легенде, в его доме в Рудне останавливался Наполеон, когда шел по Смоленщине. Бабушка Слава Маркович, которая была сильно моложе деда, запомнилась очень строгой, она вела большое хозяйство. У них с дедом родилось тринадцать детей, все выжили – не-

частый случай по тем временам. Мои родители проживали в Смоленске, но на лето мы приезжали в Рудню. Первую свою студенческую стипендию я отправил именно бабушке.

Деда по отцовской линии я не знал, его работа заключалась в том, что он развозил почту. Он рано умер, и бабушка переехала в Смоленск. Отец Хонан Савельевич родом из Могилевской губернии, города Мстиславля. Он воевал всю Первую мировую войну, после тяжелого отравления газами был демобилизован. В Смоленске женился на маме Софье Наумовне, так родилась семья Хенкиных. Отец работал портным, мама – портнихой-белошвейкой, шила, чинила белье на дому. Очень трудолюбивые, простые люди. В 1932 году, когда начался голод, наша семья переехала в Ленинград.

Отец и мама хорошо говорили на идиш, дома язык постоянно звучал, поэтому я до сих пор его помню. Конечно, религиозного воспитания я не получил, папа не был глубоко верующим человеком, но по праздникам ходил в синагогу, молился.

– Почему Вы решили стать врачом?

– С детства я интересовался биологией, медициной. Десятилетку закончил в Ленинграде, вставал выбор профессионального пути. Мой выпускной вечер в школе пришелся на 22 июня 1941 года. Когда прозвучала страшное слово «война», почти все мальчишки из нашего класса сразу пришли в военкомат. Нас оттуда выгнали, сказав, что очередь еще дойдет, – сначала мобилизовывали взрослых мужчин.

Мы с приятелем решили поступать в Военно-медицинскую академию. Там нам сказали, что прием уже завершен и отправили в Военно-медицинское училище имени Щорса, которое располагалось возле Витебского вокзала. Там готовили фельдшеров. После сдачи экзаменов в первые дни войны я стал студентом. Нас посылали рыть окопы под Лугой, под Пулковом, а в конце августа училище эвакуировали из Ленинграда одним из последних эшелонов, причем, мы не знали, куда нас отправляют. После долгой до-

роги в теплушках, под бомбежками, прибыли в Омск, где проучились девять месяцев вместо трех лет, в марте 1942 года оттуда нас отправили на фронт.

– Какой Вам запомнилась Великая Отечественная война?

– Сначала меня послали на Западный фронт, в Штаб армии. Там я получил направление в 20-ю армию, которая вела бои под Смоленском, потом держала рубежи под Волоколамском. Тяготы войны я переносил довольно стойко, – был энергичным, крепким, здоровым молодым человеком.

Несколько раз попадал в такие ситуации, что готовился к самому худшему. Однажды прямо передо мной, метрах в пяти, упала мина, начала бешено крутиться. Я все это видел, понимал, что в случае взрыва мне конец. Мина долго вертелась, но так и не разорвалась, я подошел и потрогал ее, она была очень горячей. В другой раз снарядом убило лошадь, запряженную в повозку с медикаментами, разбился ящик с лекарствами, все кругом разворотило. А я стоял живой, весь мокрый и удивлялся в первое мгновение, откуда так сильно пахнет медикаментами... Вновь остался жив, вопреки всякой логике.

Самое страшное воспоминание: перед наступлением на Ржев человек шесть бойцов, включая меня, находились в блиндаже, когда на него упал снаряд. Я помню только его разрыв – и ничего больше. Когда я очнулся, мне приятель сказал, что я счастливчик, поскольку погибли все, а меня в углу завалило телами. Только случайно удалось вытащить – думали, живых в блиндаже не осталось. Часть двинулась дальше, и только мой приятель заметил, что среди мертвых шевельнулась рука, он остался и меня откапал. Я был тяжело контужен, долго лечился в медсанбате, потом в госпитале в Москве. Последствия этой контузии – дефекты речи, сохранившиеся до сих пор. А поначалу я вообще не мог говорить. Примерно через месяц пребывания в госпитале очнулся ночью оттого, что кричу: «Пить!» Речь стала медленно восстанавливаться. Меня хотели комиссовать, но я воспротивился, снова вернулся на фронт в состав минометного полка. Воюя на Западном фронте, 1-ом и 2-ом Белорусских фронтах, закончил войну на 1-ом Прибалтийском в Кенигсберге.

Размышлял неоднократно, почему уцелел. Поскольку рос в советское время безбожником, полагал, что это случайность. Только сейчас осознаю, что это не просто воля обстоятельств, есть особая Сила, которая всем в этом мире руководит, и не просто так я не погиб. Мне трудно об этом говорить.

После войны меня, уже кадрового военного, старшего лейтенанта, направили поступать в Военно-медицинскую академию, я успешно сдал все одиннадцать экзаменов. Но, как известно, в это время в СССР обострились национальные проблемы. Вызвали к руководству вуза и сообщили, что я не прошел медко-

миссию. Несмотря на наличие всех подтверждающих справок и документов, мне без долгих разговоров рекомендовали возвращаться назад в часть.

Начальник отдела кадров медицинской службы армии, генерал Волынкин, к которому я обратился за советом, посоветовал мне увольняться из армии, раз я действительно хотел учиться. Я написал рапорт, в октябре приехал с документами в Первый Ленинградский медицинский институт. К занятиям приступил 15 октября, когда учеба была в разгаре, у некоторых студентов уже экзамены шли. Втянулся в процесс, стал с интересом заниматься. В субординатуре определился с направлением деятельности: увлекся урологией, организовал студенческий кружок. Кстати, со мной учился отец известного барда Яков Розенбаум, с которым мы дружили.

Моим проводником в специальность стала педагог С.Н. Лисовская, бывшая княгиня из Молдавии, очень милая, одинокая пожилая женщина. Когда у нее было настроение, она оставалась со студентами после занятий и беседовала на медицинские темы. Именно Лисовская привила мне любовь к урологии, хотя многие товарищи смеялись над моим увлечением. А когда у меня случились почечные колики, и княгиня меня вылечила, выбор специальности определился окончательно. После смерти любимого педагога у нас преподавал энергичный профессор А.М. Гаспарян – известный уролог, у которого я тоже многому научился. Спустя шесть лет после поступления, при распределении я по результатам был двенадцатым из четырехсот студентов – неплохой результат.

– Как Вы оказались в Петрозаводске?

– Сначала туда отправился мой приятель, окончивший институт на год раньше. Он работал в местном Министерстве здравоохранения. Накануне распределения я получил от него письмо, в котором тот сообщал, что Карелии очень нужен уролог, если нет возражений, они готовы затребовать меня. Я согласился, правда, папа очень расстроился. Все причитал, что Карелия – это каторга, прежде туда ссылали, а я еду по доброй воле.

Перед отъездом в Петрозаводск я женился, моя супруга Ася Абрамовна тоже по профессии – врач, закончила Ленинградский педиатрический медицинский институт. На седьмой день после свадьбы мы оказались в Петрозаводске. Долго мыкались по съемным квартирам, комнату выделили, когда у нас уже дети родились.

– Как осуществлялась в Карелии Ваша профессиональная деятельность?

– Меня направили работать в местную больницу. Уролога в Петрозаводске действительно не было, практиковал хирург Кононов, который время от времени оказывал неотложную урологическую помощь в случае травм, делал экстренные операции. Когда

его перевели работать в госпиталь, я остался вообще один. Коллеги-врачи периодически говорили, что больных по моей специальности нет. Я объяснял, что просто отсутствует выстроенная система выявления заболеваний.

Большую роль в развитии урологии в Карелии сыграл профессор В.А. Баранов, очень мужественный профессионал своего дела, прекрасный человек, всю жизнь посвятивший развитию медицины в Республике Карелия. Сейчас его именем названа Республиканская больница. Никто не слышал, чтобы он хоть раз повысил голос. Ему было достаточно насупиться, чтобы все поняли, что он чем-то недоволен. У Баранова была особая манера обучения молодых врачей: он не «нагаскивал», а учил своим примером, приглашал в операционную, когда работал. Его мастерством на операциях, ловкими умелыми руками хирурга можно было любоваться. Резекцию желудка он проводил за сорок минут!

Семь лет я проработал в хирургическом отделении больницы, потом стал сам оперировать. Когда сдали в эксплуатацию новое здание Республиканской больницы, в нем открыли отделение урологии – сначала на двадцать коек. Потом число мест несколько раз увеличивали, площадь расширяли. Конечно, мне понадобились врачи, я пригласил доктора И.В. Креймана, москвича, работавшего тогда в Медгоре.

Хочу еще добавить, что профессор Баранов всегда заботился о людях, с которыми работал, был добрым и справедливым. В 1953 году до нас долетели отголоски «дела врачей». Однажды утром я пришел на работу и получил строгое указание немедленно ехать в командировку в Тикшу Муезерского района, самолет улетал через час. Я ничего не понял, но подчинился. Также произошло с доктором И.М. Менделеевым, его отослали в Пудож. Нам обоим было велено оставаться в глубинке до того момента, пока нас не вызовут. После смерти Сталина мы вернулись и продолжили работу.

Работая в Петрозаводске, несколько раз я ездил в Ленинград на повышение квалификации, тогда это занимало полгода. Рос в профессии, стал членом Правления общества урологов РСФСР, а потом и СССР. Занялся научной деятельностью, готовил многочисленные статьи, писал диссертацию, но, к сожалению, по семейным обстоятельствам защититься не удалось.

– Что нужно, чтобы стать настоящим врачом?

– Нужно быть хорошим человеком – это основное. И стремиться к знаниям, совершенствоваться всю жизнь. Если думать только о деньгах, работа станет ремесленничеством.

– Как в Карелии начался Ваш путь в еврейскую жизнь?

– Когда я приехал из Ленинграда, узнал, что религиозные евреи в Петрозаводске жили, но синагоги не было. Я снимал жилье у старого еврея Я.В. Беленького, очень верующего. От него узнал, что в одном из домов по субботам люди собираются на молитву, стал туда приходить. Потом созрела идея сделать что-то для еврейской общности. После беседы с музыкантом, преподавателем Консерватории Леонидом Бутиром решили, что нужно организовать свою «синагогу», выбрали, кого можно к этому делу привлечь. Так появилось общество еврейской культуры «Шалом». Для меня это было очень важно с внутренней точки зрения: осознать, что в городе что-то есть свое, родное, еврейское. Пока сил хватало, активно участвовал в еврейской жизни.

– Какие Ваши качества помогли Вам выстоять во всех сложностях жизни, достойно пройти свой путь?

– По натуре я добрый человек, старался помогать людям везде, где только можно. Это основное мое жизненное качество. Помимо этого, считаю важным отметить, что никогда не лез напролом, не был карьеристом, был честным человеком. Двигался по должностям и званиям, поскольку люди сами меня выдвигали, отмечали.

Мое главное достижение в жизни – две дочери, Анна и Елена, которые продолжили нашу врачебную династию. Живу после ухода жены с ними, считаю, что такие дети – настоящая награда.

– А с кем-то из родни, живущей в других городах, отношения поддерживаете?

– Буквально недавно у меня неожиданно отыскались племянницы! Оказывается, наших родственников время разбросало по всему миру, но мода на составление семейной генеалогии нас соединила. Теперь мы общаемся с многочисленными вновь обретенными родными, которые живут в Израиле и в Америке, обменялись фотографиями, семейными историями, чувствуем себя очень счастливыми.

2015

Статьи и интервью разных лет

Воля к победе: история жизни Натальи Липниной

Иногда цепи кажущихся случайными событий в жизни приводят к свершению масштабных явлений, которые навсегда входят в историю. Судьба одаренной спортсменки, деятельного и неравнодушного человека, Заслуженного тренера Карелии с почти полувековым стажем, обладателя многих других почетных званий, Натальи Яковлевны Липниной изобилвала неожиданными поворотами, изломами, которые в конечном итоге привели к созданию в Карелии уникальной школы художественной гимнастики, успехи которой вошли в золотую копилку спортивных достижений республики и России. Талантливый тренер и педагог воспитала 25 мастеров спорта и более сотни спортсменок-кандидатов в мастера, ее авторитет в художественной гимнастике до сих пор остается непрекращаемым в Карелии и за ее пределами. Она вышла на пенсию в 1983 году, но фактически с полной самоотдачей работала еще до 1989, только череда болезней и настоятельные требования родных заставили ее уделить внимание себе и здоровью.

В последние годы Наталья Яковлевна больше времени проводит в окружении членов семьи, на даче, ее навещают многочисленные воспитанницы. «Выращивает цветы – теперь не в гимнастике, а на клумбах!» – шутят знакомые. И в садовом хозяйстве Липнина оказалась творческой и успешной, ее дачный участок – это «поле цветов и клумба картошки».

Тем не менее, личность уважаемого тренера и сегодня оказывается ярким воспоминанием, достойным жизненным примером. Для многих воспитанниц период занятий у Липниной – самый счастливый в жизни. «Именно Наталья Яковлевна сформировала наш характер, дала путевку в жизнь, воспитала больше, чем собственная семья, – вспоминает одна из учениц Липниной, Галина Андреева. – Мы смотрели ей в рот, буквально боготворили, она была очень красивой во всех отношениях женщиной».

В подборке архивных фото, материалов, статей разных лет, благодарностей и почетных грамот, бережно собранных супругом Натальи Яковлевны, Альбертом Андреевичем, раскрывается интересная, насыщенная событиями жизнь. К себе, домочадцам и воспитанницам Липнина всегда была строга и требовательна, все силы души стремилась отдать любимому делу, но при этом всегда помнила о семейных делах и обязанностях.

О том, как складывалась тренерская работа, личная жизнь, трудно ли шел процесс создания нового спортивного направления в республике мы поговорили с Натальей Яковлевной, рассматривая семейные фотографии, многочисленные реликвии и награды.

– *Наталья Яковлевна, откуда корни Вашей семьи?*

– Моя мама Надежда Гавриловна родом из Карелии, ее отец Гаврила Андреевич трудился на Александровском заводе.

Во время Первой мировой войны в Петрозаводске комплектовали санитарный отряд, деда тоже в него включили. Он проявил героизм, спас одного из членов императорской семьи, за что получил высокую награду – медаль. Также у него спросили, чем еще его можно отблагодарить. Гаврила Андреевич попросил, чтобы дочери Надя и Муся учились в гимназии, что на тот момент было очень сложно. Прощение героя удовлетворили, мама и ее сестра окончили гимназию. Муся поехала учиться дальше в Петербург, а мама осталась на хозяйстве – в 1933 году дед умер, все семейные заботы и хлопоты легли на ее плечи.

Папа Яков Григорьевич Рудман – из семьи польских евреев, он закончил Пажеский корпус, потом – экономический факультет Московского университета. В Карелию приехал по направлению, на руководящую должность в сфере лесной промышленности. К сожалению, он достаточно рано нас оставил: когда мне исполнилось пять лет, отец уехал обратно в Москву, где у него существовала другая семья. С тех пор мы виделись всего один раз: когда я училась в четвертом классе, получила путевку в Артек, в Москве отец меня встретил, отвез познакомиться к бабушке. Но я была слишком юна, чтобы всерьез интересоваться семейными корнями, поэтому информации о родных отца у меня практически нет. Знаю, что в годы войны меховая фабрика, которую возглавлял папа, перешла на пошив военного обмундирования, поэтому в армию Якова Григорьевича не призвали.

Еврейской историей и культурой мы с мужем стали увлекаться позже, когда в Петрозаводске была создана Еврейская община. В «Хесед Агамим» среди моих ровесников я вела группу здоровья – занимались под еврейскую музыку – и группу по женской гимнастике с мячом и лентой. Занятия проходили «на ура!», люди очень ждали каждой новой встречи,

благодарили, я с большим теплом вспоминаю этот период жизни и тогдашнего руководителя «Хесед Агамим» Михаила Бравого.

– Почему во время Великой Отечественной войны Вы поехали в эвакуацию с бабушкой, а не с мамой?

– Так случилось, что незадолго до войны у мамы возникли большие неприятности. Она возглавляла приемный покой больницы, была старшим лейтенантом медицинской службы, фельдшером. Мама решила на крайне смелый по тем временам шаг: она спасла дочь друзей, еврейку Лору Вишневскую. Ее родители, а отец работал главным лесничим Карелии, были арестованы как враги народа. Чтобы девочку, мою ровесницу, не отдали в детдом, ее приютила мама. Конечно, это вызвало большой резонанс, серьезно осложнило маме жизнь, но она не отступилась. Через полтора-два года мама отвезла Лору в Смоленск к родственникам, но ее дядя, профессор, отказался от девочки. Сироту взяла пенсионерка тетя Веча. К сожалению, следы Лоры потерялись, хотя после 1945 годы мы пытались ее разыскать. История с Вишневской послужила тому, что маме запретили забрать меня с собой во время войны.

Мы поехали с бабушкой в эвакуацию в конце августа 1941 года, это были самые страшные в моей жизни дни. Сначала всех эвакуируемых погрузили на баржи, которые должны были перевести нас на другой берег Онежского озера. Но начался налет фашистской авиации, бомбежка. Две баржи были расстреляны и пошли ко дну, люди тонули у нас на глазах. К тому же, неожиданно Онего заштормило. Наш корабль два дня мотало по озеру, мы сидели на борту без еды и воды, не зная, что ждет дальше. Наконец баржу прибило к берегу в районе Вытегры, нас отправили в Сегежу, потом в деревню Палтога. Беженцев никто не встречал, не помогал, условий для жизни не было. Холод наступил уже осенний, мы очень мерзли.

Дальше мы поехали в Горький (Нижний Новгород), где жила тетя Александра Гавриловна. Город подвергался бомбежкам почти ежедневно, так что дети ночевали в бомбоубежище, а мы с бабушкой оставались в квартире, поскольку я болела. Однажды бомба разорвалась прямо во дворе, образовалась огромная воронка, в нашем доме вылетели стекла... Но я снова осталась цела и невредима. Мы очень голодали, нам выдавали двести граммов хлеба в день, у меня развилась дистрофия. Затем началась малярия, я лежала с высокой температурой. Никому не было дела до маленькой еврейской девочки. Очень тяжело вспоминать об этом времени.

В 1944 году мама смогла забрать меня, полумертвую, в Карелию, в прифронтовую полосу, где и вышла. Восьмой класс я заканчивала уже в Сегеже, в этом городе мама работала в госпитале. В школе не было тетрадей и бумаги, так что писать приходилось на обоях. Я помогала маме в приемном покое: убирала помещение.

После освобождения Петрозаводска мы смогли вернуться в родной город, но там ждала новая беда: наша квартира на улице Горького оказалась полностью разгромленной, разграбленной. Из всей мебели уцелело только огромное мамино зеркало и тяжелый письменный стол с тумбами, который развалился, как только мы попытались его передвинуть. Больше не было ничего: ни предметов обихода, ни посуды, ни одежды. Я ходила в школу в пальто, перешитом из маминой шинели. Вместо кофточки – мамина гимнастерка, подпоясанная офицерским широким ремнем. Размер обуви у нас с мамой, к счастью, тоже совпадал, так что я носила ее сапоги. Однако, молоденькая, тоненькая, чувствовала себя вполне достойно.

– Как Вы выбирали свой профессиональный путь?

– Если честно, никак. Вообще-то собиралась в 1947 году, после окончания школы, поступать в Ленинградский университет на юридический факультет, подала документы, даже прошла по конкурсу, а претендентов было семь человек на место. В моей спортивной судьбе сыграло главную роль знакомство с ленинградским тренером Сулиевым Леваном Григорьевичем, которого я знала еще по Петрозаводску, поскольку он тренировал школьную команду. Я была спортивной девочкой, даже заняла первое место в прыжках в высоту, хорошо метала гранату, ходила на лыжах.

Во время вступительных экзаменов встретились мы с ним неожиданно-негаданно в Ленинграде на улице Декабристов, где жила моя тетя. Неподалеку от ее дома находился Институт физической культуры имени П.Ф. Лесгафта. Леван Григорьевич отговорил меня от учебы на юридическом и предложил поступить в Институт физкультуры. Я согласилась. Представьте, в моем деле было написано «принята по предоставлению документов» – все оригиналы находились на юрфаке!

Еще во время учебы в восьмой женской школе Петрозаводска я начала учиться музыке сначала в пять лет у почтенного педагога по фамилии Горш – играла на рояле, потом в группе Леонида Гликмана. С первого класса занималась хореографией, балетом у Нины Федоровны Ягер. В музыке больших успехов не добилась, поскольку это требовало постоянных упорных занятий, а пианино у нас пропало в годы войны... В институте много занималась художественной гимнастикой, стала тренером, хотя прежде мечтала стать адвокатом. Считаю, это судьба.

По распределению после окончания вуза сначала попала в Свердловск, отработала там четыре года в Уральском политехническом институте. Кстати, в группе у меня был Боря Ельцин, я у него год преподавала. Работа давалась тяжело: учиться приходили здоровенные парни после войны, справиться с ними было непросто. Но в институте существовала прекрасная кафедра, на которой трудилось 80 опытных педагогов, можно сказать, что они меня вырастили профессионально. Но после обязательной «отработки» мне, все же, захотелось вернуться в Петрозаводск, к маме, что я и сделала.

– Расскажите, пожалуйста, трудно ли было выстраивать школу художественной гимнастики в Карелии?

– Очень трудно, в то время никому такая школа была не нужна, многие даже толком не понимали, что это такое. Работы для тренера с хорошей квалификацией просто не было. Поначалу вела кружок художественной гимнастики во Дворце пионеров, первые занятия проходили в закутках «дома на набережной» – нынешнего ЗАГСа, я получала пятьдесят рублей по ставке, так прошло пять лет. Потом меня перевели в Детско-юношескую спортивную школу. Приходилось очень много работать, преимущественно, – в вечернее время, с 14.00 до 23.00 без перерывов и ужина. После занятий мы с Альбертом Андреевичем провожали девочек по домам, сами возвращались в час-два ночи. Спать я не могла – музыка звучала в голове постоянно.

Тренировались, где придется, – постоянного зала не было. Три дня в неделю в Доме физкультуры занимались спортивные гимнасты, три дня – мы, это было моей большой победой. Дополнительно тренировались в зале бокса, по школам. Все приходилось создавать с нуля, но я трудилась энергично, с большим энтузиазмом. Тяжело было даже в мелочах: мне не давали пианино в зал, а как можно без инструмента заниматься? Помогали два аккордеониста – заслуженные артисты Карельской АССР, – и так во всем, с чистого листа. Все сборы, соревнования, поездки нужно было «пробивать» через инстанции, объяснять, встречаться с чиновниками.

Мне всегда везло на людей: в нашей судьбе участвовали представители власти, такие как руководитель РОНО Лидия Тимофеевна Королева, Председатель Исполнительного комитета Петрозаводского Горсовета Павел Васильевич Сепсяков. Шучу: в каждой сфере обязательно кто-то симпатизировал мне или художественной гимнастике, так что вопросы решались. Заниматься, отстраивать систему было интересно – приходило много талантливых девочек, с которыми хотелось расти. Со мной работали достойные аккомпаниаторы, музыканты, композиторы. Постепенно вышли на формирование команд, стали участвовать в соревнованиях, приглашать спортсменов к себе, создали судейский коллектив. Выезжали в Москву, на «Дни культуры Карелии», выступали на телевидении, различных праздниках. Сергей Клодт снял фильм «Монолог» о первых шагах художественной гимнастики в Карелии, – так новый вид спорта входил в повседневную жизнь петрозаводчан.

– А как Вы познакомились с мужем, Альбертом Андреевичем Липнинным?

– Достаточно случайное знакомство, которое, конечно, тоже судьбоносно. Я много работала, никуда отдыхать и развлекаться не ходила. Однажды с двоюродной сестрой, которая заканчивала Петрозаводский университет, пошли на танцы в Дом офицеров – я впервые «вывела» студентку в свет. Сразу при-

метила симпатичного, видного молодого человека в парадной военной форме, спускавшегося с лестницы. Потом он пригласил меня на танец, вызвался проводить домой. Я спросила, не боится ли он покойников. Он, конечно, опешил. Я так пошутила. Дело в том, что домик, где нам с мамой тетя выделила комнатку, стоял рядом с кладбищем, на улице Вольной. Так что я фактически жила на кладбище. Мой поклонник оказался не робкого десятка, не только проводил, но и через десять дней после знакомства уже сделал предложение, меня это очень тронуло. Во многом нас свела сфера деятельности – мы оба окончили Институт физической культуры, оказались общие интересы, темы. Свадьба состоялась в том самом «веселом» домике на Вольной. Так, чисто случайно, появилась на свет семья Липнинных.

Могу с уверенностью сказать, что без Альберта Андреевича школа художественной гимнастики в Карелии не состоялась бы, так муж меня поддерживал и оберегал все эти годы. И это несмотря на то, что сам более сорока лет отработал в Петрозаводском университете на кафедре физического воспитания! Каждый месяц я как минимум на неделю уезжала на соревнования и сборы. В мое отсутствие муж и моя не очень здоровая мама приглядывали за нашими детьми, кормили их, обихаживали. Уверенность в том, что дочь и сын под присмотром, окружены заботой, давала много сил в профессии.

Сейчас супруг все время рядом, могу признаться, что он вытащил меня из болезни и сегодня тоже помогает во всем.

– Чему Вы учили девочек, помимо спортивных премудростей?

– Я считаю, что воспитывала характер, волю к победе, развивала их. Принимала детей с шести лет – это уже осмысленный возраст. Занимались у меня преимущественно девочки из бедных семей, для которых приходилось хлопотать о зимних пальто, талонах на еду. Никогда не принимала воспитанниц «по благу». Пару раз даже имела проблемы, поскольку отказывала в приеме детям высокопоставленных родителей, но я всегда ориентировалась на результат. Когда желающих стало много, обращала внимание на физическую форму родительниц, если мамы были склонны к полноте, то я это фиксировала для себя. В итоге, узнав об этом, ко мне на отбор стали приходить девочки в сопровождении стройных дам. Никогда не брала подарки от подопечных и их родных, – допускались только книги и пластинки.

Занимались мы со спортсменками пять раз в неделю по три-четыре часа. Как минимум час наших занятий каждый раз посвящался просвещению: я старалась увлечь спортсменок архитектурой, литературой, музыкой, балетом. В каждом городе, куда приезжали на выступления, мы обязательно посещали музеи и выставки, «пушкинские», «толстовские» места. Слушали музыку разных композиторов, изучали их

биографии. Невозможно себе представить, чтобы девочка танцевала под произведение автора, о котором ничего не знает. Поэтому к тренировкам допускались только те, кто освоил биографии композиторов и мог пересказать их содержание остальным. Танцевали, в основном, под классическую музыку, воспитанницы тоже принимали участие в выборе музыкальных произведений. Иногда я соглашалась с ними, порой – рекомендовала что-то другое. Сама я очень любила Грига, но для каждой спортсменки выбирала что-то свое, особенное, в зависимости от характера девочки: Шопена, Чайковского, Скрябина, Рахманинова... Некоторые воспитанницы открывали в себе артистические таланты, были способны на игру, творческие перевоплощения, сложные элементы, – с ними, конечно, работалось интереснее.

Особое внимание я как тренер обращала на здоровье воспитанниц: всегда просила принести рентгеновские снимки, чтобы понимать, кому какие нагрузки на позвоночник можно давать, кого – беречь. По абонеентам девочки бесплатно ходили в бассейн.

Еще мы читали стихи, узнавали об архитектурных памятниках в разных городах. Я сама интересуюсь исторической прозой, старалась и детям передать интерес к этой теме. Особенно часто выезжали в Ленинград, обязательно осматривали Эрмитаж, Русский музей, посещали экскурсии, изучали биографии архитекторов и их наследие. Вдавались даже в такие детали, какие части Медного Всадника были созданы собственноручно Фальконе, а какие – его ученицей Мари Анн Колло. Во время путешествий в поезде проводила познавательные викторины, чтобы информация лучше запоминалась.

Большинство девочек во время наших занятий улучшали учебные показатели в школе, им просто стыдно, неудобно было быть троечницами. Я вложила им в голову, что такой красивый вид спорта, как художественная гимнастика, располагает к отличным оценкам, развивает целеустремленность. Большинство из них впоследствии получили высшее образование, более того, заняли руководящие должности. Одна из девочек, мама которой работала ночной уборщицей в бане, успешно закончила школу, вуз и уверяет до сих пор, что я сделала ее жизнь и личность «от и до». Среди воспитанниц немало талантливых врачей, некоторые продолжили мое дело, стали тренерами. Мне всегда казалось, что художественная гимнастика больше формирует женщину и ее тело, закаляет, воспитывает характер и настраивает личность, поэтому девочки в дальнейшем оказываются успешными в разных сферах деятельности, не только в России, но и за рубежом.

– Что Вы считаете своим главным достижением – в профессии и в жизни?

– В работе я считаю главным то, что для моих воспитанниц наши занятия запомнились на всю жизнь.

Девочки до сих пор регулярно приходят ко мне, поздравляют с праздниками, помогают. Сейчас они понимают, что я дала им не только спортивную базу, но культурологическую, человеческую, жизненную.

Важно и то, что, благодаря нашей работе, повысился спортивный авторитет нашей республики: проводились международные встречи и соревнования с Болгарией, ГДР, с карельскими тренерами и спортсменами считались профессионалы в Москве. Единственное, чего не успела, – это добиться строительства зала для занятий, вопрос актуален до сих пор. Сейчас ситуация с художественной гимнастикой в Карелии налаживается, надеюсь, что и эта проблема решится. Кроме того, уверена, что к развитию в республике этого вида спорта необходимо привлекать профессионалов из Национального государственного университета имени П.Ф. Лесгафта – наши карельские тренеры не всегда справляются с поставленными задачами. Необходимо глубокое музыкальное и хореографическое воспитание спортсменок. В свое время для тренеров я сама организовывала сборы. Такой опыт может оказаться полезным и своевременным, важно привлекать к работе лучших профессионалов в разных областях. Проблему кадров я считаю одной из самых важных в республиканской художественной гимнастике.

В семейной жизни очень сожалею, что недодала своим детям времени и тепла, которое щедро тратила на чужих отпрысков. К дочке, которая тоже занималась художественной гимнастикой, относилась даже строже, чем к остальным девочкам, чтобы они не ревновали, требовала от нее большего.

– Какие качества Вы считаете в себе главными?

– Доброту, хотя, как известно, «добро должно быть с кулаками». Педагогом я считаю себя строгим, но горжусь тем, что ни разу за всю тренерскую практику не унизила достоинства ребенка, не сломала никого, не обидела. Ругаться не умею даже про себя, крикнуть на кого-то для меня невыносимо. Старалась все спокойно разъяснять, выражать эмоции тоном, взглядом.

– Рекомендовали бы Вы современным девочкам обратить внимание на художественную гимнастику?

– Даже очень. Этот вид спорта формирует женственность, воспитывает личность, развивает лучшие качества, мотивированность на успех, порядочность, ведь занятия всегда проходят в дамском коллективе. На разных примерах можно лучше понять свои и чужие ошибки, исправить недостатки, устремиться к самосовершенствованию. В мое время на соревнования приходили восхищенные мальчишки и бросали цветы в зал, это тоже придавало сил, заряжало. Занятия спортом укрепляют здоровье, делают сильнее, собраннее, дают хороший толчок всем остальным жизненным начинаниям.

«Обыкновенный человек» Давид Генделев

В наступившем 2015 году известному историку, издателю, архивисту, заслуженному работнику культуры Карельской АССР (1970), заслуженному работнику культуры РСФСР (1981), Почетному гражданину Петрозаводска (2010) Давиду Захаровичу Генделеву исполняется 95 лет. За долгую жизнь он повидал и прочувствовал многое: войну, ранения, голод, гибель близких. При этом Генделев не сломался, сумел найти свое место и дело по душе, внес большой вклад в исследование истории Карелии, стал автором-составителем десятков уникальных изданий, подготовил брошюру «Из истории еврейской общины Петрозаводска». Давид Захарович имеет боевые награды, а в мирной жизни был неоднократно отмечен за трудовые достижения премиями и грамотами.

Лишь 4 года назад неутомимый труженик, наконец, вышел на заслуженную пенсию. Вспоминая свой долгий нелегкий путь, он улыбается и скромно говорит, что всегда был самым обычным человеком. Однако многие вехи его жизни и судьбы говорят как раз о противоположном.

– Давид Захарович, в какой семье Вы родились? Дома соблюдались еврейские традиции?

– Наша семья была не совсем типичной еврейской семьей для своего времени. Дело в том, что мой дед – из николаевских солдат, он служил в русской армии. После окончания службы ему полагался надел земли вне черты оседлости. Похожая ситуация сложилась и в семье мамы, которая выросла в селе, в Псковской области. Так что мои предки на протяжении двух поколений жили и общались с русскими людьми, учились, впитывали их традиции, прекрасно говорили по-русски.

Мой отец Захар Львович воевал еще в Первую мировую войну. По роду занятий он – простой рабочий, жестянщик, отлично владел своим ремеслом. Позже трудился в артели. Мама Мария Моисеевна – домохозяйка, занималась детьми. Я родился в городе Старая Русса Новгородской области, где население – преимущественно русское. Тем не менее, там действовала синагога, куда по субботам ходил отец. Примерно до середины 30-х гг. в семье соблюдали основные еврейские праздники, особенно Пейсах, дома пекли мацу. Родители говорили на идише, точнее, на его белорусско-литовском диалекте, в детстве я тоже неплохо понимал этот язык, слушая разговоры старших. Более того, я даже полгода занимался в еврейской школе, где меня учили ивриту, но потом хедер закрыли. На этом мое еврейское образование закончилось.

Вскоре мы переехали в Ленинград, где я закончил десятилетку, и, что удивительно, в 1938 году без всяких рекомендаций и блага поступил на исторический факультет университета. Тогда такое еще было возможно для еврея, после войны – уже практически нет. Со случаями государственного антисемитизма в семье мы, к счастью, не столкнулись, а на бытовой я старался не обращать внимания. То, что я не продвигался по карьерной лестнице, не получал высоких должностей, на которые назначались порой люди го-

раздо менее компетентные и профессиональные, меня не слишком расстраивало. Я брал от жизни то, что она мне предлагала, и старался радоваться.

– Какой след оставила в Вашей жизни война?

– Страшный. До сих пор я ни с кем и никогда об этом не говорю, не могу вспоминать то жуткое время. Я как раз заканчивал третий курс университета, когда началась Великая Отечественная война. Почти все наши парни-студенты, включая меня, записались в народное ополчение и добровольцами ушли защищать Родину уже в июле. Воевал я в пехоте, на передовой Ленинградского фронта. Могу сказать только, что война – очень страшное и грязное дело.

После первого ранения страдал от дистрофии: паек в госпитале состоял из 300 граммов хлеба в день, из которых мы зачастую получали 150 граммов – хлебом и только 75 – сухарями. Мои родные пережили блокаду в Ленинграде. Мама была вынуждена пойти работать. Брат погиб во время бомбежки – это огромная трагедия нашей семьи.

После второго ранения в июле 1944 года я был признан ограниченно годным к дальнейшей службе. Университет закончил, пока еще шла война. Из запасного полка меня, офицера, командира пулеметного взвода, направили в органы НКВД. Как раз тогда началось создание многочисленных лагерей для военнопленных. В 1945 году меня командировали работать в Карелию, в Пудожский район, в администрацию крупного лагеря, находившегося в подчинении Ленинградского НКВД. Пленные немцы, ожидавшие отправки на родину, были заняты на тяжелых работах в лесной промышленности: они вручную валили и пилили лес.

– Как складывалась Ваша послевоенная жизнь?

– В 1949 году освободилось место начальника Центрального государственного архива Карело-Финской ССР, который в то время находился в ведении органов НКВД. Я с удовольствием согласился, поскольку такая деятельность соответствовала моей специальности. Почти 6 лет я проработал в архиве, потом устроился в Государственное издательство

КФССР (позднее – издательство «Карелия»), где трудился 36 лет, 23 из которых – главным редактором. За это время издательство укрепило репутацию в масштабах Российской Федерации и СССР, мы издавали художественную, научную литературу, книги по экономике и культуре, произведения для детей. Многие издания печатались огромными тиражами – от 200 тысяч экземпляров, получали призы и премии на общероссийских и всесоюзных выставках.

В издательской деятельности я выделил бы несколько важных достижений. Во-первых, это выпуск большого числа книг по истории Карелии, краеведению. Во-вторых, мы вели обширную работу по изданию качественной детской литературы, например, печатали произведения Жюль Верна, других известных зарубежных и советских авторов. В-третьих, издательство выпустило большую подборку произведений русской классики.

Спустя годы я участвовал в подготовке архивов к 300-летию столицы Карелии, с огромной радостью работал над книгой «Петрозаводск. 300 лет истории. Документы и материалы», под моей редакцией вышел сборник архивных документов и материалов «Карелия в Великой Отечественной войне: освобождение от оккупации и возрождение мирной жизни. 1941—1945 гг.» (2010 г.).

– Когда Вы стали собирать материалы о еврейской истории Петрозаводска?

– Еще на момент начала работы в архиве Карелии я начал потихоньку работать в этом направлении – тема меня очень заинтересовала. Когда я вернулся в архив в 1995 году, я отнесся к этим занятиям уже очень основательно, собирал и изучал документы. Так появилась на свет брошюра, впервые описывающая веки еврейской истории Петрозаводска. Мне поступают отклики, что люди находят с ее помощью своих родственников, узнают о судьбах семей.

Всерьез к осмыслению еврейской темы я пришел, участвуя в собраниях Городской общины Петрозаводска под руководством Дмитрия Цвибея, редак-

тируя газету «Общинный вестник». Я не стал глубоко верующим человеком, но с огромным уважением отношусь к нашему народу, люблю его. Я никогда не стыдился «пятой графы», не скрывал своего происхождения. Сейчас с общиной плотно сотрудничает мой сын Дмитрий, который начал еврейскую жизнь уже после службы в рядах вооруженных сил. Кроме того, он директор благотворительного фонда «Хесед Агамим».

– Какие человеческие качества, на Ваш взгляд, позволили вам с честью пройти все жизненные испытания?

– Считаю себя очень адаптивным человеком, могу приспособиться к самым разным жизненным ситуациям. Не фиксируюсь на неприятностях, обладаю невздорным характером. При этом ни у меня, ни у моих детей абсолютно нет талантов устраиваться в жизни, ловчить. А еще я очень работоспособен, всегда быстро обучался всему новому. Словом, обыкновенный человек!

– Что из Вашего богатого жизненного опыта Вы хотели бы передать потомкам?

– Оглядываясь назад, могу сказать, что прожил вполне счастливую жизнь, любил, вырастил детей. Конечно, случалось всякое, бывали трудности, страдания, нелегкие бытовые обстоятельства, например, некоторое время мы жили впятером в 14-метровой комнате в коммуналке, выхаживали родившихся семимесячными сыновей-близнецов, приходилось очень много работать, чтобы кормить семью. На все это в моем возрасте – грех жаловаться, в жизни нужно самому прочувствовать все, в том числе и боль. Видно, Божий промысел в том, что я уцелел на войне, смог так долго трудиться и до сих пор жив. Благодарю Всевышнего за это.

Хочу пожелать моим потомкам, прежде всего, – быть людьми, радовать и оберегать близких, думать о других, помогать всем. Пусть они будут добрыми, остальное – приложится.

Профессор К.И. Векслер:

«Главное – передать человеческие качества»

На протяжении полувека в Карелии существует непрерывный цикл музыкального образования (детская музыкальная школа – музыкальный колледж – консерватория), что для относительно небольшого российского города – до сих пор редкость. Мне довелось побеседовать с одним из тех, кто стоял у истоков создания Петрозаводской государственной консерватории, профессором, заведующим кафедрой струнных инструментов, заслуженным артистом РФ и народным артистом Карелии, Климентием Иосифовичем Векслером. В этом году он отмечает 60-летие педагогической деятельности.

До сих пор график артиста и преподавателя строится по следующему принципу: первую половину дня

музыкант занимается дома, вторую – посвя-

щает студентам. В классе Векслера в консерватории стены оклеены афишами его талантливых учеников и выпускников, которые дают концерты не только в Карелии и в России, но и выступают в разных странах мира, играют в зарубежных оркестрах. Благодаря занятиям с Климентом Иосифовичем студенты не только развивают и совершенствуют музыкальное дарование, но и получают уроки человечности, теплоты, добра, бесконечной любви к музыке, которую несет в себе глубоко преданный искусству и молодежи профессор Векслер.

– Климентий Иосифович, откуда Ваша любовь к музыке?

– Ирония судьбы: я родился в Ленинграде на улице Чайковского. Мои родители не были музыкантами-профессионалами. Отец – из обеспеченной семьи, по своей воле решил уйти в детский дом в силу своих прогрессивных взглядов, считал, что нельзя жить на всем готовом. После окончания ремесленного училища-профшколы металлистов, где он получил профессию «токарь по металлу», стал комсомольским вожаком, очень рано вступил в партию. До конца жизни был убежденным большевиком, передовым коммунистом, чуждым любых религиозных проявлений. Выписывал журналы «Большевик», «Спутник агитатора», много времени посвящал партийной работе. Перед войной мы переехали в Новосибирск, где папа трудился партсекретарем Западно-Сибирской железной дороги, много ездил по окрестным населенным пунктам и деревням. К сожалению, он рано ушел из жизни, – когда мне едва исполнилось десять лет, – я мало знаю о его родных.

Музыкальная линия – из маминой семьи Потаповских-Лившиц. Мама очень любила музыку, тонко в ней разбиралась, имела отличный музыкальный вкус, но, к сожалению, сама учиться возможности не имела, поскольку в семье было десять детей. Зато музыкантами стали ее братья: Борис Лившиц, виолончелист, работал в Петроградской консерватории на кафедре камерного ансамбля во времена, когда директором был А.К. Глазунов, потом стал концертмейстером в Малом оперном театре. Он принимал участие в моей судьбе: приходил, слушал, как я играю, иногда мы музицировали вдвоем. До сих пор помню благородное звучание его виолончели: очень теплое, глубокое, сердечное. Дядя всегда играл очень трогательно и задушевно, – это было его особенное качество.

Другой мамин брат – скрипач-виртуоз Михаил Лившиц – работал в Императорском оркестре Петербурга, самом элитном в России. У него в жизни случилась удивительная история: однажды, еще в двадцатые годы прошлого века, он поехал на гастроли в Китай, пережил там головокружительный роман с колоритной красавицей намного старше себя и принял решение остаться в Харбине. С тех пор о нем, увы, ничего не известно.

Так что первое знакомство с музыкой состоялось дома. Мама в раннем возрасте заметила мою музыкальность и подвигла начать учиться играть на скрипке. В музыкальной школе у меня сразу определили абсолютный слух, отличное чувство ритма, и я начал заниматься. Мама всегда верила в меня как в музыканта.

– Как происходило Ваше дальнейшее музыкальное развитие?

– Война застала нас в Новосибирске, который, в некотором смысле, стал в те годы культурной столицей России. Именно туда эвакуировали заслуженный коллектив России Академический симфонический оркестр Ленинградской филармонии, где дирижировал Е.А. Мравинский, Театр драмы имени А.С. Пушкина, Театр юного зрителя, квартет имени Глазунова... Потом в Новосибирск стали приезжать из разных городов крупные музыканты.

Моим первым учителем был Иосиф Аронович Гутман из Киева. Счастье, что я сразу попал в такие руки! Вместе со мной учился приехавший из Одессы Эдуард Грач, нынешний профессор Московской консерватории, народный артист СССР, – мы дружим и творчески взаимодействуем с 1942 года. Настоящая крепкая дружба. Более десяти лет я провожу международные конкурсы в Вологде имени композитора В.А. Гаврилина, два последних раза Э.Д. Грач участвовал в работе жюри. Он часто приезжает с концертами в Петрозаводск, и я с удовольствием прихожу его слушать вместе со студентами.

После войны наша семья вернулась в Ленинград. Учебный год был в разгаре, окружающие считали, что идти на прослушивание в музыкальную школу при консерватории – бесполезно. Но мы с мамой все же пошли, я сыграл, и меня взял в свой класс профессор Вениамин Иосифович Шер. Шестнадцать лет мое становление происходило под его руководством: десятилетка, консерватория и аспирантура. То, что Шер учил любить музыку в себе, а не себя в музыке (он часто вспоминал К.С. Станиславского!), чувствовать скрипку с ее неповторимым тембром, виртуозно владеть звуком и всеми штрихами, – это одно, но я постоянно видел перед собой его глаза, ощущал его отношение ко мне и ко всем студентам. С Учителем я прошел весь основной скрипичный репертуар, привык играть ежегодный сольный концерт в двух отделениях – это было нелегко и очень ответственно. Первое мое выступление с сольным концертом состоялось в возрасте тринадцати лет. В дальнейшем это стало потребностью.

Мне повезло в жизни, что я учился у таких выдающихся педагогов, музыкантов! Это удивительные люди – добрые, сердечные, искренние, такова была их природа. В первую очередь они научили меня человеческим отношениям.

В годы моей учебы в обществе наблюдался небывалый подъем интереса к музыке, драматическому искусству, концертные залы и театры были переполнены. На выступления знаменитых музыкантов билет достать было невозможно. Интернета не было, поэтому познакомиться с творчеством того или иного исполнителя, особенно зарубежного, можно было только «вживую». Среди студентов существовал термин «прорыв»: мы группой 10-12 человек буквально штурмом брали вход в большой зал Ленинградской филармонии (возле билетера). Настолько велико было желание услышать выдающихся музыкантов.

– Как Вы оказались в Петрозаводске?

– В следующем году исполнится 60 лет, как я живу здесь. Все получилось довольно случайно. У меня в музыкальной школе был большой друг, скрипач Юра Аранович – мы сидели за одной партой, постоянно общались вне классов, он часто бывал у меня дома. Характер у него был крайне неуживчивый. В процессе учебы в консерватории он умудрился поссориться со своими учителями – выдающимися музыкантами И.А. Мусиным и Н.С. Рабиновичем. В итоге оканчивал консерваторию «от себя» на год раньше и сразу уехал главным дирижером филармонического оркестра в Петрозаводск. После чего стал приглашать меня в Карелию в «его» оркестр, поскольку в Карелии, как он говорил, «в исполнительской жизни – целина и огромные возможности». В 1956 году я приехал, с первых дней стал солистом филармонии, начал преподавать в музыкальной школе, в училище.

Юра через два года уехал сначала в Ярославль, потом в Саратов, в Москву, в Израиль.... Он был абсолютно непредсказуемый, очень талантливый человек. О нем многие говорили, что он гениален. Во время выступления Аранович вдохновлялся и буквально творил чудеса. Любой провинциальный оркестр у него начинал звучать так, как будто в его составе были сплошь выдающиеся музыканты.

– Карельская консерватория создавалась при Вашем непосредственном участии. Расскажите об этом, пожалуйста.

– Группа молодых талантливых музыкантов создала в Петрозаводске особый микроклимат, который, в итоге, дал возможность открыть консерваторию, хотя никто изначально в идею не верил. Считалось, это привилегия больших городов. Центр Петрозаводска и проспект Ленина тогда еще были деревянными, а некоторые жители держали у себя дома коров, кур... Скептики говорили: «консерватории открылись даже не во всех городах-миллионниках, а у нас здесь, фактически, поселок городского типа». Но мы продолжали работать. Появились талантливые ученики в детской музыкальной школе и в училище, которые мечтали продолжить профессиональное образование.

Мне удалось создать при музыкальном училище ансамбль скрипачей из семнадцати человек, мы выступали с серьезными программами, концерты с нашим участием регулярно показывали по телевидению.

Я был увлечен идеей создания консерватории, писал об этом статьи в газеты, разъяснял необходимость наличия в республике непрерывного цикла музыкального образования. Нам повезло – удалось увлечь этой идеей Георгия Ильича Лапчинского, авторитетного музыканта, автора книг о многих карельских композиторах. В городе его очень уважали и ценили как прекрасного музыковеда, интересного, выдающегося человека – он в годы войны сражался танкистом, вернулся с фронта без ноги, ходил на протезе. Мы с ним, а также знаменитым басом Виктором Каликиным и другими исполнителями, в составе творческой бригады музыкального лектория филармонии ездили по всему Северо-Западу России – Карелии, Республике Коми, Мурманской области, выступали в домах культуры. Георгий Ильич произносил вступительное слово, рассказывал о композиторах, инструментах, а мы исполняли классические произведения. Случалось, что в каких-то домах культуры рояль был расстроен, тогда баянист или аккордеонист садился и исполнял партию рояля. Прекрасные с нами выступали музыканты – солист филармонии, аккордеонист Николай Воропаев, позже – баянист Вячеслав Калаберда. В глубинке очень любили музыку, с удовольствием ее слушали, прекрасно принимали. У нас в репертуаре, наряду с классикой, были целые библиотеки популярных скрипичных миниатюр, которые мы исполняли на «бис».

Кроме того, мы постоянно выступали в учебных заведениях, нас встречали очень тепло. Мне кажется, такая форма просветительской деятельности, работы с населением была бы очень востребована и сегодня. Музыканты, педагоги готовы работать и дальше для возрождения интереса к музыке, который всегда существовал в российском обществе.

А дело с открытием консерватории в Петрозаводске решилось во многом, благодаря личным контактам Лапчинского в обкоме партии. Здание, в котором мы находимся сегодня, строилось как общежитие для машиностроительного техникума и было возведено уже до четвертого этажа. Когда Георгий Ильич «пробил» решение открыть консерваторию – нам выделили это строение, не слишком приспособленное. Встал вопрос: как завозить сюда крупногабаритные музыкальные инструменты? При постройке «коробки» концертного зала (ныне Малый зал Петрозаводской консерватории) рояли на четвертый этаж поднимали, а затем опускали в помещение с помощью крана, а потом настилали крышу.

– Как у Вас складываются отношения с современными студентами?

– В консерватории немало талантливых ребят, хотя у нас порой шутят, что петрозаводские студенты – «третьего сорта», так как здесь часто оказываются те, кто перед этим не смог поступить в консерваторию в Москве, а затем – в Петербурге. На некоторых там даже ставят печать «профнепригодности», с таким настроением абитуриенты к нам из столиц и приезжают. Но у них совсем другие критерии отбора: при приеме нередко руководствуются принципом «снятия сливок», возможностью работы с очень талантливыми, яркими, блестяще подготовленными перспективными студентами, которых буквально через месяц можно посылать на конкурсы. А те, кого надо учить, с кем из года в год надо работать, приезжают в Петрозаводск.

Бывает так, что на первый курс ребята поступают с диагнозом «профнепригодности», а к четвертому раскрываются как музыканты, проявляют свою индивидуальность, выступают с сольными концертами. Среди них – много лауреатов различных конкурсов. У студентов развиваются новые возможности, нравственные качества – для музыки это очень важно.

Лучших я стараюсь настраивать на «подвиги» в виде сольных концертов, как некогда меня – Вениамин Иосифович Шер. У них после выступлений появляется чувство удовлетворения – они тоже вносят свой вклад для будущих поколений. А когда приходят абитуриенты и видят класс, оклеенный афишами студенческих концертов, они понимают, что здесь реально можно чему-то научиться.

Очень важно, чтобы контакты с молодежью были человеческими. Одно дело – обучить правильно выполнять техническую задачу, совсем другое – найти подход к душе. Если это удастся, постепенно появляется все, что нужно, включая технику. У нас со студентами постоянный взаимообмен энергиями, особая атмосфера занятий, может быть, поэтому я и сохранился так хорошо.

В единстве науки и спорта. Профессор Шегельман

Илья Романович Шегельман, доктор технических наук, профессор, член-корреспондент Российской инженерной академии, – фигура в Карелии легендарная. Его считают своим Учителем сотни бывших и нынешних студентов и аспирантов Петрозаводского государственного университета, где он ведет большую научную и педагогическую работу. Одновременно Илья Романович – наставник спортсменов по самбо, боевому самбо, рукопашному бою, дзюдо, комплексным единоборствам. В его активе чемпионы мира, Европы, России, более 200 чемпионов Карелии, которым Заслуженный тренер Республики Карелия и России открыл дорогу в спорт. Фактически он является создателем уникальной и успешной школы самбо в Карелии.

Илья Шегельман – человек активный и разносторонний: в списке научных работ более 200 изобретений, а также многочисленные книги, статьи, крупные проекты. Его жизненный путь – классический пример человека, который «сделал себя сам», поэтапно, ступень за ступенью поднимаясь на новые уровни развития личности.

– *Как происходило Ваше еврейское осознание?*

– К еврейскому пониманию я пришел уже довольно зрелым человеком, стал осознанно читать, изучать тему. Это произошло уже во время работы в Карелии, – у меня появились интерес и свободное время. В детстве или в школьные годы никаких возможностей обсуждать такие вопросы не было, это слабое место в воспитании нашего поколения.

Когда мы учились вместе с Сергеем Слонимским, Юрой Арановичем, Марком Эрмлером, то просто не задумывались о национальном вопросе, нас объединяла любовь к музыке. Со случаями антисемитизма я лично не сталкивался, о таких историях, происходивших в то время, узнавал больше по рассказам, слухам.

Моя дочь Елена Векслер с прошлого года живет в Беэр-Шеве, внук Антон отслужил в израильской армии, сейчас учится и работает. Много в Израиле и других родственников. Кроме того, на Святой Земле продолжают трудиться многие мои ученики и коллеги.

– *Передались ли Вашим детям музыкальные гены Вашей семьи?*

– Да, мои дети очень музыкальны, это интересные, творческие люди, у нас замечательные отношения. Старший сын Леонид – заслуженный артист Российской Федерации, концертмейстер первых скрипок в симфоническом оркестре Мариинского театра у Гергиева. Младший Алексей, талантливый скрипач, учился в Центральной музыкальной школе при Московской консерватории в классе Эдуарда Грача, затем у профессора Изабеллы Головиной, сейчас работает и живет в Москве, часто гастролирует как солист. Таким образом, музыкальная династия Векслеров продолжается. Самое главное – передать детям и внукам человеческие качества, то, что я воспринял от своих учителей.

– *Илья Романович, расскажите, пожалуйста, о начале Вашего жизненного пути.*

– Корни нашей семьи из Белоруссии. Дедушка, – мамин папа жил в Мозыре, отец – из Бобруйска. Я родился в эвакуации, в Киргизии (сейчас Кыргызстан).

После войны мы жили в Бобруйске. Старший и младший братья уехали в Петрозаводск, а я окончил школу рабочей молодежи. С 15 лет начал работать, много занимался спортом. Мне никто никогда в жизни ничего не давал, мы с братьями с детства жили самостоятельно, привыкли пробиваться своими силами.

Я ехал в Ленинград поступать в Политехнический институт, но по дороге навестил друга в Лесотехнической академии – там меня уговорили сдать вступительные экзамены, так я стал студентом. Через 2 недели первокурсников собрали и объявили, что мы попали под «хрущевский набор» – нас отправили на лесозаготовки, согласно положению, отработать надо было год. Далеко не все с этим справились.

Я рубил сучки, потом работал чокеровщиком, помощником вальщика. На момент поступления в академию я весил около 55 кг. На работе нужно было поднимать и носить 12-килограммовую пилу, бачок с бензином 10-12 кг, цепи и валочную лопатку. Работа была очень непростая, все приходилось делать вручную. Поначалу я даже немного боялся леса. Пришлось освоить очистку лесосек, нижний склад, лесосплав, шпалорезно-тарный цех... Помню, что все время хотелось есть, молодой организм требовал своего. После года работы в лесу началась учеба, было много практики; как ни странно, я все выдержал.

– Было ли в Вашей семье еврейское воспитание?

– Настоящего еврейского воспитания мы с братьями не получили – время было такое, когда родители многие темы не обсуждали с нами. Они любили и берегли нас, поскольку некоторые родственники находились в местах не столь отдаленных. Я немного понимаю идиш, поскольку мама и папа говорили между собой на этом языке, а мы подслушивали.

Как в любой еврейской семье того времени, стояла задача, чтобы сыновья в первую очередь получили высшее образование. На это родители меня настраивали. Я был записан на заочные курсы разных вузов, готовился, занимался дополнительно.

– Как сложилась Ваша дальнейшая трудовая деятельность?

– После окончания вуза меня направили в Карелию, хотя мне очень хотелось на Сахалин. Я распределен младшим научным сотрудником в Карельский научно-исследовательский институт лесной промышленности. Это не случайно: мой дядя – Борис Наумович Одлис – более 20 лет был директором Онежского тракторного завода, старший брат Роберт работал на Петрозаводском заводе, где стал заслуженным машиностроителем Карелии, младший брат Марк учился на строительном факультете Петрозаводского университета (сейчас заслуженный строитель России и Карелии). В институте мы создавали и испытывали различную технику, аналогов того, что было создано тогда, к примеру, для осмолзаготовок, по сей

день нет. Тогда как раз начались проблемы с Китаем и Португалией. Эти страны приравняли канифоль и скипидар к стратегическому сырью. СССР закупил 10 канифольных заводов, их распределили по всей стране, а наш институт стал в проекте головным. Мы создали механизированную технику, обеспечивавшую заготовку сырья. Эта работа легла в основу моей кандидатской диссертации. Потом мне предложили должность завсектором координации и планирования научных работ института с совмещением с должностью ученого секретаря. Удалось сохранить коллектив и продолжить развивать свои направления. В этот период появились первые научные статьи, изобретения.

После защиты кандидатской диссертации в Лесотехнической академии стал думать, чем заниматься дальше, – человек всегда должен расти. Решил попробовать себя в прогнозировании развития науки и техники в лесной отрасли, познакомился с трудами Генриха Сауловича Альтшуллера и других специалистов в области методологии творчества, которые меня очень заинтересовали. ТРИЗ внес колоссальный вклад в идеологию изобретательства, понимание его духа. Я попытался создать методологию функционально-технологического синтеза патентоспособных объектов техники, что позволило мне и коллективу специалистов, которым я руководил, создать более двух сотен изобретений. Докторскую защитил во времена перестройки, когда остальные начинали зарабатывать деньги. Начался очень непростой период: институт перестали финансировать, многие специалисты оказались не готовы работать в хозрасчетных условиях. Мы с командой тех, кто мог трудиться в любой ситуации, зарегистрировали филиал Петрозаводского университета и перешли в его структуру. Я стал руководить Карельским НИИ лесопромышленного комплекса и заведовать кафедрой технологии организации лесного комплекса, где средний возраст тогда составлял лет семьдесят. Сразу набрал аспирантов, создал одну из самых молодых кафедр в университете: на сегодняшний день все сотрудники, за небольшим исключением – бывшие мои аспиранты и докторанты. Под моим руководством защищено 3 докторских, более 20 кандидатских диссертаций.

– Вся жизнь Вы профессионально занимались спортом, возглавляли КРОО «Федерация самбо и дзюдо». Как Вы пришли в спорт?

– Вольной борьбой увлекся в раннем детстве, в Лесотехнической академии занимался самбо. После приезда в Петрозаводск я практически сразу приступил к тренерской работе в маленькой университетской секции самбо. Время для тренировок мне выделяли в 21.00-22.00, поскольку только тогда я освобождался с работы, – под Кондопогой мы испытывали новую технику. Я проводил тренировку, возвращался домой, а уже в 5.00 уезжал на новые испытания. Такой у меня был график. Конечно, дом и заботы о детях целиком лежали на моей супруге Лидии.

– Как продолжалось формирование Вашего еврейского самосознания?

– Я пришел на работу в лесную отрасль, где было не так много евреев. Всю жизнь меня окружали лесники, рабочие, спортсмены. К тому же, я работал на севере, а северные евреи – особенные, они отличаются, скажем, от бобруйских. Случаев антисемитизма здесь было гораздо меньше, у меня никогда не было препятствий в научной деятельности, работе, – я стал проректором Петрозаводского университета. Столкнулся с таким явлением лишь однажды. В автобусе, ехавшем на лесозаготовки, люди обсуждали «шовинизм» и «мировой антисемитизм». Мне пришлось сказать по ходу обсуждения, что я – еврей и не буду участвовать в дискуссии. «Но вы же наш, свой! Они там другие», – ответила мне какая-то женщина...

Мое еврейское развитие продолжилось после того, как мой замечательный старший брат Вадим, тренер высокой квалификации, директор спортивной школы, репатриировался в Израиль. В советское время это был очень серьезный шаг, означавший отказ от всего, что было наработано в Союзе. Через год Вадим

пригласил меня к себе в гости и прислал билеты. Так я впервые побывал в Израиле. Меня очень тепло принимали, показали многие интересные места.

После поездки мне стало неудобно, что я мало знаю о еврейской истории и религии. Еще во времена учебы я ходил в библиотеку, читал журнал «Наука и религия», старые книги, старался разобраться, кто такие евреи, но информации не хватало. Я стал снова погружаться в тему, отправил жену на изучение иврита, после и сам несколько месяцев занимался языком. По субботам с некоторого времени перестал приходить на работу в университет (шутя, ссылаюсь на Шабат, хотя, конечно, работаю дома).

– Какие качества Вы считаете в себе главными?

– В науке я больше интегратор, коллектив, который работает со мной, – один из самых сильных в университете. Это совершенно разные люди – ученые, экономисты, технологи, механики, математики, изобретатели, производственники... Сам я всю жизнь очень много работаю: с юных лет и до сих пор, возможно, это мое самое сильное качество.

Обаятельный «книжник». Вспоминая В.А. Штейнберга

В 2015 году замечательному человеку, эрудиту, талантливому библиографу и педагогу Вениамину Ароновичу Штейнбергу исполнилось бы 85 лет. Несмотря на то, что уже много лет известного карельского «книжника» нет с нами, коллеги, близкие, читатели, многочисленные его ученики с огромным теплом и любовью вспоминают друга и наставника – в сотнях судеб харизматичный и мудрый Штейнберг оставил незабываемый след.

На протяжении многих лет Вениамин Аронович самоотверженно служил книжному делу: сначала работал в библиотечном коллекторе, а затем был главным библиографом Карельской публичной библиотеки. Помимо этого, он постоянно ездил в командировки, занимался методической и общественной работой, общался с читателями, выступал с лекциями. Бывшие студенты Штейнберга сегодня работают в библиотеках во всех районах республики. Его доброе имя – навсегда вписано в историю культуры Карелии.

Мне довелось побеседовать с Таисией Павловной Самойловой, вдовой Вениамина Ароновича, вместе с которой он прожил четыре десятка счастливых лет. Квартира Штейнберга похожа на маленький музей: вдоль всех стен – стеллажи с аккуратно расставленными книгами. Отдельно – французская, английская и американская литература, поэзия, произведения о животных, биографии писателей, путеводители... Многие книги – с особенной историей, памятными надписями авторов и дарителей. На всю коллекцию составлен подробный каталог. Правда, в последнее время Таисия Павловна передала часть экземпляров в дар Национальной библиотеке Республики Карелия, но дома все равно – книжное царство. Сразу понимаешь, что для хозяев квартиры именно в этом заключается главный смысл жизни.

– Таисия Павловна, как Вы познакомились с Вениамином Ароновичем?

– Оба приехали по распределению в Петрозаводск – я из Ленинграда, Вениамин – из Москвы. Преподавали в библиотечном техникуме: я – организацию фондов, каталогов, он – библиографию. В 1953 году познакомились. Штейнберг меня сразу очаровал – интересный, обаятельный человек, энциклопедические знания, феноменальная память. Очень симпатичный, добрый. В 1958 году состоялась наша свадьба, мы навсегда остались в Карелии, полюбили ее природу. Жили по-доброму, во взаимной любви. В 1961 году родился наш единственный сын Сережа. Он рос одаренным, умным и спортивным мальчиком, но, к сожалению, безвременно ушел в возрасте семнадцати лет. Это была страшная потеря для обоих, я думала, мы не сможем пережить такое горе. Но Вениамин меня очень поддерживал. До сих пор не могу привыкнуть, что осталась одна.

– Из какой семьи корни Штейнберга?

– Веня родился в Калининской (ныне Тверской) области, в деревне Старица в интеллигентной еврейской семье: папа Арон Моисеевич Штейнберг – ин-

женер, мама Ида Васильевна Силкина – врач. У них был прекрасный дом, окруженный садом. Ребенком много занимались, мальчик получил прекрасное образование и воспитание.

Во время войны произошло страшное событие, изменившее судьбу мужа: на глазах у одиннадцатилетнего Вениамина немцы забрали и расстреляли родителей. Ребенок смог чудом убежать в лес, скитался и прятался там несколько дней. Нашла мальчика простая русская женщина Мария Филипповна Яковлева, крестьянка из деревни Мошноино. Рискуя собой и жизнями близких, она привела Веню к себе домой и спрятала. Благодаря ее подвигу Штейнберг уцелел.

– Эта история имела продолжение. Я знаю, что ныне имена родителей Вениамина Ароновича увековечены в Зале имен иерусалимского музея Яд Вашем...

– Это правда. По рекомендации Марка Михайловича Бермана и при помощи Городской еврейской общины Петрозаводска муж обращался в Яд Вашем, писал туда письма, отправил воспоминания. Последний ответ из Иерусалима пришел, когда его уже не было в живых – на вопросы сотрудников музея о том, как Мария Филипповна спасла Вениамина, отвечала я.

Кстати, супруг постоянно вспоминал М.Ф. Яковлеву, неоднократно с ней встречался после войны, когда жил в Москве. Потом навещал ее, связывался, уже проживая в Петрозаводске. Спасительница Штейнберга умерла, но добрая память о ней в нашей семье хранится всю жизнь. К сожалению, ее фотографии не сохранились – пропали вместе с архивом тети Вениамина.

– Как складывалась послевоенная судьба Вениамина Штейнберга?

– После освобождения Ржевского района Калининской области от немцев Веню забрал к себе в Москву двоюродный брат Борис Силкин, дальнейшее образование он получал в столице. Отлично учился в школе, был удостоен золотой медали. Рос талантливым и очень способным мальчиком. Свободно читать Вениамин умел с трех лет, а в годы ученичества это стало любимым занятием. Всю жизнь Штейнберг не расставался с книгами.

Выпускником мечтал поступить в Московский государственный университет, стать историком. После экзамена из аудитории вышел профессор, похвалил Веню, сказал, что такого глубокого исчерпывающего ответа на вступительных не слышал ни разу, восхищался его знаниями. Не зря же Штейнберга называли всю жизнь «ходячей энциклопедией»! Но оценка, тем не менее, была поставлена «удовлетворительно», поскольку подкачала «пятая графа», а время было непростое – 1948 год, как раз начиналась борьба с «космополитизмом». После этого несправедливого удара Вениамин решил поступать в Московский библио-

течный институт, там препятствий чинить не стали. Он блестяще учился, стал сталинским стипендиатом, после окончания вуза по специальности «библиография» был направлен в Петрозаводск.

– По воспоминаниям коллег, Вениамин Штейнберг был настоящим «книжником» не только на работе, но и в быту. Как это проявлялось?

– Чтение было его настоящей страстью: Веня не пропускал ни одной книги, следил за всеми новинками. На природе, на отдыхе он повсюду читал. Мы были подписаны на все собрания сочинений, постоянно ходили на книжные распродажи, в магазины. Муж особенно интересовался исторической литературой, мировой классикой, географическими справочниками, любил и хорошо знал поэзию.

Казалось, у него в голове был настоящий компьютер: он не только мог рассказать про любую книгу из хранилища библиотеки, но еще и по памяти точно воспроизвести, в каком разделе, на каком стеллаже и на какой полке она находится. Недаром о нем говорили, что он помнит все, называли «Эйнштейнбергом». Люди приходили в библиотеку, чтобы просто с Вениамином по-человечески пообщаться, настолько это было познавательно и интересно. На работе муж делал не только то, что входило в его прямые обязанности, но всегда стремился помочь, ответить на любой запрос, найти нужную книгу. Когда Вениамин перешел на преподавательскую работу, библиотека потеряла немало читателей.

Студенты очень ценили Штейнберга как наставника и друга, восхищались его начитанностью и обширными знаниями. Строгий, но справедливый, открытый, он всегда был рядом с ними – и в учебных классах, и в поездках «на картошку» в колхозы. Его блестящие лекции запоминались надолго. Уже после окончания учебы ребята присылали Штейнбергу поздравления, рисовали шуточные шаржи, делали благодарственные альбомы.

– А какие еще увлечения были у Вениамина Ароновича?

– Шахматы, футбол, музыка. Мы собрали большую коллекцию грампластинок – от Вивальди и Бетховена до «Модерн Токинг». Я сделала полный каталог записей, которые у нас есть. Любили слушать музыкальные произведения вместе. Постепенно удалось приобщить Вениамина к спорту. У меня первый разряд по лыжам – я и супруга научила кататься! Конечно, получилось не сразу, но через некоторое время он стал заядлым спортсменом-лыжником. Очень любили ходить в настоящие походы – с палатками, рюкзаками, проводить время на природе. Много ездили по Карелии. Муж даже совершил сложное путешествие по северным морям на ладье «Клавдия Еланская».

Несмотря на скромные зарплаты, мы никогда не сидели на месте, посетили немало замечательных

уголков в нашей стране, бывали на юге, за рубежом. Вениамин интересовался архитектурой, пока другие туристы отдыхали, мы везде заходили в соборы и храмы. Он прекрасно разбирался в иконописи и старинных фресках, мог рассказать множество историй в этой связи, называл события, имена. Меня это всегда поражало – откуда такие разносторонние знания? Побывали в Германии, Чехословакии, Англии и других странах, отовсюду привозили книги.

– В зрелые годы интересовался ли Вениамин Аронович еврейской историей и культурой?

– Несомненно. Как только в Петрозаводске образовалось общество «Шалом», мы сразу стали посе-

щать разные мероприятия, сделались постоянными участниками встреч. Вениамин много читал по этой теме, размышлял, дома была Библия. Но вслух рассуждать о религии, вере он не любил.

Дружили в Петрозаводске с замечательными людьми, особенно близко – с Софьей Лойтер и Иосифом Гином, семьей Берманов. Марк Михайлович посвятил Вениамину немало шуточных стихотворений, они любили посмеяться, а всерьез написал мне однажды после смерти мужа, что «Веня был такой же непрменной деталью Карелии, как Онежское озеро или белые ночи». Сейчас я продолжаю участвовать в еврейской жизни уже без мужа: являюсь волонтером общества «Хесед Агамим», общаюсь с подопечными.

Григорий Кац: «Я родился под выстрелы»

С журналом «Алеф» у меня связано несколько очень теплых и эмоциональных историй: благодаря опубликованным материалам несколько раз находились родственники и друзья героев интервью. На сей раз через редакцию меня разыскал необычный человек, – земляк, ветеран Великой Отечественной войны, кадровый военный, полковник, долгие годы служивший заместителем начальника передающего центра в Полевом узле связи Генерального штаба МО СССР, – Григорий Натанович Кац. Оказалось, он прочитал несколько публикаций, посвященных членам Петрозаводской городской еврейской общины, и решил поделиться своими воспоминаниями о жизни в городе на берегу Онега в далекие двадцатые и тридцатые годы прошлого века.

– Григорий Натанович, расскажите, пожалуйста, как Ваша семья оказалась в Петрозаводске.

– До революции мой отец Нота Гиршевич Кац и мама Рахиль Боруховна жили в Санкт-Петербурге, там родились две мои старшие сестры – Люба и Ида. Папа родом из Белоруссии, из местечка Буйничи (его год рождения – 1881), по профессии он столяр-краснодеревщик, мастер на все руки. Кстати, этот дар передан и мне: всю жизнь люблю работать с техникой, что-то чинить, изобретать. Судя по всему, первоначально отец занимался не только ремеслом, но и предпринимательством. Когда строили Николаевскую железную дорогу, он в этом участвовал. Продвигаясь все дальше на север, добрался до Петрозаводска, который был тогда одним из крупных транспортных узлов. Там семья и обосновалась. В Карелии у мамы с папой родились еще трое детей – две сестры (Рива и Бейля) и я (в 1921 году). Мама рассказывала, что я родился под выстрелы – в городе еще бродили группы белофиннов, под окнами частенько возникали перестрелки.

После революции отец стал простым рабочим на Лососинском деревообрабатывающем комбинате. О родне отца почти ничего не знаю, кроме того, что брат Ноты Гершевича (по воспоминаниям мамы) жил в Лондоне и работал трубочистом.

Мама родилась в Могилеве в 1888 году. Известно, что ее отец Борух Шухат преподавал древнееврейский язык. Мама всю жизнь была предана семье, заботилась о нас. Родители жили дружно, любили друг

друга, в семье царили лад и понимание, несмотря на многочисленные трудности. Богатства в доме не было, одна пара лыж приходилась на пятерых детей, из-за чего порой возникали споры и стычки. Отец меня обожал – я был долгожданным сыном.

Сначала жили на Сенаторке, возвышенности за Неглинкой, там стоял дом, где я родился. Через несколько лет переехали на проспект Ленина, 48. Этот деревянный двухэтажный добротный дом (располагался в самом центре, напротив современного здания Правительства Карелии), как и еще два в городе, принадлежали польскому еврею Беневичу. Он сдавал комнаты в аренду жильцам – у него квартировали, например, братья Гуткины. А еще владел хозяйственным магазином. Как сейчас смотрю на Беневича – холеный, с седой бородкой, всегда хорошо одет, в шляпе и с элегантной тросточкой.

На проспекте Ленина в то время стояли деревянные строения – настоящие халупы. Соседями по улице были Пулконены, Орловы, Буторины. Наша семья снимала большую комнату на втором этаже, с пятью окнами. Изначально в ней присутствовал камин, но папа установил вместо него печку-«американку», которую топили небольшими чурками (их кололи во дворе). Отец перегородил пространство и разделил его на четыре небольших закутка, получилась одна «комната» побольше – на два окна, две маленьких и за занавеской – хозяйственный уголок, где стоял «судник» (для самоваров и прочей утвари) и самодельный шкаф из красного дерева, обитый медью. Он служил

сестрам вместо зеркала. Мама с папой спали на кровати, я и кто-то из девочек с ними в комнате, остальные трое – на раскладушках, которые выносились на день в сени, а к ночи разбирались.

Готовили с соседями по очереди на кухне внизу – там стояла большая русская печка. Существовал график, в какой день кто готовит. Так что мама пекла хлеб сразу на всю неделю.

– Соблюдали ли дома еврейские традиции?

– Можно сказать, что да. Отмечали праздники, готовили еврейские блюда. Мацу пекли по очереди в разных семьях, старались, чтобы посторонние об этом не знали. На праздники в Петрозаводск иногда приезжал, как мы говорили, «мишугенер лерер» – невысокий, худенький, заполошный учитель. Он организовывал самодеятельность, делал в разных семьях постановки, обучал еврейскому языку. Помню, как он однажды дал мне в руки лимон и какой-то веник, читал молитву, позже я понял, что это был праздник Суккот.

В детстве я понимал идиш, на котором частенько между собой общались родители. Потом в училище выучил еще немецкий, так что разговаривал довольно свободно и на одном, и на другом языке.

В Петрозаводске в годы моего детства жил ребе. Его двухэтажный деревянный дом с двориком и сарайчиком находился неподалеку от трех бульваров, ближе к озеру. На первом этаже он жил сам, на втором собирались люди. Сначала я заглядывал туда по просьбе мамы – резать кур, поскольку дома соблюдался кашрут. Потом приходил к ребе учиться – всего раз пять. Занятия давались легко. Освоил алфавит, стал понемногу читать и писать. Ходить перестал, поскольку ребе меня «обманул». Однажды, когда я особенно усердно читал что-то из молитвенника, на страничку упала монетка. Я удивился – откуда? Ребе сказал, что Бог послал за мои успехи. Я снова выразил недоверие – наверху же потолок! «Для Всевышнего нет преград», – сказал ребе. – Он захотел – и послал». Я рассказал об этом случае своему другу Изе (Ефрему) Рыбаку. (Позднее он закончил Петрозаводский государственный университет, работал на радио, стал руководителем Национального музея, вместе с И.М. Мулло подготовил книгу об истории Петрозаводска). Семья Рыбаков была нерелигиозной, мать – коммунистка. Так что Изя меня поднял на смех. С тех пор учиться у ребе я перестал. Хотя помню, что позже, когда мне исполнилось тринадцать, меня вызывали десятым человеком на миньян. Видел я и свиток Торы, который мне показывал ребе.

Еврейское кладбище в те времена не было огорожено, территория была относительно небольшая, отмеченная камнями. В детстве я помню, памятники еще стояли, могилы были ухожены. По фамилиям знаю многих из тех, кто похоронен на этом кладбище. Там обрели покой мой отец и мамина родная сестра.

В 1935 году папы не стало, когда его хоронили, сапожник Альшиц читал молитву, я повторял за ним. В 1971 и в 1983, когда я приезжал в Петрозаводск, сохранившихся надгробий было уже мало, большинство лежали на земле и были расколоты.

– Каким Вам запомнился Петрозаводск Вашего детства и отрочества?

– В двадцатые-тридцатые годы Петрозаводск был небольшим уютным городком, центр которого располагался между двух рек – Лососинки и Неглилки. Улицы были немощеные, застройка – деревянная. Существовали и далекие окраины – Зарека, Голиковка, где обитал рабочий люд. Жители центра хорошо знали друг друга, ходили в гости.

Когда мы переехали на проспект Ленина, папа купил корову. У нас во дворе был небольшой огород и сарай. Многие соседи (поляки Полозовы, семья Орловых) тоже держали крупный рогатый скот – надо было кормить детей. Днем пастух пас стадо, гонял его через весь город, а вечером животные возвращались и ждали, пока их впустят во двор. Потом мы держали коз, отец специально выстроил для них пристройку, кормушки. Уход за козами был уже моей работой. Я за ними убирал, пас их «в ямке» у плотины, на пустыре. На зиму запасали воз сена – приезжали бородастые мужики в ушанках из Заонежья и привозили на ярмарки свой товар, мы у них покупали. Летом дети заготавливали в лесу веники, собирали в мешки листва – корм для животных.

Я учился сначала четыре года в учебном заведении первой ступени у педагога Клавдии Степановны Лузгиной. Продолжил занятия в школе, директором которой была Александра Ивановна Иванова. Она вела у меня историю, я частенько отвлекался, разглядывая через окно соседнее здание – городскую тюрьму, тогда она просила переключить внимание на урок. Учился я не очень прилежно, меня больше интересовал спорт и другие внешкольные занятия.

В 1938-39 гг. я стал капитаном футбольной команды «Динамо», потом – городской хоккейной команды, ходил в стрелковый тир. Спорт не только доставлял удовольствие, но приносил конкретную пользу, поскольку нас обеспечивали всей необходимой экипировкой. На выпускной вечер мне перешивали паллин старый костюм серого цвета – из одежды ничего, кроме простенькой косоворотки и легких брюк, у меня не было. А в команде бесплатно выдавали все, что нужно: теплую одежду и обувь, клюшку, коньки.

Помню, что приходил смотреть, как с огромного прекрасного собора, что стоял в центре города, напротив гимназии, снимали колокол... Храм разорили, разрушили, на его месте создали дом культуры, где открылись разные секции и кружки. Несмотря на трудную жизнь, в городе работали театр, кинотеатр «Звездочка», проходили концерты, на гастроли приезжали артисты. Мама, чтобы мы могли выжить, сда-

вала им время от времени одну из наших «комнаток» за перегородкой, чаще всего у нас останавливались Фридман и Герц, куривший ароматный табак.

В тридцатые годы в Петрозаводске был голод, многие уехали из города. По карточкам работающему на заводе отцу на день полагалось восемьсот граммов хлеба, иждивенцам – по четыреста. По норме получалась большая буханка и довесок. На берегу Онежского озера, неподалеку от пристани, существовал рынок, небольшие магазинчики, к одному из них нас прикрепили. Я ходил туда с раннего утра, стоял в очереди с матерчатой кошелкой, а на обратном пути облизывал хлеб – отщипнуть не решался, совесть не позволяла. Ели репу, брюкву, картошку, рыбу.

Помню, как начинали строить гостиницу «Северная», Дом Правительства (тогда – Совета министров). Мама покупала махорку, отправляла нас на стройку, и плотники за курево откладывали в сторону отходы щепы. В конце дня мы ее забирали и топили печку.

– С какими еврейскими семьями общались Ваши родители и Вы?

– Перечислю всех по памяти. Еврейские семьи дружили, дети вместе играли и учились. Фамилию «Кац» носили три семьи, одна из них проживала в том же доме, что и мы, на первом этаже. Ее глава торговал в лавке скобяными товарами и исполнял обязанности коменданта дома. Третий Кац – «Аба», как мы его называли, владел булочной, торговал свежим хлебом, бубликами, пирожными и сельтерской водой. Семья Рыбаков жила в том же дворе, что и мы. Отец Изи был финансовым сотрудником «Карелеса». Запомнились братья Гуткины – замечательные врачи. Общался я по медицинской теме и с известным доктором Иссерсоном – он меня осматривал, лечил, а однажды направил в Ленинград на обследование, которое я проходил у профессора Виноградова и приват-доцента Шварца, который мне и помог. В здании больницы мы детьми подрабатывали – после стирки бинтов сматывали их в клубки.

Большую роль в моей жизни сыграла семья Роскиных. Благодаря им, я заинтересовался фотоделом, под руководством Роскина-старшего мы своими руками собирали фотоаппараты, осваивали фотодело. Дружили с Фимой из семьи служащих Дрейцеров. Еврей Шеберштейн владел двумя магазинами в Гостином дворе. Семья Цигельницких представляла собой революционно настроенную интеллигенцию. Проживали также в Петрозаводске папин друг Авербух, женатый на русской экстравагантной актрисе, банковский работник Давыдкин, портной Пятов, часовщики Лившиц и Шлимович, сапожник Альшиц, слесарь Янкельсон, ломовой извозчик Марголин. У последнего был свой дом, мы вместе семьями встречали праздники – Марголин, в отличие от моего отца, отличался высокой набожностью. На Гористой улице, куда подъехать не было никакой возможности из-за

неровностей местности, жили Шапиро. Знаю, что в городе были и другие еврейские торговцы – например, магазин «Пух, перо, вата» принадлежал семье, приехавшей в Петрозаводск позже остальных.

Моим первым увлечением в школьные годы стала дочь служащего Якобсона Виктория. Я ей очень симпатизировал, но подойти не решался, очень стеснялся. Из окна смотрел, как она идет в школу. Во время войны Якобсоны уехали в Казахстан, там Виктория вышла замуж, больше я ее не видел.

Хорошо помню музыканта, композитора Рувима Пергаменты: в возрасте шести-семи лет, по настоянию папы, я учился у него игре на скрипке. Занятия проходили два раза в неделю, мы играли много гамм, упражнений, через полтора года мне это сильно надоело. Отец к тому времени заболел, контроль за мной ослабил, и я перестал брать уроки. Но музыка все равно осталась частью жизни: отец Изи Рыбака был виолончелистом-любителем, Изия играл на скрипке, потом поступил в училище, у них дома организовывались музыкальные вечера, в которых мы принимали участие. Доводилось общаться и с Л.Я. Теплицким, который руководил первым симфоническим оркестром Петрозаводска.

Вообще, хочу еще раз отметить, что евреи жили очень дружно, много помогали друг другу, между собой общались и дети, и взрослые.

– Кто из Вашей семьи воевал на фронте?

– Начнем с того, что мне довелось принять участие еще в Финской войне. Поскольку я был первокурсником по лыжам, прямо из училища, где я начал учиться, меня бросили на Карельский перешеек обеспечивать связь. Отправили на фронт в курсантских сапогах и легкой шинельке, а морозы под сорок! Только через несколько дней выдали ватник, теплые штаны, портянки. Под них мы наматывали газеты. Спали, не раздеваясь, на хвойных ветках. Поскольку радиной специальности у меня не было, я работал в качестве «оленя»: перевозил радиостанцию для опытного радиста. Естественно, мы сразу сильно простыли, завшивели, начался бронхит, а потом сыпной тиф, меня с высокой температурой забрали в госпиталь в Ленинград.

Великая Отечественная война затронула всю нашу семью. Когда немцы вошли в Петрозаводск, мама с младшей дочкой погрузились на баржи и с другими петрозаводчанами эвакуировались. Взять с собой не удалось ничего, кроме одного эмалированного кувшина. Потом два года добирались к маминной сестре в Самару, по пути подрабатывая в колхозах. Остальные сестры и я сразу попали на фронт. Рива окончила фельдшерско-акушерскую школу, после чего ее сразу призвали хирургической сестрой. Как и я, она участвовала еще в Финской войне, а потом – и в Великой Отечественной, была очень мужественной, справедливой, прямой, имела награды. Ида вышла за-

муж в Могилеве в 1939 году. Ее муж, инженер, пропал без вести в первые дни войны. В 1941 году, потеряв в родах детей-близнецов, она добровольно пошла в армию.

Я всю войну прошел в войсках связи. Сначала меня послали в истребительную бригаду на Карельский перешеек начальником переносной радиостанции. Звания нам еще к тому моменту не присвоили, я был рядовым солдатом. Потом стал старшим радистом на автомобиле, где стояла авиационная станция. Через некоторое время получил звание лейтенанта, обмундирование, оружие. В дальнейшем проходил службу на офицерских должностях, руководил обучением радистов в Воронеже: тогда в армии была их острая нехватка, вышел сталинский приказ организовать специальные школы. В 1943 году был направлен в Новосибирск, в школу подготовки радистов, где и служил до окончания войны, неоднократно выезжал во фронтовые командировки.

После войны в Самаре к маме переехали другие мои сестры. Все дети в нашей семье получили достойное образование. Сестра Ида приняла решение вернуться в столицу Карелии, где работала зубным врачом в военной поликлинике.

– Возникали ли у Вас когда-то проблемы, связанные с еврейством?

– В детстве мы почти не чувствовали проблем. Иногда обзывали, конечно, даже пытались поколотить, но со мной это не проходило: я был рослым сильным парнем. В военном училище никакого антисемитизма не было, мы все были на равных. Однажды, уже во время войны, меня арестовали представители СМЕРШа, но после вмешательства полковника Умрилова, бывшего начальника училища, отпустили.

Бывает, что евреи меняют имена, чтобы скрыть еврейство. У меня получилось наоборот. Возникали проблемы в связи с тем, что я во многих документах прописан Григорием Натановичем, а отца звали Нота – юридическая казуистика. А самое смешное, что в 1943 году, когда я стал кандидатом на вступление в партию, мой командир, полковник, долго живший среди евреев в Белоруссии, сделал мне замечание. Дескать, негоже зваться Григорием – нет такого еврейского имени. Раз уж еврей – не стесняйся и пишишь Гиршем. Так пришлось послушаться его и по решению партийного бюро поменять документы с имени «Григорий» на «Гирш». До сих пор у меня хранятся бумаги, грамоты, награды, выписанные на разные имена.

Когда закончилась война, я решил учиться дальше и поступать в Академию. Но генерал Наварчук меня

по-человечески отговорил: дескать, в войсках я принесу больше пользы, а в Академию меня все равно не возьмут. После войны служил на полигоне «Капустин Яр», в 1949 году был назначен командиром роты связи в учебном полку № 85 в г. Горький. С 1956 г. проходил службу в подразделениях особого риска. Принимал участие в войсковых испытаниях ядерного оружия на Тоцком полигоне, в должности командира радиобатальона.

Сложилось так, что мне давали военные звания медленнее, чем другим офицерам. Одиннадцать лет проходил майором, потом еще девятнадцать лет – подполковником. За это время другие становились генералами. Однажды был случай, когда мою кандидатуру, как высококвалифицированного инженера, первоклассного радиста, предложили на должность руководителя радиопередающего центра Полевого узла связи Генерального штаба, но вышестоящий генерал-лейтенант Доленко сказал, что пока он начальник штаба войск связи, Кац центр не возглавит. И это при том, что в нашем подразделении всегда на ключевых должностях находились евреи – образцовая часть советских войск связи. Достаточно вспомнить такое имя, как Григорий Михайлович Княжицкий – специалист высочайшего класса, мудрый и энергичный начальник, замечательный человек. Он брал на работу людей, руководствуясь, прежде всего, их профессиональными и личными качествами. В качестве заместителя за пятнадцать лет службы я «пережил» восьмерых начальников центра, продолжая честно и профессионально делать свое дело. Княжицкий неоднократно говорил, что настоящим руководителем центра являюсь я, и вся ответственность лежит на мне.

До 1970 г. служил в Полевом узле связи Генерального штаба МО СССР, обеспечивал связь при всех совместных учениях войск стран-участниц Варшавского договора. Службу закончил в 1970 году в звании полковника. После выхода на пенсию с 1972 по 1984 гг. преподавал радиодело в ДОСААФ, под моим руководством организовывались обучение и соревнования школьников.

Возникали трудности, когда пришла пора дочери поступать в вуз, устраиваться на работу. Но преодолели и это. Я ощущал, что всю мою жизнь меня как будто кто-то вел, направлял на верный путь. Поэтому я уцелел, стал человеком, выжил в страшные годы, прошел две войны, обрел прекрасную жену, создал семью, не пострадал в сталинских репрессиях, дослужился до высоких званий. Я чувствую, что со мной всегда была поддержка свыше.

Имена в аллее праведников: семья Логацких

Пастор церкви христиан веры евангельской города Петрозаводска Петр Федорович Логацкий к осознанию своего жизненного пути пришел еще в раннем детстве, имея перед глазами яркий пример дедушки Мефодия и бабушки Ксении. История их героического поведения в годы войны известна ему с раннего детства по рассказам отца, ставшего свидетелем событий.

Семья Логацких проживала неподалеку от села Долговоля Владимирецкого района Ровненской области Украины. В этих местах издавна селились люди разных национальностей и вероисповеданий. Неустойчивый труженик Мефодий имел отдельно стоящий на хуторе, в пяти километрах от села, просторный дом, в котором размещалась его крепкая и добрая семья: супруга Ксения, дети – Дарья и Федор. Добраться туда можно было по единственной дороге через болото. До войны Мефодий работал мельником у зажиточного еврея, благодаря этому, имел друзей и знакомых во многих еврейских семьях района. Логацкий был глубоко верующим человеком, баптистом, чтит Священное Писание, считал своим долгом помогать евреям – представителям великого Народа, у которого на Земле особая миссия.

В апреле 1942 года фашисты начали загонять евреев в Владимирецкое гетто. Некоторые из сочувствующих местных жителей, включая Логацких, под угрозой смерти передавали за колючую проволоку продукты, помогали, чем могли. Незадолго до уничтожения гетто в августе того же года, Мефодий, узнавший о надвигающейся беде и планируемых расстрелах, предупредил евреев и вызвался укрыть несколько человек у себя в доме, в том числе – братьев Реувена и Авраама Суселов, а также молодых еврейских девушек из села Долговоля. Еще через некоторое время семья Логацких дала приют Шломо Аппельбойму и его раненому в ногу сыну Сендеру, которые сбежали из гетто Владимирца и некоторое время прятались в других местах. Их бесстрашно приняли, раны Сендера вылечили. Мефодий и Ксения поддерживали евреев, выражали надежду, что они обязательно доберутся до Святой Земли.

Через несколько месяцев на хутор пришли партизаны, Аппельбоймы ушли в леса вместе с отрядом, чтобы бороться с фашистами, остальные спасенные также покинули Логацких. После этого двери дома открылись еще для двух молодых евреев. На этот раз сохранить их присутствие в тайне не удалось: в один из дней на рассвете к Логацким неожиданно вломилась фашисты вместе с украинцами-полицаями. Оказалось, что один из односельчан, завидовавший благополучию соседей, донес на Мефодия и Ксению немцам. За помощь евреям жителям полагалась смертная казнь.

Двух еврейских мужчин, которые находились в тот момент в доме, расстреляли сразу. Главу семьи также поставили к стенке сарая. Даже в этот критический момент, находясь на грани жизни и смерти, он сохранил достоинство, мужество и спокойствие, стоял с высоко поднятой головой. Он произнес слова, которые глубоко врезались в память всем участникам событий и далее передавались из поколения в поколения в семье Логацких: «Вы можете убить мое тело, но душу – не убьете». Мефодия расстреляли, дом и хозяйство разграбили и сожгли, забрав вещи, еду, одежду, домашних животных. К счастью, уцелели остальные члены семьи. Один из полицейев хорошо знал Ксению, поскольку был с ней родом из одного села. Он заступился за несчастную женщину и ее детей – их не тронули. Без еды и крова, им все же удалось выжить, бедствуя и скитаясь по окрестностям на протяжении долгих месяцев.

Спустя годы внук Мефодия и Ксении Логацких Петр посетил Израиль. Для него это была очень важная поездка, поскольку он узнавал места, описанные в Священном Писании. Ему также довелось увидеть имена его дедушки, бабушки и тети, увековеченные в Аллее праведников музея Яд Вашем в Иерусалиме. Один из скрывавшихся в доме Логацких – Сендер Аппельбойм – исполнил свою мечту, репатрировался в Израиль, поселился в Тель-Авиве. Он с огромным теплом вспоминал тех, благодаря кому получил шанс на жизнь. Издалека Сендер разыскал представителей семьи, которая его спасла, написал о своей истории в Израильский институт катастрофы и героизма национального мемориала Катастрофы (Холокоста) и Героизма Яд Вашем. 20 июня 1990 года «Яд Вашем» удостоил Мефодия и Ксению Логацких (посмертно) и их дочь Дарью почетного звания «Праведник мира».

А потомок героической семьи пастор Петр Федорович Логацкий несет служение в Петрозаводске, молится за прихожан, поддерживает контакты с городской еврейской общиной, представителями других конфессий и с огромным уважением вспоминает самоотверженный подвиг деда и бабушки, своим человеческим выбором во многом определивших его духовный путь.

Мосты народной дипломатии

С 7 по 13 июля состоялась поездка членов Городской еврейской общины Петрозаводска, представителей общества «Карелия-Германия» и карельских школьников в город-побратим столицы Карелии – Тюбинген (земля Баден-Вюртемберг, Германия).

На протяжении двадцати восьми лет раскинувшийся на берегу Онега Петрозаводск и строгий университетский Тюбинген, стоящий на реке Некар, связывают теплые и крепкие отношения, установившиеся не только на уровне взаимодействия органов власти, но и контактов бизнесменов, общественных деятелей, представителей культуры и искусства, молодежи. Приоритетную значимость человеческих отношений, достижение взаимного понимания между людьми отметила в своем выступлении на торжественном приеме, состоявшемся в ратуше Тюбингена в честь гостей из Петрозаводска, первый заместитель обербургомистра г-жа Кристина Арбогаст.

Рассуждая о недавней конференции городов-партнеров России и Германии, состоявшейся в июне 2017 года в Краснодаре (в ней приняли участие руководители общественных организаций, а также Министры иностранных дел двух стран), г-жа Арбогаст обратила внимание на высказывание главы российского МИДа Сергея Лаврова. Он сделал важный акцент именно на огромной роли контактов между простыми людьми внутри гражданского общества, существующих вне зависимости от межгосударственных политических разногласий и проблем. «Благодаря неформальным встречам, личному общению, дружбе между горожанами Петрозаводска и Тюбингена укрепляются и отношения между нашими странами, становится легче разрешать и предотвращать конфликты, находить компромиссы», – подчеркнула первый заместитель обербургомистра.

Ярким примером эффективного и доброго сотрудничества между общественными и религиозными организациями городов-побратимов является двадцатилетняя совместная работа Городской еврейской общины г. Петрозаводска под руководством Дмитрия Григорьевича Цвибеля и христианской евангелической общины имени Дитриха Бонхоффера г. Тюбингена, которую возглавляет пастор Михаэль Фолькманн. Представители организаций регулярно обмениваются дружескими визитами, организуют совместные мероприятия, ведут издательские и просветительские проекты, направленные на укрепление доверия и углубление межконфессиональных отношений. Д.Г. Цвибель с огромным теплом и благодарностью вспоминает трогательный и важный для многих людей момент – передачу в 1996 году жителям Карелии свитка Торы, деньги на который были собраны представителями общины имени Дитриха Бонхоффера при участии религиозного деятеля и подвижника Пауля Целлера. Для многих жителей Тюбингена и Петрозаводска это событие до сих пор является од-

ним из самых важных и волнительных в жизни, глубоким переживанием радости.

«Передача христианской общиной свитка Торы в Карелию способствовала формированию и развитию еврейской жизни в Петрозаводске, структурированию общины, мы глубоко благодарны за это жителям Тюбингена, – рассказывает Д.Г. Цвибель. – Это замечательный пример подлинной народной дипломатии. Если люди будут лучше узнавать друг друга, лично общаться, то никому больше никогда не удастся заставить один народ противостоять другому».

«Отношения между еврейской религиозной общиной Петрозаводска и христианской общиной имени Дитриха Бонхоффера Тюбингена являются доказательством того, что представители разных конфессий могут успешно взаимодействовать, стремясь к пониманию друг друга», – убежден Михаэль Фолькманн. Именно благодаря его многолетним неустанным усилиям между городскими общинами существуют регулярные контакты: жители Петрозаводска и Тюбингена смогли познакомиться ближе, стали добрыми друзьями, поочередно ездят в гости друг к другу. В наше время тема обретения согласия между носителями разных религиозных взглядов является очень актуальной, как для России, так и для Германии, содействует укреплению стабильности в обществе.

В рамках программы пребывания для гостей из Карелии были организованы интересные встречи, выступления, обсуждения. Член еврейской общины Петрозаводска Людмила Гринберг рассказала о новостях воскресной школы и новых инициативах по работе с детьми. Состоялись межконфессиональные занятия по изучению Торы, посещение мемориального кладбища, где находится могила Пауля Целлера, осмотр выставки «Мартин Лютер и евреи». Вместе с членами тюбингенской общины петрозаводчане с радостью встретили Шабат, вспоминая многочисленные эпизоды многолетнего сотрудничества и выражая надежду на его продолжение. Всем пришлось по душе возникшая идея посещения гостями из Тюбингена в следующем году не только Петрозаводска, но и столицы России Москвы, знакомства с ее достопримечательностями и людьми.

Не менее впечатляющий пример – российско-германское сотрудничество людей с ограниченными

М. Фолькманн и Н. Лайдинен

возможностями. Петрозаводчанин Владимир Рудак приезжает в Германию при поддержке союза АМІСІ уже не в первый раз. В предыдущий визит в рамках авторского проекта «Реабилитация инвалидов через кинематограф» он снял в Тюбингене документальный фильм, теперь познакомил с ним жителей города, а также представил свою новую книгу. Совместно с обществом инвалидов Тюбингена В. Рудак работает над созданием доступной и комфортной среды для людей с ограниченными возможностями, что является очень важным для обоих городов-побратимов.

В состав молодежной делегации, которая приехала по инициативе общества «Запад-Восток», на этот раз вошли танцоры хип-хопа из группы «Crazy dream» Дворца творчества детей и юношества Петрозаводска. Вместе с немецкими ровесниками они провели несколько репетиций и представили зажигательную танцевальную программу для жителей Тюбингена и членов общества «Запад-Восток». Многие посетившие Тюбинген петрозаводские школьники прекрасно говорят по-немецки, интересуются историей и современностью Германии. Горожане услышали в их исполнении стихи своего земляка, известного поэта-романтика Фридриха Гельдерлина, а также лирику Сергея Есенина в переводе на немецкий язык. «На протяжении многих лет мы вносим посильный вклад в развитие побратимских отношений между Тюбингеном и Петрозаводском, – сказал представитель общества «Запад-Восток» в России Марк Кирсанов. – Уверены, что сложившиеся контакты и далее

будут укрепляться, мы уже успели обсудить с руководством Тюбингена обмен между жителями наших городов на следующий год».

Путешествия, новые впечатления, человеческое общение всегда расширяют горизонты, подвигают к изучению традиций, истории и культуры разных народов. В рамках обширной познавательной программы гости из Петрозаводска осмотрели уникальные достопримечательности региона, побывали в удивительных уголках туманного Шварцвальда, участвовали в праздновании Дня города Тюбингена, увидели великолепный семикаскадный водопад в Триберге, восхитились старинными уютными городками земли Баден-Вюртемберг, познакомились с выставкой «Рильке и Россия», домом-музеем поэта Ф. Шиллера в Марбахе. А еще состоялись многочисленные дружеские встречи, продолжительные дискуссии на актуальные темы, дегустация национальной кухни. За неделю гостям из Петрозаводска удалось узнать немало интересного о жизни в Германии, поделиться размышлениями о российских реалиях, найти точки соприкосновения, обрести новых друзей и укрепить уже сложившиеся контакты, сформировать совместные планы на будущее.

В завершение визита все участники мероприятий в Тюбингене на русском и немецком языках высказали признание неоспоримой важности продолжения народного живого диалога и выразили надежду на то, что мнение гражданского общества будет услышано и воспринято правительствами двух стран.

Немецкие будни «русского» раввина Пушкина

Всегда приятно неожиданно встречать в дальних поездках земляков, рассыпанных по всему земному шару. Особенно, когда выясняется, что человек родом из твоего города, учился с тобой в одной школе, у тех же педагогов. Вот только судьбы порой оказываются непредсказуемыми, складываются совсем по-разному. Тем интереснее побеседовать, узнать обо всем непосредственно от первоисточника.

Раввин Иехуда (в прошлом – Игорь) Пушкин родом из северного Петрозаводска,

что в Карелии. В 1991 году закончил одно из лучших учебных заведений в городе – гимназию №17 с углублённым изучением иностранных языков. А дальше, неожиданно для многих, исчез из поля зрения. Как оказалось, поступил в московскую ешиву, репатрировался в Израиль... А сегодня он является раввином синагоги старинного Эсслингена в земле Баден-Вюртемберг (Германия), курирует в общей сложности восемь небольших еврейских общин в близлежащих городках («филиалов» большой земельной общины Вюртемберга с центром в Штутгарте), значительную часть времени проводя в разъездах между ними. Его подопечными являются более шестисот человек. До переезда рава Пушкина в Эсслингэн этих преимуще-

ственно пожилых людей, кроме социальных работников, практически никто не навещал, религиозных деятелей они могли не видеть подолгу.

Стоит напомнить, что во времена нацизма в Эсслингене, как во многих других местах Германии, евреи, проживавшие в городе и окрестностях на протяжении столетий, были практически поголовно истреблены, их имущество конфисковали, синагоги разорили и уничтожили. На долгие годы еврейская жизнь в этих местах замерла. О страшных событиях напоминают мемориальные доски на улицах Эсслингена.

В наши дни местная община активно возрождается. Наш разговор начался с того, что раввин Пушкин с радостью провел экскурсию по недавно отремонтированной двухэтажной синагоге, расположенной в историческом особняке XV века. Справедливость восторжествовала: здание, оскверненное и отобран-

ное у евреев в 1938 году, в 2012 было возвращено муниципалитетом еврейской общине. От фасада строения, выполненного в стиле «фахверк», веет далеким средневековьем, а вот внутри все удобно и современно: молельный зал, учебные классы, молочная и мясная кухни, столовая, комната для занятий с детьми, рабочий кабинет. Предмет особенной гордости – торжественно внесенный в синагогу Свиток Торы, написанный в Израиле. Средства на него собрали всем миром – помощь поступила от семнадцати организаций, членов общины, обычных горожан.

За чаем, предложенным гостеприимным хозяином, который одинаково свободно владеет русским языком, ивритом и немецким, мы поговорили о превратностях судьбы и новой еврейской жизни в Германии.

– Уважаемый рав Пушкин, в какой семье Вы родились?

– Это была обычная интеллигентная советская семья, все были ассимилированы. Папа трудился сначала в Академии наук, потом в Северном научно-исследовательском и проектно-конструкторском институте рыбного хозяйства. По его линии бабушка и дедушка – известные медики. Моя мама тоже всю жизнь работает врачом. Никакой передачи традиции, еврейского воспитания дома, конечно, не было. В школе я учился весьма средне, отличался только по гуманитарным дисциплинам.

А потом вдруг резко изменилось все вокруг – и в стране, и в моей жизни тоже. В связи с событиями, произошедшими в России конце 80-х – начале 90-х гг., люди искали новые пути, пробуждалась религиозная жизнь в целом и еврейская – в частности. Обучаясь в последних классах, я уже ездил в синагогу в Ленинград (400 километров от Петрозаводска), посещал воскресную школу. Так что поступление в 1992 году в московскую ешиву «Мекор хаим», а затем и переезд в Израиль, стали для меня процессом не спонтанным, а вполне естественным. На мое становление очень повлияла атмосфера, существовавшая в те годы в Ленинградской синагоге, а позже и бурлившая в Москве еврейская жизнь, в которую я окунулся. Многие институты создавались с нуля буквально на моих глазах, приезжали уважаемые раввины. Все это вместе предопределило выбор жизненного пути.

– Как складывалась Ваша судьба дальше?

– Я учился в Израиле в ешиве, призвался в армию, женился. Служил в образовательных войсках, потом – в военном раввинате. Когда настало время определяться, решил стать раввином, поступил в колель. Так получилось, что после окончания учебы в 2002 году я с семьей впервые поехал в Германию по работе, осваивал немецкий язык. Спустя три года мы вернулись в Израиль. Еще год я продолжал образование, а в 2006 году вновь оказался в Германии, трудился в Ганновере и Гамбурге. Шесть лет назад было принято

решение поселиться в Эсслингене, рядом со Штутгартом, поскольку в городе достаточно большая община (триста человек), главным образом – русскоязычная. Когда мы обосновались здесь, процесс переговоров между общиной и муниципалитетом о передаче евреям старинного здания синагоги был в самом разгаре. Скромно предположу, что в пользу положительного решения о ее открытии повлияли, в том числе, мой переезд и последующая деятельность.

– Расскажите, пожалуйста, подробнее, о работе, которая ведется на базе еврейской общины Баден-Вюртемберга.

– Начнем с того, что ежедневные нужды еврейской общины в Германии финансируются на государственные деньги в рамках земельного договора, а для реализации отдельных конкретных целей привлекаются деньги спонсоров. Существует практика сбора так называемого «церковного» налога с членов официально признанных религиозных организаций, который возвращается потом обратно в общину.

Так сложилось, что в Эсслингене и других «филиалах» мы взаимодействуем преимущественно с пожилыми евреями. Молодежь предпочитает стекаться в крупные города, разнообразная работа с ней осуществляется на базе Штутгарта. Уровень репатриации из Германии, как и из других стран, в настоящее время невысок, скорее, упор делается на участие в различных программах, которые дают возможность в дальнейшем при желании остаться для проживания в Израиле. Очень популярны среди молодых евреев познавательные программы «МАСА» и «Таглит». Во многих «филиалах» действуют религиозные школы, на их базе занимаются с детьми, в группах по 5-7 человек. К сожалению, существует проблема недостаточной активности людей среднего возраста от 25 до 50 лет.

С учетом предпочтений членов общины и горожан, в Эсслингене и в других «филиалах» представлена обширная культурная программа, мы организуем концерты, на которых исполняются произведения еврейских композиторов, классика сефардов и ашкеназов, популярные народные и современные мелодии, а также звучит музыка разных народов.

– Существует ли интерес к еврейской культуре, истории, традиции среди жителей Германии?

– В последние годы мы наблюдаем тенденцию роста внимания к еврейской истории и религии в разных странах мира, даже там, где присутствие евреев в силу определенных причин минимально, например, в Польше. Германия не является исключением. Я бы сказал, что интерес к теме здесь даже выше средне-европейского, что обусловлено непростым развитием событий в прошлом. Причем, любопытство немцев касается не только исторических и культурных вопросов, очень востребована информация об Израиле, как политическая и экономическая, так и религи-

озная. Мне доводилось встречать жителей Германии, которые неоднократно бывали в Израиле, чтобы удовлетворить свой интерес. Во многих городах на базе Народного университета существуют курсы иврита, которые посещают не только евреи.

– Сталкивались ли Вы лично в Германии с какими-то проявлениями антисемитизма?

– В обычной жизни, на улицах – никогда. Тем не менее, антисемитизм в разных формах присутствует в немецком обществе, среди эмигрантов из стран Ближнего Востока, в прессе, которая критикует Израиль вне формата политического дискурса.

Михаэль Фолькманн. Жизнь как служение

Пример многолетнего сотрудничества и искренней дружбы между христианской евангелической общиной имени Дитриха Бонхоффера, что в Тюбингене (земля Баден-Вюртемберг, Германия), и Городской еврейской общиной его российского побратима Петрозаводска (Республика Карелия, Россия) действительно уникален. В 1996 году по инициативе пастора Данкварта-Пауля Целлера христиане Тюбингена собрали сумму пожертвований, необходимую для приобретения в дар евреям Петрозаводска Свитка Торы. Церемония передачи состоялась в Большой Хоральной синагоге Санкт-Петербурга в присутствии гостей из Тюбингена. По словам Дмитрия Цвибеля, руководителя петрозаводской общины, именно этот момент стал ключевым для структурирования и возрождения еврейской жизни в городе на Онего.

Спустя двадцать один год, Лора Ауэр, участница мероприятия с немецкой стороны, со слезами на глазах призналась мне, что именно передачу Торы еврейской общине Карелии она считает самым главным событием в своей долгой жизни, подарившим ей подлинную «Симхат-Тора» – Радость Торы! Ее чувства разделяют многие из тех, кто присутствовал при этом, а также участвовал в последующих совместных акциях и взаимных обменах делегациями между Тюбингеном и Петрозаводском. С первых шагов установления и развития межконфессиональных контактов между общинами плечом к плечу с Данквартом-Паулем Целлером стоял Михаэль Фолькманн, который глубоко проникся идеей взаимодействия с еврейской общиной Петрозаводска и оказания помощи евреям Карелии, принимал деятельное участие во всех начинаниях. После ухода из жизни пастора Целлера он продолжил огромную подвижническую работу, которая на протяжении многих лет успешно ведется на базе христианской евангелической общины имени Дитриха Бонхоффера.

Сегодня именно Михаэль Фолькманн – движущая сила и генератор идей для многих совместных проектов и инициатив. Его личность необычна и многогранна. Образование включает степень доктора теологии университета Тюбингена, а также глубокое исследование еврейской религиозной, исторической и культурной тематики, за его плечами всевозможные учебные программы и курсы в Израиле. Одной из основных своих задач пастор видит просвещение

– Осуществляется ли взаимодействие еврейской общины Эсслингена с представителями других конфессий?

– Да, мы активно участвуем в межрелигиозном диалоге с христианскими церквями и культурными обществами. Такое взаимодействие существует на протяжении многих лет, и уже удалось достичь определенных позитивных результатов. Новое направление для иудейских общин и христианских объединений, которое сейчас только начинает развиваться, – формирование диалога с мусульманскими организациями. Обе крупные мечети Эсслингена уже сотрудничают с нами, мы надеемся на расширение контактов.

прихожан в религиозных вопросах, возвращение их к историческим корням. Для того чтобы лучше понимать еврейскую традицию, он изучил иврит, собрал прекрасную библиотеку книг по иудаике на разных языках. В общине Тюбингена проводятся регулярные занятия по изучению Торы, Фолькманн читает лекции, организовывает экскурсии по еврейским местам земли Баден-Вюртемберг. Он – автор двух монографий и многочисленных статей, посвященных вопросам еврейской истории, кибуцному движению, взаимоотношениям иудеев и христиан. Михаэль Фолькманн – признанный эксперт по межконфессиональному диалогу и налаживанию сотрудничества между представителями разных религий, он официально работает в Конференции рабочих групп христиан и евреев земельных церквей Германии (KLAK).

Принимая участие в визите представителей еврейской общины Петрозаводска в Тюбинген в июле 2017 года, я побеседовала с пастором М. Фолькманном о различных этапах его жизненного пути, деятельности, направленной на сохранение еврейской памяти Тюбингена, а также многолетнем опыте сотрудничества с Городской еврейской общиной Петрозаводска.

– Михаэль, расскажите, пожалуйста, в какой семье Вы родились.

– К сожалению, я практически не знал своих бабушек и дедушек, поскольку мои родители были поздними детьми. Поэтому все истории знакомы мне, в основном, по рассказам родителей. Папа родился в

1921 году, у него было пять сестер и братьев. Известно, что его отец придерживался либеральных взглядов в политике, был довольно активным в местном Совете демократической партии Людвигсбурга, одного из городков неподалеку от Штутгарта. Дед был лично знаком с Теодором Хойсом, первым федеральным Президентом ФРГ. Он был противником нацистов, в кругу семьи нередко говорил, что приход Гитлера к власти неизбежно приведет к войне.

Мама родилась в 1926 году в простой религиозной семье, у нее были старшие сестра и брат. После переезда в Штутгарт их отец служил дьяконом в церкви. Он воевал на фронтах Первой мировой войны, вернулся домой инвалидом. Дед по материнской линии был глубоко верующим, что не мешало ему на пенсии подрабатывать – одновременно разносить газеты для евангелической общины и нацистские издания. Для него не возникало противоречия. В 1935 году мамин дед довольно естественным образом вступил в НСДАП и оставался ее членом до окончания Второй мировой войны. Считается, что члены партии разделили вину Гитлера, поскольку присутствовали при его преступлениях, и, следовательно, – тоже виновны в произошедшем...

Естественно, что родители приняли на себя все тяготы своего времени. Когда к власти пришли нацисты, отцу было 11 лет. Он, как впоследствии и мама, состоял в молодежных гитлеровских организациях. Война затронула всех. Старший брат мамы, с которым они очень дружили, во время войны летал на «Мессершмитте-109» в Польшу и был убит, когда советские войска входили в Краков. Наша семья долго искала его могилу, на это потребовалось 60 лет. Недавно мы побывали в Кракове всей семьей – с мамой, моей женой и детьми. Это было очень волнующе. Во время поездки в Польшу мы также посетили концлагерь Освенцим, что явилось настоящим потрясением для всех нас.

– Что Вам рассказывали родители после войны?

– Мой отец во время Второй мировой войны служил не на передовой, а в подразделениях связи, поскольку у него были проблемы со зрением. Он много говорил о своем опыте, к тому же, выпустил объемную книгу воспоминаний. Мама, вышедшая из религиозной среды, была особенно потрясена Катастрофой еврейского народа и часто беседовала со мной на эту тему. Она была уверена, что евреи – глаза и руки Всевышнего на Земле, и за все то, что было сотворено с ними нацистским режимом, немецкий народ тоже несет вину.

Хочу еще дополнить мою историю тем, что сестра отца, очень религиозная женщина, примкнула к группе, которая с 1960 года проводила в Израиле «искупительные работы» – немцы помогали тем, кто пережил Холокост. Помню, как она привозила мне кораллы с Красного моря, веточки оливы, растения, фотоаль-

бомы с видами Израиля... Особенно мне нравились почтовые марки.

Так что, будучи школьником, я уже вобрал в себя библейские сюжеты, знал о Катастрофе еврейского народа, осознал ответственность немецкого народа за действия нацистов, впитал воспоминания отца и мамы, рассказы тети об искупительной миссии в Израиле, ее впечатления об этой стране и бережно хранил израильские марки. Все это вместе повлияло на мое становление и развитие.

– Как Вы выбрали свой жизненный путь?

– Когда мне было тринадцать, началась Шестидневная война, я всерьез заинтересовался происходящим, много читал о Ближнем Востоке, пытался разобраться в истоках конфликта. Мы даже обсуждали события с одноклассниками, которые были настроены против Израиля, а я уже тогда его поддерживал.

В выпускном классе школы к нам пришел консультант по профориентации и во время беседы спросил, кем я хочу быть, какие у меня планы. Я ответил, что хочу заниматься иудаикой. Он поразмыслил и уточнил, еврей ли я. Я честно признался, что нет. В то время в Германии по данной специализации можно было обучаться только в университетах Берлина, Кельна и Гейдельберга. Специалист подумал еще и сказал, что если я не еврей, то успешно устроиться по профильной специальности после окончания учебы у меня не получится. Меня в тот момент это мало волновало, поскольку я интересовался в первую очередь самим процессом обучения. Узнав, что я являюсь прихожанином церкви, консультант посоветовал выбрать отделение теологии, на котором я смог бы исполнить мечту по изучению иудаики и одновременно приобрести хорошие шансы трудоустройства.

Когда мне исполнилось восемнадцать, я впервые поехал в Израиль в составе группы молодежи. Причем решение принял практически мгновенно, едва узнав, что существует такая возможность. Мама сразу выразила готовность оплатить все расходы. Две недели мы жили в киббуце и собирали оливки, а третью путешествовали по стране, повидали многие города. Это был 1972 год, время трагедии на Олимпиаде в Мюнхене. Я пережил эти события, находясь в Израиле.

Второй раз я поехал в Израиль в рамках программы для волонтеров в 1975, уже на целый год, мне удалось начать изучать иврит. После этого вернулся в Германию и, как посоветовал специалист по профориентированию, получил высшее образование в области теологии в Тюбингене. Учился я долго, занимался также педагогикой, большое внимание уделял иудаике. В 1984 году стал викарием. В 1986 совершилось рукоположение, после чего я еще некоторое время занимался наукой, социальными вопросами. В итоге приобрел знания и опыт, которые позволили в дальнейшем трудиться, как обычному чиновнику, при этом оставаясь свободным, как художник.

– Когда Вы возглавили христианскую евангелическую общину Тюбингена и какие задачи поставили перед собой?

– С 1992 я являюсь пастором общины, так что нахожусь на службе уже двадцать пять лет. Я также являюсь координатором для всей земли Баден-Вюртемберг в рамках Конференции рабочих групп христиан и евреев земельных церквей Германии. Моя позиция – стоять на двух ногах, иметь опору в виде обеих религий, этот принцип разделяет и моя жена Ангелика. Восстановление связи между христианами и их «старшими братьями» – одна из главных задач моего служения. Мы изучаем Тору и еженедельно читаем соответствующую главу с комментариями, интегрируем элементы еврейской традиции в жизнь нашей общины, регулярно организуем поездки в Израиль, выпускаем журнал, в котором я пишу на интересующие меня и прихожан темы.

– Как стали развиваться отношения между христианской общиной Тюбингена и еврейской общиной Петрозаводска?

– В 1995 году мне впервые позвонил пастор Пауль Целлер и заговорил со мной о России. У него очень непростой жизненный путь. Когда-то он был солдатом вермахта, потом служил в церкви. Признаюсь, сказал ему тогда, что тема меня не интересует, – я как раз планировал поездку в Израиль. Позже он сообщил о том, что в Петрозаводске существует большое еврейское сообщество. Я без энтузиазма встретил такую новость – на тот момент я много общался с евреями Израиля. Но Целлеру удалось изменить мою точку зрения. Через некоторое время мы встретились, и он рассказал о состоявшейся поездке в Петрозаводск, знакомстве с лидером общины Дмитрием Цвибелем.

Пауль Целлер горел идеей подарить евреям Карелии Свиток Торы, чтобы они могли открыть синагогу. Это меня поразило. Невероятный замысел: христиане Тюбингена передают петрозаводской еврейской общине Свиток Торы! В этот момент я принял решение присоединиться к инициативе. Мы собрали деньги, купили Свиток Торы и торжественно передали его евреям Петрозаводска в синагоге Санкт-Петербурга! Потом из Германии приехала группа молодых волонтеров, которые помогли привести в порядок и сохранить еврейское кладбище в Петрозаводске. Отношения между нами неизменно укреплялись, в Тюбингене в рамках христианской евангелической общины сложился круг тех, кто глубоко интересуется контактами и активно участвует в сотрудничестве. С 1997 года начались регулярные обмены между членами общин.

В Тюбингене была издана книга об истории нашей совместной деятельности «Евреи Петрозаводска – христиане Тюбингена: удивительная история любви», которая была переведена на русский и увидела свет в

столице Карелии в 2007 году. А исторический очерк Дмитрия Цвибеля «Возрождение еврейской общины Карелии» недавно был опубликован в Германии на немецком языке.

– Известны ли Вам другие примеры подобного сотрудничества между христианскими церквями Германии и еврейскими общинами России?

– Нет, я ничего не слышал о таких инициативах. Наш опыт, многолетний и успешный, пока остается уникальным, хотя межконфессиональное взаимодействие внутри Германии в целом активно развивается, на базе KLAК существуют позитивные примеры помощи еврейским общинам христианами, а также интересный совместный опыт по изучению Торы.

– Я знаю, что Вы участвовали в проекте создания мемориала на Площади Синагоги в Тюбингене. Расскажите, пожалуйста, о том, как это происходило.

– Всего в Тюбингене накануне Катастрофы проживало около сотни евреев. В годы нацизма большинство из них погибло, многие были отправлены в концлагеря. Выжить удалось единицам! Свитки Торы фашисты сбрасывали в воды реки Некар. Синагога, построенная в 1882 году, была сожжена в ночь с 9 на 10 ноября 1938 года. На том месте, где она стояла, ныне находится жилое строение.

Мы с Данквартом-Паулем Целлером загорелись идеей увековечивания памяти евреев и реконструкции исторической площади. Консультации по этому поводу проходили с представителями муниципалитета и жителями окрестных домов. Четыре года я участвовал во встречах рабочей группы для выработки компромиссного решения, дискуссии шли напряженные. Снести здание не представлялось возможным, поскольку проект оказался очень дорогостоящим, в квартирах уже жили люди. Нам удалось частично открыть фундамент старой синагоги и оставить для общего обозрения несколько камней и часть ограждения, сохранившихся с прежних времен. На строительство мемориала было собрано более 170 тысяч немецких марок, с помощью администрации города нам удалось его установить на Площади синагоги в 2000 году.

Закрытый железный куб, внутри которого находится старый источник, символизирует время и прошлое, к которому нет возврата. Зияющие квадратные отверстия на поверхности стен – «строительные камни» – олицетворяют жертв Катастрофы. А сами выпиленные металлические квадраты мы передали тем, кто пожертвовал деньги на мемориал. Квадрат №99 находится в еврейской общине в Петрозаводске, откуда поступил символический взнос в размере ста долларов. Стекающая медленно вдоль фамилий евреев Тюбингена вода означает скорбь от невосполнимых потерь. Среди погибших – целые большие семьи.

На площади также размещена информация «Локальная история 1938-2000 гг.», из которой горожане и гости города могут узнать о том, что происходило в Тюбингене с евреями в XX веке, увидеть фотографии синагоги до и после погрома. К сожалению, россияне у мемориала пока бывают нечасто, мы были бы рады видеть здесь представителей еврейских организаций, молодежь.

– В евангелических церквях Германии 9 ноября считается Днем Скорби по погибшим в Катастрофе. Как пришла идея увековечить этот день?

– Это тоже была одна из инициатив Данкварта-Пауля Целлера, он был уверен, что мы должны сделать эту страшную дату, когда синагоги пылали по всей стране и тысячи людей пострадали в погромах, более значимой и незабываемой в памяти людей. На проработку темы ушло два года, мы подготовили и

внесли в Совет церкви соответствующие предложения, которые были одобрены. Уже на протяжении десяти лет 9 ноября – официальный День Памяти погибших в Катастрофе, когда совершается специальное богослужение.

– Говорят, что существует «еврейская искра», которая дремлет в человеке, пока он не возвращается к традиции. Вы когда-нибудь чувствовали в себе такую искру?

– Я уверен, что в каждом человеке заложена ориентация на поиск и обретение мира, любви, справедливости. Поэтому многие христиане обращаются за ответами к Торе, еврейским текстам. Нужно пробуждать и поддерживать в людях такое стремление, помочь осознать его и воспитывать в соответствии с морально-нравственным Законом, данным человечеству.

МОСТЫ КУЛЬТУРЫ

Нити родства и культуры Анны Кейнан

Много лет работая в сфере журналистики, я наблюдаю, насколько витиевато переплетаются судьбы героев публикаций, как волны жизни возвращают порой на берега молодости, где открываются корни, обращая к чему-то далекому, но очень понятному и родному для души.

Моя сегодняшняя интеллигентная, хорошо образованная и энергичная собеседница Анна Кейнан – Первый секретарь и Атташе по культуре Посольства Государства Израиль в Российской Федерации, выпускница университета Тель-Авива, профессиональный дипломат. И кто бы мог подумать, что нити семьи Анны причудливо тянутся из карельского Заонежья, откуда родом ее отец, где в лесных озерах навсегда запечатлелись светлые моменты безоблачного детства. Так что вполне логичным стало то, что наш увлекательный разговор начался с теплых воспоминаний о любимых и хорошо знакомых нам обеим северных краях.

– Анна, расскажите, пожалуйста, что Вас связывает с Карелией.

– Мой отец Александр родился в Пудоже и был одним из шестерых детей в большой дружной семье Копытовых. Бабушка Анна (в честь которой меня назвали) и дедушка Егор жили в Пудоже в собственном доме. Они не коренные обитатели этих мест, примерно в 20-е гг. прошлого века переехали в Карелию, бабушка – из Архангельской области, дед – из Брянской, да так и поселились здесь навсегда.

С моей мамой Асей, уроженкой белорусского Гомеля, папа познакомился во время учебы в Ленинграде, этот город навсегда остался колыбелью их любви и романтики. После окончания обучения они переехали на родину мамы, но каждый год летом мы отправлялись в Карелию, чем гордились. Тогда в нашем восприятии республика была краем особенным, уникальным, ни на что не похожим. С ней у меня связаны исключительно яркие, красивые, живые эмоции и впечатления.

Все начиналось еще с поезда, в котором из Гомеля в Петрозаводск нужно было ехать двое суток с остановкой в Ленинграде – само по себе большое приключение! В Карелии нас радушно встречала большая, гостеприимная родня, дяди, тети, – все очень добрые и сердечные люди. Каждый раз – море подарков с обеих сторон. Мы росли среди ватаги сверстников, двоюродных братьев и сестер. Наш приезд всегда становился праздником.

– Что в первую очередь вспоминается Вам, когда слышите о Карелии?

– Безусловно, природа, причем, как с положительной стороны, так порой и с отрицательной. Чудесны воспоминания об Онежском озере, бескрайней зелени лесов, общей окружающей красоте. Минус – комары, с которыми сладить невозможно!.. От Карелии осталось ощущение свободы, вдохновения, восторга, постоянного присутствия на природе, вне тесных

стен. Все вокруг было колоритно, необычно для меня, совершенно не походило на привычную белорусскую реальность. Пудож – маленький город, где все рядом, а вот природа – безгранична. Мы гуляли, ходили в лес, собирали ягоды. До сих пор клюква всегда присутствует на моем домашнем столе. Кстати, почти не помню дождливых дней, в моем карельском детстве много солнца и радости.

Дедушка Егор был рыбаком, вспоминается его сарай с сетями и запахом рыбы. Еще остался потрясающий вкус карельской еды, пирогов, свежей щуки. Мы с бабушкой Аней ходили к соседке, у которой была корова, за свежим молоком. Запечатлелся особенный говор, местный акцент, который не перепутаешь. Помню, как мы пили чай из блюдечка, это казалось необычным. Тетя именно так пьет до сих пор.

С ранних лет одна из самых моих любимых книг – эпос «Калевала». Ее сначала читали мне родители, а потом и я сама увлеклась. Сразу возникло ощущение чего-то неповторимого, огромного, не похожего по содержанию на другие сказки. Сегодня я не могу припомнить всех героев и хитросплетения сюжетов, но осталось ощущение атмосферы событий, волшебной ауры необыкновенного произведения. Мечтаю, чтобы мои дети тоже познакомились с этим выдающимся памятником северной культуры.

Бабушка Аня даже приглашала меня остаться жить с ними в Карелии, но я выбрала иной путь: в 1996 году репатриировалась в Израиль, закончила там школу, прошла армию, поступила в университет, а потом и на дипломатическую службу.

– Вы чувствуете, что пребывание в Карелии повлияло на формирование Вашей личности, характера?

– Я бы сказала, что Карелия генетически передавалась мне от папы. Жители Севера – стойкие люди, которые должны выдерживать трудности: комаров, капризы погоды, холод, снег, а также уметь правильно взаимодействовать с природой. А еще, думаю, от отца

во мне – присущая северным краям созерцательность, довольно закрытый характер, сдержанность.

Дедушка Егор, олицетворяющий для меня образ типичного северного мужчины, был строгим, даже суровым, но очень справедливым и порядочным, что серьезно влияло на процесс воспитания в семье, хотя внуков он порой баловал. Общение с Севером, несомненно, оставило в душе глубокий след, научило радоваться мелочам, видеть хорошее даже в самые трудные непогожие дни. Карелия по-родственному очень дорога моему сердцу, это вторая половина семьи. Гомель для меня связан с освоением еврейского начала, познанием религии, традиции, а в Заонежье открылась связь с природой, семейными ценностями. Я очень благодарна тому, что во мне живет карельский опыт – это важная часть моего «я».

– В зрелые годы Вы тоже бывали в Карелии?

– Навещала двоюродную сестру, когда та училась в университете. Благодаря ее увлечению фольклором и участию в ансамбле, произошло знакомство с музыкой, национальными песнями и танцами Карелии. Я увидела и осознала, насколько самобытна и многообразна культура народов Севера.

В прошлом году мы с семьей, включая маму, навестили Карелию – хотелось показать детям любимые места. Так трогательно было вернуться в хорошо знакомые квартиры тети и дяди, где мало, что изменилось. Многие остались таким, как я помнила из прежних времен. Бабушкин дом уже продан, но стоит на месте, когда я проходила мимо него, охватывала такая ностальгия!..

Огромное впечатление на всех произвело посещение острова Кижы, это невыразимая красота! Могу сказать, что я в этих просторах чувствую себя по-другому, отдыхаю глазами и душой. Очень повезло с погодой, стояли солнечные дни, так что Карелия нам показалась во всей красе. Особенно поразили озера, я даже храню несколько фото на мобильном телефоне – посмотрите. Прежде я не видела настолько широкой линии горизонта, не связанной с городской архитектурой, красочных закатов. Удивилась, как разросся и изменился Петрозаводск, где мы с удовольствием прогулялись по набережной. Но ночевали за городом, в туркомплексе среди высоких сосен, чтобы осуществить полное погружение в природу. На обратном пути остановились прямо в лесу, чтобы пособирать ягоды и грибы, для детей это был неожиданный новый опыт.

– На Ваш взгляд, может ли Карелия быть привлекательной для израильского туриста?

– Да, несомненно. Сейчас в Карелии бывают увлеченные и продвинутые люди, которые ищут в мире что-то особенное. Я знаю, что израильтяне интересуются, прежде всего, нетронутой северной природой: приезжают на сплавы по рекам, посещают водопады.

Но все же, пока это удел профессионалов в области туризма и редких одиночек, в силу довольно высокой стоимости поездок и недостаточной информации о возможностях путешествий в Карелию, при том, что в целом туризм в Россию из Израиля находится на подъеме. Думаю, можно было бы приглашать в Карелию тех туристов, которые посещают Санкт-Петербург, а также шире освещать природные достопримечательности и инфраструктуру региона.

– Анна, спасибо большое за память и теплые слова о Карелии. Хотелось бы еще поговорить о другой очень глубокой и значимой теме, которой Вы занимаетесь профессионально, – о культуре. Как бы Вы охарактеризовали ее роль в современном мире?

– К сожалению, наш мир переполнен негативными новостями, они составляют основной фон жизни большинства людей. В контексте Израиля происходит то же самое: мы больше слышим об арабо-израильском конфликте, военных столкновениях, гораздо меньше информации об остальных сторонах жизни. Культура расставляет правильные акценты, выделяя вечные, значимые, красивые явления. Это не пустые слова – я счастлива, что работаю в сфере культуры и могу абстрагироваться от сиюминутной повестки дня, переключаясь на серьезные темы. Перефразируя Густава Малера, я сказала бы, что культура – не поклонение пеплу, а передача огня, клей, соединяющий поколения, противоядие от обрушивающегося на наши головы негатива.

– Каково значение русской культуры в Вашей жизни?

– Я смотрю на нее с пиететом. И хочу отметить огромную роль русской культуры и традиции в целом для Израиля, она заложена в основе устройства современного общества. Это касается абсолютно любой сферы: литературы, музыки, театра, – везде влияние русской культуры исключительно. Связи между Россией и Израилем глубоки не потому, что политические и экономические отношения между странами успешно развиваются в последнюю четверть века, после возобновления дипломатических отношений в 1991 году, на самом деле, нас связывают крепкие родственные нити во многих поколениях. Общие корни культуры дают почти интуитивное взаимопонимание.

В моем личном становлении огромную роль сыграла русская литература. Семья наша всегда была очень книжной, читающей, я училась на примерах родителей и обеих бабушек. Все недоумевала, как можно прочесть столько книг?! Мне до сих пор кажется, что есть такие произведения, по-настоящему осознать которые можно, только прочитав их по-русски. Убеждена, что «Мастера и Маргариту» невозможно осмыслить в переводе на любой иностранный язык. Я счастлива, что могу читать по-русски классическую и современную литературу, приучаю к этому детей. Сейчас выбрала для них «Малахитовую шкатулку» П.П. Бажова и вдруг поняла, что осваивать ее сегод-

ня даже мне нужно буквально со словарем, настолько там много архаизмов и диалектных слов.

Среди любимых авторов – А.П. Чехов, он для меня абсолютно современен. Эмоции и ситуации, которые прозаик описывает, нередко встречаются и в сегодняшней жизни. Это наталкивает меня на мысль, что меняется время, развиваются технологии, а человеческая природа остается неизменной, со всеми переживаниями, страхами, горестями, радостями. Из израильских писателей больше всего ценю Меира Шалева, Амоса Оза, А.Б. Иегошуа.

Находясь сейчас в России, не устаю поражаться богатству и многообразию русского языка и тому, как мастерски представители интеллигенции, литературных кругов им владеют, изъясняются, описывают нюансы эмоциональных состояний. Важно не просто знать русский язык, но чувствовать его глубину, уметь выражаться образно и правильно. Созидательное культурное и творческое сообщество России меня постоянно удивляет и вдохновляет.

– А насколько, по Вашим ощущениям, в России сейчас высок интерес к культуре Израиля?

– Интерес присутствует, но зачастую, тема Израиля интерпретируется преимущественно в политическом или экономическом аспекте. Информации о культуре не так много, поэтому наша первоочередная задача – просвещение, рассказ об этом уникальном явлении. Своеобразие Израиля заключается в том, что за семьдесят лет существования страна впитала в себя историю многих тысячелетий, а также лучшие современные достижения. В России мало осведомлены о синкретичности Израиля, сформировавшейся в результате того, что евреи возвращались на историческую родину отовсюду, привозя накопленный в поколениях опыт. Государство Израиль не только ассоциируется с еврейской религией, традицией, но и занимает достойное место в пространстве общемировой культуры. Так израильский балет или видеоарт являются визитными карточками страны, задают глобальные тенденции, которые знают и ценят повсеместно.

Для нас огромная честь осознавать, что во всех крупных литературных, танцевальных или музыкальных фестивалях в России сегодня обязательно участвуют представители Израиля. Любопытно то, что порой сами организаторы, лучше зная пристрастия своих зрителей, рекомендуют, кого пригласить.

Огромный вызов – организовывать культурные мероприятия в Москве и Санкт-Петербурге, где еже-

дневно проходит от 150 до 250 событий, а публика искушена и даже пресыщена. Поэтому когда на наши площадки приходят жители и гости столицы, выбирая среди всего многообразия возможностей именно израильскую культурную проблематику, это всегда радует. Фестиваль израильского кино давно стал привычным и ожидаемым событием в культурной жизни Москвы. Но каждый год мы стремимся придумать что-то новое, изобретаем проекты, участвуем в уже существующих крупных мероприятиях, чтобы охватить самые разные возрастные и социальные аудитории. МИД Израиля также содействует развитию и укреплению связей, приглашая на смотры и мероприятия в Израиль представителей различных российских организаций в сфере культуры, чтобы они могли на месте познакомиться с творческими коллективами и деятелями искусства.

– А проводит ли Посольство Израиля культурные мероприятия в регионах России или, в основном, акцент делается на две столицы?

– Одна из наших приоритетных задач – представлять культуру Израиля не только в Москве и Санкт-Петербурге, но как можно шире охватывать регионы. В рамках бюджета и возможностей мы стараемся устраивать мероприятия по всей России, присоединяться к большим платформам и событиям, которые привлекают зрителей и освещаются в прессе.

Российская публика замечательна, мы получаем огромное удовольствие от работы с ней. Среди последних точек на карте – крупные мероприятия в Воронеже, Екатеринбурге и Красноярске с приглашением израильских гостей, удалось поработать во Владивостоке на музыкальном фестивале. Недавно Посол Израиля в Российской Федерации г-н Гарри Корен открыл в Ярославле выставку израильского художника Дафны Таль, посвященную православию на Святой Земле. Израиль очень многогранный, развивается в разных направлениях, в нем проживают представители нескольких конфессий, мы стремимся открыто и максимально полно рассказывать об этом людям в России. Отдельно хочу поблагодарить за сотрудничество партнеров из культурных центров и институтов, совместно с которыми мы проводим большую работу, учитывая их профессиональные рекомендации и предложения, что позволяет добиваться хороших результатов.

Меир Шалев. Реализм и таинство

В начале июня 2018 года для московских любителей литературы произошло важное событие – в столицу России с целой серией выступлений и презентаций приехал выдающийся писатель Меир Шалев. Его визит стал возможен благодаря содействию Посольства Государства Израиль в Российской Федерации в рамках программы культурного сотрудничества между нашими странами. М. Шалев – один из самых популярных и широко издаваемых по всему миру израильских прозаиков, его книги для детей и взрослых переведены на десятки иностранных языков, многие – экранизированы, представлены на театральных подмостках. В настоящее время в США готовится мюзикл по роману «Дело было так».

В России творчество Меира Шалева также широко известно, недаром его даже называют «самым русским» из современных израильских писателей. В Москве немалыми тиражами издаются книги Шалева. Прозаик иронизирует, что переводы его романов на русский, по отзывам читателей, бывают лучше оригиналов. Уход из жизни блестящих переводчиков Рафаила Нудельмана и Аллы Фурман, «открывших» творчество М. Шалева для русскоязычной аудитории, писатель называет личным горем и огромной потерей для литературного мира.

В столичной «Мастерской Петра Фоменко» идет спектакль в постановке молодого режиссера Юрия Буторина «Заходите-заходите» по мотивам одной из сюжетных линий романа «Как несколько дней». Павел Лунгин в данный момент осуществляет съемки художественного фильма по масштабному произведению Меира Шалева «Эсав». Картина снимается в Израиле, в ролях задействован международный актерский состав – Харви Кейтель, Лиор Ашкенази, Марк Иванир, Шира Хаас, Ксения Раппопорт, Юлия Пересильд.

Возможность личной встречи с создателем хорошо знакомых и любимых россиянами книг стала редкой возможностью из первых рук узнать о достижениях писателя, его творческом процессе, дальнейших планах. Меир Шалев представил на фестивале «Красная площадь» новую книгу «Мой дикий сад». Это сборник размышлений, анекдотов, многочисленных сведений о растениях, пересказанных садовником, за которым угадывается фигура автора. Уже шесть лет он живет в Изреельской долине (Эмек Исраэль) и пытается создать маленький зеленый оазис среди камней овейной легендами земли. Как всегда у Шалева, в книге возникает много вторых и третьих планов. Рассуждая о том, почему семена некоторых цветов вдруг прорастают в пустыне через несколько лет, а другие ждут своего часа десятилетиями, отчего из сотни брошенных зерен порой запоздало всходит лишь три, он перекидывает мостик к человеческим чувствам и отношениям, ненавязчиво направляя читателя в область философских раздумий.

На фестивале «Красная площадь» израильский писатель также презентовал новые издания для детей. В другие дни визита он выступил на разных площадках – перед студентами и педагогами ИСАА, в Израильском культурном центре «НАТИВ», Еврейском музее и центре толерантности. Общаюсь с читателями, Шалев неизменно подчеркивал, что его романы далеки от политики, да и он сам гораздо больше интересуется «вечными темами» – любовью, дружбой, глубиной чувств, человеческими отношениями, чем сиюминутными изменениями, происходящими в мире. «Для меня очень важны свобода творческого выражения, отсутствие любой цензуры со стороны различных институтов», – утверждает он.

«Я вырос в светской семье, считаю себя нерелигиозным человеком, но корни многих моих произве-

дений – из Танаха (Тора, Книги пророков и Писания – прим. автора), – рассказывает Меир Шалев. – С тех пор, как в четыре года я научился читать, постоянно возвращаюсь к этим историям. Отец (известный писатель Ицхак Шалев – прим. автора) возил меня по Израилю, соединяя в моем представлении древних героев и географию страны, это сильно повлияло на мое становление. А еще Танах близок мне, поскольку он очень литературен, в нем нет святых. Все наши самые любимые персонажи – царь Давид, Моисей являются обычными людьми, грешниками, любят, страдают, их рефлексия и эмоции очень современные, понятны нам без всяких назиданий». Разумеется, подобная трактовка вызывает острые дискуссии в израильских религиозных кругах, но писатель отстаивает творческую возможность осмысления священных текстов с художественной стороны, вступает в активный творческий диалог с первоисточником. Его колонка в одной из израильских газет посвящена именно этой тематике, в романах М. Шалева читатель сталкивается со сложными цепочками намеков и ассоциаций, связанных со священными текстами, а названия книг («Эсав», «Как несколько дней») сразу отсылают нас к древним историям. Для детей писатель создает свои увлекательные и понятные интерпретации известных событий. Чтение романов Шалева – всегда синтез между образами древних героев и их новым восприятием, переживанием и неожиданным осмыслением. Для многих читателей это повод напрямую обратиться к Танаху и составить свое мнение о делах минувших дней и возможностях их сегодняшней интерпретации.

Исследователи относятся к творчеству Шалева по-разному: называют квинтэссенцией «пост-пост-модернизма» или «израильским магическим реализмом», но сам автор считает, что его произведения глубоко консервативны, следуют традициям классики и вряд ли могут быть соотнесены, скажем, с латиноамериканской литературной традицией. Магию Меир Шалев видит в событиях реальной жизни, их драматических хитросплетениях, эволюции характеров. Он уверен, что в отличие, скажем, от «полетных» еврейских героев вроде Ильи-пророка, его семья крепко стоит на земле (и отправляет в небо осла, как он шутит).

Кроме ветхозаветных сюжетов на становление уникальной писательской манеры Меира Шалева, по его собственным признаниям, повлияли многие произведения мировой литературы, мифология разных стран. Среди любимых авторов – Н.В. Гоголь, Т. Харди, Г. Мелвилл. Литературная ткань произведения Шалева является сложной и многослойной, пронизанной многочисленными аллюзиями и скрытыми цитатами. Чтение его романов – процесс захватывающий, раскрывающий глубинные уровни и неожиданные грани личностей и ситуаций, высвечивающий сложные плетения взаимосвязей между прошлым, настоящим и будущим.

Не меньшее влияние, чем освоение классических и современных литературных произведений, на писателя оказали доверительные беседы с членами семьи: в их воспоминаниях автор до сих пор черпает неиссякаемые идеи для вдохновения. Широко известно, что «Русский роман» – одно из самых масштабных эпических полотен Шалева, посвященное героическому труду «пионеров»-халуцим по возрождению земли израильской и нелегким перипетиям их отношений, горестям и радостям, – во многом появился на свет, благодаря беседам с бабушкой, корни которой – из России. «Русская тема» в творчестве израильского писателя представлена достоверно, живо и интересно, отражая вибрацию глубинных и долгих связей между нашими странами и судьбами их жителей. «Фонтанелла», «Дело было так», «Как несколько дней» также навеяны семейными историями и преданиями, открывают читателю эпизоды из биографий реальных людей, возможно, потому они так трогательны, искренни и правдивы, при всей литературной насыщенности читаются на одном дыхании, полны колоритных описаний, острого юмора и грустной еврейской улыбки.

Писать для взрослых Шалев начал в зрелом возрасте, уже пережив немало событий и личных драм: он провел детство, помогая взрослым в сельскохозяйственном поселке – мошаве Нахалаль, служил в ЦАХАЛе, воевал, был тяжело ранен, серьезно занимался психологией, журналистикой. Пятнадцать лет вел свое ток-шоу на телевидении, но был вынужден уйти из-за вмешательства руководства в творческий процесс. Первый роман увидел свет, когда автору было сорок лет. В детстве Меир всерьез намеревался стать зоологом и до сих пор не оставляет этой мечты. Наверное, это единственный израильский писатель, награжденный обществами исследователей насекомых и птиц (энтомологами и орнитологами) за детальную разработку данных небанальных тем в «Русском романе» и книге «Голубь и мальчик».

Во время службы в армии, как вспоминает Шалев, случился эпизод, который он уже в тот момент счел достойным описания в книге (с формулировкой – «возможно, когда-нибудь я напишу об этом...»). На занятиях по ориентированию на местности группа солдат, включая его самого, вопреки всем правилам, сошла с маршрута, влекомая неповторимым запахом свежеспеченного хлеба. Он был настолько силен, что противостоять ему оказалось невозможным. Военные добрались до пекарни, что находилась в нескольких километрах. Хозяин, протерев и приподняв запотевшее стекло, понимающе покачал головой и вручил каждому военнослужащему по теплой хале. Молодые солдаты бегом вернулись на учения, на ходу вгрызаясь в ароматный хлеб, переполняясь его энергией. Спустя двадцать лет эта история неожиданно ожила в памяти прозаика и стала основой большого романа «Эсав», повествующего о разных поколениях семьи хлебопек.

Работая на телевидении, Меир Шалев пробовал перо, сочиняя для детей. Ему особенно интересна целевая аудитория от трех до девяти лет. Писатель ни в коем случае не собирается нарочито улучшать или воспитывать, быть нравоучителем или ментором – для этого есть родители. Он просто предлагает ребятам читать хорошие книги с занимательными историями, зачастую имеющими ветхозаветную подоплеку. Ориентацию на разные возрастные категории М. Шалев легко сочетает в творчестве и доньне. «В литературном процессе автор всегда выступает в двух ролях – архитектора и инженера, при этом он всегда один, никто не дает ему указаний, не ставит конкретных задач, – делится Меир Шалев секретами творческого процесса. – В силу хорошего воображения мне всегда легко давались сюжеты, я сразу вижу вперед судьбы и взаимоотношения всех многочисленных героев, а вот выстроить структуру текста бывает тяжело. Сначала я мысленно создаю произведение целиком, а затем начинаю его конструировать, рисовать картинки в виде самостоятельных повествований. Думаю, именно так происходят и съемки фильмов. Каждый текст представляет собой отдельный файл в компьютере. Я не люблю писать в хронологическом порядке, одна история нередко вытекает из другой, в коротком абзаце пролетают десятилетия. Сразу создаю для себя графическую систему координат – опору во времени: по одной оси пишу имена героев, по другой – даты, чтобы не допустить неточностей в изложении.

Любое литературное описание требует глубокого погружения в детали, проверки фактологии. Я записываю идеи, которые приходят в голову, к некоторым из них возвращаюсь для доработки. Обязательно тщательно изучаю темы и исторические периоды, о которых пишу. Во время подготовки «Русского романа» всерьез перелопатил литературу о становлении сельского хозяйства в Израиле. Задумывая «Голубя и мальчика», связывался со специалистами в области разведения почтовых голубей и исследовал, как обстояли дела в этой сфере прежде. Работая над «Эсавом», много общался с хлебопеками, даже ночевал в пекарнях, проникаясь их особой атмосферой. Для написания «Дома в пустыне» по всему Израилю разыскивал каменщиков – в силу технической модернизации это уже утраченная в стране профессия. Удалось найти двух мастеров – старого йеменского еврея и палестинца в Рамалле, которые вводили в курс своего дела. Бывали и забавные ситуации, например, приступая к разработке остросюжетной темы, я консультировался с сотрудниками полиции, обсуждал с ними всевозможные коллизии и развороты. Специалисты оценили предложенные мной варианты и сделали вывод, что с таким изобретательным криминальным мышлением я должен находиться в тюрьме!..

Когда число отдельных завершенных историй приближается к трем сотням, встает необходимость их связать. На картонных карточках я пишу названия и раскладываю их на полу своей предварительно

расчищенной комнаты, предупредив всех в доме, чтобы месяц ко мне не входили. Далее беру длинную тонкую палку и начинаю передвигать картонки в разные стороны, постепенно нанизывая один сюжет на другой. Иногда мне кажется, что произведение выстроилось, я сажусь за компьютер и объединяю разрозненные файлы в единое целое. Чаще всего остаюсь недоволен результатом, снова беру палку, полностью переделываю структуру... И так три-четыре раза. Иногда роман полностью «блокируется», я упираюсь в бетонную стену, которую не могу пробить. Тогда для переключения сажусь и пишу что-то детское. Это меня всегда радует, поднимает настроение – отличная терапия. Потом с новыми силами берусь за крупные формы. Можно сказать, что я «пишу палкой». Кстати, Амос Оз (один из крупнейших израильских прозаиков – прим. автора), услышав это мое откровение, рекомендовал никогда не раскрывать читателям таких скучных подробностей, чтобы они считали творческий процесс таинственным. Но я не стесня-

юсь, для меня «писать палкой» – и есть подлинная литературная мистика. Еще признаюсь, легче пишется, когда я нахожусь в состоянии влюбленности».

Конечно, подобная работа требует большой самоотдачи и строгой дисциплины. Меир Шалев трудится каждый день, привычно поднимаясь в четыре тридцать, как его научили родители в мошаве. Он пишет, готовит завтрак, возвращается к письменному столу, а после обеда занимается редактурой и другими делами. Незавершенное произведение занимает его мысли круглосуточно, он называет это «рабством писателя». Недавно Меир Шалев закончил очередной сборник для детей, он сейчас иллюстрируется. Параллельно работает над романом. От поездки в Москву у него остались самые приятные впечатления. Времени для знакомства с городом было немного, но его красота восхитила писателя. Будем надеяться, что столичная публика теперь будет иметь возможность чаще встречаться с любимым автором, читать и обсуждать его новые книги.

Авраам Бен Йегошуа: о миссии еврейского писателя

В последние годы интерес российской читающей публики к литературе Израиля стабильно высок. В Москве и других городах с презентациями своих произведений и лекциями выступают живые классики – Амос Оз и Меир Шалев, переводятся и издаются на русском языке шедевры классической и современной еврейской поэзии и прозы.

В декабре 2018 года состоялось настоящее ханукальное чудо: несмотря на холодную снежную погоду и насыщенный график выступлений в различных городах мира, в столицу России для участия в книжной выставке «Non/Fiction» и встреч с читателями приехал один из самых ярких и популярных прозаиков Израиля, энергичный человек, оптимист с активной жизненной позицией Авраам Бен Йегошуа. Он родился в 1936 году семье сефардов, переехавших в XIX веке из греческого города Салоники, уже в пяти поколениях потомки отважных репатриантов проживают в Иерусалиме.

А. Б. Йегошуа – автор многочисленных романов, переведенных на десятки иностранных языков, обладатель престижных наград (в том числе, в 1995 году был удостоен Премии Израиля). Его проза, сочная и захватывающая, лиричная и философская поднимает самые сложные вопросы человеческой жизни, психологии отношений, раскрывает противоречия земного бытия и подчеркивает значимость непреходящих ценностей. В книгах писателя немало сложных коллизий, любви, эпизодов истории, тесно связанных с современностью, описаний реалий еврейской жизни в разные времена. О многом можно поспорить, но над такой прозой хочется размышлять. По романам Йегошуа также поставлено несколько фильмов (правда, сам автор полностью не удовлетворен ни одним из них).

Прозаик уже побывал в России десять лет назад, но представившуюся новую возможность встречи с российской аудиторией воспринял с большим энтузиазмом. В Москве он представил впервые изданную на русском языке книгу «Дружественный огонь», пообщался с читателями на разных площадках.

Во время беседы со студентами ульпана в Израильском культурном центре «НАТИВ» в Москве А. Б. Йегошуа уделил большое внимание формулированию и обсуждению миссии еврейского писателя. «В основе идеологии сионизма стояли не религиозные фигуры, не общественные деятели и не политики-социалисты, которые зачастую противодействовали, а, в первую очередь, – писатели, такие как Герцль, Лилиенблюм, Жаботинский, Пинскер, – считает он. – Это были выдающиеся личности, блестяще образованные интеллектуалы, отлично знавшие историю и понимавшие тенденции развития событий. Можно сказать, что именно писатели, находящиеся на границе еврейства и внешнего мира, острее других осознавали и предвидели возможность грядущей Катастрофы, предчувствовали усиление антисемитизма в мире и своим творчеством предостерегали людей. Точно также в русской литературе Л.Н. Толстой и Ф.М. До-

стоевский заранее предвосхитили возможность революции. Я всегда говорил, что для общества необходимо прислушиваться именно к поэтам и прозаикам, интеллектуалам своего времени».

Значительная часть выступления израильского автора была посвящена проблемам жизни евреев в Израиле и в других странах. В таких вопросах прозаик бескомпромиссен, у него свой особый взгляд на исторические процессы. «Существует мнение, что Государство Израиль появилось потому, что произошла Катастрофа европейского еврейства. Но я уверен, что это случилось, несмотря на Шоа. Во многом трагедия произошла по причине проживания евреев в галуте. Часть внутренней ответственности за события лежит на самих евреях, которые соглашались жить в изгнании, ассимилировались. На момент подписания Декларации Бальфура в 1917 году, открывавшей возможности для создания Государства Израиль, на земле предков проживало всего 50 тысяч евреев, при том, что в мире их было около 15 миллионов. Большинство евреев мигрировали из Восточной Европы на запад. Если хотя бы 5% представителей народа переехали бы на землю Израиля в двадцатые годы прошлого века, вполне возможно, что государство состоялось бы еще до Катастрофы, что позволило бы спасти как минимум два миллиона жизней евреев в тридцатые годы, а к нынешнему моменту численность израильских евреев достигла бы десяти-двенадцати миллионов. Мы должны винить, прежде всего, самих себя, что не вернулись в начале XX века.

Переход от осознания себя евреем до становления израильтянином является нравственным. Еврей живет в текстах книг, в Торе. Израильтянин должен принять еврейство и начать совершать поступки в реальности. Смысл заключается не только в теоретическом познании, но в превращении опыта в активное действие. Важно изучать Тору, иврит и культуру народа, но жить в современных условиях. Более миллиона евреев из Советского Союза и России, которые переехали в Израиль в 70-е – 90-е гг., своим решением о репатриации изменили не только свои жизни, но повлияли на израильское общество, внесли вклад в различные сферы, позволили стране стать такой, какая она есть сегодня. Трудно себе представить, чтобы алия в Израиль была связана только с антисемитизмом. В любом государстве есть стороны хорошие и проблемные, но возвращение позволяет отчетливо влиять на общественную жизнь и все, что происходит вокруг. Я сержусь на евреев, которые не переезжают в Израиль и на тех, кто покидает страну. Будучи открытым сионистом, верю в общечеловеческие ценности и возможность перемен. Уверен, это морально-нравственный выбор – стать не просто книжным

евреем, а активной частью израильского общества», – подчеркивает писатель.

Тема взаимосвязи между русской и израильской литературами стала одной из самых эмоциональных тем, обсуждаемых на встрече с Авраамом Иегошуа. Писатель признается, что на его личностное и профессиональное становление русские прозаики и поэты оказали колоссальное влияние. Среди учителей он с огромной теплотой называет имена Пушкина, Гоголя, Чехова, Достоевского, Толстого, Бабея. По мнению автора, они не только теоретизировали и описывали воображаемые модели событий, но имели глобальную интеллектуальную задачу – своими взглядами, произведениями и действиями повлиять на общественную жизнь. Именно в этом, на взгляд А.Б. Иегошуа, и заключается главная миссия писателя. Он размышляет о том, что переводы классических трудов русской литературы на иврит лучшими поэтами и прозаиками Израиля способствовали не только расширению кругозора читателей, но и воздействовали на развитие иврита, существенно обогатив язык. Таким образом сформировался уникальный творческий взаимообмен между нашими странами.

Немало внимания в произведениях автор традиционно уделяет философии любви и семьи. «Я верю в брак, этот институт мне кажется очень важным. Другие авторы пишут об изменах, трагедиях, расставаниях, – это не мой путь. Я уверен, нет ничего лучшего, чем настоящий союз мужчины и женщины, большинство пар моих героев – очень хорошие. Я стремлюсь описать ту особую связь, которая возникает между супругами, даже если они находятся на расстоянии. В романе «Дружественный огонь» я как раз размышляю над этой темой».

Отвечая на мой вопрос о том, как пишутся его произведения, Авраам Бен Иегошуа приоткрывает дверь в творческую мастерскую: «Каждая новая книга, словно другой ребенок, рождается особым образом. Самое трудное для меня всегда – начало. Первые двадцать-тридцать страниц могу писать несколько месяцев. Вначале нужно вывести формулу ДНК романа. С момента, когда она готова, и я точно узнаю, кто мои герои, какие они, могу в течение четырех-пяти месяцев ежедневно многое создавать и менять, перерабатывать. Становится легко, я глубоко проникаю в пространство действия и живу в нем. Всегда отчетливо вижу конец произведения, но не пишу его сразу, а продвигаюсь очень медленно, ясно понимая поставленную цель. Есть писатели, которые работают, не предполагая, чем закончится их книга, со мной такого не случается. У каждого свой путь, в литературе не бывает жестких правил. Важен не процесс, а результат».

Ирина Бертман: неожиданное призвание

13 февраля 2017 года в Концертном зале им. П.И. Чайковского г. Москвы была представлена знаменитая опера «Набукко» Джузеппе Верди в постановке столичного театра «Геликон-Опера» под руководством Дмитрия Бертмана. Отсутствие в зале свободных мест подтверждает большой интерес искушенной московской публики к этому музыкальному событию. Во многом такая заинтересованность любителей оперного искусства объясняется тем, что драматическую партию Абилай в знаменитом и очень сложном эпическом произведении, посвященном противостоянию еврейского народа разрушительным силам, олицетворяемым царем Ассирии Навуходоносором (Набукко – в итальянском варианте), исполнила солистка Новой Израильской оперы Ирина Бертман. Зрители отметили неподдельную эмоциональность, пронзительность и артистизм ее выступления, красоту голоса, что вызвало глубокий отклик в сердцах слушателей. Это первое долгожданное появление известной певицы перед москвичами совместно с театром «Геликон-Опера», поэтому нам было очень интересно встретиться с Ириной после спектакля и узнать о ее впечатлениях.

В жизни оперная дива оказалась открытым и жизнерадостным человеком, излучающим улыбки и энергию творчества даже после завершения напряженного концертного выступления. Она с радостью поделилась с читателями своими размышлениями.

– Ирина, расскажите, пожалуйста, как Вас приняла московская взыскательная публика?

– Я впервые выступаю на большой сцене в Москве. Мой однофамилец Дмитрий Бертман давно приглашал к сотрудничеству, но все сложилось только сейчас. Это очень волнующее для меня событие. Чувствуется, что слушатели отлично подготовлены, они очень сосредоточенно внимают, впитывают все происходящее. Итальянская публика то и дело неожиданно взрывается аплодисментами и криками «браво!» непосредственно во время исполнения, а в Москве такого не происходит. По ходу действия зрители почти не хлопают, настолько глубоко они погружаются в процесс восприятия сценических событий. Поэтому долгие овации, которыми нас провожали, звучали особенно органично именно после окончания выступления. В столице России очень благодарные, внимательные слушатели.

– Вы прекрасно говорите по-русски. Откуда Ваши корни?

– Моя семья родом из Латвии, я выросла в Риге. Причем, родители никогда не занимались музыкой. Папа – доктор химических наук, мама – учительница начальных классов. Сначала я всерьез намеревалась идти по ее стопам, но судьба распорядилась по-другому. Дед был известным портным, шил в ателье мужские зимние пальто. Кстати, он обожал оперу, так что мое увлечение, возможно, передалось от него. Бабушка, партийный человек, работала директором завода. Глубоко историю предков (все мои родственники – евреи), к сожалению, не знаю. Известно только, что прадед (отец бабушки) был раввином, в его семье родилось восемь детей.

– Когда Вы поняли, что опера – Ваше призвание?

– В конце 1992 года наша семья репатрировалась в Израиль. Ничто не предвещало крутого музыкального поворота в моей жизни. То, что я пришла в оперу, – это Божье провидение, иначе объяснить свершившееся не могу. Все получилось довольно случайно. Мы жили в кибуце, день работали, другой – занимались изучением языка, много пели. Первой о том, что у меня потрясающий голос и нужно непременно идти учиться, сказала преподавательница по ивриту. Я не придавала серьезного значения ее словам. В тот момент мне было уже восемнадцать лет, да, мне нравилась музыка, я играла на фортепьяно, но совершенно не представляла, что именно опера может стать моей судьбой.

Тогда настойчивая учительница познакомила меня с педагогом по вокалу из иерусалимской Академии музыки Мирьям Мельцер. Последовала долгая история сомнений, выбора и принятия решения, но в конечном итоге, я стала студенткой, хотя и без особого желания. Больше потому, что мне было любопытно, авантюризм у меня в крови, к тому же, все вокруг говорили, что так надо, и я поддалась. Во время учебы на втором, третьем курсе многое изменилось: я влюбилась в оперу, открыла для себя ее огромный мир – инструментальную и вокальную музыку, театральность выступлений, художественность декораций. Сейчас для меня опера – высший синтез всех искусств, мое подлинное призвание.

– Кого Вы считаете главными Учителями в профессии, а может быть, и в жизни?

– Педагога по вокалу Мирьям Мельцер, великолепного аккомпаниатора из Академии музыки в Иерусалиме Гершона Штерна. А также всех, кто когда-то был со мной рядом, поддерживал, говорил добрые слова, дарил цветы, сердечно благодарил за выступления – это необыкновенно важно и ценно. А еще

учителем является мой второй муж Йотам Коэн, прекрасный израильский певец, тенор. Он учился вокальному мастерству в Италии, очень помог мне с исполнительской техникой. И Мария Каллас! Когда я слушаю ее голос, это дает мне веру в то, что оперное искусство действительно необходимо миру.

– Как израильская публика воспринимает оперу?

– Замечательно! Существует, к сожалению, только одно ограничение: выступления в концертных залах не всегда доступны для желающих, билеты очень дорогие. Многим не удается послушать все, что им хочется. Среди зрителей всегда присутствует русскоязычная публика, люди в возрасте. В последнее время стало приходиться больше молодежи, это очень приятно. Вообще в Израиле очень теплая, душевная публика!

– У Вас очень интенсивный рабочий график. Как это сказывается на семейной жизни?

– Конечно, совмещать семью с творчеством очень сложно. Мой супруг старше меня, сейчас он больше занимается концертной деятельностью в Израиле, но в свое время тоже много поездил по миру с выступлениями. Так что муж прекрасно понимает все особенности профессии, принимает мой выбор и очень помогает.

– За годы творческой карьеры Вам довелось исполнять на сцене самые разные партии. Есть ли мечта воплотить что-то особенное, чего еще не было в Вашем репертуаре?

– Разумеется, и сейчас заветное желание сбывается. 10 августа я буду петь партию Тоски в одноименной опере Джакомо Пуччини на открытой площадке в парке Яркон в Тель-Авиве. Очень рада предстоящему событию. Выступление будет бесплатным, так что с удовольствием приглашаю на него всех, кто будет находиться в этот момент в Израиле!

– Планируете ли Вы продолжить сотрудничество с театром «Геликон-Опера» и его руководителем Дмитрием Бертманом?

– Конечно! Мне бы очень хотелось и дальше выступать в России. В некотором роде, этот мой приезд тоже явился приключением, авантюрой, – я разучила очень непростую в исполнении партию Абилайль за две недели, Дмитрий Бертман буквально «вбросил» меня в эту работу. Пока не знаю, какие еще интересные идеи он замыслил для будущего, но могу сейчас сказать от самого сердца: я действительно жажду петь в Москве! Для меня это более важная оперная сцена, чем многие музыкальные площадки в Европе.

Счастливым маэстро виолончели Амит Пелед

1 октября 2017 года на сцене Большого зала Московской государственной консерватории при поддержке Посольства Государства Израиль состоялось интересное и волнующее музыкальное событие – концерт Камерного оркестра «Kremlin» (дирижер – Михаил Рахлевский) с участием одаренного и обаятельного виолончелиста Амита Пеледа (Израиль-США), чье исполнительское мастерство хорошо известно ценителям камерной музыки по всему миру. А. Пелед активно и успешно гастролирует, выступает с известными оркестрами, преподает в Консерватории Пибоди при Университете Джона Хопкинса, проводит мастер-классы.

Российская публика очень тепло встретила совместную программу талантливого маэстро виолончели и Камерного оркестра «Kremlin», в которой были представлены классические творения Л.-В. Бетховена, Й. Гайдна, Ф. Мендельсона и новое произведение современного американского композитора и музыкального теоретика, профессора Д. Лефковича, написанное специально для Камерного оркестра «Kremlin». Но особенное впечатление на слушателей произвело исполнение знаменитой пьесы М. Бруха «Кол Нидрей» для виолончели с оркестром. Символично, что оно прозвучало в Москве сразу после завершения Йом Кипура.

Мне удалось побеседовать с Амитом Пеледом о его жизни и творчестве.

– Амит, расскажите, пожалуйста, откуда Ваши корни?

– Я родился в Израиле и рос в маленьком кибуце,

но знаю, что по линии прабабушки Гени мои корни из России, – она была среди переселенцев, которые приехали в Палестину в начале XX века. До сих пор помню, что бабуля любила попивать чай вприкуску с сахаром, варила борщ. А еще – пела и играла на скрипке. К сожалению, по-русски я не говорю. Другая, сефардская, ветвь нашего рода тянется из Испании. Так что в семье – большое смешение корней и культур, что очень типично для Израиля.

Родители научили меня быть честным, искренним, открытым к общению, привили желание постоянно развиваться. Сначала я учился в Израиле, потом в Йельском университете, в Консерватории Новой Англии в Бостоне, в Берлине... Теперь я сам профессор, преподаю в Университете Джона Хопкинса. Для евреев, находящихся вне Израиля, именно хорошее образование – главное, что позволяет достичь успе-

ха. Сейчас я живу в Америке, моя жена – немка, которая приняла иудаизм. У нас трое детей, они ходят в еврейскую школу, изучают основы религии, дома говорят на иврите, хотя, конечно, владеют еще английским и немецким. Мы встречаем Шабаты, отмечаем праздники. Я хочу, чтобы у детей формировалась и крепла связь с еврейской культурой и историей.

Сохранять идентичность особенно важно, когда живешь вне Израиля. Америка – огромный плавильный котел, там ощущаешь себя даже в большей степени евреем, чем в Израиле. В еврейской традиции семья всегда занимала особое место, мне очень тепло, когда я об этом думаю. Повсюду в мире в пятницу вечером зажигаются свечи, на столе есть хала – как прекрасно! Люблю атмосферу Шабата, запах субботних блюд, – я хотел бы это сберечь и передать дальше.

– Музыка сразу стала Вашей судьбой или был выбор?

– В том, что это – призвание, никаких сомнений не было. Хотя, в детстве, поскольку я высокий, сначала занимался баскетболом. Мне нравилась девочка, которая училась играть на виолончели, я хотел быть ближе к ней, и это предопределило мою дальнейшую жизнь. Начал играть в десять лет, что довольно поздно, но сразу увлекся музыкой, она стала моей настоящей страстью. Родители никогда не заставляли меня заниматься, я сам это делал с огромным усердием и удовольствием.

– Существуют ли у Вас любимые музыкальные произведения?

– Я люблю творчество разных композиторов, но обычно увлечен, прежде всего, тем, что играю в данный момент. Час назад это была пьеса «Кол нидрей» Макса Бруха, полтора часа назад – Концерт до мажор для виолончели с оркестром Йозефа Гайдна. Исполнение музыкальных произведений сродни театральным постановкам, требует полного вживания в материал. Для того чтобы стать великим музыкантом, нужно быть и великим актером, уметь становиться частью целостности.

Я вчера прилетел из Америки, ночь не спал, но это не имеет значения: к моменту выхода на сцену необходимо забыть обо всем и ощутить себя в произведении. Никого не волнует, что тебя бросила подруга или кто-то (не дай Бог!) умер в семье, – требуется на время все отодвинуть. И если ты исполняешь грустную пьесу, а на самом деле только что женился и очень счастлив, нужно иметь силы переключиться на минор. Играя сложные вещи Шостаковича о тоталитаризме, подавлении личности, надо все понять, прочувствовать и передать, несмотря на то, что ты сам этого не видел и не переживал. А исполняя пьесы Дебюсси, придется представить Елисейские Поля и Париж, чашечку кофе в кафе, красивых женщин... Для того чтобы сыграть «Кол нидрей» Бруха, необхо-

димо знать, что это за молитва, какое значение имеет Йом Кипур, видеть перед глазами синагогу, раввина, покрытого талитом.

Точно как в актерстве: если ты не любишь горячо то, что исполняешь, публика это сразу чувствует. Поэтому в минуты выступления нужно осознать, что, кроме этой музыки, в жизни сейчас больше ничего нет. Перед концертом можно быть усталым и спрашивать себя, кому и зачем это необходимо. Зато после него наступает вознаграждение: ты полон энергии, сил и отчетливо понимаешь, для чего все это делаешь.

– Как бы Вы определили Вашу исполнительскую миссию?

– Разделить с людьми музыку и чувства, показать миру, как прекрасна классика, – это то, что всех нас объединяет. На концертах я часто разговариваю с публикой, рассказываю о своих переживаниях, размышляю. Таким образом, общение происходит и через исполнение, и через слово. Я мечтаю, чтобы классическая музыка стала доступна и понятна всем.

– Вы уже не в первый раз выступаете в нашей стране. Какое сложилось мнение о российской публике?

– В России я побывал уже четыре раза, до конца года еще приеду в Санкт-Петербург. Всегда поражаюсь тишине в зале и вниманию, с которым люди воспринимают произведения. Они приходят действительно, чтобы услышать музыку. Считаю, что в России и в Германии – лучшая публика в мире для восприятия классического репертуара. После концерта никто не стремится поскорее покинуть зал, наоборот, – зрители долго аплодируют, дарят цветы, проявляют свои эмоции. Это всегда очень приятно. В Америке нет такой традиции выражения уважения к исполнителю, к музыкальному событию. Там платят деньги, получают то, что хотят и сразу торопятся обратно в свою жизнь.

Но существует некий контраст между моим восприятием невероятно богатой российской культуры, истории и окружающей реальности. Я люблю общаться с публикой, восхищаюсь архитектурой Москвы и Санкт-Петербурга. Россия – действительно удивительная страна! Но сегодня меня обманули при расчетах в такси, это происходит уже второй раз. Расстраиваюсь, что в российском обществе такое социальное расслоение, люди не могут быть полностью свободными, богатства страны контролируют олигархи, а большинство населения еле-еле сводит концы с концами. Смешанные чувства, в России я не чувствую себя в безопасности.

– У Вас есть большая мечта?

– Хочу сам быть здоровым, и чтобы мои дети тоже были здоровы. Желаю продолжать делать то, чем занимаюсь сейчас. Мне нравится выступать и преподавать.

давать. Я чувствую себя удачливым, счастливым, в отличие от многих людей моего возраста. У них, может быть, много денег, но они не позволяют себе вырваться из замкнутого круга: каждый день ходят на работу, которую не любят, бесконечно ждут отпуска. А я получаю удовольствие от всякого момента своей жизни и деятельности.

– Чем Вы занимаетесь, если в гастрольном графике выдаются перерывы?

– С удовольствием играю в баскетбол с сыном. Посещаю игры МВА, слежу за спортивными событиями по телевидению и через интернет. Еще люблю лепить скульптурки из глины, это меня успокаивает. Иногда провожу время за стаканчиком виски и ку-

бинской сигарой. Я очень рад, что моя жена – человек по-немецки очень организованный, поэтому нам удается разумно сбалансировать жизнь. Каждое лето мы проводим вместе с детьми, путешествуем. В перерывах между гастрольями обязательно есть свободные дни, которые посвящаю родным, мы общаемся, я с радостью, полноценно выполняю все отцовские функции. Мне кажется, это дает всем гораздо больше, чем ежедневные контакты в некоторых домах, где люди на самом деле по-настоящему не интересуются друг другом. Помимо семьи существует другая важная часть жизни – музыка, преподавание. Близкие уважают мои занятия, знают, что я не могу находиться с ними постоянно. Будь иначе, я не чувствовал бы себя счастливым.

Обращение к Шекспиру: современная интерпретация Авраама Оза

В феврале 2019 года при поддержке Посольства Государства Израиль и московского Гете-Института в рамках проекта «Эшколот», в столице России побывал один из крупнейших в Израиле знатоков и переводчиков Уильяма Шекспира, режиссер и театральный деятель Авраам Оз. В Электротейатре «Станиславский» он прочел лекцию «Шейлок – из недруга в друга. Англия и англичане после Шекспира», посвященную одной из самых обсуждаемых в литературоведении пьес английского классика – «Венецианский купец».

Профессор Авраам Оз – личность в творческом мире широко известная. Он родился в 1944 году в Тель-Авиве. Изначально сфера его образовательных интересов была связана с театром и английской литературой. А. Оз преподавал во многих учебных заведениях, являлся основателем и первым деканом театрального факультета университета г. Хайфы (там же он возглавлял университетский театр), работал художественным соруководителем Камерного театра Тель-Авива и драматургом Хайфского театра, открыл несколько журналов, посвященных искусству. В активе А. Оза – литературоведческие монографии, множество критических и научных статей, передачи на радио. В настоящее время Авраам Оз успешно выступает с лекциями по всему миру, является редактором многотомного собрания сочинений У. Шекспира, выходящего в Израиле. Он продолжает трудиться над переводами и не оставляет театр – под его руководством на различных площадках осуществлено немало успешных постановок, включая «Венецианского купца» в «Альфа-театре» Тель-Авива, видеоотрывки из которого гость продемонстрировал в Москве. Эту пьесу Авраам Оз переводил, преподавал студентам, исследовал всю жизнь, так что театральный спектакль стал для него закономерным итогом многолетних творческих усилий.

Творчество У. Шекспира для Авраама Оза – не застывшая в прошлом незыблемая глыба, а пластичный материал, с которым ему интересно взаимодействовать. В своих постановках режиссер и драматург

не ставит авторский текст во главу угла, а напротив, обращается с ним достаточно свободно, руководствуясь собственной внутренней идеологией и интуицией. В пьесе «Венецианский купец» в интерпретации Оза появляются новые персонажи, а некоторые из шекспировских героев наделяются дополнительными полномочиями. Например, вводится ключевая героиня по имени Саларина, одновременно являющаяся певицей кабаре и журналистом на телевидении, которая задает вопросы, пытается исследовать и комментировать происходящее на ее глазах, разбираться в характерах персонажей. Режиссер не боится современных костюмов, использует в спектакле поэзию разных авторов (Луи Арагона, Леонарда Коэна), добавляет в сценарий элементы «хайтека». А. Оз смело меняет акценты проблематики пьесы: основным конфликтом в его постановке является не столкновение уходящего феодализма с нарождающимся капитализмом, а конфликт между романтическим капитализмом Антонио и жестким прагматизмом Шейлока, безжалостно монетизирующим и оцифровывающим любые явления окружающего мира.

Более того, постоянно оправдываясь перед аудиторией и классиком за подобную вольность, постановщик, тем не менее, дописывает в пьесе некоторые диалоги и реплики для того чтобы усилить и сделать

более понятными для зрителя значимые смысловые линии спектакля. На мой взгляд, таким образом А. Оз подчеркивает связь между различными историческими отрезками и проблемами, которые, на самом деле, никуда не исчезли, просто несколько видоизменились. Интересен и показателен факт, что главного героя – Шейлока – в спектакле, идущем в «Альфа-театре», играет Суэль Хадад – палестинский араб, живущий в Израиле. Авраам Оз известен как активный борец за мир, толерантность и солидарность народов.

Он также убежден, что невозможно до конца понять «Венецианского купца», не осознавая контекста времени, поэтому достаточно подробно разъясняет истоки отношения к евреям, существовавшего в английском обществе в эпоху Шекспира. В отличие от многих других европейских стран, где евреи селились на протяжении столетий после разрушения Второго Храма, в Англии они появились достаточно поздно, прибыв вместе с норманнами в 1066 году на кораблях Гийома-Завоевателя, что сразу вызвало однозначно враждебную реакцию со стороны местного населения. Дальнейшая деятельность переселенцев была преимущественно связана с экономикой, ростовщичеством, банковским делом, что также усиливало негативное восприятие. Сугубо религиозные мотивы неприятия чужестранцев были выражены гораздо слабее, несмотря на то, что именно в Англии появились многие мифы относительно евреев и даже кровавые наветы на них. Одновременно с этим положение евреев в стране постоянно ухудшалось в связи с обременительными налогами.

Спустя два века, в 1290 году, при короле Эдварде I, состоялось первое официальное изгнание евреев из европейской страны – шестнадцать тысяч человек вынуждены были срочно уехать. К тому моменту, когда Шекспир писал «Венецианского купца» (примерно 1569 год), евреи не находились в Англии уже на протяжении трех столетий, поэтому исследователь справедливо считает обвинения пьесы в антисемитизме не слишком логичными. «Мы имеем дело с удивительным явлением, – говорит Авраам Оз, – обычно люди ненавидят тех, с кем живут рядом и которых знают, «ближних чужих»... Многие ли из вас сегодня плохо относятся к готтентотам?! В Англии во времена Шекспира существовала легенда о евреях, но самих евреев не было. Трудно ненавидеть тех, кого ты уже почти не помнишь». По мнению творческого деятеля, интересно другое: как раз сами англичане духовно ощущали свое глубинное родство с древним Израилем, считали себя его наследниками, преемниками. Не зря Лондон называли «вторым Иерусалимом», а английская литература в лице ее крупнейших классиков обращается за темами и сюжетами именно к Торе: достаточно вспомнить творчество Джона Мильтона и его «Потерянный рай».

Для У. Шекспира, по мнению Оза, фигура Шейлока оказывается собирательным образом и квинтэссенцией угнетаемого и гонимого меньшинства, которое пытается отстоять себя и свою идентичность перед нетерпимым большинством. «Я считаю, что Шекспир показывает Шейлока с эмпатией, многие сюжетные коллизии приводят к такому пониманию, – говорит А. Оз. – Он не вор, занимается ростовщичеством – делом, которым после изгнания из Англии евреев занимались многие христиане, способен на чувства и глубоко переживает из-за предательства дочери Джессики».

В своих постановках Авраам Оз активно использует многие элементы символизма. Для него евреи – это вечные номады, чужаки повсюду, которые совершают временные остановки в разных городах и странах. Действие «Венецианского купца» в постановке Оза происходит в 1516 году (Шекспир точно не обозначает дату), в восприятии режиссера это принципиально, поскольку именно тогда в Венеции формируется еврейское гетто – первое в мире, давшее название всему явлению. Многие в пьесе английского драматурга остаются вне контекста: откуда и когда, с какой целью прибыли в Венецию семьи героев. Шейлок не живет в гетто, он старается стать частью венецианского общества в экономической сфере, пытается при этом сохранить уникальность, остаться собой. Он чувствует себя нестерпимо чужим и одиноким – режиссер вводит сцену карнавала, на котором кружатся пары, оставляя в одиночестве вечного бродягу. В начале действия главные герои сбрасывают с себя одежды странников, но лишь для того чтобы вновь облачиться в них в конце. Попытка интеграции меньшинства «чужих» в венецианское общество заканчивается полной неудачей для нескольких поколений, что прослеживается в судьбах Шейлока и Джессики. Странничество – не только фактически многовековое состояние евреев, но и ключ к пониманию душевных движений и изменений от себя к себе.

Пафос лекции А. Оза заключается в том, что творчество У. Шекспира и, в частности, пьеса «Венецианский купец» сегодня исключительно актуальны и являются бесконечным пространством для размышлений. Достаточно внимательно взглянуть в судьбы героев английского классика, чтобы увидеть глубокие причины и истоки многих сегодняшних общественных явлений, разобраться в корнях проблем, с которыми мы до сих пор сталкиваемся. Вдумчивое всестороннее исследование творчества Шекспира – это приглашение к беседе о человеческих ценностях, выживании в мире, взаимодействии меньшинств и универсального большинства, формировании отношения к тем, кто по некоторым признакам не похож на нас, обретении толерантности и понимания, общественной и личной гармонии.

У спектакля «Венецианский купец» в «Альфа-театре» – открытый финал, сами зрители могут попытаться ответить на вопрос о том, в чем причины страданий героев, есть ли иной выход из сложившейся

коллизии, и насколько просвещенная современность способна преодолеть проблемы, оставшиеся неразрешимыми со времен средневековья.

«Смузи из правды и лжи»: безграничная вселенная Этгара Керета

В июне 2019 года, при поддержке Посольства Государства Израиль, в Москву с презентацией новой книги «Внезапно в дверь стучат» (издательство «Phantom Press») приехал известный израильский автор Этгар Керет. Это уже пятый сборник его рассказов, опубликованный в России. Приветствуя выход книги, Чрезвычайный и Полномочный Посол Государства Израиль в Российской Федерации г-н Гарри Корен сравнил и сблизил миссии творческих людей и дипломатов. «Артисты и писатели также являются послами, выходя на широкую публику в разных странах, – отметил он, – только в отличие от профессиональных сотрудников дипмиссий, у них нет жестких границ». В случае Керета это абсолютная правда: его книги переведены на десятки иностранных языков, автор постоянно выступает, общаясь с читателями по всему миру и давая лекции студентам.

Встреча с Э. Керетом в московском кинотеатре под открытым небом «Пионер», что в парке «Музеон», началась неожиданно: внезапно сверкнула молния и на зрителей из раскаленной безоблачной синевы упали тяжелые дождевые капли. В течение нескольких минут небо на глазах изумленных зрителей затянуло облаками, и всем собравшимся, включая почетных гостей, под хлынувшим ливнем пришлось спешно ретироваться под навес ближайшего кафе, где мероприятие импровизированно продолжилось, несмотря на бушующую грозу, отсутствие стульев и тесноту. «Такое бывает только с Этгаром», – задумчиво произнесла Линор Горалик, переводчик рассказов Керета, вместе с автором презентовавшая книгу «Внезапно в дверь стучат» в Москве. Она рассказала, что уже длительное время занимается переводами текстов Керета исключительно «по любви», старается максимально точно донести до аудитории мысли писателя, давно ставшего ей другом.

В России к творчеству Этгара Керета отношение полярное. С одной стороны, многие представители молодежи восхищаются постмодернистской дерзостью и необычностью его стиля, критики сравнивают писательскую манеру прозаика с лучшими образцами латиноамериканской литературы «магического реализма», обращают внимание на то, что Керет является ярким популяризатором жанра современного короткого рассказа. Другие с большим трудом воспринимают литературный абсурдизм и психологический наив прозаика, разорванность сюжетных линий и ткани повествования, его неоднозначные, порой жесткие и циничные образы, странный юмор.

В рассказах Керета люди бродят между мирами, с ними общаются рыбы и ангелы, неодушевленные предметы оживают и начинают доминировать, страхи мутируют и вырастают до космических масштабов, сны и реальность бесповоротно смешиваются – в таком авторском пространстве допустимо любое развитие событий. Иногда Керет грустно улыбается

или откровенно иронизирует над героями-«шлимазлами», порой бесстрастно и резко вскрывает жестокость обыденных явлений, падает на «черную половину» эмоциональности. Хорошо помню, как на одном из занятий по ивриту в МЕОЦ мы читали и разбирали несколько его произведений. Серьезный лингвист-интеллектуал Владимир, занимавшийся в нашей группе, человек тихий и скромный, вдруг решительно отказался участвовать в обсуждении, поскольку не увидел в рассказах литературы – только набор болезненных комплексов и изломанных образов, не поддающийся, на его взгляд, восприятию адекватного человека.

Даже в израильских школах, где рассказы Керета – часть обязательной программы, многие учителя возражают против их изучения, не всегда понимают, как преподавать, разъяснять содержание школьникам – зачастую мысли и поступки героев Керета не укладываются в привычные схемы. К слову отмечу, что предшественник и коллега Этгара Керета в жанре короткого рассказа – Эфраим Кишон, не менее известный и популярный в мире ивритоязычный писатель, выбрал в литературе совсем иной путь. В своих полных доброго юмора, самоиронии и искренних эмоций произведениях он никогда не разрушает незримых границ в описаниях происходящих событий, в боли и радости всегда остается на человеческой стороне реальности.

Э. Керет не скрывает, что его произведения экстравагантны и своеобразны. Недаром имя «Этгар» в переводе с иврита означает – «вызов». Эпатаж является осознанной частью творческого метода, писатель экспериментирует с пределами нормы и выходит далеко за рамки бытовых представлений о человеке. В беседе автор соглашается, что его произведения с трудом могут быть отнесены к сугубо литературному процессу, скорее, они развиваются и существуют совсем по иным законам. «Мой самый большой

страх – остаться эмоционально невидимым, неуслышанным, непонятым другим людям, – рассказывает Э. Керет. – Написание текстов помогает мне справиться с ним».

Даже сам процесс создания рассказов писатель не называет творчеством, для него это «сторителлинг», где автор выступает рассказчиком. Кстати, ситуация в литературе не уникальная: Григорий Рыскин, комментируя творчество своего коллеги-писателя и публициста Сергея Довлатова, неоднократно подчеркивал, что в своих произведениях тот присутствовал, главным образом, именно в роли рассказчика.

Сюжеты для маленьких историй всегда рождаются у Этгара Керета из жизни. Толчком к началу работы выступает некое событие, далее разворачивающееся на просторах сюрреализма. Например, автор поведал историю появления одного из рассказов в книге «Внезапно в дверь стучат» – «Гуайава». Этгар Керет летел в самолете, сидя между двумя полными потеющими супругами, во время полета они спокойно продолжали общение на своем языке, не обращая никакого внимания на попутчика. В какой-то момент дама доверчиво сообщила о том, что приняла снотворное, положила голову на плечо Керета и захрапела. Для того чтобы отключиться от ужасного мгновения реальности, прозаик стал сочинять рассказ о человеке в самолете, который очень боится разбиться в авиакатастрофе, а потом перерождается в спелый плод гуайавы и испытывает те же чувства, больше всего на свете страшась падения на землю. Так получился полный грусти и экзистенциальной философии текст.

Все, кто знаком с рассказами Э. Керета знают, что всегда в центре внимания прозаика – обычные «маленькие люди» с их эмоциями и чаяниями, которые попадают в самые неожиданные, всегда парадоксальные ситуации (как, кстати, и сам автор). Многие из героев абсолютно одиноки, расколоты, несчастны, отвергают дисгармоничность и жестокость мира, предпочитают блуждать в собственном воображении, замещающем реальность. Иногда спасением для них становится обретение вымышленных друзей, случайное или добровольное принятие на себя маски чужой личности или создание альтернативной вселенной. Во многом такой универсум героев – следствие сумбурных чувств и эмоций, которые испытывает и анализирует сам автор.

«Писательство для меня – возможность справиться с одиночеством, упорядочить жизнь, принять ее, изменить реальность, – делится Керет. – Я извлекаю из окружающего мира истории и превращаю в текст, обеспечивая их существование. Так я наполняю жизнь смыслом». На взгляд писателя, он сам вовсе не оторван от действительности, просто масштабы его бытия широки и пластичны, в них нет разграничительных линий, а воображение позволяет рассмотреть и запечатлеть больше деталей, мимо которых обычные люди пробегают, не замечая. «Как

утверждают ученые, любой человек лжет как минимум трижды в день, – говорит Керет. – Так что мое писание – смузи между ложью в реальности и истинной воображаемой жизни. Я всегда занят поиском экзистенциальной правды или ее фантома, это для меня способ испытать подлинную эмоциональность».

Автор не боится показывать свои самые большие страхи, включая ужас перед нацизмом (он вырос в семье уцелевших в Холокосте), одиночеством, непонятностью и чужеродностью в социуме. На его взгляд, таким образом, он преодолевает разрушительные чувства в себе, справляется с трудностями и движется дальше. Правда, случается и обратное: воображаемые ситуации тоже напрямую могут воздействовать на реальность. Описав падение героя с лестницы и долго размышляя над этим явлением, автор вскоре испытал его на собственном опыте. Хороший повод задуматься о том, как писатель на самом деле может моделировать события и вводить их в жизнь.

Помимо рассказов Этгар Керет активно сочиняет сценарии фильмов и сериалов, некоторые киноэксперименты осуществляет совместно с женой, актрисой и продюсером Широю Гефен. В 2007 году они совместно сняли фильм «Медузы», получивший «Золотую Камеру» на Каннском кинофестивале. В 2009 году вышел израильско-австралийский полнометражный мультфильм «9,99\$» по сценарию Керета. Возможно, успех в кинематографе это следствие того, что прозаик воспринимает собственную жизнь как «телесериал на непопулярном канале». Он осознанно замедляет действие, пристрастно рассматривая и препарирова эпизоды и уделяя большое внимание нюансам, чтобы погрузиться в них максимально глубоко. «Я рассказываю истории не для образования людей, а для стимулирования их мыслей и чувств. Они помогают людям справиться с действительностью», – считает автор.

Отважусь предположить, что популярность произведений Этгара Керета в России и во всем мире связана с тем, что он пишет о самых острых и наиболее проблемных, актуальных для многих людей в наш век разобщенности и преобладания искусственных технологий. Автор осмеливается вытаскивать на свет и под лупой рассматривать человеческие страхи, спрятанные в затаенных закоулках бессознательно, отражает абсурдность и несправедливость реальности, безжалостно нажимает на запретные для большинства «кнопки» ужаса жизни и смерти, одиночества, затянувшихся поисков смысла жизни, потерянности, нереализованности.

Его выход из сумеречной зоны – фиксировать проблемы и дополнять реальность образами иного мира, совершать бегство от распада в объединяющее спасительное воображение, где все поддается исправлению и моделированию. Каждый из читателей может отыскать совершенно другой путь, главное – почувство-

вать и осознать, что происходит в собственной душе, каковы ее законы и границы, в чем подлинные истоки и опора человека на земле. Может быть, тогда удастся приступить к сознательному улучшению мира че-

рез конкретные поступки, обретая силу для поисков правды и противостояния несправедливости не только в фантазиях.

Гастроли театра «Габима» в Москве

В дни празднования 70-летия основания Государства Израиль, в рамках юбилейной программы, в Москве, на подмостках Государственного академического театра имени Е. Б. Вахтангова состоялось долгожданное событие – гастроли известного израильского национального театра «Габима» («сцена», «кафедра в синагоге» – так переводится с иврита это звучное название). Они организованы при поддержке Министерства иностранных дел Государства Израиль, Посольства Государства Израиль в Российской Федерации и Израильского культурного центра «НАТИВ» в Москве, Фонда «Генезис» и Российского еврейского конгресса. Для участия в подготовке и проведении спектаклей «Дорожные знаки» (авторы – О. Якоби и Г. Яхалом) и «Простая история» (сценарий Ш. Пинхаса по мотивам произведений Шмуэля Йосефа Агнона) в Москву прилетела значительная часть труппы – около шестидесяти человек.

Еврейский театр-студия «Габима» был основан в Москве в беспокойном 1917 году при непосредственном участии педагога и актера из Белостока Наума Цемаха, долгое время мечтавшего о создании труппы и предпринимавшего такие попытки ранее, и личной поддержке Константина Сергеевича Станиславского. Среди создателей национального театра были также известные актеры Хана Ровина и Менахем Гнесин. Первым художественным руководителем «Габимы» по рекомендации Станиславского стал Евгений Багратионович Вахтангов. Он всегда интересовался историей народа Израиля, брал уроки иврита у раввина Мазе. Кстати, творческий коллектив принял худрука не сразу, назревал бунт, пришлось Науму Цемаху обратиться к корням и выдвинуть версию о том, что Вахтангов – потомок легендарного царя Давида, представитель династии Багратиони, только после этого он стал по-настоящему своим среди еврейских актеров.

Так что гастроли в Москве проходят еще и под эгидой 100-летия уникального театрального сообщества, который некогда называли «библейской студией МХТ». Изначально все спектакли «Габимы» ставились на иврите (несмотря на то, что актеров критиковали за сильный русский акцент), в сфере искусства театр исполнял выраженную просветительскую миссию, объединяя русскую и еврейскую культуры. Самый известный спектакль российского периода существования труппы – пьеса «Гадибук» С. Ан-ского, которую на различных сценах мира сыграли сотни раз, более 40 лет в первоначальной постановке она присутствовала в репертуаре. «Для нас очень важно отметить 100-летие театра «Габима» именно в Москве, где когда-то был создан и начинал работу наш театр. Мы гордимся, что сбылась наша мечта выступить на подмостках театра имени Е.Б. Вахтангова в столице России», – признается Генеральный директор «Габимы» Оделья Фридман.

В 1926 году у «Габимы» начался новый этап творческой биографии: труппа выехала из России на гастроли и не вернулась. Часть коллектива во главе с Н. Цемахом осталась в США, другая – отправилась

в Европу, а затем в 1928 прибыла в Палестину, став одним из символов сионистского движения, а впоследствии – и культуры современного Израиля. Развитие театра на иврите в Советской России не поддерживалось государственной идеологией, свобода искусства зажималась, поэтому отъезд коллектива был фактически заранее предрешен. Первые спектакли на древней земле Израиля – «Золотоискатели» (по Шолом-Алейхему) и «Корона Давида» (по Кальдерону) воплотил в жизнь выдающийся актер и режиссер Алексей Денисович Дикий. Лишь в 1946 году старейший театр Израиля получает собственное здание в Тель-Авиве, которое строилось много лет. В 1958 «Габима» провозглашается Национальным театром Израиля и удостоивается Премии Израиля, а в дальнейшем начинает получать и финансовую поддержку государства. За сто лет работы в репертуаре «Габимы» значились более семи сотен спектаклей, с театром сотрудничали известные режиссеры, среди которых – Михаил Чехов, Юрий Любимов, в труппе всегда работали выходцы из России.

«В свое время я был студентом в Тель-Авиве, изучал жизнь и творчество Евгения Вахтангова. Теперь я нахожусь в Москве, в театре его имени. Это похоже на сбывшуюся мечту», – говорит художественный руководитель «Габимы» Моше Кэптен. Уже дважды актеры Национального театра Израиля давали спектакли в нашей стране, но впервые они выступают на сцене Государственного академического театра имени Е. Б. Вахтангова, поэтому событие является очень волнительным и исключительно значимым для как для израильского, так и для российского коллективов, замыкая своеобразный исторический круг.

Именно на долгосрочные творческие контакты театров, сохранение и преемственность традиций в едином пространстве искусства обратил особое внимание Посол Государства Израиль в Российской Федерации г-н Гарри Корен, выступая на большой пресс-конференции, предшествующей началу гастролей. А израильский министр алии и интеграции Софа Ландвер, в приветственном слове перед спек-

таклем «Дорожные знаки», посвященном творчеству известной израильской поэтессы Наоми Шемер, назвала театр «национальной гордостью Израиля» и обратила внимание на то, насколько сильно в исторической перспективе российское воздействие на многоликую и синкретичную культуру Израиля. О высоком интересе к гастролям со стороны российской публики и официальных лиц свидетельствовало выступление статс-секретаря – заместителя министра культуры РФ Александра Журавского, присутствие в зале известных представителей творческой элиты, высокопоставленных гостей из Израиля, журналистов, лидеров мнений. Свободных мест не было, многократно на протяжении сценического действия зал взрывался аплодисментами. Встречали «Габиму» в Москве очень тепло, в честь начала гастролей был устроен торжественный прием РЕК.

Несомненно, что московские выступления израильского национального театра «Габима» открывают

новый период в сотрудничестве двух театров, выводя их на более высокий уровень, а также способствуют укреплению культурных взаимоотношений между Россией и Израилем, росту интереса к глубокому познанию и развитию наших исторических связей. В октябре 2018 года Государственный академический театр имени Е. Б. Вахтангова, который готовится отметить вековой юбилей через три года, в очередной раз выступит перед израильской публикой. На сцене «Габимы» в Тель-Авиве будут показаны спектакли «Маскарад» (по произведению М.Ю. Лермонтова в постановке Р. Туминаса) и «Медея» (по пьесе Ж. Ануя в постановке М.Цитриняка). А к 100-летию театра имени Е. Б. Вахтангова его художественный руководитель Римас Туминас пообещал поставить легендарный спектакль «Гадибук», по-новому переосмыслив его концепцию, так что история вновь вернется на круги своя, связывая и объединяя разные поколения и страны живой нитью творчества.

Диалог на языке искусства. Школа современной хореографии «Маслуть»

В ноябре 2017 года в рамках программы международного фестиваля «Context. Diana Vishneva» в Москве состоялись мастер-классы израильских участников мероприятий – хореографов Оффира Дагана и Наоми Перлов. Мероприятия были организованы при поддержке Посольства Государства Израиль в Российской Федерации.

Мастера танца познакомили москвичей со своим видением современной хореографии на площадке «Цеха танцев», а также совместно со своими воспитанниками из профессиональной танцевальной школы-студии «Маслуть» (г. Тель-Авив) провели запоминающееся занятие со студентами балетмейстерского факультета столичного ГИТИСа. Участвовавшие в нем декан А.Б. Кружалов и педагоги курса очень высоко оценили профессионализм израильских коллег и усердие их воспитанников, сделали акцент на важности обмена опытом. «Гитисовцы» в свою очередь в качестве подарка гостям продемонстрировали гостям хореографическую композицию, разработанную и поставленную студентами факультета.

Художественный руководитель школы «Маслуть» Оффир Даган и хореограф Наоми Перлов имеют большой опыт преподавательской деятельности, у них яркие творческие биографии. На протяжении многих лет О. Даган занимается постановкой хореографических композиций в театре и кино, успешно тренирует актеров и танцовщиков. Он закончил школу танца в кибуце Хасадна по направлению «Профессиональная танцевальная подготовка», проходил обучение в школе физического театра Жака Лекока в Париже и в Бродвейском центре танца в Нью-Йорке.

Педагогический «конек» Оффира – развитие

мастерства импровизации, способностей выражать чувства и переживания с помощью языка тела.

Наоми Перлов – ассистент известного французского хореографа Анжелена Прельжожака, уже тридцать лет реконструирует его постановки на знаменитых сценах по всему миру: в Париже, Милане, Нью-Йорке, Копенгагене. Авторитетный профессионал в мире современного танцевального искусства, Наоми имеет плодотворный опыт сотрудничества с российскими коллегами, входит в жюри конкурса молодых хореографов международного фестиваля «Context. Diana Vishneva». Вместе с О. Даганом она руководит работой студии танца «Маслуть», проводит для студентов классы по современной хореографии.

Мастера танца дали небольшое интервью, в котором поделились впечатлениями от мероприятий в Москве и творческими замыслами.

– *Оффир, расскажите, пожалуйста, о школе-студии танца «Маслуть», которую Вы возглавляете.*

– Двухгодичная программа обучения хореографии в «Маслудь» в некотором роде уникальна. Она существует уже десять лет и активно развивается. После специального отбора в школе профессионально обучаются юноши и девушки 18-20 лет, которые одновременно по израильским законам должны служить в армии. У них очень напряженный график. С восьми утра до четырех дня они занимаются у нас: сначала классы балета, потом – современный танец, пилатес, йога, в остальное время – репетиции, работа над репертуаром. Дальше студенты, как настоящие супермены, передеваются в военную форму и отправляются до поздней ночи по месту несения службы. Совмещать искусство и армию очень трудно. Поскольку времени не хватает, мы часто тренируемся еще и в выходные. В студии очень интенсивная, концентрированная программа, которая готовит танцовщиков. В ней нет теории, только практика и еженедельные посещения театров, музеев. После завершения второго курса наши выпускники готовы к тому, чтобы выходить на сцену и выступать. Великолепный хореограф, энергичный, харизматичный человек, Наоми Перлов заряжает ребят своей любовью к танцу и вдохновляет на дальнейшее творчество.

В Израиле очень много интересных мастеров современного искусства, самый знаменитый коллектив, пожалуй, «Батшева данс компани», но помимо этого есть еще немало заслуживающих внимания имен. Мы приглашаем как уже известных, так и молодых талантливых хореографов к сотрудничеству в нашей школе для того, чтобы они могли знакомиться со студентами второго курса и в дальнейшем предлагать им контракты. Практически все 25 выпускников нашей студии каждый год получают хорошую работу, в том числе – в «Батшеве».

– Наоми, у Вашей школы уже есть опыт взаимодействия с российскими хореографами, расскажите, пожалуйста, о нем.

– Я давно знакома с Дианой Вишневой, восхищаюсь ее искусством и личными качествами, очень ценю наше взаимодействие. В 2011 году мы имели замечательный опыт совместной работы. А в 2016 Диана предложила, чтобы победитель Конкурса молодых хореографов фестиваля «Context» Ольга Васильева приехала и поработала с воспитанниками нашей школы. Это был невероятный, потрясающий и плодотворный опыт! В современном мире очень важно расширять сознание, знакомиться с разными подходами, раскрываться и становиться ближе друг другу.

У наших стран совершенно разная культура. За Россией стоят века истории государства, запечатленной в людях. Израиль – молодая страна, в которой динамично формируется сплав идей и традиций. Мы

любим экспериментировать. Израильское искусство впитывает в себя разные веяния, направления, многое изобретается буквально «с колес», поскольку нет опоры в прошлом. Поэтому опыт сотрудничества с одаренными молодыми хореографами, обмен творческими впечатлениями и достижениями интересен и важен для нас. Я очень счастлива и благодарна Диане Вишневой за предоставленную воспитанникам школы танца «Маслудь» возможность приехать в Россию, позаниматься и пообщаться с ровесниками-танцорами, увидеть профессиональную работу российских хореографов, поучаствовать в мероприятиях фестиваля.

– Каковы Ваши творческие задумки?

– Источник моего вдохновения – бесконечность работы, которая еще предстоит. В настоящее время в наших планах – разработать и внедрить программу для третьего года обучения в «Маслудь», это большая мечта. Помимо этого, уже давно собираюсь открыть методический курс для педагогов-хореографов, это очень востребованная и важная тема. Пока подготовлены два первых уровня из задуманных пяти.

– Оффир, намерены ли Вы продолжать и развивать сотрудничество школы «Маслудь» с российскими хореографами?

– Я впервые в Москве, для меня это очень необычно и увлекательно. На протяжении многих лет я являюсь горячим поклонником русской литературы, мои любимые авторы (в зависимости от настроения) – Достоевский, Булгаков, Чехов. На меня произвело большое впечатление общение с россиянами – как с коллегами-профессионалами, так и с обычными людьми. Теперь я больше понимаю все то, о чем читаю в книгах.

Непреренно хочу несколько слов сказать о моем восприятии российского искусства танца. Я восхищен тем, насколько тесно ваша хореография связана с чувствами. Танцовщики всегда потрясающе выражают эмоции: порой мне кажется, что постановки чрезмерно интровертны, но эмоционально они исключительно глубоки. Это уникальная особенность искусства России, которую непросто постичь. В Израиле большее внимание уделяется вопросам техники, композиции. Несмотря на то, что многие идеи и темы, рисунки танцев в современной хореографии общие и решаются в разных странах сегодня похожими методами, но именно выражение чувства остается у российских мастеров непревзойденным. Поэтому нам бы очень хотелось продолжить сотрудничество и творческий обмен с участием студентов «Маслудь». Надеемся, что это только начало будущих перспективных проектов, мы были бы рады познакомить россиян с современным искусством Израила.

«ЕСТЬ МУЖЕСТВО ПОЭТА – НЕ МОЛЧАТЬ...»

О том, как летит время и стирает избыточные воспоминания, задумываешься, перелистывая страницы объемных литературных изданий и антологий ушедших десятилетий. Совсем недавно гремели имена, книги публиковались огромными тиражами, а сейчас – тишина, забвение. И отчего-то не трогают сердца всем известные некогда строфы... У времени и памяти – своя логика. Немало и тех авторов, кто, наоборот, при жизни оставались скромными и неузнанными, не стремились к почестям и наградам, спокойно трудились вдали от богемной шумихи и суеты. И только теперь мы осознаем, что они отправили в будущее концентрированный энергетический заряд своих размышлений, эмоций и впечатлений, который настигает читателей спустя годы.

Именно так произошло с наследием поэта Рувима Давидовича Морана (1908–1986). Широкой аудитории его имя незнакомо и поныне, хотя в некоторых библиотеках доступны книги, стихи представлены в интернете, в журналах «Звезда», «Нева», «Знамя» публиковались подборки, а на стихотворение «Известно, отчего мелеют реки» композитор Генрих Семенович Брук сочинил романс для лирико-драматического сопрано. Для большинства исследователей Р. Моран остается в первую очередь высококлассным переводчиком, открывшим для читателей классику и современность татарской литературы. Но это только фасад, за которым скрывалась ранимая и мудрая древняя душа, рожденная для поэзии, искавшая исполнения своего предназначения в слове.

Заря молодости Рувима Морана всходила ярко, манила удачей и обещала многие свершения. Ранние произведения уроженца села Березовка Ананьевского уезда Херсонской губернии (Украина) публиковались в газетах, журналах и имели успех даже в Москве. Немалую роль в этом сыграл тот факт, что переехав в Одессу в 1919 году, Рувим сразу окупился в бурлящий городской круговорот, познакомился с Эдуардом Багрицким, среди участников пролетарского литературного кружка «Потоки Октября» приобрел первый опыт литературной учебы и работы, поэтических публикаций, повлиявший на всю его дальнейшую творческую судьбу. Юный стихотворец имел шуточное прозвище «Ундервуд», в котором друзья видели производное от «вундеркинда» и названия пишущей машинки.

В молодости легко Морану не давалось ничего: с 1928 года он трудился в чугунолитейном цехе Николаевского судостроительного завода имени А. Марти. Но упрямо продолжал писать, в свободные часы много читал, эта привычка сохранилась до последних дней. Именно тогда пришла первая известность – его стихи увидели свет в «Комсомольской правде», «Молодой гвардии», «Красной нови». Поэт Марк Лисянский, автор предисловия к книге «В поздний час» (единственный полноценный сборник стихотворений Морана, вышедший через несколько лет после его смерти в издательстве «Советский писатель»), вспоминал, что ему, восторженному мальчишке, за-

водской труженик Рувим Моран казался литературным мэтром: «Город Николаев. 1929 год. Мне шестнадцать. Я уже работаю на том же судостроительном заводе, а Морану – двадцать лет. У нас в Николаеве он признанный поэт. Его стихи появляются то в местном литературном журнале «Стапель», то в нашей городской газете «Красный Николаев». Начало одного стихотворения осталось в памяти. В нем завод, док, верфи, корабль, сходящий со стапелей на воду Южного Буга:

*Еще с утра старался серый Буг
Похожим стать на море. Но до волн
Не дорастала зыбь. Ее судьбу
Решали сваи...*

Таких строк я сейчас не нашел в стихах Морана, но они остались со мной навсегда. Мне это кажется одним из самых удивительных свойств поэзии. Приходят и уходят десятилетия, приходят и уходят поэты, а строчки, некогда поразившие нас, остаются.

Закончив учебу в Московском полиграфическом институте, с 1935 года Рувим Моран работал литературным секретарем отдела культуры газеты «Красная звезда». В издании молодой журналист был на хорошем счету, коллеги отмечали оригинальность его статей и редкую образованность. Редактор «Красной звезды», человек решительный и отважный, предельно требовательный к себе и сотрудникам, Давид Ио-

сифович Ортенберг вспоминал о необычном стиле его материалов: «Не помню, чтобы Моран когда-либо предлагал нам свои стихи. Зато его поэтическое вдохновение нашло выход в очерках и особенно в передовых статьях. Примером журналистского мастерства Морана была, по-моему, передовая, посвященная героям боев у озера Хасан в самый разгар этих событий – в 1938 году. Моран начал ее... с народной сказки. В те строгие времена это было слишком дерзновенно. Да, пожалуй, и ныне такие вольности в передовых не поощряются. Я было занес над сказкой красный карандаш, но автор с такой страстью убеждал меня оставить эти строки, что я в конце концов уступил ему. А на следующее утро раздался телефонный звонок из «Правды». Звонил Михаил Кольцов.

– Кто у вас писал сегодняшнюю передовую? – спросил он. Обычно мы этого не раскрывали. Но Кольцову отказать нельзя: я назвал автора.

– Какой молодец! – похвалил Кольцов».

Д.И. Ортенберг оставил заметки и о том, как Рувим Моран стал одним из военкором «Красной звезды» на полях Великой Отечественной. Во многом это произошло вопреки его редакторской воле. «Война застала Морана в Ленинграде. 22 июня он поспешил на Карельский перешеек. Боев там еще не было. Тем не менее на границе чувствовалась напряженность, и Моран передал об этом кое-какую информацию. Одновременно он позвонил мне и спросил, что делать дальше. Я ответил:

– Возвращайтесь в Москву – некому писать передовые!..

Утром Моран уже был в редакции, и сразу же мы усадили его за передовицу о первых героях воздушных боев. <...>

Когда передовая была подписана и отправлена в набор, Моран как-то застенчиво обратился ко мне с просьбой:

– Пошлите меня на фронт.

Такие просьбы следовали одна за другой от всех сотрудников редакции, оставленных в Москве. Я чаще всего отмалчивался. Промолчал и на сей раз. Моран понял, что вопреки известной поговорке "молчание – знак согласия", в данном случае дело обстоит как раз наоборот. Через несколько дней он повторно "атаковал" меня, уже более решительно. Употребил даже такую неуместную фразу: "Не хочу быть тыловой крысой".

Москву в это время уже бомбили. Я знал, что в часы воздушных тревог Моран исправно дежурил на крыше редакционного здания. Сердито сказал ему:

– Считайте это вашим фронтом...

Тогда он предпринял обходный маневр. Прознав в начале августа, что формируется редакция газеты для нового – Брянского – фронта и редактором туда уже назначен бывший краснозвездовец Воловец, вызвал-

ся ехать с ним. Тот с радостью принял это предложение. Все необходимые документы были оформлены в тот же день. Моран, числившийся у нас вольнонаемным, получил из военкомата мобилизационный листок. Оставалось только сходить за предписанием в Главное Политическое управление.

Но перед тем Моран зашел все же ко мне. Легко представить, как я вскипел. Тут же позвонил райвоенкому, на высоких тонах объяснился с ним, а Морану объявил, что идти в Главное Политическое управление не требуется. Надо было видеть, как это огорчило его. Я сжалился:

– Ладно, поедете на фронт. И даже на Брянский фронт, только не в редакцию Воловца, а в качестве собкора "Красной звезды". Кому-то же нужно представлять нашу газету на новом фронте. Так уж куда ни шло, представляйте вы... Моран собрался в дорогу немедленно».

Ежедневно рискуя жизнью, Рувим Моран присылал в редакцию оперативные журналистские материалы, внося свой вклад в летопись войны. Они получали высокую оценку коллег и читателей за непривычную для газеты эмоциональность и образность. На Брянском фронте Моран был ранен, снаряд повредил руку и бедро, от неминуемой смерти спасла каска. Он был первым корреспондентом «Красной звезды», получившим ранение. В медсанбате его навестили главред издания Давид Ортенберг и писатель Илья Эренбург. Последний называл Рувима наиболее эрудированным сотрудником газеты, видел в нем отличного собеседника, недоумевал, как такой знаток поэзии оказался в военном издании, отмечал, что он был очень милым и скромным. Илья Григорьевич вспоминал о той встрече в мемуарах «Люди, годы, жизнь»: «В полевом госпитале лежал раненый корреспондент газеты Р. Д. Моран. Мы пошли его проведать. Ортенберг спросил: «Как вас ранило?» Моран ответил: «Миномет...» Ортенберг удовлетворенно улыбнулся: «Молодец!» Восстановился Р. Моран только через полгода и снова был командирован на передовую.

Суровые фронтовые будни, потеря друзей – военкором А. Шуэра, Л. Иша, П. Олендера и других, пережитые лишения и утраты оставили незаживающие шрамы в душе поэта, кровоточившие и спустя десятилетия.

*Чтобы с каждым моим умирающим другом
я сам умирал,
Чтобы воля была продолжением боли?!
Скажите,
Если жизнь мне дана лишь однажды и срок ее мал,
Сколько заживо должен смертей пережить я?*

Анализируя литературное наследие ветеранов Великой Отечественной войны, можно четко проследить, что многие из них до конца дней мысленно

оставались на местах отгремевших боев, среди фронтовых товарищей, в том числе и погибших, даже в мирное время постоянно возвращались воспоминаниями к тем давним, главным для них, событиям. Это касается не только хрестоматийной лирики Александра Твардовского, Юлии Друниной или Константина Симонова, но и творчества Марка Максимова, Иона Дегена, других авторов. Для Рувима Морана война стала огненной вехой, беспощадной отметиной фронтовой поры, мерилем человеческих поступков, проверкой личной нравственности, совестливости, глубочайшим драматическим переживанием, ибо «Задолго до космических открытий открыто было людям: «Не убий!»

Двадцатый мандельштамовский «век-волкодав», эхом отзывавшийся в стихах Морана, запечатлел в его душе и другие страшные знаки. Сын времени, он стал свидетелем и призмой преломления чудовищных бесчеловечных явлений, которые потрясли Россию и планету, о них невозможно было смолчать. Поэзия Р. Морана – выстраданная поминальная молитва о загубленном поколении:

*Лежит неизвестный солдат под гранитом
В могиле со шлемом, из бронзы отлитым,*

*И вечное пламя трепещет над ней...
Но где твой огонь, Неизвестный еврей?*

*Горят погребальные факелы века
Но где он, огонь Неизвестного зека?*

*«Ничто не забыто, никто не забыт».
А кляп в чей-то рот и посмертно забит.*

Рувим Моран в полной мере испил чашу скорбей. В 1948 году по обвинению в «космополитизме» (дело Еврейского антифашистского комитета) бывшего военкора, кавалера ордена Красной звезды, сотрудника газеты «Известия» арестовали и бросили в лагерь. Там он боролся за жизнь, занимался слесарным делом (негаданно пригодился заводской опыт!), при любой возможности перечитывал произведения русской классики. Вышел на волю спустя пять лет, в декабре 1953-го, совершенно другим человеком, точно очищенным от сплавов, всего наносного и лишнего. Поэт с широким лирическим талантом был перекован безвоздушным пространством тюремной камеры, научился методично оттачивать строфы в уме – и впечатывать в мозг, запоминать навсегда. Очевидец подвигов и преступлений, Моран не только повеествовал о военном лихолетье, но и оставил потомкам живую память об ужасах сталинских застенков, мракобесии антисемитизма, всеобъемлющем кризисе человечности и милосердия.

*А у нас втихаря убивали:
На допросах, в централье, в подвале,
На канале, на лесоповале,
И тайгою, и тундрой,
Смертью долгою, трудною –
Воркутинской, колымской, норильской –
Вся земля неповинная
Тайной плахой была исполинской –
Душу живу повынули
Из людей...*

Трагическим реализмом описания молоха сталинских репрессий стихотворения Р. Морана родственны «Реквиему» Анны Ахматовой, переклички в стихах заметны и не случайны. В книге «Поздний час» содержится посвящение памяти женского голоса эпохи. Рувим Давидович прекрасно понимал, что в 1966 году, несмотря на ахматовскую прижизненную легендарность, советское общество еще было не в состоянии адекватно воспринять и оценить масштабность ее поэтического свидетельства о черных годах террора, предвидеть его грядущее влияние на умы и значение для русской литературы. Не все заметили даже тихий переход Анны Ахматовой в мир иной, провожали ее мартовские колючие ветра – и близкие друзья.

Не менее очевидным для Морана являлся и тот факт, что его собственные стихи ни в хрущевскую «оттепель», ни во времена брежневского застоя без купюр опубликованы быть не могли. Рувим Моран терпеливо работал «в стол». Его поэзия – сжатое до предела отражение пережитых событий, образность многих стихов откровенно тяжела для восприятия в беспощадной прямоте и детальности описаний, достаточно вспомнить «Открытие навигации», «На вышке смерть моя сидит», «Сайхин».

Течение календарных дней и изменения природных состояний зачастую не успокаивают поэта, но пробуждают в нем предощущения новых угроз и бед. Человек тонкой души и обостренной прозорливости, Рувим Моран чувствовал сердцем, что неизжитость проблем, отказ признавать и отрабатывать ошибки, во всей противоречивой полноте исследовать уроки прошлого предопределяют вероятность повторения в будущем самых мучительных кошмаров.

*И стеною централа зубчатой
Хмурый лес к поднебесью воздет,
А кровавая баня заката –
То ли память о бывшем когда-то,
То ли вестница будущих бед...*

Годами Рувим Моран кристаллизовал в себе кредо поэта и человека – порядочность, принципиальность, достоинство, правдивость. Его собственная судьба, истории современников наглядно доказывают, что соглашательство с несправедливостью, искажению

сути явлений неизбежно приводят к дальнейшим масштабным подменам, забвению истины, распаду системы ценностей. «Побойся, человек, непрямоты, неправота простительней притворства», – призывал Рувим Давидович почти полвека назад, но выведенная им формула актуальна и для наших дней. В смешении черного и белого, вмешательстве пропаганды в массовое сознание, в условиях намеренного затуманивания разума, манипуляций фактами, при допустимости малой и большой лжи любой автор (и человек!) сам определяет отношение к происходящему, формирует гражданскую позицию, избирает модель поведения и дальнейший путь.

Невозможно никого осуждать, особенно во времена глобальных кризисов, бедствий и тяжелых испытаний, но прошедший мясорубку войны и ГУЛАГа Рувим Моран явственно понимал, что самые страшные безумства свершаются на земле с молчаливого согласия большинства. Темы морального выбора, защиты истины, приоритета свободы, осмысления последствий внутреннего рабства, сопричастности преступлениям – ключевые в его поэзии.

*Мелким душам кажется уютной
Сытая и теплая тюрьма.
А большие мучит голос смутный:
Не сойти бы, господи, с ума.*

*Но поскольку в каждом человеке
Эти обе ипостаси есть,
Здесь, хоть и мечтают о победе,
Продолжают спать, работать, есть.*

Как тут не вспомнить страстное желание ветхозаветного пророка Моисея вывести свой народ из неволи – и охватившее его вскоре отчаяние. Соплеменники с сожалением вспоминали об обильной еде, которая осталась в Египте, боялись неизвестности, не понимали значения и смысла предстоящих скитаний. Как только духовный лидер удалился на гору Синай получать первые скрижали Закона от Всевышнего, отлили золотого тельца и стали ему поклоняться, усомнившись в окончательности освобождения. «Еле слышен звон цепей, но с тобой играют в прятки», – разве не так случается обманывать себя и наших современникам? Принимая в угоду сиюминутным интересам даже незначительную лукавую подмену, соглашаясь на выгодную сделку, подставляя запястья для коварных тонких браслетов, ты уже проиграл, и никакие призрачные достижения текущего момента не спасут от грядущих скорбей твою бессмертную душу.

*Все забвенно, темно, туманно...
Но душа твоя, как ни странно,
Помнит глухо и тяжело
Не тебе нанесшее рану,
А тобой причиненное зло.*

Стремление спрятать голову в песок, смолчать, выслужиться перед властью, сохранить любой ценой привилегированное положение и комфортный быт, не высовываться лишний раз в попытках восстановить справедливость, – не этим ли частенько грешим все мы и сегодня?! «Бесславна полуневоля, бесправна полусвобода, и обе они – обман». Беспощадная к соглашателству и лжи лирика Рувима Морана – болезненная прививка от слепого сытого рабства, уютного плена иллюзий, смирительной рубахи, напряженной в ужасе по собственной воле. Она не дает успокоиться, отчетливо показывает последствия боязливого и покорного принятия зла. Поэт ежеминутно стоит перед высшим Судией – и прекрасно знает о том, что за каждое деяние придет неизбежная расплата: «Но Страшный-то суд уж точно не будет полусудом», даже если в суете будней мы забываем о нем, предпочитаем делать вид, что сами управляем течением судьбы.

Рувим Моран с большим вниманием относился к дружбе, особенно – проверенной временем, для него были крайне важны человеческие отношения. Он считал недопустимым, чтобы в какой-то момент «в обиженном вдруг проступал обидчик». Взаимная поддержка становится остро необходимой в беспросветные годы отчаяния, когда некоторые знакомые и вчерашние приятели отдаляются и исчезают. Один из товарищей и коллег Морана, пострадавший все за тот же «космополитизм» и неправильное понимание искусства (его обвинили в том, что он был членом группы «замаскированных формалистов и эстетов»), – известный театральный критик и журналист, ветеран Великой Отечественной войны А.П. Мацкин. Ему, собрату по перенесенным несчастьям и товарищу по перу, адресует Рувим Моран очень личное, шуточное и доброе стихотворение к семидесятилетию, в котором пишет:

*Не с Александром ли Петровичем
Среди всеобщей лжи и низости
Легко делюсь я дум сокровищем
В часы вновь обретенной близости?!*

*Хоть эти строки приурочатся
К его семидесятилетию,
Мне и себя поздравить хочется,
Что вместе с ним живу на свете я...*

Узнав об очередных невзгодах давнего знакомого Ильи Эренбурга (этот именитый писатель и журналист всю жизнь балансировал на опасной грани между славой и опалой, получая то поощрения, то выговоры), Рувим Давидович немедленно отзывается письмом. Он пытается поддержать собрата по перу, посочувствовать, разделить его трудности, выразить

уверенность, что Эренбург справится, как всегда. «Хочется, чтобы Вы знали, что все тяжкое, свалившееся на Ваши, много вынесшие плечи, вызывает у меня душевную боль и обиду за Вас». И тут же в деталях излагает историю, свидетельствующую об огромном спросе на собрание сочинений И.Г. Эренбурга, доставленную ему из Харькова знакомым журналистом. «Представь себе, – цитирует его Моран, – с ночи у магазина подписных изданий выстроилась очередь свыше 2 тысяч человек. Интеллигенция, молодежь, бывшие вояки и просто «люди». У некоторых, самых отчаянных, на груди надпись: Не хочу Ермилова, хочу Эренбурга». И кратко о себе: «У меня все по-старому: перевожу, немного пишу свое, но мало, и не знаю, хорошо ли».

Искреннее общение и подлинная близость, возможность откровенного разговора и обмена мнениями, душевное понимание, сердечность становятся огромной редкостью в советском зазеркалье, поэтому приобретают особенную ценность. Среди немногочисленных близких друзей Рувима Морана и его жены Иллы Боруцкой-Моран – писатель В.С. Гроссман (вместе с И.Г. Эренбургом он собирал и редактировал знаменитую «Черную книгу» – документальный памятник жертвам Холокоста), поэт С.И. Липкин (его стихи почти не печатали, выживал переводами). Они то и дело вспоминают о «Руне-Рувочке» и его второй половине, в переписке между собой. Между строк читается переживание за судьбу товарища, озабоченность его состоянием. Василий Семенович Гроссман замечает в письме от 22 июля 1954 года: «Получил письмо от Рувима, по поводу письма Горького. Тронул меня Рувим. Крик души, а мне казалось, что душа его замолчала, не может кричать. Но он болен, бедный Рувим, и в этом письме чувствуется». Совсем немногие искренне переживали за судьбу Рувима Морана, еще меньше было тех, кто реально был готов помочь, поддержать не словом, а делом.

Познавший горечь потерь и разлук Р.Д. Моран пронес через всю жизнь бесконечное уважение и благодарность к тем, кого называл друзьями, не стеснялся подчеркивать их достоинства, хотя зачастую общение с ним было непростым. Кризис духовной близости, доверия и понимания – одна из болезней общества, корни которой гораздо глубже, чем может показаться на первый взгляд. Любить и дружить не по чинам и положению в обществе, а по велению сердца, многим из нас предстоит, по всей вероятности, учиться заново.

Очень деликатно поэт относился к тем, кто просил у него литературного совета, старался никого не ранить, но отчетливо донести свое видение задач стихосложения. Поэт Ирина Машинская (США) вспоминает, что Рувим Давидович откликнулся на ее ранние стихи, прислал письмо с «разбором полетов». Правда, молодого автора оно изрядно задело: «Сейчас-то я понимаю, что письмо, которое показалось мне тогда

высокомерным и неглубоким, было умным, добрым и чрезвычайно благосклонным. Мне грустно и стыдно, что я на него не ответила». Нередко, увы, понимание истинных намерений приходит лишь со временем, и тогда ничего уже не изменить, не исправить.

Рувим Моран – человек и поэт исключительного нравственного камертона, внутренней цельности, твердых моральных принципов. На протяжении всей жизни он пытался разобраться, в чем причина «обмеления душ» и того, что лишённые разума, мнения и голоса люди по своей воле или неведению становятся соучастниками чудовищных беззаконий, отчуждаются друг от друга, утрачивают лучшие человеческие качества. Ответ приходит сам собой: пренебрегая заповедями и божественным присутствием в мире, мы погружаемся в сомнения и страхи, теряем связь с Создателем, разрушаем его творение, приносим высшие идеалы и цели в жертву опасному скудоумию и сиюминутному эгоизму. И на месте лица вдруг проступает звериный оскал, а действия становятся жестокими, ведут к умножению насилия, распри и несправедливости.

Выбор между правдой и литературной известностью, защищенностью, материальными благами и предпочтениями Моран однозначно сделал в пользу истины, ибо не мог иначе – за его спиной стояли тысячи безвинных и безымянных жертв, вызвавших с требованием бескомпромиссного слова. Он ощущал со всей остротой и явственностью: «а чьи-то замерзшие души на жизнь мою смотрят с укором», «за нами кровь столетий, темницы, конвоиры, газовни и костры». Боли столько, что впору самому превратиться в камень, замолчать навеки, но не тут-то было, дар небесный не дается напрасно! Голос Рувима Морана не растворился среди многих других, но обнимая страдающие души, стал выразителем их скорбей и чаяний.

Выдающийся врач и поэт Ион Деген однажды поделился со мной предположением, что, возможно, вопреки земной логике, после смертельного ранения он был возвращен в мир для того, чтобы честно рассказать о пережитом. Предать свое поколение, сделать вид, что ничего особенного с ним не происходило, вычеркнуть страшные десятилетия из памяти Моран не сумел, даже понимая, что это грозило ему новыми трагедиями и мытарствами. «Твой железный соглядатай о тебе все донесет», – писал он, сравнивая себя с навеки окольцованной вольной птицей из другой вселенной, чьи движения – условны и подконтрольны. Но даже такие ограничения не могут лишить человека изначальной глубинной свободы, дарованной свыше, заставить отказаться от избранной миссии.

*Душа же ходит напрямки
Сквозь все преграды,*

*И наплевать ей на штыки
И на приклады.*

В одно мгновение можно потерять все: привычный уклад, дом, близких, но пленить небесную искру невозможно. Периметр колючей проволоки ограничивает передвижения тела, но винтовка охранника не властна над душой, которая научилась оберегать от посторонних волю и выбор, умеет «в себя отступить, в глубину»... Внутреннее измерение свободы даже в условиях нападков и гонений пронизывает лирику Рувима Морана. Такое понимание человеческого устройства придавало ему силы в самые трудные моменты, не давало изменить себе и предназначению, отказаться от исконной тональности своей лиры, сглаживать углы, выбирать менее острые темы. «На ней невидимый ярлык «Не продается!» – провозглашал Моран о душе, и это была его выстраданная в крови и поте правда. В утверждении справедливости и независимости поэзии был его принципиальный нравственный выбор, сделанный, вопреки обстоятельствам.

*Но как вспомню свой тягостный гуж:
Салехардскую миску с баландою,
Волгодонскую вышку неладную,
Заполярную глушь,
Да заволжскую сушь,
Да могилы в снегах и песках –*

*Не хочу ни смиреньем, ни ропотом
Блага брать – пропади оно пропадом!
После слез, после плаха
Блага – прах, слава – прах...*

Рувим Моран не играл в поэта, не примерял на себя чужие маски, не повторял за предшественниками. Ничего не изображал, не фантазировал в стихах, не следовал за литературной модой, не бежал в красивые грезы от окружавшей мрачной реальности. Он сознательно стал выразителем личного опыта и летописцем противоречивого исторического контекста, запечатлел в литературе чувства и размышления человека, прошедшего ад на земле, но сохранившего жизнь, достоинство, нелегкое право звучать от имени поколения.

Рувим Моран – поэт, воскрешающий для потомков глубинное понимание морали и совести, на различных примерах показывающий, что никому не будет освобождения от мук, пока не свершится раскаяние и искупление. Верный сын своего народа, он никогда не скрывал имени и национальности, сохранял связь с предками, проводил параллели между прошлым и настоящим:

*В новых страданиях
Мой древний народ
Встретит Майданек,
Треблинку пройдет.*

Само могучее ветхозаветное имя Рувим (на иврите – Реувен) заставляет нас вспомнить историю сына Леи и Иакова, основателя одного из колен Израилевых, совершавшего непоправимые ошибки, изведавшего боль и лишения, но не утратившего доброты и милосердия. Катастрофа европейского еврейства не оставила Морана равнодушным, он постоянно возвращается к ней в размышлениях и стихах. Настоящий поэт, он присутствует в этот момент в сожженных гетто, в газовых камерах концлагерей, в расстрельных рвах и на развалинах местечек. Он знает, помнит, глубоко скорбит и высказывается о всеобщей трагедии, как о своей собственной.

Носитель огромной внутренней культуры, Рувим Давидович использует в поэзии многочисленные реминисценции из Ветхого и Нового заветов, ненавязчиво вплетая их в панно эпохи, поднимаясь до серьезных философских обобщений. Библейский Исход воспринимается Мораном как масштабное событие, продолжающее раскрываться в современности, где «впервые в земле отцов живые бьются за мертвецов». Имеющий открытое сердце читатель ясно видит, насколько тесно связаны история и наши дни, как для новых поколений с удвоенной мощью повторяются прежние сюжеты и испытания. «Перед ликом вселенной – о милосердье молю!» – трагическим Иовом восклицает Рувим Моран, переполняясь страданием.

Поэт не раз подвергался преследованиям из-за еврейского происхождения, пострадал в антисемитскую кампанию в СССР, но не отрекался от корней, мечтая о времени, когда «имя мое – Рувим – на меня не отбросит тень». Чтение стихотворений Морана – колоссальный урок внутренней силы и терпения, толерантности, следования своим принципам от человека, который прошел через огненное горнило эпохи, но сумел остаться собой, сохранить связь со своим народом, древним языком и источником, питавшим душу и творчество.

Полвека назад поэзия не только не принесла Морану известности и славы, но и не могла прокормить семью. После освобождения из лагерей Рувим Давидович не имел права жить в Москве, не мог печататься под своим именем. Его реабилитировали, но в дальнейшем поэту пришлось заниматься преимущественно литературными переводами. Этот трудный хлеб спасал опальных писателей от голода, нищеты и неминуемой гибели. «Жизнь ли, время меня научили ниоткуда спасенья не ждать», – рассуждал Моран, избирая новую стезю.

Как и в случае со стихосложением, овладевая мастерством перевода, он учился неистово, постоянно совершенствуя приобретенные навыки. Одним из наставников на новом пути оказался выходец из старинной родовитой семьи, выпускник Поливановской гимназии, получивший позже классическое филологическое образование в Московском университете, поэт и переводчик Сергей Шервинский. С ним Рувима Морана на долгие годы связала крепкая дружба, теплое человеческое взаимопонимание. Сотрудничество и общение с Сергеем Васильевичем задавало для Морана высокую профессиональную планку, развивало и оттачивало литературный стиль.

Из письма Р.Д. Морана С.В. Шервинскому от 18 ноября 1967 года: «Из всех Ваших трех четвертей века мы знакомы – очно – немногим более десяти лет, а кажется – всю жизнь. Я навсегда запомнил тот день, когда пришел к Вам... еще гонимый, неустроенный, неуверенный в старый кабинет Ваш на Померанцевом, и встретил добрый, благожелательный и внимательный прием. Как быстро нашли мы с Вами общий язык, как легко было работать с Вами! Никогда я не чувствовал в Вас «редактора-прокурора», Вы относились ко мне, как к собрату по «служению муз», несмотря на несоизмеримость нашего опыта – жизненного и творческого». Разносторонне одаренный, чуткий Сергей Шервинский стал одним из тех, кто редактировал переводы Р. Морана, деликатно и бережно поясняя необходимость доработки текста, предлагая свои варианты.

Под его руководством Рувим Давидович неустанно шлифовал мастерство, добиваясь совершенства каждой строфы. С огромным уважением и трепетом он относился к памятникам искусства и культуры больших и малых народов, в переводах старался избегать любых искажений и неточностей. Скрупулезный подход к делу поражал коллег и служил показателем высокой профессиональной пробы. Труд Морана высоко ценили признанные мэтры – Семен Липкин, Семен Кирсанов, Арсений Тарковский, переведенные стихи рецензировали Вера Звягинцева, Николай Любимов, Лев Пеньковский, поддержавшие его кандидатуру в Союз писателей СССР. С.В. Шервинский так охарактеризовал друга и коллегу в рекомендации к вступлению в секцию художественного перевода Московского отделения СП СССР от 16 мая 1960 года: «Я знаю т. МОРАНА несколько лет и немало редактировал его переводов. Мне приятно заявить, что в лице т. МОРАНА я встретил, оценил, а потом и полюбил выдающегося поэта-переводчика с громадной, кроме того, работоспособностью и редкими душевными качествами».

Приступая к переводам из татарской поэзии, Рувим Моран самостоятельно изучил татарский язык. Он стремился изнутри почувствовать живое биение слова, не любил пользоваться чужими подстрочниками, хотя, конечно, приходилось сверяться и с ними. Бывший одессит Сергей Александрович Снегов

(урожденный Козерюк, позднее по паспорту – Сергей Иосифович Штейн), отсидевший в лагерях девять лет, описывает в своей «Книге бытия» совсем невероятную историю, как один из известных казанских литераторов несколько раз звонил Рувиму Давидовичу, и тот подробно объяснял, как должен выглядеть оригинал произведения: «Он продиктовал классику готовый перевод еще не написанного стихотворения и вернулся к столу. Я возмутился.

— Руны, что за вздор? Разве ты не можешь напечатать свое стихотворение под своим именем?

Он хладнокровно ответил:

— Не будь наивным. Мои стихи «Литгазета» никогда не напечатает, а мои переводы национального классика – с радостью. Приходится выкручиваться.

Не хочу утверждать, что так было всегда. Но что видел, то видел».

С некоторыми татарскими авторами Рувима Морана связывали годы совместного труда, переросшие в дружеские отношения. В личном рукописном фонде Хасана Туфана сохранились письма переводчика его произведений на русский язык. В них – подробное обсуждение материалов и деталей литературного процесса, а также доброжелательная, очень осторожная критика, конкретные рекомендации.

Рувим Моран заслуженно стал другом татарской интеллигенции, желанным гостем в Татарии, где его действительно ценили и уважали. Именно в Казани, по настоянию коллег и почитателей, увидела свет его единственная прижизненная книга «Выбор» (1968), содержащая преимущественно переводы и около десяти стихотворений.

*– Подари свою новую книжку!
А была лишь одна у меня,
Поздним пылом похожа на вспышку
Догорающего огня.*

В письме С.В. Шервинскому от 19 сентября 1968 года Рувим Моран называет долгожданный сборник «книжицей-гибридом»: «кое-что дорогое сердцу удалось в ней сохранить, несмотря на...» И он, и его адресат прекрасно понимали, о чем идет речь.

Кроме татарского, Моран переводил с английского, румынского, чешского, узбекского, идиша, иврита, открывая новые литературные имена и художественные произведения разных народов. Мастера и критики отмечали, что Рувиму Давидовичу удивительным образом оказывались подвластны самые сложные поэтические формы и ритмы. Труженик пера был привычен к кропотливой и нелегкой работе.

Для читателя удивительно то, что, рядом с бюжцами наотмашь стихотворениями, описывающими ужасы войны, каторги, тюрем, передающими близкое

дыхание смерти, в поэзии Р. Морана сверкают откровения удивительной чистоты, к которым и прийти, наверное, можно было, только испив полную чашу страданий. Классической любовной лирики в наследии Рувима Морана не так уж много, хотя художнику слова не чуждо восхищение женской красотой как удивительной частью мироздания. Но суровый и одновременно чувствительный человек, прошедший муки войны и лагерей, научился глубоко скрывать, оберегать свои чувства.

Даже письма из лагеря жене поэт отправляет очень спокойные, но можно только догадываться, сколько боли, надежды, недомолвок и иносказаний скрыто за каждой строкой. Из письма Рувима Морана Илле Боруцкой-Моран от 14 января 1950 г.: «Милая моя, родная! Сегодня старый Новый год, а писал я тебе в последний раз под «новый» Новый. Сейчас очень тороплюсь – есть возможность отправить. Прости за долгое молчание – все ждал от тебя писем, но у нас перерыв в доставке, и еще не дождался. Соседи уже начали получать, у нас даже уже и посылки некоторые пришли – значит, и нам скоро принесут. От тебя минимум 4 письма должно быть – последнее я получал от 3/ХІІ. <...>

Морозы стоят сильные. Но вообще-то погода очень быстро и резко меняется, иногда два раза в один и тот же день...

В остальном перемен пока нет, хотя разговоры о них все время идут. Временами тоска берет за сердце, пощемит, пощемит – но что поделаешь. Читаю Тютчева, кое-что заучил наизусть и стараюсь руководствоваться классическим «день пережит, и слава богу». Правда, это мне плохо удается» .

Илла Михайловна отвечает: «Родной мой, светлая моя радость!

Я как подумаю о своих вялых скучных письмах, так мне просто больно делается. Хочется столько сказать, как-то ярко, по-настоящему выразить свою любовь, а слов этих-то, настоящих, нет и нет.

Милый мой, вот ты все пишешь о том, что значат мои письма для тебя. Я, конечно, понимаю это отлично. Но мне хочется, чтобы и ты понял, как важны, как бесценны и твои письма для меня. Когда я получаю от тебя письмо, несколько первых дней у меня проходят совсем иначе. Всю боль, всю горечь я отгоняю куда-то, и мне кажется, что ты где-то близко, что наша встреча предопределена и неизбежна. Каждое твое письмо – мой заветный талисман, он оберегает меня не только от поступков, которых я бы потом стыдилась и себе не простила, но даже от мыслей, потому что кого бы я ни сравнила с тобой, я знаю, я чувю – ты лучше, во всяком случае для меня, потому что, как ты писал мне как-то, мы созданы друг для друга.

Когда-то, много лет назад, нам с тобой удалось смягчить суровых междугородних таксофонисток – помнишь? Теперь, мой родной, когда судьба нас ис-

пытывает неизмеримо сложнее и мучительнее, мы, я верю, силой своей любви победим и самое страшное препятствие – время. <...>

Милый, не знаю, можно ли поздравить тебя с наступающим годом. Но, подобно тебе, и я хочу поблагодарить тебя и судьбу за то, что мы встретились с тобой и прожили, пусть очень мало, несколько счастливых лет. И закончу я совсем как если бы ты был рядом: брось курить, родной, это будет для меня лучшим новогодним подарком, потому что даст мне больше надежд на нашу будущую встречу.

Целую тебя, родненький, будь здоров и бодр, как и я, почти всегда. И, знаешь, хоть и бывает на душе и темно, и тяжело, а все же на многих женщин я смотрю с чувством сожаления: они вот живут серо и не знают, и не знали никогда того яркого счастья, которое принесла мне любовь, моя любовь к тебе. Береги себя, милый. Твоя Илла».

И все же эмоции иногда прорывались сквозь все преграды и внутренние запреты! Стихотворение «Свидание», посвященное Илле, – редкий для Р. Морана пример гимна женщине, всепобеждающему чувству, абсолютная антитеза лагерной несвободе. Любовное переживание оказывается квинтэссенцией времени и частным примером проявления грандиозных катаклизмов.

*И если жадная и более живая
Бывает жизнь – я жил в тот малый срок,
Слезинки теплые губами собирая
С таких родных, осунувшихся щек.*

*Забившиеся в неприглядный угол,
Мы потому прощенью подлежим,
Что, до конца принадлежа друг другу,
Всем бурям мира мы принадлежим.*

За границами строф остается факт, что в минуты чудом выпавшего на их долю свидания, поэт поспешно диктовал жене по памяти новые стихи, она отчаянно стремилась их запомнить, а после возвращения – записать.

В лирике Рувима Морана о любви нет безудержного кипения страстей, но явлен скрытый огонь, целомудренная сила всепобеждающего чувства, акцентированы темы верности и умения дожидаться своей судьбы, пронзительности переживания разлуки. Над всем этим – огромная надежда, ибо любовь не умирает даже во тьме тюремного барака, в любом возрасте она озаряет и вдохновляет на творчество, поддерживает на плаву и дает силы. Вывод Морана: ценить нужно каждое мгновение близости с родным человеком, наслаждаться им, не медлить любить, ибо мы не ведаем, что будет завтра.

Поэзия Рувима Морана проникнута глубоким религиозным контекстом, духовным знанием, обретаемым постепенно. Взору читателя открывается сильнейший контраст между описаниями деяний рук человеческих, жестоких битв за власть и ресурсы, приводящих к океанам крови и слез, разрушениям и гибели цивилизаций, – и великим божественным промыслом, устремляющим к любви и гармонии.

*Все железное – мертво.
Живы песни бескорыстные,
Спетье ни для кого.*

Поэт размышляет о пагубности влияния «венца творения» на окружающий мир, предупреждает, насколько легко можно все погубить и разрушить. Он восхищается исконной мудростью и гармонией природы, которая пока непостижима.

*Всё сущее губим и травим
И сами себя не щадим...*

*Затейливы тени в дубраве
И смысл их неисповедим.*

Побывав в безжалостных жерновах диктатуры, он предостерегает читателей от возвращения демонов деспотии и тоталитаризма, обличая двойную мораль и подлость злоупотребления властью.

*Нет, велика роль личности в истории,
И превосходят роль широких масс
Те личности злоецие, которые
Над массами тиранствуют как раз.*

«Без совести, без Бога куда придешь?» – задает вопрос Р. Моран. И читатель находит ясный ответ, Кто помогал выживать в поединках со смертью, хранил и берег, чтобы поэт обрел мужество и силы во весь голос рассказать о времени, жизненных обстоятельствах, проблемах выбора – и о Нем. Такая возможность – знак избранности и долженствования, ибо нет приговора, страшнее молчания, для осененной высоким даром души.

*И может ли тебя утешить
То, что в позоре немочь,
Ничьей петли не мылил ты,
Что и тебя терзала нежить?..*

Стихотворения Р. Морана свидетельствуют со всей очевидностью, что, переосмысливая явления и поступки былого и настоящего, поэт ежедневно исповедуется и поверяет себя перед Всевышним, и эта реальность – исток глубинной нравственности и откровенности лирических признаний, опора существования: «Одно осталось – перед Богом и совестью держать ответ».

Живая природа – спасение и отдохновение для души, явный знак сопричастности иной, благословенной реальности. Она обесцвечивается и замерзает вместе с человеком во мраке лагерной зоны и вновь раскрывается во всем великолепии на воле. Но даже в поздние годы Рувим Моран не всегда может во весь голос воспеть совершенство окружающего мира, перед его глазами навеки застыли тени прошлого, от имени которых ему суждено говорить.

*Я мог бы сам откликнуться хвалой
Ее утешных красок изобилью,
Но как же быть с горячею золой
Освенцима и с лагерною пылью?*

*Ведь так от них суха моя гортань,
Что и росой не может увлажниться...
Глагольте за меня в лесную рань,
Земля и камень, дерево и птица.*

Лишь иногда автор позволяет себе стать частью безмятежной красоты, раствориться в ароматном блаженстве природного раздолья, принять пульсирующие вселенские токи жизни. И тогда его лирика представляет собой великолепный пример русской пейзажной поэзии, эмоционального познания и слияния с мирозданием. Только так и можно прочувствовать, насколько на самом деле нежна и беззащитна израненная душа Р. Морана:

*В начале марта лес почти безмолвен,
Но, если вслушаешься в тишину,
Тобою будет тайный звук уловлен,
Услышишь и снежиночку одну.*

*Сорвавшуюся вдруг с еловой лапы,
И ударяет, кажется, в висок
Березы пульс – еще безмерно слабый
В сосуды поднимающийся сок.*

*Все дело в том, что стоит очутиться
Наедине с природой лишь на миг,
И обретаешь чуткость зверя, птицы,
И понимаешь дерева язык.*

Как и другие философы, с годами Рувим Моран черпает все больше мудрости, откровения в бесконечном источнике естества, леса и травы становятся его подлинными утешителями и друзьями.

*Выходит, что снег мои раны бинтует,
Смиряет он все, что болит и бунтует.*

Это возвращение человека к его бытийным корням, принятие всеобщего родства и единства, исцеление и очищение в нем. Путешествуя, поэт подмечает мимолетные краски и нюансы ландшафта в горах

Тянь-Шаня, долинах Армении, окрестностях Казани, не устают удивляться природному воображению и многообразию, улавливая повсюду проявления Всевышнего.

Присутствие Создателя и чуткая совесть человека становятся для Р. Морана самыми строгими судьями, взыскующими раскаяния и искупления, как в реальности – так и в поэтической строфе:

*Для звука каждого и слога
Переживалась снова
Вся жизнь.
Как видно лишь у Бога
Вначале было слово.*

Писал Рувим Моран обычно медленно и трудно, крылатости и легкости пера его литературному дарованию определенно недоставало. «Сопричастностью волшебству» называл он рождение стихотворения, подразумевая чудесную тайну вдохновения, не поддающуюся разгадке. Он нередко удивлялся тому, что другие поэты творили иначе, очаровываясь дыханием, ритмом и слогом, музыкальной составляющей строфы, ведущей за собой в волнующий мир звукописи. У Морана процесс творчества проистекал, как некогда рабочий день в чугунолитейном цехе: через многочисленные правки, преодоление, напряжение. Именно так отливались и выверялись филигранные стихотворные формулы, в которых нет ни одного случайного слова. Им чужды искусственные красоты, туманности, недосказанности и замысловатости, сложные рифмы и метафоры. Образы поэта объемны, осязаемы и конкретны. Лексика сочетает возвышенные обороты и нарочитые прозаизмы, элементы бытового и разговорного словаря, в зависимости от художественных задач стихотворения. Характер речи определяется действительностью, преломленной через чувства автора. Рувим Моран в творчестве неизменно отталкивался от реальных событий, переживаний, впечатлений, наблюдений, в них – источник и предмет его вдохновения.

На фоне запутанных интеллектуальных парадоксов и исканий постмодернизма лирика Р. Морана может показаться необычно простой по форме, наивной и чересчур рациональной по содержанию. Поэт называл себя «приверженцем классической ясности», продолжал традиции предметной и психологической точности, развивая их через собственный опыт. Полутона в литературной палитре Моран применяет не часто, не допускает двойственности толкований, хочет быть понятным полно и однозначно, искренне обращаясь напрямую к читателю.

*Я не владею колдовством стиха,
Моя строка рассудочна, суха,
Рождается не сразу – в долгих муках,
Влача слова как бы в тяжелых вьюках.
Увы, я не был никогда ведом
Восторгом легкости – всё брал с трудом.*

Отношение к литературе у Рувима Морана возвышенное, почти сакральное. Вхождение в Матенадаран – книжное хранилище в Ереване – он описывает, как волнительное вступление в храм, где спасены от гибели тысячи рукописей, представляющих культуру разных народов – подлинное бесценное достояние цивилизации. Поэт понимает, что каждая прочитанная настоящая книга может круто изменить жизнь: «Не книгу я прочел – я крестный путь прошел». Над своими стихами он корпел, добиваясь абсолютной гармонии содержания и формы, поверяя поэзию самой высокой мерой – временем.

«В себя не верил я в шестнадцать и сомневаюсь в шестьдесят», – пишет убеленный сединами интеллигент, за плечами которого – огни и воды нечеловеческих испытаний. Рефлексия, строгость внутренней критики и самодисциплины, характерные для внутреннего мира поэта, не давали успокоиться и расслабиться. Стихотворная строфа до последнего вздоха оставалась для Рувима Морана зеркалом реальности и мерилом совести, нитью связи с беспредельностью, которую недопустимо осквернить грубым прикосновением. Звучание поэтического слова напрямую связано не только с состояниями природы, но и с ходом времени, миропорядком в целом, возможностью влиять на события и их формирование, поэтому настолько важны точность и чистота выражения замысла.

*Корень слова любого извечен,
В нем побег за побегом сокрыт.
И нагой человеческой речью
Напрямую душа говорит.*

Десятилетиями Рувим Моран работал над рукописью, собирал стихи в сборник с пророческим названием «В поздний час», не ведая, будет ли он опубликован, оставляя это свершение на высшую волю. Пьедестала себе никогда не строил, однако определенное видение будущего у поэта возникало:

*А гордыни нет в помине,
Только беспощадный суд.
Как уложат в домовине,
Подытожат – все поймут.*

Автор не увидел этой книги, не узнал, что ее тепло приветствовали коллеги и читатели. Зато с чистым сердцем признался в главном:

*Сорок лет скитался я пустынею,
Богохульствовал и поклонялся
Не Творцу – железному тельцу,
Но в пути мой разум прояснялся,
Зелень леса, неба чащу синюю,
И скрижали, и ковчег, и скинию
Я обрел.*

А жизнь пришла к концу.

Поэт вернулся к Богу и осознал свое предназначение, несмотря на все перенесенные невзгоды и открывшую враждебность социума, – это ли не главный итог насыщенной скорбями и лишениями жизни и смысл его пребывания на земле?!

*В поздний час все разгадки просты,
Дышат космосом звезды сирени,
Но ужасно, что тьмой слепоты
Нужно выстрадать радость прозренья.*

Забвение мучительно для писателя, несущего в себе частицу высшего творчества. Наверняка Рувим Моран высказал не все, что мог и желал, но оставленное им наследие – бесценно. Он, бесспорно, задумывался о будущих читателях, готовя сборник, хотел быть услышанным, беспокоился: «Какую боль, какую участь готовит двадцать первый век?» Понимал, что человечество легкомысленно балансирует у опасной черты, за которой – разверзается пропасть:

*Живой отмахивается: успею...
О, сколько совершалось дел земных
За полчаса до гибели Помпеи,
За миг до Хиросимы, лишь за миг!*

Ответственность перед Создателем за дела этого мира, бережное и внимательное отношение ко

всему сотворенному – начиная от мелкой былинки до всеобъемлющего космоса, восстановление родства с окружающим бытием – вот о чем болела душа Р. Морана в последние годы перед уходом, наполняясь тревожными предчувствиями. Страшно остаться забытым и непонятым, еще горше – не решиться передать свидетельство из прошлого, не суметь поделиться опытом, предупредить о возможных опасностях и обозначить их, так рассматривал он миссию поэта:

*Бессмертен дух, бессмертен знак его,
И в букве тайна есть и волшебство,
Как в атоме, энергия в ней скрыта,
И то, что было до нее мертво,
Безмолвнее базальта и гранита,
Вдруг обретает с будущим сродство,
Навечно в форму строгую отлито.*

Случайностей не бывает. Серым ноябрьским днем, в книгообмене Музея еврейской истории и толерантности в Москве, мне попала в руки небольшая книжица, перелистав которую, я затаила дыхание. Рувим Моран «В поздний час», тираж издания – 7500 экземпляров, цена – 65 копеек. Под черно-белой мягкой обложкой – в развитии вся долгая жизнь мудрого и мужественного человека. Я читала стихи взахлеб, возвращалась к ним снова и снова, вспоминала тех, кто по разным причинам не осмелился сказать о своей судьбе в контексте времени настолько недвусмысленно и правдиво, пронзительно и откровенно. Радовалась, что поэтическое послание Рувима Морана дошло до адресатов – его потомков, сохранило свою глубинную силу и стало неоспоримым литературным документом ушедшей эпохи, серьезным предупреждением о настоящем и будущем, имеющим значение для каждого из нас.

2020

СБОРНИК «ЖИВЫЕ КОРНИ»

Дорога к Иерусалиму

Мою прамаатерь звали Ева.
...Как голубеет неба синь!
Росло до неба жизни древо,
Святыня – в тишине пустынь.

А мы шагали сквозь расстрелы,
Лежали мертвые во рву:
Евреи, финны и карелы,
Познавшие свою судьбу.

Теперь нас окликают братья.
За миллионом голосов
Стоят невидимые рати,
Хранители земных часов.

А правнуки – живая поросль.
– Я прошлое казнить не дам!
Свободна кровь, и вьется волос,
А прадеда зовут Адам.

Я не знала тогда, и сегодня узнаю ли,
Отчего до сих пор я рыдаю навзрыд,
Если вспомнится мне, что я снова в Израиле...
Отчего же душа так щемит, так болит?

Время нас возвращает кругами, орбитами,
К нашим умершим предкам, к чужим городам.
Моя давняя страсть и надежда забытая,
Я тебе поклонюсь, я тебя не предаю.

Мы с тобою родня, может книжная, кровная,
Не имеет значенья, все мы сыновья
Или дочери в прошлом покинутой родины...
Возвращаемся к небу – из небытия.

Мы прошли испытанья, но плен и рассеянье
Не сломили: народ наш нельзя истребить!
Мы приходим назад за божественным семенем
Через все переломы и козни судьбы.

Я живу или сплю – все Израиль мерещится,
Мы с тобою вдвоем, наша песня звенит.
Я вернулась к корням, я счастливая
женщина...

Отчего ж до сих пор я рыдаю навзрыд?

Мы помним время разрушений,
Судов мирских и черной лжи.
От страшных жертвоприношений
Земля уставшая дрожит.

В картине мира искаженной
Сложился образ: все верней
Идет народ преображенный
К признанию своих корней.

Есть в каждой жизни свой Египет,
Кровавые приметы веж,
Беспамятство, блужданье, гибель...
И путь из рабства, шаг наверх!

Нас всех Господь сегодня сводит,
Рассеянных на сотни лет,
Чтобы вернуться вновь к свободе
И счастьем, что хранит Завет.

Я на звезды гляжу, холодея
В одиночестве жизни седом.
– Иудея моя, Иудея!
Расскажи хоть сейчас, где наш дом.

Отчего бородатые предки,
Чьи молитвы тревожно звучат,
Шелестят в моем сердце, как ветки,
Продолжаются в судьбах внучат.

Отчего я встаю на колени,
Точно в спину внезапный удар,
Если слышу печальное пенье,
И в душе моей плачет шофар.

Отчего я брожу пилигримом,
Повторяя чужие пути,
Вспоминая еврейское имя,
Не мечтая покой обрести.

Отчего возле рек Вавилона
Я молчу и слезы не сушу.
Возвращает к высотам Сиона
Пролетевшего времени шум.

– Иудея моя, Иудея!
Как же мы заблудиться могли,
Чтоб в столетьях блуждать, сиротея,
В вечном поиске нашей земли.

Раскаяньем последний снят заслон:
Стою в твоей распахнутой ладони!
Взошла к любви, вернулась на Сион...
Зажглась звезда в высоком небосклоне.

Она теперь всегда над головой,
Указывает путь среди скитаний.
Еврейской болью многовековой
Пронизанная, я слезами таю.

Скажи теперь, измученный в борьбе,
Как перед дальним миром оправдаться?
Я от рожденья помню о тебе,
По миллиметру выходя из рабства.

Чужие сны и тяжкий плен оков
Рассыпались. Свиданье неохватно.
– Сион, я плачу! Сколько сил и слов,
Чтобы проделать долгий путь обратно.

* * *

Мне, отлученной от родни и рая,
Встающей трудно на обратный путь,
Позволь взглянуть в твои глаза, Израиль,
Из рук твоих живой воды хлебнуть,

Чтобы в холодной темноте изгнания
Я знала точно: у души есть дом!
И бесконечность нашего свиданья
Сияла в сердце огненным щитом.

* * *

Замысел, мука ли, милость,
Только завещано: длись!
Десять колен растворились,
Десять колен разошлись.
Кружит нелегкое время
По миру манну-метель,
Всюду развеяно семя
Страсти твоей, Израиль!
Сколько нас бродит по свету,
Пасынков с искрой в сердцах?
Все мы внебрачные дети
В поисках Бога Отца.
В примесях крови мнутся
Мудрость, и память, и плен...
Заново где-то сойдутся
Вечных двенадцать колен!

* * *

От всех дорог широких в Рим,
Меня отвел Господь,
Опять иду в Иерусалим –
Судьбы не обороть!

Пусть горек мне мирской соблазн,
И сладок черствый хлеб,
Пусть спотыкаюсь много раз,
Оболган, изгнан, слеп,

Над сонмом капищ, алтарей,
Кумирен и арен

Горит моя звезда морей
И свет ее смирен.

Я слышу арфы перезвон,
Друзей ушедших клич,
Есть цель одна в чаду времен –
Душой Тебя постичь.

* * *

Ты далек, только очень близко
Я – стремительна и упряма.
О тебе напишу записку
И оставлю – под камнем Храма,

Что был дважды уже разрушен.
Но восстанет опять – так скоро!
Здесь сольются в молитве души,
Возрождая священный город.

За любовь не дано награды,
Близость – долгая сердца мицва.
Я в разлуке с тобою рядом.
Слез дожди очищают лица.

Лбом – врываюсь в седую древность.
Сны галута и боли – мимо.
Наше счастье, свобода, верность –
В серых стенах Иерусалима.

* * *

Сквозь отреченья, чужую зиму,
Ошибок и заблуждений петли
Одна дорога – к Иерусалиму!
Горят в душе маяки столетий.

Пускай другие помочь не могут:
Пески и воды сковали царства.
Одна дорога – к тебе и к Богу
Через проклятия и мытарства.

* * *

Все мы ищем свой путь и забытый исток,
Плоть от духа неотделима.
Как прабабка моя, я надену платок
И пойду по Иерусалиму.

Он стоит на холмах, город мой золотой.
Из холодного плена исхода,
Я вернулась назад, я вернулась домой,
К свету Бога и силе народа.

Шли сюда через казни и концлагеря,
Тесноту поездов и паромов,
И спасала евреев, хранила Земля
От смертей и от новых погромов.

Память предков – высокий мучительный суд.
И когда-нибудь дети и внуки,

Мальчишка, за тобою целый взвод,
Броня горит и плавится на танках.
... Тебя душа к поэзии зовет
И не желает помнить об атаках.

Вдали от дома и родной семьи,
О чем-то гредишь, сердцем отдыхая,
Летят стихи неровные твои –
Бездомных птиц испуганная стая.

А ночью грядет бесконечный бой,
И ангел смерти будет снова рядом,
Но ты храним счастливую судьбой
И Тем, чья близость – высшая награда.

* * *

Так предначертано заранее
Небесной книжною судьбой:
Когда стреляют по Израилю,
То попадают в нас с тобой.

И наши города разрушены,
И наша льется кровь везде:
Не оставайтесь равнодушными
К сегодняшней чужой беде!

Тот, кто ракетами не брезгует,
Готовит смерть для остальных.
Горящие дома еврейские
Предупреждают всех живых,

Что перед Богом мы ответчики
За маленький и хрупкий мир.
Стреляют вновь – по человечеству!
Очнитесь, будьте же людьми.

* * *

Я как будто застряла где-то
И вернуться хочу скорей
Из объятых пожаром гетто,
Через трубы концлагерей.

Там со всеми, кто был раздавлен,
Перемолот, сожжен в труху,
Часть судьбы моей – боли давней –
Перед вечностью на духу.

В каждом сердце – беды осколок,
Нам расстрельные рвы тесны.
Как же труден, тернист и долог
Покаянный путь у страны!

Мы донныне несем расплату
За забытые имена.
Может быть, в поколенье пятом
Будет память воскрешена.

К справедливости, а не миценью
Призывает огонь свечи.
И за всех я прошу прощенья,
Кто сегодня, стыдясь, молчит.

* * *

Не сходя с оскверненной земли,
Я к тебе через мысли летела.
... Озирая костры и расстрелы
Желтоватые звезды взошли.

Постыжения глубь холодна,
Затихает в ночи гомон птичий.
Искупленья свершился обычай
Опустилась на мир тишина, –

Захоронены в ней голоса,
От скорбей замолчавшие струны,
И будить их до времени трудно,
Прошлым векам судьба – угасать.

Но тебя я во тьме различу,
Наполняя пространство звучаньем,
Поборю непрерывность молчанья,
Оживлю золотую свечу.

* * *

В душе звучит твоя виолончель,
Ее вечерний голос не случаен:
В нем веки разных судеб различаю
И тысячи мерцающих свечей;

Плач вдов и обезумевших детей,
Всех стариков, невинно убиенных,
Огонь людьми распахнутой Геенны,
Раскаянье молитвы «Коль нидрей»;

Седины покрывающий талит,
Шофара скорбь, глубинный отклик хора,
Пророчества, истекший кровью город
Иерусалим, что над землей парит...

Во времена жрецов и палачей
Стремление к любви не умирает,
Напоминая о блаженстве рая,
Пока звучит Творца виолончель.

* * *

Трудные встречи – в памяти, на бумаге,
Стрелки часов солнцу указывают восток.
Острая боль – исступление пытки в Праге,
Среди мрачных замков, застывших фигур,
мостов.

Посмотри на пляску собора святого Вита:
Взмыл в экстазе башен, черным объят огнем,
В синагоге спрятан обугленной Торы свиток,
Вся история мира страданьем зашита в нем.

А на кладбище камни перемешались, кости,
Здесь за выход к небу долгую дань берут.
И над всем царит, раскаляясь, осень –
Торжество столетий над зыбким дождем
минут.

* * *

Их в страшные годы разлук не снесли,
Не бросили псам на закланье:
Зубами дракона растут из земли
Еврейские скорбные камни.

Истертых надгробий недвижимый лес
В сияющем золоте Праги:
Из окон окрестных видны – и с небес
Тяжелые памяти флаги.

Свидетели мертвых несут имена,
Смыкают ряды в обороне...
И пробирает насквозь тишина,
Как будто нас тоже хоронит.

* * *

На парапете сером у реки,
Где сотни судеб время разметало,
Растерянно застыли башмаки,
Истоптанная обувь из металла.

Неотвратимый жребий был жесток:
Детей и женицин, стариков, подростков
Вниз по теченью уносил поток
От исходящих кровью перекрестков.

Дунай! Исток цивилизаций, царств –
Стал кладбищем для безымянных мертвых,
Они плывут, взывая без конца,
Их кости вымываются на отмель.

Зажгите рядом памяти свечу,
Задумайтесь и посмотрите в воду,
Там столько боли, столько слез и чувств,
Что сотни лет не выразить народу.

Такие туфли у меня точь-в-точь!..
Тень стройная дрожит в озябшей глади.
Как трудно боль чужую перевозмочь,
На башмаки разбросанные глядя!

Субботние свечи

* * *

Звучит молитвенный псалом,
И голос твой во мне и всюду.
Я сердцем открываюсь чуду,
Тепло и свет приходят в дом.

Бог женщину благословил,
И я, твоим огнем объята,

Сияю в ночь свечой Шабата
В великом таинстве любви!

* * *

Смывая грех за всех, кто не раскаян,
Поплачь в ночи и не гадай вперед.
Пусть стороной пройдет молва людская,
Счастливым будет благодатный год.

Прости лжецов, забудь мгновенья боли,
Предательства, отчаянья, обид,
Смирись с еще не ведомой судьбой
И переменам жизни будь открыт.

Пусть яблок вкус, тягучий дух медовый
Мне на твоих запомнится губах.
Произнеси любви живое слово,
Одолевая боль и смертный страх.

* * *

Мне голос слышится поющий,
Летит Земля вокруг оси.
Четыре ветви в Праздник кущей
В мое жилище принеси.

Пускай сквозь сны тысячелетий
Мережит пейзаж пустынь,
Мы все блуждаем по планете
В извечных поисках святынь.

Сегодня будут – горечь, сладость
И целый мир в моей душе.
Вновь обретаемая радость
Единства с Богом – в шалаше.

* * *

Горько пахнет ветвями еловыми,
Вечеру холодеет слегка.
Наполняется лицами новыми,
Каждый год оживает сукка.

От сердечной тоски избавление,
Для души долгожданный приют.
Ребе скажет благословение,
Долгожданные гости войдут.

Между прочих усевшись в собрании,
Нас вернут к обретенью начал.
Встанут звезды, осенние, ранние,
В каждом сердце зажжется свеча.

* * *

От смятых ягод винограда
Мускатно-горький вкус во рту.
Я осени причудам рада,
Но помню лета высоту.

Засохшие на лозах грозди
Неспешно впитывают явь.

– Ты птицам в урожае позднем
Десятую души – оставь...

* * *

Моей судьбы прорехи и помарки
Господь прощать и помнить научил.
Сминая время, как фитиль в огарке
Субботней очищающей свечи.

Пусть между нами сотни поколений,
Теперь от всех с тобою говорю...
Живой огонь молитв и песнопений
К небесному восходит алтарю.

* * *

Твои невыразимые черты
В панно любви я столько лет вплетала,
Я вышивала звуков покрывало
И добивалась высшей чистоты.

Тебя на всех устах благодарю,
Молитвою и песней прославляю.
Прикосновенье к Вечному Царю:
В твоей любви горю и не сгораю!

* * *

Подходит время узнаванья,
И светлость твоего лица
Как отблеск дальнего сиянья
Небесной милости Творца.

Пусть на земле мы будем парой
До перехода в мир иной...
Живем по заповедям старым
И помним крылья за спиной.

* * *

Все откровенья неслучайно
Свершались, глубину тая.
Мы трудно с самого начала
Читали книгу Бытия.

Глумясь над праведником Ноем,
Не понимали – чьи сыны.
И стыли глыбой соляною,
Врастали в темноту стены;

Рубили корни, рвались к мести,
Служили идолу, тельцу,
Нигде не находили места,
Роптали, торопясь к концу...

Когда разрушены печати,
Выносят приговор суды,
Вдруг брезжит память о зачатъе
И оживает луч звезды.

Наш древний род исполнен солнца,
С землю космос он связал.

Так через поколенья вьется
Божественной любви лоза.

* * *

Для рассеянных в изгнанье –
Путь надежды в оправданье.
Память предков, божья милость,
Что бы дальше ни случилось,
Мы любимы и хранимы –
С нами свет Иерусалима.
Что еще познать придется –
Пламень сердца, силу солнца...
Щит – высокая десница,
А разлука просто снится.

* * *

Сжигая опыт разделений,
В любви смягчаются сердца.
Стремление новых поколений –
К истокам истины Творца.

В преумножении усилий
Нас в небо долгий путь ведет.
...А твой талит похож на крылья,
Которые сложил народ.

* * *

Над синим бархатным простором
Беззвучное дрожанье струн.
Сияет снежная менора –
Семь дальних отраженных лун.

Лучей серебряных скольженье
Ласкает нежностью сердца...
Как невесомое движенье
Руки небесного Отца.

* * *

Над декабрьской улицей снежной
Фонари и созвездия в ряд.
У меня на окне безмятежно
Ханукальные свечи горят.

Связь с сознанием тысячелетий:
Так однажды поруганный Храм
Возродился в дарованном свете,
Передал откровение – нам.

Маяки в налетевшем буране –
Возвращенные огоньки.
Христианин и мусульманин
Изначальному Слову близки.

Свет любви над промозглой Москвою.
Все мы разные – с корнем одним...
Верой сердца как ветвью живую
Прорастаем в Иерусалим.

* * *

Из каких божественных наречий
К нам пришел великий алфавит?
Чьей рукой впервые был начерчен,
Кем озвучен – солнечный иврит?

Он вместил стихи, звуки, числа:
Строен ряд великого письма!
Только душу дай от слез очистишь –
И она заговорит сама.

* * *

Твоя любовь – невидимый оплот
Среди скорбей и перепутий мира.
Нас осеняет мудростью высот
Великая небесная порфира.

Над временами вознесенный трон –
Сверкающая огненная сфера.
Сильнее власти всех земных корон
Твоя любовь – единственная мера.

* * *

Огонь внутри – достигни дна,
В кристалле заблестят прожилки.
Твое творенье, Адонай:
Шестиконечная снежинка.

Замерзший пробуждая сад,
Божественной любви не скрою:
Нас озаряют небеса
Шестиконечную звездою.

* * *

Над нами – только Божья воля,
В ее дыханье человек
И ангел с властью огневою,
Громады гор, истоки рек.

Она меняет ход событий,
Ведет неумолимый счет
Ошибок, добрых дел, открытий,
Горит спасительной свечой.

И нет случайных наказаний,
Молитвы мира – все к Тому,
Кто смотрит нашими глазами
Сам на себя сквозь боль и тьму.

* * *

Не шелхнет над Москвой
Ни майский ветерок, ни ветка:
Плывет над миром образ Твой –
Знамение любви и света.

Кто с высочайшим из имен
Сравнится – огненным и грозным?..
Предвечный хаос разделен,
Мир, полный вдохновенья, создан.

Открыто сердце небесам:
Волненью и восторгу внемлю.
Часть радости людской – Ты сам,
Обнявший и простивший землю.

* * *

Это пламя субботней свечи,
Что в столетьях евреев хранило,
И вело в непроглядной ночи
Через боль и страданий горнило,

Вдохновляло надеяться, ждать,
Пробуждать откровение в детях...
Пусть любовь в твоём сердце всегда
Той же искрой божественной светит!

* * *

Все наши души родом из Сиона,
На небесах корней не расплести.
Есть в каждом зерна света и закона,
Но лишь любовью можно жизнь спасти.

Плен оболочек, грубый, заскорузлый,
Порабощает дивный новый мир.
Отступничества разбивая узы,
Мы медленно становимся людьми,

Что созданы по образу, подобью
Того, кто сам – источник воинств, сил.
Не время для отчаянья и скорби –
Узнать себя в единстве попроси.

* * *

Брежит огонь в закоулках изгнания
И озаряет земной лабиринт.
Странная осень – смятенье сознания,
Время еврейских свечей и молитв.

Сколько же плакать еще о Сионе,
Иерусалиме – в столетьях рыдать?
Голос чуть слышимый за облаком тонет
В хоре ушедших к Нему навсегда.

Дашь ли плоды увядающей ветви,
Свежим дождем оживишь ли ручей?
Вечное солнце задумчиво светит
В пламени тихих субботних свечей.

Время любви

* * *

Звездами в морозном дыме
Судеб миражи.
У тебя чужое имя
И чужая жизнь.
На свою – не обернуться,
Даже возраст стерт,

В Старом Яффо много улиц,
 Что приводят в порт...
 Чувство тайное хранится
 В сердце узелком.
 Я к тебе сквозь все границы
 Пробралась тайком,
 Оттого, что дорог прежним, —
 В снах и наяву!
 Именем забытым – нежно
 Ночью назову,
 Пробуждая ненароком
 Память давних дней,
 Стала огненным пророком
 Зрелости твоей,
 Сердца рухнувшим запретом,
 Белизной снегов
 И негладным приветом
 С дальних берегов.

* * *

Тихую тайной лучусь в толпе,
 Волны – поверх голов!
 Мне захотелось послать тебе
 Несколько нежных слов,
 Ласковых, как московский закат,
 Памятных и простых,
 Пусть по морозным ветрам скользят,
 Им не судьба – застыть!
 Милый, любовь во всех языках
 Пламенных – вне времен!
 Пусть тебе в дальних чужих горах
 Снится Иерихон,
 Промысел Божий и дальний глас
 Ангельских грозных труб,
 Я посылаю в вечерний час
 К небу – молитву губ.
 С яростью лавиной услышь, Навин,
 Кто высоко воспет,
 Ищет ли смысл в шальной крови
 Мнимых, как смерть, побед?

* * *

С тобой в разлуке третий год.
 В душе зима, на стеклах иней.
 Планета, сделав оборот,
 Летит в безжизненной пустыне.

В камине тлеют угольки.
 Ты знаешь, здесь так много снега!
 И медленней стучат виски:
 Кровь тоже устает от бега.

Я вся прозрачна как слюда,
 Сомненья разлетелись в вальсе.
 Изольда – просто изо льда,
 Застыла музыкой февральской.

Бела несмятая постель,
 Все реже вспоминаю имя.
 Вдруг теплой вестью – сквозь метель! –
 – Уже весна в Иерусалиме!

* * *

Размотай у тфилина ремни,
 Что за жизнь – лабиринты, дороги...
 Ты губами к молитве прильни
 И всем сердцем подумай о Боге.

Вдруг откроется: там, за верстой,
 Ждет твой ангел, надеется, плачет
 И не ладит с судьбой непростой,
 Верит, все обернется иначе...

Обжигая хамсином пустынь,
 Упади ей на грудь покаянно,
 Подними в поднебесную синь,
 Где поют серафимы: Осанна!

Только так и задумал Творец:
 Выбор, сделанный прежде, – условен.
 ...Свиток Торы и черный ларец,
 Путь любви, продолжение крови.

* * *

Увези меня обратно на Святую Землю,
 Где все камни живые, в каждом – скрытая память,
 Где Создателя образ ветрами по душам развеяв,
 А с вершины горы до сих пор спускается пламя.

Увези меня, милый. Я знаю на ощупь дорогу.
 Я сольюсь с тишиной, в ней открою россыпи клада!
 Я хочу озвучить любовь. Стать еще ближе к Богу.
 И купаться с тобой по утрам в водопадах.

* * *

Слишком дерзок, безумен и рьян,
 Он в равнинное русло не верит! –
 С горной кручи летит Иордан,
 Для того чтоб сорваться в Кинерет.

По ущельям опасны прыжки,
 Искры брызг, водопады, пороги,
 Коридоры базальта – узки,
 Ледяные касанья – ожоги.

А затем тишина и покой,
 Из озерных глубин величаво
 Выплывает – священной рекой,
 Позабывшей лихое начало.

Облаками мелькают валы
 На поверхности сине-зеленой,
 В чередѣ отражений былых –
 Многократно воспетые склоны.

* * *

Я вся соленая внутри,
Как будто в первобытном море
Меня ты высмотрел. Бери
Отчаянье чужих историй,

Что громко голоса, живут,
Пытаются разбиться пеной.
Надежды трепетный лоскут
Как парус страсти незабвенной.

Звезда погибших кораблей,
Исчезнувших однажды видов...
Ты тоже – в памяти моей,
Воскресшая струна Давида.

* * *

Ты скоро уйдешь, незаметно сливаясь с другими,
Кадиш поминальный задумчивый голос поет...
А я сберегу навсегда твоё доброе имя,
Великое чувство, к незримым вершинам полет.

В моей тишине безмятежны и шелковы ласки,
Глубокая нежность блаженство прощаний струит.
И наши сердца, точно звенья в таинственной связке:
Я вслед за тобою земной прохожу лабиринт.

Судьбу озарить – вот такой мне из прошлого
жребий,

А в будущем – Храм и небесных дозоров огни.
Не печься душе ни о счастье земном, ни о хлебе,
Но помнить о том, чью любовь завещают хранить.

* * *

С горы Нево – не избежать любви,
Как не войти без слез в сад благодатный.
С твоим народом связи не прерви,
Пока идем в нелегкий путь обратный.

В меня твои впечатаны следы
И голоса – в них нет осколков рабства.
С горы Нево – запомнись молодым
И не ищи душой земного царства.

* * *

Я замысел смогу постичь нескоро,
Молчание вселенной между нами,
Но светится души твоей менора
Семью великолепными лучами.

Ты исподволь заботишься о главном,
Пронизывая память поколений.
Ведет вперед горящий след в невяном
Переплетенье многих измерений.

* * *

Ты сумрачен, как облачный закат,
В твоих глазах отражена усталость.

Ты знаешь всех, но нет пути назад,
Туда, где жизнь счастливая осталась.

Грядущее давно предрешено,
Ждут в декабре тоскливые недели.
Спасенье в снах, где свет любви шальной,
И финский дождь слезами на Кармеле.

* * *

Ставлю книгу на полку шкафа –
Быль свиданий, нам Богом данных.
Мы не встретимся в Старом Яффо
И не будет прогулок дальних

По безлунному побережью...
Ждут иные пути, маршруты,
Но любовь я храню, как прежде,
Ожиданьем живу как будто.

Страсть мою переплавил в зрелость,
Был суровой судьбой отпущен.
Я разлуку принять сумела,
Мир из прошлого стал грядущим.

Возвращение сердцу мнится,
Где я буду иной, счастливой.
А пока бьюсь бескрылой птицей
В сердце белого Тель-Авива.

* * *

Посреди будней, посреди полдней
Я буду помнить, всегда буду помнить.
Того, кто шел рядом, – на сто веков старше,
Столпу в небесах доверяя бесстрашно,
Над бездною бурь серебрясь и мудрея,
Владея пространством, внедряя идеи,
Как старый пророк, видел путь богоданный –
Всю землю Галаад до самого Дана,
Грядущий итог бытия и исхода...
Твой посох-змея – символ древнего рода.
Везде на земле: и в пустынях, и в море,
И в проблесках молний – всегда буду
помнить...

* * *

Сдвинуты даты, смешаны сроки,
Вектор меняется в сумрачном веке.
– Женищина станет новым пророком,
Скажет всю правду о человеке.

Словом коснется души напрямую,
Искрой любви даст рожденье восходу,
Силу небесную, радость земную,
Мудрость Шехины подарит народу.

Спустится с неба за ней колесница.
Проникновенно, огненно, строго
Женищина будет Богу молиться!
...Будет всегда услышана Богом.

* * *

Я очнулась – и яркие краски легли на холсты,
И грибные дожди в запыленные будни упали.
Мне открылось внезапно, что скован бессилием ты,
Дух в плену под землей, охладевшее сердце – в металле.

Облик твой – как собрание многих теней,
В нем отрывки из книг, переклички чужих разговоров...
Я рискнула войти – и обратных не вижу дверей,
Разбиваюсь о грани смертей, отражений, повторов.

Но мой голос звучит, вызывая движение чувств,
Возбуждая сознание мечтой о пути невоспетом,
Словно я изнутри до тебя достучаться хочу
И весь мир озарить из глубин обретаемым светом.

Будь кем хочешь, но только сейчас поднимись и твори,
Я тебе возвращаю любовь и восторг вдохновенья.
Черный лучник с псалмами Давида в крови,
Мы во власти судьбы, но над нами – закон исправленья.

* * *

Я для тебя задержусь на Земле.
Новая жизнь – без разлуки во зле,
С первого вздоха – свеченье любви,
Тихие песни и губы твои.
Две половины стихии одной
Будут нездешней ласкать глубиной,
Страстью, восторгом и силой сиять,
Чтоб, наконец, появилась семья,
Добрые дети – живые ростки,
Корни их в небе, они высоки.
Вместе – как сладко навеки уйти
К нашей звезде, после ста двадцати.

Хлеб изгнания

* * *

Под сенью старого Толедо,
Откуда мы давно пришли,
Слышна молитва меламеда,
Повозки тянутся в пыли.

Из разоренной синагоги
Еще несется женский плач...
Как мы печальны и убоги
В плену разлук и неудач.

Храня ключи, как талисманы,
Теряли память на пути.
В чужие языки и страны
Пришлось мучительно враспи.

Но может, разогнутся спины,
И через сотни долгих лет
Певуче зазвучит ладино
Там, где молился меламед.

* * *

Опять дорога змеится,
Туман нисходит вечерний,
Уносит дальше возница...
Судьба – лишь смена кочевий.

Горька цикута скитаний:
С холмов родной Палестины –
В костры испанских рыданий,
Тьму африканской равнины.

Летит на юг и на север,
Как будто жаждет забвенья,
Чужое горькое семя,
Чтоб прорасти – в поколенья,

Любить, гореть и метаться,
Не обретая покоя,
В креольском огненном танце,
Соленой ласке прибоя.

Случайны встречи, жилища,
Звучат несладко наречья.
Чего столетьями ищем?
Изгнания путь бесконечен.

И в каждом новом рожденье
Горящим солнцем гонимы.
И день, и ночь – сновиденье:
Восходим к Иерусалиму!

* * *

Открыла дверь – и крылья отстегнула,
Покой и радость: молчаливый дом!
Пространство жизни, мир стола и стула...
В чужих хоробах дышится с трудом.

Я здесь хозяйка, женицина, богиня,
Извилист путь к родному очагу.
Теперь печаль туманом синим сгинет:
В любой момент прислушаться могу

К спокойному теченью судеб, мыслей,
Сложить слова в неторопливый ряд.
Над книгами так замирает мистик –
Сквозь время души плачут, говорят.

...Из Кордовы когда-то наши предки
Бежали в ночь, молились об одном:
Не дай сломаться плодоносной ветке,
Пусть у потомков будет новый дом.

* * *

Он чинит время в старом Амстердаме,
Вращаются века, созвездья, стрелки.
Блуждают лица в потемневшей раме,
Кругом повторы, двойники, подделки.

Волнуется вода, дрожит в каналах,
Плывут по ней то облака, то льдины.
Ему всегда чужой эпохи мало,
И окликом в ушах звучит ладино.

Опять бредут в пыли дорожной предки,
От ужаса, беды непоправимой.
Им в ноздри бьет изгнанья запах едкий,
Кочевья, одиночества и дыма.

А для потомков жребий уготован
Забвения, предательства, скитаний,
Скорбей и ласки родины суровой,
Которая надолго домом станет.

Колдует он над хрупким циферблатом,
Горит в костре заката мастерская.
А память все зовет, влечет обратно
И никогда его не отпускает.

Он чинит время в старом Амстердаме,
Рождаются, уходят с миром люди.
Поют и плачут о далеком Храме,
И молятся, не ведая, что будет.

Забыли то, зачем сюда пришли,
Падение в безумство испытали:
Делили троны, предавали, крали,
Чужим богам кропили алтари,

Несправедливость возвели в закон,
Служить толпе заставили искусство,
Добро и зло перемешали густо,
Не различали судеб и времен,

Развязывали ужас новых войн,
Захлебывались желчью лжесвидетельств...
Кругом рыдали женщины и дети,
Достиг небес душ уязвленных вой.

И в Судный день восстали из земли –
Был каждый миг порочной жизни взвешен.
Вердикт суров, оправдан, безутешен...
...Так вспомнили, зачем сюда пришли.

С волнением воспоминанья,
Покинув рабство, вольным став,
Отведай черствый хлеб изгнанья,
Соленость слез и горечь трав.

Вкус многотрудного исхода
Из сытости небытия,
Где в людях умерла свобода,
Отвергнута любовь моя;

Кто знает, сколько лет в пустыне
По собственным следам блуждать?
Пусть вера в сердце не остынет
И станет путь как благодать.

Иди за мной в лучах надежды –
Спасенья знаки впереди,
Не будет мир таким, как прежде,
Кругом поют: Господь един!..

Прими лишенья и страданья
Как искупление стыда,
А долгожданность оправданья –
Решенье высшего суда.

В предчувствии великих событий,
Под синим шатром небосвода,
Не спите, евреи, не спите,
На дымных дорогах исхода.

Зажгите светильники срочно,
Молитесь душой неустанно,
А вдруг наступающей ночью
Откроется высшая тайна?

Пусть зов милосердный услышат,
Все те, кто очнуться готовы,
Сойдет, как спасение, свыше,
Создателя мудрое слово,

Его вы даруете детям,
Связав бесконечные нити...
На нашей тревожной планете
Ищите друг друга, любите.

Менора – пробуждение рода,
Она опять горит в семье.
Лучи нисходят с небосвода,
С душой сливаются моей.

Так, завершив круги исканий,
К истокам нас вернул исход:
Свет покаяний, оправданий, –
Любовь, которая спасет.

Пусть будет ваш дом, как шатер Авраама,
С любой стороны для пришельцев открытый,
Пусть всех привечает счастливая мама
И в сердце хранит ослепительный свиток.

Пусть станет отец мудрецом и провидцем,
Щитом и главой многославного рода,
Пусть милость Творца через души струится,
Детей собирает любовь с небосвода.

* * *

Оставив сердце в Иерусалиме,
Бежать в Гавану, Тегусигальпу,
Надеясь, время обеты снимет,
Пить эту жизнь не глотками – залпом!

Потерь, падений не счесть на карте,
Где нас ровняли под всех, кроили,
Но поднимались мы многократно,
Чтоб просиять – в Кордове, Каире.

И в этой жизни – сильна десница,
Пока язык не присох к гортани,
Судьба о встрече с тобой молиться,
Бросаться в бездны воспоминаний.

Куда бы ветром ни заносило,
В каких морях ни срывало парус,
Но сердце бьется в Иерусалиме,
Где песня с небом соприкасалась.

* * *

Ветер режет морицины в медных сумерках моря,
Обнимает прибоем, облака бороздит.
Пусть меня близость неба воскресит и омоет,
Прижимаюсь к Израилю, его теплой груди.

Обо всех вспоминаю, собираясь из пепла
Уничтоженных штетлов, ржавых концлагерей,

Эту музыку нежную в детстве слышала где-то,
По струне моей памяти возвратись поскорей.

Нас навек успокоят ночи теплые, длинные,
В них блуждает зарницами дальний плач скрипача.
На губах горечь времени и еврейского имени,
Как же трудно о будущем разучиться молчать.

* * *

Участники древнего действия,
Мы видим: пустыня жива!
Пробьется народ иудейский,
Взойдет и на камне — трава;
Псалом прозвучит на иврите
В краях, где язык замолчал:
Протянутся веющие нити
К потомкам — от мудрых начал.
Творения силы вернуться,
Все то, что задумал, — сверши!
Огонь позабытого чувства
Сойдет откровеньем с вершин.
Вода переполнит колодцы,
И арфа любви запоет...
Господь в небесах отзовется:
— Умножься, великий народ!

МОЙ ПАПА

Советское время никак не располагало к откровенным разговорам. Даже в семье родители мало рассказывали детям о прошлой своей жизни. Так многие и ушли, не оставив свидетельств. А эпоха была полна событиями необычайно трагичными, оставила рубцы, которые еще не скоро заживут. Даже поколение, родившееся уже после этих катаклизмов, ощущает их влияние, и, может быть, только наши дети смогут освободиться от разрушительных последствий происходившего. Но для этого нужна память, память о том, что было, чтобы попытаться разобраться в причинах, породивших столь чудовищную эпоху.

Но кроме эпохальных событий существовала и обычная жизнь обычных людей. Они не выбирали себе эпоху и жили, работали, растили детей. У них были свои горести и радости, отчаяние и надежда... Я хочу рассказать о своем отце, прежде всего, для себя и для того, чтобы оставить свидетельство своим детям. Рассказать то, что сохранила моя память, что удалось восстановить по рассказам знавших его. Это не биография, скорее – это отдельные эпизоды, впечатления, общий образ, бесконечно дорогой для меня.

Родился папа в 1907 году в Бобруйске, уездном центре Минской губернии, присоединенном в 1793 году к России от Польши в качестве местечка. В начале XIX века здесь была построена крепость, в которой евреям было запрещено строить какие бы то ни было здания. По переписи 1897 года из общего числа жителей в 34336 человек 20760 были евреи. В то время Бобруйск был центром белорусского еврейства: там находились многочисленные ешивы, талмуд-тора, два мужских народных училища (в одном ремесленное отделение), два женских общеобразовательных и одно женское профессиональное, известное книгоиздательство Якова Гинзбурга. Бобруйск был и одним из центров Бунда. Наиболее распространенными занятиями евреев были изготовление одежды, земледелие, торговля продуктами сельского хозяйства. Папин отец был столяром. В детстве папа, имея хороший голос, пел в синагоге. В 1914 году община собрала деньги, и папа поступил в местную гимназию. Он очень гордился этим и учился охотно. Сколько он там проучился, не знаю. Помнил папа немцев, которые платили за постой.

Папины старшие сестры Блюма и Зельда, одна в 1910, другая в 1911 году уехали в Америку. Сначала их женихи поехали туда «на разведку» в трюмах каких-то, очевидно, грузовых пароходов, затем вернулись, поженились и увезли их в Нью-Йорк, поселившись в Бруклине и в Бронксе под фамилиями Горелик и Турецки. Папин старший брат Зяма в 16 лет ушел из дома, и как папа ни пытался его найти впоследствии, не смог.

Затем – Киев, до которого семья добиралась два года. Очевидно, уходили от непрерывных перемен власти в Бобруйске в период гражданской и советско-польских войн, сопровождавшихся грабежами и разбоем. Папины родители в Киеве попали в больницу и скончались с разницей в один день. У них в Киеве была какая-то родственница, но мама перед смертью сказала, чтобы папа устроился лучше в детский

дом. Так папа в 15 лет оказался в детском доме. Папу звали Мардух-Гершл, но записали Гришей.

Воспоминания о детском доме у него сохранились самые благоприятные. Он рассказывал, как его с другом наказали за какой-то проступок – отлучили от коллектива, и они питались не в общей столовой, а у себя в комнате, куда им еду приносили. Но через пару дней, когда поняли, что это доставляет им удовольствие, «наказание» было снято. Вообще, папа говорил, что отношение к детям было очень хорошим – ведь тогда считали, что именно из них, не обремененных памятью о прошлом, вырастет новый советский человек с новым сознанием.

Когда должно было начаться обучение какому-нибудь ремеслу, его спросили, кем он хочет стать. Папа не знал. Но у него обнаружился хороший музыкальный слух. Его повели в музыкальный техникум, чтобы показать инструменты. Как рассказывал папа, на сцену вышел какой-то скрипач маленького роста, подбородком прижал скрипочку к ключице, весь согнулся и так жалобно заиграл, что папа тут же сказал, что не хочет такой музыки. Затем ему показали пианиста – и он сразу же сказал, что вот это другое дело. Ему понравилось, что тот был хозяином своего инструмента, гордо сидел на стуле, тряся огромной шевелюрой, и играл что-то очень громкое, торжественное. Но возникла проблема – в детском доме не было инструмента. Поскольку в то время дети были действительно под опекой государства, все решилось очень просто, хотя и по-советски. Приехал грузовик с несколькими чекистами, посадили папу, и они выехали на Крещатик. Там папа с сопровождающим вышли и двинулись вдоль улицы. Они шли и слушали, откуда раздадутся звуки рояля. Услышав, поднялись по лестнице, вошли в квартиру. Там оказался пожилой человек, и посередине комнаты стоял рояль. Сопровождающий папу сказал хозяину, что инструмент реквизируется, показав какую-то бумагу (для убедительности на ремне у него висел револьвер), позвал

Папина мама.

хлопцев, и инструмент благополучно переехал в детский дом. Этот старичок, оказавшийся дирижером, часто приходил, давал уроки и просил аккуратно обращаться с инструментом – он все надеялся получить его обратно. Папа ему нравился, и он даже предлагал его усыновить.

В то время в Киев приехала группа из США, проводившая по своей системе исследования среди детей на выявление способностей и реакции мозга. Исследовали они детские дома. Вернувшись, написали отчет, который попал в газеты, там был упомянут и папа, обладавший какими-то уникальными способностями по их критериям. По этому отчету папины сестры узнали, где он находится, и послали человека в Киев, чтобы тот забрал его в Америку. В детском доме устроили общее собрание, на котором сказали, что нашего Гришу хотят увезти к капиталистам, эксплуататорам. «Не отдадим Гришу!» Папе человек этот не понравился – глазки маленькие, бегающие – и он отказался уезжать. Тот дал ему пять долларов, оставил адрес сестер, и его больше не видели. С сестрами папа переписывался почти до самой войны и даже получал фото и иногда пять долларов. Все это он уничтожил и прекратил переписку, когда «пришли» за соседом.

В 1924 году папа, как способный ученик, получил стипендию им. Ленина (об этом было написано в официальной газете Киева) и поступил в Музыкальный техникум. Там его соучениками были ставшие впоследствии знаменитыми музыкантами: дирижер Исай Шерман, первый исполнитель балета Прокофьева «Ромео и Джульетта» в Кировском театре и балета Синисало «Сампо» в нашем Музыкальном театре; пианист, профессор Ленинградской консерватории Натан Перельман. Когда потребовалось подтверждение папиного музыкального образования (диплом папа потерял во время войны), Шерман написал в наше министерство культуры письмо с подтверждением факта папиной учебы в Киеве.

Время учебы папа вспоминал с большим удовольствием. Жизнь в Киеве бурлила, выплескивалась через край. Ломалось старое, на смену приходило что-то другое, тогда еще никто не знал, во что это вы-

лется. Иногда это принимало и уродливые формы. Например, папа вспоминал, что вышел букварь, где писалось все так, как говорилось в жизни, причем, в выражениях там не стеснялись – как в народе говорили, так и учили. Помнил демонстрацию совершенно голых молодых юношей и девушек, шедших по Крещатику с плакатами «Долой стыд», «Стыд – пережиток прошлого».

Однажды в цирке на арену вышли иллюзионисты. Они выкатили небольшой ящичек с отверстием на верхней крышке и предложили сложить туда все, что пожелает почтенная публика. «Почтенная публика» сначала робко, потом с большим энтузиазмом понесла пиджаки, кофточки, сумочки, зонты, шляпки, даже обувь. И все каким-то образом действительно укладывалось через это маленькое отверстие внутри загадочного ящичка. Потом ящичек увезли, и конферансье объявил, что вещи можно будет получить после представления. После представления все ринулись к служебному входу, но, увы, ни ящичка, ни самих иллюзионистов там не было. Директор развел руками и объяснил, что эти артисты пришли к нему днем, показали номер и попросились выступить, и, если все пройдет удачно, согласны работать сезон. Видимо, им хватило одного выступления.

В другой раз был объявлен концерт Шаляпина. Когда толпы зрителей рванулись в кассы филармонии, билетов уже не было. Рядом ходили перекупщики и продавали билеты в три – четыре раза дороже. Все равно билеты разошлись. За день до назначенного концерта появилось объявление, что из-за болезни Шаляпина концерт не состоится, билеты можно вернуть в кассу. Но в кассе билеты принимали по их настоящей цене!..

Но не все было так. Папа, например, был на концертах Симона Барера, пианиста-виртуоза. Когда он играл Шестую рапсодию Листа, в зале вставали на стулья и залезали на сцену (пианист не возражал), чтобы убедиться, что это не обман, что он действительно сам играет, потому, что в таком темпе и так чисто играть «октавную» часть этой рапсодии просто невозможно! Слушал папа и Владимира Горовица. Уже тогда было ясно, что это великий музыкант. Был на концерте Айседоры Дункан, которая его потрясла. Уже немолодая женщина, одиноко стоявшая на сцене в какой-то хламиде, производила не очень приятное впечатление, но как только начинала звучать музыка, она преображалась, и начиналось действие, которое завораживало, гипнотизировало, оставаясь в памяти на всю жизнь.

Еще учась в техникуме, папа подрабатывал тапером – играл, сопровождая немые кинофильмы. И он хорошо запомнил фильм режиссера А. Анощенко «Трипольская трагедия» (1926), где речь идет о трагической гибели в 1919 году комсомольского отряда особого назначения во время гражданской войны на Украине. Окруженные бандой «зеленых», юные персонажи картины были взяты в плен, подвергнуты

Юрий Кияченко. Трипольская трагедия

жесточайшим пыткам, а потом уничтожены самым зверским образом. Этот фильм основан на подлинных фактах гибели группы комсомольцев-добровольцев из Киева во главе с Ратманским и Фастовским, состоявшей в основном из выходцев с еврейского Подола. И главная героиня фильма – папина двоюродная сестра!

Может быть поэтому, когда позже папа проходил военные сборы, и там надо было тренироваться наносить удары штыком по чучелу, он не мог делать этого. Над ним смеялись, пытались заставить, но он написал командиру большое письмо «высоким штилем», в котором просил заменить ему эти упражнения. Причем написал так, что на общем построении командир скомандовал:

– Цвибель, три шага вперед!

Только посмотрел на него, ничего не сказал, и папа был освобожден.

В папином военном билете, выданном в 1948 году, значится:

Окончил Музыкальный техникум в г. Киеве в 1928 году. Призван Киевским горвоенкоматом 25.6.1929 г. Признан годным к строевой службе и зачислен в запас 2 категории. В Советской армии не служил. Специальность: пианист. Беспартийный. В ВЛКСМ не состоит. Национальность: еврей. Родной язык: русский. Знание иностранных языков: немецкий. Рост: 165. Окружность головы: 57. Противогоаз: 3. Размер обуви: 41.

(Кстати, про обувь. Когда надо было поменять обувь, папа заходил в магазин, говорил, что у него 45 размер, надевал новую, пробовал, чтобы не жала, расплачивался, оставлял старую и уходил. Как-то, когда они уже поженились, мама сама купила ему ботинки, принесла домой и попросила померить – может, подойдет? Правда, они 43 размера. Папа надел, прошелся – не жмет. Так и ходил. В следующий раз они зашли в магазин и стали выбирать. Приглянулась одна пара и, не посмотрев на размер, папа примерил. Хорошо. Обувь оказалась 41 размера. В конце концов, выяснилось, что у папы вообще 39 размер!)

Дальше в папиной биографии для меня сплошные пробелы.

Папа почему-то уехал в Автономную Советскую Социалистическую республику немцев Поволжья в театр концертмейстером (очевидно, в Немгостеатр, открывшийся в 1931 году). Редактировал там стенную газету на немецком языке. Знаю, что у него были большие способности к изучению языков, и он самостоятельно изучал их всю жизнь. Знал не менее пятнадцати, перевел на немецкий «Полтаву» Пушкина. Во время страшного голода (1932-33 года), когда были изъяты у населения все продукты, и от голода погибли свыше 50 тысяч человек, получал паек, поэтому и выжил. В ноябре 1934 года издается директива о «борьбе с фашистами и их пособниками» среди немецкого населения СССР. Директива дала толчок мощной одноименной репрессивной кампании против советских немцев, в том числе и в АССР НП. По всей видимости, к этому периоду (хотя, возможно, и ко времени войны) относится эпизод с обвинением папы в том, что он «немецкий шпион»! Доводы, о том, что он не может быть немецким шпионом, будучи евреем, не убедили, и тогда папа сказал, что его сестра – герой комсомола. Как ни странно, никто этого проверять не стал, но его отпустили.

Каким-то образом папа поступил в Москве в институт (что за институт, я не знаю). Но, поскольку преподаватели литературы и языка были слабыми, и упор делался на идеологию, когда сказали, что тех, кто поедет в колхоз помогать убирать урожай, без экзаменов переведут на следующий курс, папа ушел.

1941 г.

Нанимался на работу в театр к Соломону Михоэлсу. Но что-то ему не понравилось в разговоре с Михоэлсом, и он отказался.

Затем – папа уже в Архангельске, в филармоническом симфоническом оркестре.

* * *

Наш Музыкальный театр гастролировал в Архангельске. В один из дней мне сказали оркестранты, что к ним на спектакле в антракте подошел пожилой человек и спросил, указывая на программку, приехал ли на гастроли Цвигель. Они ответили утвердительно, и он попросил, чтобы я подошел на следующий день на спектакль для встречи.

В антракте мы встретились у оркестровой ямы. Он внимательно посмотрел на меня и спросил:

– Ты сын Гриши?

– Да.

– Так Гриша женился?

– Выходит, да. И даже уже умер.

– Жаль.

– Жаль, что женился, или...

– А ты остряк в него.

Мы разговорились. Оказывается, они вместе работали в Архангельской филармонии до войны, даже жили некоторое время в одной комнате. Гриша был «не от мира сего» – всегда с книгой в руках, даже дорожку переходил, читая. Как его не задавили, для всех оставалось загадкой. Никого не замечал вокруг, был погружен в свои мысли. Деньги, полученные за работу, клал в саквояж, который стоял в углу, не считая. Многие брали у него в долг, но немногие отдавали. Его все любили, но он на девушек не смотрел. И вот однажды вдруг увидел девушку в библиотеке, даже не девушку, а книги, которые она взяла, на девушку он обратил внимание уже потом, и сразу же влюбился, а у нее был кавалер... Дальнейшую историю он не знает – началась война, и всех раскидало кого куда. Девушка училась в Музыкальном училище на скрипке, звали ее Тамара.

– Это твоя мать?

– Да. И еще есть два брата.

Дальнейшую историю я узнал уже от мамы через много-много лет, когда она приехала из Иерусалима, где живет с сыном Валерой и внуками, в Петрозаводск погостить.

С началом войны была объявлена мобилизация, и папа, получив повестку, направился к месту формирования части, отправляющейся на фронт. Но его «перехватил» администратор из филармонии Розанов: «Ты что, с ума сошел? Куда тебе воевать? Давай документы!» Он забрал документы, побежал в военкомат и сказал, что по приказу (он назвал какую-то несуществующую организацию) формируется кон-

Мама, 1939 г.

цертная бригада для обслуживания фронтов. Розанов был достаточно известным человеком, и в военкомате не стали разбираться – дел было невпроворот – и убрали папины документы из картотеки. Так Розанов освободил еще несколько человек, и они создали военно-полевую бригаду, которая обслуживала фронт, давала концерты для солдат, отбывающих на передовую, работала в тылу. В этой бригаде оказалась и мама, игравшая на скрипке.

Однажды они ехали с концерта на открытом грузовике, их предупредили, что начинается наступление, и надо поскорее убираться. Шофер проскочил какой-то пост, даже не заметив его, и постовой выстрелил вдогонку. Пуля попала дирижеру Льву Косинскому в пряжку ремня и срикошетила, ранив сидящего на другой скамье виолончелиста Гельфмана. Тот сначала даже не очень почувствовал это. Лишь потом сказал, что он, кажется, ранен. Когда добрались до поселка, где был медпункт, он еще пытался сам слезть с грузовика, но санитары положили его на носилки и понесли. Последние слова, которые сказал Гельфман, были: «Подождите, сейчас я вернусь, это быстро». Но пуля свое дело сделала – был задет какой-то важный орган, и когда ее извлекли, Гельфман умер. Его тут же и похоронили – у двух березок. Лев Косинский хранил эту пулю всю жизнь.

4 декабря 1941 года в Архангельске мама родила сына Володю.

Потом был Республиканский театр музыкальной комедии КФССР, организованный в 1940 году и базировавшийся первоначально в Медвежьегорске. За время существования театра (1940-1948) в нем работали такие известные в театральном мире деятели, как Н.Рубан, О.Калинина, А.Феона, Л.Косинский, А.Голланд, Г.Синисало, Е.Ривьери, Л.Теплицкий, К. Милютин-Савич, Л.Вишкарев, А.Мелков, Х.Мальми и другие. Был сыгран огромный репертуар – практически весь «джентльменский набор» любого театра оперетты: «Сильва», «Марица», «Роз-Мари», «Холопка», «Корневильские колокола», «Свадьба в Малиновке», «Веселая вдова», «Баядера», «Перикола» и пр. Поскольку театр не имел своего постоянного помещения, и его работа пришлось на военное время, театр постоянно гастролировал: Петрозаводск, Беломорск, Мурманск, Вологда, Медвежьегорск, Беломорск, Кондопога, Кемь, Кандалакша, Архангельск, Тула, Сортавала, Уральск, Ярославль, Рыбинск... Плюс огромная концертная деятельность, в том числе и на передовой. В этом театре всю войну и проработал папа (мама все это время была с ним).

Когда и как папа попал в театр, не знаю – есть два свидетельства, противоречащие друг другу: согласно трудовой книжке и согласно свидетельству Николая Рубана, зафиксированному в его книжке «Всю войну на колесах».

В трудовой книжке, заведенной 7 января 1942 года с пометкой «Дубликат», значится: «Зачислен в КФ театр концертмейстером-пианистом с окладом 700 руб. с 7/VI-42 г. ...Общий стаж до поступления в КФ театр 15 лет. Документально не подтверждено». (Либо папа потерял предыдущую книжку, либо, что более вероятно, он ее уничтожил, поскольку там должна была стоять запись о его работе в немецком театре. В той обстановке это могло иметь самые, мягко говоря, нежелательные последствия.) Это сходится и с маминими воспоминаниями о первых днях войны и первых выступлениях с концертной бригадой в Архангельской области.

А в книжке Николая Рубана говорится о первых гастрольях театра в Выборге, начавшихся 19 июня 1941 года спектаклем «Холопка». В воскресенье 22 июня театр еще сыграл в полупустом зале оперетту «Роз-Мари». И далее: «Сразу же были сформированы концертные бригады... и уже 23 июня в большом переполненном мобилизованными кинотеатре «Кинолинна», где помещался призывной пункт, артисты театра дали свой первый шефский концерт для будущих воинов нашей Армии...» «26 июня Финляндия вступила в войну на стороне Гитлера. По путевке Дома Красной Армии две наши концертные бригады были направлены в воинские части, занимавшие оборону на Выборгском направлении, пока еще относительно спокойном... Уже 26 июня наша первая концертная бригада в составе артистов О.И. Сорокиной, А.И. Орехова, Э.Н. Лер, Р.О. Чарпо, Е.Г. Рубин,

В.И. Орлова и балерины Зои Орловой под аккомпанемент баяна, на котором играл Г.И. Цвибель, обслуживала наши гарнизоны на границе, дав несколько концертов». (Когда на площадке не было фортепиано, папе приходилось играть на баяне, хотя он этому не учился.)

Все же мамино свидетельство, очевидно, достоверно. Рубан мог ошибиться, назвав папу в составе первой концертной бригады.

Несомненно, прифронтовые театры, фронтовые концертные бригады внесли ощутимый вклад в общее дело победы. Солдатам просто необходима была разрядка после всех ужасов, выпавших на их долю. Необходима, чтобы осознать, хотя бы на тот краткий момент спектакля или концерта, что война – ненормальное состояние человека, вспомнить о простых человеческих чувствах. Когда я в 1980 году попал в больницу, мой сосед по палате рассказал, какое впечатление на него оказал спектакль нашего театра «Сильва», который он видел в 1943 году в Рыбинске. Как он сказал: «После этого захотелось жить! Прошло уже столько времени, а я помню даже фамилию актрисы, игравшей Сильву – Ольга Калинина».

Каково же было его удивление, когда я сказал, что Ольга Павловна до сих пор работает в нашем Музыкальном училище. Он пообещал, когда выйдет из больницы, подойти к ней и сказать «спасибо».

С Ольгой Павловной я работал в Доме культуры Онежского тракторного завода. Она вела там вокальный кружок, я был концертмейстером. Она много рассказывала про театр, военное время, концерты на передовой. Концерты, как правило, строились по заведенному трафарету: сначала песни о Сталине, о Родине, потом угрозы врагу, а уж потом начинался сам концерт. (Прямо, как в анекдоте: «Маша, концерт уже начался?» «Нет, еще пианист играет».) Так вот, частенько, особенно когда приезжали на передовую, подходил политрук и говорил: «Вы начало можете пропустить, давайте прямо со второй части». Понятно, их, которые ежеминутно рискуют жизнью, учить патриотизму...

После концерта, обычно, артистов кормили. И тут, чтобы подзадорить командира и получше покушать, кто-нибудь из молодых актрис, как бы невзначай, бросала фразу: «Вот мы были вчера на такой-то заставе, так нас там так угостили!..» После таких слов, чтобы поддержать «честь мундира», командир делал все возможное, «чтобы было не хуже».

Мне рассказали, что через много лет после окончания войны, когда уже можно было выезжать за границу, Хельми Мальми, танцовщица и балетмейстер была на одной из встреч бывших фронтовиков в Финляндии, где рассказывала о своей жизни, работе в театре, фронтовых концертах. После встречи к ней подошел пожилой мужчина и сказал:

– Я Вас узнал. Я тогда был «кукушкой», видел ваш концерт, и Вы были у меня на прицеле. Но уж больно

1946 г.

хорошо Вы танцевали, и я пожалел. (Волшебная сила искусства!)

П о с к о л ь к у после войны в Петрозаводске не нашлось подходящего помещения для работы, театр обосновался в Сортавале, где я и родился.

В декабре 1946 года театр выехал на длительные гастроли в Ярославль, а наша семья переехала в

Петрозаводск, где папа стал работать концертмейстером в филармонии, затем заведующим музыкальной частью Республиканского театра Русской драмы и, наконец, в Музыкальном училище.

10 марта 1948 года Музыкальный театр расформировали.

За работу в годы войны папа был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.»

* * *

Рядом с домом, где мы жили, строился большой (как мне тогда в 1948 -50 гг. казалось) каменный дом (это угловой дом на перекрестке улиц Луначарского и Невского (тогда – Урицкого), где сейчас располагается аптека № 4). Строили его пленные немцы. Стройка была обнесена колючей проволокой, по углам стояли караульные вышки. Каким-то образом папа познакомился с немецким офицером, работавшим там, и они частенько беседовали через колючую проволоку. Папа в совершенстве знал немецкий язык, немецкую философию, естественно, музыку, и у них находились темы для разговоров. Иногда папа даже передавал ему что-нибудь из еды, хотя сам был не всегда сыт. Вечером немцев в сопровождении служебных собак уводили мимо нашего дома куда-то в сторону пивзавода. Это может показаться странным – немец и еврей спокойно беседуют после того, что совсем недавно произошло, но папа никогда не винил немецкий народ в Холокосте. Папа разделял народ и идеологию, которую ему навязывали или политические мотивы, как внутренние, так и внешние (за примерами ходить далеко не надо: антисемитские компании в СССР 48 – 53 гг., шестидесятых, затем в России девяностых годов, современный антисемитизм, принимающий международный характер... Но эта тема неисчерпае-

ма). Для папы это был человек, попавший за колючую проволоку за преступления других.

Для меня так и остается загадкой фраза, сказанная однажды папой, которая меня потрясла своей неожиданностью. К этой теме папа никогда не возвращался и ничего даже похожего не говорил. Он произнес тихо и очень спокойно, без эмоций: «Я хотел бы, чтобы, когда будут вешать последнего на земле коммуниста, повесили его над моей могилой».

Я часто вспоминаю эту фразу, такую несвойственную папе, даже, можно сказать, кощунственную в его устах, пытаюсь понять, что заставило папу произнести ее. За всю свою жизнь папа, как говорится, «мухи не обидел», всегда смотрел на жизнь как бы даже со стороны, с некоторого расстояния, как казалось, с долей легкой иронии. Когда в тридцатые годы его спросили, как он относится к советской власти, за него ответил его товарищ: «Да он ее просто не замечает», и все посмеялись (странно, что все обошлось – могло кончиться для всех весьма плачевно). Что же было в действительности у него на душе? Какую надо было вести внутреннюю борьбу, сколько надо было держать в себе, чтобы однажды сказать такое своему сыну?

Я долго сомневался, стоит ли писать об этом? Но мне тоже тяжело держать такое внутри. Может быть, кто-нибудь сможет объяснить мне?..

* * *

Своих книг дома у нас не было – мы брали их в библиотеке. Папа читал, в основном, немецкие. Где он их доставал, я не знаю – ему, очевидно, дарили за ненадобностью. Читал он своеобразно: прочитывая страницу, вырывал ее и – в печку на растопку! Говорил, что так удобно – не надо искать, где остановился, всегда открываешь на первой странице. Причем читал он везде, даже в очередях, когда к очередному советскому празднику, что-нибудь «давали»: маргарин, муку, сахар, масло или колбасу. Так и двигался к прилавку, не отрываясь от книги. Его все знали, и относились к этому спокойно. А поскольку существовали «нормы товаров, отпускаемых в одни руки», стояли семьями, очереди были длинными и в магазин не помещались, «давали» все это во дворе, и очередь змейкой огибала двор магазина, да еще не один раз, так что за это время можно было получить не одно высшее образование. Хотя для меня остается загадкой – как, работая на шести работах, папа находил время еще и стоять в очередях? (Вообще сейчас трудно объяснить гамму чувств, которые охватывали человека, когда прибежала соседка и кричала: «Тамара, на Зареке маргарин дают!» или: «У водников колбасу выбросили!» «Посмотри, какие я туфли отхватила!» Те, кто этого не пережил, не поймут. Мне очень любопытно, как это перевести на другой язык, если уже и по-русски непонятно?) На работе на пюпитре рядом с нотами у папы всегда стояла книга, и пока

педагог в музыкальном училище или балетмейстер в театре объясняли, что они хотят от студента или артиста, папа успевал прочитать несколько фраз, и во время игры обдумывал прочитанное. Инструментом он владел в совершенстве, а читка с листа у него была просто феноменальной. То, что другим концертмейстерам необходимо было учить или, по крайней мере, заранее знакомиться с текстом, он играл без труда, да еще мог при этом разговаривать! Студенты частенько специально приносили из библиотеки какие-нибудь незнакомые трудноисполнимые клавиры и просили сыграть, предвкушая удовольствие. Папа не отказывался – он любил молодежь и с готовностью делился своими знаниями и умением.

* * *

Владимир Хинчук, преподававший в музыкальном училище музлитературу и еще работавший настройщиком, всегда носил с собой чемоданчик с инструментами для работы. Но там же были аккуратно уложены, на всякий случай, смена белья и сухой паек на несколько дней – борьба с «безродными космополитами», «морганистами-вейсманистами», «врачами-убийцами» была еще жива в памяти. Кстати, однажды преподаватели училища собрали деньги и купили брюки одному студенту, который очень бедствовал. Так на одном из собраний он встал и поблагодарил... товарища Сталина за такое внимание к обыкновенному советскому студенту!!!

Когда у нас появилось пианино, папа пригласил Хинчука настроить его.

– Деньги я тебе отдам при коммунизме, – пообещал папа.

– Так при коммунизме денег-то не будет!

– Ну, вот видишь как хорошо. А у меня их уже нет, значит на меня он, этот коммунизм, уже наступил.

* * *

Однажды мы идем с папой по улице. Навстречу нам, сторбившись, очень медленно двигается артист Драматического театра Геннадий Куксов. Он жил один, жена умерла, с дочерью отношения не складывались, на работе тоже никакого просвета: играл он второстепенные, а то и третьестепенные роли. Я его запомнил в каком-то детском спектакле в роли «кактуса», стоящим на третьем плане, без слов. Поравнявшись с нами, говорит:

– Гриша, я, наверное, скоро умру.

– Ты умрешь, когда поумнеешь. А не поумнеешь ты никогда.

И, оставив его в некотором недоумении, мы пошли дальше.

Прошло много времени, папа умер. Куксову исполнялась какая-то круглая дата, и Дом актера пригласил его, чтобы поздравить. Пришли всего несколько человек. Куксов уже никого не узнавал,

сидел отрешенно. Но когда подошел я с поздравлением, глаза его просветлели:

– А... Вот тебя я помню: ты – сын Гриши Цвибеля. Он сказал, что я умру тогда, когда поумнею. Видимо, я еще не поумнел.

Спустя некоторое время, он, все же, «поумнел».

* * *

Жили мы в деревянном двухэтажном доме, одном из двух «театральных» домов по улице Луначарского (они существуют и поныне). Вода – на колонке через два дома, печное отопление, туалет – с выгребной ямой, поэтому мух у нас было предостаточно. Мы делали «мухобойки» – палка с прибитой к ней старой подошвой от ботинка. Как-то я гоняюсь за мухой с этой самой «мухобойкой», приходит папа и говорит:

– Да не так. Смотри.

Подходит к окну, открывает форточку:

– Муха, улетай!

И муха улетела!

На меня это произвело неизгладимое впечатление. Я теперь сидел в центре комнаты и приглашал мух улетать, даже говорил волшебное слово «пожалуйста», но они меня не очень слушались, скорее, их становилось даже больше.

* * *

Через год после смерти папы я на кладбище обустроиваю папину могилу. Делаю планировку, сажаю траву, розы, посадил березку (сейчас она выросла высотой с пятиэтажный дом, причем, березка «тройная»: из одного корня – три ствола, как трое сыновей). Подготавливаю место для установки постоянного надгробия. Пока стоит временный столбик, на котором прибита фотография.

Мимо идет средних лет мужчина, останавливается, просит закурить. Я говорю, что не курю, он подходит и спрашивает, кто здесь у меня похоронен. Я отвечаю, что отец. Он сочувствует, рассказывает о своих, похороненных на этом кладбище, и случайно его взгляд останавливается на фотографии.

– Да это же Григорий Ильич! Извини, я не знал, что он умер. Он работал в детском садике у моей дочери музыкальным руководителем, играл им всякие песенки. Ох, какой человек! Жалко. Дочь уже выросла, учится в университете, но мы его хорошо помним. Давай помогу тебе.

Дальше мы работаем уже вдвоем.

* * *

Папа никогда не болел – он не мог позволить себе такой роскоши, и больше всего боялся попасть в больницу (может быть – воспоминания детства, когда в больнице умерли его родители?). Но он боялся еще

и из-за того, что единственный из семьи работал: я учился в седьмом классе, старший брат Володя – в десятом, младший Валера – во втором. По больничному листу платили только за одну основную работу, так что можно себе представить в какое положение попала бы семья. И работал он на шести работах: в Музыкальном училище, Музыкальном театре, в Доме культуры ОТЗ, кинотеатре «Сампо» (там перед тремя вечерними сеансами играл небольшой оркестр), в двух детских садиках. Но, все же, папа попал в больницу. Этому предшествовали драматические события.

Неожиданно к нам во двор въехала легковая машина, и папу увезли в КГБ. Ночь он провел там. Что ему инкриминировали, я не знаю, очевидно, общительный характер, анекдоты, слишком широкую эрудицию для советского человека, да еще, может быть, знание многих иностранных языков. Он много общался с молодежью, которая его обожала за веселый нрав и крайнюю доброжелательность. Кроме того, он помогал сдавать «тысячи» – переводил иностранные тексты студентам, в основном газетные, причем с любого языка. И, хотя газеты продавались только коммунистические, все же там кое-что освещалось не совсем так, как в СССР. И папа с «листа» сразу читал перевод какой-нибудь английской газеты, а пока студент записывал, другому переводил французскую, немецкую или итальянскую. Да много ли надо для КГБ: был бы человек, а «дело» найдется. Как потом стало известно, «оттуда» позвонили в Музыкальный театр директору, и Сергей Петрович Звездин сказал, что Цвибель ему нужен, он незаменимый работник (тогда начиналась работа над балетом «Сампо») и вообще, он, как директор, за него ручается. Этим папа был спасен, и его отпустили. Но тот шок, который папа перенес (он понимал, что если его «заберут», семье просто не на что будет существовать), многолетняя изнурительная работа сделали свое – папа заболел. Сначала он продолжал ходить на работу и на ногах перенес воспаление легких, которое закончилось тяжелым плевритом. Он слег. Чтобы не лишать оркестрантов, играющих в кинотеатре, работы (пианистов в городе тогда было очень мало), папа показал мне репертуар оркестра, и я его заменил. Играть я мог, естественно, только то, что успел выучить с папой. Картина была для того времени более чем неординарная: на сцене среди маститых известных в городе музыкантов за пианино сидел тринадцатилетний ребенок в гольфиках и сосредоточенно, глядя в ноты, барабанил по клавишам. И это перед вечерними сеансами, куда детей до 16 лет не допускали! Так продолжалось дней семь-восемь. Поскольку мне приходилось уходить с последних двух уроков в школе (я учился тогда во вторую смену), это стало известно «кому надо». Разразился скандал. Однажды я прихожу на работу в кинотеатр, а меня не пускают. Вышел руководитель оркестра и директор кинотеатра и сказали, что пришла бумага из ГорОНО с приказом «прекратить это безобразия». Тогда меня чуть

Наша семья, 1956 г.

не выгнали из школы, а музыканты неделю сидели без работы, пока не нашли мне замену.

Папе становилось все хуже, и его увезли в больницу. Тогда она размещалась на улице Военной в деревянном двухэтажном здании. Его лечащим врачом был легендарный Наум Давыдович Цаль. Положение папы было критическим, болезнь была запущенной. Несколько дней жизнь папы была в опасности. Но когда кризис миновал, папа, который панически боялся уколов, попросил отменить их. Как потом рассказал Наум Давыдович, когда он посмотрел в папины глаза, то понял, что лучше согласиться. Папа откуда-то взял, что можно вылечиться... яблоками! Почему именно яблоками, совершенно непонятно. Но он был убежден в этом, и сообщил Науму Давыдовичу. И Наум Давыдович согласился и с этим!!! Уколы отменили, и папа ел яблоки килограммами. Их приносили все, посещавшие его. Через месяц папу выписали из больницы.

Тут я должен рассказать об одном эпизоде, который я сохранил с благодарностью в памяти до конца своих дней.

Когда папу увезли в больницу, мы остались, практически, без средств к существованию. Денежных накоплений, естественно, не было – жили от зарплаты до зарплаты. А теперь вообще папе полагались деньги по больничному только с места основной работы – из Музыкального училища.

И вот однажды, когда я был один дома, в дверь постучались, и вошла молодая женщина. Она протянула мне конверт и сказала, что это от артистов балета Григорию Ильичу. Там были деньги. Мама, придя домой, узнав об этом, расплакалась. Для нас это было спасением! Только позже я смог в полной мере осознать значимость этого поступка. Артисты балета, сами нищие, получавшие совершенные гроши – и это при их-то нагрузках – протянули руку помощи своему концертмейстеру. Для папы это был, прежде всего, акт моральной поддержки, во многом помогший ему справиться с болезнью (впервые я рассказал про этот случай артистам, когда с благодарностью прощался с театром после сорокалетней работы).

Когда папу выписывали из больницы, и он зашел, уже одетый, с шапкой в руках в палату попрощаться, сосед по палате вдруг закричал:

– Да я Вас знаю! Вы играете в оркестре перед вечерними сеансами в кинотеатре «Сампо». Мы по Вам часы сверяем!

Папа очень удивился.

– Да, да. Вы ежедневно проходите мимо нашего дома в одно и то же время вверх по улице Урицкого, и ваша голова приходится как раз на уровне нашего окна. Я узнал Вас по шапке!

Летом 1964 года в Ленинграде проходила выставка «Средства связи США», и я, оказавшись там проездом, пошел на нее. Отстояв в очереди более двух часов, наконец, попал внутрь, получив значок и красивый проспект. Выставка разместилась в помещении театра «Ленинского комсомола», и экспонировались там достижения в области связи. Выставка для нас была прямо, как из другого мира: на стенах висели огромные плоские цветные телевизоры, и через небольшие телекамеры можно было увидеть себя на экране; демонстрировались лазеры и всевозможные сферы их применения, что само по себе вызывало удивление, да еще стояла установка, воспроизводящая музыку, причем проводником служил лазерный луч, и можно было, подставив ладонь, перекрыть его, и музыка прекращалась. Специальный стенд был назван «Микроминиатюризация», мимо которого я проходил несколько раз и не замечал, а когда присмотрелся, то был поражен – там было все настолько маленьким, что даже стояли увеличительные стекла. Это были первые микросхемы на кремниевой стружке, способные заменить целые блоки лампового приемника (я был радиолюбителем, собирал приемники, и не мог себе представить такое) – то, из чего потом делались микрокалькуляторы и компьютеры. Но основное внимание мое привлекли три телефонные будки, стоящие посередине зала и полки с телефонными книгами номеров всех США! Причем, телефонные книги Нью-Йорка и других крупных городов были даже по районам. Можно было найти интересующий тебя номер и позвонить бесплатно прямо с выставки. Я

вспомнил, что в Бруклине и Бронксе живут мои тетки (папины сестры) и взял в руки справочник Бруклина, большого формата и очень толстый, хотя и отпечатанный на тонкой бумаге, чтобы найти их фамилии. И тут произошло необъяснимое: я забыл фамилии своих родственников. Я листал справочник Бруклина, потом Бронкса, ставил на место, опять листал... Все напрасно! Я ходил по выставке более двух часов, пытаюсь вспомнить. Хотя и понимал, что с такими фамилиями, как у них, в Нью-Йорке живет не одна сотня людей, но хотелось наудачу позвонить – вдруг попаду куда-нибудь и, хотя бы, «подам голос». Я так и не смог вспомнить, а время шло – мне надо было ехать в аэропорт. Отложив в последний раз справочник Бронкса, я вышел из здания и, пройдя несколько шагов, остановился: Горелик, Турецки!!! Чего же проще? Но вернуться я уже не мог – надо было отстоять два часа в очереди, а времени на это не было.

В балетном классе

Так случилось, что мы очень редко разговаривали с папой наедине: как всегда на самых близких людей не хватает времени. Однажды он пришел ко мне в общежитие театра, где я жил. Разговор зашел о Шостаковиче. Я знал, что папа не любил Шостаковича. Когда он впервые сыграл его Первую симфонию (там в оркестровке большая фортепианная партия), ему показала, что музыка кончилась. У папы вызывали неприязнь и выступления Шостаковича в печати и по радио – блеклые и очень уж казенные (понятно, что он мог тогда говорить), а вступление в партию в 1960 году воспринимались папой, как капитуляция перед властью (только когда много позже за рубежом была опубликована книга Соломона Волкова «Свидетельство. Мемуары Дмитрия Шостаковича», многое стало понятным).

Я пытался защищать Шостаковича, говоря, что всё, что он не может высказать словами, говорит своей музыкой, пишет летопись своего страшного времени – недаром партия так пристально следит за его творчеством и не раз «била» его очень сильно.

– Ну, давай послушаем.

Я поставил 14 симфонию (это необычное произведение написано на тексты Ф. Гарсия Лорки, Г. Аполлинера, В. Кюхельбекера, Р. Рильке; сам Шостакович после ее написания признал эту симфонию самым лучшим из всего, что он создал). Папа внимательно прослушал ее, не останавливая. Помолчали. Потом поговорили о разных вещах, но, уходя, папа попросил еще раз поставить две последние части симфонии. Там такие слова:

*О, Дельвиг, Дельвиг!
Что награда
И дел высоких и стихов?
Таланту что и где награда
Среди злодеев и глупцов?
(В. Кюхельбекер)*

И последняя часть «Смерть поэта» на стихи Рильке:

*Поэт был мертв.
Лицо его, храня все ту же бледность,
Что-то отвергало...*

На папу симфония произвела большое впечатление. Он сказал, что это настоящая музыка, искренняя и очень сильная.

Эта наша встреча оказалась последней.

Еще раз я увиделся с папой в балетном зале театра. Это было около 11 часов 9 сентября 1972 года, в первый день работы после отпуска. Начинался новый сезон. Поскольку мне должны были за гастроль еще пару дней «отгулов», урок играл папа, а я пошел в Союз композиторов знакомиться с клавиром новой версии балета Эдуарда Патлаенко «Гайавата» для записи его на пленку (первый вариант мы показывали в Министерстве культуры РСФСР в 1968 году – это особая история). Закрыв за собой дверь, прислушался: ровный, чистый звук фортепиано – папа в отличной форме.

Вернувшись домой (жил у вокзала в общежитии), застал соседку родителей, которая только что приехала, взволнованная, сказать, что папе плохо. (Небольшая деталь: Эмма Хиппелайнен, артистка Финского театра и наша соседка, позвонила в Музыкальный театр, в котором папа работал с момента его основания, и попросила машину, чтобы съездить за мной, так как телефона у меня, естественно, не было, объяснив, что случилось. Мне стыдно до сих пор за то, что ей ответили!) По дороге к родителям в троллейбусе мне стало плохо – очевидно, где-то на подсознательном уровне понял, что случилось что-то непоправимое. Но я не мог предположить, что случилось на самом деле. Ведь с папой всего три часа назад я разговаривал, он ни на что не жаловался... Когда открыл дверь квартиры, услышал звук, который у меня до сих пор в ушах. Это не плачь, не крик, даже не вой – это все вместе. В одной комнате на полу билась мама, в другой на

полу лежал папа. Рубашка на груди была распорота, в районе сердца видна была небольшая дырочка – врачи со скорой помощи пытались реанимировать, сделав укол прямо в сердце, но это не помогло. Они уехали, даже не положив папу на кровать.

Соседи уже позвонили в воинскую часть, где служил мой брат Валерий и в школу, где работал старший брат Володя – он был с учениками в каком-то колхозе «на картошке». Валерик очень скоро прибежал – спасибо командиру части, который отпустил его даже без увольнения. Увольнение на десять суток принес солдат через полчаса.

Валерик сказал, что он предчувствовал это. Каждый день звонил домой, разговаривал с папой, и что-то в голосе папы и самих разговорах угадывалось.

Папу увезли в судмедэкспертизу. В справке о смерти значилось: «общий атеросклероз». Окажись дома хотя бы валидол, может быть, удалось бы спасти. Но так, видимо, было суждено.

Я не знал, что делать. Вспомнил, что в последнее время папа сблизился с Владимиром Яковлевичем Беленьким. Нашел его адрес по телефонной книге и пошел к нему. Жил он напротив университета. Долго звонил в дверь. Мне не хотели открывать, хотя присутствие кого-то в доме ощущалось. Потом осторожно приоткрылась дверь, и я увидел необычную для себя картину: пожилой человек с какой-то черной корбочкой на лбу, с ремешками вокруг одной руки, закутанный в белое с полосками покрывало с кистями на концах, с раскрытой книгой в руке настороженно смотрел на меня.

– Я сын Григория Цвибеля. Папа вчера умер!

Он молча пропустил меня в квартиру, аккуратно закрыл дверь, даже на цепочку и спокойно сказал: «Гриша умер? Ну, и хорошо. Он умер в большой праздник – в Новый год и в Субботу одновременно. Это случается не часто. В такой день умирают только праведники. Твой отец – цадик!» (Еврейский календарь имеет девятнадцатилетний цикл, и Новый год, который впервые после советской власти евреи Петрозаводска праздновали открыто, и в подготовке которого я принимал самое непосредственное участие, пришелся именно на Субботу 9 сентября 1991 года через 19 лет! Случайность?..) Но тогда я ничего не понял из сказанного (какой Новый год в сентябре?), но меня «отпустило», как будто спала вся тяжесть, и даже стало хорошо. Владимир Яковлевич отложил молитвенник, мы познакомились. Оказывается, папа часто рассказывал ему обо мне – его беспокоило мое будущее, хотел познакомить нас. Я попросил Владимира Яковлевича прийти на похороны и сделать то, что положено евреям. Что положено, я не знал.

На следующий день я пошел к директору театра просить деньги на похороны. Сергей Петрович меня сразу же принял, отложив дела и попросив всех выйти из кабинета. Лицо его покраснело – это говорило о

крайнем переживании, он снял очки, ничего не говорил. Я поблагодарил его за то, что он сделал для папы (я знал, что Сергей Петрович очень уважал папу, и всегда при встречах они перекидывались несколькими фразами), попросил выдать мне две тысячи рублей в долг в счет зарплаты, сказав, что у папы осталась сберегательная книжка, но деньги я смогу снять только через полгода. Книжку я держал в руках. Он взял ее, раскрыл, внимательно просмотрел и сказал всего два слова:

– Да, небогато...

(Там было всего три тысячи рублей – все, что папа смог накопить на «черный день»!)

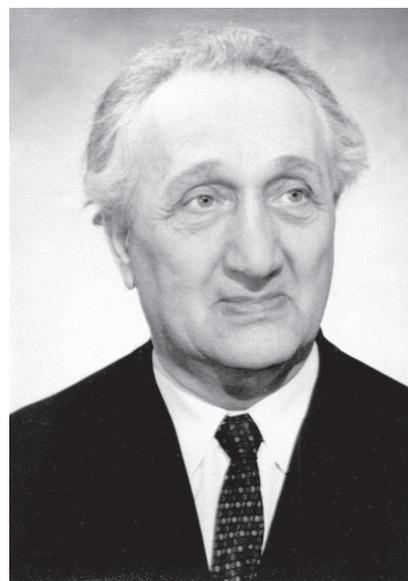
Я буду благодарен Сергею Петровичу Звездину за эти скупые слова до последнего своего вдоха. Они были сказаны так, что смогли вместить в себя всю горечь прожитой жизни, боль утраты...

Хоронили из музыкального училища, где папа работал со дня его открытия в 1948 году. Петр Козинский, композитор, парторг училища и наш родственник (прекрасный человек из какого-то другого мира) рассказал о жизненном пути, как тогда было положено; студенты, плача, обещали быть похожими на Григория Ильича (папу, действительно, все очень любили); пришли артисты и работники театра... Когда Петр Козинский произнес, что у папы было тяжелое детство, что он воспитывался в детском доме, я не выдержал, буквально убежал в соседний класс – меня трясло.

Потом сказали, чтобы все попрощались и оставили у гроба родственников (почему-то запомнилась муха, которая все время садилась папе на нос, и я подумал о той мухе, улетевшей в форточку по папиной просьбе). Подошел Владимир Яковлевич, тихо произнес молитву и что-то положил на подушку рядом с головой (много позже я понял, что это была земля Израиля). Меня тогда удивило, что он не снял головного убора, как все. Когда понесли гроб, я увидел, что вся улица от училища до поликлиники запружена людьми – папу в городе знали очень многие, движение по улице было перекрыто. Играл оркестр петрозаводского гарнизона, в котором проходил службу брат Валера, под руководством майора Корнеева, а впереди, высоко подняв раструб своей трубы, пел прощальную песню папе его старый коллега-музыкант, артист симфонического оркестра Петр Салмио (сам уже смертельно больной)...

* * *

Был ли папа «соблюдающим» евреем? Нет. Но он, конечно, знал, что это такое. И когда я в свое время увлекался «местечковостью» – начитался Менделеева Мойхера-Сфорима, Ицхака Лейбуша Переца, Шолом Алейхема и идеализировал местечко, папа с болью сказал, что не хотел бы вернуться туда. Что на самом деле ничего хорошего в той жизни не было, с ее бесправием, ограниченностью, суевериями. Хотя, как

1971 г.

всегда и во всем, все не так однозначно. Он-то хорошо понимал это.

Несколько раз в году он вдруг (это для меня – вдруг) целый день ничего не ел, только пил сырую воду и закусывал черным хлебом с луком (так он соблюдал пост). На мои вопросы отвечал, что просто хочет вспомнить тяжелое детство. Часто мечтал, чтобы у нас была большая семья, которая раз в неделю собиралась бы за праздничным столом. Мама пекла бы халу, зажигала свечи, а он сидел бы во главе стола и читал для всех книгу (что за книгу, он не говорил). На мой вопрос – зачем печь, когда хала продается в магазине (тогда, действительно, продавалась, это потом она стала «плетенкой», как и французская булочка – «городской») ответил, что это не та хала, потом, когда-нибудь, я узнаю это. Потом я действительно узнал, но почему – потом? Мне до сих пор больно, что все «это» я узнал «потом». Хотя папа мне и рассказывал об истории евреев, некоторых традициях, но только тогда, когда у меня возникали вопросы. Иногда по вечерам, когда мы садились за стол, моя русская мама зажигала свечу и подавала гефилте-фиш – это от нее я научился делать фаршированную рыбу, и наступала какая-то необъяснимо торжественная тишина. Мы, дети, сидели и заворожено смотрели на пламя и на оплывающую свечу. Нам было жалко, что она так быстро тает, и мы оплывший воск налепляли обратно. Папа читал какую-то книгу (может быть, молитвенник?) и с умилением смотрел на нас. Когда я собрался жениться, папа сказал, что Марта хорошая девушка, но не для меня, отказавшись объяснить почему, и на свадьбу не пошел. Но никогда не давал понять, что что-то не так, у нас были прекрасные отношения, и папа был просто счастлив, когда родилась внучка Наташенька. В том же году он неожиданно умер. И так было угодно Вс-вышнему, что именно эта его русская внучка, пройдя в Иерусалиме гиюр, стала еврейкой и родила еще троих евреев (дай Б-г им здоровья, как и всему еврейскому народу)! Рав Адин Штейнзальц

очень точно определил евреев, как одну семью со всеми положительными и отрицательными ее качествами. И еще совершенно уникально его определение, кого считать евреем: он сказал, что еврей тот, у кого внуки евреи! Я не могу упрекать папу, что он не очень направлял меня в еврейскую сторону, и даже по паспорту я был русским (хотя и пытался исправить это) – то, что пережило его поколение в России, не могло не наложить отпечаток на всю жизнь. Героем хорошо быть только в «боевиках», и то иностранных, зная, что тебя ждет за это хороший гонорар, а когда у тебя на руках дети, которых ты хочешь вырастить и видеть счастливыми...

Однажды, когда в Петрозаводске открылся Хэсэд (это уже 1998 год!), я принес продовольственный пакет одному не очень еще старому человеку. Он поблагодарил, но когда я сказал, что надо записать его имя для отчета, он вернул мне пакет, и просил больше не беспокоиться. Родился он где-то в глубинке Карелии – очевидно родители были или сосланы, или сами решили быть подальше от «счастливых строителей коммунизма». И этот страх до сих пор не изжит. Многие ли могут спокойно сказать, что они евреи? А почему?

Вспоминаю я и такой случай. Во время работ по восстановлению еврейского кладбища в Петрозаводске я познакомился с ведущим специалистом мэрии по градостроительству, интеллигентным молодым человеком, с которым приятно было поговорить. Мы обсуждали проект, оговаривали детали, размечали границы кладбища, он давал профессиональные советы. И когда надо было окончательный вариант занести в официальные бумаги, он спросил: «А как мы назовем этот объект?» Я удивился и сказал: «Ну, а как? «Старое еврейское кладбище». Он поморщился, долго извинялся, объяснял, что очень хорошо относится к евреям, что среди его друзей много евреев, что его лучшими учителями в ВУЗе были именно евреи, и они хорошие врачи и т.п., но... Но само слово «еврей» для него имеет отрицательный смысл, ассоциируется с чем-то нехорошим. Откуда у этого молодого человека, которому еврей, кроме добра, ничего не сделали, такое отношение к самому слову «еврей»? Тут есть над чем задуматься. Значит та атмосфера, в которой он формировался как личность, литература, которую он читал, средства массовой информации, круг общения – все это и утвердило в нем именно такое ощущение.

И все же, папа сумел воспитать меня именно евреем, и сделал так, как будто я сам выбрал для себя этот путь. И я ему безмерно благодарен за это.

Но что меня гложет постоянно, доставляет душевную боль, и с годами эти ощущения становятся только острее – это то, что я так и не поговорил с папой о самых главных, самых важных вещах, а ему-то было что сказать...

Post scriptum

(«Общинный вестник» № 27, сентябрь 2000 г.)

«Мой отец рано лишился родителей и воспитывался в киевском детском доме в двадцатые годы. Впоследствии он говорил: «Если я стану богатым, то поеду в Киев, разыщу мой Детский дом и поделюсь своим богатством». Не стал папа богатым; и говорил: «Если я выиграю по облигациям или в лотерею крупную сумму, то половину отдам моему Детскому дому». Не выиграл папа и крупной суммы; и говорил: «Первую свою пенсию я отдам моему Детскому дому». И первой пенсии папа тоже не получил...

Но он воспитал троих сыновей. Они не стали богатыми, не выиграли крупной суммы, но 16 августа 2000 года я, его недостойный сын, получил, таки, свою первую пенсию. Но если я когда-нибудь выиграю крупную сумму, то поеду в Киев, разыщу тот Детский дом и отдам половину; а если стану богатым, то поделюсь своим богатством с тем Детским домом. А если нет – завещаю это моим детям. А пока, каждый год в йорцайт Гирша Цвибеля (Григория Ильича Цвибеля) 1 Тишрей на РОШ ha-ШАНА я буду отдавать свою месячную пенсию в один из Детских домов Карелии в память о моем необыкновенном отце».

Бен Гириш

Post post scriptum

Поле того, как папа потерял из виду своего брата Зяму, он неоднократно пытался разыскать его, но безуспешно. Уже после войны папа снова предпринял попытки, но с тем же результатом. Зная, что Зяма не мог сидеть на месте, был очень активным, решил, что тот или погиб во время войны, или в застенках НКВД. Вариант, что Б-г избавил его от этого, и он естественным образом «приобщился к народу своему», практически равнялся нулю. С этим папа и ушел из жизни.

И вот однажды я получаю по e-mail такое письмо:

29 октября 2002

Здравствуй, незнакомый брат!

Я – Цвибель Элья Соломонович. Год рождения 1935, смерти – неизвестен. Твой отец Григорий и мой отец Зяма – родные братья; мой старше. По документам он 1903 г.р. (со слов – он на 2 года старше). В 20-х годах они потеряли друг друга. Отец был уверен, что его брат Гриша уехал через Дальний Восток к сестрам в США. Он говорил, что Гриша – пианист.

Когда я приехал в США, в 1997 году, я подал объявления в русскоязычные газеты: «Разыскиваются потомки Григория Цвибеля из Бобруйска». Откликнулся один Цвибель из Буффало. Он родом из Чернигова, но мы его, видимо, не заинтересовали. Вообще, нашу

фамилию пишут, в основном, по-немецки – Zwiebel. Таких фамилий в Н.-Й. много, но вряд ли наши тети сохранили девичьи фамилии.

Когда я освоил Интернет, я, естественно, стал искать однофамильцев. Их оказалось немало:

-хирург М.Д.Цвибель;

-Членкор. из Питера;

-Пред.евр.ортодокс.общиныПетрозаводскаДмитрий Цвибель. Он же – концертмейстер Муз. театра, засл. деятель искусств России и Карелии, и т.д.

Мне сразу стукнуло, что ты (Вы?) Гришин сын. Предчувствие меня не обмануло.

Приятно встретить однофамильца, а двоюродного брата тем более!

До свидания.

Привет семье.

Жду ответа.

Элья.

Мне трудно описать гамму чувств, охвативших меня. Во-первых, папин брат не погиб ни во время войны с немцами, ни во время войны советской власти с собственным народом; во-вторых, они с папой могли бы встретиться (Зяма умер в Днепропетровске в 1965 году от рака крови); в-третьих, я обрел родственников, и еще одна еврейская семья сохранена Вс-вышним, да будет Имя Его благословенно!

Я написал ответ, послал фото, рассказал о папе, его жизненном пути. Получил ответ:

30 октября 2002 г

Здравствуйте, Дима и М.Д. (пока не знаю имени)!

Был очень рад получить от Вас письмо и отвечаю сразу.

Я получил фото твоего отца. Сегодня вы получили фото моего. Хоть они и сняты в разный возрастной период, есть много сходства.

Об отце (то, что он рассказывал, и я запомнил). По документам он 1903 г.р. (со слов – он на 2 года

старше). В 16 лет он ушел из дома и стал путешественником. Он бывал на Севере, работал на Сахалине. В 20-х годах служил в Красной Армии, в Бухаре. Бухарские евреи его приняли хорошо, т.к. он хорошо писал, читал и говорил аф идиш. Видимо, семья у них была не последней в Бобруйске. В 1931 или в 1932 году он приехал в Днепропетровск и женился на моей будущей маме. В 1933 году у них родилась девочка – прямо ангелочек. Но в возрасте 8 мес. умерла от заворота кишок (не доглядели). В 1935 г. родился я; в 1937 – мой брат Александр (Шая). Он уже 2 года живет в Нью-Йорке, в Бронксе, рядом со мной.

Отец имел неплохой голос, знал много песен, в том числе еврейских. Каким-то образом он поддерживал связь с родными, раз знал, что Гриши-пианист.

Он рассказал мне о Белопольской трагедии (Трипольской, прим. Д.Г.), где погибла его младшая сестра-комсомолка. Мы потом отыскивали брошюру об этой трагедии, где она была упомянута.

О себе в след. письме.

До свидания.

Привет всем родственникам от меня и моей семьи.

Элья.

На этом можно поставить точку. Ведь невозможно пересказать жизнь. Для этого не хватит ни бумаги, ни чернил, да и все равно получиться не жизнь, а лишь слабое ее отражение. У каждого в жизни есть моменты, понятные только ему самому, и рассказанные, они теряют смысл. Наверное, именно поэтому людям так трудно понять друг друга, и человек так и остается одиноким, окруженный множеством себе подобных, со своими, только ему понятными, тревогами и маленькими радостями. Я хорошо помню папу за пианино в балетном зале: шла какая-то массовая репетиция, шум, гам, в воздухе канифольная пыль, всё в движении. А папа сидит и играет, глядя куда-то поверх нот, и на его лице тихая светлая улыбка...

2007

Зяма

1971 г.

МОЙ ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС

Быть или не быть евреем?

*«Как прекрасны шатры твои, Яаков,
жилища твои, Израиль!»
(Бемидбар, 24:5)*

Этот вопрос рано или поздно встает перед каждым евреем, зачастую, даже если он сам себя таковым не считает. И вообще, что такое «быть евреем» в современном мире? На протяжении всей своей истории, с того момента, когда Вс-вышний, да будет Имя Его благословенно, обратившись к Авраму сказал: «Уходи из страны твоей, от родни твоей и из дома отца твоего в страну, которую Я укажу тебе. И Я сделаю тебя народом великим, и благословлю тебя, и возвеличу имя твое, и ты будешь благословением. А Я благословлю благословляющих тебя, а хулящего тебя прокляну, и благословляться будут тобой все племена земли» (Берешит, 12:1-3), человек ищет ответ на вопрос, кто же такой – еврей?

Был ханаанский период истории этой, первоначально, семьи; египетское рабство; Исход; Дарование Торы; сорокалетнее странствие по пустыне, где семья стала народом; завоевание Ханаана; период царств; разрушение Первого Храма, первое изгнание и возвращение; разрушение Второго Храма, галут, Холокост и возвращение в Эрец-Исраэль.

Это – основные общие моменты истории евреев. Но бо́льшая часть народа расселилась по всему миру, образуя отдельные общины, живя своей жизнью, со своими традициями, своим языком, в зависимости от места проживания: йеменские евреи, александрийские, бухарские, горские, ашкеназские, сефардские, грузинские, иранские и т.д. Так почему, все-таки, еврей – народ? Что общего у таких разных общностей людей? Что позволило сравнительно небольшому народу, не имеющему своей территории и государственности две тысячи лет, сохраниться, не потерять своей идентификации, не раствориться среди окружающего их большинства, не исчезнуть, как исчезли многие народы, бывшие соседями евреев в начале их истории?

Ответ один – Тора. Недаром Генрих Гейне назвал Тору «портативной родиной евреев». С полным основанием можно утверждать, что еврей без Торы – не еврей.

Традиционные еврейские общины, возникшие, очевидно, с началом рассеяния уже во времена разрушения Первого Храма (586 г. до н. э.), где бы они ни находились, организовывались вначале как религиозно-национальные для совместного совершения молитв и исполнения других религиозных предписаний, и эти общины в дальнейшей истории заняли центральное место в еврейской жизни. Каждая община стремилась, прежде всего, обеспечить себя синагогой, кладбищем и судом. Община содержала школы для детей неимущих, микве, обеспечивала кашерный убой скота и птицы, предоставляла своим членам

судебные, социальные, финансовые, ритуальные услуги. Важны древние традиции, отразившиеся в халлах – право каждой общины принимать собственные установления, регулирующие внутриобщинную жизнь. Они сами выбирали себе раввина и руководящие органы: в больших общинах существовали советы, маленькие общины возглавлял один выбранный человек. Главы общин представляли интересы общины перед властями, отвечали за сбор налогов. И все же, главным в общине всегда была благотворительность. Во времена, когда не было государственных социальных институтов, никакой помощи извне, когда в большинстве стран евреи были вне закона, народ смог выжить только благодаря тому, что всю свою жизнь устраивал сам, своими силами: общины строили и содержали синагоги, школы, учебные заведения, помогали получать образование бедным, устраивали благотворительные столовые, давали деньги на лечение неимущим и т.д.

Сейчас жизнь существенно отличается от той, когда община необходима была просто для того, чтобы выжить. Но еврейские общины существуют во всем мире, и основа их – та же. Только теперь они нужны еще и для того, чтобы не потеряться среди других народов, чтобы не перестать быть евреями, чтобы осознать свой неповторимый путь, свое предназначение в этом мире. Так исторически сложилось, что евреи быстро адаптируются к среде, в которой оказываются, и начинают играть видную роль в той области, которой занимаются. Очевидно воспитанная веками тяга к знаниям, трудолюбие, необходимость быть «не хуже других», а кроме того – пристрастное внимание окружающих и давало такие результаты. Однако именно это и приводило к ассимиляции, зачастую к забыванию своих корней, часто сознательное, растворению среди окружающих их народов. Так и становились Феликс Мендельсон – немецким композитором, Карлотта Гризи – итальянской балериной, Иосиф

Бродский – русским поэтом, Питер Брук – английским режиссером, Джером Роббинс – американским балетмейстером, Марсель Марсо – французским мимом, Амедео Модильяни – итальянским художником... Но ведь находясь среди других народов и культур и служа им, совсем не обязательно забывать свои истоки, забывать кто твои предки, и откуда у тебя то, что выделяет тебя среди окружающих, не дожидаясь, когда тебе об этом напомнят.

Жорж Бизе не стал еврейским композитором, тем не менее, он сказал: «Я хорошо знаю, что я француз, но никогда не забываю, что еврей».

Марк Шагал так сформулировал свою позицию по этому вопросу в одном из эссе: «Если бы я не был евреем, как я это понимаю, я не был бы художником или был бы совсем другим художником».

А вот пронзительные слова Густава Малера: «Я трижды лишен родины – как чех в Австрии, как австриец среди немцев и как еврей во всем мире. Я повсюду незванный гость, везде я нежеланен».

Борис Пастернак, бежавший от своего еврейства, пошедший на конфликт с отцом, не заметивший Холокоста, в 1946 (!) году, сообщая в письме двоюродной сестре О.М. Фрейденберг о начале работы над романом, написал: «Я свожу в нем счеты с еврейством». Это Пастернак, прошедший брит-милу, освобожденный в гимназии от «Закона Божьего» по причине «иудейского вероисповедания»...

Ну, что ж, как написала Римма Казакова:

Мой Шостакович

Летом 1968 года в разгар "Пражской весны", когда казался возможным социализм "с человеческим лицом", хотя бы в отдельно взятой стране, я решился написать Шостаковичу письмо по поводу его вокального цикла "Из еврейской народной поэзии".

Тут надо сказать, что этот цикл создан в 1948 году в период разнузданной компании против "космополитов", когда в январе был зверски убит Соломон Михоэлс, в ноябре арестованы деятели еврейской культуры, ликвидирован Еврейский Антифашистский Комитет, а его члены и сотрудники арестованы, когда сам Шостакович подвергся шельмованию за "формализм" в Постановлении ЦК ВКП (б) от 10 февраля "Об опере "Великая дружба" В. Мурадели". Это гражданский подвиг Шостаковича, не оцененный еще должным образом, это его вызов гнусной системе. Он, как истинный гений, никогда не примирялся с несправедливостью, дикостью, насилием. Дмитрий Дмитриевич рассматривал расизм, как проявление злодейства и по этой причине не причислял Вагнера к гениям ("... гений и злодейство – две вещи несовместные"). В 1950 году в свой день рождения Шостакович у себя дома устроил исполнение этого

... *Дождь над Переделкиным дрожит.
А на указателе «К могиле
Пастернака» выведено: «Жид»...*

Значит, несмотря на то, что Борис Пастернак, признанный великим русским поэтом, «свел счеты с еврейством», для многих он так и остался «жидом». Хороший повод задуматься...

Так быть или не быть евреем?

Каждый сам для себя решает этот экзистенциальный вопрос. Надо только помнить, что жизнь быстрая, и наступит время, когда мы предстанем перед своими предками. Что мы им скажем? Или сделаем вид, что не знаем их? Что мы «пошли дальше?» Куда? И почему уйти от еврейства – это пойдти дальше? И почему «пойти дальше» это хорошо? И что мы в этом «дальше» сделали? А вдруг «пойти дальше» = «пойти подальше?»

Так может быть, не стоит никуда «ходить»? Просто еврейю надо быть евреем.

Это вовсе не означает, что нужно надеть лапсердак и отгородиться от мира. Совсем наоборот: необходимо знать свои корни, свое предназначение в этом мире: «Приходите, сыновья, и слушайте меня – я научу вас трепету пред Господом. Пусть тот, кто стремится к долголетию, кто желает видеть добро во все дни свои, удержит язык свой от злословия и уста свои – от лживых речей. Пусть удалится от зла и творит добро; стремится к миру и добивается его» (Пс.34:12-15). То есть не пассивно «удалиться» и «стремиться», но активно – творить и добиваться.

цикла! Публично же вокальный цикл "Из еврейской народной поэзии" был исполнен только в 1955 году в Малом зале ленинградской филармонии с участием автора.

В письме я писал, что этот действительно прекрасный цикл вряд ли будет исполняться впоследствии, потому что последние три его части фальшивые, типично советские, несут на себе отпечаток времени, что не может еврей найти своего счастья в колхозе, и предлагал их переделать. Писал я это в библиотеке города Симбирска (Ульяновска), где находился на гастролях с театром. Но вечером 20 августа, включив, как обычно, БиБиСи, я вновь услышал вой "глушилок" (некоторое время они не так усердствовали, и можно было что-то слушать "оттуда"), а утром радио и газеты сообщили об оккупации советскими войсками Чехословакии. Письмо я не отправил. Наступали новые времена.

* * *

В сентябре 1961 года в "Литературной газете" появилось стихотворение Евгения Евтушенко "Бабий Яр" – тогда это произвело огромное впечатление: впервые еврейская тема открыто прозвучала со страниц официального издания (прозвучала положительно). Шостакович написал на этот текст вокально-симфоническую поэму для баса и хора басов, но в процессе работы над ней замысел расширился, и появились еще четыре части, также на стихи Евтушенко, которые образовали симфонический цикл. Это и стало 13 симфонией. Творческий друг Шостаковича Е. Мравинский, первый исполнявший большинство его симфоний, начиная с Пятой, по непонятной причине отказался дирижировать этой. Певец Б. Гмыря, которому Шостакович предложил исполнить вокальную партию симфонии, после обращения за советом к украинским властям, тоже прислал письмо с отказом. За исполнение взялся Кирилл Кондрашин. За несколько дней до премьеры Хрущев на собрании творческой интеллигенции сказал, что Шостакович сочинил "какую-то симфонию "Бабий Яр", поднимая никому не нужный "еврейский вопрос", хотя фашисты убивали не только евреев. В день премьеры 18 декабря 1962 года генеральная репетиция была остановлена: ждали звонка "сверху". Но премьера симфонии, оказавшаяся под угрозой, все же состоялась – власти, очевидно, побоялись огласки за рубежом, так как на премьеру приобрели билеты дипкорпус и иностранные корреспонденты. Перед концертом Шостакович сказал своему давнему другу Исааку Гликману: "Если после симфонии публика будет улюлюкать и плевать в меня, не защищай меня: я всё стерплю". По окончании симфонии публика стоя неистово аплодировала произведению и авторам, зато советская пресса обошла премьеру симфонии полным молчанием! Для следующего исполнения пришлось заменить два четверостишья в первой части "Бабий Яр":

*Мне кажется, сейчас я иудей.
Вот я бреду по древнему Египту.
А вот я на кресте распятый гибну,
И до сих пор на мне следы гвоздей.*

Было заменено на:

*Я тут стою, как будто у криницы,
Дающей веру в наше братство мне.
Здесь русские лежат и украинцы
С евреями лежат в одной земле.*

И:

*И сам я как сплошной беззвучный крик
Над тысячами тысяч погребенных.
Я – каждый здесь расстрелянный старик,
Я – каждый здесь расстрелянный ребенок.*

На:

*Я думаю о подвиге России,
Фашизму преградившей путь собой.
До самой наикрохотной росинки
Мне близкой всюю сутью и судьбой.*

Но и эти изменения не помогли – симфония на протяжении нескольких лет больше не исполнялась: власти "не советовали". Лишь после того, как стало известно, что 13 симфония готовится к изданию в Западной Германии, ее издали в СССР. Примечательно, что именно первая часть "Бабий Яр" вызвала такую реакцию властей, а не третья "В магазине". Хотя такие слова, да еще во много крат усиленные траурным характером музыки, должны были звучать приговором системе:

*Кто в платке, а кто в платочке
Как на подвиг, как на труд,
В магазин поодиночке
Молча женщины идут.*

Воистину, антисемитизм иррационален!

* * *

Мы с солисткой нашего Музыкального театра Раузой Сабировой в 1980 году записали на радио вокальный цикл Шостаковича на стихи Саши Черного "Сатиры". Полный юмора, задора, остроумия, этот цикл привлек наше внимание и своей злободневностью. (Цикл посвящен Галине Вишневской, но в изданных нотах это не значилось – к тому времени Вишневскую и Ростроповича лишили советского гражданства.) В программе радио было объявлено время передачи, я подключил к радиoliniии магнитофон, чтобы ее записать, и в назначенное время ... прозвучала другая передача! Позвонив редактору, мы услышали извинения: оказывается, цикл не может быть дан в эфир из-за того, что Саша Черный – в черных списках! (Были такие "временно не рекомендованные к выдаче в эфир авторы и исполнители", среди которых, кстати, был и дирижер Юрий Аранович, работавший некоторое время в Петрозаводске.) Стихи, написанные в начале века, оказались опасными для "народной" власти спустя 70 лет. Позже, к 80-летию Дмитрия Дмитриевича, я подготовил программу из его вокальных произведений, куда вошли "Сатиры", на слова Саши Черного, "Четыре стихотворения капитана Лебядкина", на тексты из "Бесов" Ф. Достоевского, "Сюита на слова Микеланджело Буонарроти", "Пять романсов" на тексты из журнала "Крокодил", "Семь стихотворений А. Блока". Три вечера в Доме Актера царила музыка Шостаковича.

Так случилось, что мы очень редко разговаривали с папой наедине (как всегда на самых близких людей не хватает времени). Я знал, что папа не любил музыке Шостаковича. Ему чуждыми были музыкальный язык, выступления Шостаковича в печати и по радио (понятно, что он мог там тогда говорить), а вступление в партию в 1960 году дополняли общую отрицательную для папы картину. (Лишь после публикации за рубежом книги Соломона Волкова "Свидетельство. Мемуары Дмитрия Шостаковича" многое стало понятным. А Исаак Гликман, друг и секретарь Шостаковича, рассказал, что во время его посещения осенью 1960 года Дмитрия Дмитриевича в больнице, где тот лечил сломанную ногу, он сказал: "Меня, наверное, Бог наказал за мои прегрешения, например, за вступление в партию".) Я пытался переубедить папу, ставя пластинки с записями, доказывая, что музыка Шостаковича, как всякое настоящее произведение искусства, сама по себе противостоит тоталитарному режиму, пишет летопись своего времени. Что как человек он необыкновенно чуткий и творчески честный. Во время войны, находясь в Куйбышеве в эвакуации, после работы над такими громадными полотнами, как Седьмая и Восьмая симфонии, он нашел в себе силы закончить и оркестровать оперу своего ученика, погибшего в первые месяцы войны, Вениамина Флейшмана "Скрипка Ротшильда". А после войны ходатайствовал о ее постановке в Большом театре, но безрезультатно (концертное исполнение состоялось в Доме композиторов в Москве в 1960 году). Многие ли способны на такое?

Однажды во время нашей встречи я поставил 14 симфонию (это необычное произведение написано на тексты Ф. Гарсия Лорки, Г. Аполлинера, В. Кюхельбекера, Р. Рильке; сам Шостакович после ее написания признал эту симфонию самым лучшим из всего, что он создал). Папа внимательно прослушал ее, не останавливая. Помолчали. Потом поговорили о разных вещах, но, уходя, папа попросил еще раз поставить две последние части симфонии. Там такие слова:

Мое «самолетное дело»

В последних числах мая 1970 года моя подруга Ирина Бродская, работавшая тогда в нашем театре, осмотревшись вокруг, тихо сказала, что вчера ее вызвали в КГБ и расспрашивали обо мне, предупредив, что она не имеет права сообщать кому-либо об этом. Разговаривали с ней в номере гостиницы «Северная», арендуемом КГБ специально для подобных встреч, чтобы не привлекать внимание. (По иронии, в этом номере, который нам устроили по большому благу, мы с женой провели свою первую брачную неделю.) На следующий день о такой же встрече, но состоявшейся уже в университете, мне сообщил врач Юрий Нивин, предупредив, что дело серьезное, и что его почему-то еще спросили о двух врачах-евреях. Как выяснилось позже, вызывали еще некоторых моих близких знакомых, но не все отважились предупредить меня.

Надо сказать, что в течение нескольких лет я посещал Публичную библиотеку, читая старые газеты и журналы, собрания сочинений Ленина, Сталина, выписывая цитаты и материалы, связанные с интересующими меня моментами советской истории.

*О, Дельвиг, Дельвиг!
Что награда
И дел высоких и стихов?
Таланту что и где награда
Среди злодеев и глупцов?*

(В. Кюхельбекер)

И последняя часть "Смерть поэта" на стихи Рильке:

*Поэт был мертв.
Лицо его, храня все ту же бледность,
Что-то отвергало...*

На папу симфония произвела большое впечатление. Он сказал, что это настоящая музыка, искренняя и очень сильная. Это была наша последняя встреча. Мы увиделись еще только раз на работе в театре 9 сентября 1972 года. Папе оставалось жить три часа.

Каждый раз, бывая в Москве, я посещаю два места, святых для меня – дом на Земляном валу, где жил Андрей Дмитриевич Сахаров и могилу Дмитрия Дмитриевича Шостаковича на Новодевичьем кладбище. На памятнике выгравированы ноты: D.S.C.H. – музыкальная анаграмма его инициалов. Шостакович широко использовал ее в своем автобиографическом Восьмом квартете, своеобразном реквиеме себе. Как он сам писал другу: "Можно было бы на обложке так и написать: "Посвящается памяти автора этого квартета". Там есть цитаты из его этапных произведений: Первой, Восьмой и Десятой симфоний, Фортепианного трио, Виолончельного концерта, оперы "Леди Макбет Мценского уезда" и тема песни "Замучен тяжелой неволей". Квартет написан в течение трех дней с 12 по 14 июля 1960 года. Может быть, это был ответ затравленного человека властям на навязчивое "предложение" о вступлении в партию?

Я, наверное, единственный прочитал все журналы «Большевик» («Коммунист») с 1924 года и послевоенную подшивку газеты «Правда» – довоенную не выдавали. Сделанные мной записи, собранные вместе, красноречиво обвиняли советскую власть во многих

тяжких грехах: в антисемитизме, репрессиях, развязывании войны и т.п. Своими «открытиями» я охотно делился с друзьями, а также с убежденными коммунистами и адептами системы, вызывая у последних просто ярость. За это можно было получить хороший срок. Я срочно принялся уничтожать бумаги, ожидая обыска, снял с пиджака значок со звездой Давида.

4 июня меня вызвали в КГБ, и дежурный указал на комнату на первом этаже недалеко от входа. Сразу же туда вошли четыре человека. Симпатичный молодой офицер представил всех (их фамилии я не запомнил), представился сам – капитан Яровой – и обратился ко мне:

– Скажите, Дмитрий Григорьевич, зачем Вы читаете Ленина?

Я ожидал чего угодно, только не этого! Во-первых, меня впервые назвали по имени-отчеству (с тех пор, когда я слышу «Дмитрий Григорьевич», мне хочется протянуть руки для наручников); во-вторых, готовясь к встрече, я обдумывал различные варианты ответов, но не на такой вопрос (очевидно, они понимали, что нормальный человек читать это не будет). По БиБиСи, которое я регулярно слушал, давали рекомендации ответов на стандартные в подобных случаях вопросы, написанные прошедшими допросы в КГБ советскими диссидентами, но такого там не было. Я стал что-то плести насчет того, что не получив высшего образования (кстати, в большой степени по вине КГБ, но это другая тема), я пытаюсь восполнить пробелы, что современному человеку необходимо знать труды ...

– Но наши враги тоже изучают классиков марксизма-ленинизма.

Разговор продолжался почти три часа. У каждого была своя определенная роль: капитан Яровой вел беседу достаточно корректно, направляя ее; другой время от времени встречал, не всегда кстати, пугая, что их организация не воспитывающая, а карающая, что я не знаю сколько в этом здании этажей там (выразительно показывая пальцем вниз), и вообще, они могут меня просто не выпустить отсюда; третий «доверительно» советовал лучше заняться девушками, рожать детей (может он и прав), а не заниматься ерундой; четвертый за все это время не сказал ни слова, просто смотрел пронзительными глазами куда-то вглубь, и от этого взгляда становилось не по себе. Во время разговора без стука открылась дверь, и солдат внес... венок (не сонетов)!

– Это для меня? – сострил я.

– Нет, – совершенно серьезно ответил капитан Яровой, – у нас будет возложение к Вечному огню (Республика в эти дни праздновала свое пятидесятилетие).

В подтверждение своей правоты по поводу существования государственного антисемитизма в СССР я достал, взятый с собой, свежий номер газеты «Комсомольская правда» (тогда газеты, естественно,

были только государственные) с погромной статьей «Фашизм под голубой звездой», утверждающей, что евреи давно уже вымерли или растворились в других народах, поэтому такого народа нет, а название «еврей» просто присваивается различным далеким друг от друга этническим группам (интересно, кем присваивается и за какие грехи?). Капитан Яровой взял ее, ничего не ответил, обещал познакомиться. Тогда я впервые услышал много еврейских фамилий людей, занимающих достаточно высокие должности в Республике, названных в доказательство того, что у нас нет антисемитизма.

– А как эти люди проявляют себя, как евреи? – догадался спросить я.

Тот, кто постоянно запугивал меня, вскочил:

– А как они должны «проявлять себя»? Они живут в Советском Союзе! – и вышел, еще раз напомнив, что их организация карательная.

Меня отпустили около семи часов вечера. Капитан Яровой посетовал, что моим делом занимался целый отдел, а у них и без того хватает работы, и предупредил, что думать я могу что угодно, слушать какие угодно «голоса» (имелись ввиду западные радиостанции – единственный источник правдивой информации в то время), но если я буду продолжать распространять сведения, порочащие наш строй – меня ждет «соответствующее» наказание. Это была новая установка – раньше не то что слушать «голоса», но и думать было нельзя. Придя через некоторое время в Публичную библиотеку, я узнал, что газеты и журналы прошлых лет теперь можно получить только по специальному разрешению «компетентных» органов.

А 14 июня в ленинградском аэропорту «Смольный» и в Приозерске арестовали 11 человек, собиравшихся угнать самолет в Швецию, чтобы потом перебраться в Израиль (в то время власти всячески препятствовали выезду евреев из СССР, и многие, подавшие заявления на отъезд, по несколько лет находились «в отказе», или по вымышленным обвинениям попадали в тюрьму или в «психушку»). Как оказалось, властям удалось узнать о замысле с самолетом заранее, и они, судя по всему, решили расправиться под эту марку с еврейским движением в стране. Последовали аресты в Одессе, Риге, Свердловске, Кишиневе. Мое дело, очевидно, просто не «дотягивало» до суда. Первый «самолетный процесс» состоялся в Ленинграде в декабре 1970 года (затем был второй ленинградский процесс, процессы в Риге, Одессе, Свердловске, Кишиневе).

В это время я находился в Ленинграде с театром на гастролях, и, узнав о начале процесса, сразу же пошел туда. В помещении городского суда шел ремонт, в коридорах было грязно, пахло известкой, некоторые переходы были перекрыты. Никаких указателей не было, но я почему-то, даже никого не спрашивая, быстро нашел то, что мне нужно (обратный путь мне дался

гораздо труднее). Небольшое помещение, из которого лестница шла наверх, было почти пустым. На скамейке у стены в ожидании сидели несколько человек. На мой вопрос, где идет суд, кто-то кивнул в сторону лестницы. Тут я только заметил наверху военных, но, все же, двинулся в их сторону. Офицер, преградив мне путь, спросил куда я и есть ли у меня пропуск. На мой вопрос, какой может быть пропуск на открытый процесс (как было объявлено в газете) ответил, что зал маленький, желающих много, мест нет. Я сказал, что постою, на что он твякнул какое-то ругательство и схватился за кобуру (почти такая же сцена повторилась позже на процессе Александра Гинзбурга в Калуге в 1978 году!). Вскоре в заседании суда был объявлен перерыв, и публика, прилично одетая, важно спустилась по лестнице. Было заметно, что все между собой знакомы. А когда одна женщина неосторожно воскликнула: «Да здесь вся идеология Ленинграда!», все стало ясно – показательный процесс! Работников «идеологического фронта» учили, как надо поступать с этими евреями. 24 декабря огласили приговор: Марка Дымшица и Эдуарда Кузнецова – к расстрелу «за измену родине», остальным от 10 до 15 лет!

Прошло время. «Империя зла» развалилась. Еврейская жизнь вышла из подполья, давая все новые ростки, и вещи, немислимые еще несколько лет назад, стали нормой. Я приехал в Москву на очередной еврейский семинар, и нас повезли на встречу с Ицхакком Рабиным, приехавшим с официальным визитом в Россию. Встреча должна была состояться в Большой хоральной синагоге. До этого я ни разу в синагоге не был, и мне очень хотелось попасть туда. Я даже изменил своему правилу – не соваться туда, где много людей, но был буквально затерт толпой, и, не дойдя до входа, еле выбрался на волю. Народу собралось намного больше, чем синагога могла вместить. Вся улица была запружена людьми, пришедшими на встречу, охраной с собаками, вокруг на крышах домов видны были снайперы. Невдалеке, отдельно от всей этой кутерьмы посередине дороги одиноко прохаживался невысокий, крепкого сложения человек.

– Вы знаете, кто это? – спросил меня Александр Брод, редактор самарской газеты «Тарбут», приехавший вместе со мной.

– ?

– Эдуард Кузнецов. Я знаю его по семинару в Израиле, хотите познакомиться?

Я был изумлен. Я знал, что Кузнецову и Дымшицу под давлением мировой общественности тогда заменили смертную казнь на 15 лет, что Кузнецов, отсидев 8 лет, уехал в Израиль (кажется, его на кого-то поменили – была в СССР такая практика) и стал главным редактором русскоязычной газеты «Вести», но никак не мог ожидать такой встречи.

Мы подошли. Эдуард Кузнецов узнал Сашу, разговорились. Оказывается он, как журналист, приехал освещать визит Рабина. Саша представил меня, и я

сказал, что восхищен его мужеством, волей, что его пример оказал большое влияние на формирование еврейской самоидентификации у многих «неопределенных» и т.п. Сказал также, что все дни «самолетного процесса» приходил и демонстративно «присутствовал» под дверью. (Один раз за мной увязался какой-то «проводной», который поинтересовался, не родственник ли я кого-нибудь из подсудимых, кто я и зачем прихожу. Я, понимая с кем имею дело, представился, все спокойно рассказал и пригласил на спектакли нашего театра. Больше я его не видел.) Эдуард Кузнецов улыбнулся, ничего не ответил. Понятно, что он мог сказать? Тогда, 24 декабря я отправился в гостиницу «Октябрьская», а он – в камеру смертников. Есть некоторая разница.

Тут к нам подошел подвыпивший человек, лет 35, в новенькой камуфляжной кепке с полиэтиленовым пакетом в руке:

– Что это вы, евреи, всё мельтешите, нагнали охрану, чего боитесь?

– Ну, положим, охрана не наша, а ваша, – ответил Кузнецов.

Завязался глупый разговор, в котором тот, обращаясь к Кузнецову, все говорил, что против евреев ничего не имеет, что евреи хорошие врачи, но все же, что-то ему в евреях не нравится. И опять про охрану, собак, снайперов...

– А ты знаешь, с кем разговариваешь? – не выдержал я, – это знаменитый человек, один их героев нашего народа, был в свое время приговорен советской властью к расстрелу!

Мужичок как-то сразу протрезвел, выпрямился, уважительно протянул Кузнецову руку:

– За что тебя так?

– За измену родине.

– Ну, ты меня извини, я немножко выпил – кепку вот новую купил, сам понимаешь. Вообще-то я потомственный дворянин...

– Я тоже.

– Как это – еврей и дворянин?

– У меня мать из дворян, а отец – еврей.

– Слушай, у меня тут еще осталось, давай?

Он полез в пакет:

– Уй, ..., пролилось!

Извлек старую мокрую кепку, выжал ее, достал бутылку:

– Ну, слабо с горла?

– Запросто.

Они распили пополам оставшуюся водку, «дворянин» аккуратно убрал пустую бутылку в пакет, пожал всем руку на прощание, поблагодарив за что-то, и пошел навстречу кавалькаде машин с премьер-министром Израиля.

Скончался Александр Гинзбург

Ветеран советского диссидентского движения Александр Гинзбург скончался утром в пятницу в Париже. Гинзбург родился в 1936 году, в 1959-1960 годах основал один из первых самиздатских журналов "Синтаксис", был одним из основателей Московской Хельсинкской группы. В 1979 году Гинзбург был выслан из СССР. Жил в Париже, являлся создателем газеты "Русская мысль". //«Эхо Москвы»

Андрей Дмитриевич

В начале июля 1978 года, находясь с театром на гастролях в Калуге, слушая вечером, как обычно, БиБиСи, я узнал, что в городе открывается процесс по делу Александра Гинзбурга, распорядителя Фонда Солженицына. Этот фонд, основанный на гонорары за книгу «Архипелаг ГУЛАГ», был учрежден Солженицыным для помощи политическим заключенным в СССР и их семьям. На следующий день в местной газете появилась маленькая заметка, сообщающая, что в городском суде начинается слушаться дело «об антисоветской деятельности А. Гинзбурга, проживавшего на территории Калужской области». Расспросив, где находится суд, я после репетиции направился туда.

Суд располагался в живописном месте, напротив Дома пионеров, на высоком обрыве, откуда открывался совершенно удивительный вид на бескрайнюю даль. С одной стороны здание суда граничило со старым парком, отделенное от него оградой, поросшей кустарником, с другой стороны через дорогу – огромный овраг. Попасть к зданию можно было только по единственной дороге, оканчивающейся тупиком. Уже на подходе было много милицейских постов, но пропустили без препятствий.

Перед зданием суда на равном расстоянии друг от друга прохаживались или стояли крепкие молодые парни в штатском, чья выправка сразу давала понять для чего они здесь

(как выяснилось позже, они были командированы из Москвы и жили в одной гостинице со мной). Среди этих молодцев одиноко выглядел средних лет милиционер, казавшийся чем-то инородным. Невдалеке в небольшом скверике стояла группа из шести-семи человек. Молчали, чего-то ожидая. По обе стороны входа на стульях сидели «мальчики». Я подошел, мне преградили путь, спросив, куда я направляюсь.

– На процесс.

– Ваш пропуск.

– Какой пропуск может быть на открытый процесс?

– Дело в том, что зал небольшой, и не может вместить всех желающих.

Я это уже слышал на «самолетном процессе», но здесь вежливо, спокойно.

Я отошел в сторону и огляделся. Что-то было почти нереальное во всем этом: тихий теплый день, солнце, пробивающееся сквозь листву деревьев; лениво прогуливающиеся молодые люди в штатском; группа неважно одетых с усталыми лицами немолодых уже мужчин и женщин; какой-то корреспондент с иностранным фотоаппаратом на плече, любопытно

осматривающийся вокруг; под деревом одиноко на спортивной сумке в сером костюме сидящий средних лет высокий мужчина. И тишина. А там, внутри здания идет суд, к которому приковано внимание всего мира, решается судьба человека, а может и не одного! Всё это не складывалось в единую картину, не стыковалось одно с другим.

Неожиданно на дороге появился энергичный молодой человек, и смело направился к входу в здание суда. Привычным движением руки показал удостоверение и на приличном русском сказал, что он корреспондент «Франс пресс», специально прилетел из Парижа освещать процесс. Ему сказали, что в зале нет мест. Он предложил постоять.

– Одну минутку.

Дежурный ушел внутрь здания. Все с интересом ждали, чем это кончится.

Через некоторое время дежурный вернулся и сказал, что не разрешают... по причине пожарной безопасности.

Минут через пять из дверей почти выбежала молодая, но уже поседевшая женщина:

– Бандиты! Что они с Аликом сделали! Я его сначала не узнала!

Ее окружили друзья, те, что ждали в сторонке, и она говорила, говорила. Человек в сером костюме, сидевший под деревом встал и направился к группе.

– Андрей Дмитриевич, они бандиты! – женщина бросилась к нему, – но Алик молодец, держится хорошо, хотя очень бледный, узнал меня, кивнул.

Андрей Дмитриевич? Сахаров!!!

Это было время, когда в советских газетах всячески поносили академика Сахарова, публиковали письма «трудящихся» с его осуждением за его правозащитную деятельность. Еще в 1968 году на западе была опубликована его работа «Размышления о

прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе» (в СССР появившаяся в самиздате), которая наметила всю дальнейшую деятельность Андрея Дмитриевича, как защитника прав человека. Основные темы – о войне и мире, о диктатуре, сталинском терроре, свободе мысли, демографические проблемы, загрязнение среды обитания и той роли, которую может сыграть наука и научно-технический прогресс. Те же темы прозвучали и в Нобелевской лекции «Мир, прогресс, права человека», которую зачитала на церемонии присуждения академику Андрею Сахарову Нобелевской премии Мира за 1975 год его жена Елена Боннэр. Сам Сахаров не присутствовал на вручении премии, боясь, что советские власти не впустят его обратно на родину.

– Я хочу сделать заявление для прессы, – Андрей Дмитриевич произнес это спокойно, но прозвучало это очень весомо. К нему подошли корреспонденты из «Франс пресс» и тот, с фотоаппаратом, оказавшимся корреспондентом какой-то английской газеты. Они отошли в сторону и стали записывать заявление Андрея Дмитриевича.

Оказалось, что был объявлен перерыв в заседании суда, хотя из зала никто не вышел, кроме жены подсудимого Александра Гинзбурга Арины Жолковской и его адвоката, и друзья достали термос, бутерброды, чтобы накормить их. Публику, присутствующую на суде, кормили в буфете внутри здания. Неожиданно термос выпал из чьих-то рук и разбился. Наступила неловкая пауза.

– Это к счастью, – сказал я.

– Да, да, к счастью, – подхватил кто-то: очень хотелось в это верить.

К группе подошел Андрей Дмитриевич:

– Я пойду на почтамт, позвоню в Москву.

В Москве в это же время шел громкий процесс над Анатолием Щаранским, «подкупленным международным сионизмом и империализмом», как писали советские газеты, обвиненным в шпионаже и измене Родине. Там «дежурила» Елена Боннэр (надо сказать, что на время всего процесса международная телефонная связь с Калугой была прервана, а из гостиницы, в которой разрешено было поселиться только жене Гинзбурга Арине, и междугородняя).

После перерыва Арина вернулась в зал заседаний (из всех друзей Гинзбурга, туда допустили только ее), а группа вместе с корреспондентами перешла на солнечную сторону улицы, и завязался разговор. Среди присутствующих оказался известный советский физик-ядерщик Сергей Поликанов, который, узнав, что корреспондент из Парижа, рассказал анекдот:

Один говорит другому:

– Что-то опять в Париж захотелось!

– Часто там бывал?

– Нет, часто хотелось.

Вернулся Андрей Дмитриевич, и они с Поликановым стали прогуливаться по дороге рядом с судом. Непонятно откуда навстречу им появились двое «прохожих» (появились именно с той стороны, откуда прохода нет). Поравнявшись с ними, один, зло глядя на Сахарова:

– Сахаров... Небось, Цукерман какой-нибудь.

Поликанов вздрогнул от неожиданности, затем с усмешкой:

– Глас народа!?

Андрей Дмитриевич примирительно:

– Ну, ладно, люди на работе.

Действительно «на работе», иначе и не могло быть: откуда советский человек мог знать Сахарова в лицо? По телевидению не показывали, в газетах портрета не печатали, всю жизнь был засекречен. А вообще, интересно задуматься над тем, что в СССР (да и сейчас в России) слово "еврей" или еврейская фамилия употребляются как обвинение человека в чем-то.

Вечером у гостиницы, куда проводили Арину, можно было наблюдать любопытную картину: в крохотный «Запорожец», еще первого выпуска, за рулем которого сидел Поликанов, втиснулся, сложившись чуть ли не вдвое Андрей Дмитриевич, и они поехали в Москву, так как ночевать в Калуге им было негде. И так все дни пока шел процесс!

На следующий день перед тем, как идти на процесс, я зашел на рынок и купил пять роскошных алых роз. Мизансцена у суда была прежней. Интересно, что кроме меня и все тех же друзей Гинзбурга, ночевавших неизвестно где, никого посторонних не было. Власти зря опасались проявлений какого-либо интереса, уже не говоря о протесте советских людей против происходящего. Уже заканчивался перерыв в заседании, и я, подойдя к Арине, протянул цветы:

– Держитесь!

Она улыбнулась, хотела что-то сказать, но ее окликнули – начиналось заседание.

Помавав цветами, она скрылась за дверью. Я представил ее в зале суда, среди нагнанных туда каких-нибудь номенклатурных идеологических работников райкомов, горкомов и т.п. с букетом алых роз! Должно быть, впечатляющая картина! Но это продолжалось не долго. Минут через десять Арину вывели из зала суда якобы за реплику, брошенную ею в ходе показаний одного из «свидетелей» по поводу «аморального образа жизни» Александра Гинзбурга. Ее окружили друзья, подошел Андрей Дмитриевич. Корреспондент попросил разрешения сфотографировать ее с букетом роз на фоне здания суда. Охрана подошла и вежливо попросила отойти подальше и снимать так, чтобы здание не было в кадре. Вся группа переместилась на другую сторону улицы. Андрей Дмитриевич остался один. Я подошел и сказал:

– Андрей Дмитриевич, Вы – великий человек. Вам

поставят памятник в России. Не думайте, что все в нашей стране подонки.

Он удивился, улыбнулся своей какой-то светлой детской улыбкой, но ничего не ответил. К нему подошел Поликанов и отвел для какого-то разговора.

Я, поставив на землю портфель, стал ждать дальнейших событий.

– Это Ваш портфель? – вдруг вывел меня из раздумий негромкий твердый голос.

От неожиданности я даже вздрогнул – прямо передо мной стоял человек в штатском. Я обернулся – сзади с каким-то извиняющимся выражением лица стоял молодой милиционер.

– Возьмите портфель и следуйте за мной, – все так же негромко приказал молодой человек.

Мы двинулись в сторону перегороженных двумя грузовиками ворот во двор суда. Протиснувшись между ними, оказались внутри уютного двора. Из боковой двери вышел еще один молодой человек, который потребовал у меня паспорт. Меня обыскали, попросили вынуть все из портфеля. Там оказались ноты – я шел с репетиции. Спросили, что я делаю в Калуге.

– Это кто? – оживился штатский, доставая фотографию, которую я всегда ношу с собой.

– Папа.

Интерес сразу пропал и, забрав паспорт, молодые люди скрылись за боковой дверью в здании суда.

– Не связывайтесь с ними, – неожиданно произнес милиционер, – ничего хорошего от них ждать нельзя.

Я поблагодарил его. Один из молодых людей вернулся, отдал мне паспорт и предупредил, что если я еще раз появлюсь здесь, у меня будут большие неприятности. Затем показал на незаметную калитку в глуbine двора и попросил уйти через нее.

– А как же я найду дорогу?

– Вам покажут.

Я не понял, но пошел к калитке, через которую попал на задворки городского парка. Пройдя несколько шагов по тропинке, увидел двоих молодых людей, сидящих на какой-то самодельной скамейке и играющих в шахматы. С такой выправкой только в шахматы и играть!

– Вы откуда?

– Оттуда, – я указал назад, – как мне пройти к выходу из парка?

Они понимающе кивнули и показали путь. Через поворот тропинки опять сидели «шахматисты».

Выйдя из парка, я пошел в гостиницу. Стал накрапывать дождь. На душе было гадко. По щекам потекли слезы – слезы бессилия.

P.S. Вернувшись с гастролей, я ожидал, что мной займется КГБ, но никакой реакции не последовало. Лишь много-много позже случайно в разговоре возникла тема гастролей в Калуге, и артистка балета N рассказала, что тогда она вместе с подругами пошла после спектакля поужинать в ресторан гостиницы, где мы жили, и там они познакомились с молодыми людьми, оказавшимися гэбэшниками из Москвы. Один из них спросил, работает ли в театре пианист Дмитрий Цвибель. Девушки очень удивились, что я такой знаменитый, и с гордостью наговорили про меня много хорошего. Те попросили передать, чтобы я больше не приходил на процесс, а то у меня будут неприятности. Девушки набросились на опешивших ребят, пообещав, что если те донесут на меня, то неприятности будут у них, что они больше не сядут с ними за один стол и пр., и пр. Но после шампанского с одной стороны и приглашения на спектакль с другой конфликт был исчерпан.

Я до сих пор не могу объяснить себе, почему сказал Андрею Дмитриевичу про памятник в России, а не в Советском Союзе, или в СССР, как тогда было принято, но решил, что обязательно приеду на открытие, где бы его ни возвели, и где бы я ни находился. Не получилось: я узнал о памятнике только на следующий день после открытия. Его открыли 5 июля 2003 года в Санкт-Петербурге (автор Левон Лазарев). В это время я был на учебе в Иерусалиме, где уже через год после смерти Андрея Дмитриевича прямо на въезде в город в 1990 году по инициативе Натана Щаранского и легендарного мэра столицы Тэдди Коллека был разбит миниатюрный парк, и всех, въезжающих в город, встречает надпись на иврите, арабском, английском и русском языках «Сады Сахарова». Возвращаясь домой, я посетил памятник, установленный на площади Академика Сахарова на Васильевском острове, около Санкт-Петербургского университета (здания Двенадцати коллегий) и Библиотеки Российской академии наук, оставив на гранитной глыбе-постаменте камешек, привезенный из Израиля. Несколько позже узнал почти детективную историю, связанную с этим памятником, и даже встретился в Израильском культурном центре Петербурга с членами инициативной группы, благодаря которым и стало возможным его открытие: Исааком Кушницом, Андреем Степаненко, Валерием Гаврилюком, Виктор Елисеевым. Больше всего они гордились тем, что памятник создан исключительно на частные пожертвования.

К годовщине смерти Андрея Дмитриевича Сахарова хор Петрозаводской консерватории под руководством У Ген-Ира подготовил программу концерта, посвященную светлой памяти этого великого человека, прошедшего в помещении Финского театра. Балерина Наталья Гальцина, балетмейстер Вячеслав Шепелев и я, как пианист, создали концертный номер «Буревестник» на музыку этюда № 12 Александра Скрябина, который был исполнен в качестве эпитафии к концерту. Проезжая на гастролы Москву, узнав

Декабрь 2002 г.

адрес, где жил Андрей Дмитриевич, – пр. Чкалова (ул. Земляной вал), д. 48, кв. 68 – я понес афишу этого концерта. Дверь открыла женщина, в глубине длинной прихожей был виден большой портрет Андрея Дмитриевича. Я спросил Елену Георгиевну. Женщина ответила, что Елена Георгиевна никого не принимает, много работает, что мне нужно? Я извинился, объяснил, что пришел только с целью выразить свое глубокое уважение и передал афишу.

С Анатолием (Натаном) Щаранским я познакомился в сентябре 2001 года, когда в составе небольшой делегации РЕКа (Российского еврейского конгресса) приехал в Иерусалим на акцию против палестинского терроризма. Он был тогда министром строительства, и принял нас на своем рабочем месте. Идя по улице Бен-Иегуда к пиццерии «Sbarro» – месту очередного совершенного теракта, в телевизоре, выставленном в окне одного из кафе, увидели горящий небоскреб и самолет, врезающийся в соседний небоскреб. Подумали, что это очередной боевик, но все оказалось гораздо страшнее – это был чудовищный теракт! Вечером в гостинице, где остановилась делегация из США, мы зажгли свечи памяти по погибшим и выразили соболезнование американской делегации. На следующий день во время встречи в министерстве обороны в Тель-Авиве в зал вошли двое военных и врач, которые попросили одну из американок выйти, чтобы сообщить ей, что в этом теракте погиб ее родственник.

Второй раз я встретился со Щаранским (он уже был главой СОХНУТа), когда он приехал в Петербург на встречу с руководителями еврейских общин Северо-Запада, и он оставил автограф на своей широко известной книге «Не убоюсь зла», переведенной на несколько языков, которая сейчас хранится в библиотеке нашей общины.

В 2012 году в Интернете появилось интервью того самого корреспондента Франс Пресс, Николая Милетича, которого я видел у здания суда, данное Елене Поляковской, под названием «Серб и молод». На вопрос Поляковской: «Что же вас так привлекало в этой стране?» ответил:

– Люди. Удивительные люди, которых я здесь встретил (...) Недели через две после приезда в Москву меня отправили в Калугу, где был суд над Александром Гинзбургом. Одновременно с этим в Москве шел суд над Щаранским, но дело в том, что у нас в АРФ был специалист по еврейским делам – Пьер Лэгал, и никто не мог претендовать на эту тему, кроме него. Поэтому я отправился на суд Алика Гинзбурга. Там я познакомился практически со всеми, кто занимался

правозащитной деятельностью, – с Сахаровым, Боннэр, Мальвой Ланда, Ходорович, Ариной Гинзбург, естественно (...) Мне и до этого хотелось как-то помочь, но я не очень понимал как. Но когда ты слышишь рассказ Арины о том, что происходит в зале суда, когда ты видишь людей, которые мирно стоят, никого не трогают, а их грубо отгоняют или говорят, что в здании суда нет мест – абсолютная ложь, когда ты видишь морды людей в штатском, то ты понимаешь: все, что я могу сделать против этих мерзавцев, буду делать. В этом заключалась простота той эпохи – было видно, где добро, а где зло (...) То есть, если у тебя еще оставались какие-то сомнения по поводу происходящего вокруг полного маразма, после этого они благополучно исчезали. Я говорил своим друзьям в Париже, что для того, чтобы понять, что такое советская пресса, нужно купить газету «Правда» и прочитать ее от начала до конца...

А сейчас?

А сейчас я уже пятый (!) год хожу на процесс над Юрием Дмитриевым, который нашел схороненные в страшных ямах останки и вернул из забвения тысячи имен, убитых советской властью людей на территории Карелии – то, что должна была сделать сама страна, породившая столь чудовищный режим. Вместо этого на Дмитриева завели сфабрикованное уголовное дело по гнусной статье, чтобы можно было вести дело в закрытом режиме. Дважды Юрий Дмитриев был судом оправдан, но это не устроило заказчиков, и вот идет третий суд! Список людей и организаций, как российских, так и зарубежных, вставших на его защиту, занял бы несколько десятков страниц, но судилище продолжается. Люди приезжают из других городов, чтобы пока Юрия Дмитриева охранники (от четыре до шести) проводят по лестницам и коридору, аплодисментами выразить ему свою поддержку. Случай беспрецедентный! Там я и познакомился с Ниной Литвиновой – внучкой Максима Литвинова, народного комиссара по иностранным делам СССР (1930 – 1939), дочкой Флоры Литвиновой (Ясиновской), скончавшейся 29 декабря 2020 года на 103-м году жизни, оставившей мемуары «Очерки прошедших лет», где более 50-ти страниц посвящены пронзительным воспоминаниям о Шостаковиче – документальное свидетельство об искореженной несправедливой властью душе великого композитора. Нина Литвинова, как оказалось, тоже была на процессе над Александром Гинзбургом в Калуге в 1978 году – 43 года назад!

Сколько же еще надо прожить, чтобы увидеть Россию светлой и свободной?!

Апрель 2021 г.

Соколы Жириновского

Март 1985. Генеральным секретарем ЦК КПСС становится Михаил Горбачев, провозгласивший новый политический курс гласности и перестройки. Еще некоторое время государственная машина работает по инерции, но уже через полтора года освобожден из ссылки А.Д. Сахаров (причем Горбачев лично позвонил ему в

Горький), начинают получать разрешение на выезд в Израиль «отказники», в журнале «Огонек» печатаются публикации, невыносимые за все время существования этого издания. Появляются независимые еврейские организации, прежде всего в Москве: «Союз учителей иврита», возглавляемый Л. Городецким, «Еврейское историческое общество» во главе с В. Энгелем. Именно с этого времени можно говорить о создании в СССР независимого еврейского движения. И хотя в июле 1987 г. был разогнан митинг еврейской общественности против антисемитизма в Парке Дружбы на Речном вокзале, организованный М. Членовым, «процесс пошел», как говорил Горбачев, – остановить это движение было уже нельзя.

Чтобы не потерять контроль за происходящим, власти сами решили создать несколько общественных и политических структур. Это делалось для того, чтобы направить формировавшееся демократическое движение в стране в нужное им русло, да и международное мнение, к которому стали прислушиваться, было важным для укрепления позиций нового руководства. В ноябре 1988 г. в Москве был торжественно открыт Еврейский Культурный Центр им. С. Михоэлса. Однако расчеты властей на подконтрольность данной организации не оправдались – еврейские активисты, вошедшие в состав правления, стали использовать помещение Центра для своих целей – чтения лекций по еврейской истории, преподавания иврита и пр. Тогда в противовес Центру в том же 1988 г. создается еще одно еврейское общество – Шолом на базе еврейского театра Шолом, во главе с бывшим первым секретарем Биробиджанского обкома партии Шапиро. В правление вошли назначенные властями люди из Антисионистского Комитета Советской Общественности, хотя было и несколько активистов еврейского независимого движения. Вошел в состав правления и Владимир Жириновский, как юрисконсульт общества. Но, поскольку, как обычно, все было сделано неуклюже, это общество благополучно довольно скоро прекратило свое существование, и о нем не вспоминают.

В 1989 году так же сверху была организована Либерально-демократической партии России (ЛДПР), которую с 31 марта 1990 года возглавил Жириновский. Он оказался крайне эксцентричным, ярким политиком. Его выступления в Думе, на пресс-конференциях, в прессе всегда отличаются парадоксальным мышлением, неожиданными поворотами и быстротой реакции на задаваемые вопросы. Частые скандалы, устраиваемые им по любому поводу, удивительным образом только укрепляют его популярность, хотя мало кто относится к нему серьезно.

Может быть, такое поведение можно частично объяснить его пестрой биографией. Родился он в 1946 году в Алма-Ате. В том же году его отец Эйдельштейн Вольф Исакович погиб в автокатастрофе. Мать Александра Павловна Жириновская осталась с шестью детьми на руках. До 18 лет Жириновский носил фамилию отца. Окончил с отличием Институт восточных языков (впоследствии Институт стран Азии и Африки) при Московском государственном университете по специальности «Турция и турецкий язык» в 1970 году, вечернее отделение юридического факультета МГУ по специальности «юрист» в

1977 году. В 1969 – 1970 годах проходил стажировку в Гостелерадио и Госкомитете по внешним экономическим связям СССР. В 1970 – 1972 годах служил в Вооруженных Силах в войсках Закавказского военного округа. В 1972 – 1975 годах работал в секторе Западной Европы международного отдела Советского комитета защиты мира, в 1975 – 1977 годах – в деканате по работе с иностранными учащимися Высшей школы профсоюзного движения. С 1977 по 1983 год – сотрудник Инюрколлегии Министерства юстиции СССР. С 1983 по 1990 год возглавлял юридический отдел издательства «Мир». С 1990 года – председатель Либерально-демократической партии России (член ЛДПР – с 1989 года). С 1993 года – депутат Государственной Думы. Председатель думской фракции ЛДПР. Владеет английским, французским, немецким и турецким языками. Автор многочисленных книг, публикаций, нескольких автобиографий. Издал полное собрание своих сочинений в 55 (!) томах.

Жириновский сразу обратил на себя внимание еще во время предвыборной кампании, когда в расклеенных плакатах было написано, что мама у него русская, а папа юрист.

Первые же публичные выступления Жириновского вызывали скандалы. Например, он обратился к тогдашнему спикеру Верховного Совета Руслану Хасбулатову с призывом разогнать «антирусское и антигосударственное» правительство Бориса Ельцина и взамен предложил свой собственный теневой кабинет, где министром безопасности был писатель Эдуард Лимонов, а курировать сферу культуры поручалось лидеру панк-группы «ДК» Сергею Жарикову.

Последующие действия Владимира Вольфовича были не менее экстравагантны.

Вот отрывок из стенографической записи одного из его первых выступлений в Думе: «Учитывая, что парламент не готов еще, он должен поработать. Это первый класс. Когда вы перейдете в третий класс осенью 1995, и здесь будут сидеть в основном представители нормальных демократических партий, которые никогда не будут прерывать оратора...

(А. Чубайс молча показывает председательствующему на часы.)

Господин Чубайс, вы это будете в камере показывать, в Лефортово, чтобы вам дали обед.

И ходит поп Якунин. Его лишили права носить сан и крест, а он ходит, оскорбляя русскую церковь. А господин Чубайс машет рукой, потому что это последние дни свободы. Я уже сказал премьер-министру, что пока Чубайс, Козырев, Федоров находятся в

правительстве, это правительство не сможет ничего сделать».

Или: «Учитывая, что пока в правительстве есть такие как Козырев, Чубайс, Гайдар и Федоров и небольшая часть, буквально 30 процентов таких же депутатов, буквально каждый день видеть их глаза и лица – это отрицательно сказывается на моем здоровье, а мое здоровье нужно всему русскому народу, который не картавит и никогда не имеет двойного гражданства, я временно снимаю свою кандидатуру и ожидаю выборов президента России. А уж потом я с вами поговорю!»

Кстати, докторская диссертация, которую Жириновский защитил в 1998 году, называлась «Прошлое, настоящее и будущее русской нации». (По поводу этой диссертации интересно замечание Льва Москвина: «Жириновского мои нападки на него всегда успокаивали, а протест на его докторскую диссертацию вызвал парадоксальное удовлетворение думского «городского сумасшедшего». Диссертация была удивительно талантливой калькой новейшей истории евреев с заменой прилагательных «еврейский» на «русский».)

В это же время (1988-1989 гг.), благодаря тому, что комсомольские структуры уже не были обязаны отчитываться перед партийными и государственными органами о своей деятельности по регистрации при себе различных организаций, Леонид Ройтман зарегистрировал при МГК ВЛКСМ Международный центр по изучению и распространению еврейской культуры «Тхия» (МЦИРЕК «Тхия»). Через некоторое время он регистрирует уже при Центре «Комитет по вопросам репатриации», целью которого была помощь желающим уехать в Израиль. В течение нескольких лет Комитет был единственной легальной организацией консультирующей выезжающих, помогающей в оформлении виз и переводившей деньги за рубеж. Ройтман предложил почти гениальный ход: он организовал фирму «Израсов», и люди, собирающиеся выехать в Израиль или Америку, клали деньги в банк «Столичный» на ее счет, написав расписку, что эти деньги они дарят на благотворительные цели. Приехав по новому месту жительства, они шли там в банк и снимали свои деньги. Это дало возможность Ройтману скупить в районе станции метро «Таганская» целый квартал площадью 17 тыс. метров, сдавать эти дома в аренду, получая приличную прибыль, так как цена на эту недвижимость росла с каждым годом. Его офис и квартира, в которой он жил с семьей, были прямо напротив посольства государства Израиль на Большой Ордынке 51. Большую часть денег Ройтман тратил на содержание МЦИРЕК «Тхия», имевший помещения в бывшем Доме культуры у станции метро «Тульская», на Комитет по вопросам репатриации, консультанты которого работали во многих уголках необъятного Советского Союза и на всевозможные благотворительные цели. Он, например, подарил од-

ноэтажное деревянное здание площадью около 140 кв. метров еврейской общине Омска, давал деньги на проекты по возрождению общинной жизни в провинции. И наша община получила от него некоторую сумму, позволившую сформировать продовольственные пакеты нуждающимся.

В 1995 году Комитет, где я уже год работал консультантом, пригласил меня на очередной семинар повышения квалификации. Семинар проходил в одном из подмосковных пансионатов. Разместившись в номерах, мы, а это человек 60 – 70 со всех концов России от Калининграда до Камчатки прошли в столовую. Столы стояли длинными рядами, и один ряд уже был занят. Там сидели молодые парни, атлетического сложения с лицами, которые не очень хочется встречать на своем пути. Большинство были коротко пострижены. Сидели тихо, почти не разговаривали. Мы тоже сбавили тон и расселись. Принесли еду. Тут в зал энергично вошла молодая красивая статная женщина и направилась к этим ребятам. Все еврейские носы проследили ее путь, и она как королева воссела во главе стола. Это повторялось каждый раз, когда мы находились в столовой. Пропустить такой момент было выше наших сил. После завтрака выяснилось, что эта группа тоже приехала на семинар, который проводит ЛДПР для своих руководителей на местах. Стены коридоров и аудиторий, где они занимались, были увешаны плакатами, призывающими «спасти Россию» (от кого, им, очевидно, объясняли на семинаре), портретами самого Жириновского в военной форме, его изречениями. Это было время, когда Жириновский однозначно выказывал неприязнь к евреям, пользовался популярностью и реально мог придти к власти. Чему учили, кто читал лекции этой молодежи, с чем эти «соколы Жириновского», как их называли, разлетятся по домам, сказать трудно. Но наши занятия проходили бок о бок на одном этаже. Очередная ирония судьбы? Во время перерывов все выходило на улицу, разбивались на группы, так и общались, не перемешиваясь, не заходя на территорию друг друга – можно было безошибочно определить кто есть кто. Те бросали в нашу сторону недоброжелательные взгляды, отпуская, очевидно, всякие шуточки, так как время от времени раздавался их гогот. Мы тоже не прикидывались овечками.

Занятия у нас были очень напряженными, преподаватели – из Израиля, большинство приезжали прямо из аэропорта. Это были представители служб министерства абсорбции, социального страхования, медицинского обслуживания, банковские служащие, посольские работники, русскоязычные политические деятели – все те, кто непосредственно занимались прибывшими репатриантами. Так что информацию мы получали, как говорится, «из первых рук». В конце семинара писали тест по американской системе, и от набранных баллов зависела квалификация, а не набравшие минимума не допускались до работы. Сам Леонид Ройтман, оплачивающий все это меропри-

ятие, встречался с каждым участником, беседовал, расспрашивал о состоянии общинных дел на местах, интересовался нуждами и в большинстве случаев помогал финансово. Он ежедневно уезжал в Москву по делам, и поэтому встречи были распланы по минутам и заканчивались в 2 – 3 часа ночи. Я тоже записался на прием и стоял у его номера ждал вместе с другими. Передо мной зашла группа из Минска – у них возникла проблема: чтобы успеть в понедельник на работу, они должны были выехать домой до окончания Субботы. Леня категорически возражал, и отказывался в таком случае оплачивать билеты. Разговор становился все громче, страсти накалялись. Руководитель группы уже почти прокричал, что он начальник цеха, и если он не появится на работе в понедельник, цех будет стоять. «Сколько стоит простой цеха?» – очень тихо спросил Леня. Тот назвал какую-то сумасшедшую сумму. «Я оплачу» – так же тихо произнес Леня. Сказать, что наступило молчание – ничего не сказать. Это был шок! Молчание повисло в воздухе, было почти осязаемым. И в номере и в коридоре ждали, что будет дальше. В конце концов, нашли вариант с самолетом через какой-то другой город, стоивший тоже больших денег, но зато Суббота не нарушалась. Из комсомольского работника Леня превратился в глубоко верующего человека, три раза в день совершал молитву. Являясь гражданином Израиля, посчитал своим долгом поселиться там на «территориях» по идейным соображениям, хотя имел к тому времени уже троих или четверых детей, и это было небезопасно. Как-то раз позвонили из Москвы – там что-то случилось важное, и нужно было срочное вмешательство Ройтмана, но им ответили, что Леня молится. Трубка покраснела от слов, которые сказали по этому поводу на другом конце провода, но это ничего не изменило – Леня молился.

К концу семинара, в пятницу мы обратили внимание на то, что от входа в здание до большого зала проложены ковровые дорожки, плакатов стало больше, и часов в 12 слышали вой сирен, и к нашему корпусу подкатили два черных «Мерседеса» с мигалками. Выстроился почетный караул, и из машины вышел Жириновский в военной форме с «сопровождающими лицами». Он прошел в зал, где состоялся акт посвящения «соколов». Затем в фойе Владимир Вольфович встал под флагами России и ЛДПР, а к нему по очереди подсказывали «птены гнезда Володи», и фотограф запечатлевал этот исторический момент, чтобы потом в офисах на местах красовался этот снимок, подтверждая факт личного знакомства руководителя местной организации ЛДПР с ее лидером. Опять взвыли сирены, и машины умчались, а счастливые «соколики» пошли отмечать это дело.

У нас тоже был праздник – шаббат. Леня привез на своих «Жигулях» кошерную еду из Москвы, сам разгружал все это, мы только помогали. Поставили столы, женщины приготовили праздничную трапезу, зажгли свечи, Леня раздал молитвенники, и началась

молитва. Я молился впервые. Это было очень сильное чувство. Мы стояли в небольшом помещении, было тесно, душно, но от того, что все вместе произносили одни и те же слова, чувствовали дыхание друг друга, русские слова переплетались с ивритом, и ощущение того, что называется Шхиной – Б-жественным присутствием – все это вызывало необыкновенное состояние приподнятости и даже счастья. После молитвы я попросил Леню подарить мне сидур. Это первый сидур, который я стал читать. Потом мы сели за субботний стол.

Уже поздно ночью, поднявшись на свой этаж, я увидел, как двух пьяных парней вталкивает в номер та женщина, от которой мы не могли оторвать глаз. Я пошел за ключом и, вернувшись, увидел, как она же тащит очередного «сокола», который почти висел на ней и пытался что-то говорить, глядя совсем в другую сторону. Я подошел, предложил помочь. Мы вместе доволокли его до номера, и она, закрыв за ним дверь на ключ, брезгливо произнесла: «чтобы не вылез обратно». Волосы у нее растрепались, платье помялось, слегка пахло спиртным. «И Вам придется иметь дело с такими!» – посочувствовал я. Она посмотрела мне в глаза, часто заморгала и отвела взгляд. Мы разговорились. Оказалось, что ее зовут Наташа, она работает на Жириновского, руководит этим семинаром, живет в Москве. В течение круглого года на неделю здесь собирают молодых парней, готовят их и отправляют по местам. Воскресенье – выходной, а с понедельника – очередная партия. Она замужем, имеет ребенка: «Платят хорошо. Надо растить дочь. Вы не бойтесь, Жириновский вас не тронет, если придет к власти, он не такой на самом деле, как кажется со стороны». Мы разговаривали довольно долго, но одну ее фразу, сказанную со щемящей горечью, я вспоминаю часто и сейчас: «Вам хорошо – у вас есть возможность уехать отсюда. А нам-то что делать?» Действительно, это многое может объяснить.

Прошло время. В 1996 году Комитет по вопросам репатриации был распущен: российские власти арестовали имущество, принадлежащее Ройтману, он обанкротился. В Израиле он не смог расплатиться с теми, у кого брал деньги. Разразился скандал. Поскольку он работал в контакте с правительством Израиля, часть задолженности оплатило государство. Почти 10 лет шло разбирательство. Как доказало следствие, деньги, полученные от клиентов, Л.Ройтман вкладывал в рискованные предприятия, и 22 октября 2003 года суд признал Леонида Ройтмана виновным в хищении 18 миллионов долларов, приговорил его к 10 годам лишения свободы и штрафу в 1 млн. шекелей. Леня отказался признать себя виновным, а его адвокат заявил о намерении опротестовать приговор в суде высшей инстанции.

Владимир Жириновский до сих пор находится в центре внимания. Совсем недавно он заявил о своем намерении участвовать в президентских выборах 2008 года. О своих возможных оппонентах он сказал,

что «это уже остатки, объедки, политическая помойка, перспектив нет». Это притом, что его «соколы» на местах так и не смогли организовать жизнеспособную партию, и ЛДПР практически существует как партия одного человека. Хотя многие идеи, высказываемые Жириновским, находят своих продолжателей. Так коммунист Иван Никитчук, выступая в Думе (2003 г.), объяснил ранние половые контакты, насилие и наркоманию в России тем, что все это пока-

зывают на телеэкране, и потребовал прекратить «разнузданную синагогу» (!) на телевидении. А Владимир Владимирович «за заслуги в укреплении российской государственности и активную законотворческую деятельность» пожаловали Владимиру Вольфовичу звание «Заслуженный юрист Российской Федерации». (Вспомним: папа – юрист. А если слово юрист заменить на то, что должно там быть?)

Вот так «причудливо тасуется колода».

Рош ha-Шана 67-го, иь ничего еврейского

5 июня 1967 года. Из радиоточки несло: «израильские агрессоры», «зарвавшиеся сионистские заправилы», «приспешники мирового империализма», «арабские страны дают достойный отпор агрессору», «израильские войска несут большие потери»... На Ближнем Востоке началась уже давно готовившаяся война. Папа слушал со слезами на глазах: «Как жалко, что мой отец не дожил до этого часа – он был бы счастлив, услышав, что евреев называют «агрессорами»! Столько времени их только убивали, притесняли, унижали, и вот теперь – агрессоры! Наконец-то пришло время, когда евреи могут постоять за себя!» И он ходил какой-то просветленный, даже ростом стал выше. Тогда мне было не очень понятно, чему папа радуется. Я не отрывался от своей «Спидоль» – своеобразного символа той эпохи – радиоприемника, по которому из радиопередач «оттуда» только и можно было получить достоверную информацию о том, что творится в мире.

Свой первый радиоприемник я собрал сам – мы жили достаточно бедно, и купить приемник было не по карману. Я стал радиолобителем, членом радиоклуба ДОСААФ, мастерил приемники, имел свой позывной, выходил в эфир, даже начал собирать свою радиостанцию, но поступил на работу в театр (в 1963 году) и пришлось, из-за недостатка времени, все это бросить. Но еще долгое время мы с папой слушали всякие, как тогда говорили, «вражеские голоса» по моим приемникам.

Сквозь рев «глушилок» пробивались лишь отдельные слова и фразы. Но, поскольку новости передавались каждые полчаса, эти слова и фразы складывались в общую картину, и можно было составить полное представление о том, что происходит на самом деле. А на самом деле происходило не то, о чем сообщали советские газеты и радио. Можно сказать даже – прямо противоположное: в первый же день войны была уничтожена почти вся авиация Египта и Сирии, а 7 июня был полностью освобожден Иерусалим. 10 июня война закончилась разгромом трех арабских армий – Египта, Сирии и Иордании. В этот же день Советский Союз разорвал дипломатические отношения с Израилем. Теперь эта война, вошедшая в историю под названием Шестидневной, изучается во многих военных академиях мира.

В интерпретации советских газет это выглядело несколько иначе: «Арабы сплачиваются», «Вероломство захватчиков», «Каир в эти дни», «Израиль играет с огнем» – партийное перо Евгения Примакова, корреспондента газеты «Правда» в Каире, большого друга всех арабских народов, в ущерб своему, скребло бумагу, будоража пламенные сердца советских людей. «В сердце каждого советского человека бушует чувство возмущения против израильских агрес-

соров, нацеливших свое жало в благородное сердце арабских народов» – подхватывал бывший «композитор-формалист» Ваню Мурадели. За ними шли уже народные массы: рабочие рыбо-консервного завода города Хачмас, Азербайджанской ССР вместо того, чтобы выпускать высококачественные консервы на уровне мировых стандартов, гневно осуждали зарвавшихся сионистов. На брянском машиностроительном заводе «дизелист А. Богданов, заточник вагонного цеха М. Шебловский, мастер С. Жмакин и другие, выступая на митинге, с гневом говорили об агрессивных действиях Израиля, начавшего войну против народов арабских стран...» «Советские люди выражают горячую поддержку борьбе арабских народов...» «Мы, металлисты, единодушно поддерживаем!» В ответ на агрессивные действия израильской военщины, металлурги пообещали увеличить свои плавки. А 10 июня ткачиха Розия Азимова потребовала от Израиля «немедленно прекратить военные действия против ОАР и других арабских стран». В тот же день война прекратилась.

«Народы арабских стран, которых поддерживает вся прогрессивная общественность» положили на поля сражений более 15 тысяч своих солдат, оставили в плену около 6 тысяч, потеряли вооружений, великодушно предоставленных миролюбивым Советским Союзом, на миллиарды долларов. Нелишне напомнить, что накануне войны герой Советского Союза президент Египта Гамаль Абдель Насер заявил, что если вспыхнет война, она будет тотальной и ее цель – «уничтожение Израиля».

После такой блистательной победы Израиля в еврейских кругах царил эйфория. Молодые люди на Западе даже ходили с перевязанным глазом а la Моше Даян (министр обороны Израиля – как пел Высоцкий

– «стерва одноглазая»), и, несмотря на развернувшуюся антисемитскую кампанию в СССР, к евреям, на бытовом уровне, стали относиться уважительно. Сильных уважают! Началось бурное пробуждение национального самосознания, гордости за свой народ. Многие тогда впервые осознали себя евреями.

Осенью 67-го группа артистов балета нашего театра выехала на гастроли с концертами на телевидении. Мы оказались в Орджоникидзе (Владикавказе) 5 октября, и по Голосу Америки передали (с приемником в то время я не расставался), что «сегодня евреи впервые за многие годы встречают Новый год у Стены плача, освобожденной в ходе Шестидневной войны».

Тут нужно сказать, что влияние передач Голоса Америки по еврейской тематике на формирование еврейской самоидентификации в СССР было значительным, по крайней мере, для жителей небольших городов вне бывшей «черты оседлости». Для лишенных каких-либо источников информации (достаточно сказать, что за провоз Библии из-за границы – а в стране она не издавалась – можно было получить до пяти лет тюрьмы), эти передачи были почти единственной возможностью узнать что-либо о традиции своего народа, его истории, культуре, праздниках.

Я побегал в магазин, взял четыре бутылки сухого вина и пригласил своих друзей. В маленьком номере собралось человек двенадцать. Мы выпили вино, съели все, что у кого было. Повеселились. Меня поздравляли. Тогда я не знал ни законов Рош ha-Шана, ни вообще, что это за праздник. Единственно, что знал из передач Голоса Америки, что надо желать друг другу: «В следующем году в Иерусалиме». Тогда Иерусалим был для меня «где-то там», скорее был неким символом, чем реально существующим городом.

В Советском Союзе развернулась очередная антисемитская кампания, на сей раз под видом «антисионистской» – партия творчески подходила к своему делу, каждый раз подбирая новую «оболочку» – достаточно вспомнить «троцкистов», «вейсманистов-морганистов», «безродных космополитов», «врачей-убийц». (И в наше время «дело партии живет и побеждает»: сейчас при явном попустительстве, чтобы не сказать потворстве властей муссируется идея о «человеконенавистническом иудаизме».) Газеты, радио, телевидение громили «сионистов и их приспешников», появилась целая библиотека антисемитских книг: «Осторожно – сионизм», «Земля обетованная без прикрас», «Израиль и ФРГ», «Фашизм под голубой звездой», «Сионизм: идеология и политика» – подсчитано, что за период с 1967 по 1969 вышло 22 названия, а с 1970 по 1974 – 134! Среди авторов были и евреи. Особо усердствовал некий Цезарь Солодарь, не к ночи будет помянут, со своими «разоблачениями происков мирового сионизма».

Апофеозом этой вакханалии стала печально известная пресс-конференция на телевидении в марте

1970 года «граждан еврейской национальности», среди которых были известные широкой публике люди. Они выступали с гневными антиизраильскими заявлениями и подписали письмо, осуждающее сионизм и «агрессивный Израиль». Жалко было смотреть на несчастного Аркадия Райкина, который ничего не говорил, но для организаторов этого фарса был важен сам факт его присутствия. Очевидно, Райкин побоялся отказаться от участия «во всем этом» из-за будущего своих детей – сын Константин учился в Театральном училище им. Б.В. Шукина, дочь Екатерина – актриса Театра им. Евг. Вахтангова. С актерами так легко расправиться!

Художникам запрещено было изображать... снежинки такими, какими их создала природа – шестиугольными. Бдительность партии не знала предела! И вот к Новому году в оформлении магазинов, на плакатах, открытках появились снежинки-уроды: пяти-, семи-, восьми- и т.д. угольные...

Вообще, диктат партии в области литературы и искусства был всеобъемлющим (Осип Манделштам говорил: «Поэзию понимают только у нас – за нее расстреливают»). Проверялось всё и вся. Переводные книги выходили с купюрами, причем убирались даже отдельные слова, которые могли хотя бы косвенно указать на «нежелательные» ассоциации. В 60-70 годах, когда партия в очередной раз боролась с религией, были запрещены к публичному показу кресты, на телевидении нельзя было показывать... людей с бородой! В нашем театре в это время ставился балет «Кижская легенда», в котором, естественно, в оформлении должен был быть кижский собор. Казалось бы, тупиковая ситуация. Но недаром советские деятели искусств прошли школу выживания при этом режиме. Художник спектакля Борис Кноблук умудрился написать задник с собором так, что, вроде бы, крестов и нет. Они были, как бы в профиль, да еще небо было расписано пунктирными штрихами, что тоже размывало картину. Во время показа одноактного балета «Душа Испании» на телевидении в Харькове, где мы гастролировали, наших артисток заставили снять с костюмов кресты. Никакие доводы, что это часть костюма, авторское видение художника не возымели никакого действия – режиссер сказал, что не собирается из-за наших крестов ставить крест на своей карьере и лишаться работы. «Сами понимаете», – и он показал пальцем вверх. А на сдаче оперетты «Сильва» в зале сидел инструктор обкома партии по культуре с пьесой в руках и проверял текст! Там-то что искать? В оперетте, да еще написанной в 1915 году?! Рассказывают интересную историю про одного театрального художника в Москве. Он создал эскиз модернистской декорации к спектаклю (естественно, что даже само слово «модерн» для советской номенклатуры было ругательным), и посередине сцены поместил красный стул. Собрался худсовет театра (в состав любого художественного совета обязательно входили представители партийных органов) для

приема эскиза. Первый же выступающий обрушился с руганью на этот стул: это «не наше», это «тлетворное влияние Запада», его необходимо убрать. Художник ответил, что не согласен с этим, и стул здесь воплощает концептуальную идею. После слов о «концептуальной идее», уже все стали поносить злосчастный стул, даже друзья. Художник стоял на своем. После почти полутора часов дебатов художник все же согласился убрать этот стул. Эскиз приняли. Представитель райкома партии первым подошел к нему, пожал руку, поздравил, как он сказал, «с победой над собой». Друзья окружили художника, и один сказал: «Ну, согласишься, что так лучше, стул тут ни к чему». «Конечно, это и дураку ясно. Зато никто не обратил внимания на все остальное, в противном случае «зарубили» бы весь эскиз!..»

Тогда, в 1967 году, по моей просьбе Юрий Нивин, талантливый художник и врач, изготовил значок в виде магендавида, который я потом долго носил на лацкане пиджака. Летом 1969 года в Уфе, где наш театр находился на гастролях, на улице ко мне подошел неизвестный человек и спросил: «Зачем?» Я ответил, что это протест против антисемитизма в СССР. Он протянул: «А-а-а...» – и отошел. Был это гебист или просто прохожий, не знаю. Во всяком случае, «органы» занялись мной лишь в 1970 году.

В том же 67-м, в июле, мы давали концерт на теле-

видении в Донецке. Режиссер посмотрел программу и все номера, авторы которых носили «подозрительные» фамилии вычеркнул из списка:

– Никаких Якобсонов, Шнеерсонов, Каганов, Коганов, Стравинских, Слонимских...

– Но Стравинский – русский! Его отец, бас Федор Стравинский, пел в Мариинском театре!

– А мне на это ... Фамилия-то как звучит? Мариинский театр – это при царе-горохе, тогда, может быть, и можно было, а сейчас – чтоб ничего еврейского! Я сам не Иванов (ну, это было видно), но ...

И он сказал то, что мы впоследствии слышали не раз: он сам ничего не имеет против, но «всевидящее око партии» следит за всем. Всё, что идет в эфир, тщательнейшим образом просматривается, и если он пропустит – это будет считаться «идеологической диверсией», тем более, что он сам еврей. А еще хочется пожить спокойно (какой, уж, тут покой?), доработать до пенсии, и дети растут...

Ну, что ж, может быть, он был и прав по-своему. Теперь уже его дети выросли, дай Б-г им здоровья. Интересно, где они сейчас, в Израиле? Или ходят в донецкую синагогу? Но может быть и так, не про нас будет сказано, – выступают против «человеческой ненавистнической сущности иудаизма», как Борис Спасский...

Мой еврейский вопрос

Зима 1953. В только что открытой новой школе № 25, куда нас, первоклашек, перевели из школы № 3, перемена. Шум, гам, куча-мала. Я стою в стороне. С вершины этой кучи скатывается мой одноклассник, ударяется лбом о батарею и рассекает бровь.

Показалась кровь. Страшно. Я подбегаю, помогаю ему подняться, чтобы отвести в медкабинет. Вдруг сзади меня кто-то сильно хватает за руку и тащит за собой. Это – моя первая учительница Варвара Ивановна, которую я очень люблю. У нее перекошенное злобой лицо:

– Бандит! Негодяй! Убирайся домой, и без родителей не появляйся! Я не позволю тут, чтобы всякие цвибеля разбивали головы советским детям!

Я не плачу только оттого, что не в состоянии осознать услышанное. Причем тут я? Какие это «всякие цвибеля»? А я разве не советский ребенок?

На следующий день пришел в школу с папой. Он спокойный, но только очень собранный и бледный. Мы остановились возле дверей учительской, в которой было довольно шумно перед началом уроков. Папа, оставив меня ждать, вошел внутрь. За дверями наступила тишина. Пробыл он там, наверное, меньше минуты. Вышел, поцеловал меня и сказал, чтобы я шел в класс и ничего не боялся. После звонка в класс вошла Варвара Ивановна с нервным румянцем на лице, и весь урок была какая-то сама в себе.

Я проучился у нее 4 года. Никогда никаких конфликтов с ней больше не было. Много, много лет спустя мы встретились на набережной у озера, где она

гуляла с внуком. Она расспросила о моей жизни, работе, спросила, отчего умер папа.

– Папа у тебя был святой!

Мы еще несколько раз встречались, но я так и не осмелился спросить, что тогда сказал папа в учительской. Это так и осталось загадкой.

(Когда папа умер, я попросил в городской библиотеке, где он был активным читателем со дня ее открытия после войны, переписать на себя его читательский номер 369, по которому и получал книги. Библиотекарь Фаня Цукарева до сих пор, спустя более тридцати лет, часто вспоминает об этом.)

Когда пришло время менять паспорт – его меняли по достижении 21 года – я решил исправить в нем «пятый пункт» (я был записан русским). Пошел в Министерство внутренних дел. Получил пропуск к начальнику, очевидно, паспортного стола. Он оказался грузным, мрачноватым человеком, и что меня почему-то удивило, был не в милицейской, а в воен-

ной форме. Я сказал, что хочу при обмене паспорта изменить национальность. Он неторопливо развернулся на стуле, выдвинул картотеку, нашел карточку, внимательно прочитал ее, как мне показалось, даже дважды, и непонимающе произнес:

– Да у Вас тут всё в порядке.

Я ответил, что хочу, чтобы там было написано «еврей».

То, что произошло после этих слов, я не в состоянии описать. Он побагровел, даже руки стали красными, как-то расширился и когда встал, казалось, заполнил собой весь кабинет, нагнулся надо мной и буквально прокричал:

– Уходи! Родители знали, что писать! Пусть придут сами!

Я не помню, как оказался на улице. Но, все же, отправился на консультацию к юристу. На табличке было написано: Виулена Арнольдовна Горная. Подходяще. Объяснил ситуацию. Виулена Арнольдовна спокойно разъяснила, что по закону, когда первый раз выдается паспорт, у кого родители разных национальностей, можно выбрать любую. Но менять – это сложный процесс, кроме того, могут возникнуть политические осложнения: с чего это вдруг молодой человек, живущий в стране, строящей коммунизм, сформировавшей нового советского человека, поднимает еврейский вопрос?

– Молодой человек, зачем Вам это нужно? – она сняла очки и посмотрела своими печальными глазами куда-то внутрь меня. – Какая разница, что написано в какой-то бумажке? Для себя будьте, кем хотите. Вам ведь еще жить жизнь, а она неизвестно, что преподнесет. (Недавно я спросил Виулену Арнольдовну об этом случае, но она его не запомнила.)

И, все же, когда на меня заполняли анкету при приеме на работу в театр, я попросил, чтобы там было записано «еврей».

– Конечно, папа же у тебя еврей, – и секретарь спокойно заполнила так много значащую в Советском Союзе пятую графу. (Тогда даже ходила шутка:

– Почему тебя не выпускают за границу (или: не принимают в ВУЗ)? – У меня пять с плюсом.)

Кстати, о вузе. Когда я поступал в Ленинградскую консерваторию (в 1963 году) и очень успешно сдал специальность, что означало практически стопроцентное поступление, одна из абитуриенток, окончившая музыкальное училище с «красным» дипломом, по специальности получила двойку. Ее мать, которая приехала вместе с ней, кричала на всю консерваторию, что здесь сплошные евреи и принимают только евреев, всяких цвибелей, хумек, каганов, рабиновичей... Ректор консерватории Павел Серебряков вынужден был собрать специальную комиссию, и ее экзаменовали заново, но результат оказался тот же. Мамаша пообещала написать в ЦК. Но, поскольку

у них была украинская фамилия, им посоветовали ехать в Киевскую консерваторию, и конфликт был исчерпан.

Не знаю, как с «каганами и рабиновичами», а вот с Хумек и Цвибелем дело закончилось не так благополучно: в приемную комиссию консерватории поступило письмо (оно просто опоздало к началу экзаменов) из Карельского обкома комсомола, где, как нам сообщили, не показав письма, было написано, что таким, как Александр Хумек и Дмитрий Цвибель не место в советском высшем учебном заведении. Нам вернули документы и попросили больше не беспокоить консерваторию своим присутствием. По иронии судьбы, когда через несколько лет семья Хумек уехала в Америку, в их квартире поселился Шарпов – тот самый, который и подписал это письмо.

Я работал в Музыкальном театре, писал музыку. Выдающийся композитор Гельмер Синисало не видел, кто бы мог стать после него национальным карельским композитором, и предложил заниматься со мной, чтобы я продолжил его дело. (Он хорошо ко мне относился из-за папы, с которым был знаком еще с войны, и которого высоко ценил и как человека, и как музыканта. Гельмер Несторович любил вспоминать, как папа, увидев его каллиграфически написанные партитуры, сказал, что настоящие композиторы так не пишут, и поэтому композитор из него не получится. Но папа всегда признавал свою ошибку.)

– Гельмер Несторович, ну, представьте: карельский композитор Дмитрий Цвибель!

– М... да... Правда, Рувим Пергамент, Леопольд Теплицкий или Абрам Голланд не лучше. Но все равно – пиши.

Я и писал. Для национального ансамбля «Кантеле»: вокальные произведения «Калевальскую свадебную», «Дедушка-дедок», «Мужик, баба, да пожар»; для Музыкального театра – музыку к хореографическим миниатюрам «Карельский эскиз», «Айно», «Тюонельский лебедь»; на радио и телевидении записал свой вокальный цикл «Карельская тетрадь»... Это исполнялось, и музыка воспринималась как вполне карельская, а я получал даже авторские гонорары.

Но писал и другое. На одном из правительственных концертов, посвященном Дню Победы, прозвучала моя песня-плакат «Помните, люди!» с такими словами:

*В пылающем гетто, за миг до конца,
урва, что к возмездию взывает,
кудряш пятилетний спросил у отца:
– А больно, когда убивают?..*

Как удалось режиссеру концерта Семену Карпу убедить партийные комиссии пропустить на сцену такое в то время, не знаю. Может быть, потому, что автор стихов – финский поэт Тайсто Сумманен?

Зато в другой раз

Я написал специально для правительственного концерта песню «Партии» на слова Владимира Морозова для мужского вокального ансамбля с оркестром с таким рефреном: «Я благодарен, партия, тебе!» Была такая форма: выходили на сцену, одетые во фраки солисты, и горланили славословие партии («Фрачное по форме, ср... по содержанию»). Ну, я думал, под это дело и проскочит. Когда я показал песню режиссеру, который делал концерт, он был в шоке, зная мое отношение ко всему этому. Несколько раз мы встречались, он слушал и все выспрашивал, почему я вдруг написал такое. Что-то он почуял и, в конце концов, не взял. И оказался прав!

На самом деле, в мотив этого рефрена я заложил музыкальное ругательство, а чтобы это не показалось случайным, тромбоны в унисон контрапунктом раструбами кверху возвещали мое Credo: до-ре-ми-до-ре--до!!! В клавирном варианте это было закамouflировано, но в оркестре – все, как надо! Конечно, на первой же оркестровой репетиции музыканты все поняли бы, но я надеялся, что меня не выдали б, а уж после исполнения... Скандал мог быть просто грандиозным!

Когда в 1991 году в Петрозаводске образовалось общество «Шалом», Герш Майрович Пукач предложил мне стать его членом, и я активно включился в работу. Это было как раз накануне первого празднования РОШ на-ШАНА, которое взбудоражило еврейский мир Петрозаводска. Впервые за много лет евреи открыто, с афишами, не скрывая радости, отмечали свой праздник. Прекрасно организованный концерт (по моему предложению пригласили режиссера Семена Карпа, которого я хорошо знал), переполненный зал Финского театра, шведский ансамбль, вдохновенно исполнявший еврейские шлягеры, известные петрозаводские музыканты, клезмерский ансамбль Бориса Портного, искреннее выступление мэра Петрозаводска Сергея Катанандова, произнесшего свои известные слова: – Евреи, не уезжайте! Петрозаводск не самое плохое для вас место на земле! – все это создавало неповторимое чувство причастности к событию, определившему всю дальнейшую еврейскую жизнь города, и мою, в частности.

Я стал посещать заседания правления Шалом, учиться в воскресной школе. Чуть позже стал координатором Комитета по репатриации, координатором Сохнута, заместителем председателя общества Шалом, директором воскресной школы, ездил на всевозможные семинары, открывая для себя мир еврейства.

И вот – семинар в Израиле. Я иду к Стене. Очень осторожно прикасаюсь пальцами. Целую камни... И тут со мной происходит необъяснимое: меня просто душат рыдания, трясет, я не могу остановиться. В голове мелькают отрывки мыслей: почему я здесь? Миллионы и миллионы евреев мечтали об этом, но им не дано было прийти сюда, за что удостоился я?

Почему не мой папа? Почему не тысячи и тысячи праведников? Кто сможет исчислить всех, прошедших земную жизнь в изгнании, для того, чтобы я стоял здесь? Сколько поколений в разных концах земного шара, умирая и произнося последнее, שמע ישראל мысленно обращались именно к этому месту?..

Кто-то ко мне подходил, пытаюсь успокоить, кто-то продолжал молиться. Подошел хабадник, попросил деньги на цдаку. Я отдал последние пять шекелей, оставленных на автобус, и в гостиницу добирался пешком.

Много позже, когда судьба вновь преподнесла мне подарок – учебу в Иерусалимском университете по программе «Мелтон» – из окна квартиры, где я жил, была видна Храмовая гора, и я молился, глядя на нее. А по субботам ходил молиться к Котелю – это всего около часа ходьбы от дома.

А до этого произошло событие, которое изменило мою жизнь. Речь идет о даровании Свитка Торы нашей общине (эта история еще ждет особого рассказа).

18 июля 1996 года в Большой хоральной синагоге Санкт-Петербурга мне был передан Свиток Торы. Я впервые в синагоге, впервые прижимаю к груди Свиток Торы, впервые выступаю с речью перед собравшимися на этот необычный праздник. И вот тогда в синагоге, обнимая Свиток, переполненный необъяснимыми чувствами, я физически ощутил связь со своим народом, своими корнями, теряющимися в глубине веков. Внутри у меня что-то произошло. Я стою у бимы лицом к залу, и не знаю, как начать. И вдруг откуда-то из глубины вырвалось: **נס גדול היה פה!** (Чудо великое свершилось здесь!) Дальше уже пошло легко... Затем переезд со Свитком в отдельном купе в Петрозаводск, первая служба в помещении Шалом, первое чтение Свитка Торы. А затем – становление религиозной общины, которой в этом году исполняется десять лет. И сейчас уже можно сказать – община состоялась!

В этот период, для того, чтобы освоить какие-то азы ведения службы, получить элементарные понятия о структуре молитвы, ее смысле, меня пригласили в иешиву Санкт-Петербурга на десять дней. В общежитии молодые иешиботники встретили меня слегка настороженно – слишком уж большая у нас была разница в возрасте. Зная, что теперь необходимо соблюдать кашрут, я взял с собой только хлеб и килограмм сыра. Когда на кухне я достал сыр, ребята, боясь, что я его положу на стол, схватили меня за руку, и сказали, что сыр некошерный.

– Ну, и что мне с ним делать?

– Выбросить.

Я вышел во двор, и мусорный бак пополнился отличным свежим сыром, надеюсь, хоть, на радость местным мышам. Мой поступок оценили (не мыши, а иешиботники), и на протяжении моей учебы у нас установились дружеские отношения.

Придя в иешиву, которая располагалась в синагоге, я увидел на стене известный портрет Седьмого любовичского ребе и надпись «Вот – Машиах!» Мне это показалось уж слишком, и я высказал свое мнение на этот счет ребу Хаиму Толочинскому, ректору иешивы. Он спокойно ответил, что мне необходимо много учиться, для того, чтобы судить об этом. Я не обиделся и сел за стол. Педагогом моим оказался Шмуэль Соминский, талантливый молодой ребе, которому я бесконечно благодарен за полученные знания, за участие.

В перерыве мы вышли на лестничную клетку, разговорились. Оказалось, что сегодня приезжает из Москвы известный мозель для того, чтобы провести обряд брит мила, недавно родившемуся младенцу, на который собирается почти весь еврейский Петербург.

– А можно и мне заодно сделать брит милу? – спросил я.

Шмуэль закашлялся дымом сигареты, удивленно посмотрел на меня, потом радостно воскликнул:

– Конечно! Вот здорово! В моей практике не было, чтоб в таком возрасте!.. Да мы закажем грандиозный праздник!

Он убежал в класс, затем вернулся и спросил, как зовут мою маму.

– Тамара.

– Так Вы...

– Как бы, и не еврей. Но для этого я и хочу...

– Нет, так сразу нельзя, надо пройти гиюр, – он сник, мне его даже стало жалко.

Мой праздник не состоялся.

На одном из семинаров в институте Штейнзальца в Москве, участие в которых считаю за великую честь, оказанную мне, выделялся весьма колоритный раввин из Одессы по имени Велвл. Весь его облик напоминал карикатуру со страницы какой-нибудь советской газеты, клеймящей сионистов, хотя он был общительным, и даже по-своему обаятельным. Он громкогласно заявлял, что настоящих евреев сейчас нет, они остались только в Одессе, да и то только в его синагоге. На соседней улице евреи уже не те. В Киеве, правда, есть еще горстка, которую можно назвать евреями, но дальше – уже тьма. Про Москву и говорить нечего! Когда ему сказали, что здесь собрались евреи со всего бывшего Союза, он стал подходить к каждому и выяснять, кто откуда, и почему они считают себя евреями. Подошел и ко мне. Когда я пытался объяснить, что Петрозаводск находится севернее Петербурга, он протянул:

– Сеевернее?! – неопределенно, куда-то в сторону махнул рукой и отошел на полуслове.

Надо было начинать Субботнюю службу, и раввины обсуждали, кого первым вызвать к Торе. Традиционно сначала приглашают коhenов, которых, обычно, в зале нет, затем левитов, с которыми тоже проблема,

а затем самого уважаемого из присутствующих, или кого хотя бы отметить. Рав Штейнзальц предложил вызвать американца, который спонсировал этот семинар.

– Американца?! – Велвл замахал руками, и казалось, что их у него очень много, – да это еще хуже, чем Петрозаводск!!!

(Может быть, он не так уж и не прав. Дело в том, что когда в Петрозаводск приезжала моя дочь, жившая в то время в Израиле, где прошла гиюр, она посещала нашу синагогу. После каждого посещения она ругала меня, говорила, что то не так, это не так, и вообще... Затем она уехала в Штаты. Через некоторое время звонит:

– Папочка, извини, все свои слова, сказанные в адрес твоей синагоги, я беру обратно. Да твоя синагога – это Храм! И не Первый или Второй, а уже Третий в сравнении с американскими!..)

Но ситуация разрешилась самым неожиданным образом. Когда дошли до чтения Торы, габай спросил, есть ли здесь коhenы, и по привычке, не останавливаясь, уже хотел спросить о левитах, как раздалось тихое «есть». От неожиданности все вздрогнули и посмотрели в сторону рыжеватого невысокого совсем еще молодого человека, бедно одетого, на которого на семинаре до этого не обращали внимания.

– Вы точно знаете, что происходите из рода коhenов?

– Да. Это – семейная традиция.

Его пригласили к Торе, он прочитал благословение, взял из рук опешившего бааль коре (читающего Тору) указку и стал читать сам. Да как читать! Все раввины сгрудились у бимы.

На кидуше он уже сидел во главе стола, рядом с раввом Штейнзальцем, который сам накладывал ему на тарелку. Концепция Велвля потерпела крах, но он сиял от счастья.

Однажды, перебирая бумаги синагоги, эскизы оборудования синагоги: Арон Кодеша, бимы, книжных и навесных шкафов – все это изготавливалось в Петрозаводске, я с удивлением обратил внимание на один из них. Это эскиз Скрижалей Завета для дверей Арон Кодеша. Дело в том, что все эскизы, перед сдачей в производство должны быть подписаны заказчиком, чтобы исключить в дальнейшем недоразумения в случае неточного выполнения. И вот на эскизе Скрижалей Завета, на которых вырезаны Десять Заповедей, написанных Вс-вышним, да будет Имя Его благословенно, и врученных Моисею на горе Синай, тех Заповедей, которые стали этической основой современной западной цивилизации, которые звучат во всех уголках мира на всех возможных языках, внизу размашисто написано:

ТЕКСТ СОГЛАСОВАН. ЦВИБЕЛЬ.

ЛИДЕРЫ

Борис Клейн

– Борис Яковлевич, в канун пятидесятилетия общества Шалом, первым председателем которого Вы были, хочется поподробнее узнать именно об этом, самом первом периоде, когда общество, собственно, становилось обществом, только-только вставало на ноги. Когда еще непривычно было произносить вслух само слово «еврей», когда стали открыто проводиться еврейские праздники. Как Вы пришли в еврейское движение?

Дело в том, что было объявлено в газете о собрании уже зарегистрированного общества Шалом в Доме актера, на котором будет избираться правление. Я и пришел на него. Всю подготовительную работу, включая регистрацию, проделала инициативная группа, возглавляемая преподавателем консерватории Леонидом Бутиром. Он собрал группу людей,

которые провели учредительное собрание и подписали письмо в Исполком Петрозаводска с просьбой о регистрации общества.

Об этом периоде я не знаю. Но интересно привести полностью сам документ с решением о регистрации:

КАРЕЛЬСКАЯ АССР
ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОРОДСКОЙ СОВЕТ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ
ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ

РЕШЕНИЕ

от 02.04.91 г. № 945
г.Петрозаводск

О регистрации Петрозаводского общества еврейской культуры «Шалом» («Мир»)

Рассмотрев решение учредительного собрания от 22.02.91 г. о создании Петрозаводского общества еврейской культуры «Шалом» и его устав, исполнительный комитет Петрозаводского городского Совета народных депутатов

Р Е Ш И Л :

1. Зарегистрировать Петрозаводское общество еврейской культуры «Шалом».
2. Обязать встать на учет в налоговой инспекции г. Петрозаводска в 10-дневный срок.

Председатель исполкома
Управляющий делами исполкома

С.Л. Катанандов
Е.М. Трубин

И вот 4 июня 1991 года в Доме актера состоялись выборы первого правления общества. Присутствовали 53 человека, некоторых я знал, но с большинством познакомился лишь позже. Сначала решили избрать председателя. Думали, что председателем станет Леонид Бутир, так как это он все и организовал, и, как говорится, «ему и карты в руки», но он уже собрался репатриироваться в Израиль, и пришлось искать ему замену. Проблема заключалась в том, что многие не знали друг друга, предлагали кандидатуры почти наугад. Несколько человек отказались. Мою кандидатуру выдвинул Владимир Хазанович, его поддержал Юрий

Гиммельман, который меня хорошо знал и рекомендовал собранию одобрить. Проголосовали единогласно. Затем было избрано правление: Александр Модылевский, Петр Лешберг, Михаил Зингер, Лия Хорос.

Я, как человек исполнительный, ответственный за порученное дело – недаром прошел хорошую жизненную школу на флоте – с удовольствием взялся за новое дело. 11 июня уже на заседании правления избрали Михаила Зингера заместителем председателя и секретарем, а казначеем – Елену Землянову. Установили вступительный взнос в сумме 12 рублей, годовой взнос – 6 рублей. 8 августа на встрече членов общества дополнительно ввели в правление Семена

Кармазина, Анну Полевою, Галину Резник, Александра Фукса. Тогда же рассмотрели вопрос по сообщению Лики Френкель о возможности контакта с Ленинградской еврейской ассоциацией.

– Как часто вы собирались?

В то время правление собиралось каждую неделю, и на заседания приходили не только его члены, но и активисты, те, кто впоследствии и стали ядром общины: Анатолий и Соня Резник, Борис Ушеренко, Дмитрий Цвибель, Яков Бравый, Борис Ревич с внучкой Леной, Лео Балло, Игорь Хазанов, Александр Кижнерман и многие другие – память, к сожалению, не сохранила всех имен. Очень активен был Герш Пукач, хотя в правление не вошел (он работал директором-распорядителем Музыкального и Русского драматического театров). Горячо дебатировался вопрос о форме членства в обществе: нужны ли списки, членские билеты, даже значки. Большинство склонялось к тому, что люди побоятся списков, и решили обойтись без всего этого.

Мы стали готовиться к проведению первого городского еврейского праздника Рош ha-Шана. Режиссером концерта был Семен Карп. Он выстраивал программу, в которой участвовали, как наши гости – шведский ансамбль «Живая вода», так и местные исполнители, которых оказалось больше, чем требовалось для концерта. Кроме того, принимал участие и клезмерский ансамбль, недавно организованный Борисом Портным, с солистом Пашей Ройтманом. Было много хлопот, так как наших гостей надо было разместить, накормить, свозить в Кизи (тут я воспользовался своей хорошей репутацией и связями и договорился с БОПом). Кроме того, необходимо было договориться с помещением, угощением и множеством проблем, с которыми мы сталкивались впервые. И еще были сомнения, получится ли все это, как отреагируют сами евреи – не побоятся ли прийти на праздник после столь долгого «подполья». А тут еще 20 августа грянул путч!

– Было страшно?

Конечно, ведь никто не знал, куда все это выльется, возможны были любые варианты развития ситуации. На мое имя пришла телеграмма из Москвы от центральной в то время еврейской организации ВААД:

«В связи с создавшейся в стране политической ситуацией в ВААДЕ создана круглосуточная информационная служба для обмена информацией о положении евреев и о текущей обстановке на местах тчк мы надеемся получать от вас детальные сведения о том что происходит в ваших регионах и будем информировать вас о положении дел в центре и других регионах а также о позиции ВААДА по поводу происходящих событий тчк» Прилагался список телефонов, по которым можно было связаться с центром. Также

поступило официальное заявление ВААДА, где, в частности, говорилось: «...ВААД призывает все еврейские организации и общины страны сохранять спокойствие зпт подчиняться в своей деятельности законно избранным властям и представлять на всех уровнях интересы еврейского национального меньшинства. Москва 20 августа 1991 года. Президиум ВААДА».

– И после этого, все же, решили проводить праздник?

Да, хотя многие сомневались, нужно ли это делать. Разделились мнения и в правлении. Уж перед самым проведением праздника мы обратились к министру внутренних дел КАССР Игорю Юнашу, попросив выделить охрану – было беспокойно после августовского мятежа.

И 9 сентября 1991 года (1 тишрея 5752 года от Сотворения мира по еврейскому календарю) праздник состоялся, и это был триумф! Юрий Гольденберг изготовил пригласительные билеты. По всему городу были расклеены афиши прекрасного качества, на мелованной бумаге, отпечатанные в Швеции в неимоверном количестве – 5000 штук! Каждый, пришедший на праздник, получил афишу в подарок на память (у кого-то еще сохранился этот «трофей»), а на оставшихся мы еще несколько лет печатали на оборотной стороне свои афиши очередных праздников. Народу собралось больше, чем мог вместить зал, и некоторые сидели прямо на ступеньках. Об этом празднике много уже писали, и вспоминают до сих пор.

Дальше, как говорится, все «завертелось». Следующий праздник – Симхат Тора, который состоялся 1 октября (ответственные Цвибель Дмитрий, Герш Пукач, Галина Резник, Анна Полевая), 16 ноября – первое занятие детской самодеятельности в школе № 40 (ответственные Галина Резник и Дмитрий Цвибель), 1 декабря – праздник Ханука (ответственные за проведение Герш Пукач и Лео Балло).

Между членами правления распределили обязанности: Зингер М. – контакты с городскими организациями; Модылевский А. – работа с ЦДК и спонсорами; Лешберг П. и Лешберг Е. – хозяйственные вопросы, финансы; Кармазин С. – редакционно-издательская работа; Фукс А. – молодежный сектор; Резник Г. – культурно-массовая работа; Клейн Б. – внешние связи; Полевая А. – секретарь.

Меня пригласили в Санкт-Петербург на учебу в ноябре 1991 на 4 дня. Там я узнал про газету АМИ, и она стала поступать к нам в общину. Стали получать и другую литературу. Впервые ходил в синагогу. Наладил контакт с региональным центром ВААД.

Командировали Галину Резник в Москву на семинар по вопросам репатриации.

– На какие средства осуществлялась деятельность общества?

В то время нас никто не финансировал, все, что мы имели – это частные пожертвования. На праздновании Рош ha-Шана Александр Фурман, который тогда организовал строительный кооператив, вручил мне 5000 рублей, сказав, что он меня хорошо знает, и уверен, что деньги пойдут на дело. Эти деньги и стали основой первого фонда, которым мы могли распоряжаться. Была создана группа «Милосердие», которую возглавил Семен Кармазин. Составили списки нуждающихся, пригласили их, устроили чаепитие и выдали деньги – это была первая благотворительная акция для членов создающейся общины. Фонд стал пополняться добровольными пожертвованиями от Александра Фурмана, Петра Лешберга, Игоря Хазанова, Виктора Потиевского, Хаима Ицкаря, и др. Иосиф Эль помогал продуктами. Когда был объявлен сбор средств на памятник, возводимый в г. Пушкине в память об уничтоженных евреях города фашистами, мы выделили 250 рублей (памятник «Формула скорби» Вадима Сидура). Активно налаживали контакты с другими национальными обществами города: карелов, финнов, вепсов и др. Когда на правлении возник разговор о трудностях организации русского общества, мы решили выделить для регистрации общества 250 рублей. Проходившему тогда Конгрессу карелов мы послали приветствие.

– Какие основные проблемы были у Вас на тот период?

Главной проблемой было отсутствие своего помещения. 25 августа 1991 года мы написали письмо Сергею Катананову с просьбой предоставить обществу помещение, а 26 декабря 1991 года вышло постановление о выделении нам в аренду помещения по адресу Лисициной 30а, площадью 16 кв.м. Мы его сами обустроили: Михаил Коган изготовил мебель (бесплатно, естественно), которая до сих пор используется, Борис Ревич – отчеканил вывеску Шалом. Люди сами предлагали свои услуги по благоустройству нового еврейского дома – это и Фима Полевой, и Анатолий Резник, и Минна Куртиш, и Фаня Цукарева, и Белла Толкоцир, и Софья Новопольцева, и Семен Бекенштейн и многие другие. Кто-то принес шторы, кто-то занавески, появились полки для книг, письменный стол, посуда, стала формироваться библиотека. И 19 января 1992 года состоялось первое заседание правления в новом помещении.

Александр Модылевский

– Александр Львович, когда Вы впервые встретились с еврейским вопросом?

Родители мои из Житомира, я родился в Москве. Закончил Московский инженерно-экономический институт, автотранспортное отделение и меня направили в Карелию. Получив направление в Карелию и ознакомившись с климатическими условиями там, решил лечь в больницу и вырезать гланды, так

С началом постоянной работы офиса (арендную плату за него взял на себя Петр Лешберг), стали приходить новые люди, появились общие интересы, общие дела – так незаметно стала формироваться община. Мы решили, что каждый имеет право выбора: оставаться в России или репатрироваться в Израиль, и относились к этому выбору одинаково уважительно. Олег Луховицкий проводил консультации по репатриации от СОХНУТа и давал уроки иврита, Галина Резник работала от Комитета по репатриации.

Были набраны группы на курсы иврита, рассчитанные на 30 занятий с оплатой в помещении Шалом – 200 рублей, в помещении Пединститута – 250. В офисе были установлены дежурства с 15.00 до 19.00 кроме среды и Субботы. Деятельность общества постоянно освещалась в прессе.

– Почему, все же, Вы решили оставить этот пост?

Круг проблем расширялся, работы становилось все больше, времени на все у меня уже не хватало – я еще работал в БОПе и уходить не собирался (работа председателя не оплачивалась). Я понял, что нужен человек, который бы мог заниматься делами общества на постоянной основе. И 23 февраля 1992 года состоялось общее перевыборное собрание, на котором было избрано новое правление и новый председатель – Александр Модылевский – он только что вышел на пенсию и согласился возглавить общество. В правление вошли: П. Лешберг, А. Фукс, А. Полевая, Г. Резник, А. Деревянский, Е. Землянова, Г. Ицковский, Д. Цвибель.

Я аккуратно передал все дела и продолжал активно участвовать в жизни общества, помогал через свои связи. До сих пор в курсе всех дел общины, часто беседую с членами правлений теперь уже нескольких еврейских организаций, и рад, что все живут дружно, не делят сферы интересов. Слежу за еврейской прессой, у меня подборка всех номеров «Общинного вестника»...

– Дорогой Борис Яковлевич, наша община благодарна Вам за вклад в создание общества Шалом. Поздравляем с пятнадцатилетием общества, желаем здоровья, бодрости, И ДО СТА ДВАДЦАТИ!

как часто болел ангиной. Из окна палаты был видно здание, на котором были высечены непонятные слова на непонятном языке, да еще восклицательный знак стоял «не на месте», с другого конца! Я решил, что надо выяснить, в чем дело. Когда

вышел из больницы, пошел в этот дом на улице Архипова, оказавшийся Большой хоральной синагогой. Это было мое первое посещение синагоги, первая встреча с раввином, который меня тепло встретил, показал помещение, рассказал о синагоге. На этом тогда моя встреча с еврейством и закончилась.

Помню время «дела врачей», когда из трамваев в Москве выкидывали евреев – я сам был свидетелем этого. Мы жили на расстоянии часа езды на трамвае до института, и каждое утро, садясь в трамвай, старался сидеть так, чтобы не был виден мой профиль... Это было тяжелое время. Но мое комсомольское воспитание не позволяло осознать, что происходила направленная антисемитская политика. Хотя эти события оставили определенный осадок.

– Вы приехали в Карелию в 1954 году...

В Карелии меня встретили очень тепло, предложили работу. Я недолго пробыл в Петрозаводске на посту заместителя директора автотранспортного предприятия в Сулажгоре. Затем меня направили в Медвежьегорск (1955), где не было никакого руководства транспортным предприятием. А Медвежьегорск являлся узлом, из которого снабжали несколько районов: Медгора, Заонежье, Паданы, Пяльма, Пудож. Все перевозки осуществлялись нашим предприятием. Надо было все доставить от иголки до хлеба, плюс перевозка людей. И в огромном количестве водки... Вся жизнь этих районов, а там были большие леспромхозы, дававшие огромные количества леса республике, зависели от четкости нашей работы. Поэтому наше предприятие было под постоянным контролем

Однажды ко мне на улице подошел человек с ярко выраженной еврейской внешностью и, картавя, спросил, не хочу ли я познакомиться с евреями Медгоры: – Может вам надо чем-то помочь? Это был Исаак Цысин, парторг железнодорожного узла (его дочь Татьяна Ройтбурд сейчас работает в Хэсэде). Меня привели в дом, где я познакомился с Бендерманом (его сын Лева – был чемпионом Карелии по шахматам), директором Гортопа Самуилом Слуцким и самим Цысиным. Все они были уважаемыми людьми в Медвежьегорске. Мы стали дружить семьями, навещали друг друга. Там, в Медвежьегорске, я встретил на танцах в клубе свою будущую супругу, там мы поженились, и там родилась наша дочь Ольга. Постепенно появились и друзья, с которыми мы дружим и по сей день. Я с радостью вспоминаю это время.

Проработал в Межвежьегорске около трех лет, меня вернули в Петрозаводск, и я стал работать во вновь созданном автотранспортном предприятии заместителем директора, потом был назначен начальником транспортного управления КАССР, в котором работало около восьми тысяч человек, имелось около трех тысяч различных автомобилей, включая автобусы и такси. Управление, учитывая отсутствие развитой железнодорожной сети внутри республики, было главным связующим звеном с отдаленными лесными

поселками. Это была интересная, напряженная работа. Удалось значительно укрепить материальную базу практически всех 28 предприятий. Дальше жизнь «побежала бегом». Мне исполнилось 60 лет.

– И тут ваша жизнь дала крутой поворот...

Да, однажды в 1990 году мой приятель Марк Жак, с которым мы прогуливались по площади Кирова, говорит: «Саша, давай зайдем в Дом актера, там идет какое-то еврейское собрание». Мы зашли. Действительно, человек 20-25, многие из которых оказались мне знакомыми по жизни и работе вели разговор о создании в Петрозаводске еврейского общества. Для меня это было полной неожиданностью. В своей жизни я никогда не думал и не планировал себя в каком-либо национальном движении. Моя жизнь прошла, как и у большинства: пионер, комсомолец, член партии. Интернационализм без примеси каких-нибудь национальных признаков, во мне, так же как и у моей матери, коммунистки с 1921 года, был базой, основой человеческих отношений. Вел собрание преподаватель консерватории Леонид Бутир. Нужны были 10 человек, которые подписали бы письмо на имя мэра Петрозаводска Сергея Катанандова с просьбой о создании общества. И такие нашлись. Было составлено письмо, и надо сказать, удивительно оперативно, на него был получен положительный ответ. Это было распоряжение мэра о создании в Петрозаводске общества еврейской культуры «Шалом», при городском совете. (Это уже потом прошла перерегистрация в Министерстве юстиции.) Состоялось еще одно собрание, на котором обсудили будущий устав и выбрали председателя общества. Первоначально все выступили за кандидатуру Леонида Бутира, как идейного вдохновителя и организатора общества, но он к тому времени уже решил репатриироваться, нужна была другая кандидатура. Выбор пал на Бориса Клейна. Его биография, жизненный опыт, долголительство в Карелии, личные качества на всех произвели впечатление, и единогласно он был избран председателем. Тут же было избрано правление, в которое вошел и я. Работать с Борисом Клейном было одно удовольствие. Он находил темы, у него были мысли, что сделать, как сделать. Это человек, к которому люди «прилипали», он располагал к себе.

Нам была выделена квартира на улице Лисициной, которая и стала первым помещением общества Шалом. Небольшая, но в ней вмещалось до 30 человек. Там проходили заседания правления, зарождалось волонтерское движение, распределялась материальная помощь, проводились беседы. На любое заседание правления приходили не только члены правления, но и все желающие, у которых было что сказать, посоветовать. Так образовался актив общества. И эти собрания, затягивавшиеся иногда до полуночи, стали той базой, на которой рождалась наша община.

За время существования общества в этой квартире нас несколько раз грабили. Мы приходим, а по всему двору разбросаны старинные книги из нашей библиотеки, которые дарились нам уезжающими в Израиль, валяются вещи, дверь выворочена... Все восстанавливали. Чуть позже мы договорились с Домом культуры железнодорожников, и нам выделили помещение, человек на 100, где мы и проводили крупные мероприятия – встречи, собрания, занятия. На одном из собраний (1992), было решено создать новое правление, и мне предложили его возглавить. Так я стал во главе общества. Дело для меня было новое, приходилось многому учиться. Ездил на семинары для еврейских руководителей, читал литературу.

– Наше общество было связано с какими-нибудь другими организациями?

В Питере Александр Френкель (его жена из Петрозаводска), возглавлявший Еврейский общинный центр Санкт-Петербурга вывел меня на Михаила Членова и организацию ВААД России.

Меня пригласили на учредительный съезд ВААДа, который состоялся в Нижнем Новгороде. Это был съезд представителей всех еврейских организаций России. Там я познакомился с Леонидом Колтуном – организатором в Петербурге первого хэсада в России. От северо-запада в правление ВААДа вошли Френкель и я. Так мы начали сотрудничать с ВААДом. Деньги мы получали только на оплату аренды помещения. Все остальное должны были находить у себя дома. И мы находили. Надо сказать слова благодарности Александру Фурману, очень серьезно нам помогавшему, Давиду Ицкарю, Арону Левину, Владиславу Мотину, Петру Лешбергу. К сожалению, в последствии эта традиция не нашла достойного продолжения по многим причинам. На этом этапе нас поддержали и финские благотворительные организации, существенно помогшие пережить то тяжелое в экономическом отношении время.

– Какие тогда задачи стояли перед обществом?

Сразу после создания общества встал вопрос о создании школы. Мы понимали, что необходимо дать людям возможность учиться, узнавать историю своего народа, традицию, культуру, язык. К большому счастью в общине оказались энтузиасты, готовые учиться сами и учить других. Особо необходимо выделить Галину и Анатолия Резников. Галина, работавшая в 40 школе, договорилась с директором Аллой Кашкаровой о возможности там проводить занятия еврейской школы. Но нужно было решить проблему и на официальном уровне. Мы обратились в отдел народного образования к Сергею Свидскому. Дело пошло быстро. Была привлечена Светлана Пасюкова – старейший работник образования Карелии. С их участием мы выступали со своим предложением на нескольких депутатских заседаниях Городского совета и Республики Карелия. Просили права на созда-

ние еврейской воскресной школы. И решение мэрии города о создании еврейской воскресной школы было принято. Была введена должность заместителя директора по национальному воспитанию директора 40 школы, которым стала Галина Резник. Эта должность просуществовала недолго, но на том этапе это оказалось очень важным начинанием – школа получила помещение. Это была первая национальная школа в Карелии. На первых порах в школу приезжали преподаватели из Петербурга, а наши преподаватели ездили на учебу в Питер в ульпан на улице Рылеева. Тогда школу посещали 70-80 учеников, взрослых и детей. Это было время большого энтузиазма, пробуждения еврейского самосознания.

Мне хочется напомнить, что в то время одной из первых задач мы ставили знакомство людей друг с другом. Когда собирались вместе, возникали разговоры о своих родственниках, своих корнях. Кто-то вспоминал, как бабушка готовила субботнюю халу, кто-то вспоминал мамину гефилте-фиш, кто-то когда-то был в синагоге на празднике, кто-то помнил праздник Песах, проводимый в семье... Так формировался круг людей, объединенных общими воспоминаниями, общей историей, общей судьбой, общими корнями – формировалась община.

Помню один праздник, который мы проводили в зале Дома творчества детей и юношества, когда зал на 500 мест был переполнен, сидели даже на ступенях, и пожарник подошел ко мне, требуя прекратить концерт из-за пожарной опасности. С трудом удалось договориться.

– Какие дела или события в жизни Шалома Вы выделили ли бы особо?

Важное событие произошло в 1994 году. Мы обратились к Сергею Катананову, бывшему тогда мэром Петрозаводска, с просьбой о передаче обществу старого еврейского кладбища – единственного материального свидетельства проживания в Петрозаводске евреев с середины XIX века. И хотя по существующему законодательству о сроке давности со дня последнего захоронения кладбище могло быть уничтожено, Сергей Катананов подписал постановление № 3254 от декабря 1994 года о передаче нам кладбища «для благоустройства и содержания».

Для организации социальных программ и информационной связи внутри общины нужна была большая группа волонтеров, и нам удалось их собрать. Люди предлагали свои услуги совершенно бескорыстно, с удовольствием. Возглавила этот неспокойный коллектив Софья Новопольцева. Она внесла неоценимый вклад в становление института волонтеров в нашей общине. Хорошо зная еврейское население города, сама подбирала людей, знала, кому что можно поручить, с кем нужно связаться. Работая, как говорится «не покладая рук», она своим примером заражала других, и люди втягивались

в общинную работу, это стало престижным, фраза «все евреи ответственны друг за друга» воплощалась в дела, обретала плоть. Самые большие активисты – Фаня Цукарева, Белла Толкоцир, Мина Куртиш, Сима Чернякова, Белла Трейстер, Нина Карамышева, Ирина Каплан, Грета Логинская, Раиса Шапиро и многие другие.

В правление Шалом входил Юрий Рыбак. Он организовал медицинскую волонтерскую службу: собрал вокруг себя группу врачей-специалистов, которые консультировали, помогали устроить людей в больницы, вели просветительскую работу.

Впоследствии они составили основу медицинской программы Хэсэда: Лев Юровицкий, Яков Рутгайзер, Савелий Хенкин, Гай и Юрий Иоффе, Адольф Островский, Надежда Татарко – целое созвездие врачей, которому может позавидовать любой город России.

Волонтерский состав, созданный в обществе Шалом, стал основой Хэсэда.

До создания Хэсэда мы сами ездили в Питер на склад, привозили до 500 посылок, раздавали нуждающимся; ездили за мацой к Песаху – все это своими силами, нанимая машину или прося помощи у кого-нибудь. Нужно вспомнить и поблагодарить Леонида Ратнера, неоднократно на своей машине ездившего в Питер. Привозили в большом количестве еврейскую литературу, которая пользовалась огромным спросом. Книжки в библиотеке читались, газеты и журналы не успевали раскладывать на столы. Жаль, что эту тягу к познанию своих истоков мы где-то растеряли.

Создание Хэсэда было очень важным делом для нас. Я, члены правления и волонтеры выезжали на Шпалерную в петербургский Хэсэд на учебу, мы посылали людей перед праздниками на семинары, где проводилась подготовка ведущих этих праздников. Это была заманчивая идея – организация Хэсэда в

Петрозаводске, и правление думало, как ее осуществить. Нужно было найти помещение, нужны были люди, способные это дело «потянуть». Состоялся разговор с министром культуры Карелии, которая разрешила нам временно обустроить часть помещения Краеведческого музея, ждущего капитального ремонта. И здесь я бы хотел сказать то, что мало кто знает: первым директором Хэсэда был Дмитрий Цвибель. Именно он следил за ремонтом помещения и приведением его в надлежащий вид; собирал учредителей, готовил и регистрировал Устав; решал все вопросы, связываясь с головным хэсэдом и руководством ДЖОЙНТА в Питере; а потом активно занимался поиском замены себе (Дмитрий, кстати, уже более 10 лет является моим заместителем).

Большое содействие нашей общине оказывают Республиканский комитет по национальной политике и Центр национальных культур. Доброго слова заслуживают за понимание и реальную помощь Татьяна Клеерова, Виктор Бирин, Лана Мигунова, Евгений Шорохов и все сотрудникам комитета и центра.

В своей работе мы постоянно чувствовали моральную поддержку всех 24 национальных диаспор Республики.

– Сейчас еврейская жизнь города – это и общество Шалом, и Национально-культурная автономия (которую возглавляете также Вы), и Хэсэд Агамим, и Религиозная община, и Воскресная школа ЙОМ РИШОН, и Филиал Израильского культурно-го центра...

Да, все живое должно развиваться, иначе оно погибает. Значит та работа, которую мы делали на заре возрождения еврейской жизни в Петрозаводске, не была пустой. И сейчас, по прошествии 15 лет, можно сказать, что ростки, посаженные тогда заботливыми руками, дали свои добрые всходы.

Михаил Бравый

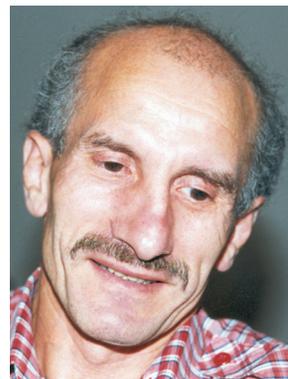
– Миша, когда Вы узнали, что Вы – еврей?

– С детства я слышал идиш, на котором разговаривали мои родители, особенно тогда, когда хотели скрыть что-то от детей. Как и большинство еврейских подростков в Советском Союзе того времени, я прочитал Шолом-Алейхема, Менделе Мойхер-Сфорима, Бабея, Фейхтвангера и т.п., ходил с родителями на концерты Анны Гузик, Михаила Александровича, Нехамы Лифшицайте и других еврейских исполнителей. Так что кто я по национальности, знал с детства.

– Ваше непосредственное участие в еврейской жизни...

...началось, когда приехал преподаватель иврита из Чечни Андрей Александров. Тогда это вызвало некоторый ажиотаж – впервые появилась возможность учить язык, на котором написана Тора, и который был

запрещен в Советском Союзе! (Энтузиастов, осмелившихся изучать иврит в Москве, Ленинграде, всего за несколько лет до этого сажали в тюрьмы и психушки.) Собирались в пединституте (это еще до образования общества Шалом). Уже после стали приезжать преподаватели из Питера, жили здесь, и занимались с нами три раза в неделю по четыре часа. Тогда же, в 1991 году я ездил в Ленинград на общесоюзный съезд общества Маккаби, где было выбрано руководство этой организации.

– Ваш отец, Яков Наумович, готовил Устав организывывавшегося тогда общества еврейской культуры Шалом.

– Да, инициатором создания общества был Леонид Бутир, музыковед из консерватории. Другой активист – Михаил Зингер, и у них были разногласия по поводу того, на что должно быть ориентировано общество: Бутир считал – на Израиль, Зингер – на создание традиционной общины диаспоры. Я участвовал в собрании, происходившем в Доме актера, когда было принято решение о создании общества, и был избран председателем Борис Клейн. (Леонид Бутир уже готовился к отъезду в Израиль, и свою кандидатуру отклонил.)

Еще до открытия воскресной школы, которую организовала Галина Резник в 1992 году, она собрала детей в музыкальный кружок в ДК железнодорожников, куда я привел свою дочь Милу. Эти дети и их родители чуть позже и составили основу воскресной школы. Там мы все и познакомились: Зайденберги, Рыбаки, Рабиновичи, Цвибели, Ратнеры...

– Общество Шалом активно работало, и в Питере, курировавшем Северо-запад, было принято решение об открытии в Петрозаводске Хэсэда. Когда помещение для него было найдено и подготовлено к работе, встал вопрос о директоре. Нами было предложено человек 12 – 15 кандидатур на этот пост, но все были отклонены организаторами системы Хэсэдов. Открытие Хэсэда затягивалось.

– 8 ноября 1997 года меня пригласили в Питер. Встречала Лариса Звягина – главный волонтер петербургского Хэсэда, первого в СНГ. Мы пешком прошли до Шпалерной 52, где тогда располагался Хэсэд Авраам, и по пути Лариса вводила меня в курс дела. Затем, уже в Хэсэде, все показала, дотошно объясняя каждую мелочь, и лишь после этого мы прошли на Моховую в «штаб», где нас ждали: Изя Сабаг – «отец Хэсэдов СНГ» (Изя после службы в Армии обороны Израиля был послан на Украину как волонтер. Там он ярко заявил о себе, у него оказались недюжинные способности, и он стал организатором движения Хэсэдов по всему бывшему СССР.), Арон Вайс – директор отделения ДЖОЙНТа в Санкт-Петербурге и Рита Гутина – координатор социальных программ. Побеседовали. «Что Вам понравилось в нашем Хэсэде?» «В Вашем Хэсэде мне понравился волонтер Лариса!» Этого оказалось достаточно.

– Миша, расскажите, пожалуйста, кратко об идее движения Хэсэдов в России.

– Идея Хэсэдов – во-первых, восстановление еврейского самосознания; во-вторых, оказание продовольственной помощи, так как в то время была очень тяжелая экономическая обстановка. При мировом стандарте уровня нищеты в то время – три доллара

в день, в России получали пенсии около 1 доллара. Мы тогда реально помогали людям выживать (сейчас ситуация совершенно иная). Хэсэды создавались, как профессиональные организации, вокруг которой могли сформироваться общины. Поэтому и синагогу мы взяли под свою крышу. Но, конечно, важно было собрать жизнеспособный коллектив сотрудников и волонтеров, способных осуществлять программы и быть активом общины.

– Как прошло открытие Хэсэда?

– После разговора в Петербурге, необходимо было дооформить официальные юридические документы по регистрации, провести собрание, на котором был избран председатель правления Юрий Рыбак и директор, то есть я. Хэсэд получил свое название – Хэсэд Агамим: что-то вроде благотворительности на озерах, или озерное милосердие – точно перевести с иврита невозможно.

За несколько дней до открытия приехала Лариса Звягина помогать в обустройстве нашего «дома» – приобретении мебели, штор, светильников, посуды, пианино, и т.п., наведения окончательного «марафета». Дня за два появился Изя для подбора сотрудников (были приготовлены по три кандидатуры на каждое место).

И 27 января 1998 года Хэсэд Агамим был официально открыт! В торжественной обстановке прибили мезузу к косяку входной двери, состоялся праздничный концерт с участием главного кантора Санкт-Петербургской синагоги Боруха Финкельштейна (аккомпанировал Дмитрий Цвибель) и наших исполнителей.

Затем началась работа... Главной заботой стал подбор волонтеров. Ядром коллектива стали те волонтеры, которые уже работали под эгидой общества Шалом (там возглавляла социальную работу Софья Абрамовна Новопольцева, которая, к сожалению, к моменту открытия Хэсэда была уже тяжело больна). Возглавила этот беспокойный коллектив, который расширился до 60–70 человек, Грета Логинская, преподаватель архитектурно-строительного техникума (она же создала и эмблему нашего Хэсэда). Ида Вол занималась материальной помощью нуждающимся.

Но сердцем Хэсэда, тем, что называется идиш-кайтом, без чего нет никакой подлинно еврейской организации, стал клуб, который возглавила Ася Новицкая. Она сумела создать атмосферу еврейского теплого дома, куда заходили просто так, не получить что-то, а пообщаться, взять литературу, узнать об обычаях и традициях. Это было время бурного пробуждения еврейского самосознания, радости возвращения к своим истокам. В клубе работало много кружков, читались лекции, шла подготовка к Шаббатам и праздникам.

Другая важная задача – создание базы данных. Списки, существовавшие до этого, не отвечали новым требованиям. Были пересмотрены и составлены заново все списки, причем с каждым подопечным я встречался лично, и в разговоре выяснялось, в чем действительно есть необходимость помогать. Первая база была на 300 человек, к 2003 году было уже 1200, из них около 700 – пенсионеры и инвалиды. Мы расширили ареал своей деятельности на всю Карелию. В 19 населенных пунктах нашли нуждающиеся семьи, пожилых людей, неполные семьи.

Между волонтерами-кураторами были распределены подопечные. Каждый волонтер имел от 15 до 25 «своих» подопечных, с которыми познакомился лично, знал их нужды и держал с ними постоянную связь. Именно через волонтеров мы знали о состоянии своих подопечных и планировали работу, исходя из этих сведений. Это помогало составлять реально необходимые программы и план работы. Так осуществлялась живая прямая и обратная связь между Хэсэдом и подопечными.

– Миша, я помню, что тогда существовала система учебы для работников хэсэдов.

– Да, я прошел годичный курс директоров благотворительных центров при Институте общинных социальных работников им. В. Розенвальда и Бар-Иланского университете и написал диплом «Индивидуализация благотворительной помощи в Хэсэде». Также прошел программу Банчер – две сессии в России, третья – в Израиле и две сессии опять в России.

Когда организовался Союз Хэсэдов России «Идуд Хасадам», меня избрали председателем ревизионной комиссии. Эта организация, кроме прочего, выдавала Хэсэдам сертификат, подтверждающий их соответствие, установленным стандартам.

– Какие программы Вы считаете своими, «фирменными»?

– Конечно, это медицинские программы. Эти программы не были предусмотрены в системе Хэсэдов. Но, поскольку председателем Хэсэда был молодой энергичный врач Юрий Рыбак, который с самого начала возрождения еврейского движения был его активным участником, он сумел еще до возникновения Хэсэда начать работу с группой врачей, консультировавших нуждающихся. А с возникновением Хэсэда это направление стало развиваться и привело к официальной организации медицинской службы и открытию медицинского кабинета. Большую помощь оказал в этом и Юрий Иоффе. После отъезда Юрия Рыбака за границу, правление Хэсэда и координацию медицинских программ возглавил профессор Марк Буркин. Тут необходимо особо отметить огромную заслугу нашей синагоги, через которую осуществляется связь с нашими друзьями из Тюбингена – об-

щиной Дитрих-Бонхоффер, с помощью которой был оборудован медицинский кабинет, приобретены физиотерапевтические приборы. Образовался целый коллектив врачей-волонтеров, безвозмездно консультирующих как в кабинете Хэсэда, так и на своих рабочих местах. Удалось добиться и должности в штатном расписании координатора медицинских программ, которым стала врач-физиотерапевт Тамара Александровская. Наше начинание было одобрено, и теперь во многих Хэсэдах появилась медицинская программа.

Программа «Дневной центр». Она предназначена для подопечных, которые ограничены в возможностях передвижения и общения с другими людьми. Я ей загорелся, когда был в Израиле в составе делегации еврейских благотворительных организаций, и нам устроили встречу в Петах-Тикве с посетителями дневного центра. В этот центр из разных мест привозят подопечных, некоторых из них на инвалидных колясках, и они там проводят целый день. С ними занимаются, развлекают, дают задания, и они чувствуют себя комфортно.

Мы обратились в ДЖОЙНТ, чтобы и у нас организовать нечто подобное. Мы получили добро, если сможем сами найти необходимые средства. Опять пригодилась связь синагоги с немецкими друзьями. С их помощью для дневного центра мы приобрели холодильник, ковры, мебель, СВЧ-печь. Своими силами переоборудовали складское помещение, оснастили всем необходимым, и эта программа оказалась самой «живучей», востребованной и действительно необходимой.

Руководителем этой программы стала Валентина Бравая. Она смогла подобрать людей в группы, которым уютно вместе, где никто никого не раздражает. Пришло это не сразу, но постепенно были сформированы такие группы. С ними ведутся беседы, устраиваются встречи с известными людьми города, артистами, они посещают выставки – в общем, делают то, что сами не в состоянии были бы сделать. И жизнь для них стала более полноценной. Они готовятся к каждой такой встрече, ждут этого дня, даже болеть стали реже. Здесь идет и возвращение к своим еврейским истокам, так как большинство прожили свою жизнь вне еврейских традиций и ценностей. Для участников этой программы она просто необходима: ведь если актуальность продовольственной помощи сейчас не стоит так остро, как вначале деятельности Хэсэда, то проблема общения не стала меньше.

Программа «Мазл тов!» Создана для привлечения молодых родителей и детей к еврейской жизни. Частично это и удалось сделать. И еще – это резерв для воскресной школы. Через эту программу прошли более 120 детей. Уже под эту программу была разработана в нашей общине программа «НИЦАНИМ» – обеспечение детей от 3 месяцев до 7 лет детским питанием

и соками. Эта идея принадлежала председателю религиозной общины, а расчеты норм, необходимых ребенку витаминов в условиях севера, произвели супруги Мельниковы – участники программы «Мазл тов!» Средства на программу предоставляют наши спонсоры – супруги Ронни и Элвин Коренблум и община Темпл Иудеа из Флориды (опять же, через синагогу).

– Что еще можно назвать достижением Хэсэда?

– Танцевальный ансамбль «АВИВ»! Наташа Кузьменко организовала три группы ансамбля: для бабушек, для среднего возраста, для молодежи. Потом все перемешались и теперь – это танцевальный ансамбль «АВИВ», успешно выступающий не только в Петрозаводске, но и на гастролях в других городах, достойно представляя нашу общину.

Ежегодно устраивали семинары для волонтеров на 60 – 70 человек. Для этого арендовался санаторий «Белые ключи» на 2 два дня. Читать лекции и проводить занятия приезжали ведущие специалисты из Питера и Москвы. Занятия совмещались с культурной программой, на которую приглашалась вся община.

Мы открыли филиал нашего Хэсэда в Костомукше, что дало толчок для развития еврейской жизни в этом городе.

Мы помогли организовать Архангельский Хэсэд Ахим. К нам приехал будущий директор для ознакомления с нашей работой. Потом я поехал в Архангельск, и мы вместе сформировали правление, подобрали председателя, нашли помещение, уточнили базу данных подопечных.

Наш Хэсэд был признан лучшим среди Хэсэдов Северо-запада России, да и на общероссийском уровне он был известен. На базе нашего Хэсэда был проведен семинар директоров и бухгалтеров Хэсэдов Северо-запада.

– И все же Вы ушли...

– Наши отношения с руководством ДЖОЙНТа строились на партнерской основе, были уважительными, без лишнего давления, не навязывалось ничего. Амос Авгар, Изя Сабаг, Рита Гутина, Леня Колтон

Валентина Бравая

– Валя, как Вы вошли в еврейскую жизнь?

Давно это было, тому тридцать лет и три года назад. А серьезно – «еврейская доминанта» стала определять судьбу нашей семьи после концерта на Рош-а-Шана 1992 года. Рита Эпштейн сидела тогда в фойе Финского театра и записывала желающих в открывающуюся еврейскую воскресную школу. Фамилия Бравых стала одной из первых в этом списке. По воскресеньям учили иврит с Анатолием Резником и Ольгой Гуревич, слушали потрясающие лекции по еврейской истории Михаила Гольденберга. Были

– те, с которых начиналось движение хэсэдов – люди творческие, немного романтики.

Но, как сказал поэт: «Придут другие времена, взойдут другие имена...» Поменялось время, поменялось центральное руководство, поменялся стиль работы. Как мне кажется, стал исчезать человеческий фактор в работе – «из центра виднее, что делать, кому и что давать», перестало учитываться мнение на местах... Просто наступил момент, когда для меня лучше было уйти. Я сам предложил кандидатуру нового директора – Дмитрия Генделева, и он успешно работает. Хэсэд живет – и это самое главное. Сейчас я занимаюсь творческой инженерной работой, параллельно веду тренировки по рукопашному бою для сотрудников охранного предприятия (у меня более двадцати лет тренерского стажа по борьбе самбо). А моя жена Валентина продолжает успешно работать в Хэсэде, в своем любимом Дневном центре.

– Ваша дочь в Израиле. Как это решилось?

– Мила с 7 лет ходила в еврейскую воскресную школу, участвовала в танцевальном коллективе, ездила в «сохнутовские» лагеря. В 14 лет прошла тест на программу НААЛЕ и решила учиться в Израиле. Валя плакала каждый день, ведь для мамы дочь – солнышко в окошке.

Теперь Мила окончила школу, отслужила армию, поступила в технологический колледж в Иерусалиме на специальность, которую и хотела изучать – оптометрия. Этот колледж дает академическую степень бакалавра. Учиться трудно. Лекции на иврите, учебники на английском... Прошла курсы гиюра.

– Пожелаем ей удачи! Это очень серьезный шаг в жизни, и родители могут гордиться такой дочерью!

А Ваш вклад в дело возрождения еврейкой жизни в Петрозаводске, становления и развития Хэсэда Агамим достаточен для того, чтобы быть вписанным в историю еврейской общины Петрозаводска и Карелии.

– Спасибо.

единицы, почти все уехали в другие края. Но я думаю, совсем не случайно именно из тех первых учеников Дмитрий Цвибель, Юрий Рыбак и Михаил Бравый стали организаторами Хэсэда Агамим.

– Как Вы стали волонтером Хэсэда?

Подошла ко мне Фаня Цукарева и сказала: «Вы должны быть волонтером!» Что мне оставалось делать?

Хорошо помню первые дни существования Хэсэда. Приехала Лариса Звягина из

С.-Петербурга подготовить официальное открытие. Ходили с ней покупать скатерти, занавески на окна, посуду для шабатов, ведра, швабры. Первые списки подопечных составляла на домашнем компьютере. Само собой получилось, что стала волонтером. Это было время удивительного энтузиазма, какого-то необычного эмоционального подъема.

В Хэсэде первое время было всего два штатных сотрудника, поэтому волонтеры и столы накрывали, и полы мыли, и подопечных обзванивали. Тогда многие приходили в Хэсэд с желанием что-то сделать полезное. С приходом в клуб Аси Новицкой жизнь закипела: в шабатах по пятницам участвовало по 30-40 человек. Возникли кружки по интересам: иврит, английский, группа здоровья, танцевальный. Везде ходила и до сих пор учу иврит и занимаюсь в группе здоровья. Прежде я никогда не занималась в художественной самодеятельности, но тут... На какой-то праздник Наталья Кузьменко вытащила нас на сцену танцевать. Наверное, это было смешно: дамы почтенного возраста в белых нарядах а-ля «белые лебеди». Но когда мы исполняли позднее «Киевский трамвай», «Бабушки-старушки», «Веселые музыканты», нас зывали на «бис». Но это уже история ансамбля Авив.

– Как появилась программа Дневной центр?

Осенью 2000 г. куратор Джойнта Рита Гутина предложила организовать в нашем Хэсэде дневной центр для одиноких людей старше 70 лет. Успешный опыт работы таких центров имелся в Израиле и С.-Петербурге. Мою кандидатуру предложила сама Рита Гутина, и Джойнт поддержал. Мы переоборудовали бывшее складское помещение в уютную гостиную, приобрели мебель, посуду, холодильник, микроволновку. Необходимо сказать слова благодарности общине Дитрих-Бонхофер из Тюбингена, предоставившей на эти цели существенные средства. Затем подобрала две группы подопечных, благо познакомилась со многими людьми в ходе волонтерской деятельности. И вот настал день, когда директор Хэсэда Михаил Бравый прибил мезузу на косяк двери, и первые подопечные торжественно вошли в помещение Дневного центра.

Преклонный возраст резко сужает круг общения, что особенно угнетает социально активных в недавнем прошлом людей. Посещение Дневного центра становится, по сути, средством психотерапевтической помощи пожилым одиноким людям.

У меня на тот момент уехала в Израиль по программе НААЛЕ дочка. Она мечтала об этом с восьми лет, поэтому мы с мужем не могли ее не отпустить. По злой иронии, именно в день отлета начался очередной виток интифады. Я места себе не находила от тоски и тревоги за Милу. Работа в Дневном центре стала моим спасением. И мои бабулечки поняли, что мы на равных, мне так же нужна их поддержка, как им – моя. Я думаю, что на волне сочувствия и сопереживания возникла та дружественная атмосфера в группах, которая стала залогом успеха программы.

В профессиональном плане мне много дала учеба на курсах руководителей Дневных центров хэсэдов СНГ и участие в международной конференции в Минске. Так что я дипломированный специалист в этой области социальной работы (от скромности не умру, да?).

– Как подбираются люди?

Дневной центр – живой организм, за шесть лет его существования состав групп много раз изменялся. Как правило, новые подопечные приходят посмотреть, приглядеться – и остаются на годы. Наши условия не позволяют делать группы более чем из 10 человек, зато в маленькой группе быстрее создается атмосфера разумного оптимизма, которой люди заряжаются на неделю, до следующего посещения. В каждой группе определяются свои лидеры, юмористы, кто-то любит поэзию, кто-то музыку. Так формируется коллектив, в котором каждый находит свое место, свою роль, где один дополняет другого и всем вместе хорошо. Как в мозаичном панно – каждый камушек на своем месте. Для меня, как руководителя, важно определить индивидуальность человека и помочь ему влиться в коллектив. Девизом нашего центра стали слова из песни Булата Окуджавы «Давайте восклицать, друг другом восхищаться...»

– Несколько слов, пожалуйста, о некоторых Ваших подопечных.

Несколько слов? Да я могу рассказывать часами, ведь каждый из них – личность, про каждого можно написать книгу.

Уже несколько лет Наталья Яковлевна Липнина проводит с подопечными центра «гимнастику на стульях», поэтому они с гордостью могут считать себя ученицами Заслуженного тренера России по художественной гимнастике! Татьяна Прушинская может сыграть на пианино любую мелодию по слуху, поэтому у нас так любят петь. Евгения Прушинская – наш художник-оформитель, пишет поздравления в стихах к дням рождения, у нас уже их целый альбом. Инесса Яковлевна Шахнович – героический человек, из-за тяжелой травмы в течение года не могла посещать центр и упорно тренировалась ходить по лестнице, чтобы вернуться к нам. Минна Файтелевна Куртиш обладает обширными знаниями в разных

областях. Римма Федоровна Краснова – знаток музыки. Софья Абрамовна Вацаева много читает, держит группу в курсе всех книжных новинок. Эсфирь Вульфова Шицель – кладезь анекдотов, душа общества и вообще «прикольная». Элеонора Николаевна Броверман – одесситка, и этим все сказано. Феня Рувимовна Староконь – кулинарка, всегда приносит разные вкусности. Нина Израилевна Кузнецова уже шесть лет в любую погоду приезжает к нам из пригорода. Если перечислять всех, кто бывает в Дневной центр, не хватит места в газете. Замечательные люди, общение с ними дает мне очень много.

– Вы вели еще программу Мазл Тов...

Да, это тоже было предложение Риты Гутиной устроить программу для детей в рамках Хэсэда. Предполагалось, что будет десятка два детей, но уже через год число их перевалило за сотню (с учетом детей в районах Карелии)! Программа включала в себя культурно-образовательные занятия, подготовку и проведение праздников, медицинские консультации для детей и будущих мам, подарки новорожденным, выдача колясок и пр. Важной составляющей помощи детям стала программа «Ницаним», разработанная в нашей общине, включающая в себя обеспечение детским питанием и соками. Финансирование этой программы взяли на себя супруги Ронни и Элвин Коренблюм и община Темпл Иудеа из Флориды. По тропинке, проложенной бабушками и дедушками, молодые родители повели своих детей в Хэсэд. Нужно было сделать так, чтобы родителям, приводящим детей, тоже было интересно в программе. Так родился пуримшпиль, сыгранный родителями на общинном празднике.

Чтобы каждый ребенок запомнил день, проведенный в Хэсэде, мы всегда делали какие-нибудь поделки, рисовали и, придя домой, он мог показать сделанное своими руками. Это напоминало ребенку, что его ждут здесь снова. Ведь программа зависит от того, придут дети или нет. Если приходят, да еще приво-

дят своих знакомых – значит все в порядке. Родители активно помогали своим детям, участвовали в подготовке праздников, получая от этого удовольствие.

Многие родители, бабушки и дедушки сами стали участниками и волонтерами программы. Евгения Морозова вела музыкальные занятия с малышами, Шлема Вовчик учил детей играть в шахматы, Людмила Новополецева занималась с ними лепкой, Наталья Одлис оказывала психологическую помощь будущим первоклассникам. А как веселилась детвора на праздниках с замечательным артистом Стасом Бершадским! На встречах в «еврейской кухне» бабушки готовили всякие вкусности, а внуки их с удовольствием поглощали. Дети занимались ивритом, английским языком, компьютером. Детский танцевальный ансамбль «Дрейдл» (руководитель Наталья Кузьменко) не раз принимал участие в концертах на общинных праздниках. Для совсем маленьких крох устраивали встречи на ковре с кучей игрушек. На праздники ставили сценки, в которых участвовали многие дети: пусть малыш изобразит дерево или волну, несущую корзинку с Моисеем – ребенок будет горд, и мама рада.

Программа позволяла вовлечь в орбиту еврейской жизни людей разных поколений. Считаю, что в общину люди должны приходить не за посылками, а за общением, знаниями о культуре, истории и языке своего народа. Без этого просто нет смысла в еврейской организации.

Потом сложилось так, что я ушла из этой программы, оставив для себя только Дневной центр. Хотя в обеих программах начинала «с нуля», обе были мне дороги, но работать одновременно с подопечными в возрастном диапазоне от младенчества до 99 лет было непросто.

– Валя, Вы в еврейском движении с момента возрождения еврейской жизни в Петрозаводске и в Хэсэд пришли уже с приличным «багажом». Не жалеете?

О чем жалеть? Мне нравится работать с людьми, и, кажется, у меня это получается. В общем, בסדר הכול!

Наталья Кузьменко

Первый естественный вопрос: Как Вы пришли к еврейскому танцу?

– Было это в 1993 году. Мой любимый концертмейстер Эмма Глейзель, с которой я работала, сказала, что в недавно организованную еврейскую воскресную школу ищут хореографа. Что такое «еврейские танцы» я, конечно, тогда не знала, но мне было интересно попробовать себя в новой для меня области. Директор школы Галина Резник пригласила меня к себе домой и предложила заниматься с детьми – это было в феврале. Тут же показала несколько еврейских танцев, записанных на видеокассету, которую прислали из посольства государства Израиль, ку-

рирующего тогда школу. (Видеомагнитофон подарил школе Элвин Коренблюм, незадолго до этого посетивший Петрозаводск в качестве туриста. С тех пор Элвин поддерживает связь с нашей общиной и продолжает помогать нам.) Я заинтересовалась, а когда супруг Галины Анатолий Резник рассказал об Элизере Бен-Иегуде и историю возрожде-

ния языка иврит, я была просто потрясена, и вопрос «быть или не быть» отпал сам собой – я пришла в школу. Музыка для танцев у нас тогда не было, и мы переписывали ее прямо с видеокассеты. На занятиях с детьми я фантазировала, вспоминая, что видела на кассетах, но нужна была какая-нибудь специальная подготовка, и меня от школы направили на семинар израильского танца, проводившимся под Москвой Израильским фондом культуры и просвещения в диаспоре. Перед моим отъездом на семинар Галина Резник сказала: «Если кто-то будет тебя спрашивать, какое ты имеешь отношение к еврейству, говори, что у тебя дедушка еврей» (а у меня мама – финка, папа – белорус). Мне стало как-то неуютно и даже немного страшновато. Но атмосфера на семинаре была такой дружелюбной, творческой, что все мои опасения оказались напрасными – и я окунулась в еврейскую историю, традицию, почувствовала себя там «своей». Этот семинар дал мне много, заложил основу моим знаниям о еврействе и непосредственно, о еврейской танцевальной традиции. Кроме того, нас снабдили кассетами с музыкой и видеозаписями еврейских танцев различных стилей.

К концу учебного года школу посетила финская делегация, и они предложили подготовить программу для поездки в Финляндию. Я начала работу над программой, а для занятия с детьми вокалом был приглашен Юрий Клаз. Так появился первый детский еврейский ансамбль при воскресной школе. Я выстроила сюжет, основанный на субботнем ритуале с зажжением свечей, халами и прочей атрибутикой. В Финляндии, куда мы ездили три раза, нас принимали восторженно! Среди первых участников ансамбля были Христина Соловей, Алиса Рыбак, Андрей Цвибель, Илья Зайденберг, Мила Бравая, Заля Эстрин, Юлия Березина, Инна Фрадкова, Даша Солодовниченко, Лева и Вероника Клаз, Саша Александровский, Кирилл Осипов... Чуть позже часть детей не смогла ходить в воскресную школу, ходили только танцевать, а затем, с прекращением поездок, ансамбль постепенно «растворился». У меня тоже поменялись обстоятельства, и я отошла от занятий еврейскими танцами. Но...

Через некоторое время я узнала, что в помещении хоровой школы будет праздноваться Пурим. Я пошла на праздник. Был концерт Боруха Финкельштейна, кантора Большой хоральной синагоги Санкт-Петербурга. У меня в душе все всколыхнулось! А когда в антракте ко мне подошла Ася Новицкая, работавшая руководителем клуба в организованном недавно Хэсэде Агамим, и предложила поработать с пожилыми людьми, я поняла, чего мне не хватало все это время, и с радостью принялась за дело. Образовалась группа немолодых по паспорту, но молодых по духу людей, которые с удивительным энтузиазмом, словно изголовавшиеся по движению, приходили на занятия, и скоро мы начали выступать. Но первое «официальное» выступление уже как ансамбля «Авив» («Весна») состоялось на праздновании первой годовщины фонда Хэсэд Агамим. Там с громким успехом исполнили

«Киевский трамвай», продержавшийся долгое время в нашем репертуаре. С тех пор в этом «трамвае» «покатались» многие исполнители. В дальнейшем появились и другие «шлягеры»: «Школа танцев», «Бабушки-старушки», «Еврейский портной» с колоритным Гришей Фактором и другие.

– Наталья, а как в ансамбль влилась молодежь?

– Режиссер Светлана Генкина готовила к очередному празднику Пуримшпиль, ей нужны были подтанцовки, и пришла молодежь. Сначала думали, что только для праздника, затем втянулись и не захотели бросать. Так образовались две группы, и постепенно ансамбль стал «молодеть». Приходили мамы с детьми, и естественным образом «отпочковался» и детский коллектив, получивший название «Дрейдл» («Волчок»).

– Что, по-Вашему, дают еврейские танцы участникам ансамбля?

– Для некоторых – это дверь в еврейский мир, тот начальный толчок, после которого они уже не мыслят себя вне еврейского движения. Например, Саша Александровский стал преподавателем иврита, Даня Харин – офицер ЦАХАЛа, Маша Ицковская – лидер молодежного клуба. А из первого «призыва»: Лева, Алиса, Вероника сейчас живут в Канаде; Илья – в США; Заля, Андрей, Мила – в Израиле.

– Ансамбль ездил на гастроли?

– Да. Сначала (в 2001 году) мы поехали на Первый всероссийский фестиваль еврейской культуры им. Ю. Плинера в Казань. Нас туда пригласил Леонид Сонц – основатель и руководитель известного клезмерского ансамбля «Симха», дважды гастролировавшего в нашем городе, возглавлявший жюри этого престижного фестиваля. После нашего выступления он сказал, что у нас есть тот «идишкайт», без которого нет клезмерского искусства. Для меня это было высшей похвалой! Я считаю, что без души вообще нет никакого искусства, а есть только ремесло, хотя оно может быть и очень профессиональным. Ездили мы и на следующий фестиваль в Казань, но, увы, уже фестиваль памяти Леонида Сонца. Очень жаль, что музыкант большого таланта, полный сил и творческих замыслов, так рано ушел из жизни.

Мы познакомились с программой фестиваля, и оказалось, что один из танцев, которые мы привезли, на музыку «Зеленая кухня» есть и у ансамбля из Казани. У нас возник вопрос: танцевать или нет, но решили, что будем! И мне кажется, что наш танец оказался интереснее... Потом была поездка в Псков, где у нас завязались хорошие отношения с местной общиной. Были мы и участниками культурной программы на ярмарке израильской литературы в Санкт-Петербурге. И вот уже сейчас, 12 июня, в День Независимости России мы вместе с карельским фольклорным ансамблем «Карьяла» представляли Карелию на Красной площади.

– Наталья, Вы не только ставите все танцы для ансамбля во всех его «модификациях», но и сами танцуете в большинстве из них. Как Вам это удается?

– Я прошла очень хорошую школу в Петрозаводском Культурно-просветительном училище. Моими педагогами были: Людмила Гуменникова – по народному танцу; Светлана Рычкова – по классическому (она постоянно водила нас на балеты нашего театра, приобщая к высокому искусству); композицию вела Галина Ермакова. Я им бесконечно благодарна.

Действительно, все постановки – свои. Мне очень интересно искать материалы, связанные с очередной своей задумкой. Уже несколько лет у меня *idée fixe* – сочинить сюиту танцев с пением а *carrella*. Но нужно, чтобы танцоры еще и пели...

– Кто финансирует ансамбль?

– Как говорил Михаил Сергеевич Горбачев: «Хороший вопрос!» И не отвечал. Но я отвечаю. В содержании ансамбля принимают участие общество Шалом, Центр национальных культур при министерстве культуры Республики Карелия. Существенную помощь оказывал Александр Каймин, сам участник ансамбля. Год назад Саша погиб... זיכרונו לברכה

– Можно деликатный вопрос? Вы столько лет занимаетесь еврейскими танцами, еврейской культурой, почему?

– Мне нравится. Я получаю от этого удовольствие. Не только от работы, но и от общения с людьми, от этой атмосферы. А вообще-то, совсем недавно, обна-

ружилось, что мои прабабушка и прадедушка – Сара и Семен Гуль. Мамина мама – Катерина Гуль. С моим дедушкой не были расписаны, почему – не знаю. Мама рано умерла. Архив под Питером погиб во время войны. Так что, не знаю... Все может быть...

– Как и положено, традиционный вопрос – проблемы?

– Основная проблема – помещение. Не просто место, где занимаются танцами, а где можно и посмотреть видео, и прочитать книгу по интересующей тебя теме, и поинтересоваться историей и еще многое другое. Нужен свой еврейский дом.

– Будем надеяться. На последнем концерте ансамбль с большим успехом исполнил украинский гопак...

– А почему бы и нет? Хотя тут небольшая история. Роману Яковлевичу Каплану в мае был юбилей. Его дочь Ольга, участник ансамбля, показала нам вырезку из старой газеты, где ее отца награждают как лучшего исполнителя гопака. Вот мы и решили преподнести ему подарок. Он сам участвовал в этом танце в свои 70 лет, да еще как!

А потом этот танец мы и станцевали на концерте, хотя Романа Яковлевича не хватало.

– В таком случае, позвольте подарить Вам диск с записями арабской музыки. Может, пригодится.

– Спасибо! Думаю, что да. Приходите на наши концерты и убедитесь в этом.

Ольга Харина

– Ольга, традиционно – как вы пришли в еврейскую жизнь?

В еврейское движение я попала не случайно. Мама меня позвала помочь раздать гуманитарную помощь – расфасовать посылки, разложить, пригласить людей, раздать. Время у меня было, и я с удовольствием согласилась. На заводе к этому времени я уже не работала месяцев восемь – это связано с тем временем, когда в стране началась ломка старого строя, и никто не знал, куда это заведет. Стали появляться более или менее состоятельные люди, которые помогали нашей общине, и в то время это было существенно для поддержания малоимущих и появившихся безработных. Формировалась помощь на ул. Лисицыной – в помещении общества Шалом. Тогда еще работала Софья Абрамовна Новополецева – одна из первых, как бы сей-

час сказали, координаторов социальных программ. Тогда это не называлось никак, просто те, кто занимались этим, занимались по доброй воле, ничего, естественно, не получая. Я Софью Абрамовну знала – мы вместе учились в школе с ее дочерью Людой. К тому времени я уже ходила на праздничные концерты, устраиваемые обществом Шалом. Мне так нравилось! Хотелось тоже принимать в них участие. Хорошо помню (кажется, 92 год) концерт ансамбля Бориса Портного. Тогда начиналось формироваться, то, что впоследствии и стало петрозаводской еврейской общиной. Так я стала приобщаться к общинной жизни, с ее заботами и радостями, которые становились и моими.

– Расскажите, пожалуйста, о вашем участии в ансамбле.

В танцевальный ансамбль Авив, который образовался при Хэсэде Агамим, я пришла в год открытия Хэсэда, в 1998 году. Ася Новицкая, бывшая тогда руководителем клуба Хэсэда, пригласила организовать

ансамбль для подопечных Наталью Кузьменко, которая уже работала до этого в воскресной школе Йом Ришон с детьми. В ансамбль меня «направила» тоже мама. Она сказал: «Там бабушки танцуют, пойдика и ты с ними попробуй». Я попробовала, и с тех пор ансамбль – это моя жизнь. А наши «бабушки» – просто прелесть. Когда вспоминаешь, как они танцевали – это же здорово! А ведь некоторым было уже за 70! И вот после их первых выступлений стали появляться молодые, и постепенно ансамбль «помолодел». А тогда из молодых были только Наталья, Лариса Рыбак, я и моя сестра Яна. В годовщину Хэсэда мы уже танцевали на сцене и произвели фурор. Особенно понравилась сценка «Киевский трамвай», на долгое время ставшая своеобразной визитной карточкой нашего ансамбля. Потом, уже после концерта, в ансамбль стала активно приходиться молодежь, среди них и мои сыновья – сначала старший, потом и младший. Помню забавный Пурим в помещении старой филармонии. Ставила его режиссер телевидения Светлана Генкина (сейчас она в Израиле, организовала любительский театр в Димоне). Там уже участвовали семьями – Факторы семьей, мы семьей, Спартаки... Потом началось движение – одни уходили, другие приходили, и сейчас участников нашего ансамбля можно встретить в Израиле, Канаде, Швеции, США. Постепенно сформировалось постоянное ядро ансамбля, его костяк. Мы разного возраста, но все чувствуют себя наравне и комфортно друг с другом. Наш ансамбль – это своеобразная модель израильских отношений между людьми. Мы получаем удовольствие от общения друг с другом, но, кроме того, и много интересной информации. Ведь Наталья, прежде чем поставить какой-нибудь танец, изучает все детали, связанные с темой, передает свои знания нам. Ансамбль стали приглашать на концерты в другие города. Поездки для нас – это яркие впечатления. Мы знакомимся с новыми людьми, показываем свое искусство, представляем нашу общину. Многие завидуют, что мы смогли организовать такой жизнеспособный ансамбль. Это притом, что все участники ансамбля не профессионалы, никто из нас никогда танцу не учился. А побывали мы уже в Новгороде, Костомукше, Мурманске, Пскове, Казани, Петербурге, Финляндии. Надо отдать должное Александру Модылевскому – он всеми правдами и неправдами «одел» ансамбль, «выбивая» на это деньги из кого только можно. И выглядим мы неплохо, даже на фоне полупрофессиональных ансамблей. У нас все это живет, эмоциональнее, мы не боимся показаться смешными, станцевать «неправильно» (хотя и получаем зачастую нагоняй от Натальи), и от этого на сцене кипит жизнь. Хоча сказать, что Наталья Кузьменко (Гуль) просто находка для нашей общины – она излучает массу положительной энергии, заражающей окружающих.

– Вы уже достаточно долго профессионально работаете в еврейских организациях...

В декабре 2000 года я стала координатором общинных программ общества Шалом, (этим я обязана Александру Модылевскому, который долго присматривался ко мне своим опытным взглядом и решил, что я подхожу для такой работы), а с конца 2001 года – координатор Сохнута. К этому времени предыдущий координатор заканчивал, как говорят в Израиле, свою «каденцию», а я была, что называется «в материале», поскольку столько времени уже занималась еврейскими делами, учила язык, много общалась с людьми. Кроме того, поскольку мой старший сын к тому времени уже жил в Израиле, я знала все о существующих программах, и моя кандидатура была сразу одобрена. Прошла семинары в Питере, Москве, третий – в Израиле. У меня сложились прекрасные отношения с моими коллегами, и мне этот коллектив очень дорог. Я себя чувствую там, как в семье. Уже более трех лет работаю. В июне 2002 года провела интересный семинар Сохнута в Белых ключах на 100 человек по теме «Еврейское самосознание», после которого пополнились ряды молодежного клуба. Вообще считаю, что подобные семинары для многих, оторванных от традиций своего народа, становятся дверью в еврейский мир, и то, что эти программы сворачиваются, является ошибкой.

– Ваши дети в Израиле. Как Вы относитесь к этому?

Мой старший сын Даня уехал по программе Сэла в 1999 году. Он сам так решил, я не настаивала. Когда он учился в 11 классе, вдруг надумал. Он уже танцевал в ансамбле, ходил в молодежный клуб, стал заниматься языком. До этого он не был ни на семинарах, ни в лагерях. Сначала я расстроилась, но потом рассудила: если я настою, чтобы он не уезжал, а потом у него что-нибудь в жизни не сложится, он упрекнет: «У меня был шанс, а ты не дала его использовать». И мне нечего будет ему ответить. Думаю, пусть попробует, в конце концов, это обратимо – он всегда может вернуться назад. Он, как говорится «с треском прошел»... Окончил школу, и в сентябре уехал. Попал в Беер-Шеву. Там у него до сих пор есть «приемная мама» – учитель иврита, которая его просто обожает. Он уже отслужил армию, и даже год еще работал в армии, как вольнонаемный, сейчас будет учиться в хайфском Технионе. Я не жалею, что отпустила его – он стал взрослым человеком. Конечно, было страшно – то время было еще неспокойнее, чем сейчас, и каждый раз, когда происходил теракт, судорожно связывалась с ним и узнавала, все ли в порядке. Но и здесь, когда он приезжает в гости и задерживается где-нибудь вечером, я не нахожу места для себя. Но главное, что он сам чувствует себя в Израиле уютно, он принял страну, и она приняла его.

Младший сын Яша тоже сам решил ехать. Первый год он не прошел тестирование. Был очень расстроен. Я – не очень – еще год побудет со мной. (Кстати, люди интересно устроены. Я посмотрела на этих мам! «Мы

хотим просто попробовать», а когда ребенок не проходит, их это задевает, и начинают усиленно стараться попасть. Но я лишний раз отдаю должное израильским психологам, удивительно профессионально грамотным. Конечно, бывают и сбои, но ведь не всегда можно разглядеть, что таится в этих маленьких душах, тем более, с одного раза.) На следующий год Яша прошел. Попал в сельскохозяйственную школу. Когда мне стали описывать эту школу, я спросила: «Это киббуц? мошав?» «Нет, ни то, ни другое». Когда он приехал на место, звонит мне: «Мама, ты сказала, что это не киббуц, а тут коровы!» Но ему очень нравится. Он обожает коров, телят, так рассказывает про них, что мне даже непонятно, откуда это у него. Там приходится работать, помогать ухаживать за животными. У каждого есть свои любимцы. Эта школа призвана воспитывать трудолюбие, милосердие, ответственность перед теми, как у Сент-Экзюпери, «кого приручили». Она находится недалеко от Зихрон Яков, на горе Кармель, рядом с парком Ротшильда, вблизи Хайфы. Яша пока доволен.

– И теперь...

Теперь решила сама ехать к детям, и место координатора в Петрозаводске упраздняется, поскольку идет общее сокращение деятельности Сохнута в России. Хотя алия из Петрозаводска традиционно высокая. После Калининграда и Мурманска мы на третьем месте. А в последние два года по молодежным программам – мы первые. В прошлом году от нас уехало десять детей, в этом – уже восемь прошли и собираются ехать.

– Что бы Вы пожелали перед отъездом?

Мне будет не хватать моего ансамбля – это большой кусок моей жизни, людей, которые были рядом со мной. Но у каждого свой путь, и меня зовет моя судьба. Я желаю тем, кто остается, возвращения в еврейство – это огромный мир, целая цивилизация, и обидно, что для некоторых этот мир «за семью печатями». Только не говорите, что «нет времени!» Ерунда! Если есть желание – будет и возможность.

До встречи на Святой земле!

2007

СУДЬБЫ, ОПАЛЕННЫЕ ВОЙНОЙ

Гарри Цалелович Лак

Передо мной недавно изданная книга «Евреи Латвии в борьбе с нацизмом». Ее автор Ева Ватер, ветеран 43-й Гвардейской Латвийской стрелковой дивизии, в предисловии пишет: «Я старалась восстановить каждую фамилию, даже если ничего о бывшем воине не знала, кроме надписи на могильной плите...» Идея книги – сохранить для потомков имена тех, кто встал на борьбу с фашизмом, сражаясь на фронтах войны. В книге есть данные и об известном в Петрозаводске человеке – Гарри Лаке: «Лак Гершон (Гарри) Цалелович. 1925, Рига. 14.06.1941 с семьей депортирован в Сибирь. С окт.1944-го доброволец, разведчик 324-го арт. полка 69-й див. на 2-м Белорусском фронте. Тяжело ранен, но остался в строю до Победы. После войны – переводчик в Пруссии. Затем научный сотрудник Инст-та геологии Карелии в Петрозаводске. Инв. войны. Награды. Живет в Карелии». Гарри Лак – единственный представитель России в списке спонсоров и помощников этого издания. За лаконичными строчками книги – человеческая судьба.

Ночью 14 июня 1941 года в половине третьего нас разбудили стуком прикладов в дверь. Вошли пять вооруженных человек и приказали: «Двадцать минут, и вы должны быть в машине». Маме стало плохо. Несмотря на запрет охраны, удалось вызвать нашего домашнего врача. Все мечутся по квартире, не знают, что собирать. Один латыш, который нас арестовывал, шепнул отцу: «Теплые вещи берите». Когда мама пришла в себя, она сказала, чтобы расстелили большую простыню и туда собрали все, что могли, а мне – чтоб забрал в шкафу спрятанные драгоценности. Я их, не разбирая, пихнул в штаны – потом это все пошло на жизнь. За одну ночь десять тысяч наиболее известных семей были вывезены из Риги.

Эшелоны теплушек стояли под парами на товарной станции. Один уходит – подгоняют следующий. Мы оказались в теплушке человек на сорок, увидели стоявшие там железные печки и поняли, что нас повезут очень далеко. Наша теплушка была пятая или шестая с конца. Там были все: старики, маленькие дети – целые семьи, все набито битком. Вдруг слышим, как со скрежетом в вагонах открываются двери, и раздаётся крик: «Мужчины, выходите!» Всех вывели. Но когда подошли к нашему вагону и приказали выходить мужчинам, одна бойкая латышка сказала, что у нас мужчин уже увели. Видимо, они очень торопились и не стали проверять. Во время «путешествия», а мы ехали месяц, стали пропускать эшелон за эшелонам с военными – тогда мы поняли, что началась война.

Привезли нас в Красноярск, из Красноярска в Канск, там дальше на подводах еще тринадцать километров, и мы оказались в деревне Анцирь в колхозе имени Ворошилова. Поселили нас к какой-то старушке в покосившийся дом. После Риги, после газа, всех удобств цивилизации жить в одной комнате с телятами, овцами, курами... До этого я даже не знал,

что такое туалет на улице, что такое баня по-черному. Отца взяли столбы ставить, тянуть электролинии. Там мы жили в относительном спокойствии. Не зная русского языка, я с сестрой Дорой (она старше меня на восемь лет) стали работать на сенокосе.

У меня была немка-гувернантка Эльза, воспитатель с высшим образованием, и к тринадцати годам я знал немецкий язык, немецкую литературу, немецкую детскую энциклопедию и т.п. Все было по минутам расписано, я сам вставал, одевался, уходил в школу... Родителей я видел редко – иногда по воскресеньям, иногда вечером. Отец и мать были традиционными евреями, и бар-мицва была у меня в центральной синагоге (которую фашисты сожгли с 5000 евреями в 1941 году): я читал главу из Торы, и кантор был у нас дома, – все, как полагается. Но воспитание я получил немецкое. В 1938 году Гитлер стал призывать немцев уезжать из Прибалтики, и Эльза уехала в их числе. Из таких условий мы были выгнаны и оказались в Анцире.

Но трагедия была впереди – 9 декабря ночью пришли за отцом. Когда его уводили, он оглянулся на меня: «Сын, будь всегда честен!» Это его последние слова, которые я слышал...

Когда вскрылся Енисей, нас повезли в Туруханск, от Туруханска за 800 километров по Нижней Тунгуске в Туру – это водораздел между Леной и Енисеем, глухое Заполярье. Тура – столица Эвенкийского национального округа. Туда сослали в свое время «кулаков» из Украины, настоящих мужиков, теперь там жили уже их дети. Они в начале 1930-х выстроили для себя барак – два ряда горбыля, а в середине опилки. Опилки со временем осели. Нас поместили в этот барак, из которого их давным-давно выселили, так как жить там было невозможно: зимой стены промерзали. В одной комнатке в четырнадцать метров, перегороженной какими-то тряпками, жили в одной

половине – мама, сестра и я, посередине печка, а во второй половине – другая семья, мать с дочкой, тоже еврей и тоже из Риги. Их отец и наш оказались в одном лагере.

Сестра пошла рыбачить в мужскую бригаду – де-вушка, владеющая пятью языками, с двумя высшими образованиями, закончившая консерваторию, с руками пианистки – на подледный лов рыбы! Еще в Анцире я зимой ходил в четвертый или пятый класс, немного стал уже читать по-русски, и мама хотела, чтобы я в Туре пошел в школу. Там я проучился всего три дня, и за мной пришли во время уроков два энкаведешника со штыками и вывели из класса, сказав, что таким, как я, учиться в советской школе не позволено. Меня поставили долбить вечную мерзлоту под какой-то котлован. Это в семнадцать лет! Но произошло чудо – меня взяли в мастерскую, в тепло, я стал учеником бондаря – делал бочки. Потом меня заметил механик электростанции и взял к себе в помощники.

Я понимал, что если меня не возьмут на фронт, мы погибнем, и стал ходить в военкомат, но каждый раз слышал одно и то же: «Таких, как ты, не берем!» И тут случилось самое неожиданное.

Зимой у нас с «большой землей» никакой связи не было, только два раза в месяц на лед Нижней Тунгуски садился самолет с почтой – это было событие, и весь поселок выходил его встречать. И вот в январе 1944 года из самолета выходит мужчина в ватнике, подпоясанный офицерским ремнем, на одной ноге и с двумя костылями. На ватнике у него буквально горит орден Красного Знамени. Кто он такой, никто не знал. Он с трудом поднялся наверх по крутому обледенелому берегу и спросил, где тут барак для ссыльных. Это был Зяма, сын наших соседей по комнате.

Оказалось, что когда нас ночью выслали из Риги, он был на вечеринке. Утром пришел – квартира опечатана, никого нет, никто ничего не знает. Соседи сказали только, что ночью всех увезли. 28 июня 1941 года советские войска оставили Ригу, и Зяма был мобилизован в Красную Армию, защищал подступы к Ленинграду под Лугой, был тяжело ранен. Что за подвиг он совершил, я не знаю, но в 1941 году он был награжден орденом Красного Знамени! Больше года он пролежал в госпитале, потом стал разыскивать мать с отцом и сестру. В своих поисках дошел до Калинина. Калинин, у которого жена сидела в лагере, сказал, что постарается помочь, чем сможет. И ему сообщили, где его мать и сестра, а где отец, так и не сказали. Он прилетел и оказался с нами в одной комнате.

Зашел разговор о том, что я хочу попасть на фронт, хожу в военкомат... Зяма сказал моей маме: «Здесь ваш сын будет жить, а что будет с ним на войне, не знает никто. Война – это страшно, посмотрите на меня». Мать ответила: «Пусть мой сын поступает, как сам хочет». Когда Зяма понял, что я серьезно хочу на фронт, он пошел со мной к военкому: «Что ты этого парня не можешь взять в армию? Он такой же еврей, как и я, такой же ссыльный, как моя мама и сестра, наши отцы сидят в лагере, так что ж ты не берешь? Он знает немецкий язык, латышский, хорошо воспитан – что, такие люди не нужны в армии? Посмотри на меня». И меня призвали в Красную Армию в качестве добровольца, с направлением в Красноярск и дальше в разведывательную роту.

Вместе со мной разрешили и маме с сестрой выехать из Туры. Когда мы плыли обратно по Енисею, уже как свободные люди – на теплоходе (туда ехали на барже), встретили одного генерала. Мама продала ему последнее, что осталось, – отцовские часы, швейцарские, золотые, с широким золотым браслетом, и мы на рынке в Красноярске закупили сухари, крупу, сахар, чай. Получился почти полный мешок, и мы с Дорой поехали в 235-й лагерь к отцу.

Лагерь огромный: десять лагпунктов, и в каждом по десять тысяч человек. Постучались, окошко открылось. Дора показывает фотографию отца, говорим, что нам нужен десятый лагпункт (потом мы узнали, что это лагпункт, где уже «доходят»). Спрашиваем начальника: «Вы знаете такого?» «Нет, не знаю», – но посылку взял и посоветовал обратиться в Главное управление лагерей в Красноярске. На следующий день мы пошли в это Главное управление, где получили извещение о смерти отца, датированное 19 февраля, а был уже июнь. Так что посылку взяли, заведомо зная, что человека уже нет.

Мама с Дорой поехали на Урал к маминому брату – он работал на военном заводе под Свердловском. (У мамы в семье было четыре брата и две сестры, все они жили в Витебске. Один из братьев попал в 1937 году в НКВД, маме удалось его выкупить за десять тысяч лат золотом, и он с женой приехал в Ригу. Два брата

погибли на фронте, четвертый оказался на Урале.) Я попал в Омск, в разведшколу 324-го запасного полка.

Я все время боялся только одного – не дай Б-г, чтоб мандатные комиссии, а они были похуже медицинских, не выяснили, кто я. Хотя медицинских я тоже боялся, потому что был «кожа да кости». Когда мы уже получили английское обмундирование, в последней комиссии сказали: «Ну куда его отправлять на фронт, посмотрите – это же спичка с двумя ногами и руками!» Но председатель комиссии – женщина, полковник медицинской службы – пристально на меня смотрит и спрашивает: «Ты откуда прибыл?» Я отвечаю: «Из Красноярска». «И ты очень хочешь на фронт?» «Да». Она великолепно понимала: Красноярский край – это край ссыльных, арестованных, репрессированных. И она сказала комиссии: «Вот такие бывают сильнее, у них сила духа больше», – дала мне добро, и я поехал на фронт.

Нас выгрузили ночью, в полной тишине, курить нельзя, и полубегом, полушагом мы стали передвигаться куда-то по осенне-зимней грязной земле – глина, вода, ничего не видно, сполохи канонады, гудят самолеты... Тупо передвигаешь ноги, и так километров тридцать! Нас в этой колонне становилось все меньше и меньше – отбирали, вызывали, уводили по каким-то спискам. Осталось шесть человек, и мы оказались у крытой машины – дым из трубы идет, часовой стоит. «Все, мы прибыли».

Когда я вошел внутрь, то увидел совершенно седого полковника с орденом Красного Знамени, но не на колодке, а привинченным на гимнастерку, то есть образца гражданской войны. Светло, походная кровать, одеяло, печечка, письменный стол, два ковра, уютно, красиво. Куда я попал, почему меня отобрали, почему попал именно сюда, я не знал. Какие-то бумаги шли за мной, но мне все это было неизвестно. Полковник устраивает допрос: «Откуда ты?» «Из Риги». «Откуда мобилизован?» «Из Красноярска». «Как туда попал?» Я сопровождал свою биографию сплошной ложью, только бы не сбиться. «Латыш?» «Еврей». «Русский язык откуда знаешь?» «Не знал, сейчас выучил». «Паспорт имел?» «Да». «А какого цвета он был?» У меня же паспорта не было, я его даже не видел! Вспомнил, что когда-то у кого-то видел на почте какую-то серо-зеленую обложку: «Серо-зеленого цвета!» Он подумал: «Ну, хорошо. А немецкий язык откуда знаешь?» Я сказал, что окончил шесть классов немецкой школы. «Хорошо, пойдешь в разведку». Все он великолепно понял, седой полковник Меерсон! Кто-то его, очевидно, спас в 1937 году, иначе он бы не выжил – полковник, командир артиллерийского соединения. Мое появление напомнило ему кого-то.

Позже несколько раз возникал разговор о моем переводе в штаб дивизии или штаб армии, но мой командир никуда не отпускал меня до конца войны,

пользуясь своим огромным авторитетом. Он прекрасно понимал, что если я перейду в вышестоящие соединения, снова начнется проверка со стороны особого отдела, и там может открыться, откуда я. Он все обо мне знал. И лишь после войны, когда прошел слух, что идет первая волна демобилизации тяжело-раненых и студентов, он спросил: «А кто у тебя дома остался?» «Мать и сестра». «А отец где?» Больше лгать ему я не мог: «Погиб в лагере». «Я так и думал...»

Разведчики приняли меня хорошо, хотя сначала посмеялись: «А ты что, еврей, что ли?» «Еврей». «Ха-ха-ха... На фронте в разведке у нас еврей!»

На фронте меня приняли в комсомол. Это было под Вислой. 25 января началось великое наступление на Варшаву, даже сильнее, чем на Одере, – на одном километре стояло 350 пушек! Я был на командном пункте – Меерсон меня не отпускал от себя ни на шаг. За полчаса до наступления, до утренней артподготовки приехал молоденький лейтенант из дивизии – комсорг. Всем задавал помимо обычных один и тот же вопрос – какую последнюю книжку ты читал? Отвечают, что ничего не читали, нет книг, некогда, не до книг сейчас. А я ответил: «Майн кампф!» (Когда по Польше проходили, частенько книги валялись, в основном «Майн кампф», я ее и прочитал. Как сейчас помню, четвертая глава «Истории ВКП(б)» написана точно, как по «Майн кампф», – это я потом сообразил.) Тишина, он не знает, что делать. Думать долго он тоже не может, потому что ему надо убираться отсюда, пока не началось наступление. Он махнул на меня рукой, наверное, подумал, что все равно убьют, и выдал мне комсомольский билет.

В городке Фридланд, недалеко от Нойбранденбурга, уже в апреле 1945 года меня чуть не убила девушка. Эсэсовцы перед отходом всех жителей выгнали, дома стояли пустыми. Я зашел в один дом найти воды, и вдруг выходит девушка. Одета, как тогда немецкие женщины одевались: рукава перевязаны, пояс перевязан, на ногах брюки перевязаны. Я по-немецки попросил воды и стою, оглядываюсь, автомат висит на плече. И вдруг увидел какую-то тень, как будто на меня кто-то кидается, и пуля просвистела прямо перед ухом. Девушка падает. Я оглядываюсь – стоит танкист в шлеме, и из дула пистолета еще дымок идет. «Ты что наделал?!» «Ты что, не видел, она же убить тебя хотела! Кто так ходит по немецким домам?» Подходим к ней, а у нее огромный кухонный нож в руках, она его за спиной держала...

В 1978 году в Нойбранденбурге меня наградили высокой правительственной наградой ГДР – Серебряным Знаком Чести за освобождение города (у меня семь сталинских благодарностей времен войны за взятие северо-восточных немецких городов). Когда мне его вручали, извинились, что не могут дать Золотой, потому что Золотой Знак Чести только у Брежнева.

Когда я демобилизовался, добрался до Свердловска и предъявил свои документы, то услышал: «Вы, молодой человек, кровью искупили свою вину (!), вы тяжело ранены (у меня ранение кисти правой руки), вы можете ехать куда хотите. А сестра и мать останутся здесь». Они и оставались там до 1948 года. Оказалось, хорошо, что они в Ригу вернулись позже и с уральскими документами. А многие сразу после войны прямо из Красноярского края возвращались любимыми правдами и неправдами в Ригу. В 1948 году там скопилось довольно много высланных в 1941-м

латышей и евреев, и всех их выслали обратно. И из них практически никто не вернулся.

В 1953 году, когда началось «дело врачей», мои самые близкие друзья сказали страшную вещь, которую я буду помнить всегда: «Нам жаль, что ты еврей!» Больше обидеть меня не могли.

Но это уже другая история. Вообще я не люблю говорить о войне. Там приходилось делать то, о чем не хочется вспоминать. Война только в плохом кино романтична. На самом деле это трагедия для человека, даже если он и выжил.

Меер Шоломович Фишман

Меера Шоломовича я знал по его публикациям в карельской прессе, встречался с ним на еврейских праздниках. Это очень скромный, мягкий человек с тихим голосом. Но однажды на День победы он надел свои награды: два ордена Боевого Красного Знамени, ордена Отечественной войны I и II степени, орден Красной Звезды, медали «За отвагу», «За боевые заслуги», «За взятие Берлина», «За освобождение Праги», «За Орловско-Курскую битву», «За оборону Сталинграда» и много других... Почетный ветеран бронетанковых войск! На мой вопрос: «Как это случилось?» пригласил к себе домой и рассказал...

Родился я в городе Овруч Житомирской области на границе Западной Украины и Белоруссии. Оттуда меня из десятого класса забрали в летное училище в Чугуевск, а когда началась война, нас переквалифицировали в танкисты. Полный курс обучения был два с половиной года, мы учились полтора. Начали в Харькове, окончили в Тюмени.

Мой отец был хозяйственно-партийным работником. Некоторое время работал в Средней Азии, потом его перевели в Литву. Там он жил и там, на еврейском кладбище, похоронен.

Мама родом из Одессы. Во время погромов черносотенцы убили ее маму, мою бабушку, и ее родителей. Ее саму спрятали русские (или украинские?) соседи, а потом отдали в детдом.

Отец в 1920 году приехал в Одессу, остановился у знакомого и увидел, как приятная девушка моет полы. Услышав ее историю, забрал ее, и они поженились. Но из-за тяжелой жизни мама болела и умерла в сорок лет, 13 мая 1945 года. Уже после ее смерти пришло мое письмо с фронта. Она так и не узнала, что я живой.

У меня две младших сестры. Одна, Хайка, живет в Минске. Во время войны она служила в Сибирском военном округе, была лейтенантом. После войны окончила военный институт иностранных языков. Другая, Рива, работала инженером в Челябинской области в закрытом городе, где выполнялись оборонные заказы. Была три раза облучена, в 42 года стала полным инвалидом. Ее уже нет в живых.

А на фронте в Сталинграде я встретил своего двоюродного брата Песаха Фишмана; он был старше меня на три года. Встретил так... После училища меня

послали в Сталинград на должность командира танкового взвода. Мой взвод – три танка – придали 44-й морской бригаде, которая обороняла завод «Красный Октябрь». Танки поддерживали ее огнем. По беспроволочному телефону телефонист передает мне: «Там, через полтора километра, тоже есть один Фишман». Я отвечаю: «Скажи этому Фишману, что моя радиостанция работает на такой-то волне». Песах связался со мной, и мы условились, что с наступлением темноты встретимся около полуразваленного дома. Но ночью были очень сильные бои, и встречу пришлось отложить на завтра. А на завтра был страшнейший налет немецкой авиации, и бомба попала прямо в его танк...

В Сталинграде я был ранен, лежал в госпитале в Саратове. В это время на Урале формировался добровольческий танковый корпус им. Сталина. Этот корпус создавали Челябинская, Пермская и Свердловская области. Он вошел в Четвертую танковую армию. Меня направили туда в разведроту, на должность замкомроты по строевой части. Это было в начале 1943 года.

На Орловско-Курской дуге, под Прохоровкой, нас кинули в самый котел... Когда около пяти утра началась битва, нас придерживали во втором эшелоне. Разведку вели визуальную. Потом наша армия включилась в бой. Это было страшнейшее побоище, столкновение двух танковых «молотов» – немецкого и нашего. Танки горят, люди горят, самолеты летают и не бомбят – не разобрать где свои, а где чужие... Помню, в небольшой речушке стоят по колено в воде наши танкисты и фашисты, дерутся, топят друг друга... Я там подбил два немецких танка. В половине седьмого подбили и мою машину. Экипажу удалось выбраться, я бегом в свою роту – она было около штаба корпуса. Навстречу начальник штаба: «Что ты?» «У меня танк

сторел». Он кричит: «Бери мой, и давай туда – там атака захлебывается». И я туда. В полдвенадцатого дня и этот танк подбили. Но и я подбил немецкий бронетранспортер.

С этой танковой армией я прошел всю войну. Был ранен и после Орловской битвы лежал в госпитале в Туле. Голеностопный сустав был разбит. Я знал из переписки, что армия и корпус стоят под Брянском. Мне написали, чтобы я дал знать, когда можно будет меня забрать, а то из госпиталя посылали в пересыльный пункт, а оттуда – куда попало. Вскоре пришла машина, и я снова оказался среди своих боевых друзей. Осенью 1943 года меня назначили командиром Отдельной оперативной разведывательной роты Четвертой танковой армии. С ней я прошел весь остаток войны. Был снова ранен. Лежал в госпитале в Житомире. Оттуда опять забрали свои... Я восемь раз горел в танке. Обгорели ноги... Каждый раз удавалось выскочить. Когда ранили в голень, я открыл люк, вылез наполовину и потерял сознание. Заряжающий погиб. Когда дым рассеялся, ребята увидели, что я вишу, подскочили, вытащили меня из башни. Вылечился. И с разбитой ногой я до окончания войны командовал этой ротой.

Девять раз заходил в немецкий тыл. Один раз, в Карпатах это было, в октябре, мы стояли на Сандомирском плацдарме, и нас срочно стали готовить к химической защите. Видимо, агентура сообщила, что немцы готовят химическую атаку. Мне дали задание: зайти в тыл и утащить у них снаряд или мину. На этих снарядах есть желтая окантовка. День мы на сопках сидели, наблюдали, откуда лучше зайти в тыл. Зашли. Саперы подрезали проволоку, и мы углубились в немецкий тыл на три километра. Устали и в ложине легли отдохнуть. Я поставил дневального, а он уснул. На нас напали немцы. Нас было семеро, их шестеро. Меня придавил здоровый фриц и стал душить. Подумал – конец. Не знаю, как это получилось, но одну руку мне удалось выдернуть, я надавил ему на глаза, и когда он обмяк, пырнул ножом, сбросил с себя и dokonчил. (Этот нож до сих пор у меня хранится.) Ночью мы взяли со склада два снаряда с окантовкой. По радио я передал, что будем выходить. У меня была американская станция «Полюс», работала в радиусе 300 километров, ларингофоны, антенна в сапоге. Если попадешь в плен, должен ее взорвать – в ней был заряд. Мы благополучно вышли. Снаряды оказались обыкновенными.

Во Львове роте была поставлена задача выйти на улицы Зеленую и Офицерскую – там было сильное сопротивление. Рядом площадь с оперным театром. Велась стрельба из пулеметов, а у меня пехота сидит на танках. Одного сразу убили. Я оглядываюсь: на балконе стоит мужчина и показывает, откуда стреляют – с тыльной стороны театра, из сквера. Там что-то похожее на дот, и из амбразуры бьет пулемет. Я приказал трем разведчикам обойти участок обстрела и

бросить в трубу противотанковые гранаты. И, конечно, там никого не осталось.

Выехал я первым на улицу Зеленую. Только повернул – стоит тяжелый немецкий танк – «пантера», прижавшись к стене! Как я выстрелил, не помню, даже к прицелу не приложился. Хорошо, что снаряд был заложен в казенную часть пушки. Я просто нажал на педаль. И попал очень удачно – под козырек башни. Башня набок. И тут же механик-водитель (он умер в прошлом году) подал сразу вправо. Я башню повернул и два снаряда в левый борт всадил. Танк загорелся, и никто не выскочил. Мы с заряжающим – он же мой ординарец – вышли из танка и стоим у стенки, ни живые, ни мертвые. Танк горит. Думаем, как же они не воспользовались своим удобным положением? Я просто инстинктивно нажал...

Мы зашли во двор к колонке попить воды. Мужчина лет сорока вынес кружку, большую, медную, с двумя ручками. Мы напились и ушли. Жители запомнили и распустили слух, что я спас театр. В газете появилась заметка с моим фото. А на сорокалетие освобождения города я приехал во Львов, нашел это место, дом, зашел во двор, стою, смотрю. Какой-то мужчина разговаривает с женщиной, потом подходит ко мне: «Вы что-то ищете?» «Да, во время войны тут немецкий танк горел». И он вдруг говорит: «А я вас узнал!» Это был тот самый дворник! На празднике мне вручили два билета во львовский оперный театр пожизненно. Я так и не воспользовался ими ни разу.

Когда отмечалось шестидесятилетие освобождения Львова, наш танк сбросили с пьедестала и все памятник залили краской. Вот тебе дружба народов! Там есть Холм славы, где похоронены наши солдаты. Один Герой Советского Союза, два моих солдата. Я написал в муниципалитет письмо, сообщил о себе, о

том, что это мы освободили Львов, что там два моих солдата лежат, просил разыскать их могилы да поклониться им по-человечески.

Еще был эпизод, про который я никогда не рассказывал – все равно никто бы не поверил, что в одну ночь можно дважды перейти линию фронта, восемь немцев уложить, двух притащить! Такого не бывает, чтобы разведчика послали в одну сторону дважды. Я сам командовал разведкой, знаю. Но вот недавно в архивах обнаружили мое донесение в разведотдел штаба армии о том, что в ночь на 23 января 1945 года я дважды переходил Одер, чтобы взять языка. Сейчас это опубликовано в первом томе пятитомного издания «От солдата до генерала», выпускаемого Академией исторических наук России. Мне его прислали вместе с благодарностью за публикацию. Теперь можно и рассказать.

Я был командиром Отдельной оперативной разведывательной роты Четвертой гвардейской танковой армии. Мы вышли на Одер днем, в четыре часа. Стреляли редко. Зима была очень холодная, Одер замерз. Уже темнеть стало, другой берег не виден, и часов в семь меня вызывают: «Надо языка взять». Я отобрал пять человек, сам шестой. Чтобы сапоги не скользили по льду, один солдат, Михаил Шульгин – сибирский охотник – предложил сделать чуни. Мы распоролы шинели, намотали на сапоги и перетянули телефонным кабелем. Перешли реку по льду. Тишина. Проползли вглубь от берега метров триста. Услышали шелест. Ползем дальше. Послышался разговор, и мы почувствовали запах курева. Еще немного, и увидели четырех немцев – дозор. Троих мы сразу уложили, а одного взяли. Но когда шли назад, немцы нас засекли и открыли стрельбу. Кое-как добрались до своих. В штабе немца свалили на пол, а он оказался мертв – во время перестрелки пуля попала в него. Сидим мы на полу, сил нет. Подошел ко мне подполковник Макшаков, наливает «наркомовские» сто грамм и говорит: «Миша, на войне всякое бывает, но язык нам нужен». Я поднял ребят: «Пошли!» Мы взяли чуть левее, метров на пятьсот от того места. Ветер, лед, луна светит... Поднялись на берег, там какое-то здание барачного типа. Рядом кирпичные постройки, как сараи, без окон и деревянные навесы. Присмотрелись – нигде никакого движения. Подползли к дому, двое остались на крыльце, а мы вчетвером потихоньку открыли дверь, вошли. Длинный коридор и из него комнаты. Тепло – значит, кто-то есть. Услышали храп из-за третьей двери. Заглянули. Сидит немец, видимо, дневальный, курит. Четверо лежат на нарах, рядом аккуратно автоматы стоят. Мой солдат Логинов, кузнец (сейчас он живет в Новгородской области), рука у него – что молот хороший, «пригладил» того немца, который сидел, а остальных мы кончили ножами. Этого мы дотащили живого. Наш старшина Никонов стал Героем Советского Союза за эту операцию, а мне дали орден Боевого Красного Знамени.

Потом были Берлин, Прага... Прагу легко взяли. Война кончилась, все гуляли: чехи выкатили бочки пива, вина, появились девушки. А меня вызывают в штаб армии. Оказалось, что на Запад, к американцам, уходила группировка генерала Шнейдера. Они везли документацию последних разработок военной техники и большой золотой запас. Был приказ: «В бой пехоту не пускать. Танками, авиацией и артиллерией». Обидно – война вроде бы кончилась, все гуляют, а мы тут... Сжимаем немцев, не даем им возможность выйти. Впереди деревня, такая аккуратная, и в середине кирха со шпилем. Мы подъехали к этой деревне, у встречного чеха спросили, есть ли немцы. Он сказал, что там никого нет. Мы въехали. Я встал у этой кирхи, а остальные машины – транспортеры и танки (у меня было 29 машин разных) – по улицам, расходящимся во все стороны от кирхи. А там, оказывается, сидели два или три смертника. Я вышел из танка и смотрю, как машины занимают свои сектора. И полетели «фаусты». Меня отбросило в сторону, только успел увидеть, что танк горит, и дальше ничего не помню. Потом меня оттащили в скверик неподалеку. Я еще увидел, что мои ребята выволокли немцев из кирхи и вешают на дереве. Это было 16 мая. Оказался в госпитале – тяжелая контузия. Друзья после войны гуляют, а я лежу. Подлечился, но на одно ухо оглох и сильно заикался. Надо дать команду, а я не могу! Так со мной всегда шел мой заместитель Николай Сорокин. Я стою рядом, а он дает команду. И никто не сказал, что что-то не так! Солдаты меня жалели, потому что я с ними по-человечески поступал, берег их, и они меня берегли. Я на рожон не лез, всегда сначала обдумывал, куда надо идти, и это нас спасало. Я долго заикался, но потом отошел.

В 1946 году дали мне отпуск, и я поехал домой. Семья жила в землянке; мамы уже не было. Ребята, девушки – сразу все ко мне пришли. Я жениться не собирался, но встретил там хорошую девчонку, которая мне еще до войны нравилась, и мы поженились. Нашу армию перевели в Германию, и в Берлине у меня родилась дочка.

...Я часто думаю: как можно говорить, что евреи на войне не воевали? Ведь на моих же глазах столько их было! Столько умных, чудесных людей! А вот распустили слух, и компартия поддержала, и стало это как бы «всем известно»... Это же ложь!

Помню подполковника Ладензона из Харькова. Умный, добрый, юморист, его все любили в армии. Это крупнейший ученый-инженер. Он в любой обстановке моментально соображал и принимал такие решения, которые обеспечивали быстрое форсирование водных преград. Погиб у меня на глазах 30 апреля 1945 года. Немцы сильно обстреливали мост. Я вышел из машины, чтобы посмотреть, с какой стороны нам лучше подойти, и тут такой огонь посыпался, что мы залегли. Ладензон засел в воронке. Я ему еще успел прокричать: «Товарищ подполковник,

идите к нам, под мостом лучше!» И вдруг туда мина, и на куски...

Начхим Бедерман – чудесный человек. Очень уважали танкисты инструктора политотдела армии майора Якова Лившица. Он всегда был там, где кипели бои, поддерживал и помогал воинам. Мой дядя Эля на Северо-Западном фронте был командиром орудия. Старший лейтенант Краснов, командир второго танкового взвода, его сын Борис – младший лейтенант, окончил курсы командиров танка – это мои подчиненные. Сначала сгорел отец в танке в 1944 году. Как этот мальчишка плакал! Я его успокаивал. А через два дня и он погиб...

До сих пор я поддерживаю постоянную связь с моими однополчанами. Раньше на праздники писал

83 открытки. Сейчас – 21. Остальных уже нет, уходят... В прошлом году была встреча ветеранов нашей Четвертой танковой армии – я не мог поехать. Фронтные раны не дают покоя: колено болит, голеностопный сустав разбит, удалена селезенка с осколком, который сидел там 53 года, контузия давит... Но я не унываю, надеюсь на лучшее.

Я делал свою работу добросовестно, выполнял приказы командира. В Победе есть и моя доля. Я не хвальнось. Но иногда мне задавали вопросы, глядя на награды: «Может, в штабе работал?» Как будто штабные работники не были под бомбами. Но я-то все время был на передовой, на самом краю!

Да, боевые награды просто так не даются. За все заплачено сполна...

Савелий Хонанович Хенкин

Савелий Хенкин – известный врач, более тридцати лет возглавлявший урологическое отделение Республиканской больницы, организатор урологической службы Карелии, заслуженный врач России, заслуженный врач Карелии, член правления Петрозаводской еврейской религиозной общины. Награжден орденом Отечественной войны II степени, медалями «За взятие Кенигсберга», «За боевые заслуги», «За победу над Германией»; есть и другие награды.

Родился я в Смоленске, хотя вся моя родня по материнской линии жила в еврейском местечке Рудня, что под Смоленском. Почти каждое лето вся наша большая семья собиралась там. Дед – из николаевских солдат, кузнец, прослужил лет двадцать – был очень набожным, соблюдал все еврейские законы. Поразительно, что он смог сохранить в себе это, пройдя через русскую армию. Демобилизовавшись, возглавлял хевра кадиша – похоронное братство. Мой папа – портной. Был мобилизован в армию в 1913 году, с первых дней войны был в Брусиловской армии. На фронте был отравлен газами. Еврей-фельдфебель, Георгиевский кавалер. В Смоленске папа работал у своего дяди – у них была совместная мастерская.

В доме всем руководила бабушка, у нее было тринадцать детей, и весь дом был на ней; деду было некогда – он молился. (Первые деньги, которые я получил в училище, я послал именно бабушке.) Дети стали подрастать, и моя мама помогала их воспитывать. Она была портнихой-белошвейкой. Шила на дому – ее приглашали на несколько дней, она жила у заказчиков и шила. Мама всю жизнь много помогала своим братьям и сестрам. Дома у нас тоже главой была мама, папа только добывал деньги, а все остальное – на маме. Когда дядю раскулачили – при нэпе он взял в аренду яблоневый сад, – так именно мама поехала в Москву к Калининну хлопотать за него.

Когда в 1932 году в Смоленске начался голод, мы переехали в Ленинград – там жила папина сестра, и все разместились в ее большой комнате в доме на углу Литейного и Некрасова. Позже мама купила маленькую комнатку в тринадцать метров у спившегося хо-

зяина (как оказалось, он был из князей Милославских), потом мы переезжали несколько раз, и перед войной у нас была большая, в 45 метров, отделанная мореным дубом комната с четырьмя окнами на улице Каляева (Захарьевской). Там раньше было пограничное управление, и это, очевидно, был чей-то кабинет. Отсюда я и ушел на фронт.

Я окончил десятилетку. 21 июня у нас был выпускной вечер. Был очень хороший светлый день, все пошли гулять на Неву. Часа в три ночи мы увидели, что по Неве идут подлодки в сторону Ладоги, но не придали этому значения. Я лег спать, встал поздно, часов в двенадцать. Слышу – мама плачет. Война! Хотя тогда все думали, что это ненадолго... Паники в городе не было. Я с мальчишками побежал в военкомат, нас оттуда выгнали – не до вас, мы тут сейчас с пятидесятилетними разбираемся. Над Ленинградом появились аэростаты. Начали приходить повестки. Через два дня пришла повестка и нам: сдать транспортное средство – велосипед.

У меня с детства была тяга к медицине, думал учиться в Военно-медицинской академии. Но там набора не было, и мне посоветовали пойти в военно-медицинское училище, где готовили фельдшеров. Я показал аттестат, прошел военную комиссию, и меня приняли. Тут вышел приказ Ворошилова: «Ленинград в опасности, ни шагу назад!» Нас подняли по тревоге и послали копать окопы, одних – под Пулковку, других – под Лугу. Мне тогда еще не исполнилось восемнадцати лет. Копали мы дней пять-шесть. Начались бомбежки. Нас привезли обратно в училище, а в конце июля все училища эвакуировались из Ленинграда.

На Финляндском вокзале нас погрузили в теплушки и повезли куда-то в сторону Тихвина. Куда точно – мы не знали. Кругом уже бомбили, но в наш эшелон попаданий не было. Недели две мы тащились, пропуская эшелоны, шедшие на фронт, и оказались в Омске. Город тыловой. Там было медицинское училище, на базе которого расположились несколько эвакуированных училищ, одно из них – Первое ленинградское медицинское училище, где я и учился. Кормили так: утром каша перловая, вечером каша овсяная и хлебная пайка. Проучились восемь месяцев вместо трех с половиной лет. Нам смогли дать только самые необходимые, элементарные знания: как оказать первую помощь, наложить жгут, развернуть медпункт. В марте 1942 года состоялся выпуск.

Меня спросили, на какой фронт хочу. Я ответил: «На Ленинградский». Направили в Москву, в штаб Западного фронта. Там уже нас начали раскидывать по армиям. Мне предложили остаться в госпитале, где был сортировочный пункт. Но я отказался, сказав, что хочу на фронт. Нас, человек восемь, послали в 20-ю армию под Волоколамск. Первоначально она стояла на границе, отступала, дошла до Вязьмы, была разбита, переформирована и оказалась под Москвой. Командовал армией генерал Крейзер.

Туда я и прибыл, и меня отправили в 8-й гвардейский корпус, в 150-ю бригаду, которой командовал генерал Рохлин (она потом вошла в дивизию, бравшую Рейхстаг, но я был уже в другой части). Попал в минометный полк командиром санитарного взвода: я – старший фельдшер, два санинструктора, две медсестры и санитарка.

Тогда готовилось наступление на Ржев. Мы были в блиндаже с несколькими офицерами. И вдруг снаряд попал прямо в наш блиндаж. Я не помню ничего. Нас откопали, несколько человек погибли. Когда

меня доставали, мне показалось, что был очень яркий свет, и цвета какие-то невероятные! У меня отнялась речь, постоянно шумело в ушах, ночи не спал... Контузия. Хотели эвакуировать, но я отказался. Отправили в Москву на консультацию. Пробыл недолго, предложили «списать», но я опять отказался. Немного подлечили и отправили обратно в ту же часть. Я не мог говорить месяца три. Со временем речь стала восстанавливаться, но до сих пор, стоит немного поволноваться, как появляется спазм, и я не могу сказать ни слова.

Потом началось большое наступление на Ржев. Там были тяжелые бои, очень много раненых. На одном участке на реке Вазузе стоял монастырь Хлепень. Немцы свой высокий берег облили водой, и все превратилось в сплошной лед. А приказ: «Наступить!» Мы месяц не могли ничего сделать. Тогда прислали батальон штрафников. Им сказали: «Возьмете Хлепень – всех подчистую». Среди них процентов пятьдесят были уже в возрасте: бывшие военные, полковники, один генерал был, много евреев из политработников, одним словом – политические. Подослали «Катюши», и взяли! А у многих даже автоматов не было, с винтовками старыми шли, ружья противотанковые – на двоих одно. Немцы бомбили по-страшному. Реки крови. Сколько там осталось навсегда! Как меня там не убило? Наверное, судьба. (Об отношении к жизням солдатским во время войны сейчас много написано. Чего стоит, например, крылатая фраза: «Оружие добудете в бою!» Я помню, как после Ржева нас отправили на пополнение. Пополнили таджиками, а они по-русски не понимают. Когда спросили командира, как же они будут воевать, тот ответил: «Ничего, лишнюю пулю задержат!»)

Я верю в судьбу. Ведь сколько было случаев, когда, казалось, невозможно было уцелеть. Но, вопреки всякой логике, я жив! Например, шел с передовой. И вдруг прямо над головой вой, и шлеп рядом – мина! И вертится. Я как стоял, так и остался стоять, смотрю как замороженный. Она повертелась, повертелась, но не разорвалась. Я подошел, пощупал – еще горячая.

В другой раз сижу, пишу письмо маме (ее эвакуировали по Ладого в Башкирию). У меня была двуколка, чтобы раненых вывозить, лошадь, медикаменты всякие. Падает снаряд, и я чувствую, что весь мокрый, пахнет лекарствами. Оглянулся – вокруг кровь, лошадь убита, все разворочено, а меня даже не задело.

Однажды звонит командир: «Сообщили из разведроты: разведчик ранен, лежит на нейтральной полосе. Его вынести надо». «Есть!» Пополз по минному полю. У него было очень редкое ранение в шею. Обычно от этого погибают, а он дышит и клопочет кровью. Нас в училище этому не учили. Я беру пакеты, перевязал через подмышку. (Очень часто приходилось принимать решения тут же, на месте, и решения неординарные.) Тащил я его шесть часов. Лег набок, положил его на одну ногу и так подтягивал. Но главное – надо было его вытащить вместе с оружием!

Оружие ни в коем случае бросать нельзя было, любой ценой, даже ценой жизни! А поле минировано. Как на эти мины не напольз, не знаю. Я о них даже не думал – мне надо было вынести раненого. Дальше уже отправили его на собачьей упряжке. Я даже фамилию его запомнил – Петухов.

Одну девушку спас, у нее было тяжелое ранение в живот. Тоже с нейтральной полосы. Вытащил я с поля боя 37 раненых! Все это под огнем, и каждый раз – особый случай, своя маленькая история...

Под Шяуляем шли тяжелые бои, и оказалось, что одни наши части ушли вперед, а те, которые не успели переместиться, остались на местах, среди них и наш минометный полк. А немцы неожиданно разгрузились совсем рядом. Нам приказ: «Ни шагу назад!» Вырыли окопчики, сидим в них, и была у нас мина противотанковая на веревке метров в пять. Нас научили: «Видишь, танк идет – и ты подтягиваешь эту мину под танк». Что от тебя после этого останется – всем понятно. Мы уже все попрощались друг с другом. Но подоспела наша дивизия, и они прямо через наши головы пошли...

Однажды я был представлен к ордену Красног Знамени. После боя, когда из минометного полка осталось человек пятнадцать, нас всех построили: «Надо решить: или всех к награде, или в партию». Ну, понятно, в партию!

После Литвы мы повернули на Кенигсберг. Ко мне подошла девушка: «Вы сейчас наступаете на Таураге. Там у меня дедушка был раввином. Прихожане отдали ему все свои ценности, он спрятал и сказал, что тот, кто останется живым, пусть заберет. Я нарисую вам место, где это все спрятано». Я отказался, сам не знал, где буду. Когда освободили город, появилось местное население. Многие были в концлагерях, кого-то прятали литовцы. Я сам видел несколько еврейских семей, которых литовцы спасли. «Воровали» их из Вильнюсского гетто и по ксендзам передавали.

Подошли к реке Прегель. Надо было переправляться. Уже была ранняя весна. На мне шуба, сумка, автомат, за спиной шины на случай переломов. Мы, несколько человек, сколотили из выброшенных шкафов плот и стали переправляться. Но невдалеке разорвалась мина, поднявшая большую волну, и мы все оказались в ледяной воде. Не всем удалось выплыть... С нами был минер, причем ему было уже под пятьдесят, так у него на спине была «плита» от миномета (оружие бросать нельзя!), это килограммов восемьдесят. Когда мы выбрались на берег, я решил, что он погиб, но он выплыл вместе с этой плитой!

Первая атака на Кенигсберг захлебнулась. Через месяц началось второе наступление. За это время сменились командующие: сначала был генерал армии Черняховский (в его честь назван город Черняховск), затем генерал армии Баграмян, потом – маршал Василевский, и на самый штурм уже назначили маршала Жукова.

Кенигсберг – город-крепость – считался неприступным. Сооружения построены еще в конце XIX века, целая система фортов, с подземными переходами, связывающими их все в единую систему. И действительно, когда уже взяли город, было непонятно, как это удалось. Каждый форт, кроме надземной части, имел еще несколько подземных этажей, многое было окружено рвами, наполненными водой. Простреливалось все вокруг. И все же взяли. Пятнадцать человек получили звание Героев Советского Союза.

После взятия крепости больших боев уже не было (подземный бункер, где была подписана капитуляция, находится в центре города; сейчас в нем расположен музей). Там 25 апреля для нас окончилась война. На сказали, что в городе все отравлено, ничего нельзя было ни есть, ни пить. Под расписку: если рядовой что-нибудь съест, то расстреляют командира. Но когда комендант сдался в плен, выяснилось, что был такой приказ, но его не выполнили.

Закончилась война. Нестроевых и тех, кто старше пятидесяти лет, отправили в резерв, часть – на войну с Японией. Нас послали в Литву – ловить «лесных братьев». Они хорошо были подготовлены для партизанской войны. Много жертв было. Так что я еще год воевал после войны.

Что дальше? Я – старший лейтенант (уже много позже имел звание подполковника медицинской службы), кадровый военный. Подал рапорт на учебу в Академию. Сдал одиннадцать экзаменов, прошел все медицинские комиссии, признали годным. Но тут мне сообщают, что повторная заочная комиссия меня забрала. Тогда прошу уволить меня из армии, но мне говорят, что я еще могу служить. «Как же так – учиться не могу, а служить могу?» «Не разговаривать! Кругом!»

Со мной вместе поступал Герой Советского Союза, еврей (забыл фамилию). Он сказал: «Пришел приказ евреев не принимать, всех будут назад отправлять. Я-то поступлю, но я один. Увольняться тебе надо. Начальник отдела кадров медицинской службы армии генерал Волынкин сейчас навеселе, ты подойди к нему, а я его подготовлю». Я к нему. Тот: «Чего хочешь?» «Хочу уволиться и учиться». «Приходи завтра». Прихожу завтра, а он: «Кто такой?» Не помнит. Я объяснил. «Ну, ладно, я уже опохмелился, добрый. Пиши бумагу». И подписал: «Удовлетворить. Волынкин».

А уже октябрь, учеба идет. Поехал в Первый медицинский институт. К счастью, директор института был в отпуске, а вместо него профессор Хвеливицкая, еврейка. Я ей все объяснил, показал бумагу с экзаменационными отметками. «А что, не взяли еврея? Ха, ха, ха!» Тут же написала: «Принять». Вызвала декана, а та тоже еврейка. Посмеялись. Так я поступил в институт. Учился хорошо, был председателем профкома института, мой портрет висел на Доске почета... Но это уже другая история.

Нисон-Борух Янкелевич Клейн

Когда образовалось Петрозаводское общество еврейской культуры «Шалом», первым его председателем стал Борис Клейн. Он много сделал для возрождения общины на этом трудном первом этапе. Всегда по-доброму отзывался обо всех, с кем ему приходилось общаться или сотрудничать. И люди ему отвечают любовью за любовь. Имеет боевые награды: два ордена Отечественной войны II степени, два ордена Красной Звезды, медали «За боевые заслуги», «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией». Награжден множеством медалей за труд и службу в вооруженных силах.

Родился я в Днепропетровске на Резничной улице в 1923 году. Мать родом из местечка Лоева, что недалеко от города Речицы, а отец из Херсонской губернии. Как они встретились, не знаю. В семье было пятеро детей, я старший, и все самое главное в воспитании мне дала семья, отец и мать. Учился хорошо, рос не хулиганом, но за себя постоять мог.

Мамина фамилия – Тамарова, звали ее Бася. Мама была мудрой женщиной, хотя и безграмотной, держала всю семью в руках. Отец окончил четыре класса хедера. Во время коллективизации стал кандидатом в члены партии. Так и остался кандидатом до конца дней. Родители не были расписаны, жили в гражданском браке. Я думаю, из-за того, что надо было учить детей: в то время дети рабочих учились бесплатно. Мама работала грузчиком на хлебозаводе, в голодное время каждый день имела буханку хлеба. А отец работал кузнецом в артели и считался кустарем, поэтому, если бы они были расписаны, пришлось бы платить за учебу детей. Потом, уже после войны, когда мне исполнился 41 год, они расписались. После меня и сестры у них тринадцать лет не было детей, потом родились еще трое. Я их с удовольствием нянчил.

С детства я мечтал стать моряком и с седьмого класса начал посещать кружок юных моряков во Дворце пионеров. Мне нравились морская форма, хождение на шлюпках под веслами и парусами, флажный семафор, азбука Морзе. Я единственный на всей нашей улице окончил десять классов (тогда уже с пятью классами брали учиться на шоферов).

В 1939 году вышел Ворошиловский указ – после десятого класса призывали в армию или в военное училище. В 1940 году впервые был объявлен открытый набор в Военно-морское училище. В то время все это было засекречено: туда брали не через военкомат, а по спецнабору из институтов после двух-трех курсов, а тут вдруг – открытый набор. Тогда это звучало: Высшее военно-морское ордена Ленина Краснознаменное училище имени М. В. Фрунзе! Высшее образование! И практика после четвертого курса полугодовая. А сухопутные училища давали только среднее техническое образование.

Я в школе не был отличником, но учился хорошо и решил поступать. Сначала надо было пройти медицинскую комиссию – отсеяли всех негодных. Надо было принять триста человек, а приехало около трех тысяч. Потом сдавали двенадцать экзаменов за че-

тыре дня – по три-четыре экзамена в день! Алгебра, геометрия, тригонометрия, арифметика – устно и письменно. Русский язык и литература – устно и письменно. Географию сдавали по контурной карте, чтобы было сложнее. Физика, химия, астрономия, иностранный язык (в школе я учил немецкий). Среди нас было свыше двухсот золотых медалистов, которые имели право поступления без экзаменов, но мандатная комиссия приняла решение, чтобы экзамены сдавали все. Из нашего класса поступали четыре человека, и только один не прошел по медкомиссии, а трое поступили – два еврея, один немец. Вообще среди поступивших процентов десять были евреи. И раз уж попали, так учились на совесть.

Когда я поступил в училище, мне исполнилось семнадцать лет. Отучился год и даже пошел на учебном корабле «Комсомолец» на Балтику на штурманскую практику в самом начале июня. А уже 17 июня командир отряда учебных кораблей получил приказ: за меридиан Таллинна не выходить. (Штаб флота уже знал, что будет война.) Мы галсами дошли до Выборга. Там собралось несколько транспортов, и в сопровождении морских охотников караван кораблей пришел в Кронштадт. Войну я встретил в Кронштадте, на борту. Пробыл там всего пару дней, впервые пережил налет немецкой авиации – около двухсот самолетов. А у нас корабль учебный, более 10 000 тонн водоизмещением, человек пятьсот на борту, стрелять нечем. За налетом мы только наблюдали, грохот от стрельбы и разрывов бомб был ужасный, но на корабле потерь не было. А наша вторая рота почти полностью погибла во время перехода кораблей флота из Таллинна в Кронштадт в конце августа 1941 года. Они проходили практику на эсминце. Немецкая подводная лодка торпедировала крейсер «Киров», а эсминец подставил свой борт под эту торпеду, чтобы спасти крейсер.

Нас срочно посадили на катера, и в Питер, в училище. Старших курсантов эвакуировали, отправили доучиваться в Астрахань и Баку, а из нас, младших, была создана отдельная курсантская бригада и 5 июля брошена на Ленинградский фронт. Обмундирование было такое: верх – моряцкий, низ – солдатский, ноги – в обмотках. Мы вместе с войсками отступали до Ленинграда.

8 сентября началась блокада. В конце сентября нас повезли к маяку Осиновец, на западном берегу Ладоса. От него до села Кабоны вела Дорога жизни. Пришло несколько барж, и на них погрузили примерно тысячу курсантов, преподавателей Военно-морской медицинской академии и их семьи. Буксир пошел на Кабоны. Поднялся шторм, и эти старые деревянные баржи разбило в пух и прах, никто не спасся. (Сейчас на этом месте поставлен обелиск, и вокруг на плитах выбиты имена погибших.) А мы сидим и ждем, когда эти баржи вернутся за нами. Три дня прождали, и нас поездом отправили обратно в Ленинград – учиться, нести патрульную службу, охранять объекты.

Однажды пригнали баржу с мукой и поставили у моста Лейтенанта Шмидта, напротив училища. Я стоял на посту, охранял баржу. Рядом ящик с песком. Налет самолетов. Я – за ящик. Ни в баржу, ни в меня не попали, но я видел, как вокруг гибли люди.

Несколько раз нас выстраивали и командовали: «Добровольцы на Невскую Дубровку!» Все делали шаг вперед. Командир роты идет: «Пойдешь ты, ты и ты. Остальные – шаг назад!» И в следующий раз так же, и в следующий... Тех, кто уходил, мы больше не видели. (Когда мы собрались через 25 лет после окончания училища, в 1969 году, я спросил своего товарища Витю Поршнева, контр-адмирала Северного флота: «Мы же все делали шаг вперед. Почему нас не брали?» Он ответил: «Как же ты не понимаешь, Боря? Какой командир роты отдаст хорошего курсанта?» Вот так, из-за того, что хорошо учился, не попал в «мясорубку».)

Когда Ладога замерзла, нас решили эвакуировать. В самом начале января 1942 года собрали курсантов со всех училищ, тысячи полторы, и пешком по льду 36 километров. Дует встречный норд-ост, темнота, мы голодные, физически слабые. До Кабоны шли восемнадцать часов, а оттуда еще 400 километров до Тихвины, там нас посадили в теплушки – и в Баку. В Баку нас отмыли, подлечили, откормили.

Собрали остатки трех училищ, и началась учеба. Из Баку курсантов тоже брали, но уже под Сталинград и на Северный Кавказ. А учебная практика проходила на боевых кораблях Черноморского и Северного флотов. В начале учебы было человек 800, а выпустили в апреле 1944 года всего 160 человек. Остальные – это наши потери.

В 1943 году во время боевой практики я служил на кораблях Черноморского флота – на тральщике «Защитник» и гвардейском крейсере «Красный Кавказ». После окончания училища был направлен на Балтику командиром катера СКА 12. В нашем дивизионе я был самым молодым командиром, самым неопытным. Участвовал в высадке десанта на финские острова, обеспечении боевого траления, в охране подводных лодок и кораблей, даже в торпедных атаках – для массовости. Дело в том, что наш катер был точной копией торпедного, только он уже выработал

свои моторесурсы. Обычно в атаку шли четыре настоящих торпедных катера и четыре таких, как наш.

Особенно запомнилась операция в конце июля 1944 года. Получил приказ: «Товарищ лейтенант, пойдете к острову Сомерс, подойдете на пять кабельтовых (900 метров), вызовете на себя огонь финских батарей, засечете их». Это же почти на верную смерть! Но приказ надо выполнять. Я думал, что со мной пойдет опытный командир звена. Но он сказал: «Сходи сам». Потом уже, после операции, узнал, что старшины собрались в кубрике и сказали: «С пацаном пойдём, с пацаном и погибнем». Ну, пошли. Старшему на рейде флагману на СКР «Туча» передаю семафором: «Иду к острову Сомерс, прошу поддержать меня огнем», – чтобы они хоть отвлекли на себя часть артиллерийского огня. На море штиль, солнце, видимость десять миль, мы как на ладони. Скорость 32 узла. Финны нас обнаружили, начали обстрел, вокруг стали рваться снаряды. Мы поставили дымовую завесу, развернулись и из-под завесы пошли к острову. Сам стою у штурвала. Артрязведчик наносит на карту огневые точки противника. От снарядов снова уходим под завесу. Так выходили раз пять. Подошел радист: «Товарищ командир, рация не работает». И тут снаряд угодил прямо в радиорубку! Мне доложили, что с левого борта пробоина. Приказываю перенести глубинные бомбы на правый борт, чтобы создать крен и вытащить из-под воды пробоину. На горизонте появились несколько финских

катеров, каждый из которых гораздо сильнее меня. Я развернулся, поставил дымовую завесу – и к своим, на остров Лавенсаари. Пришел, отшвартовался. Все удивлены – уже попрощались. А мы не потеряли тогда ни одного человека! Докладываю командиру звена: «Задание выполнено». Он говорит: «Кто у тебя не награжден, представь к награде. Тебя награждать не будем – не каждую же неделю тебе орден давать». (В то время было распоряжение Сталина как можно меньше евреев представлять к правительственным наградам. А я за неделю до этого участвовал в операции по высадке десанта на финские острова и был награжден орденом Красной Звезды.) Отвечаю: «Мне бы орден жизни!» Об этой операции написали в газете «Красный Балтийский флот» за 12 августа 1944 года: «Рейд к вражескому острову».

Затем участвовал в высадке десанта на остров Гогланд – там был немецкий гарнизон. Так пока мы шли по шхерам со своим десантом, финны всех немцев вырезали сами. Мы пришли, а в бухте уже плавают немецкие трупы.

В начале 1945 года мой катер поставили на ремонт в Ленинграде. Мы жили в казарме на острове Голодай. Иногда в казарме устраивали танцы. Помню день 31 марта. Заходят две девушки. Мой друг, показывая на одну из них, говорит: «Вот, Боря, тебе подруга». Я танцор заядлый, еще со школы (и сейчас люблю потанцевать). Пригласил. Танцует хорошо, на вид интересная. Потанцевали, разговорились, проводил. Оказывается, ей 21 год, зовут Женя, круглая сирота. Всю блокаду – в Ленинграде от звонка до звонка, работает на заводе. На следующий день пригласила меня в гости. Чистенькая комнатка в коммуналке, сама аккуратная. Стали встречаться. Сделал предложение, и 13 апреля пошли в ЗАГС и расписались. (Уже шестьдесят лет живем вместе.) А 14-го я уехал в Пярну на катер.

Я стал старпомом на морской бронированной катанерской лодке. На ней стояли две танковые 76-миллиметровые башни, два зенитных орудия. 8 мая 1945 года нам была дана команда идти к вражескому берегу, где засели 22 немецкие дивизии, зажатые со всех сторон (Курляндская группировка) и произвести артиллерийский налет на железнодорожный узел и радиолокационную станцию. Подошли к 22 часам, отстрелялись и около 23 часов пошли в сторону Риги. Но только отошли, получаем приказ вернуться к берегу и весь боезапас, который на борту, до 24 часов выпустить по врагу. Пришли в Ригу уже утром 9-го, а там празднуют Победу! Ну, мы, конечно, за водкой. Но надо было заправляться. Принимаем бензин, а шланги парусиновые, протекают. К нам пришел флагманский механик Рижской военно-морской базы, инженер, капитан первого ранга.

После угощения он вышел на палубу, закурил и бросил спичку. Загорелось бензиновое пятно, огонь стал распространяться. Все вмиг отрезвели! Успели сорвать с орудия брезент и накрыли пламя. Вот так день победы для нас чуть не обернулся трагедией.

После войны, в 1945 году, стали делить немецкий флот, я участвовал в приемке этого флота. Мне 22 года, эйфория после победы, в обстановке как следует не разбирался. Решил похвастать перед немолдым уже немецким офицером, который сдавал мне корабль: «Во как наш Сталин дал вашему Гитлеру!» А он мне: «Что наш Гитлер, что ваш Сталин – это одно и то же». Я его тогда чуть не побил. Только потом стал понимать, что он был прав.

Война закончилась, но я остался в строю – занимался боевым тралением на Балтике. Балтика – море сравнительно мелкое, там мины ставили любые: донные, акустические, якорные, магнитные. Моряки называли Балтику «суп с клецками». Все, как на войне, даже служба шла год за два. Подрывались. Награждали за участие в боевом тралении. Меня – нет. Тогда евреев не очень жаловали.

В 1946 году летом в Лиепае мне надо было выходить в море, а жена на борту, беременная, уже большой срок. Я ее в роддом, а сам – в город искать квартиру. Вижу – на машину грузят вещи. Говорят, что съезжают. Посмотрел – однокомнатная, подходящая. Я на корабль, беру с собой трех вооруженных матросов, и туда. Ребята помогли, что-то подмазали, что-то прибили, что-то притащили. В июне родилась дочка. У нас был большой чемодан, мы его застелили, приспособили, и он стал кроватью для дочки Ларисоньки. Моряки называли ее «наша морячка».

Я хотел расти по службе, быть адмиралом. Жив остался, мне 25 лет, амбициозный, войну прошел хорошо, имею боевые награды, знания есть. Подал заявление на высшие курсы офицерского состава, потому что без них роста не будет. Это было в 1948 году, у меня уже двое детей. Допустили к экзаменам, повез жену с детьми в Ленинград, благо у нас там была комната. Вступительные экзамены сдал лучше всех – я так хотел учиться! Приняли с двойками, а меня с моими пятерками отчислили: пресловутая пятая графа! Тогда уже разворачивалась государственная антисемитская кампания. И это после такой войны! Из нашей семьи погиб 21 человек: папины сестры, мамыны сестры, их дети. Старший брат отца Моисей отказался бежать из Днепрпетровска, сказав, что немцы его не тронут. Так и погиб с женой и двумя девочками. У папиной младшей сестры Хаси дети могли убежать, когда их уже вели (это рассказали очевидцы), но она сказала: «Нет, мы будем все вместе»...

Мне как будто обрезали крылья, я очень переживал! Вернулся на флот, правда, с повышением: был помощником командира корабля – стал командиром корабля на электромагнитных тральщиках. До 1951 года – в плавсоставе, после, по состоянию здоровья, – в береговых частях. В августе 1957 года направили служить начальником морского клуба ДОСААФ в Петрозаводск. С января 1959 года работал в Беломорско-Онежском пароходстве и закончил трудовую деятельность в 1998 году в возрасте 75 лет.

Времена не выбирают, и я на жизнь не жалеюсь...

Ефим Лейбович Левинь

Когда в Петрозаводске образовалась еврейская религиозная община, Ефим Лейбович стал ее членом. Он – единственный человек в нашей общине, умеющий читать Свиток Торы, и так бегло и правильно, что приезжающие в синагогу раввины только удивляются. В общине Ефим Лейбович – непререкаемый авторитет в области халахи. Он сумел сохранить в себе и пронести через все жизненные испытания великие ценности и традиции нашего народа, заложенные в детстве его отцом (вспомним: «...и расскажи сыну своему»), чтобы передать их следующим поколениям. Нашей общине есть кем гордиться!

Родился я в 1916 году в местечке Струмень, что на реке Сож (приток Днепра), недалеко от Гомеля, в ортодоксальной семье. Отец, Лейба Меерович Левин, был шойхетом и моэлем (ритуально резал животных и делал обрезание). У него было полное собрание Талмуда, и все вечера он просиживал за ним. Много денег собирал на ешиву. Мать Хася Янкелевна – домохозяйка. В семье было семнадцать детей, но многие умерли. Осталось пятеро – три девочки и два мальчика (уже после войны одна моя сестра уехала в Америку, две других – в Израиль). Дни рождения у нас все перепутаны – младшая сестра стала старшей... Дети ведь рождались каждый год, так записывать метрики ездили раз в три-четыре года в Корму, где был казенный раввин. Мы ведь дни рождения не отмечали, так что эти записи нам были не нужны. Но у меня единственного все правильно записано, даже день брит-милы.

Из-за постоянных погромов и бандитских нападений – местечко переходило из рук в руки то к белым, то к красным, а громили все – семья перебралась в город Сновск близ Чернигова. Перед этим отец чудом остался жив: его хотели забрать в армию, даже не знаю в какую, и когда за ним пришли, он спрятался на чердаке. Его искали, пытались зажечь свечи, чтобы разглядеть что-нибудь в темноте, но свечи каждый раз гасли! Так и уехали. Если бы нашли – расстреляли.

В Сновске была большая еврейская община, три синагоги и ешива (сейчас от всего этого ничего не осталось), которой руководил ученик известного гаона Хофец-Хаима из Бердичева, считавшегося святым. В пятилетнем возрасте меня отдали учиться в хедер к ребе Ваксману, который собрал шестнадцать детей от пяти до восемнадцати лет. Учили Хумаш, лошн-кодеш и дикдук (ивритскую грамматику). Однажды мы пришли, а у дверей стоит милиционер и никого не пропускает. Хедер закрыли, и со мной стал заниматься Шимон Требник, впоследствии руководивший ешивой в Москве (его брат Нохим Требник после войны руководил ешивой в Париже). Он учил со мной Хумаш с комментариями Раши, Шульхан Арух и Гемару. У меня до сих пор хранится Танах, подписанный им мне на память.

Тогда было принято, чтобы каждая семья раз в неделю кормила ешиботников, которых отправляли на учебу из других мест, и у нас дома их тоже принимали. В семье говорили только на идиш, русского я не знал. Отец не хотел, чтобы мы учились в школе, потому

что там занятия были и по Субботам, и пришлось бы нарушать Субботу, хотя сам помог дочери

Шимона окончить институт. (Вообще мой отец был известным общинным деятелем, и когда он скончался в 1966 году, זיכרונו לברכה, по израильскому радио даже сообщили о его кончине.) Дети других раввинов учились, а мы – нет. Я очень завидовал своим товарищам, которые учились в школах и имели возможность поступать на работу и на учебу в институты, а я был совершенно неграмотный, даже не мог расписаться по-русски и вместо подписи ставил черточку. Из-за того, что мы не учились в школе, отцу приходилось платить довольно крупный штраф, но он стоял на своем, а русскому решил обучить нас другим способом: нанял бывшую помещицу, и я с младшим братом три раза в неделю ходил к ней домой заниматься языком. Но она сама оказалась малограмотной и учила нас довольно оригинально: ставила меня посередине комнаты – я изображал солнце, а брата водила вокруг – он изображал Землю – и приговаривала: «День да ночь – сутки прочь». Так что за год такой «учебы» мы не научились даже читать по слогам.

Поскольку отец был служителем культа, он был лишен права голоса, и поэтому для нас, детей лиценца, были закрыты все дороги к учебе, работе и даже прописке и жизни в крупных городах. И все же в пятнадцать лет я без разрешения родителей практически сбежал из дома в Гомель, за 90 километров от Сновска. Там жили три моих тетки, но я устроился в общежитии. Мне удалось скрыть свое социальное происхождение и устроиться учеником слесаря на электростанцию. Там меня как совершенно неграмотного направили учиться в начальную школу по ликвидации безграмотности.

И тогда я понял, что мне обязательно нужно учиться. Просиживал над школьными учебниками дни и ночи. Работавшие со мной на электростанции посмеивались: «Вот хитрые евреи: вместо того, чтобы выпить с нами, все учатся чему-то». Через год, сдав экзамены за шесть классов, я поступил в фабрично-заводское училище и выучился на машиниста паровой турбины и электромонтера. После этого уехал жить к сестре в Лосиноостровск, под Москву. Там работал электриком и продолжал учебу в вечерней школе и на рабфаке.

В июне 1940 года Мытищинским райвоенкоматом я был призван на действительную военную службу, которую проходил в 112-м запасном стрелковом полку 52-й стрелковой дивизии 14-й армии в Мончегорске Мурманской области. Был там первым номером на станковом пулемете «Максим» в третьей пулеметной роте. В ночь с 21 на 22 июня 1941 года я дежурил у пулемета на зенитном станке, и мне командир взвода сказал, что началась война, вражеские самолеты летят на Мурманск, и если мне удастся сбить самолет, то сразу получу орден. Но самолеты летели не через нас. Полк подняли по тревоге, и утром 22 июня мы уже оказались на фронте, на Мурманском направлении в районе Западная Лица.

К войне мы были совершенно не готовы. Немцы летали прямо над головой на бреющем полете! Своих самолетов мы не видели. Только мы переправились через залив, наши кухни разбомбили. Четыре дня голодали, пока не подвезли новые кухни, питались голубикой. Никакого руководства мы не чувствовали, перебивались, кто как мог. Наш старшина заставлял надраивать котелки до блеска (иногда мы старались даже не кушать, чтобы только не возиться с этими котелками). А солнце тогда не заходило, и при налетах авиации котелки эти блестели, выдавая нас. Самолеты появлялись неожиданно из-за сопки – отбомбят и сразу вверх, мы не успевали даже стрельнуть. Лишь после нескольких таких налетов, стоивших многих жизней солдатских, нам разрешили замазать эти несчастные котелки. Однажды привезли пополнение, так их не успели даже переписать, как всех перебили. Вот так и пропадали «без вести». Никто не знал, куда делись. Настолько все было неорганизованно, что только месяцев через пять началась хоть какая-то оборона.

Мы держали оборону в Западной Лице на берегу. Кроме бомбежек, нас обстреливали из-за сопки минометами. Когда мины разрываются в скалах, раздается такой жуткий звук, что я его помню до сих пор. Я командовал отделением станковых пулеметчиков. У нас были «Максимы» на станке Соколова, на колесиках и на зенитном станке. И вот мина разрывается совсем близко от нашего пулемета. Второй номер, лежавший рядом со мной, убит, я серьезно ранен осколком в левую руку. А я – левша! На маленьком рыболовном сейнере меня перевезли в Североморск. Помню, как в Североморске ходил политрук и просил, чтобы мы не рассказывали нашим, что видели там, на войне.

Сначала лечили в Мурманске. У меня было очень много осколков. Затем повезли поездом до Канда-лакши, а оттуда по Белому морю в Архангельск. Врачи плыли с нами и делали операции прямо на ходу. У меня начиналась гангрена, и мне отняли палец. Обезболивающих средств не было, резали по живому! Меня четыре человека держали... По пути попали под бомбежку. Пароход получил серьезные пробоины, начал тонуть, но нас успели снять на другое судно. «Купание» не прошло даром – к вечеру рука сильно опухла, появились симптомы заражения крови, и врачи приняли решение ампутировать руку. Но ведь это моя главная рука, которой я мог работать! Да еще опять без анестезии! Я решил, что лучше смерть, чем такая инвалидность, сбежал и спрятался в трюме. Просидел там больше суток. И вдруг заметил, что опухоль спадает, цвет кожи меняется, и выбрался наружу. Врачи не верили своим глазам, говорили, что я родился в рубашке. Долечивался уже в Кузино, в Свердловской области. Оттуда меня и еще четырех раненых комиссовали в Ижевск, где комплектовались воинские части для отправки на фронт. В поезде мы все пятеро заразились сыпным тифом, нас высадили на какой-то маленькой станции и поместили в местной больнице в одной палате. На спинках кроватей повесили бирки с указанием фамилий, имен и отчеств. Болели мы очень тяжело, большую часть времени находились без сознания, хотя, как потом рассказали врачи, мы вставали и даже бродили по палате и не всегда попадали на свои койки. Однажды утром лежавшего на моей койке нашли мертвым и похоронили, установив на могиле столбик с дощечкой, где значились мои фамилия, имя и отчество. В моих вещах нашли адрес родителей, место эвакуации которых я узнал в госпитале, и сообщили им о моей смерти (потом меня свозили на кладбище и показали мою могилу). Через полгода я узнал, что отец оформил пенсию как на потерявшего сына.

Но сына он все же потерял, только не меня, а Иосифа. Когда под Киевом часть, где служил Иосиф, полностью разгромили, оставшиеся в живых бойцы разбежались. Иосиф оказался рядом с родным городом Сновском и решил добраться домой. Дома,

конечно, никого не оказалось, и он зашел переночевать к русскому соседу Артему, поскольку дружил с его сыном Иваном. Его очень приветливо приняли, накормили. Но оказалось, что Иван служил в полиции, и утром он Иосифа сдал немцам, и его вместе с другими евреями (около ста человек) расстреляли в лесу рядом с жилыми домами.

В Ижевске медицинской комиссией я был признан годным к нестроевой, и меня направили на конвойно-караульную службу. Нам сдавали запломбированные вагоны с оружием и боеприпасами на Ижевском оружейном заводе, и мы сопровождали их на фронт, не имея права отходить от состава ни на шаг, даже когда его бомбили! В таких случаях мы ложились под вагоны на рельсы или рядом на откос, и пару раз все это взлетало на воздух, но я остался жив.

Потом меня перевели в Верхотурье в Севураллаг, севернее Нижнего Тагила, где мы охраняли заключенных взамен стрелков, годных к строевой службе, которых отправляли на фронт. Там сидело все прибалтийское правительство, их гоняли на работу в лес. Так жалко их было! Был там и лагерь бытовиков, бандитов, так охранники боялись туда заходить – их просто уничтожали. А я как-то заходил, смог с ними договориться.

Через год у меня резко ухудшилось состояние левой руки, и я демобилизовался в звании лейтенанта, имея орден Отечественной войны и медали. Экстерном сдал экзамены за полную среднюю школу и в 1944 году поступил в Свердловский индустриальный институт. Когда узнал, что мои родители находятся в эвакуации в Шахринау, вблизи Сталинабада, поехал к ним и поступил на работу в находившийся тогда там Одесский консервный институт. С этим институтом, как только освободили город, переехал в Одессу. Там даже еще оставались улица Гитлера (Преображенская), улица Муссолини (Карла Маркса)... Перевелся в политехнический институт на электротехнический факультет.

В Одессе я встретился со студенткой университе-

та, и через год в Щорсе (бывшем Сновске) у родителей по всем законам еврейской традиции была устроена хупа, с написанием ктубы. А еще через год, в 1948 году, уже по пути следования в Петрозаводск, мы заехали в Щорс, где сделали обрезание сыну, родившемуся в Одессе, и названному в честь моего младшего брата Иосифом (сейчас он живет со своей семьей в Израиле, там же живет моя старшая дочь Роза со своими детьми и внуками).

Я был направлен на работу на петрозаводский военный завод п/я 14 (ныне завод «Авангард»). Когда приехал в Петрозаводск, то был единственным инженером-электриком с профессиональным образованием. Был инженером, заместителем начальника энергомеханического отдела, начальником отдела, начальником центральной лаборатории. Когда завод получил заказ на постройку кораблей специального назначения, меня назначили старшим строителем электрической части этих кораблей. Через двенадцать лет перешел в институт «Карелгражданпроект», где проработал 25 лет. Десять лет преподавал в строительном техникуме. Мой общий трудовой стаж – 65 лет.

Война страшно прошла по моим близким. Все мои многочисленные родственники жили в Белоруссии. Там же везде еврейские местечки: Струмень, Городец, Корма, Рогачев и множество других... После войны остались только могилы. В Городце жил брат отца Ицхак, был там бухгалтером и председателем сельсовета, его долго не трогали, он еще работал при немцах. Потом ему вырезали на спине шестиконечную звезду и расстреляли. Тетю с тремя детьми закопали живыми. Там у меня более ста человек родственников погибло! Всех уничтожили. Это уже соседи рассказывали. Никто не смог убежать. Сейчас, когда называют число погибших, мне кажется, что их гораздо больше. Однажды на церемонии Памяти жертв Холокоста читали списки уничтоженных в этих местах, составленные в Мемориале Яд ва-Шем, так там большинство – мои родственники или знакомые... Остается только читать по ним кадиш.

Семень Ионович Бекенштейн

*Величайшая боль – такая,
о которой сказать невозможно.
Пословица*

Каждая жизнь уникальна. И все же есть люди, на долю которых выпало стать олицетворением народа, эпохи, своего времени, мужества. Люди-символы. Нечасто случается встретиться с таким человеком. А может быть, мы просто в сутолоке дней своих часто не замечаем их? Нам кажется, что они где-то далеко? Семени Ионовича Бекенштейна я встретил, когда он приводил в порядок только что выделенное помещение для общества «Шалом». Он произвел впечатление человека энергичного, очень аккуратного, с чувством юмора. Когда он ушел, мне сказали: «А ты знаешь, что этот человек был в Освенциме?»

Освенцим!.. Это слово – как пощечина, как плевок всему человечеству, человечности, каждому живущему. Это так не вязалось с жизнерадостным обликом Семена Ионовича, что я от растерянности задал идиотский вопрос: «На экскурсии?» Да, три года – с 1943 по 1945 – длилась эта «экскурсия»! И вот мы сидим в уютном помещении «Шалом», и он рассказывает, рассказывает... Говорит очень просто, обыденно, но сколько всего стоит за этим! Да разве можно пересказать жизнь? Лишь малая толика его рассказа сегодня перед вами.

Родители мои родились в Белостоке: отец в 1895, мать в 1897 году, там и жили. Отец – кожевник, его отец был сапожником, три брата – сапожники. Шили модельную обувь. У брата отца была мастерская на центральной улице города – улице Сенкевича, и они там работали. Отец работал на кожевенной фабрике, зарабатывал 5-8 злотых в день, можно было хорошо жить. Был мастером, но и сам работал.

Я родился в 1922 году, закончил четыре класса начальной еврейской школы – хедера, на идиш. Учили Гемару, Талмуд, Хумаш. Потом шесть классов другой школы, тоже еврейской. Содержал ее Гельман, директор школы (что-то за меня платили, но немного). В польскую народную школу евреев не брали и в государственные польские гимназии тоже. Правда, иногда, если отец очень богатый, в них можно было попасть, но очень редко. Я поступил в еврейскую гимназию, а потом родители перевели меня в еврейское ремесленное училище. Преподаватели были высшего уровня. Математику и физику преподавали два брата: у них были изданы свои учебники. (Впоследствии, в 1959 году, я закончил двухгодичные курсы ленинградского института повышения квалификации по специальности «техник-механик» на отлично: 23 предмета – 23 пятерки. Все это заложено было в еврейском ремесленном училище.)

Занимался боксом, был в Маккаби, что совсем нелишне – антисемитизм процветал, был хуже, чем в России, и частенько приходилось постоять за себя, да и за других тоже. Тренером был Кушнер, который несколько лет держал второе или третье место в Польше в своей весовой категории. Проучился я год, и началась война.

В Белосток вошли немцы. Бесчинствовали. Прошли неделю и ушли. Через две недели вошли русские, их тогдашние братья по оружию. И стали советские порядки: кто побогаче – в Казахстан, час на сборы и поехали. Национализировали все предприятия. У дяди была велосипедная мастерская, ее отобрали, отдали хлебокомбинату, но дядю оставили работать в нем главным механиком. Он взял моего младшего брата к себе учеником, и он стал токарем по металлу. Приехало много русских гражданских. Кино, театр – бесплатно, агитация. Говорили, что освободили часть России. Поляки ненавидели русских. Но русские не издевались над евреями. Меня направили учиться в железнодорожный техникум. Преподаватели были русские военные. Я попал в группу помощников машиниста паровоза. Затем перешел в механико-энергетический политехникум и проучился там год.

В субботу 21 июня 1941 года сдал последний экзамен по физике, а назавтра фашисты напали на СССР.

Боев в городе не было, бомбили только железнодорожную станцию. Через неделю, в пятницу, вошли немцы. Сразу же сожгли 29 улиц в еврейском квартале и большую синагогу вместе с находившимися там евреями – более тысячи человек. К этому времени в Белостоке жили 50 тысяч евреев, а в области 350. В первой половине июля немцы уничтожили более шести тысяч. Еврейский район унесли забором, установили двое ворот, поставили охрану, согнали туда всех евреев и образовали гетто. Все в возрасте от 15 до 65 лет обязаны были работать на немецких предприятиях, получая 500 г. хлеба в день, позже 350 г. Все еврейское имущество было конфисковано.

Внутри гетто было образовано самоуправление. Мы жили недалеко от ворот, метрах в двухстах, вчетвером, а когда всех согнали, стали жить двенадцать человек. Выпускали и впускали из ворот только по пропускам. Я работал вместе с отцом на фабрике кочеваром. На груди и на спине – желтая звезда. Ходить по тротуару не разрешалось – шли по проезжей части рядом с тротуаром. В магазины входить запрещалось. В феврале была проведена первая «акция»: тысяча евреев были убиты и десять тысяч отправлены в Трешлинку.

Утром 2 февраля 1943 года (мы полтора года уже жили в гетто) всех стали выгонять из домов на улицу. Я попытался спрятаться в подполье какого-то еврейского дома, но меня нашли, вытащили наружу и погнали к колонне на улицу Фабричную, где уже были отец, брат и дядя. Мама и другие родственники находились где-то в этой же колонне, но мы так и не увиделись. Подошла подвода, с нее стали бросать буханки круглого хлеба. Я говорю отцу: «Папа, залезай на подводу, помоги хлеб кидать, а там и уезжай с подводой». Папа сказал: «Прощай», и пошел. Он уехал с подводой, и больше отца я не видел. (Позже в Освенциме я узнал, что он погиб во время восстания в гетто в своем родном городе.) Всех поставили «пятерками», чтобы легче было считать, и погнали на железнодорожную станцию. Загнали в вагоны, и мы провели там ночь, а утром тронулись, не зная куда. Не кормили, ели только то, что было у каждого. Когда прибыли на место, нас разделили: женщины с детьми, старики, инвалиды – налево, и сразу же подъезжает машина со сходящими сзади на всю ширину кузова, чтобы по ним подниматься, и увозят. Куда увозят, мы уже предполагали... Молодые, до двадцати – отдельно. Всех опять строят «пятерками». Младший братишка мой (1927 года рождения) стоит крайний справа, я второй. Немец пальчиком распределяет, кому куда. Подошла наша очередь. Я держу брата за руку. Говорю: «Я токарь, мой брат – тоже». «Возьми его с

собой». Мы бегом к кучке молодых. Я говорю брату: «Пейсах, пока мы живы. Надолго ли, не знаю, но крепись». И здесь же встретили дядю Янкеля, младшего брата отца. Нас погнали бегом, пятерками в карантинный лагерь в Биркенау (Бжезинка по-польски), где мы пробыли шесть недель.

Лагерь назывался «цыганским», потому что как-то загнали туда цыган и через несколько дней всех уничтожили, а название осталось. Я спросил у одного чеха: «Вы давно здесь?» – «Три месяца, но вы вряд ли столько проживете». Оптимизма это не прибавило. Сразу по прибытии в лагерь нас погнали в баню. 123 мужчины и отдельно 97 женщин – всех оставшихся в живых. Первая мысль: «В крематорий». Но нет, это была баня. Там тоже издевались: давали или холодную воду, или кипяток. Выдали одежду с двумя треугольниками в виде могондавида на груди и на брюках справа: треугольник вниз углом – красный, вверх – желтый с номером. Мой номер 100611, который выкололи на предплечье левой руки здесь же, в бане. На второй день утром всех опять погнали пятерками. Остановили перед горой трупов, метра три высотой, не похожих на людей. Пошел снег большими хлопьями, и мы стали слизывать его друг у друга с плеч. Простояли часа два, потом команда: «Правое плечо вперед!», и обратно в барак. Эту картину я не забуду до конца дней своих. После этого я хотел повеситься. У меня был ремень, уже присмотрел подходящее место. Но ночью подумал: «А на кого я брата оставляю?»

В бараке, метров 30 длиной, мы втроем с братом и дядей без матраца и одеяла на одной кровати, а они были трехъярусными, значит, на каждой по девять человек. Во время карантина постоянно проводили «селекцию»: выстраивали всех в один ряд, идут пара эсэсовцев и врач, который щупал сонную артерию, проверял между пальцами рук, нет ли чесотки. Заставляли выжаться от земли: если не смог – таких больше не видели. Одна из таких проверок оказалась последней для моего дяди Янкеля – не успели даже попрощаться. Позже я встретил в лагере одного русского военнопленного (он был печником, поэтому и выжил), который рассказал, что их было сорок тысяч, а осталось человек десять. На карантине над нами издевались – заставляли носить песок: гора песка, кладут в шапку или в подол рубахи лопату или две песка, и надо отнести километра за полтора-два и высыпать. Рядом тоже гора песка. Берем из нее и так же несем обратно. И так целый день. Другой раз так же кирпичи таскали. Или выгоняют из барака, строят, заставляют валяться в грязи. Били. Евреи многие не выдерживали, быстро «доходили», погибали. Через шесть недель опять усиленная проверка здоровья, кто годится – на работу, а кого в расход. Брат высококонький, худенький, его оставили там, а меня перевели в Освенцим, в центральный лагерь (там было много лагерей). От брата никаких известий нет, но через полтора года я узнал, что всех, кто остался в «цыганском» лагере, отправили на лесоразработки в горы и

там перестреляли, как бы при «попытке к бегству», так там было объявлено. От возчика, работавшего в лагере, я узнал, что жену дяди Моисея, красавицу, оставили в женском лагере для медицинских опытов. Дальнейшую ее судьбу я не знаю.

В Освенциме я попал в 22-й блок на второй этаж, две недели ходили голышом, как новоприбывшие, потом перевели в блок 14-а. Выстригли нам на голове машинкой полосу, ее называли «Лаузенштрассе» (улица для вшей). И именно с этого момента началась моя жизнь в Освенциме.

Меня отправили работать на кожевенный завод за три километра. Попал на общие работы. Капо (начальник сотни) был немец Отто, с «зеленым треугольником», бандюга. Он меня однажды со всего маха сзади ударил лопатой по голове. Я закачался, но не упал, а то бы меня добились. Стал «доходить». Потерял счет времени. Меня спас капо Ливач – немецкий поляк. Работал я на разборке кирпичей после американской бомбежки. Нас выстроили, и капо Ливач говорит, что надо сделать замок, и показывает какой. Из всех только я взялся за это. Он меня отвел в мастерскую. Оказалось, что надо было сделать замок для задней дверцы кареты, чтоб она захлопывалась и открывалась ручкой без ключа. Карета была шикарная. Я осмотрелся. Там был немец с «красным треугольником», значит – политический. Взял я у него инструмент и сделал замок и даже врезал его, хотя меня не просили об этом. Замок я должен был сделать к вечеру, а я его даже вставил, и еще осталось время. Беру веник и начинаю убирать вокруг. Нам нельзя было не работать – за это наказывали. Входит капо Ливач: «Кто тебе велел этим заниматься? Я ему говорю, что все сделал. Он идет к верстаку: «А где замок?» – «Я его врезал». Он подошел к карете и давай дверцей хлопать. Остался очень довольным. (А он был кузнецом-художником, золотые руки.) «Приходи, – говорит, – завтра на работу прямо сюда. Я скажу капо Отто, что ты теперь будешь работать у меня». Это спасло мне жизнь. И я начал работать в кузнице и проработал до 18 января 1945 года.

Со мной работали еще человек пятнадцать, не только евреев. Запомнил одного еврея из Франции – он в горне жарил лягушек. Один поляк (он был здоровее меня) два раза пытался меня задушить: «Ты Иисуса Христа распял». Потом стал «лучшим» другом: он видел, что мои руки к чему-то годятся. Мы с ним вдвоем токарный станок восстановили, строгальный станок. Был еще Давид, потомственный кузнец. Мог отковать птичку – каждое перышко видно! Я даже не предполагал, что такое возможно. Он попал в лагерь вместе со мной. (Потом я его встретил в Румынии. Он предлагал ехать с ним в Израиль. Когда узнал, что я собираюсь в СССР, чтобы попытаться найти своих, сказал: «Куда ты едешь? Там такие же антисемиты, как в Польше».) В лагере хуже всех относились к евреям и русским. Русские были с «черным треуголь-

ником» – это означало «вредитель». Им доставалось больше, скажем, чем полякам, а евреям – больше, чем русским: табель о рангах. Ко мне все относились, в общем, неплохо.

Кормили нас так: литр супа, 300 граммов хлеба. Иногда в конце недели хозяин давал за работу кому одну, кому две, кому три марки, на которые можно было купить в магазине лагеря миску супа, сигареты, зубную щетку, зубной порошок, туалетную бумагу. Я работал и в выходной. Там был один немец кузнец, мы с ним ковали подковы. Делали по тридцать подков на двоих, научился подковывать лошадей, чинил брички. Была столярная, обувная мастерская, кожаная фабрика. Была швейная мастерская, где ремонтировали эсэсовскую одежду и одежду заключенных. Была «Канада» – там работали женщины, они проверяли привозимую одежду – пороли ее, искали спрятанные драгоценности: золото, бриллианты, в обуви тоже искали. Была прачечная. Привозили стиральные машины, я их собирал, проверял, пускал в работу. Привозили горы волос из крематория. Я не знаю, что из них делали. Волосы как будто живые – в них находили брошки, расчески, гребенки, шпильки. В одном отделении делали щетки, может, из волос? Там работали женщины. Лагерь, где мы жили, не бомбили, бомбили там, где работали. Во время бомбежек нас загоняли под зеленую сетку. Однажды меня сильно ударили ребром доски по плечу и что-то перебили, и я с тех пор плохо слышу на одно ухо.

После того, как советские войска начали наступление на Краков, меня эвакуировали в Маутхаузен. Добирались пять суток пешком и трое суток в вагонах. Выдали по буханке хлеба, 200 граммов маргарина, кружок колбасы и мазнули на хлеб повидлом. Шли «пятерками», по бокам охранники с оружием и собаками. Сзади время от времени слышались выстрелы: это пристреливали отставших, упавших, не могущих идти дальше. Потом загрузили на платформы с бортами, но без крыши. Стояли так тесно, что можно было поджать ноги и так висеть. К концу путешествия осталось в живых меньше половины.

В Маутхаузене после карантина направили в лагерь Гузен-2. Там я проходил под № 118549. На работу возили по УЖД, охрана шла рядом – в основном это были украинцы. Работали на авиационном заводе «Мессершмитт». Завод был спрятан в Альпах в штольнях, и американцы не могли его бомбить. Условия ужасные: ежедневно с работы уносили по двенадцать-пятнадцать мертвецов. Занимался проверкой деталей, присылаемых с других заводов. Бригада была интернациональная: еврей инженер из Франции; Владимир Игумнов — морской летчик из Ленинграда; летчик румын Борис, два инженера-автомобилиста с Украины. Командовал нами вольнонаемный австриец, который к нам неплохо относился.

1 мая я заболел, как потом оказалось, тифом, но на работу ходил, иначе прикончили бы. 5 мая 1945

года утром не будят, на работу не гонят. Высунулись в окошко – на вышках охрана перебита: пролетел американский маленький самолет и перестрелял их. Заключенные стали ловить оставшихся охранников и расправляться с ними. Появились винтовки, автоматы. Лагерь заняли американцы. А мне становилось все хуже, и я попросил, чтобы меня доставили в американский лазарет. Несколько дней был без сознания. Когда пришел в себя, все очень обрадовались. Американцы кормили очень хорошо. Всего много, вкусно, питательно, красиво. К тому времени, как я немного поправился, оказалось, что русских уже отправили, (куда – это уже другая история), и я решил с товарищем из моего города поехать в Польшу, а оттуда уже в Россию. Доехали до Остравы в Чехословакии. Объявили, что поезд стоит сутки. В городе встретили советского подполковника. Я сказал ему, что мы граждане СССР, хотим на родину. Он объяснил, куда надо обратиться. Направили нас в лагерь советских граждан, поселили в общую комнату.

Через некоторое время меня вызвали на допрос. У меня была бумага от американцев – освобождение из лагеря на английском, немецком и польском языках. Следовательно посмотрел ее и в стол, и больше мне не отдал. Я рассказал все, как было, а он кладет пистолет на стол: «Скажи лучше, как Родине изменял! Раз остался жив, значит изменял... Ну, ладно, я буду писать протокол, а ты посиди», – и запер меня в находящуюся тут же каморку-карцер с железной дверью. Сколько я там пробыл, не помню. Потом выпустил меня и дает подписать, что он там написал. Я прочитал и разорвал бумагу. По этой бумаге меня могли расстрелять! Он переписал бумагу, уже как я рассказывал, и я подписал.

Недели через две приехал капитан вербовать в рабочий батальон. Нас возили на работу в Польшу, Германию, Венгрию, Румынию, Австрию – косили, собирали урожай и т.п. Денег не было, только кормили. И всех постоянно гоняли на допросы, а меня – нет.

1 января 1946 года нас посадили в поезд, и месяц мы ехали, опять не зная куда. Приехали в Карелию, в Сегежу, там разделились, и человек сорок пошли пешком по Выгозеру 40 км до острова рыбаков. Ночевали. Дальше – до Петровского Яма в леспромхоз Верхневьгский. Там нас распределили по лесопунктам. Я попал в Тайгенцы, а дальше в Конжезеро. Работал в «инструменталке» пилоправом, точил пилы, топоры, делал лучковые пилы, топорщица. Денег не платили, только кормили. Жили впятером. Перед тем, как выдать документы, опять были допросы, запугивания. Только летом уехали военные, а мы остались. Потом перевели в Тайгенцы, затем в Петровский Ям, где осваивали первые электропилы. Я стал работать электромехаником на электростанции.

Там на обрубке сучьев работали военнопленные немцы. Был там один пилоправ немец, из лагеря поблизости, толковый мужик, считавшийся «главным ан-

тифашистом», и я иногда приглашал его к себе обедать.

В 1948 году я познакомился на танцах с девушкой Надеждой. Она окончила техникум в Тотьме и работала приемщиком. 11 июля праздновали сразу две свадьбы (10 числа я родился, 11-го женился, 12-го, наверное, помру). На следующий год 1 мая родилась дочь. Вторая дочь родилась в октябре 51-го, сын – 1 мая 1965 года. Сейчас один внук в третьем классе, два внука уже отслужили армию.

В 1951 году прошел в Архангельске курсы на главных механиков леспромхозов, но после окончания

главным не назначили – «дело врачей» (но это – между прочим).

В 1957 году приняли в партию в Медгоре. Меня представлял первый секретарь райкома Мартынов Петр Иванович. Он сказал: «Вы знаете, что это за человек? Он Гитлера победил!» Вот такие дела...

Семен Ионович замолчал. Помолчим и мы, ибо кто и что в присутствии Семена Ионовича Бекештейна может сказать?

2005

ГОРЬКИЙ ДЫМ ХОЛОКОСТА

Моим немецким друзьям
Данкварту-Паулю Целлеру, Михаэлю Фолькману
с любовью

*Кровь, пролитая на Кресте во искупление
всего человечества, есть кровь еврейская.
Леон Блой, французский католический писатель.*

*Антисемитизм – это социализм дураков и невежд.
Август Бебель, основатель германской
социал-демократической партии.*

О Холокосте очень трудно говорить, потому что сам факт Холокоста не укладывается в сознание, особенно то, что произошло это совсем недавно, в просвещенной Европе. Еще живы свидетели, еще не заросли рвы, еще где-то прячутся бывшие палачи. Как это могло случиться? почему так много людей приняло в нем участие? каким образом была подготовлена почва в человеческом сознании для подобного явления? почему правительства многих стран, зная о происходящем, не предпринимали мер, или хотя бы не осуждали происходящее?.. Вопросы, вопросы. Очень много вопросов. Сейчас, когда становятся достоянием гласности документы, относящиеся к тому времени, вопросов становится еще больше. А ответов?.. Английский государственный деятель Самуэль Герберт сказал: «Никакое следствие не бывает следствием лишь одной причины». Мы должны признать, что сколько-нибудь вразумительных ответов о причинах, породивших это чудовищное явление пока нет.

Член нашей религиозной общины д-р Залман Кауфман, сидевший в советском лагере после войны, рассказал, что жил в одном бараке с немцем, который попал в плен. Они работали на одной пиле на лесоповале и были достаточно дружны. Однажды в лесу во время ссоры Залмана Кауфмана с охранником, тот сбил его с ног и замахнулся топором, чтобы его прикончить. Тогда немец бросился на охранника и предотвратил это убийство, рискуя своей жизнью. Позже Кауфман спросил немца: «Вот отсидим мы срок, нас освободят, ты уедешь в Германию. Может быть мы снова встретимся. Как ты будешь ко мне относиться?» Тот подумал и сказал: «Вон, видишь ту сосну? Так я тебя на ней повешу. Евреи не должны жить».

В тот момент, когда над человеком нависла опасность, и некогда было думать, этот немец поступил, повинувшись заложенному в нем Вс-вышним инстинкту сохранения жизни, жизни как таковой, даже если это чужая жизнь. (Сказано: «Кто спасает одну жизнь – спасает целый мир».) Ответ же немца – это плод его сознания, то зло, которое в нем накопилось в результате насилия над Б-жественной волей. Это произошло в результате его воспитания, жизненного опыта, окружения, того времени, той идеологии, под влияние которой, он попал. С другой стороны, в то же самое время существовали и другие влияния, другие идеологии, другие теории. Почему его сознание выбрало для себя именно эту, хотя природа сохранилась в нем на инстинктивном уровне? И как сделать, чтобы наше сознание не входило в противоречие с заложенным в нас от рождения Б-жественным присутствием? Это проблема для всего человечества, независимо от

веры. Вс-вышний, создав человека, наделил его правом выбора, и от этого выбора зависит, какую жизнь проживет человек, как он повлияет на жизнь других людей, какой след оставит после себя. Согласно воззрениям иудаизма, человек создан для совершенствования мира. Но как и кто определяет что является улучшением мира, а что нет? Ведь ни один злодей не признается, что он желает ухудшить мир – все считают, что они его делают лучше и во имя этого совершаются многие преступления. Хотя сам факт того, что у человека есть потребность оправдать свои действия перед другими людьми, можно рассматривать, как присутствие в человеке божественного начала. И все же высший суд – это Б-жественный суд, и строить свою жизнь надо стремиться так, чтобы выдержать критерии именно этого суда.

С точки зрения иудаизма, наверное, самый болезненный вопрос в связи с Холокостом не в том, кто виноват, а как Он, Вс-вышний, мог допустить *это*... Все попытки представить Холокост, как наказание за отход от Б-га, несоблюдение заповедей, ассимиляцией и т.п. разбиваются о то, что в Америке, к примеру, все эти процессы происходили в неизмеримо большей мере. Так почему «наказание» не постигло американцев? Почему были просто сметены с лица Земли те, кто жил в местах, где было сконцентрировано основное ядро еврейской жизни с ее верностью Торе, веками освященными традициями, стремлением отгородиться от внешнего влияния? И уж совсем необъяснима гибель детей.

Существует мнение, что Холокост – это испытание евреев по типу Иова, который, несмотря на все

страшные несчастья, выпавшие на его долю, остался верен Б-гу. Но тут тоже противоречие: в пламени Холокоста погибали не только со «Шма Исраэль» на устах, но и принявшие христианство, неверующие, атеисты, злодеи и праведники. И, в отличие от Иова, они *погибли* – значит, это не могло быть испытанием для *них*, а предположить, что все эти жертвы – для испытания веры тех, кто остался жить... Об этом страшно даже подумать.

Есть такое понятие, как «сокрытие лица Вс-вышнего», когда Б-г как бы оставляет людей, и они действуют самостоятельно. Но это *кажущееся* отдаление Б-га, на самом деле человек сам забывает свою связь с Вс-вышними и нужно усилие для того, чтобы сорвать завесу со своей души, отделяющую ее от Б-га. Это ассоциация с событиями, описанными в книге Эстер, единственной книге Танаха, где нет упоминания Имени Вс-вышнего. Тогда впервые в истории евреев решили уничтожить только за то, что они евреи. Но замыслу не суждено было осуществиться, и злодеи понесли наказание. В книге говорится о казни злобного Амана и десяти его сыновей, задумавших погубить народ Израиля. Праздник в честь избавления евреев от уничтожения называется Пурим, от слова *пур*, что значит *жребий*, так как бросали жребий, чтобы установить дату истребления евреев. Холокост как бы повторение этой истории только в ее более страшном варианте. Тут прослеживается прямая связь с расправой главных нацистских преступников, и это понимал, по крайней мере, один из них – Юлиус Штрайхер, издававший грязный погромный журнал «Штюрмер», кричавший: «Пуримфест! Пуримфест!», перед казнью. Казалось бы, справедливость восторжествовала – преступники наказаны, но... И дальше уже нечего сказать. Слишком несоизмеримы преступления и расплата.

Много раз уже вставал вопрос о вере после Холокоста. Как увязать любовь Б-га и то, что произошло? Почему Он, да будет Имя Его благословенно, не вмешался и не предотвратил бойню. Почему люди способны на такое? И как жить после этого? Это очень болезненные вопросы. На них пока не найден удовлетворительный ответ. Может и не будет найден. Ведь есть заповеди Б-га, основания для исполнения которых, не понятны, но которые надо исполнять. Такие заповеди называются *хуким*, они заканчиваются формулировкой «Я – Б-г». Может и явление Холокоста из той непонятной области, которая заканчивается именно этой формулировкой? Или это совсем другое? Пока мы можем только констатировать сам факт Холокоста и пытаться предотвратить подобное на уровне человеческих отношений.

Иудаизм представляет историю, как историю еврейского народа под эгидой Вс-вышнего. И, конечно, можно сказать, что Вс-вышний вмешался и положил конец кровавой трагедии, после которой возродилось государство Израиль, которое может быть гарантом

того, что подобное не повторится. Евреи теперь имеют выбор: жить на земле, предназначенной им Б-гом, или остаться там, где они есть. (Здесь уместно напомнить, что ортодоксальное направление иудаизма не признает государство Израиль. Они считают, что евреев на их земле должен собрать Машиах (Мессия.) Но и появление государства Израиль не решило проблемы антисемитизма, а в какой то мере даже стимулировало его рост, и уж никак не может быть оправданием явления Холокоста.

Мне представляется, что и христианство несет ответственность за попустительство антисемитизму. Антииудейское христианское учение, обвинение евреев в убийстве Иисуса, кровавые наветы и вся полемика на протяжении веков, при том, что евреи не имели возможности даже ответить, создают у рядовых людей отрицательный образ еврея. Именно образ. А образ гораздо жизнеспособней реальности. Образы Ромео и Джульетты, Тристана и Изольды, Фигаро и т.п. укоренились в нашем сознании реальнее многих действительно существовавших личностей.

Со мной произошел такой случай. Во время работ по восстановлению еврейского кладбища в Петрозаводске я познакомился с ведущим специалистом мэрии по градостроительству, интеллигентным молодым человеком, с которым приятно было поговорить. Мы обсуждали проект, оговаривали детали, размечали границы кладбища, он давал профессиональные советы. И когда надо было окончательный вариант занести в официальные бумаги, он спросил: «А как мы назовем этот объект?» Я удивился и сказал: «Ну, а как? «Старое еврейское кладбище». Он поморщился, долго извинялся, объяснял, что очень хорошо относится к евреям, что среди его друзей много евреев, что его лучшими учителями в ВУЗе были именно евреи, и они хорошие врачи т.п. но... Но само слово «еврей» для него имеет отрицательный смысл, ассоциируется с чем-то нехорошим. Откуда у этого молодого человека, которому евреи, кроме добра, ничего не сделали, такое отношение к самому слову «еврей»? Тут есть над чем задуматься. Значит та атмосфера, в которой он формировался как личность, литература, которую он читал, круг общения – все это и утвердило в нем именно такое ощущение. А такие всем известные «перлы», как: «Ты хороший человек, хотя и еврей», «Нет, ты совсем не похож на еврея – ты хороший»? Опять вопросы. (Хотя в еврейской традиции считается, что задать хороший вопрос даже важнее ответа на него.)

Мне думается, что именно христианство, в первую очередь, должно формировать в сознании людей недопустимость человеконенавистничества, недопустимость юдофобства. Ведь именно теологический конфликт – считать Иисуса мессией или нет, положил раздел между евреями и христианским миром. И то, что Иисус был евреем (что, кстати, далеко не все христиане знают, а уж православных просто трясет,

когда им об этом напоминаешь), только усугубляет проблему. Может быть, где-то на подсознательном уровне у антисемитов, которые считают себя христианами, присутствует мысль, что «если ваш брат Иисус стал «христианином», то почему же вы упрямитесь?!» Отсюда, вероятно, и те дикие насильственные крещения евреев, это знаменитое «Или крестить, или топить!» И это во имя еврея – Христа! (Кстати, существует высказывание, приписываемое датскому гебраисту 18 века Вильяму Суреньусу: «Тот, кто хочет быть истинным христианином, должен стать сперва хорошим евреем». От себя в качестве шутки могу добавить: после того, как станешь хорошим евреем, может лучше остановиться?)

Христианская Библия разделена на две части – Ветхий завет и Новый завет. Я не знаю, как это звучит по-немецки, но в русском языке само понятие «ветхий» имеет оттенок дряхлости, чего-то пришедшего в негодность, в отличие от «нового», молодого. Уже в этом видится угол зрения на Священное писание. У любого, открывающего Библию, сразу возникает образ «старого» и «нового», и это, естественно, экстраполируется на тех, кто не признает Нового завета, то есть, на евреев. Так и возникает образ старых, цепляющихся за то, что давно устарело, отсталых евреев. (Любопытно, что марксизм тоже утверждал, что он, марксизм, передовое учение, в отличие от капитализма, который одряхлел и вот-вот загнет, и победа коммунизма неизбежна, ибо это диалектика. Правда, при любых аналогиях существует опасность «перекосов».) Я могу сказать даже больше – в таком контексте даже читать Ветхий завет незачем, что и происходит со многими, считающими себя христианами, не про вас будет сказано. Может быть, с этого и начинается нелюбовь к евреям. Мне кажется, долг христиан стараться побороть в себе этот стереотип и попытаться понять, почему евреи остались евреями. Понять, что *тот* Завет, заключенный Вс-вышним с евреями – *вечный* Завет, и для еврея не может быть никакого «нового». Поэтому еврей, отказавшийся от этого Завета, перестает быть собственно евреем. У Гете в «Годах странствий Вильгельма Мейстера» есть фраза: «Израиль – самая упорная нация в мире: она есть, была, и будет прославлять имя Иеговы в веках». Тут трудно что-либо прибавить. Мне кажется, если бы Б-г хотел сделать всех людей одинаковыми, он бы так и сделал. Тогда человечество выглядело бы монохромно, как на черно-белой фотографии. А человечество – это многокрасочное мозаичное панно, сотворенное вдохновением Вс-вышнего, где каждому созданию есть место. Конечно, можно отбить или отковырнуть кусочек этого полотна, и общая картина, вроде бы, останется такой же, но уже будет какая-то щербинка, какой-то дефект. Недаром сейчас столько усилий прилагается для восстановления вымирающих видов животных, растений, спасению рек, озер. Наконец человечество начинает понимать цельность этого мира, цельность Его Замысла.

Поскольку я говорю с друзьями, я позволю себе выразить может быть спорное мнение – вы меня поправьте – но мне кажется, утверждение христиан о том, что спастись можно лишь уверовав в Христа, приводит к желанию сделать христианами тех, кто в этом не очень нуждается. Я отдаю себе отчет, что это делается из лучших побуждений. Но все же, наверное, (извините за грубое выражение, но эта фраза Игоря Губермана уже стала русским фольклором) «тащить в рай за яйца» не самый удачный способ улучшить мир.

Иудаизм же утверждает, что праведники других религий тоже наследуют царствие Б-жье. Для этого не обязательно быть иудеем. Мало того, если человек хочет перейти в иудаизм, долг иудея объяснить ему, что лучше быть праведным неевреем и исполнять 7 заповедей для народов мира, чем не исполнить хоть одну из 613 заповедей, предназначенных для исполнения иудею.

Тут я позволю себе сказать несколько слов об отношении евреев к Иисусу.

Как можно судить по дошедшим до нас свидетельствам, Иисус был еврейским проповедником, которых в те времена было много. Это обусловлено тем, что существовала традиция передачи толкования Торы путем устного изложения от учителя к ученикам. Дело в том, что на Синае евреи получили не только письменную Тору, которая была записана, но и устную, на запись которой был наложен запрет. Устная Тора дополняла, интерпретировала Письменную, объясняла неясные места. Она заучивалась наизусть и таким образом передавалась из поколения в поколение. Считалось, что такая живая передача точнее, чем записанный текст, так как учитель имел возможность убедиться в том, что ученик правильно понял заучиваемое место, и только потом идти дальше. Лишь впоследствии, после разрушения Второго Храма в 70 году и изгнания евреев из своей страны, Устная Тора была записана, что и составило Талмуд. Передавая текст своим ученикам, учитель кроме этого мог добавлять, для лучшего понимания, свою интерпретацию. В Талмуде зафиксированы мнения и высказывания различных Мудрецов и школ, порой прямо противоположные по смыслу. Таким учителем и был, по описаниям, Иисус. Его могли считать пророком, так как он многие вещи говорил не от своего имени, а от имени Б-га. Он, очевидно, был *прушим* (фарисеем), что означает сторонящийся нечистоты. Ранняя иконография, примерно до 4 века, так и изображала Иисуса с головным *тфилин* – коробочкой с отрывками из Торы, которую накладывали на лоб во время молитвы. Тогда понятны его слова из Нагорной проповеди: «Не думайте, что я пришел нарушить закон (т.е. Тору) или пророков; не нарушить пришел я, но исполнить. Ибо истинно говорю вам: доколе не пройдет небо и земля, ни одна йота или ни одна черта не пройдет из закона, пока исполнится все». (Матф. 5:17, 18) Раввин Адин Штейзальц написал: «Можно сказать, что если бы Иисус воскрес, он скорее бы отправился в синагогу, чем в церковь, которую принял

бы за языческий храм». Все, что произошло потом – это другая тема.

Мне кажется, точно определил отношение евреев к Иисусу американский священник Чарльз Просперо Фаньяни (1854-1940) в работе «Христианин и еврей»: «Еврей верует в религию Иисуса; еврей не в силах заставить себя уверовать в религию об Иисусе». Или Генрих Гейне, со свойственной ему иронией: «Пристать к Христу – задача для еврея слишком трудная: сможет ли он когда-нибудь уверовать в божественность другого еврея?»

Особый разговор об отношении к евреям православной церкви. Эти отношения всегда отличались нетерпимостью. Мне трудно понять, чем это вызвано. Сейчас в России получает широкое распространение русский вариант фашизма. Антисемитская литература, периодические издания, публичные выступления – вся эта грязь повторяет уже пройденный путь нацистов. Законов, противостоящих этому нет. Хотя к закону в России традиционно особое отношение – «Закон, что дышло – куда повернул, туда и вышло», или известная фраза, произнесенная в прошлом веке: «Глупость российских законов компенсируется их невыполнением». На этом фоне особую роль играют средства массовой информации и все то, что формирует человеческое сознание – ту почву, которая или примет, или нет посеянное. Надо отдать должное – радио, пресса, телевидение в этой ситуации зарекомендовали себя достойно. Хуже обстоит дело с Православной церковью. Русские нацисты объявляют себя истинно православными, и их антисемитская демагогия, в большой мере, замешана на этом. (Главарь отделения РНЕ – Российское национальное единство Баркашова – в Петрозаводске имеет чин дьякона.) Русская церковь ни разу не выступила против этого. Мало того, известны случаи антисемитских проповедей в церквях, и многие выступления в печати представителей православного духовенства пахивают когда скрытым, а чаще и откровенным антисемитизмом. Аргументация несложная: «мировой заговор против православной России», «сионисты захватывают власть», «мировое зло ополчилось на Святую Русь», снова всерьез цитируют «Протоколы сионских мудрецов» и всякая подобная чушь. Над этим, конечно, можно посмеяться, если не знать, к чему это может привести. Русский философ Владимир Соловьев писал в 1890 году: «Усиленное возбуждение племенной и религиозной вражды, столь противной духу христианства, подавляет чувства справедливости и человеколюбия, в корне развращает общество и может привести к нравственному одичанию, особенно при ныне заметном упадке гуманных идей и при слабости юридического начала нашей жизни. Вот почему уже из одного чувства национального самосохранения следует решительно осудить антисемитическое движение не только как безнравственное по существу, но и как крайне опасное для будущности России!» (Как современно это звучит!). Дело не толь-

ко в антисемитизме русского православия. Сейчас Московская Патриархия, созданная Сталиным в 1943 году, рвется во власть. Генерал Владимир Шатохин из Академии Генштаба в 1996 году заявил: «Народ развращен ложным пацифизмом (!) и не научился еще любить наше благословенное православное оружие!» (Ни мало, ни много.) Священник Глеб Якунин, Председатель общественного комитета защиты свободы совести, с большой душевной болью пишет: «Верхом кощунства прозвучала идея, что, поскольку советские ракеты делались в Арзамасе-16, то живший в этих местах веком раньше преподобный Серафим Саровский является небесным покровителем оружия массового уничтожения. Более того, в ряде выступлений ракеты, предназначенные для уничтожения миллионов мирных граждан, были названы «нашими ангелами-хранителями».

Взрывы у синагог в Москве и Екатеринбурге, заложная бомба в московском еврейском театре «Шалом», убийство тринадцатилетней девочки-еврейки в Боровичах – чего еще ждать? Я думаю, поджог офиса общества «Запад-Восток» в Петрозаводске в этом же ряду. Почему власть бессильна против этого? Может, занята чем-то другим? А может, ей это на руку? Почему русская православная церковь, претендующая на роль духовного пастыря русского народа, молчит, не замечая этого? Опять вопросы...

И все же не все плохо в этом мире. Ваша община совершила акт, которому, как мне кажется, нет прецедента. Вы, христиане, фактически создали в далеком от вас Петрозаводске иудейскую общину. И сделали это не для того, чтобы потом попытаться превратить евреев в христиан, а для того, чтобы евреи могли вновь стать евреями! Сам факт этого, еще не оцененный ни в христианском мире, ни у евреев, может стать началом грандиозного пересмотра всех взаимоотношений между различными религиями. Вы указали путь, по которому можно и нужно идти, отбросив накопившиеся в течение столетий предрассудки. Ведь нигде, ни у христиан любых направлений, ни у евреев, нет запрета на великодушие, на уважение других воззрений, на творения добра. Мы живем на одной Земле, все сотворены по «образу и подобию Б-жьему», большинство проблем, с которыми мы сталкиваемся в жизни, общие – значит, и решать их легче вместе. Мало того, многих проблем просто не будет, если мы будем вместе!

В Псалме есть такие слова: «Пусть тот, кто стремится к долголетию, кто желает видеть добро во все дни свои, удержит язык свой от злословия и уста свои – от лживых речей. Пусть удалится от зла и творит добро; стремится к миру и добивается его» (Теһелим, 34: 13-15). А французский философ Анри Бергсон (1895-1941) сказал: «Мы существуем лишь тогда, когда действуем». Прислушаемся к этим словам.

Петрозаводск, 17 июня 1999 г.

*(Доклад прочитан в общине
им. Дитриха Бонхоффера (Тюбинген)
13 июля 1999 года)*

Память о Холокосте в СССР и в постсоветское время

Чтобы было понятно отношение советских властей и их приемников, к теме ШОА (Холокоста), необходимо хотя бы кратко напомнить некоторые основные моменты истории антисемитизма в СССР, начиная с начала Второй мировой войны вплоть до сегодняшнего дня.

Заклучив Пакт с фашистской Германией 23 августа 1939 года, СССР тем самым несет ответственность за то, что произошло потом. Разделив Польшу, войска вермахта и Рабоче-крестьянской Красной армии (РККА – так официально называлась советская армия до 1946 года) устроили парад победы 22 сентября 1939 года в городе Бресте, который немцы, по договору, передали СССР. В торжественной обстановке был спущен германский флаг и поднят советский. Интересно отметить, что акт передачи от Хайнца Гудериана принял еврей Семен Кривошеин – будущий Герой Советского Союза. По иронии судьбы С. Кривошеин в качестве командира 1-го механизированного корпуса отличился при освобождении того же Бреста от фашистских войск в феврале 1944 года.

В Российском государственном архиве социально-политической истории хранится письмо от 9 февраля 1940 года, отправленное начальником Переселенческого управления Совета народных комиссаров Евгением Чекменевым председателю Совета народных комиссаров Вячеславу Молотову: «Переселенческим управлением при Совете народных комиссаров Советского Союза получено два письма из Берлинского и Венского переселенческих бюро по вопросу организации переселения еврейского населения из Германии в СССР – конкретно в Биробиджан и Западную Украину. По соглашению правительства СССР с Германией об эвакуации населения на территорию СССР эвакуации подлежат лишь украинцы, белорусы и русские. Считаю, что предложения указанных переселенческих бюро приняты быть не могут. Прошу указаний». И лаконичный ответ на этот запрос: «Принять этих евреев мы не можем, у нас и своих предостаточно».

А если бы тогда СССР принял этих евреев, может быть, история не знала бы Холокоста?

Но явного государственного антисемитизма в СССР на данном этапе не было. Началом можно считать 1942 год. В самый разгар войны, когда решалась судьба самого СССР, 17 августа 1942 года появляется докладная записка Г. Александрова, руководителя Управления пропаганды и агитации при ЦК ВКП(б) «О подборе и выдвижении кадров в искусстве», в которой говорилось, что в руководстве различных учреждений культуры и искусства «оказались нерусские люди (преимущественно евреи)». Приводились в пример Большой театр, Московская филармония, Московская консерватория, и предлагалось «провести уже сейчас частичное обновление руководящих кадров в ряде учреждений искусства». Был уволен директор Московской консерватории А.Б. Гольденвейзер, досталось Г.Р. Гинзбургу, Я.В. Флиеру,

С.Е. Фейнбергу, Я.И. Заку, Э.Г. Гилельсу, В.А. Цуккерману. Начались чистки в других учреждениях культуры и искусства, учебных заведениях.

В начале 1943 года власти приказали главному редактору газеты «Красная звезда» Д. Ортенбергу «очистить редакцию газеты от евреев». Это стало началом массовых чисток в Главном политуправлении Советской армии и политуправлениях фронтов. Этот список можно продолжать до бесконечности. Важно подчеркнуть: это все происходило во время войны с фашистской Германией, когда положение на фронтах для Советского Союза было катастрофическим, когда было поставлено на карту само существование советского государства!

Начатая во время войны антисемитская кампания уже не прекращалась до самой смерти Сталина. Она время от времени просто затихала до новой вспышки, инициируемой каким-нибудь постановлением партии или статьей в «Правде» (что практически, одно и то же), и это являлось руководством к действию на местах. Причем надо понимать, что не имело значения, какой области деятельности касалась статья или постановление – все, от академиков до колхозников, обязаны были по отработанному сценарию повсеместно устраивать собрания, выявлять в своих коллективах «космополитов», «формалистов», «вейсманистов-морганистов», «сионистов» и пр. и отчитаться о проделанной работе.

14 августа 1946 было принято постановление ЦК «О журналах «Звезда» и «Ленинград», а затем А. Жданов выступил с докладом, поясняющим и расширяющим это постановление. Это положило начало откровенной русско-националистической кампании в стране, получившей негласное название «ждановщина». В 1946 году усилились нападки на Еврейский антифашистский комитет, созданный во время войны с целью организовать всемерную поддержку СССР в войне против фашизма со стороны евреев всех стран. В ноябре 1948 года комитет был закрыт, его участники арестованы, имущество конфисковано. В этом же году были закрыты все 15 еврейских государственных театров на территории Советского Союза.

28 января 1949 года редакционной статьей в «Правде» «Об одной антипатриотической группе театральных критиков» началась кампания по выявлению «космополитов», «формалистов», «вейсманистов-морганистов», борьба с «низкопоклонством перед Западом» во всех областях культуры, науки, кораблестроения, экономике, статистике и т.п. Каждое учреждение должно было найти в своих рядах и разоблачить «космополитов» (т.е. евреев).

Так, например, 20 февраля в газете «Культура и жизнь» появляется статья под заглавием «Буржу-

азные космополиты в музыкальной критике», подписанная Т. Хренниковым и В. Захаровым, фигурантами которой были Л. Мазель, Д. Житомирский, С. Шлифштейн, И. Мартынов, Г. Шнеерсон, И. Бэлза, А. Оголевец, Ю. Вайнкоп, Г. Коган, М. Пекелис, А. Буцкой и «некоторые другие поборники формализма». В ней не был «обделен» и Шостакович. Не разрешалось касаться еврейских тем даже в рамках общих советских периодических изданий. Дело дошло до уничтожения еврейских шрифтов, сохранившихся в некоторых типографиях.

8 февраля 1949 года Сталин подписывает подготовленное А. Фадеевым постановление Политбюро о роспуске объединений еврейских советских писателей в Москве, Киеве и Минске и закрытии альманахов «Геймланд» (Москва) и «Дер штерн» (Киев). Началась ликвидация еврейских учреждений культуры по всей стране и аресты их работников.

12 августа 1952 года были расстреляны виднейшие еврейские общественные деятели, деятели еврейской литературы и культуры.

В начале 1953 года разразилось «Дело врачей», как их стали называть «убийцы в белых халатах», обвиненных в том, что они хотели намеренно неправильным лечением убить членов советского Правительства, и только смерть Сталина прекратила этот шабаш.

В конце 50-х – начале 60-х на фоне вроде бы либерализации жизни в СССР вновь набирают силу антисемитские тенденции – появляются заметки в газетах, на некоторые факультеты ВУЗов не принимают евреев, началась борьба с иудаизмом, вернее с тем, что от него осталось, выпускаются книги типа «Что такое Талмуд», «Иудаизм без прикрас», «Реакционная сущность иудаизма», запрещается выпечка мацы, закрываются еврейские кладбища и т.п. Дагестанская газета «Коммунист» от 10 августа 1960 года писала: «Еврей, который не выпил хотя бы один раз в году крови мусульманина, не считается вполне правоверным евреем».

После Шестидневной войны новая волна антисемитизма захлестнула СССР. Шестидневная война предоставила советским идеологам удобную возможность легализовать и оправдать советский антисемитизм – с этого времени антиеврейские кампании можно было вести под флагом борьбы с «израильской агрессией» и с сионизмом. 3 июля 1967 г., меньше чем через месяц после войны, во всех ведущих провинциальных газетах Советского Союза появилась одна и та же статья – «Что такое сионизм». Это было началом новой фазы в советском антисемитизме, замаскированном под антисионизм. Современные антисемиты во многих странах тоже пользуются этим же приемом.

Появляется знаковое сочинение Ю. Иванова «Осторожно: сионизм!» (М., Политиздат, 1969), ко-

торое ежегодно переиздавалось вплоть до 1973 г., а также было переведено на украинский, белорусский, армянский, таджикский и другие языки народов Советского Союза, а также на английский, испанский, французский, польский и арабский. Печатаются и другие подобные книги: Е. Евсеев «Фашизм под голубой звездой» (М., «Молодая гвардия», 1971), В. Большаков «Сионизм на службе антикоммунизма» (М., Политиздат, 1972), сборники «Сионизм: теория и практика» (М., Политиздат, 1973), «Сионизм: мифы и действительность» (Киев, Политиздат, 1973; на украинском языке), Л. Моджорян «Преступная политика сионизма и международное право» (М., «Знание», 1973), В. Семенюк «Националистическое безумие» (Минск, «Беларусь», 1976). В статье В. Большакова, опубликованной «Правдой» в 1971 г., утверждалось, что всякий человек, который становится сионистом, автоматически превращается во врага советского народа

В марте 1970 года по центральному телевидению демонстрировали «антисионистскую пресс-конференцию советских граждан еврейской национальности», в которой участвовало 52 человека. В своем заявлении они восхваляли национальную политику партии в еврейском вопросе и клеймили сионистов: «Мы презираем смехотворные претензии правителей Израиля и их сионистских сообщников в других странах говорить от имени всех евреев... У евреев-тружеников... нет и не может быть ничего общего с сионистскими расистами».

Это заявление, опубликованное во всех советских газетах, подписали среди прочих министр В. Дымыщ, генерал-лейтенант Д. Драгунский, поэты А. Безыменский, А. Вергелис, Е. Долматовский, академики Г. Будкер, Я. Зельдович, И. Минц, М. Митин, А. Фрумкин, артисты Э. Быстрицкая, М. Прудкин, А. Райкин, режиссер В. Плучек, кинорежиссеры М. Донской и Ю. Райзман, председатель колхоза И. Егудин.

В марте 1983 года по распоряжению Юрия Андропова – тогдашнего Генерального секретаря ЦК КПСС – был создан Антисионистский Комитет Советской Общественности (АКСО) – общественная организация, состоявшая из деятелей-евреев и занимавшаяся пропагандистской и издательской деятельностью, критикующая сионизм, т.е. проповедующая официальный антисемитизм. Просуществовал комитет до октября 1992 года.

В 1980-е гг. происходит расцвет националистических антисемитских организаций. Начало активности московского общества «Память» приходится на 1982–83 гг. В 1984 г. одним из ведущих идеологов общества стал Д. Васильев, с этого времени начался заметный сдвиг «Памяти» в направлении радикального антисемитизма. Широкую известность «Память» приобрела в 1985 г. в связи с возникновением антиалкогольного движения, когда по стране широко распространялась лекция, обвинявшая сионистов,

троцкистов и империалистическую агентуру в «алкоголизации России».

В 1990-е гг. зарегистрированы многочисленные нападения на евреев (особенно выезжающих в Израиль) на всей территории Советского Союза – как с целью грабежа, так и без этой цели. Власти даже не пытались расследовать эти инциденты. Черносотенные погромные материалы публиковались в каждом номере «органа духовной оппозиции» ежедневной газеты «День» (запрещена в октябре 1993 г., а вскоре возобновилась под названием «Завтра»), газетах «Пульс Тушина», «Русское возрождение», «Русские ведомости» (все – Москва), «Колокол» (Волгоград). В огромном количестве экземпляров выходили известные антисемитские фальшивки: «Протоколы сионских мудрецов», «Катехизис советского еврея». Стала распространяться литература, отрицающая Холокост. Газета «Советская Россия» опубликовала статью митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Ионы, где «Протоколы сионских мудрецов» фигурируют в качестве документа, подлинность которого не подлежит сомнению. Происходили случаи осквернения могил на еврейских кладбищах. В июле 1993 г. было совершено нападение на Московскую хоральную синагогу, были выбиты стекла, на стенах изображена свастика. В стране действовали откровенно фашистские организации, например: Русское национальное единство А. Баркашова (в прошлом – телохранитель руководителя «Памяти» Д. Васильева). На первых свободных президентских выборах в России (декабрь 1993 г.) значительного успеха неожиданно для многих добилась популистская Либерально-демократическая партия, лидер которой В. Жириновский выступал под шовинистическими и часто антисемитскими лозунгами.

Весной 1999 г. была взорвана бомба у синагоги на Большой Бронной в Москве. В праздник Рош ha-Шана были осквернены могилы на еврейском кладбище в Астрахани. В Йом-Кипур 19 сентября была открыта стрельба у новой синагоги в городе Боровичи.

Большое количество эксцессов осуществлялась русскими фашистами к 20 апреля – дню рождения А. Гитлера. Так, в апреле 2002 г. изображение свастики появилось на зданиях синагог в Оренбурге, Костроме, Перми (также надпись «Смерть жидам!»). Свастика и антисемитская надпись появились 1 апреля на входной арке старого еврейского кладбища в Петрозаводске, 5 апреля на проспекте Мира в Костроме, в ночь с 11 на 12 апреля на стене еврейского центра в Йошкар-Оле, в ночь на 20 апреля на стене здания еврейской общины в Ульяновске (подпись: «Общение с евреями опасно для вашего здоровья»).

В марте 2004 г. была взорвана бомба у здания Московского Института изучения иудаизма под руководством раввина Адина Штейнзальца, известного своим переводом Талмуда на современный иврит, английский, испанский и русский языки.

И в Петрозаводске, традиционно спокойном, славившемся своей толерантностью городе, в девяностые-двухтысячные годы наблюдались антисемитские проявления: это надписи на домах, арке старого еврейского кладбища, осквернение еврейских могил, листовки, появление в печати антисемитских статей и материалов. Заводились уголовные дела, но никто так и не был привлечен к ответственности. Большой резонанс вызвал поджег в марте 2005 года двери здания, где раньше размещался благотворительный фонд «Хэсэд Агамим» и синагога, и оставленная при этом надпись: «Цвибель тебе – хана!», окруженная свастиками. Сообщения об этом инциденте были размещены на многих сайтах, в том числе и иностранных, напечатана заметка в журнале «Лехаим». Мне сразу же позвонили из консульства США в Санкт-Петербурге, Израильского культурного центра, откликнулся главный раввин Санкт-Петербурга Менахем-Мендл Певзнер. Из Сан-Франциско пришла телеграмма на имя Министра внутренних дел республики от Пинны Левермор, исполнительного директора «Совета большого залива» – организации, которая незадолго до этого проводила в Петрозаводске семинары для работников МВД по теме: «Преступления на почве ненависти».

Теперь, на этом фоне, разберем несколько примеров увековечения памяти о Холокосте в СССР и в постсоветское время.

«Черная книга» – сборник документов и свидетельств очевидцев о преступлениях против еврейского народа на территории СССР и Польши в годы Холокоста, а также об участии евреев в сопротивлении против нацистов во время Второй мировой войны, составленный и литературно обработанный коллективом советских журналистов под руководством Ильи Эренбурга и Василия Гроссмана (в рамках их деятельности в составе Еврейского антифашистского комитета) в 1940-х годах.

Во время войны видные советские писатели и журналисты Илья Эренбург и Василий Гроссман были военными репортерами Красной Армии. Документальные сообщения Гроссмана из лагерей смерти Треблинка и Майданек – одни из первых свидетельств (1943) Холокоста. Его статья «Треблинский ад» (1944) была представлена во время Нюрнбергского процесса как документ для судебного преследования.

По сообщению Ильи Альтмана идея «Черной книги» принадлежала Альберту Эйнштейну и Американскому комитету еврейских писателей, ученых и артистов. Именно Эйнштейн (по словам одного из руководителей ЕАК – поэта И. Фефера) обратился вместе с писателями Ш. Ашем и Б.-Ц. Гольдбергом в конце 1942 года в ЕАК с предложением начать сбор материалов об уничтожении гитлеровцами еврейского населения СССР. Но ЕАК не знали, надо ли создавать книгу, посвященную исключительно еврейскому

населению, и дело не двигалось до визита Фефера и Михоэlsa в США летом 1943 года. Эйнштейн и американские коллеги продолжали настаивать на совместной работе, но только после «длительных телеграфных переговоров с Москвой» Фефер и Михоэлс получили санкции партийного руководства.

Окончательно сформированный текст книги включал 118 материалов.

Совинформбюро разослало рукопись книги в США, Англию, Францию, Палестину и др. страны. В 1946 г. книга была издана в США.

В книге «Люди, годы, жизнь» Илья Эренбург пишет: «20 ноября 1948 года, когда закрыли Еврейский антифашистский комитет, рассыпали набор «Черной книги», забрали гранки и рукопись». При подготовке к судебному процессу 1952 года, где обвинения были предъявлены руководству ЕАК, участие в создании «Черной книги» занимало весьма важное место.

После разгона ЕАК все подготовительные материалы к «Черной книге», занявшие 27 томов, были сохранены в архиве МГБ, затем переданы на секретное хранение в ЦГАОР (совр. Государственный архив Российской Федерации), и стали открытыми для исследования только в 1989 году.

В 1970 году, разбирая архив отца, Ирина Эренбург обнаружила папки «Черной книги» и, зная, что ими интересовался КГБ, отдала его на хранение разным людям, а затем в начале 80-х годов переправила в Иерусалим. Эта рукописная «Черная книга» хранится в Национальном мемориале катастрофы и героизма (Яд ва-Шем) в Израиле.

Впервые на русском языке «Черная книга» вышла в Иерусалиме в 1980 году в издательстве «Тарбут», но, как отмечалось в предисловии, некоторых материалов в Израиле не оказалось. (Это издание осуществлено на основе рукописи, разосланной в 1946 году в 10 стран). Затем ее издали в Киеве в 1991 году.

Мемориал «Яма» расположен на улице Мельникайте в Минске и посвящен жертвам Холокоста. Здесь нацистами было расстреляно около 5 000 узников минского гетто.

Обелиск был установлен в 1947 году. Текст надписи на нем был создан на идише поэтом Хаимом Мальтинским: «Светлая память на вечные времена пяти тысячам евреев, погибших от рук лютых врагов человечества – фашистско-немецких злодеев 2 марта 1942 года». Это был первый памятник жертвам Холокоста в СССР, на котором было разрешено сделать надпись на идиш.

Но затем Мальтинского (в 1949 г.) и каменотеса Мордуха Спришена (в 1952 г.) арестовали и сослали в лагерь ГУЛАГа по обвинению в «космополитизме – проявлении еврейского буржуазного национализма», в том числе за то, что посмели написать на памятнике не предписанную фразу о «мирных советских гражданах», а прямо о евреях.

В 2000 году была установлена бронзовая скульптурная композиция «Последний путь», расположенная вдоль ступенек, ведущих к центру мемориала и представляющая собой группу обреченных мучеников, спускающихся на дно ямы. Памятник создавался в течение 8 лет. Архитектор – Леонид Левин. Скульпторы – Александр Финский, Э. Полок.

При выполнении работ по реконструкции мемориала не применялись машины и механизмы – все работы выполнялись вручную, в том числе и устройство фундамента скульптуры. Раскопки не проводились.

«Бабий Яр» – урочище в северо-западной части Киева, между районами Лукьяновка и Сырец. Бабий Яр получил всемирную известность как место массовых расстрелов гражданского населения, главным образом евреев, цыган, киевских караимов, а также советских военнопленных, осуществлявшихся немецкими оккупационными войсками и украинскими коллаборационистами, начавшихся 29 сентября 1941 года накануне самого важного дня еврейского календаря – ЙОМ КИПУР. По разным подсчетам, в Бабьем Яру в период с 1941 по 1943 год было расстреляно от 70 000 до 200 000 человек. Но Бабий Яр стал также символом отношения советских властей к евреям и теме Холокоста. В официальном сообщении Чрезвычайной государственной комиссии (ЧГК) о трагедии в Бабьем Яру, отредактированном в Управлении пропаганды ЦК ВКП(б) и утвержденном заместителем председателя Совета Народных Комиссаров СССР В. М. Молотовым, слово «евреи» было заменено на «мирные советские граждане».

Решение о строительстве памятника погибшим власти УССР приняли еще в марте 1945 года, но открыт он был лишь накануне 35-й годовщины трагедии, 2 июля 1976 года. Надпись на монументе гласила: «Советским гражданам и военнопленным солдатам и офицерам Советской Армии, расстрелянным немецкими фашистами в Бабьем Яру». То, что особо не были упомянуты евреи, вызвало жестокую критику за пределами СССР. В 2005 году правительство Украины объявило Бабий Яр историко-культурным заповедником. Строительство здания музея не закончено.

В середине 1950-х годов Бабий Яр был частично засыпан, и через него были проложены две магистрали. Одна из них, разрезала Бабий Яр на две неравные части – большую северную и маленькую южную. Южная часть была превращена в сквер, часть которого впоследствии была снесена под гаражи. Северная часть Бабьего Яра частично была использована под строительство жилого массива Сырец, частично под спортивный комплекс и парк. В 1952 г. городские власти постановили залить Бабий Яр жидкими отходами соседних кирпичных заводов. Овраг был перегорожен земляным валом с целью незатопления жилых районов. Параметры вала и пропускная способность дренажной системы не соответствовали нормам

безопасности. Утром в понедельник 13 марта 1961, в результате бурного таяния снега, вал не выдержал напора воды, и образовавшийся селевой поток высотой до 14 метров хлынул в сторону Куренёвки. Жидкой пульпой была залита площадь около 30 га. Потоп продолжался всего полтора часа, но его последствия были катастрофическими. В результате трагедии стадион «Спартак» был затоплен слоем жидкой грязи с глиной настолько, что его высокой оградой не было видно; был затоплен трамвайный парк. Растекшаяся пульпа стала твердой, как камень. Согласно официальному отчету с пометкой «для служебного пользования», в результате аварии разрушено 68 жилых и 13 административных зданий. Властями было принято решение не афишировать масштабы трагедии. Данных о погибших и раненых в отчете нет. Сейчас точное количество жертв катастрофы установить невозможно; по оценкам киевского историка Александра Анисимова это примерно 1,5 тыс. человек.

После катастрофы работы по заполнению яра были продолжены. Часть пульпы, выплеснувшейся на Куренёвку, уже в затвердевшем виде перевозилась самосвалами назад для засыпки яра. Впоследствии через заполненные отроги яра была проложена дорога с Сырца на Куренёвку, устроен парк.

В 60-е годы в советской прессе появились упоминания о массовых расстрелах в Бабьем Яру. В 1966 году в журнале «Юность» был опубликован сокращенный вариант документального романа Анатолия Кузнецова «Бабий Яр», однако издание романа отдельным изданием затягивалось, а затем было вообще прекращено. После бегства Кузнецова за границу экземпляры журнала с главами романа были изъяты из фондов библиотек. Полностью роман вышел в России уже в послеперестроечную эпоху.

Но подлинным памятником убитым евреям стало стихотворение Евгения Евтушенко «Бабий Яр», опубликованное в Литературной газете 19 сентября 1961 года. Перед публикацией главный редактор Валерий Косолапов сказал, что ему нужно посоветоваться с женой, поскольку после публикации его уволят. Тем не менее, он принял положительное решение, и его уволили. Эту газету, как говорят «зачитывали до дыр». Впервые в советской прессе открыто написали про уничтожение евреев и осудили это преступление! Через год состоялась премьера Тринадцатой симфонии Дмитрия Шостаковича, получившей название «Бабий Яр», первая часть которой написана на этот текст. Это стало уже явлением мирового масштаба. Вся история с исполнением симфонии, искажением текста, отношением властей, травлей авторов много раз описана, и мы не будем останавливаться на этом. Заметим только, что еще в 1945 году Дмитрий Клебанов, украинский композитор и дирижер, написал свою Первую симфонию «Памяти мучеников Бабьего Яра». Тематический материал симфонии был пронизан еврейскими мелодиями, а апофеозом стал

скорбно-траурный вокализ, напоминающий еврейскую поминальную молитву Кадиш. Композитор был обвинен в «еврейском буржуазном национализме» и «космополитизме» одновременно, произведение было запрещено к исполнению. Клебанова отстранили от должности Председателя Харьковской организации Союза композиторов и на долгие годы отодвинули присвоение ему звания профессора. Симфонию исполнили лишь через 45 лет, в 1990 году в Киеве, когда Дмитрия Клебанова уже не было в живых.

И все же, 29 сентября 1991 года в Бабьем Яру был поставлен памятный знак «Менора». От бывшей конторы еврейского кладбища (на месте которого в начале 1970-х были построены корпуса телецентра) к памятнику проложена вымощенная плиткой «Дорога скорби». Установку этого памятника пришлось ждать 50 лет!

1 ноября 2005 года на 42-м пленарном заседании Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций приняла резолюцию 60/7 «Память о Холокосте», в которой постановляет:

1. постановляет, что Организация Объединенных Наций объявит 27 января Международным днем памяти жертв Холокоста, который будет отмечаться ежегодно;
2. настоятельно призывает государства-члены разработать просветительские программы, благодаря которым будущие поколения усвоят уроки Холокоста, чтобы содействовать предотвращению будущих актов геноцида, и в этой связи высоко оценивает деятельность Целевой группы по международному сотрудничеству по вопросам просвещения, памяти и исследованию Холокоста;
3. отвергает любое отрицание Холокоста – будь то полное или частичное – как исторического события;
4. выражает признательность тем государствам, которые активно способствовали сохранению мест, использовавшихся в качестве нацистских лагерей смерти, концентрационных лагерей, принудительно-трудовых лагерей и тюрем во время Холокоста;
5. безоговорочно осуждает все проявления религиозной нетерпимости, подстрекательства, преследования или насилия в отношении отдельных лиц или общин, обусловленные этническим происхождением или религиозными верованиями, где бы они ни имели место;
6. просит Генерального секретаря учредить программу просветительской деятельности под на-

званием «Холокост и Организация Объединенных Наций», а также принять меры по мобилизации гражданского общества в целях сохранения памяти о Холокосте и просвещения по связанным с ним вопросам, с тем чтобы помочь предотвратить будущие акты геноцида, представить Генеральной Ассамблее доклад об учреждении этой программы в течение шести месяцев после принятия настоящей резолюции и представить доклад об

осуществлении этой программы на ее шестьдесят третьей сессии.

Многие ли государства – члены ООН выполняют эту резолюцию?

Петрозаводск, 5 ноября 2014 г.

(Доклад прочитан 10 ноября 2014 г. в рамках Недели еврейской культуры в Штутгарте)

Еврей Петрозаводска – христиане Тюбингена: удивительная история любви

История человечества полна бесконечных войн, кровопролития и насилия. Человек слишком часто забывает по чьему «образу и подобию» он сотворен. Замысел Творца – счастливая жизнь его созданий, а счастье одного не может быть построено на несчастье другого.

«Годы жизни нашей – семьдесят лет, от силы – во семьдесят; но и лучшая часть ее проходит в напрасном труде и страданиях. Быстро обрываются годы и улетают от нас» (Пс. 90:10) – так говорит псалмопевец. И наша задача распорядиться этим коротким временем, отпущенным нам, для созидания, для того, чтобы оставить этот мир следующим поколениям пригодным для жизни, чтобы мир стал немного лучше, чище, светлее.

Мир един, и произошедшее где-нибудь событие когда-нибудь найдет свой отклик, иногда самым неожиданным образом. Кто мог предположить, что события 9 ноября 1938 года в Германии откликнутся 19 июля 1996 года в Петрозаводске? XX век принес России и Германии страшные испытания коммунизмом и фашизмом. Невозможно реально представить или подсчитать тот урон Человечеству, который нанесен этими идеологиями, отрицавшими Б-га, обещавшими устроить рай на земле.

Именно 19 июля 1996 года еврейской общине Петрозаводска был передан Свиток Торы, приобретенный на средства, собранные жителями города Тюбингена. Это событие изменило жизнь евреев нашего города, позволило им стать полноправной общиной, соединило их незримыми нитями со своими предками, с великими традициями своего народа. Как даже небольшой камешек, брошенный у истока реки, меняет ее русло, заставляет ее течь в другом направлении, так Свиток Торы дал совершенно новый импульс развитию еврейской общины Петрозаводска и ее роли, как в деятельности в Карелии и России, так и в отношениях с жителями города-побратима Тюбингена. Как написал в поздравительном адресе по случаю дарования Торы общине Петрозаводска обер-бургомистр д-р Ойген Шмид (Eugen Schmid): «То, что сейчас в нашем партнерстве пишется страница немецко-еврейской истории, меня очень радует. Мы обязаны этим усилиям сознающим свою ответ-

ственность людей как здесь, так и там: Еврейскому культурному центру «Шалом» и большому кругу тюбингенских христиан, сгруппировавшемуся вокруг священника Данкварта-Пауля Целлера и Михаэля Фолькмана, которые осуществили эту впечатляющую акцию бескорыстия, передав еврейским мужчинам, женщинам и детям в Петрозаводске Тору и заложив тем самым основы для жизни новой еврейской общины. Для меня этот гражданственный порыв, родившийся внезапно, в разговоре нескольких человек, является свидетельством того, что первоначально нежное растение партнерства между немцами и русскими, между Петрозаводском и Тюбингеном, со временем пустило глубокие корни и на своем мощном стволе сумело напитать живительным соком многие ветви, на возникновение и рост которых мы до недавнего времени не смели даже и надеяться».

Действительно, развивающийся христианско-иудейский диалог между нашими общинами, диалог равноправных партнеров показывает пример того, как должны строиться отношения между некогда не доверяющих друг другу сообществ, между которыми на протяжении столетий существовал антагонизм, зачастую приводящий к страшным последствиям. Из этого тупикового пути нам удалось выйти. Как сказано: «Кто герой? Тот, кто врага превращает в друга» (Абот де Р. Натан). Первоначально в общине Петрозаводска с настороженностью встретили предложение о даровании Свитка Торы христианами: были сомнения, что это предлог для ведения миссионерской деятельности. Но не оставляющее сомнения в намерениях письмо от Данкварта-Пауля Целлера (Dankwart-Paul Zeller), и Михаэля Фолькмана (Michael Volkmann) рассеяли это опасения и заложили крепкий фундамент наших отношений: «... Мы отбрасываем тысячелетние предубеждения христиан против евреев и их религии, которые были поводом и предлогом для неизмеримых преступлений. Если мы дарим Свиток Торы, это не значит, что мы ждем, чтобы евреи перестали быть евреями. Мы ищем диалога между духовно родственными людьми, а не хотим обращения в другую веру...» Именно на этой основе и строятся наши взаимоотношения. (Интересно, что совсем недавно, 10 декабря 2015 года, Ватикан об-

народовал программный документ, где впервые зафиксирован официальный отказ от миссионерской работы среди иудеев. Отныне евреи – согласно католической доктрине – единственный народ на Земле, не нуждающийся для спасения души в «благой вести» христианства. Получается, несмотря на то, что иудеи не верят в Иисуса, католические богословы признают спасение евреев «теологически бесспорным» и объявляют этот парадокс «неразрешимой божественной тайной»).

Был еще один сложный момент, который необходимо было преодолеть – это то, что многие члены общины воевали. Надо было суметь перестать видеть перед собой врага, пусть и прежнего. Надо было провести в своем сознании границу между преступными правительствами, гнусными идеологиями и конкретными людьми, многие из которых оказались заложниками этих систем. Просто удивительно, как встретились в Петрозаводске на службе в синагоге два солдата-артиллериста – Залман Кауфман и Пауль Целлер, прошедшие войну по разные стороны фронта. Оказалось, что оба были в Боровичах: Залман Кауфман – в госпитале после ранения; Пауль Целлер – в лагере военнопленных. Вот как описывает Пауль Целлер то, что с ним там произошло:

«Это случилось в рабочей команде при кирпичном заводе, где мы должны были укладывать сырые глиняные кирпичи в обжиговые печи, а готовые обожженные выкатывать на тележках. Однажды грузовик с провиантом застрял в снегу. Таким образом, в обед мы остались без капустной баланды и хлеба. Голод буравил кишки. Мы, пленные, апатично примостились у теплых обжиговых печей. Уже за несколько дней до этого я заметил маленький, утопающий в снегу деревянный домик за территорией завода. В обеденное время над трубой кольцами сгущался дым. Кто бы мог там жить? Может быть, ночной сторож завода? Я и сегодня не знаю, почему я вдруг, воспользовавшись краткой отлучкой надзирателя, протопал по снегу к находящемуся рядом жилищу. Дверь была притворена. Я постучался и вошел. Чем мучительнее голод, тем ниже порог запретов, тем чаще люди доходят до наглости. Узенький проход с крепко утрамбованным глиняным полом вел мимо единственной комнаты прямо в побеленную кухню: маленький деревянный стол, два стула, полка над старой печкой, хранящая пару обитых эмалированных мисок да кое-что из посуды. Перед небольшой иконой в углу стояла, легко склонившись, маленькая женщина в черном, бормotala что-то себе под нос и непрерывно крестилась. Когда я тихонько кашлянул, она медленно обернулась ко мне, взглянула на меня вопросительным, чуть ли не ожидающим взглядом затуманенных глаз, как будто рассчитывала на мой приход, и перекрестилась в последний раз. Я как будто прирос к месту, не произносил ни слова, показал нерешительно, но однозначно на свой живот и дотронулся затем до рта. Жест, который понятен на всех языках мира. Бабушка по-

кивала головой и, не говоря ни слова, вынула из-за иконы две фотографии, поднесла их мне к лицу и положила другую руку себе на грудь. На одной фотографии был мужчина средних лет в военной форме, внизу стоял год – 1916, на другой – красноармеец лет двадцати, с орденом на груди. Ей не нужно было ничего объяснять: первый был ее мужем, второй – единственным сыном; один погиб от немецких пуль или осколков гранаты в первой, другой во второй войне против немцев, вторгшихся в страну. Она снова бережно положила фотографии за икону, перекрестилась и затем безмолвно пошла к печке в другом углу помещения, открыла жестяную дверцу духовки над плитой и вынула оттуда тарелку. На тарелке лежал ее обед, который она разогревала: четыре вареные, чуть сморщенные картофелины в мундире. Кроме этого, у нее на кухне, наверное, не было ничего. Она поставила тарелку на стол, пошарив, вытащила кривой ножик из ящика стола, очистила картофелины и протянула две из них, ровно половину, мне, чужаку, недавнему врагу, и тогда и теперь непрошеному гостю, который, вероятно, напомнил ей ее погибшего сына. Мы молча ели, делясь насущным, ели, медленно жуя, каждый свои две картошки, прямо с руки. Старушка все время кивала головой, пока мы безмолвно, но все же красноречиво делили трапезу друг с другом – разве это не причастие? Когда я встал из-за стола, меня охватило ощущение, будто я участвовал в древнем таинстве. Я поблагодарил, неловко поклонился и протянул женщине в черном, этой «вдове из Сарепты» (3 Цар., 17) на прощанье обе руки. Она схватила мою голову, поцеловала меня в лоб, еще раз перекрестилась и махнула дрожащей рукой мне вслед, когда я по утрамбованной глине коридорчика шагнул из дома снова на холод. Эта русская женщина из Боровичей научила меня большему, чем дюжина профессоров-теологов за восемь семестров учебы. Никогда больше мне не доводилось столкнуться с подобным проявлением милосердия, благодати и того, что обозначается в Писании словом «шалом».

Может быть, именно тогда и начался долгий путь солдата вермахта через пасторское служение к налаживанию побратимских связей между Тюбингеном и Петрозаводском и сбору средств на Свиток Торы для евреев тогда еще далекого города-побратима. Вот так рушатся стереотипы, меняется человек, завязываются теплые отношения между некогда чужими людьми, начинает исполняться заповедь «Люби ближнего твоего, как самого себя» (Лев. 19:18)

Сейчас осталось совсем мало людей, принимавших участие во Второй мировой войне, и в России громко празднуют День победы те, кто не знает, что это такое, какую беду несет любая война людям, даже, если они и выжили. Причем, празднуют, размахивая кулаками и кичась силой, а не склоняя головы, поминая павших. В стране, где традиционно жизнь не является высшей ценностью, это очень опасная тенденция. Андрей Дмитриевич Сахаров предупреждал

об этом еще в конце XX века: «Сильные, истинные чувства людей – ненависть к войне и гордость за то, что было совершено на войне, – ныне часто эксплуатируются официальной пропагандой – просто потому, что больше нечего эксплуатировать... Но есть и манипуляция, культ Великой Отечественной войны на службе политических целей сегодняшнего дня, и это – отвратительно и опасно!» («Воспоминания», стр.37. Написано между 1978-1998 гг.)

Для того, чтобы молодежь осознавала трагизм войны, к которой приводит культ насилия и попрание основного права человека на жизнь, мы в День Победы читаем кадиш у Вечного огня на могиле Неизвестного солдата, затем едем на кладбище немецких военнопленных, находящееся на окраине Петрозаводска, и по еврейскому обычаю оставляем на памятной плите камешки, привезенные из Иерусалима. Этой акцией мы хотим привить сознание того, что в войне, по большому счету, нет победителей – проигрывают все. (Вспоминается первый визит делегации Дитрих-Бонхоффер Кирхе в Петрозаводск в 1998 году. Оказалось, что одна из приехавших – Трауте Зоммер, уже была в Карелии... в 1945 году. Ее, шестнадцатилетнюю девушку, депортировали сюда из Восточной Пруссии и отправили этапом в женский концлагерь в Падозеро (деревня недалеко от Петрозаводска), где она чудом выжила. В первый же день визита она посетила это место и поклонилась тем, кто остался там навсегда...)

Именно поэтому так важно то, что происходит между нашими общинами – человек, посмотревший в глаза другого, ощутивший его тепло, никогда не будет смотреть на него через прицел автомата.

Из письма Пауля Целлера:

Дорогой Дима, я считаю, что на нашей совместной работе по возрождению еврейской жизни в Карелии лежит благословение нашего Г-спода. Всегда, когда я думаю о вас, о тебе, о братьях и сестрах в синагоге, в Шаломе, то меня наполняет глубокая благодарность и надежда, что жизнь общины будет и дальше развиваться и становится все сильнее и многие люди, принимающие активное участие, еврейские друзья, будут излучать добрый свет на жителей города, чьи души при коммунистическом бюрократизме и подавлении оставались пустыми. Я глубоко убежден, что Г-сподь Авраама и Моисея остается верен своему избранному народу, что мы, так называемые "христиане" тоже, не смотря ни на что, имеем благословение Авраама, несмотря на то, что мы сделали Его народу. Проблема заключается в том, что те "христиане" и евреи, которые ничего не знают о Торе, несмотря на то, что в ней содержится все, что должно служить процветанию человечества. Слово "христиане" я ставлю в кавычки, потому, что в нем содержится утверждение, что пророк из Назарета является Мессией. Я лично не считаю, что Иисуса нужно считать Мессией. Он сам, как и многие набожные иудеи его времени ждал скорого наступления мессианской эпохи и надеялся, поэтому

еврейские братья и сестры хотят опять вернуться к Торе и в ней найти первоначальную правду. А сегодня это не так, что евреи и "христиане" вместе надеются на будущее царство шалом, которое Г-сподь Авраама наполнит своим духом. Будущее мессианского царства является уже само по себе большим делом, и мы, как те, кто принимает его подарок, должны нашими сердцами быть готовыми к тому, что в какой-то из дней будет совершен акт любви и это станет постоянным явлением. Этот путь нам мостит Г-сподь своими добрыми камнями. И пусть Г-сподь, дорогой Дима, помогает тебе на твоём пути, на котором ты находишь свое еврейское "я" и пусть он и дальше благословляет тебя в этом.

Паулю Целлеру:

Дорогой Пауль!

Наша встреча на квартире Вадима Мизко (Именно тогда поднялся вопрос о Свитке Торы. Д.Ц.) изменила мою жизнь. Без этого я, может быть, так и не реализовал бы себя как еврей, как сын своего отца. Когда я первый раз в жизни в петербургской синагоге держал в руках СВИТОК ТОРЫ, я реально почувствовал свою связь со своим народом, его историей, судьбой. Единственно, что омрачало мою радость, это то, что мой папа не дожил до этого момента. Для него было бы важно не только то, что его сын стал настоящим евреем, но и то, что этому способствовал немец...

В 2005 году параллельно в Тюбингене и Петрозаводске выходят два воззвания: Пауль Целлер и Михаэль Фолькман выступают с «Обращением к церквям всех конфессий в нашей стране за установление официального церковного дня памяти 9 ноября «ДЕНЬ ПАМЯТИ И ОСОЗНАНИЯ (ОБРАЩЕНИЯ) (Erinnerung und Umkehr)»; я – с призывом ко всем религиозным организациям Карелии создать постоянно действующий комитет представителей всех зарегистрированных в Карелии религиозных объединений, опираясь на «Декларацию мирового этоса», принятую Вторым Парламентом религий мира в 1993 г. в Чикаго, разработанную Хансом Кюнггом (Hans Küng), руководителем Фонда «Мировой этос» при Тюбингенском университете. Я предложил созвать круглый стол для обсуждения межконфессиональных отношений. Для того, чтобы познакомиться друг с другом, рассказать о своих проблемах, найти точки соприкосновения. Должно было пройти определенное время, прежде чем на эти предложения откликнулись.

И вот в 2006 году, к десятилетию отношений между общинами Дитрих-Бонхоффер и петрозаводской еврейской общиной в мэрии Петрозаводска состоялся первый круглый стол. Ханс Кюнг прислал большое приветствие, где, в частности, говорится: «С радостью я воспринял инициативу еврейской общины в Петрозаводске о том, чтобы пригласить руководителей религиозных сообществ в Петрозаводске вместе с друзьями из евангелической общины Дитриха Бон-

хоффера из города-побратима Тюбингена на встречу за круглым столом... Всем участникам круглого стола... я выражаю благодарность за их готовность к разговору и от имени фонда «Мировой этос» желаю открытого и плодотворного диалога и большой удачи!» На состоявшейся встрече присутствовали: с немецкой стороны – Данкварт-Пауль Целлер, д-р Курт Зюттерлин, Ульрика Эльстнер-Зюттерлин, Лора Ауэр, д-р Михаэль Фолькман, переводчик проф. Валентина Двинская; Ольга Сидловская, секретарь архиепископа Мануила (Русская православная церковь); пастор Виктор Гриневиц (Ингерманландская евангелическо-лютеранская церковь); Федор Акименко (Союз христиан веры евангельской (пятидесятники)); капитан Леонид Баданин (карельский корпус Армии спасения); Александр Сташков (Церковь святых последних дней (мормоны)); муфтий Визам Али Бардвил (духовный лидер карельских мусульман); Виктория Вебер (общественная организация «Исламское просвещение»). Еврейскую общину представляли Дмитрий Цвибель и Дмитрий Генделев. Присутствовали так же представители городской администрации, вела встречу Фарида Фадеева. После официальных представлений и приветствий выступил Пауль Целлер. Главная мысль его обращения заключалась в общности происхождения всех собравшихся здесь религий или конфессий от Торы Израиля. Михаэль Фолькман представил информацию о христианских церквях и других религиях в Германии и о фундаментальных изменениях в отношении к евреям, произошедших во всех евангелических церквях земли Баден-Вюртемберг и в католической церкви. В ходе дальнейшего разговора Ольга Сидловская зачитала приветственное обращение архиепископа Мануила к собравшимся. Представители других христианских церквей и муфтий представили свои объединения и выразили готовность вести мирное сосуществование и продолжить диалог. В заключение полуторачасового обмена мнениями присутствующим был роздан текст декларации «Мирового этоса» и приветствие Ханса Кюнга участникам встречи: ФОНД «МИРОВОЙ ЭТОС» для межкультурных и межконфессиональных исследований, образования, встреч.

В 2014 году делегация из Петрозаводска впервые участвовала в Дне памяти 9 ноября на Синагоген-платц у памятника на месте сожженной в 1938 году нацистами синагоги, где состоялся городской митинг, на который собрались 150 человек. Выступали обер-бургомистр Борис Палмер (Boris Palmer), глава еврейской общины Тюбингена Давид Холинстат (David Holinstat), представители общественности, молодежь. По традиции на церемонии была рассказана история одной тюбингенской еврейской семьи, погибшей в огне Холокоста. Я тоже выступил, закончив свое выступление словами: «Великий еврейский законоучитель Гиллель сказал: «Не делай другому того, чего бы ты не желал себе». Это долгий путь. Но китайская мудрость учит нас: «Даже самая длинная

дорога начинается с первого шага». И мы его сделали». На следующий день в газете «Швабский листок» («Schwäbisches Tagblatt») был опубликован репортаж с фотографией и цитатой из этого выступления.

Во время этого визита состоялись удивительные встречи, демонстрирующие насколько наш мир тесен, насколько переплетены судьбы, и этим необходимо дорожить и делать все, что в наших силах, чтобы люди осознали это и понимали свою личную ответственность за то, что происходит в мире.

Как подтверждение сказанного, состоялась наша встреча в недавно открытой небольшой уютной синагоге в городе Эсслинген с раввином Иегудой Пушкиным, бывшим петрозаводчанином. Он вспомнил учебу в петрозаводском университете и даже то, что Наташа Цвибель, моя дочь, помогла ему как-то с курсовой работой. Репатриировавшись в Израиль, он закончил ешиву и стал раввином. Здесь он курирует сразу несколько небольших городков. Сейчас община собирает средства на приобретение Свитка Торы. Мы пожелали им удачи.

Еще одна неожиданная встреча произошла в Ульме. В прекрасном современном здании синагоги в центре города нас встретил раввин Шнеур Требник. Я поинтересовался, говорят ли ему что-либо такие имена: Шимон Требник и Нохим Требник. Он сначала опешил:

– Как же, Шимон Требник – это мой дедушка, руководивший ешивой в Москве! А Нохим Требник – брат дедушки, он после войны руководил ешивой в Париже. А Вы откуда знаете их имена?

Я рассказал ему, что раввин нашей синагоги Ефим Левин, זיכרונו לברכה, из Сновска учился там в хедере. А когда хедер закрыли большевики, с ним стал заниматься Шимон Требник, учивший с ним Хумаш с комментариями Раши, Шульхан Арух и Гемару. А на прощание подарил ему на память Танах со своим автографом.

Шнеур был потрясен! Он сказал, что знал, конечно, что дедушка преподавал в ешиве, но никогда не встречал кого-нибудь из его учеников, или кого-то, кто хотя бы знал их. И вот... У нас была с собой книга «Возрождение еврейской общины в Карелии» с фотографиями Ефима Левина и мы с удовольствием подарили ее Шнеуру. Как сказал Михаил Булгаков: «Как причудливо тасуется колода!» («Мастер и Маргарита»).

Михаэль Фолькман договорился о встрече в фонде «Мировой этос» с научным координатором фонда д-ром Гюнтером Гебхардтом. Нас хорошо приняли, и во время беседы неожиданно вошел Ханс Кюнг. Это был большой приятный сюрприз для всех. Состоялся теплый дружественный разговор. Михаэль Фолькман подарил Хансу Кюнгу экземпляр книги «Возрождение еврейской общины в Карелии» Дмитрия Цвибеля, переведенной на немецкий язык Юлитой Хуф (Julita Huf). В свою очередь, Ханс Кюнг подписал

и подарил нам свою книгу «Во что я верю», переведенную на русский.

Об отношениях между нашими общинами Михаэлем Фолькманом собран обширный ценный материал в книге «Евреи Петрозаводска – христиане Тюбингена: удивительная история любви» (Juden in Petrosawodsk, Christen in Tübingen: eine erstaunliche Liebesgeschichte), изданной в Тюбингене в 2007 году. В 2011 году эта книга была переведена на русский язык Валентиной Двинской и издана в Петрозаводске.

История Свитка Торы, подаренном христианами Тюбингена евреям Петрозаводска, послужила основой для художественного произведения «Тайна партизанской Торы» (Das Geheimnis der Partisanen – Tora) Данкварта-Пауля Целлера, вышедшей в Тюбингене

в 2008 году, обозначенной автором, как «Теологический детектив». Эта книга также была переведена на русский и издана в Петрозаводске в 2012 году (Перевод Ириной Бенземан-Рывкиной).

Мы верим, что в гигантском многокрасочном мозаичном панно мира, создающемся Вс-вышним, есть и наш камушек – христиан Тюбингена и евреев Петрозаводска, камушек наших отношений, и хотим, чтобы его заметили.

Петрозаводск, 30 ноября 2016 г.

(Доклад прочитан в Петрозаводске на семинаре

«Петрозаводск и Тюбинген – укрепление сотрудничества»)

ВРЕМЯ ЛЮБИТЬ

18 июля 1996 года (2 ава 5756 года) в Большой Хоральной синагоге Санкт-Петербурга состоялась церемония передачи Свитка Торы нашей общине. Этот Свиток был подарен жителями Тюбингена – города-побратима Петрозаводска по инициативе пасторов Данкварта-Пауля Целлера, Михаэля Фолькмана и общины Дитрих-Бонхоффер-Кирхе.

В архиве религиозной общины хранятся два документа, посвященные этому знаменательному событию.

ПРИВЕТСТВЕННЫЙ АДРЕС ПО ПОВОДУ ПЕРЕДАЧИ ТОРЫ ЕВРЕЙСКОМУ КУЛЬТУРНОМУ ЦЕНТРУ В ПЕТРОЗАВОДСКЕ ОТ ОБЕРБУРГОМИСТРА Д-РА ОЙГЕНА ШМИДА, ТЮБИНГЕН

В ночь с 9 на 10 ноября 1938 г. в Германии горели синагоги. Вот и в Тюбингене вспыхнула огнем синагога на Гартенштрассе, здание было разрушено, предметы культа и священные свитки были брошены в Неккар. После войны поджигатели предстали перед судом; однако те, кто погубил рукописи Торы, никогда не были призваны к ответу. Еврейская община Тюбингена, уже сократившаяся в десять раз в результате эмиграции и преследования, была ограблена, потеряв религиозные и культовые основы своего существования; жизнь еврейской общины в Тюбингене угасла. Она не возродилась и по сию пору.

Известно, как дальше разворачивалась история: за ограничением жизненного пространства и изгнанием последовало физическое уничтожение, национал-социалисты и их приспешники разрушали жизнь еврейских общин в Германии и Европе самым жестоким и человеконенавистническим способом. Жертвами немецкой машины уничтожения стали, в первую очередь, народы Восточной Европы; нападение на Советский Союз летом 1941 года означало страдание и смерть, бегство и изгнание также и для русскоязычных народов. С тех пор много всего произошло. Особенно в последние годы мы являемся свидетелями таких процессов, которые в течение длительного времени невозможно было себе даже вообразить. Народы Восточной Европы стряхнули с себя иго диктатуры; существовавшие до той поры крепко сколоченные мировые политические блоки распались, и именно мы, немцы, которые десятилетиями жили в этом разделенном пространстве, имеем особую причину для радости и благодарности – жить в мирном воссоединении.

Развитие последних лет доказало также, что история нас не отпускает от себя. Наступившие перемены принесли с собой новые проблемы, и события в бывшей Югославии подтверждают, что беззаконие и война еще не искоренены. Груз прошлого и сегодня давит на нас, накладывая на нас определенные обязательства и служа напоминанием.

Однако сближение, которое принесли с собой последние годы для людей в Германии и в России, настраивает меня на оптимистический лад. Вот и наши города, Петрозаводск и Тюбинген, приняли участие в этом процессе самыми разнообразными способами: от официального побратимства через многочисленные неформальные встречи и контакты до обширной и интенсивной дружбы семьями между петрозаводчанами и тюбингенцами.

То, что сейчас в нашем партнерстве пишется страница немецко-еврейской истории, меня очень радует. Мы обязаны этим усилиям сознающих свою ответственность людей как здесь, так и там: Еврейскому культурному центру "Шалом" и большому кругу тюбингенских христиан, сгруппировавшемуся вокруг священника Данкварта-Пауля Целлера и Михаэля Фолькмана, которые осуществили эту впечатляющую акцию бескорыстия, передав еврейским мужчинам, женщинам и детям в Петрозаводске Тору и заложив тем самым основы для жизни новой еврейской общины. Для меня этот гражданственный порыв, родившийся внезапно, в разговоре нескольких человек, является свидетельством того, что первоначально нежное растение партнерства между немцами и русскими, между Петрозаводском и Тюбингеном, со временем пустило глубокие корни и на своем мощном стволе сумело напитать живительным соком многие ветви, на возникновение и рост которых мы до недавнего времени не смели даже и надеяться.

То, что тюбингенские христиане оказывают поддержку карельским евреям в создании их общины, как раз и является такой ветвью. Кое-кто может подумать, будто речь идет о разновидности "заглаживания вины", об успокоении нечистой совести. Правда, это было бы заглаживанием того, чего невозможно загладить. Я же рассматриваю эту помощь прежде всего как выражение внимания и уважения, как попытку преодолеть политические и идеологические границы, даже и религиозные. Граждане этого города взяли на себя ответственность, которая выросла из роковых лет нашего столетия, и они глядят вперед поверх недавних "железных занавесов" с готовностью сотрудничать с Вашим народом во имя общего будущего.

Помощь в приобретении Торы для еврейской общины в Петрозаводске есть вклад в это будущее. Шесть лет тому назад зародилась дружба между нашими городами и с этого же времени началось возрождение еврейского самосознания в Карелии. Да способствует вклад христиан из Тюбингена тому, чтобы снова началась и расцвела жизнь еврейской общины!

Д-р Ойген Шмид, обербургомистр

Тюбинген, июль 1996

*Доктору ОЙГЕНУ ШМИДУ,
Обербургомистру города Тюбингена*

НЕКОТОРЫЕ МЫСЛИ ПО ПОВОДУ ПЕРЕДАЧИ СВИТКА ТОРЫ
ЖИТЕЛЯМИ ГОРОДА ТЮБИНГЕНА ЕВРЕЙСКОЙ ОБЩИНЕ
ГОРОДА ПЕТРОЗАВОДСКА

Мир един, и произошедшее где-нибудь событие когда-нибудь найдет свой отклик, иногда самым неожиданным образом. Кто мог предположить, что события 9 ноября 1938 года в Германии откликнутся 19 июля 1996 года в Петрозаводске?

20 век принес Германии и России страшные испытания фашизмом и коммунизмом. Невозможно реально представить или подсчитать тот урон Человечеству, который нанесен этими идеологиями, отрицавшими Б-га, обещавшими устроить рай на земле. И если фашизм был осужден мировым сообществом, то "призрак коммунизма" все еще бродит и ждет своего часа! Евреи испытали на себе и фашизм и коммунизм. И, очевидно, в генетическом коде еврейского народа это останется навсегда.

По еврейской традиции в каждом человеке (исключая праведников и злодеев) хорошего и плохого поровну, и каждый поступок в каждый данный момент может перевесить чашу весов в ту или иную сторону. Всевышний, да будет благословенно Имя Его, создав человека, оставил за ним право выбора. И от этого выбора каждого человека зависит жизнь Человечества. Когда рухнула берлинская стена, мы, евреи, облегченно вздохнули, ибо историческая память нашего народа помнит что такое гетто, потому, что мы хорошо знаем, что такое разделенный народ. И мы с удовлетворением наблюдаем, как немецкий народ, стряхнув с себя пепел фашизма и коммунизма, строит свою жизнь в семье народов.

После Войны напротив дома, где жила наша семья в Петрозаводске, строился дом немецкими военнопленными (эти дома существуют и поныне). Мой отец, в совершенстве знавший немецкий язык (он даже перевел поэму Пушкина "Полтава" на немецкий), знаток немецкой литературы, изучавший немецкую философию, преклонявшийся перед великой немецкой музыкой, познакомился через ограду, окружавшую стройку, с немецким офицером, подкармливал его, и они часто беседовали. И этот образ полуголодных, оборванных людей, не ведавших, что их ждет завтра – немецкого офицера и советского еврея, разделенных колючей проволокой, обсуждавших тонкости языка или философские воззрения Ницше – стоит передо мной.

Я пишу эти строки со слезами на глазах от радости события 19 июля 1996 года и от печали, что моему отцу не дано было дожить до этого часа.

Я благодарю Данкварта-Пауля Целлера (этого удивительного человека) и Михаэля Фолькмана, а в их лице ВСЕХ, осуществивших эту благородную акцию, и верю, что это начало большой дружбы между нашими общинами, начало **нормальных** отношений, ибо люди должны искать понимания друг друга, уважая особенности каждого.

Я благодарю Вас, уважаемый господин Шмид, за Ваше послание и интерес к этому очень важному для нас событию. В нашей общине Вы будете желанным гостем.

*С глубоким уважением
Дмитрий Цвибель
28 июля 1996 года. Петрозаводск*

Долг памяти нашей

Благословен, кто вспоминает то,
что забыто.

И. Агнон

Мы существуем лишь тогда, когда действуем.

А. Бергсон

Все началось с телефонного звонка: женщина сообщила мне о принятом решении снести старое еврейское кладбище, окончательно разрушенное при прокладывании теплоцентрали, которая прошла по его территории. К этому времени оно уже было за пределами ограды, огораживающей соседнее кладбище, что спровоцировало всегда находящихся в таких случаях вандалов к действиям, «не совместимым с понятием цивилизованных людей». Лишь два-три надгробия удалось спасти родственникам, живущим в Петрозаводске, и перевезти их на другое кладбище. (Мне говорили, что впоследствии видели камни в мастерских местных скульпторов, и не исключено, что бюст какого-нибудь «вождя мирового пролетариата» сработан из надгробного камня петрозаводского еврея). Звонившая попросила не называть ее имени и повесила трубку.

Александр Модылевский, Юрий Рыбак (прадед которого похоронен на этом кладбище) и я попросили о приеме, и были приняты мэром Петрозаводска Сергеем Катанандовым. Этот прием и решил дальнейшую судьбу кладбища. Нам удалось убедить Сергея Леонидовича в значении для еврейской общины и для истории города этого кладбища, как единственного материального свидетельства проживания в Петрозаводске евреев с прошлого века. И хотя по существующему законодательству о сроке давности со дня последнего захоронения кладбище могло быть уничтожено, Сергей Катанандов подписал постановление № 3254 от декабря 1994 года «О передаче петрозаводскому обществу еврейской культуры «Шалом» в бессрочное пользование земельного участка еврейского кладбища для благоустройства и содержания». Для благоустройства и содержания – значит, теперь это наша забота придать ему достойный вид, чтобы, проходя мимо, не надо было опускать от недовольства глаза.

Архитектор Грета Логинская создала прекрасный проект благоустройства, который был утвержден главным архитектором города, с монументальной входной аркой и площадкой, памятной доской и памятным знаком «Менора». Но для осуществления этого проекта нужны были большие средства. Наши возможности не позволяли и надеяться на его осуществление, а все мои многочисленные обращения по этому поводу в Джойнт, Сохнут, РЕК так и остались лишь на бумаге.

Но помощь пришла с неожиданной стороны!

Летом 1995 года состоялась встреча, во многом определившая дальнейшую жизнь нашей общины – я познакомился с Паулем Целлером, приехавшим в наш город по делам общества Запад–Восток. (Это особая тема, ждущая своего часа). А пока мы поговорили о наших нуждах, бедах, надеждах и расстались, не зная во что это все выльется. Но уже в ноябре месяце я получил из Берлина от Иохима Раша, представляющего

Акцию Знака искупления, сообщение о возможности приезда для работы по благоустройству кладбища группы из 15 человек и просьбу об устройстве и подготовке программы по их пребыванию в Петрозаводске. Одновременно Пауль Целлер сообщил о начале кампании в Тюбингене по сбору средств на приобретение Свитка Торы для евреев Петрозаводска! Акция Знака искупления, базирующаяся в Берлине, была создана в 1958 году христианами-евангелистами по инициативе главы евангелического синода Лотара Крейсига, боровшегося в нацистской Германии против уничтожения инвалидов. Молодые люди из разных стран собираются для волонтерской работы по восстановлению синагог, церквей, кладбищ, для ухода за пережившими фашистский геноцид, для работы в мемориальных центрах памяти жертв фашизма и т. п. Летом 1996 года группа молодых людей из Тюбингена: Сюзанна, Доротей, Даниела, Беата, Анна-Барбара, Удо, Мартин, Кристиан, Анджей (из Польши) – во главе с Альбрехтом Кнохом приехала в Петрозаводск для работы на старом еврейском кладбище. За короткий срок они сумели расчистить территорию, откопать и собрать осколки многих памятников, составить описание всех могил, переписать и перевести на русский язык (!) все сохранившиеся надписи – то, что, к нашему стыду, не смогли сделать мы. Спасибо им от всех нас! Их имена достойны быть вписанными в историю еврейской общины Петрозаводска. Эта акция широко освещалась в прессе как нашей, так и немецкой и продемонстрировала один из самых простых способов найти взаимопонимание – творить добро. Там, где добро – нет места злу. У молодых людей появились друзья в Петрозаводске, с которыми они продолжают контакты, а Мартин Эммерих в прошлом году прошел полугодовую стажировку по фармацевтике в петрозаводских аптеках.

Этим же летом, наконец, начались и работы по возведению ограды вокруг кладбища. И мы должны поблагодарить Сергея Катанандова, Антонину Лысину, администрацию города, сумевших в нелегкое для них время найти средства на этот проект. И все же

оставалось неясным, что делать дальше. Опять же помогли наши немецкие друзья: из денег, собранных на Свиток Торы, они выделили на благоустройство кладбища 6000 марок. И мы решили на эти деньги, плюс на деньги, которые собрала наша община, возвести входную арку, которую так и назвали – Арка Целлера. И когда уже во время работ оказалось, что не хватает средств, пришел на помощь Владислав Мотин. И эта часть проекта была завершена, белоснежная арка органично вписалась в городскую архитектуру, и теперь кажется, что так было всегда. Там мы проводим церемонию Йом на-Шоа. Но осталась неосуществлен-

ной из-за отсутствия средств другая часть проекта. В позапрошлом году в торжественной обстановке был заложен памятный знак «Менора», который должен стать памятником евреям, погибшим при погромах, репрессиях, войнах. На чистом листе бумаги поставили свои подписи представители нашей общины, общины Дитрих-Бонхоффер-Кирхе, так много сделавшие для нас. Мы не писали декларацию о намерениях, мы подписались под тем, что будет сделано. А что будет сделано и как скоро, во многом зависит от нас самих. Я верю в успех.

Время любить

Мир, мир тому, кто вдалеке,
и тому, кто вблизи.
(Исайя, 57:19)

В конце июня еврейская община Петрозаводска встречала своих немецких друзей. Еврейско-немецкая дружба – такое словосочетание постепенно входит в сознание, хотя по обе стороны существует еще немало психологических препятствий, и от каждого участника этого нелегкого процесса зависит, куда потечет с трудом пробившийся ручеек.

Три года назад, летом 95, состоялась встреча, положившая начало нашим взаимоотношениям, которые за этот короткий срок переросли в настоящую дружбу, и даже более того. На одном из приемов во время пребывания нашей делегации в Тюбингене в июле 97 родилась импровизация, что Свиток Торы, подаренный еврейской общине христианами Тюбингена – это наш общий ребенок, и мы ответственны за его судьбу, поэтому должны быть вместе – в противном случае придется платить алименты. Мне видится в этой шутке глубокий внутренний смысл. И уж совсем фантастична встреча христианского пастора немца Пауля Целлера и ученого-еврея Залмана Кауфмана в петрозаводской синагоге (!), выяснивших, что оба участвовали в одном бою под Боровичами более 50 лет назад, когда один попал в русский плен, а другой – в госпиталь! Такое не придумать, такое случается только в жизни.

Немецкая делегация – это Лора Ауэр, Мария Адельман, Гизела Глазер, Трауте Зоммер, Ульрика и Курт Зюттерлин, Хельмут Барт и, конечно же, Пауль Целлер, удивительный человек, с которого все и началось. (К сожалению, другой руководитель и вдохновитель акции "Свиток Торы – евреям Петрозаводска" Михаэль Фолькман не смог приехать и прислал теплое приветствие).

И опять же, оказалось, что Трауте Зоммер уже была в Петрозаводске... в 1945 году. Ее, шестнадцатилетнюю девушку, депортировали сюда из Восточной Пруссии и отправили этапом в концлагерь в Падозеро, где она чудом выжила. В первый же день она посетила это место и поклонилась тем, кто остался там навсегда...

Программа пребывания делегации включала в себя встречи с правлениями "Шалом", Хэсэда Ага-

мим, религиозной общины, посещение еврейского кладбища, Кижей, первого русского курорта "Марциальные воды", участие в праздновании Дня города и даже обед на даче у Греты Логинской. Но главная встреча состоялась в помещении Хэсэда: на Каббалат Шабат были приглашены те, кто получал помощь из Тюбингена, чтобы встретиться с теми, кто эту помощь осуществляет.

Роскошный стол с настоящей гефилте фиш (спасибо нашим милым женщинам), особая атмосфера сделали этот вечер незабываемым, а присутствие на нем обербургомистра Тюбингена д-ра Ойгена Шмида показало, с какой серьезностью относится к нашим взаимоотношениям немецкая сторона. В своем выступлении г-н Шмид высказал уверенность в укреплении наших связей, выказав при этом глубокое понимание проблем, связанных с еврейским вопросом, и подарил нашей общине прекрасную фотоработу с видом Муниципалитета Тюбингена. Мы, со своей стороны, преподнесли г-ну Шмиду еврейский камень (разновидность пегматита), добытый в Карелии и \$ 100 – свой символический вклад в сооружение памятного знака на месте сожженной в 38 году тюбингенской синагоги. Свое вдохновенное слово сказал Пауль Целлер.

После этого состоялась презентация первого номера еврейской газеты, что для большинства присутствующих оказалось сюрпризом, и открытие памятной доски с текстом: "Синагога основана на средства, собранные евангелической общиной Дитрих-Бонхоффер-Кирхе (г. Тюбинген) по инициативе пасторов Данкварта-Пауля Целлера и Михаэля Фолькмана". (Здесь я считаю нужным привести две выдержки из отчетного доклада Михаэля Фолькмана и Пауля Цел-

ллера "Свиток Торы для Петрозаводска" от 20.06.95 г., важных для понимания наших отношений: "...К сожалению, мы (христиане – Д. Ц.) только после Освенцима медленно и не без труда научились расценивать еврейское "нет" по отношению к Иисусу Христу как верность Торе и признавать, что внедрение другой веры в иудаизм есть ошибочный путь..."; "...Мы отбрасываем тысячелетние предубеждения христиан против евреев и их религии, которые были поводом и предлогом для неизмеримых преступлений. Если мы дарим самый исконный религиозный документ, это не значит, что мы ждем, чтобы они стали не такими, какие они есть. Мы ищем диалога между духовно родственными людьми, а не хотим обращения в другую веру..."

Затем был раскрыт занавес, расшитый золотом петрозаводчанкой Галиной Бабич, и гости увидели оборудование синагоги – то, во что превратились

собранные ими деньги. Интересно, что над Арон а-Кодеш работали три художника: эскиз сделала Ирен Бат-Цви, израильтянка, немец Фриц Грюнинген создал скульптуру "Неопалимая Купина" и Виктор Скорик, наш замечательный театральный художник, предложил световое решение. И все вместе слилось в единое целое!

Потом были зажжены свечи, Ефим Левин произнес благословения на вино и хлеб, и мы вместе встретили Царицу-Субботу.

А на следующий день здесь звучали псалмы и молитвы на иврите, немецком и русском языках во славу Того, кто "рассудит народы, и даст поучение многим народам; и перекуют они мечи на орала, и копья свои – на садовые ножницы; не поднимет народ на народ меча и не будут более учиться воевать". (Исайя, 2:4). Так будем же вместе приближать этот день!

Атмосфера любви

Есть события, определяющие дальнейшую жизнь на многие годы вперед. Таким событием, как нам видится, явился визит делегации нашей общины – Юрия Рыбака, Михаила Бравого, Дмитрия Цвибеля – в Тюбинген, состоявшийся с 7 по 16 июля. Еще многое надо осмыслить, над чем-то задуматься, в чем-то разобратся, но уже сейчас ясно: дан мощный импульс для развития еврейской общины Петрозаводска. Эти десять дней вместили в себя много событий: встречи, дискуссии, знакомства, приемы, службы в синагоге Штутгарта и общине Дитрих-Бонхоффер-Кирхе, семинар, участие в Днях Тюбингена и даже прогулка по королевскому лесу с шашлыками и русской водкой под проливным дождем!

Мы встретились с Хартмутом Мецкером – руководителем «Денкендорфского круга», организовавшего Неделю Торы в Петрозаводске в прошлом году, и выразили ему нашу глубокую признательность. Трогательная встреча состоялась с экс – обербургомистром Ойгеном Шмидом, который принимал участие в налаживании связей между нашей общиной и Тюбингеном, а во время своего пребывания в Петрозаводске в прошлом году посетил нашу синагогу. Он с благодарностью принял подарок – салфетку для халы, привезенную специально для него из Иерусалима. Состоялось знакомство и с новым обербургомистром г-жой Бригитте Русс-Шерер. Мы договорились о встрече во время ее предстоящего ознакомительного визита в Петрозаводск.

С большой заинтересованностью мы были приняты в «Немецком институте врачебной миссии», ведущем огромную работу по оказанию помощи лекарственными средствами нуждающимся во всем мире. Мы ознакомили руководителя института д-ра Бенна с нашими проблемами и договорились о практическом сотрудничестве. Работник института д-р Кинцле, не-

давно переселившийся из России, познакомил нас с клиникой института. Тут же нам были предоставлены медикаменты, которые мы и привезли с собой.

Интересной была и встреча с нашим земляком Яковом Рывкиным. Вместе с сердечным приветом всем, кто его помнит, Яков передал большую партию лекарственных препаратов.

И все же главным были встречи с друзьями: Паулем Целлером, Михаэлем Фолькманом и всеми теми, кто отдает так много тепла своего сердца нашим взаимоотношениям. Это удивительное чувство: когда покидаешь свой дом, едешь тысячи километров и приезжаешь... домой! Мы погрузились в атмосферу искренности, взаимопонимания, любви. Откровенные разговоры, стремление понять причину наших проблем, горячее желание помочь – все это оставляет неизгладимое впечатление.

И дело здесь не только в гостеприимстве. Все гораздо глубже. Мы в этом смогли убедиться много раз. В небольшом городке Эбенхаузе недалеко от Тюбингена создан еврейский музей, расположившийся в бывшей церкви. Его создатель – священник д-р Купплер преподает в немецкой школе (!) еврейскую историю и традицию. Он сам изготовил макет синагоги, чтобы наглядно показать детям службу и всю атрибутику. Г-н Купплер рассказал нам об истории евреев городка, их вкладе в его развитие, их трагедии. Нет, не рассказал – это была песнь! И звук шофара, как плач, разнесся под сводами.

*Плачь – и удалится
освобожденная тяжесть страха.
Две бабочки держат
небесный свод над тобой,
и слезы твои растворяются:
страх исчез в сиянии света.*

Нелли Закс

(немецкая еврейская поэтесса, 1891-1970)

Местная газета опубликовала интервью с нами и поместила снимок проекта синагоги для Петрозаводска (дипломная работа Романа Шнайдермана – прекрасный подарок нашей общине), указав телефон, по которому можно связаться для пожертвования на ее строительство. И Михаэль Фолькман передал нам собранные за это время деньги! Мы были на месте сожженной в пресловутую "Хрустальную ночь" синагоги, где на собранные жителями Тюбингена средства в этом году будет поставлен памятник. А таксист, подвозивший нас на автобусную станцию, не взял плату, сказав, что это подарок нам!

И лишь вернувшись в родной город, мы увидели на улицах ... фашистов!

(Нет, я не оговорился).

Центральным событием визита стал совместный с общиной Дитрих-Бонхоффер-Кирхе семинар, на котором Михаэль Фолькман провел интереснейшее занятие по молитве «ШМА ИСРАЭЛЬ» с разбором ее значения, толкованием и классическими еврейскими комментариями к ней. С нашей стороны я имел честь прочитать доклад «Горький дым

Холокоста», вызвавший жаркую дискуссию. И здесь просто блистательно проявила себя Светлана Виноградова, наша переводчица, которая сумела в очень трудном материале не потерять темпа, не затупить огонь.

Высокая миссия дружбы

"...я считаю, что на нашей совместной работе по возрождению еврейской жизни в Карелии лежит благословение Г-спода. Всегда, когда я думаю о вас, о братьях и сестрах в синагоге, в Шаломе, то меня наполняет глубокая благодарность и надежда, что жизнь общины будет и дальше развиваться и становится все сильнее. Я верю, что все больше людей будут принимать в ней участие, и они будут излучать добрый свет на жителей города, чьи души при коммунистическом бюрократизме и подавлении оставались пустыми. Я глубоко убежден, что Г-сподь Авраама и Моисея остается верен своему избранному народу, что мы, так называемые "христиане", тоже имеем Его благословение, несмотря на то, что мы сделали Его народу".

Эту цитату из письма Пауля Целлера, полученного накануне визита делегации общины Дитрих-Бонхоффер-Кирхе в нашу общину, можно поставить эпиграфом к нашей встрече. Встрече немцев и евреев, иудеев и христиан, жителей Тюбингена и Петрозаводска, Германии и России – сколько всего сплелось в этом, казалось бы, небольшом визите! Как часто и бывает, значимость события не всегда соответствует его внешнему масштабу. Но если представить себе подобное явление еще десять или даже пять лет назад, то становится ясно, какая огромная дистанция пройдена. И это все-таки определяет оптимизм. За пять лет наших вза-

А потом на ужине в теплом гостеприимном доме у Агнес и Пауля Целлера, после тостов за все прекрасное, пастор Михаэль Фолькман взял кларнет, я – глава еврейской религиозной общины сел за рояль, и полилась музыка Шуберта, Моцарта, Мендельсона, Баха, Рубинштейна, наполнившая сердца чем-то, что невозможно выразить! И я подумал: вот модель взаимоотношений различных религий – кларнет должен играть как кларнет, рояль – как рояль, а вместе мы составляем дуэт. И если к нам присоединятся другие, получится симфонический оркестр, с его неограниченными возможностями!

Итак, визит состоялся. В чем его значение? Мне кажется, в первую очередь, в осознании того, что лишь так, глаза в глаза, уста в уста, от сердца к сердцу, можно достигнуть понимания между людьми. Людей, ощутивших тепло другого человека, никакие политики не смогут натравить друг на друга. И еще. Одними продовольственными посылками не вылечить недуг России – тут нужна долговременная программа просвещения, образования, воспитания. В конце концов, сытое животное остается животным. Надо уметь учиться у прошлого. «Кто умен? Кто учится у каждого» – эта мудрость из трактата Авот. Попробуем усвоить это.

Имущественных мы стали друзьями – и это не пустые слова. У нас появились общие дела, проблемы, радости и печали. И этот визит еще раз подтвердил это.

В первый же день (а это было 22 июня!) мы посетили кладбище в Песках, и это оставило сильное впечатление. Здесь начинаешь понимать трагедию людей, натравленных друг на друга человеконенавистническими идеологиями. Рядом в земле похоронены солдаты двух стран, чьи преступные правительства развязали войну, а проиграли ее оба народа. Эти загубленные жизни ушли на противостояние, ненависть и борьбу друг с другом для того, чтобы лечь здесь рядом. Мы очень часто бросаемся словами "народ", "страна", забывая, что за этими понятиями стоят люди. Гибель одного человека – это прерванная одна из нитей, связующая человечество с Вс-вышним, это не родившиеся дети, это трагедия до конца дней для оставшихся в живых. Еврейская мудрость гласит: "Кто спасает одну жизнь, спасает целый мир". А кто губит?.. Сколько миров потеряно для человечества, какой непоправимый урон нанесен, какими мерками можно это измерить? Общую картину дополнил музей имени Максимилиана Кольбе (основатель Вадим Мизко), где собраны материалы о фашистских концлагерях уничтожения. (Музей советских лагерей еще ждет своего часа). Слова здесь просто неуместны... Побывали мы и в Падозере, где после войны был

советский лагерь для интернированных немцев. Сейчас там кладбище, на котором на средства, собранные в Германии, установлен памятник, оставшимся здесь навсегда. Возложение венков, цветов и, по еврейскому обычаю, камешков на могилы – наша память, наше обещание противостоять злу, не повторять ошибок недавнего прошлого.

Уже стало традицией встречать вместе Шаббат в Хэсэде, где на этот раз была подготовлена выставка, прослеживающая наши взаимоотношения с момента их зарождения в 1995 году. На фотографиях и документах – основные моменты, уже ставшие нашей совместной историей: передача Свитка Торы нашей общине в петербургской синагоге; группа молодых людей из Тюбингена и Польши на благоустройстве еврейского кладбища в Петрозаводске; неделя Торы в нашей синагоге, которую провели Михаэль и Двора Лукины из Иерусалима по приглашению наших друзей; обмен визитами наших общин.

Зажгли свечи, Ефим Левин произнес благословение на вино и на хлеб, и аура царицы-Субботы наполнила уютной зал. Михаэль Фолькман произнес добрые слова в адрес нашей общины и передал привет от тех, кто своим бескорытием и любовью поддерживает становление нашей общины, приходит на помощь нуждающимся.

Но самое главное – это живое общение с людьми, разговоры, вопросы, стремление понять друг друга. Юлита Хуф – переводчица на немецкий нашего «Общинного вестника» – встретила с авторами и героями статей, поделилась своими впечатлениями и замечани-

ями. Д-р Рене Шмитт-Кип, врач по профессии, договорилась о скором приезде для налаживания постоянных профессиональных контактов. Хельмут Барт, много раз приезжавший уже в Петрозаводск, встречался с друзьями и знакомился с новыми. А состоявшийся в этот же вечер концерт симфонического оркестра филармонии, исполнившего Пятую симфонию и Концерт для фортепиано с оркестром № 5 Бетховена (солистка Галина Давидян), привел в восторг наших друзей.

И все же, центральным событием визита была служба в синагоге с Псалмами на иврите, немецком, русском языках и чтением главы из Торы, которую читали на Святом языке Ефим Левин и Михаэль Фолькман.

Прощальный вечер-концерт прошел в Доме актера. Прекрасная программа с немецкой музыкой и еврейскими танцами, теплая домашняя атмосфера достойно завершили этот визит.

И как следствие наших добрых отношений – посещение официальной делегацией Тюбингена, прибывшей на День города, во главе с обербургомистром Бригиттой Русс-Шерер синагоги и благотворительного фонда Хэсэд Агамим, продемонстрировавшее серьезность намерений немецкой стороны укреплять и расширять наши связи на всех уровнях.

Псалмопевец призывает нас "...удалиться от зла и творить добро; стремиться к миру и добиваться его" (Теһилим 34:15), то есть, не только пассивно "удалиться" и "стремиться", но и активно "творить" и "добиваться". В этом, наверное, и есть смысл жизни.

Когда улыбается маген-давид

«Улыбающийся маген-давид» – так назывался материал в местной газете, посвященный визиту делегации еврейской общины Петрозаводска в город-побратим Тюбинген. Наша делегация – это председатель еврейской религиозной общины Дмитрий Цвибель, руководитель молодежного клуба Маша Ицковская, член религиозной общины Семен Шахник, переводчик Владимир Ермаков.

Визит начался с приема делегации и членов рабочего круга «Встреча с еврейской общиной Петрозаводска» бургомистром Тюбингена Гердом Ваймером.

Герд Ваймер (Gerd Weimer): «Нисколько не принижая роль и значение связей с другими городами-побратимами, я хочу отметить, что наши отношения с Петрозаводском по своему характеру являются наиболее интенсивными... Особое место в обширном спектре побратимских связей с Петрозаводском занимают отношения, установившиеся между евангелической общиной Дитрих-Бонхоффер и еврейской общиной Петрозаводска».

Йорг Бо́зе (Dr. Jörg Bohse), Председатель общества «Запад – Восток» земли Баден-Вюртемберг: «Интенсивность контактов между Тюбингеном и

Петрозаводском, между евангелической и еврейской общинами, определяется широтой подхода к международным и межконфессиональным отношениям, духом толерантности, проявляемым, как гражданами, так и руководителями. А деятельность евангелической общины Дитрих-Бонхоффер – это маяк, излучающий добрый свет, лучистую энергию».

Пастору Данкварту-Паулу Целлеру, которому принадлежит сама идея установления побратимских связей между нашими городами и установления контактов с еврейской общиной, в связи с его восьмидесятилетием, были вручены Почетные грамоты Главы Республики Карелия Сергея Катанандова и Главы местного самоуправления города Петрозаводска Виктора Маслякова.

Пауль Целлер (Dankwart-Paul Zeller): «60 лет назад я начал свою службу, и первую награду – «Орден за отвагу против врага» – получил за заслуги в войне против Советского Союза. И вот сейчас меня чествуют те, с кем я тогда воевал. Эти очень важные для меня награды я воспринимаю как противовес той, первой».

Дмитрий Цвибель от имени делегации вручил г-ну бургомистру трехтомник, изданный к юбилею

города «Петрозаводск. 300 лет истории», с автографом Давида Генделева, основного автора, удостоенного за этот труд престижной премии России.

Дмитрий Цвибель: «На протяжении XX века между нашими народами произошло то, что невозможно объяснить. Можно смириться или попытаться понять, отчаяться или попробовать разобраться. В данной ситуации для меня являются очень важными слова моего отца – он никогда не обвинял в Холокосте немецкий народ. Он говорил, что дело в человеконенавистнической идеологии, которая смогла вот так натравить один народ на другой. И сейчас в современном мире можно наблюдать много примеров, когда культ ненависти становится основой политики. Необходимо признать существование этого явления и делать все возможное, чтобы поставить вне закона носителей подобной идеологии.

...В случае наших отношений переkreщаются несколько линий: это дружба между некогда враждебными государствами – Россией и Германией; между народами – евреями и немцами; между конфессиями – христианами и иудеями. Мне кажется, мы избрали правильный путь: люди, открыто глядящие друг другу в глаза, ощутившие тепло другого человека никогда не будут смотреть друг на друга через прицел автомата. Нужно, не забывая прошлого, устремляться в будущее».

Визит, прекрасно спланированный, включил в себя посещение мест, связанных с жизнью и деятель-

ностью евреев Тюбингена и близлежащих городов, где сейчас открыты музеи и установлены памятные знаки, бережно хранящие историю евреев, некогда проживавших здесь; кабалат-Шаббат совместно с общиной Дитрих-Бонхоффер; службу в синагоге Штутгарта и знакомство с новым раввином города, а, главное, непосредственное общение, знакомства, беседы с людьми. Большой интерес вызвал и семинар, прекрасно проведенный Михаэлем Фолькманом по Десяти Заповедям с классическими комментариями из еврейских источников.

На службе в Дитрих-Бонхоффер-Кирхе, **пастор Михаэль Фолькман (Dr. Michael Volkmann)**, обращаясь к многочисленным прихожанам, сказал: «Сегодня у нас есть шанс: мы первое поколение, которое признало порочной христианскую ненависть к иудеям. Мы не хотим повторять ошибок прошлого... Вся европейская культура пронизана ненавистью к иудеям. Не стоит ожидать, что ненависть сама по себе исчезнет, ибо она является питательной средой. Лучшее, что мы можем сделать против старой христианской враждебности к иудеям – это ближе познакомиться с ними. Совместные встречи евреев и христиан, беседы, учеба, жизнь и празднования меняют нас». И, сравнив иудаизм со стволом оливкового дерева, а христиан с привитыми к нему ветвями: «Так пусть растет и процветает наше швабско-карельское оливковое дерево, пусть плодоносит и приносит многим счастье. И будем благодарны Г-споду Б-гу за то, что расцвело между нами».

ПРИВЕТСТВЕННОЕ ОБРАЩЕНИЕ К УЧАСТНИКАМ КРУГЛОГО СТОЛА РЕЛИГИЙ Петрозаводск, 24 июля 2006

С радостью я воспринял инициативу еврейской общины в Петрозаводске о том, чтобы пригласить руководителей религиозных сообществ в Петрозаводске вместе с друзьями из евангелической общины Дитриха Бонхоффера из города-побратима Тюбингена на встречу за круглым столом. Я надеюсь, что многие приняли это приглашение и посылаю всем Вам самые теплые приветствия от фонда «Мировой этос» в Тюбингене. Будучи президентом фонда «Мировой этос», я особенно радуюсь тому, что развитие еврейской общины оказалось столь живительным и что она проявляет активность, выходя за собственные рамки. Тем более что и наш фонд внес свой небольшой финансовый вклад в дело приобретения Торы для этой общины и, следовательно, в ее создание.

Вы хотите вести разговор о возможности межконфессиональных отношений в Вашем городе. Это намерение обретает чрезвычайную важность в то время, когда религиозные общины зачастую находятся в напряженных взаимоотношениях, а в их среде еще господствуют разнообразные предвзятости, недостаточное знание друг друга и страх соприкосновения друг с другом. Говорите друг с другом, вместо того, чтобы стрелять друг в друга! Это понимание – первый шаг к раскованным и конструктивным отношениям. Все люди Вашего города, независимо от того, верующие они или нет, несут общую ответственность за выбор города. Религиозные общины должны существенно споспешествовать этому в силу своих традиций. Когда они совместно обсуждают возникающие проблемы и задачи, то они тем самым создают определенный ориентир для общест-венности и могут уже на раннем этапе предотвратить возможные конфликты. Круглый стол религиозных общин в Петрозаводске мог бы даже стать постоянно действующим институтом, который бы собирался регулярно и сослужил бы огромную службу для мира во всем городе. Ибо: не может быть мира между нациями (а также внутри одной нации или города), если нет мира между религиями! Вот и наш фонд «Мировой этос» прилагает усилия к созданию в Германии подобных постоянно действующих Круглых столов по вопросам религий.

Религии и их приверженцы могут сообща осознавать свою ответственность, поскольку они могут опираться на вполне сходные принципы в своих этических учениях. Что касается верований, ритуалов, практики, то здесь многое разделяет религии, но на этическом уровне у них много общего: ненасилие и трепет перед всем сущим, справедливость и солидарность, терпимость и правдивость, как и партнерство между мужчиной и женщиной, – все это этические обязательства, которые обнаруживаются в любой религии и которые люди верующие делят со своими неверующими согражданами. Принцип гуманности: С каждым человеком нужно обращаться по-человечески, а также Золотое правило взаимности: Не обращай с другим так, как ты не хотел бы, чтобы обращались с тобой – представляют собой фундамент всеобщего человеческого этоса, мирового этоса.

В России идея мирового этоса также вызывает все больший интерес. В этом я смог убедиться в мае на организованной Пермским университетом конференции на данную тему. Особо важным итогом этой конференции был перевод на русский язык «Декларации мирового этоса», опубликованный в виде красивой брошюры, которую Вы видите здесь и которую можно заказать в Перми. Эту декларацию я набросал в 1990-х годах в результате совещаний с учеными, принадлежащими ко многим религиям, и она была принята в 1993 году «Парламентом мировых религий» в Чикаго. Она является основополагающим документом для достижения консенсуса в проекте Мирового этоса, и могла бы также стать базисом для сотрудничества религий в Петрозаводске.

Всем участникам Круглого стола, и особенно неутомимому инициатору Диме Цвибелю, я выражаю благодарность за их готовность, и от имени фонда «Мировой этос» желаю открытого и плодотворного диалога и большой удачи!

Ханс Кюнз
Тюбинген, 18.07.2006

П Р И В Е Т С Т В Е Ч Н О Е О Б Р А Щ Е Н И Е К Е В Р Е Й С К О Й О Б Щ И Н Е г. П Е Т Р О З А В О Д С К А

Ровно десять лет тому назад христиане Тюбингена передали еврейской общине в Петрозаводске совершенно особый дар: свиток Торы, чтобы благодаря ему община смогла бы возобновить богослужения в собственной синагоге. По этому поводу мой предшественник д-р Ойген Шмид напомнил об ужасающем историческом опыте, трагически связывающем оба наших народа друг с другом: выселение и изгнание, физическое уничтожение и разрушение существования еврейских общин в Германии и Европе самым безжалостным, человеконенавистническим образом. Жертвами национал-социалистской машины уничтожения и ее приспешников стали, в первую очередь, восточноевропейские народы; нападение на Советский Союз летом 1941 года обернулось страданием и смертью, бегством и изгнанием также и для народов России.

С тех пор много всего произошло и в Европе, и между обоими нашими народами. Прежде всего, последние полтора десятилетия изумили нас изменениями, которых мы в течение длительного времени не могли себе даже вообразить. Народы Восточной Европы сбросили иго диктатуры; существовавшие до этого времени, крепко спаянные мировые политические блоки давно распались; и даже мы, немцы, в течение последних десятилетий поделенные между этими блоками, все еще можем радоваться мирному воссоединению нашей страны. Но именно пути развития последних лет продемонстрировали, что история больше не отпускает нас от себя и что мир – это такое хрупкое достояние! Преобразования принесли с собой разнообразные новые проблемы: вспомните только о событиях в бывшей Югославии, о гражданских войнах и конфликтах в Азии и Африке и, в первую очередь, о терроризме, который унес жизни бесчисленных невинных и который, к сожалению, часто исповедуется от имени религий.

Все это доказывает, что несправедливость и война не искоренены. И как раз для людей наших обеих стран события прошлого, все еще причиняющие боль, неизменно остаются одновременно и обязательствами, и уроками. Сближение, которое в последние годы установилось между гражданами России и Германии, в любом случае должно настраивать нас на оптимистический лад. Оба наших города – и Петрозаводск, и Тюбинген – также принимали в этом процессе разнообразное участие: от официального партнерства протянулась цепочка множественных неофициальных контактов и встреч вплоть до многочисленных и интенсивных знакомств между петрозаводчанами и тюбингенцами. Меня очень радует то, что и немецко-еврейская история была интегрирована в построение будущего на партнерских основах. Этим мы обязаны усилиям людей, сознающих свою ответственность, как с одной, так и с другой стороны: еврейскому культурному центру «Шалом», еврейской общине Петрозаводска и большому кругу христиан Тюбингена, сплотившихся вокруг пасторов

Данкварта-Пауля Целлера и Михаэля Фолькмана. Именно они и есть те люди, которые десять лет тому назад своими беспримерными благотворительными акциями способствовали реализации мечты еврейских мужчин, женщин и детей в Петрозаводске о возможности иметь свиток Торы, а, следовательно, создать основы для возобновления жизни еврейской общины. Для всех нас эта гражданская ангажированность, родившаяся спонтанно, в разговоре всего нескольких людей, могла и может служить примером того, как из партнерства городов на официальном уровне возникают дружественные, живые и личные отношения между людьми.

То, что в свое время христиане Тюбингена поддержали карельских евреев в построении их общины, является свидетельством того, насколько добрыми были уже и тогда эти взаимоотношения. Этот дар был выражением внимания и уважения и послужил одновременно для слома политических и идеологических, а вместе с ними и религиозных барьеров. Граждане нашего города приняли на себя ответственность, навязываемую нашим прошлым, они всегда смотрели поверх существовавшего прежде железного занавеса и были готовы трудиться на общее будущее наших народов.

Десять лет назад мечта заключалась в том, чтобы вместе с Торой и возобновлением богослужений в синагоге возродить и дать возможность расти и процветать еврейской идентичности и еврейской общине в Карелии. Как мы видим сегодня, эти желания исполнились. Вместе с основанием первой со времен второй мировой войны синагоги в России – как это, кстати, выяснилось впоследствии – открылась возможность не только богослужений. Теперь – особенно для детей и молодежи – осуществилась возможность сознательного вхождения в синагогальные составляющие богослужения, в традиционную литургию, в толкование Торы и в древние тысячелетние традиции еврейских праздников. Скрытая в течение многих десятилетий еврейская идентичность большинства карельских евреев проявилась снова и снова, смогла существовать открыто. Мы еще и сегодня разделяем ту великую радость и благодарность, которые в свое время ощущались участниками проекта, и они возрастают по мере того, как мы наблюдаем, какое воздействие оказала эта акция на отношения карельских евреев и тюбингенских христиан, да даже на отношения Петрозаводска и Тюбингена в целом. Перед нами десятилетний период дружбы между петрозаводскими евреями и тюбингенскими христианами, многочисленные интенсивные контакты и встречи, дружеские отношения, возросшие на почве регулярных визитов, общих торжеств и проектов, а также действенной помощи. Невзирая на все трудности и препятствия, мы шли к общей цели: не упускать из виду, уважать и поддерживать жизнь еврейской общины в Карелии.

Благодаря подаренной Торе еврейская община в карельской столице обрела новую жизнь: 1200 евреев в Петрозаводске исповедуют нынче свою идентичность, свою веру и свою культуру. «Тора соединяет людей», – так гласит строка из письма, полученного из Петрозаводска десять лет назад, и это правильно: карельские евреи снова объединились. Помимо общих богослужений было оборудовано отделение для нуждающихся в благотворительной помощи. Также появилась возможность заняться реставрацией старого еврейского кладбища.

Получила развитие – об этом можно сказать с уверенностью – культура встреч между членами Петрозаводской синагоги и тюбингенскими христианами различных конфессий и различного характера, которая существует вот уже десять лет и хотела бы найти в Германии равный себе пример. Диалог религий, преодоление национальных границ, о чем часто говорится, нашли свое воплощение в наших дружеских отношениях. Однако созидательная работа продолжается. Важнейшим планом на будущее является строительство собственной синагоги в Петрозаводске. Место для строительства город уже выделил; строительство разрешено. Теперь требуются огромные, и в первую очередь финансовые усилия, чтобы претворить это намерение в жизнь. Университетский город Тюбинген и его граждане будут поддерживать эти усилия. Я убеждена, что рабочая группа Тюбингена «Встречи с еврейской общиной в Петрозаводске» и здесь сможет сделать свой добрый вклад. Начало положено: в Штифтскирхе (монастырской церкви) Тюбингена уже висят фотография участка и призыв к пожертвованиям.

Передача в дар Торы десять лет тому назад изменила не только жизнь евреев в Карелии, но – как я узнала – и самих людей и внесла в их жизнь новые импульсы. Да и мы в Тюбингене в минувший период интенсивно занимались своей собственной историей, что нашло отражение в выставках, проектах и публикациях, в публичных дискуссиях и в крепнущем диалоге между евреями и христианами. Люди, принимавшие и принимающие участие во встречах с еврейской общиной в Петрозаводске, имели возможность снова и снова выступать с важными инициативами. Я надеюсь и желаю, чтобы эти плодотворные встречи продолжались и в будущем. Пусть жизнь еврейской общины в Карелии разрастается и процветает – Тюбинген выступит при этом заинтересованным спутником.

*Тюбинген, в июле 2006 г.
Бригитта Русс-Шерер,
Обербургомистр*

Бригитте Русс-Шерер Обер-бургомистру г.Тюбингена

Глубокоуважаемая г-жа Русс-Шерер

Позвольте мне от имени евреев Петрозаводска, которых я имею честь представлять, и от себя лично выразить Вам глубокую благодарность и признательность за Ваше участие в праздновании десятилетия нашей общины.

Это закономерно, что Вы, глава города, подарившего евреям некогда далекого от вас Петрозаводска Свиток Торы – самое священное, что может быть у еврея, кроме самой жизни (хотя по еврейскому мировосприятию Тора – это и есть жизнь), разделяете нашу радость. Великий немецкий поэт Генрих Гейне назвал Тору «портативной родиной евреев», и где бы ни находился еврей, волею Вс-вышнего, да будет Имя Его благословенно, удаленный от родины, он чувствует себя связанным с ней, благодаря именно Торе. Свиток Торы – это не просто великая Книга: это свидетельство Завета, заключенного Вс-вышним с нашим народом, Завета, который не может быть расторгнут, который гарантирует жизнь еврейскому народу и возвращение после великих испытаний и очищения в землю обетованную.

Антуан де-Сент Экзюпери устами своего героя сказал, что «мы ответственны за того, кого приручили». Дарование жителями вашего города Свитка Торы нашей общине наложило огромную ответственность на обе стороны, как Вы отметили в своем приветственном адресе, деликатно упомянув только о своей ответственности. Но это – благословенная ответственность, ответственность, которая нас породнила. Теперь мы не просто города-побратимы, мы стали, в каком-то смысле, родственниками. Для нас действительно началась новая жизнь, открылись новые возможности и теперь от нас самих зависит, как этим распорядиться.

Чем больше времени проходит с того памятного дня, когда состоялась встреча Данкварта-Пауля Целлера, бывшего немецкого солдата, некогда воевавшего против моей страны, со мной, русским евреем, родившемся в год окончания той проклятой войны, на которой был заложен краеугольный камень всего здания наших отношений, тем больше я утверждаюсь в своем убеждении, что это – замысел Вс-вышнего. Симптоматично, что встреча состоялась на квартире Вадима Мизко, бывшего малолетнего узника фашистского режима, режима, провозгласившего одной из своих целей уничтожение моего народа.

Как пишете Вы, мир – это хрупкое достояние. Да, на протяжении всей истории человечества едва ли найдется период, когда на земле, в той или иной форме, не было войн. Тем большая ответственность ложится на нас, начавших новую эпоху отношений между Германией и Россией, Тюбингеном и Петрозаводском, немцами и евреями, христианами и иудеями. И мы в состоянии тот нежный саженец, посаженный нами, взлелеять и вырастить в крепкое дерево с глубокими корнями и сладкими плодами. Пришедшие после нас, будут нам благодарны, и это, в свою очередь, наложит ответственность за сохранение мира на них. Причем мира, построенного не на «равновесии сил» и страхе друг перед другом, а за мир, построенный на мире в душах людей. Я уже как-то говорил, что человек, посмотревший в глаза другому человеку и ощутивший его тепло, никогда не будет смотреть на него через прицел автомата. Как мне кажется, именно в этом – залог настоящего мира, и именно такие отношения складываются между нами.

Вы, уважаемая г-жа Русс-Шерер, совершили благородный, глубоко символический акт, внося свой вклад в фонд строительства синагоги. Этим Вы подтверждаете, что между нами нет преград ни национальных, ни религиозных. Этим Вы подаете пример тем, кто еще не осознал, что мир – един. Что различие в цвете кожи или разрезе глаз, молитвах или обычаях, пристрастиях или политических убеждениях – все это единое величественное панно, созданное Вс-вышним, где каждому народу, каждому отдельному человеку (а каждый человек – это целый мир) есть свое место, свое предназначение.

На фотографии, которая хранится в нашей общине, Вы зажигаете менору – еврейский символ вечного огня во славу Вс-вышнего. Огонь амбивалентен – он может служить во благо, может нести разрушение и смерть. Огонь, который зажегся в наших сердцах, служит гарантом взаимопонимания и процветания на благо наших народов, это наш вклад в улучшение мира на благо всего человечества.

Мы ждем новых встреч с Вами.

*С глубоким почтением Дмитрий Цвибель председатель общины
31 августа 2006 года Петрозаводск*

История любви

Визит в Тюбинген представителей нашей общины (Дмитрий Цвибель, Дмитрий Генделев, переводчик Марк Кирсанов) в этом году был приурочен к 25-летию побратимских связей между нашими городами, 25-летию падения берлинской стены и очередной даты памяти жертв «Хрустальной ночи».

В сентябре 2005 года пасторы Дакварт-Пауль Целлер и д-р Михаэль Фолькман, Рабочая группа «Встречи с еврейской общиной Петрозаводска» в евангелической общине Дитрих-Бонхоффер (Тюбинген) обратились с воззванием к церквям Германии ввести в перечень официальных церковных дат ДЕНЬ ПАМЯТИ И ОСОЗНАНИЯ (Erinnerung und Umkehr) – 9 ноября. «Такой день необходим как общий символ нашей памяти о заблуждениях христиан в их враждебности к иудеям. Этим мы хотим выразить нашу боль по поводу бездействия церквей, выразить нашу скорбь по уничтоженным евреям Европы. И, наконец, мы подтверждаем таким образом нашу связь с еврейским народом». Собственно это то, что в еврейской традиции называется тшувой: осознать неправильность пути; исправить то, что исправить еще возможно; компенсировать ущерб; понять причины недостойного поступка или поведения, создать условия для невозможности его повторения в будущем. И вот 9 ноября 2014 года мы приняли участие в траурной церемонии в главном соборе города (Gedenkstunde an die Pogromnacht am 9. November 1938, Stiftkirche Tübingen). Выступали представители разных церквей без облачения, чтобы подчеркнуть единение в отношении к данному событию. В своем обращении я сказал: «...Это трудный путь, и его способны пройти только сильные духом, будь то отдельный человек, или нация. Недаром сказали мудрецы наши: «Там, где стоят совершившие тшуву, не могут стоять даже величайшие праведники» (Талмуд, Брахот, 34). Когда жители Вашего города подарили Свиток Торы евреям Петрозаводска, этот великодушный акт дал шанс нам совершить *свою* тшуву – возвращение к своим корням, ко Вс-вышнему». На церемонии присутствовал и обер-бургомистр Тюбингена Борис Палмер (Boris Palmer).

А двумя часами ранее на Синагогенплатц у памятника на месте сожженной в 1938 году нацистами синагоги состоялся городской митинг, на который собрались 150 человек. Выступали обер-бургомистр Борис Палмер, представители общественности, молодежь. Глава еврейской общины Тюбингена Давид Холинстат (David Holinstat) выразил глубокую озабоченность антисемитскими проявлениями в современной Германии, и это несмотря на то, что на протяжении всего времени после войны ведется огромная просветительская работа на разных уровнях по искоренению этого зла. По традиции на церемонии была рассказана история одной тюбингенской еврейской семьи, по-

гибшей в огне Холокоста. В своем слове, я сказал:

«История человечества полна бесконечных войн, кровопролития и насилия. Человек слишком часто забывает по чьему «образу и подобию» он сотворен. Замысел Творца – счастливая жизнь его созданий, а счастье одного не может быть построено на несчастье другого.

Сегодня мы собрались здесь, чтобы заглянуть себе в душу, чтоб каждый сам себе честно сказал, без оглядки на какую-либо идеологию, международное положение, решения всевозможных правительств и правителей, что ОН сделал для совершенствования этого мира, что сделал для того, чтобы подобное не могло повториться.

«Годы жизни нашей – семьдесят лет, от силы – во семьдесят; но и лучшая часть ее проходит в напрасном труде и страданиях. Быстро обрываются годы и улетают от нас» (Пс. 90:10) – так говорит псалмопевец. И наша задача распорядиться этим коротким временем, отпущенным нам, для созидания, для того, чтобы оставить этот мир следующим поколениям пригодным для жизни, чтобы мир стал немного лучше, чище, светлее.

Когда дочь Михаэля Фолькмана Мария Фолькман зажгла Свечу памяти у стенда, посвященному Холокосту, в петрозаводском Центре «ИЦХАК» – это была впечатляющая акция. Как гласит еврейская поговорка: «Даже свет грошовой свечи разгоняет тьму». Так давайте зажигать свет в сердцах людей, чтобы там не гнездилась беспричинная ненависть к ближнему своему, ибо нам заповедано «любить ближнего, как самого себя». А великий еврейский законоучитель Гиллель уточнил: «Не делай другому того, чего бы ты не желал себе».

Это долгий путь. Но китайская мудрость учит нас: «Даже самая длинная дорога начинается с первого шага». И мы его сделали».

После церемонии Борис Палмер поблагодарил меня, а на следующий день в газете «Швабский листок» (Schwäbisches Tagblatt) был опубликован репортаж с фотографией и цитатой из этого выступления.

Еще одно выступление состоялось в рамках «Недели еврейской культуры в Штутгарте» в Доме просвещения. Михаэль Фолькман рассказал о истории наших взаимоотношений, представил переведенную на немецкий язык и прекрасно изданную книгу «Возрождение еврейской общины в Карелии» (перевод Юлиты Хуф (Julita Huf). Мне было предложено прочитать доклад на тему «Память о Холокосте в СССР и России». После выступления было задано много вопросов, показавших заинтересованность и подготовленность публики к дискуссии. На встречу пришел и бизнесмен-меценат Карл-Герман Бликле (Karl-Hermann Blickle), получивший в свое время престижную медаль имени Отто Гирша, пожертво-

вавший крупную сумму на Свиток Торы для нашей общины. Он тоже проявил живой интерес к возникшей дискуссии.

В Штутгарте состоялась встреча с д-ром Михаэлем Блюме (Michael Blume), начальником Государственного департамента по делам религии земли Баден-Вюртемберг, рассказавшем о состоянии межрелигиозных и межнациональных отношений, проследившим динамику развития различных общин, проблемах и достижениях в этой области. Д-р Блюме отметил активное развитие еврейской общины за последнее время, пополнившейся, в основном, за счет прибывших из бывшего Советского Союза.

И как подтверждение сказанного, состоялась наша встреча в недавно открытой небольшой уютной синагоге в городе Эсслинген с раввином Иегудой Пушкиным, бывшим петрозаводчанином. Он вспомнил учебу в петрозаводском университете и даже то, что Наташа Цвибель помогла ему как-то с курсовой работой. Репатриировавшись в Израиль, он закончил ешиву и стал раввином. Здесь он курирует сразу несколько небольших городков. Сейчас община собирает средства на приобретение Свитка Торы. Мы пожелали им удачи.

Еще одна интересная неожиданная встреча произошла в Ульме. В прекрасном современном здании синагоги в центре города нас встретил раввин Шнеур Требник. Я поинтересовался, говорят ли ему что-либо такие имена: Шимон Требник и Нохим Требник. Он сначала опешил:

– Как же, Шимон Требник – это мой дедушка, руководивший ешивой в Москве! А Нохим Требник – брат дедушки, он после войны руководил ешивой в Париже. А Вы откуда знаете их имена?

Я рассказал ему, что раввин нашей синагоги Ефим Левин, זיכרונו לברכה, из Сновска учился там в хедере. А когда хедер закрыли, с ним стал заниматься Шимон Требник, учивший с ним Хумаш с комментариями Раши, Шульхан Арух и Гемару. А на прощание подарил ему на память Танах со своим автографом.

Шнеур был потрясен! Он сказал, что знал, конечно, что дедушка преподавал в ешиве, но никогда не встречал кого-нибудь из его учеников, или кого-то, кто хотя бы знал их. И вот...

У нас была с собой книга «Возрождение еврейской общины в Карелии» с фотографиями Ефима Левина и мы с удовольствием подарили ее Шнеуру.

В Ульме нашу делегацию приняла прелат (заместитель Земельного епископа) Габриела Вульц (Gabriele Wulz), которая провела экскурсию по знаменитому ульмскому собору, проходящему сейчас реставрацию. Там нам были показаны древние мацевы, использовавшиеся, как строительный материал для собора. Сейчас они заменяются каменными блоками, а сами выставлены в качестве музейных экспонатов.

Михаэль Фолькман договорился о встрече в фонде «Мировой этос» с научным координатором фонда д-ром Гюнтером Гёбхардтом. Нас хорошо приняли, и во время разговора неожиданно вошел Ханс Кюнг. Это был большой приятный сюрприз для всех. Состоялся теплый дружественный разговор. В свое время, когда по инициативе нашей общины в Петрозаводске состоялся межконфессиональный круглый стол, Ханс Кюнг прислал приветственный адрес, в котором, в частности, говорилось: «С радостью я воспринял инициативу еврейской общины в Петрозаводске о том, чтобы пригласить руководителей религиозных сообществ в Петрозаводске вместе с друзьями из евангелической общины Дитриха Бонхоффера из города-побратима Тюбингена на встречу за круглым столом. Я надеюсь, что многие приняли это приглашение и посылаю всем вам самые теплые приветствия от фонда «Мировой этос» в Тюбингене. Будучи президентом фонда «Мировой этос», я особенно радуюсь тому, что развитие еврейской общины оказалось столь живительным и что она проявляет активность, выходя за собственные рамки. Тем более что и наш фонд внес свой небольшой финансовый вклад в дело приобретения Торы для этой общины и, следовательно, в ее создание». И далее: «Ибо: не может быть мира между нациями (а также внутри одной нации, или города), если нет мира между религиями!» Михаэль Фолькман подарил Хансу Кюнгу немецкий экземпляр книги «Возрождение еврейской общины в Карелии», в которой помещено это приветствие. В свою очередь, Ханс Кюнг подписал и подарил нам свою книгу «Во что я верю», переведенную на русский язык.

Мы присутствовали и на воскресной службе в Дитрих-Бонхоффер-Кирхе. Собралось много народа, среди них и наши давние друзья: Ульрика и Курт Зюттерлин, Сильвия Такач, Юлита Хуф, Лора Ауэр, Мария Адельман, Инге Даренберг, Барбара Мигге, Юлиана Новак, Барбара Зюлла, Ирина и Яков Рывкины и многие другие. Дмитрий Генделев рассказал о деятельности Хэсэда, наших достижениях и проблемах; Михаэль Фолькман презентовал книгу «Возрождение еврейской общины в Карелии», всего два дня назад привезенную из типографии. После этого – общение с друзьями, новые знакомства, ощущение большого праздника.

Посетили мы могилы Ульрики и Пауля Целлеров, прочитали кадиш, возложили камешки, привезенные из Иерусалима.

На одной из встреч Маргарет Колмар (Margarete Kollmar) подарила диск с документальным фильмом Люси МакКоли «Встреча эру нацизма: беседы в Южной Германии» («Facing the Nazi Era: Conversations in Southern Germany») Produced and directed by Lucy McCauley, 2011), снятым в Тюбингене, в котором есть большой эпизод с Паулем Целлером, рассказывающим о своем жизненном пути (этот фильм еще требует перевода и внимательного изучения).

Специально к этим дням был подготовлен прекрасный музыкальный вечер, прошедший в помещении общины им. Дитриха Бонхоффера, из произведений Дмитрия Шостаковича и Мечислава Вайнберга в исполнении Доротеи Ригер (Dorothea Rieger) – сопрано и Клаудии Шульц (Claudie Schulz) – фортепиано. Вокальные произведения исполнялись на языке оригинала. И если музыка Дмитрия Шостаковича хорошо известна, то произведения его близкого друга и крупнейшего композитора XX века Мечислава Вайнберга, особенно его камерное творчество, практически неизвестно в России.

Наша делегация принимала участие и в официальной части программы, посвященной 25-летию побратимских связей: это двухдневная конференция «25 лет Обществу «Запад – Восток» с презентацией фильма «Воспоминания о Йорге Бозе»; Круглый стол «История России и Германии за последние 25 лет»; открытие выставки, подготовленной Национальным музеем Республики Карелия «Строительство Мурманской железной дороги немецкими военнопленными Первой мировой войны», которую представил

директор музея Михаил Гольденберг. И, конечно, торжественный прием обер-бургомистром Борисом Палмером: «История любви – 25 лет побратимских связей между Тюбингеном и Петрозаводском» (Eine Liebesgeschichte 25 Jahre Petrozawodsk und Tübingen). Приятно отметить, что в своем слове Борис Палмер особо упомянул об отношениях нашей общины с общиной им.Дитриха-Бонхоффера (кстати, название мероприятий взято из названия книги «Евреи Петрозаводска – христиане Тюбингена: удивительная история любви»).

Этот визит явился определенным важным этапом наших взаимоотношений. И каждый раз, встречаясь вместе, мы ощущаем присутствие шхины, ощущаем благословение Вс-вышнего. Это придает силы нам – евреям Петрозаводска и христианам Тюбингена – вместе «удалиться от зла и творить добро; стремиться к миру и добиваться его» (Пс.34:15), подавая пример другим. В этом, наверное, и есть предназначение человека.

2001

АВГУСТ 91-го И ПОСЛЕ

Август 91-го

Август 14-го – начало Первой мировой войны, гибель армии Самсонова;

Август 39-го – пакт Молотова-Риббентропа, начало Второй мировой войны;

Август 45-го – нападение СССР на Японию, в этой войне до сих пор не поставлена точка;

Август 52-го – расстрел деятелей еврейской культуры в СССР, «окончательное решение еврейского вопроса-2»;

Август 68-го – оккупация Чехословакии, удушение «социализма с человеческим лицом»;

Август 91-го – путч в СССР, вялотекущая агония коммунизма, затянувшаяся до настоящего времени.

Елена Боннэр: «Итак, кто совершил переворот (дело не в фамилиях – вы их уже знаете)? Персонально – это все выкормыши (простите мне мой язык), выблядки КГБ: военно-промышленный комплекс, структуры, которые кормят его и которых он кормит – генералитет и примыкающий к ним (а точнее, командующим им) Комитет государственной безопасности с верным младшим братом – МВД».

(«Огонек» № 37, 7-14 сентября 1991г., стр.2)

Рой Медведев: «В ночь с 20 на 21 августа 1991 г. в подземном транспортном туннеле на пересечении Калининского проспекта (ныне улица Новый Арбат) и Садового кольца (улица Чайковского) погибли три молодых москвича: Дмитрий Комарь, Владимир Усов и Илья Кричевский. Их смерть была следствием драматически сложившихся обстоятельств, и органы прокуратуры как Москвы, так и Российской Федерации, внимательно изучавшие ход событий в подземном туннеле, не нашли ни в действиях военных, ни в действиях гражданских лиц состава преступления».

Отсутствует «состав преступления», очевидно, и в других «августах» в истории России XX века – именно в этом и есть, как можно предположить, основная причина большой беды нашей страны. Страны, загнавшей себя в какое-то средневековое состояние, несмотря на свой гигантский потенциал, растрачиваемый неизвестно на что и неизвестно зачем.

«Почему Россия не отказывается от сталинизма?» – спрашивает **Тони Хэлпин** (The Times, 27.07.2011), вернувшись из поездки на Колыму. Он пишет: «В России так и не произошло ничего похожего на немецкую «денацификацию», вследствие чего «организации, несущие ответственность за зверства ГУЛАГа, процветают и по сей день». Коммунисты имеют второе по численности представительство в российском парламенте, их лидеры по телевизору с невозмутимым

лицом осуждают коррупцию и ностальгируют по славным советским денькам, не считая нужным дистанцироваться от Сталина. Россия громко выражает недовольство всякий раз, когда в бывших советских республиках открываются музеи оккупации, осуждающие коммунистический период, когда эти республики объявляют противозаконной демонстрацию символики советской эпохи... Свершится ли акт социальной справедливости, в ходе которого виновных, наконец, призовут к ответу за совершенные ими преступления? Или же в интересах «стабильности государства» восторжествуют силы забвения?»

Ответом на этот вопрос можно считать Указ Президента Российской Федерации от 15 мая 2009 г. N 549 «О Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России»

«В целях обеспечения согласованной деятельности федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и организаций, направленной на противодействие попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России, постановляю:

1. Образовать Комиссию при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России.
- ... 2. Комиссия в своей деятельности руководствуется Конституцией Российской Федерации, федеральными законами, указами и распоряжениями Президента Российской Федерации, а также настоящим Положением».

(Как написано в Указе: «Опубликовано 20 мая 2009 г. Вступает в силу с момента подписания: 15 мая 2009 г.» Интересно, что делал этот Указ между подписанием, когда он вступил в силу, и опубликованием, когда о нем узнали?)

А как же с историческими фактами, материалами, свидетелями?... А как с попытками фальсификации истории **во благо** интересам России?..

Ах, да, извините... Если есть Указы и распоряжения Президента... Одним словом: Наука! Ну, с кибернетикой, генетикой – там все понятно. А, простите, закон всемирного тяготения – это не в ущерб интересам России? Ведь неизвестно кто, кого, когда, куда и за какое место потянет...

Вот и «потянуло». Ничего, казалось бы, не предвещал этот очередной понедельник (как известно, в России – день тяжелый, и хорошие дела в понедельник не делаются), 19 августа 1991 года такого, что

бы вышло за определенные рамки. Ну, «Лебединое озеро» по телевидению с утра, конечно же, не самое лучшее, чего можно было ожидать. Но ведь есть еще один канал. Стоп! И там «Лебединое»! И музыка, вроде, та же, и танцуют, похоже, те же.

Телефонный звонок (надо сказать, что телефон нам поставили совсем недавно, мы «стояли» в очереди на него 19 лет!) – звонит знакомый и взволнованным голосом сообщает, что Горбачева «сняли», и чтобы я не выключал телевизор – скоро будет очередное важное сообщение. И действительно, скоро лебеди как-то растворились, и на экране по всей его ширине картинка, напоминающая «Тайную вечерю», только лица посрее, да и количеством поменьше. И кто-то из них (а, может быть все сразу – там определить разницу между ними было трудно – очевидно тогда телевизионная техника была еще не на высоте) сообщил, что из-за болезни Президента страны Михаила Сергеевича Горбачева вся полнота власти ложится на плечи вот этим бедолагам под названием ГКЧП! Насколько тяжела эта власть было видно по трясущимся рукам одного из участников этого «явления народу». Они, ГКЧПисты, выражают надежду, даже уверены, что народ поймет, поддержит и т.д. Народ, очевидно, понял, потому что «Лебединое озеро» вернулось на экран, а там уже бушевали страсти, и все гадали, кто же такая эта Одилия? И в ущерб или не в ущерб вся эта «попытка фальсификации» интересам России?

– А где Горбачев? – спрашивает шестилетний сын.

– Нет теперь Горбачева.

– А Ельцин?

– И Ельцина нет.

– А за кого мы тогда голосовать будем?

– Мы теперь, похоже, не голосовать, а голосить будем.

Понять-то народ понял, даже больше того, чего желало от него это ГКЧП. Но вот насчет поддержки вышла неувязочка. Даже у народа, имеющего «общеполитический здравый смысл и терпение» (по выражению «Отца всех народов») есть, очевидно, ка-

кой-то лимит доверия, который, в конце концов, иссякает: после смерти Леонида Брежнева в 1982 году полтора года правил Юрий Андропов; после смерти Андропова год – Николай Черненко; после смерти Черненко – шесть лет Михаил Горбачев. И вот теперь, как объясняют этому народу, Михаил Сергеевич «по состоянию здоровья не может исполнять своих обязанностей», и предлагают, то ли еще кого-то, то ли еще чего-то... Перебор!

А тут еще совершенно неожиданно в 15:00 на первом канале Центрального телевидения СССР в программе «Время», в условиях строгой цензуры на других каналах, вышел сюжет, позднее так описанный известным журналистом Е. А. Киселевым: Я тогда работал в «Вестях». «Вести» были отключены от эфира. Сидим, смотрим первый канал (...) И появляется в кадре диктор, и вдруг начинает читать сообщения информационных агентств: президент Буш осуждает путчистов, премьер-министр Великобритании Джон Мейджор осуждает, мировая общественность возмущена – и под занавес: Ельцин объявил ГКЧП вне закона, прокурор России, тогда был Степанков, возбуждает уголовное дело. Мы в шоке... На третий день, под вечер, встречаю Танечку Сопову, которая тогда работала в Главной редакции информации Центрального телевидения, ну, объятия, поцелуи. Я говорю: «Татьян, что произошло у вас?» – «А это я Мальчиш-плохиш, говорит Таня. Я была ответственным выпускающим». То есть она собирала папку, подбирала новости. А был порядок: пойти все согласовать. «Захожу, – говорит, – раз, а там сидит весь синклит и какие-то люди, совсем незнакомые. Обсуждают, что передавать в 21 час в программе «Время». А тут я, маленькая, суюсь со своими бумажками». Она действительно такая крохотная женщина. «Мне прямым текстом говорят, куда я должна пойти со своими трехчасовыми новостями: «Сама верстай!» – ну, я пошла и сверстала».

Начинают распространяться распечатанные Указы Президента РСФСР Бориса Ельцина:

УКАЗ ПРЕЗИДЕНТА РСФСР

В связи с действиями группы лиц, объявившей себя Государственным комитетом по чрезвычайному положению, постановляю:

1. Считать объявление комитета по чрезвычайному положению неконституционным, квалифицировать действия его организаторов как государственный переворот, являющийся ничем иным, как государственным преступлением.

2. Все решения, принимаемые от имени, так называемого комитета по чрезвычайному положению, считать незаконными и не имеющими силу на территории РСФСР.

На территории РСФСР действует законно избранная власть в лице Президента РСФСР, Верховного Совета РСФСР и Председателя Совета Министров РСФСР, всех государственных и местных органов власти и управления РСФСР.

3. Действия должностных лиц, исполняющих решения данного комитета, подпадают под действия УК РСФСР и подлежат преследованию по закону.

Настоящий Указ вводится в действие с момента подписания.

19 августа 1991 г.

Б. Ельцин

УКАЗ ПРЕЗИДЕНТА РСФСР БОРИСА ЕЛЬЦИНА
МОСКВА /РИА/.

Совершив государственный переворот и отстранив насильственным путем от должности Президента СССР – Верховного Главнокомандующего Вооруженных Сил СССР, – вице-президент СССР Янаев Г.И., премьер-министр Павлов В.С., председатель КГБ СССР Крючков В.А., министр внутренних дел СССР Пуго В.К., министр обороны СССР Язов Д.Т., председатель крестьянского союза Стародубцев В.Л., первый заместитель председателя Государственного комитета по обороне Бакланов ОД., президент ассоциации промышленности, строительства и связи Тизяков Л.И. и их сообщники совершили тягчайшие государственные преступления, нарушив статью 62 Конституции СССР, статьи 64,69,70,70 прим, 72 Уголовного Кодекса РСФСР и соответствующие статьи Основ уголовного законодательства Союза ССР и Союзных республик.

Изменив народу, Отчизне и Конституции, они поставили себя вне Закона.

На основании вышеизложенного постановляю: сотрудникам органов прокуратуры, государственной безопасности, внутренних дел СССР и РСФСР, военнослужащим, осознающим ответственность за судьбы народа и государства, не желающим наступления диктатуры, гражданской войны, кровопролития, дается право действовать на основании Конституции и законов СССР и РСФСР. Как Президент России от имени избравшего меня народа гарантирую вам правовую защиту и моральную поддержку. Судьба России и Союза в ваших руках.

Президент РСФСР Б. Ельцин

Москва, Кремль.

19 августа 1991 года

22 часа 30 минут

В Москве вокруг Белого Дома, где собрались сторонники законного правительства во главе с Президентом РСФСР Борисом Ельциным, организуется круглосуточное народное оцепление, возводятся баррикады. (Позднее я познакомился с одним из тех, кто руководил доставкой палаток, теплой одежды, горячего питания защитникам Белого Дома – Александром Осовцовым, рассказавшим много интересного). Войска, подтянутые ГКЧП к Белому Дому и ждущие приказа о штурме, не получают его. В этот момент некоторые танкисты переходят на сторону законного Правительства, и Борис Ельцин прямо с брони танка № 110 Таманской дивизии обращается к москвичам, всем гражданам России с призывом дать достойный ответ путчистам и оглашает свои Указы. Это стало символом победы! Международное сообщество отказывается признать легитимность ГКЧП. Его признают только Ирак, Ливия, Сербия, Судан и ООП (достойная компания!).

Среди защитников Белого Дома Андрей Макаревич, Константин Кинчев, Александр Гордонский, Маргарита Терехова, Анатолий Крупнов, Шамиль Басаев, руководитель компании «ЮКОС» Михаил Ходорковский, вице-мэр Москвы Ю.М. Лужков и его беременная жена Е.Н. Батурина. Мстислав Ростропович, живший тогда с семьей в Париже, узнав о путче, хватает свою виолончель, и не предупредив никого

из домашних, прилетает в Москву. На паспортном контроле вместо предъявления документов, не оставиваясь, сказал, что он Ростропович, поймал какую-то машину и попросил довести его до Белого Дома. Через кольцо оцепления его и его бесценный инструмент буквально на руках перенесли ко входу в Белый Дом. Там уже, внутри, давая интервью какой-то телекомпании, объясняя, почему он здесь, попросил: «Только Гале не говорите, а то ругаться будет!»

Становится известным, что Виталий Коротич, главный редактор журнала «Огонёк», находившийся в это время в США, 19 августа, боясь расправы на родине, сдает билет на самолет и просит политического убежища. Он-то хорошо знал, что ему может грозить. На официальном сайте «Огонька» так оценивается работа В.Коротича в журнале: «С его приходом журнал повернул на 180 градусов. Трудно в мировой истории вспомнить издание, которое оказало бы на политическую жизнь страны такое же сильное влияние, как «Огонёк» эпохи перестройки. Публицистика «Огонька» стала школой демократии в изголодавшейся по свободе стране. Разоблачения стали культовым жанром всей журналистики. Начиная эту эпопею журнал «Огонёк»... С ним связана эпоха «гласности», смена политической формации, крах советской власти – сначала в умах людей, а потом и в реальной жизни».

М. Ростропович в Белом доме

Петрозаводск, 22 августа 1991. Фото В. Ларионов

Действительно, за это время многое изменилось в умах и настроениях людей, особенно «далеко от Москвы», в провинции, поэтому, очевидно, путч и не прошел. Он как-то сам по себе захлебнулся, и до сих пор никто не может внятно объяснить, как это произошло в реальности. И все же, в дни мятежа 19-21 августа 1991 года именно Борис Ельцин подавил попытку государственного переворота ГКЧП. Он не был арестован и получил возможность беспрепятственно добраться до Дома Советов РСФСР (Белого Дома), погасить панику в рядах сторонников и приступить к организации сопротивления. Уже одним этим он заслужил благодарную память потомков.

Хотя есть и другие мнения: я стоял у довольно громоздкого намогильного памятника Борису Николаевичу Ельцину на Новодевичьем кладбище, выполненного из тяжелого камня в виде трехцветного Российского флага. Женщина рядом злорадно произнесла: «Это его специально так придавили, чтоб он в день Страшного Суда не смог подняться!»

В апреле 1991 года в Петрозаводске было официально зарегистрировано общество еврейской культуры «Шалом». И именно в дни путча шла подготовка к празднованию одного из основных еврейских праздников – РОШ ha-ШАНА (Новый год) впервые за годы советской власти. 20 августа на имя председателя общества Бориса Клейна пришла телеграмма от первой общероссийской еврейской организации ВААД: «В связи с создавшейся в стране политической ситуацией в ВААДЕ создана круглосуточная инфор-

мационная служба для обмена информацией о положении евреев и о текущей обстановке на местах тчк мы надеемся получать от вас детальные сведения о том что происходит в ваших регионах и будем информировать вас о положении дел в центре и других регионах а также о позиции ВААДА по поводу происходящих событий тчк» Прилагался список телефонов, по которым можно было связаться с центром. Также поступило официальное заявление ВААДА, где, в частности, говорилось: «...ВААД призывает все еврейские организации и общины страны сохранять спокойствие зпт подчиняться в своей деятельности законно избранным властям и представлять на всех уровнях интересы еврейского национального меньшинства. Москва 20 августа 1991 года. Президиум ВААДА». Учитывая политическую обстановку, мнения в правлении общества «Шалом» разделились – проводить праздник, или нет. Но большинство, все же, высказались за его проведение.

Мы, петрозаводчане, можем гордиться, что не остались в стороне от этих событий, не заняли выжидательной позиции, не делали вид, что от нас ничего не зависит. 20 августа у здания Музыкального театра состоялся внушительный митинг, на который люди пришли добровольно, чтобы выразить свою позицию. Правда, местные руководители Партии, секретари Обкома не были замечены – они, очевидно, еще не получили инструкций «сверху» – партийная дисциплина. Но зато уже утром в троллейбусах появляются листовки: Петросовет ГКЧП не подчиняется. На ми-

тинг – яркие выступления Ректора Петрозаводского университета Виктора Васильева, Председателя Петрозаводского городского Совета Александра Колесова, Мэра Петрозаводска Сергея Катанандова... А им-то было, что терять, если бы победу одержали путчисты!

Вечером начали работу Карельское радио и телевидение, которые передали все указы и обращения Президента России.

Затем выступил председатель Совета Министров Карельской АССР Сергей Блинников, который сообщил, что Карелия будет жить по российским законам.

А 24 августа 1991 года страна прощалась со своими сыновьями – жертвами путча: состоялся траурный митинг и похороны погибших во время путча молодых людей. Многотысячное шествие от Манежной площади до Ваганьковского кладбища по улицам Москвы возглавил вице-президент РСФСР Александр Руцкой. Президент РСФСР Борис Ельцин в момент прохождения колонны находился на балконе Белого Дома. Президент СССР Михаил Горбачев, также присутствовавший на похоронах, объявил о присвоении погибшим званий Героев СССР. Это были последние Герои Советского Союза:

Илья Кричевский, архитектор проектно-строительного кооператива «Коммунар»;

Дмитрий Комарь, участник войны в Афганистане, водитель автопогрузчика;

Владимир Усов, экономист совместного предприятия «Иком».

Два гроба были покрыты трехцветным новым флагом России, принятым на митинге у стен Белого Дома 22 августа, третий – талитом, традиционным

еврейским молитвенным покрывалом, как того требует еврейская традиция. Над могилами Дмитрия Комаря и Владимира Усова прозвучал Гимн СССР; над могилой Ильи Кричевского играл скрипач, извлекая из своего инструмента древние, настоянные веками, еврейские мелодии.

«La comedia è finita!»

Я не уверен, что когда-нибудь будет написана подлинная история этого путча. Она представляет интерес, разве что, для историков, да и то только с профессиональной точки зрения. Люди не научились извлекать какие-либо уроки из своей истории, а тем более из истории, которая произошла не при их жизни. Как сказал Экклезиаст: «Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем». (Эккл. 2:9) «Нет памяти о прежнем; да и о том, что будет, не останется памяти у тех, которые будут после». (Эккл. 2:11)

Когда рассеялся угар ГКЧП, чтобы «очиститься», я поставил послушать пластинку с Первым концертом для фортепиано с оркестром Петра Ильича Чайковского. Его мощный оптимизм, яркое праздничное звучание наполняло душу чем-то таким, что выше всяких слов. Особенно начальный мотив оркестра, как зачин всего произведения:

И вдруг слышу, как из другой комнаты мой сын напевает на этот мотив: Ге – Ка – Че – Пе! Ге – Ка – Че

– Пе! Ге – Ка – Че – Пе...

Вот так Петр Ильич своими шедеврами «Лебединым озером» и Первым концертом для фортепиано с оркестром музыкально «оформил» весь этот постыдный кошмар-буфф, именуемый путчем 91-го, или ГКЧП.

Под колесами опломбированного вагона

Для начала две справки – одна из советского словаря, другая – из расстрельных списков:

Шкловский Григорий Львович (р. 1875) – партийный и советский работник. Вступил в РСДРП в 1898, вел партийную работу в Белоруссии, неоднократно подвергался репрессиям. В 1909 из ссылки бежал в Швейцарию. В эмиграции участвовал в партийной работе; был делегатом от большевиков

на Базельском конгрессе 2 Интернационала (1912), в марте 1915 участвовал на Бернской конференции. После Февральской революции вернулся в Россию в "запломбированном вагоне", работал в Нижнем Новгороде и Москве; был зам. председателя Московского совета районных дум; в Октябре – комиссар Дорогомиловского района. В 1918 – советник полпредства в Швейцарии; до 1925 работал в органах НКВД. На

...За то, что еврейка стреляла в вождя,
за то, что она промахнулась...
Игорь Губерман

XIV Съезде партии избран в ЦКК ВКП(б); в 1927 за работу в рядах зиновьевско-троцкистской оппозиции исключен из ЦКК. С 1928 работал в Химсиндикате, в 1929 – 30 член правления Химимпорта, с 1931 работает в ОНТИ (Объединение научно-техн. изд.) и Химико-фарм. объединении.

Шкловский Григорий Львович, 1875 г. р., уроженец г. Бобруйск, еврей, б. член ВКП(б), химик, член правления объединения Химсиндикат, проживал: г. Москва, Лялин пер., д. 8, кв. 14. Военной коллегией Верховного суда СССР 14 ноября 1936 г. осужден по ст. ст. 17-58-8, 58-11 УК РСФСР на 10 лет тюрьмы. Отбывал наказание в Соловках. Особой тройкой УНКВД ЛО 10 октября 1937 г. приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян в Карельской АССР (Сандармох) 4 ноября 1937 г.

Григорий Шкловский родился в местечке Пари-чи, под Бобруйском, окончил Бернский университет, стал фармацевтом, защитил в Швейцарии в 1914 году докторскую диссертацию. Но известность получил как один из видных деятелей РСДРП(б), участник II съезда партии, друг Ленина, профессиональный революционер. Он был держателем партийной кассы, финансистом, обеспечивающим быт ее вождей и большевистских депутатов Госдумы. В его швейцарском доме часто останавливались видные деятели РСДРП, Ленин с Надеждой Константиновной, для которой Шкловский нашел врача, лечившего ее от базедовой болезни. Григорий Шкловский заведовал партийной кассой не случайно – его тесть, Зелик Горелик (Шкловский был женат на его старшей дочери Дво-се), был крупнейшим лесопромышленником Белоруссии, купцом первой гильдии, имея титул «Поставщик двора его Императорского Величества». Этот титул не помешал Горелику финансировать подпольную деятельность РСДРП, прятать у себя матросов с крейсера «Потемкин» после бунта и своего зятя после побега из сибирской ссылки. После революции, как и большинство ее «спонсоров», Зелик Горелик потерял все свое состояние и умер в эвакуации в Уфе в 1942 году, где жил с дочерью Малкой. Рассказывают, что он завещал золотые часы – единственную ценность, оставшуюся у него, передать в фонд обороны, а не своей дочери, хотя жили они впроголодь. Один из его сыновей – врач Симон Горелик – в 1939 году ценой собственной жизни спас Москву от эпидемии чумы, хотя об этом подвиге до самого последнего времени предпочитали умалчивать, а его жену, Эмилию Яковлевну, участницу финской войны, арестовали в 1940, там она и погибла; другой – известный литературный критик А. Лежнев (псевдоним Абрама Горелика) – первый выразил сомнение в авторстве Шолохова романа «Тихий Дон» и, как писали в Литературной энциклопедии: «Защищая в своих теоретических и полемических статьях реакционные тенденции современной литературы, Л. неустанно борется с воинствующей марксистской критикой», за что, очевидно, и был репрессирован в 1938 году.

Г. Шкловский

У Григория Шкловского было пять дочерей – младшая, Наталья, родилась в марте 1917, поэтому он не поехал в том вагоне с Лениным, а приехал в Россию чуть позже, оставив в Швейцарии семью и старшую дочь Марию, которая к тому времени уже вышла замуж. Она стала художницей, выставлялась на многих выставках. Интересно свидетельство Юлиана Семенова в документальной повести «Лицом к лицу»:

«В Базеле нашел художницу Мари Юберзакс, дочь Григория Шкловского, соратника В. И. Ленина. Я провёл у нее часа три; женщине за восемьдесят, однако она еще путешествует, много пишет. От нее, посмотрев бесценные реликвии, письма и записки Ильича, я уехал с письмом, по которому пять документов Ленина, находящихся ныне у Мари Юберзакс, безвозмездно передаются нашему государству».

А вот свидетельство Анатолия Тиктинера, внука Зелика Горелика:

«После смерти мужа в начале шестидесятых годов она (Мари Юберзакс), разбирая архив на чердаке, нашла 22 оригинала писем Ленина к ее отцу. Естественно, эти письма Маруся отнесла в наше посольство. Посол сразу же предложил купить их по 3 тысячи долларов за каждое письмо, как я сейчас понимаю, любой западный аукцион оценил бы их раз в десять дороже. Маруся же поставила совсем иные условия: она отдает письма бесплатно, с условием, что государство выдает ей и ее взрослому сыну-журналисту месячную визу в Москву для посещения сестер и, кроме того, каждой сестре, жившей в коммуналке, выдает по двухкомнатной квартире. Причем письма отдаст только в Москве, лично удостоверившись в исполнении договоренностей. Торг и препирательства продолжались более трех лет, и вот в 1965г. они действительно приехали в Москву. Обещанную

квартиру дали только сестре Жене. Мама и ее родная сестра тетя Франя Коган (ур. Горелик), мать Зины – ничего не получили. Слава Богу, что для всех нас не было никаких негативных последствий!»

В Полном собрании сочинений Ленина в 55 томах опубликовано 31 письмо Ленина к Шкловскому с 1910 года по 1922. В основном это деловые письма с различными просьбами по партийной работе. Интересны обращения: Дорогой товарищ, Дорогой Ш., Дорогой Г.Л., Дорогой друг; и подписи: без подписи, Ваш Н. Ленин, Ваш В.И., Ваш Ленин, Ваш В. Ульянов.

Из воспоминаний Оли Шатуновской:

«В 37 году при аресте Григория Шкловского сотрудниками Лубянки у него была изъята записка Ленина, адресованная ему Владимиром Ильичом в 1922 году. Григорий Шкловский во время первой мировой войны был председателем Бернской большевистской конференции, организованной Лениным, где было сформулировано отношение большевиков к этой войне. Григорий Шкловский был близким другом и доверенным лицом Ленина. Записка эта является частью переписки между Лениным и Григорием Шкловским. Отвечая на какое-то письмо Шкловского, Ленин пишет: «Да, Григорий, Вы правы. Против меня ведется интрига, очень глубокая и сложная: предлагаю какую-нибудь кандидатуру на Оргбюро – меня проваливают; продолжаю настаивать – меня обвиняют в протекционизме. Повторяю, интрига глубокая и очень сложная. Придется нам опереться на нашу молодежь».

Записку эту, тогда еще совершенно неизвестную, мне в 60 году вручил заведующий архивом Лавров. Привожу ее на память в сокращенном виде.

В Оргбюро тогда заседали Сталин и Молотов».

Двоя Шкловская с дочерьми приехала в Россию в октябре 1920 года, а 18 января 21-го Ленин уже отвечает Двоя на письмо, в котором она просит его помочь устроить их семью за границей. Ленин действительно помогает им, он пишет в своих ходатайствах, что «этой семье в России не выжить. Здесь не могут». Чичерину пишет в феврале: «Этой семье у нас не под силу. Их надо за границу». Потом просит помочь с получением визы, и семья Шкловских, наконец, получает визу в июле 1921 года.

Карьера Шкловского после возвращения в Россию складывалась вполне успешно – в 1918 он был уже назначен советником полпредства в Швейцарии, позже – консулом в Гамбург, где и прожил с семьей до 1924 года. Для Германии это было тяжелое время, нестабильное, в городе происходили забастовки, и советские власти решили, что надо «помочь» организовать восстание, которое переросло бы в общегерманское. В Гамбург приехали Раскольников, Лариса Рейслер, Тельман, Радек, которые вели там подстре-

кательскую деятельность. Руководил восстанием Эрнст Тельман. С восстанием не получилось. Как написано в БСЭ: «Героическая борьба германского пролетариата в 1923 не увенчалась успехом. Главная вина за поражение рабочего класса ложится на лидеров социал-демократии, сорвавших единство действий пролетариата». Консул-революционер был объявлен персоной non grata, и вынужден был покинуть Германию. Когда он с семьей приехал в Москву, ему предложили большую семикомнатную квартиру на улице Грановского, но, как говорит его внук Александр Кисин, «дед всю жизнь отказывался от всяких привилегий, был наивным человеком, жили они скромно, у моей мамы было всего одно платье. Он сказал: «Нет, зачем такая большая квартира», и ему дали трехкомнатную, где я прожил до третьего курса института». Шкловского переводят на хозяйственную работу – он становится управляющим Главхимпрома и членом ревизионной комиссии ЦК. В 1927 году «за работу в рядах зиновьевско-троцкистской оппозиции исключен из ЦКК. С 1928 работал в Химсиндикате, в 1929 – 30 член правления Химимпорта, с 1931 работает в ОНТИ (Объединение научно-техн. изд.) и Химико-фарм. Объединении».

Но в 1934 году проходил XVII съезд партии, «Съезд победителей», и Шкловский имел смелость указать Сталину, «главному победителю», на ошибки в его речи на этом съезде, поскольку был с Кобой «на ты». Очевидно, это и стало «началом конца»: как любой тиран, Сталин «вычищал» страну от «слишком умных» и от тех, кто «много знает». В 1936 году Шкловский был осужден на 10 лет, и отбывал наказание на Соловках. А 10 октября 1937 года особой тройкой УНКВД ЛО приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян в урочище Сандармох (под Медвежьегорском) 4 ноября 1937 года с так называемым «Соловецким этапом».

О том, что творилось на Соловках, рассказать невозможно. Человеческое ум не в состоянии вместить в себя такое. Причем началось это не в 37, как принято считать, а сразу же, как только был создан этот лагерь – первый опыт советской власти по построению социализма в «отдельно взятой стране». Вот текст подлинного письма от 1926 (!) года. Позже писем уже не писали, а порядки становились только страшнее. Когда Юрий Дмитриев показал мне рисунки свидетелей того, что происходило в лагере, мне стало плохо.

Зелик Горелик, 1895 год.

В ПРЕЗИДИУМ ЦИК ВКП(б)

(сохранен язык оригинала)

Обращаемся с просьбой, которой просим уделить минимум внимания.

Мы заключенные, которые возвращаемся из Соловецкого Конц. лагеря по болезни, которые отправлялись туда полные сил и здоровья в настоящее время возвращаемся инвалидами изломанными и искалеченными морально – и физически. Просим обратить внимание на произвол и насилие царящие в Соловецком – Конц. Лагере в Кеми и на всех участках Кон. лагеря. Такого ужаса произвола и насилия и беззакония даже трудно представить человеческому воображению. Отправляясь туда, даже в мыслях не предполагали такого кошмара и теперь искалеченные сами и от нескольких тысяч людей там находящихся взываем к руководящему центру Советского государства положить предел царящему там ужасу...

Подписи: Г. Железнов, Виноградов, Ф. Белинский.
14 декабря 1926 г.

В 1929 году Соловки посетил Максим Горький. Его визит был устроен для того, чтобы успокоить общественное мнение Запада после опубликования там книги одного из эзков, сумевшего бежать из лагеря, в которой рассказывалось о том, что на самом деле творится на острове. Этот прием прекрасно действовал на протяжении всей советской власти. (Хотя и сейчас «мировое общественное мнение» во многих вопросах слышит лишь то, что хочет слышать.) После визита в «Известиях» появился очерк «Соловки». До сих пор неясно, что это за очерк – обманутого человека, злодея, задавленного страхом и отрабатывающего заказ, и вообще, писал ли его Горький сам? Вот несколько выдержек из этого довольно большого очерка:

«Конечно, остров – не тюрьма, но, разумеется, с него – не убежать, хотя газеты эмигрантов и печатают статейки, озаглавленные: «Бегство из Соловок». В одной из таких статей сказано: «Отойдя 26 километров от места работы, беглецы...» На острове, который имеет 4 километра длины и 16 ширины, совершенно невозможно отойти «от места работы» на 26 километров...»

«Были мы на концерте в театре, он помещается в кремле, устроен, должно быть, в расширенном помещении бывшей «трапезной». Вместает человек семьсот и, разумеется, «битком набит». «Социально опасная» публика жадна до зрелищ, так же как и всякая другая, и так же, если не больше, горячо благодарит артистов.

Концерт был весьма интересен и разнообразен. Небольшой, но хорошо сыгравшийся «симфонический ансамбль» исполнил увертюру из «Севильского цирюльника», скрипач играл «Мазурку» Венявского, «Весенние воды» Рахманинова; неплохо был спет «Пролог» из «Паяцев», пели русские песни, танцевали «ковбойский» и «эксцентрический» танцы, некто отлично декламировал «Гармонь» Жарова под аккомпанемент гармоника и рояля. Совершенно изумительно работала группа акробатов, – пятеро мужчин и женщина, – делая такие «трюки», каких не увидишь и в хорошем цирке. Во время антрактов в «фойе» превосходно играл Россини, Верди и увертюру Бетховена к «Этмонту» богатый духовой оркестр; дирижирует им человек бесспорно талантливый. Да и концерт показал немало талантливых людей. Все они, разумеется,

Фото с Лубянки, 1936 г.

Фото с Лубянки, 1936 г.

«заключенные» и работают для сцены и на сцене, должно быть, немало. Не знаю, как часто устраиваются такие обширные концерты, как тот, в котором я был. На афише сказано: «Театр 1 отделения», очевидно, театр «2 отделения» ставит пьесы или же существуют два театра»...

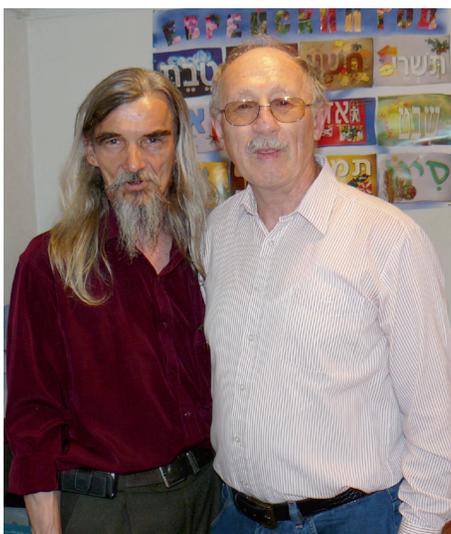
«Болшевская трудкоммуна черпает рабочую силу в Соловецком лагере и в тюрьмах. Соловки, как я уже говорил, – крепко и умело налаженное хозяйство и подготовительная школа для вуза – трудкоммуны в Болшеве»...

В колонии строится здание для клуба, театра, библиотеки. К ней проведена ветка железной дороги. Сделано еще многое. И, когда видишь, сколько сделано за двенадцать месяцев, с гордостью думаешь: «Это сделано силами людей, которых мещане морили бы в тюрьмах»...

Мне кажется – вывод ясен: необходимы такие лагеря, как Соловки и такие трудкоммуны, как Болшево. Именно этим путем государство быстро достигнет одной из своих целей: уничтожить тюрьмы».

К этому «выводу» можно добавить цитату из бесед с Григорием Померанцем «В поисках самого себя»:

«...Для него была живой легендой Оля Шатуновская, которая была всего на пару лет его постарше, но уже успела в 1916 году стать членом партии, поэтому была старой коммунисткой. Она, конечно, успела отбыть Колыму. Но Хрущев сделал ее членом партколлекции, занимавшейся реабилитацией, а потом она расследовала убийство Кирова. И в доме Зинаиды Александровны я с ней познакомился и подружился. Из ее рассказов я узнал, что председатель КГБ Шелепин дал ей по запросу комиссии Шверника справку об арестах с первого полугодия 1935 года и до первого полугодия 1941 года (справки делались по полугодиям). Цифра арестованных составила 19.870.000 человек».

Ю. Дмитриев, А. Кисин

Конечно же, не все арестованные были расстреляны, но, несомненно, вернулась лишь малая часть. Всего лишь один эпизод, рассказанный Михаилом Блехманом в дневниковых записях:

«В 1958 году мы снимали документальный фильм на Полюсе холода в Оймяконе (Якутия). Из Оймякона нам нужно было добраться до оз. Лабынкыр. Это 5-6 дней пути на оленьих упряжках. Время было зимнее, и в иные дни мороз достигал – 63-65° С. Так или иначе, загрузившись в Оймяконе продуктами, мы отправились в путь. Нам предстояло пересечь «зимник» – дорогу Магадан-Хан-дыга. И тут наш кортеж из 11 оленьих упряжек остановился. Я спросил у проводника, пожилого якута Михаила Яковлевича Слепцова:

– В чем дело? Почему стоим?

– Постоим надо, Михаил, – ответил Слепцов и, сняв беличью шапку, продолжил, – в 37-38 году я молодой был, олень гонял, белка стрелял, горностай ловил, домой ходил. По этой дороге гнали этап заключенных. Много сотни человек. Охрана тепло, в валенках, полушубках, собаки. А этап – кто в чем одет. Время было позднее, однако, скоро темно будет, зима, холодно. Куда гонят? А тут начальник крикнул: «Привал!» Зажгли костры... а утром сельсовет позвал народ, привел сюда, велел собрать замерзших и сложить вдоль дороги, засыпать снегом, летом закопать будем. Так что эта дорога, Михаил, вся на костях этапов».

А вот рассказ Юрия Дмитриева о том, как был уничтожен Соловецкий этап – 1111 человек:

– Их привезли этапом из Соловком на трех баржах в Кемь, затем в Медгору. В Медгоре держали в теперешней эковской больнице – там был третий лагпункт. Оттуда вывозили на машинах к месту расстрела в урочище Сандармох. Их раздели до белья, каждый получил деревянной колотушкой по голове, чтобы не сопротивлялся, повязали руки, ноги, побросали в машину и тот путь, который сейчас проезжают за минут двадцать, они проделали за полтора – два часа. Это в ноябре месяце, уже были заморозки, возили их ночью. Их накрывали брезентом, сверху сидел надзорсостав, у которого была металлическая трость с припаенным на конце молотком, которым били тех, кто шевелился, или подавал голос, так что бежать, сами понимаете... Среди них были и совсем больные люди, которые просто кричали от боли, так их просто удавили полотенцем. (Эта информация из уголовного дела на товарища Матвеева, капитана госбезопасности, который руководил этой операцией, самолично их расстреливал. Это известный товарищ. Его судили в 39 или 40 году. Как положено: в 39 убивали того, кто выполнял «грязную работу» в 38; в 40 – кто в 39 и т.д. (О Соловецком этапе написано в «Ленинградском мартирологе», том 6.) В Сандармохе, предположительно, расстреляно от 7 до 9 тысяч человек.

Юрий Дмитриев – Президент Академии социально-правовой защиты, член Республиканской комиссии по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий. Но дело не в должностях, а в делах, которые Юрий самоотверженно творит. Он нашел и раскопал места расстрельных захоронений в карьере Сулажгорского кирпичного завода, в Бесовце на месте нынешнего гарнизона, в Красном бору под Петрозаводском, в Кеми, в Пудуже, в поисках захоронений прошел пешком по обеим сторонам БелВсе сказанное уместилось в несколько строк, а для того, чтобы «найти и раскопать» сколько надо перебрать документов в архивах, порой закрытых, опросить местных жителей, сделать пробные раскопки почти вслепую без специальной аппаратуры. И все это в лесах, вдалеке от людей... Это Юрий Дмитриев предложил установить в Сандармохе памятники убитым там всех национальностей и конфессий, чтобы можно было прийти и почтить память, прочитав молитву на их родном языке. И там уже установлены памятники и памятные знаки православным, католикам, литовцам, украинцам, мусульманам, евреям. На церемонии открытия памятника евреям (пока документально установлены 193 имени), Юрий произнес слова на иврите. И именно по этому списку расстрелянных в Сандармохе евреев внук нашел место трагического конца своего некогда знаменитого деда.

Я получил письмо по электронной почте с просьбой попытаться узнать что-либо о Шкловском, погибшем в советском лагере где-то в Карелии в 37 году. Письмо подписано Кисиным Александром Вадимовичем, внуком Шкловского. Он пишет без особой надежды, но вдруг... Я почти машинально просматриваю списки убитых в Сандармохе и нахожу там фамилию Шкловского. Но мало ли Шкловских, тем более что в письме не сообщается о его имени и отчестве. Я пересылаю данные о Шкловском и сразу же получаю ответ: это он! Александр Кисин спрашивает, где этот Сандармох, как туда добраться и когда можно приехать. Через несколько дней я встречаю поезд из Москвы, провожаю Александра на автовокзал, и

он едет в урочище Сандармох – место расстрела своего деда, которое он уже не надеялся когда-либо найти.

Вечером в офисе общины Александр Кисин рассказал о своем деде, других родственниках, о своей жизни. О том, что его бабушка, Двоя Шкловская, получила «свой» срок – пять лет мордовских лагерей, но выжила, вернулась. Рассказал о случае со своим отцом:

– Мой папа работал инженером-конструктором на мебельной фабрике в Москве на Ольховке, недалеко от Казанского вокзала. В 38 году за ним пришли. Сказали, чтобы он зашел в отдел кадров – там сидит товарищ... «Вадим Моисеевич, у нас есть к Вам дело. Давайте поедем с нами». Он покраснел, побелел, позеленел, говорит: «Можно я позвоню домой?» Отвечают: «Нет. Не надо звонить. Вечером будете дома. Поехали». Вышли на фабричный двор – из всех окон смотрят... Доехали до Лубянки, провели куду-то. Отец ни живой, ни мертвый. Ему говорят: «Вадим Моисеевич, у нас появилось очень много дел, нам нужны ящички для каталожных карточек. Будьте любезны, обмерьте все, делайте, что Вам нужно, и в течение недели изготовьте. Когда будет готово, позвоните нам». Когда отца привезли обратно на фабрику, на него смотрели, как на вернувшегося с того света.

Юрий Дмитриев рассказал о своей работе, о Соловецком этапе, как он по крупичкам собирал эти списки, о том, что еще надо сделать. А сделать, оказалось, надо еще очень, очень много. «Опечатанный вагон» проехался по всей стране, оставив после себя ямы с человеческими костями, и они, как язвы прокажили необъятные просторы нашей многострадальной родины. И там, в этих ямах, лежат и те, кто революцию делал, и те, кто революции не делал, кто революцию поддерживал, и кто революцию не поддерживал, и те, кому вообще было все это... И пока каждой закопанной кости не возвратится ее имя, не будет покоя стране, породившей и так долго терпевшей столь чудовищный режим. «Ибо кровь оскверняет страну, и стране не искупиться от крови, которая в ней пролита...» (Числа, 35:33)

Обращение ко всем религиозным организациям Карелии

Мы снова и снова наблюдаем, как во многих точках мира вожди и последователи различных религий разжигают агрессию, фанатизм, ненависть и межнациональную рознь, а также инспирируют и легитимируют насильственные и кровавые столкновения.
(Из Декларации мирового этоса)

Сегодня мир стоит у порога, за которым хаос, страх, насилие, смерть. Человечество в своем развитии пошло к грани, когда уже почти не ставится вопрос о жизни, а говорится о выживании. Технический прогресс опередил процесс духовного развития самого человека. В мире накопилось силы больше, чем ума. Великие духовные ценности, заложенные в мировых религиях, вытесняются на периферию сознания, многим они просто незнакомы. Это становится поводом для манипуляций, подтасовок, спекуляций для достижения целей, прямо противоположных, заложенным в них постулатам. Такие императивы, как «не убей», «не кради», «не прелюбодействуй», «не отзывайся о ближнем твоим ложным свидетельством» становятся отвлеченными понятиями.

Их приспособливают для достижения своих целей, оправдания своих поступков, добавляя к ним трактовку, перевирающую их прямой смысл. Так СМИ, при полной безнаказанности могут манипулировать общественным мнением, создавать мифы, оговаривать и очернять все и вся, подавая в это же время в выгодном свете те негативные силы, от которых получают заказ. Ради денег, больших денег идет массовое оглушение человека, сводя его запросы к чисто физиологическим потребностям, причем и тут доводится все до абсурда внушением потребностей, не совместимым с понятием жизненной необходимости, а, зачастую, и во вред самой жизни. Это опасно, учитывая глобальный характер современного информационного поля. Человеческая жизнь сама по себе перестает быть ценностью. Кровь, кровь, кровь... Убийство человека стало обыденным, будничным делом, профессией. В русском языке даже появилось понятие «киллер» – это звучит как-то даже «благородно», не то, что «убийца». Этим на подсознательном уровне нивелируется осознание творящегося беспредела. Такие понятия, как «человеческое достоинство» «целомудрие» превратились в фарс, некий «пережиток пасторальных времен». Вместо этого со всех экранов, будь то телевизор, кино или компьютер, обложка журнала, первая полоса газеты или этикетка очередного средства, «которое сделает тебя счастливым», на тебя смотрят наглые человекоподобные существа (кстати, надо признать, совершенные по форме, что усугубляет пагубность происходящего), выставя напоказ то, что скрыто самой природой у любого живого существа. Насилие над человеческим слухом просто фантастическое: на улицах, в автобусах, магазинах, кафе, из проезжающих автомашин и от проходящих мимо людей, с вставленными в уши наушниками (чтобы не слышать ближнего своего?), несется невероятный набор звуков, который почему-то называется музыкой. В человеческой речи лишь изредка попадают слова, которые можно записать на бумагу, все остальное... Перегар в салоне общественного транспорта сопоставим с выхлопными газами. Наркомания, детская проституция, насилие в семье, коррупция... О том, что творится в мировой политике, даже страшно начинать разговор!.. И т.д. и т.д... Перечислять пороки современного общества можно бесконечно. Конечно, «вскрывать язвы общества» всегда легче, чем предложить лекарство для их излечения. Неверно было бы предполагать, что человеческое сообщество «испортилось» лишь в последнее время. Достаточно вспомнить слова Библии: «Но земля растлилась перед лицом Божиим, и наполнилась земля злодеяниями» (Бытие, 6:11). Разница лишь в масштабах возможных последствий тогда и сейчас. Как сказал один мудрец: «Чтобы спасти от уничтожения Содом, нужно было найти в нем десять праведников. [Сейчас] чтобы уничтожить весь мир довольно одного дурака».

Что можно противопоставить этому?

Не нужно ничего придумывать. Необходимо просто **вспомнить** о тех ценностях, которые заложены в основе большинства религиозных воззрений. И, что самое важное, прийти к консенсусу, хотя бы на уровне духовных наставников определенных групп населения. Эти цели и преследует «Декларация мирового этоса», принятая Вторым Парламентом религий мира в 1993 г. в Чикаго. Этот документ был призван дополнить и дать этическое обоснование «Всеобщей декларации прав человека» от 1948 г. (Первоначальный текст «Декларации» был составлен знаменитым немецко-швейцарским теологом Гансом Кюнгом, руководителем Фонда «Мировой этос» при Тюбингенском университете.)

Понимая, что «исправление мира» необходимо начинать с себя, здесь, и сейчас, предлагаю:

- создать постоянно действующий комитет представителей всех зарегистрированных в Карелии религиозных объединений;
- собираться один раз в три месяца на заседания, на которых каждый представитель расскажет о своем религиозном объединении, исторических корнях, основных постулатах, истории создания данного конкретного объединения, целях, задачах, практической деятельности, ответит на возникшие вопросы;
- на основании общих для всех религиозных объединений воззрений сформировать «кредо» религиозных объединений Карелии или присоединиться к вышеупомянутой «Декларации мирового этоса»;
- провести какую-либо совместную общественно значимую акцию, демонстрирующую добрую волю и общие точки соприкосновения всех религиозных объединений;
- впоследствии подключить к деятельности комитета руководителей национально-культурных объединений;
- продумать, что можно конкретно предпринять для улучшения общественного климата и выйти с инициативой в законодательные органы власти.

Дальнейшее функционирование комитета будет зависеть от его практической деятельности.

Перефразируя древнее изречение:

«Если не мы, то кто? Если не сейчас, то когда?»

Дмитрий Цвибель
Председатель еврейской религиозной общины Петрозаводска

«Текстами начинают манипулировать»

Интервью с Максимом Ефимовым

– Дмитрий Григорьевич, как Вы относитесь к тому, что министерство финансов Карелии профинансировало строительство храма Великомученика Пантелеймона на Древянке в Петрозаводске? Кстати, деньги были выделены «по отрасли "Культура, кинематография, средства массовой информации"».

– Максим, я против того, чтобы государство финансировало религиозные проекты – это нарушает Конституцию. И если можно нарушить одну статью, тогда можно нарушать ВСЕ СТАТЬИ! Либо, надо менять Конституцию.

– Прокуратура Карелии не усмотрела в факте выделения средств на строительство церкви нарушения основного закона страны. На Ваш взгляд это связано с низкой квалификацией сотрудников прокуратуры или же с её зависимым положением от исполнительной власти Карелии?

– Нет, конечно квалификация сотрудников прокуратуры не вызывает сомнений. Но, как у Евтушенко: "Ученый, сверстник Галилея,/был Галилея не глупее – /он знал, что крутится Земля,/но у него была семья".

– Дмитрий Григорьевич, а в различных общественных советах при исполнительных органах власти, куда Вы входите, Вы поднимали вопрос о недопустимости строительства храмов за счёт государственных бюджетных средств?

– Да. Однажды С. Катанандов (бывший глава Карелии) даже ответил, что государство столько разрушило церквей, что теперь долг государства их восстановить. Правда, он не сказал, сколько разрушено мечетей, синагог, молельных домов и пр. Я не против, но все равно нужна ПРАВОВАЯ база.

Я официально выразил протест против таблички Городского траурного зала (на ул. Вольной) с изображением православного креста, объяснив, что хоронят оттуда не только православных, и это оскорбление для людей, исповедующих другую религию. Табличка висит...

– А Вы как человек религиозный согласились бы на изменение Конституции России? Почему?

– По еврейской традиции – "закон страны – закон". В данном случае я должен подчиниться Закону страны, где проживаю, если он принят конституционным путем. Или должен покинуть ее.

– Ваши видеоролики в Интернете активно комментируют. Некоторые упрекают Вас в лицемерии на том основании, что, говоря о равенстве людей, сами Вы "исповедуете и распространяете

религию национальной обособленности и исключительности".

– Это неправильное истолкование понятия "избранности" еврейского народа. Этой ошибке (или намеренной лжи) уже около двух тысяч лет. Любой верующий, будь то христианин или мусульманин, ОБЯЗАН знать, что говорится в Торе (в русской традиции – Ветхом Завете) по этому поводу. Предлагаю почитать...

– Не всякий осилит Ветхий Завет. О какой избранности всё-таки идёт речь? Почему это особое положение евреев в Священном Писании не нарушает принципы равенства?

– И СКАЗАЛ БОГ АВРААМУ: "УХОДИ ИЗ СТРАНЫ ТВОЕЙ, ОТ РОДНИ ТВОЕЙ И ИЗ ДОМА ОТЦА ТВОЕГО В СТРАНУ, КОТОРУЮ Я УКАЖУ ТЕБЕ. И Я СДЕЛАЮ ТЕБЯ НАРОДОМ ВЕЛИКИМ, И БЛАГОСЛОВЛЮ ТЕБЯ. И ВОЗВЕЛИЧУ ИМЯ ТВОЕ, И ТЫ БУДЕШЬ БЛАГОСЛОВЕНИЕМ. А Я БЛАГОСЛОВЛЮ БЛАГОСЛОВЛЯЮЩИХ ТЕБЯ, А ХУЛЯЩЕГО ТЕБЯ ПРОКЛЯНУ, И БЛАГОСЛОВЯТСЯ БУДУТ ТОБОЙ ВСЕ ПЛЕМЕНА ЗЕМЛИ" (Глава ЛЕХ ЛЕХА, 12:1-3). Это только начальный отрывок – эта тема очень серьезная, не для интервью. О ней надо специально разговаривать – и так много всякого наговорено вокруг...

– Если тексты писания можно так легко по-разному трактовать в зависимости от целей трактовать, то насколько авторитетным будет это Писание?

– Нет, не так легко. Существует целая наука толкований текстов. Да еще надо, чтобы это принял народ. Это тоже сложная тема. Можно только добавить, что именно поверхностные знания Текстов и приводят к тому, что ими начинают манипулировать! Как и во всяком деле, есть свои праведники и злодеи.

– Скажите, Дмитрий Григорьевич, Ваша критика распространяется только на православную церковь или Вы также критикуете все другие конфессии, включая ту, к которой принадлежите?

– В самом вопросе заложена неточность. Я НЕ КРИТИКУЮ НИКАКУЮ РЕЛИГИЮ! Просто, я считаю, что в меняющемся мире (мир меняется с момента Сотворения, так как это живой организм, а не только в последнее время) многие догматы любой религии должны приспосабливаться к жизни, вернее истолковываться по-иному, в противном случае нельзя будет ЖИТЬ по законам религии, а религия – для ЖИЗНИ. Пример: "если тебя ударят по левой щеке, подставь правую" – объясните это солдату...

– Насколько влиятельна православная церковь? На мой взгляд, её влияние легко может быть ограничено или даже вовсе исключено, будь на то воля властей.

– Пока Православная церковь сама по себе влияет на умы людей – это вполне нормально. Но когда церкви дают право (естественно, сверху, а у нас все делается оттуда) вмешиваться в политику, вводить предметы в государственные школы, или писать историю государства и даже устанавливать общегосударственные праздники – см. Конституцию.

– Патриарх Кирилл сказал, что Россия – православная страна. Почему он так решил? Вы с ним согласны?

– Может быть, для него – да. Не для меня.

– Зачем государству поддерживать православие? Чем это может быть чревато?

– У Государства нет своей ИДЕИ, поэтому оно и пытается, довольно неуклюже, насаждать православие, может даже в ущерб самому Православию. Тут и всякие святые без разбору, например, Иоанн Кронштадтский с его заявлениями, типа: «Желая вступить в число членов Союза (Союз Русского народа), стремящегося к содействию всеми законными средствами правильному развитию начал Русской государственности и русского народного хозяйства на основах Православия, Неограниченного Самодержавия и Русской Народности, — прошу зачислить меня как единомышленника»; «Демократия в Аду, а на небесах — Царство Божье»; «Поднялась же рука Толстого написать такую гнусную клевету на Россию, на её правительство!.. Дерзкий, отъявленный безбожник, подобный Иуде предателю... Толстой извратил свою нравственную личность до уродливости, до омерзения... Невоспитанность Толстого с юности и его рассеянная, праздная с похождениями жизнь в лета юности, как это видно из собственного его описания своей жизни, были главной причиной его радикального безбожия; знакомство с западными безбожниками ещё более помогло ему стать на этот страшный путь... о, как ты ужасен, Лев Толстой, порождение ехидны...»; «Театр — противник христианской жизни; он порождение духа мира сего, а не Духа Божия. Истинные чада Церкви не посещают его».

– "Религия вредна не столько тем, что сама вызывает жестокость, – она санкционирует её с помощью «возвышенной» этики и освящает своим авторитетом обычаи, пришедшие из глубины невежественных и варварских эпох". Согласны ли Вы со словами Бертрана Рассела?

– Ну, тягаться с Расселом... Хотя насчет "глубины невежественных и варварских эпох"

звучит неубедительно. Я думаю, это даже и опровергать не надо – включите телевизор, и те "варвар-

ские эпохи" покажутся наивными сельскими картинками... А если принять во внимание, что он жил в период Первой, Второй мировых войн, гитлеризма, сталинизма, маоизма, да еще Пол Пота можно вспомнить, где религией себя не отягощали, то это звучит, по крайней мере, странно.

– Скажите, пожалуйста, современный антисемитизм отличается чем-нибудь от «классического»?

– Да, с появлением Государства Израиль он становится МИРОВЫМ И ПОЛИТИЧЕСКИМ! Очевидно, "мировому сообществу" трудно совместить идею "отверженного Б-гом народа" с достижениями этого героического народа. Приведу анекдот, и, если там что-то не так, можете выбросить в корзину все, что я сказал.

В кофе попала муха.

Итальянец – выплескивает чашку и уходит в порыве гнева.

Француз – вытаскивает муху, и пьет кофе.

Китаец – ест муху и выплескивает кофе.

Русский – выпивает кофе вместе с мухой.

Израильянин – продает кофе французам, муху – китайцам, покупает себе новую чашку кофе и использует оставшиеся деньги, чтобы изобрести устройство, которое предотвращает попадание мух в кофе.

Палестинец – обвиняет израильянина в том, что он подбросил муху в его кофе, подает протест на акт агрессии в ООН, получает заем от Европейского союза на покупку новой чашки кофе, использует деньги на покупку взрывчатки и затем взрывается в кафе, где итальянец, француз, китаец, и русский, все пытаются объяснить израильянину, что он должен отдать свою чашку кофе несчастному палестинцу.

– Недавно мировым судом был вынесен приговор Вячеславу Дрезнеру, который должен заплатить государству 100 000 рублей. Он был признан виновным в том, что распространял листовки-воззвания с идеей провести референдум о присоединении части Карелии к Финляндии, что позволило бы решить социально-экономические проблемы. Вы не находите, что приговор несправедлив и незаконен, ведь к насильственному изменению целостности границ он не призывал, да и инициатива его не нашла никакой поддержки у жителей? Как Вы считаете, чем чреваты нарушение правительством Карелии Конституции и уголовное преследование инакомыслия силовыми структурами?

– Мне трудно ответить на этот вопрос из-за незнания Закона. Может быть, есть закон, запрещающий призывать к изменению установленных границ? А насчет законов на Руси, так это классика: "Закон, что дышло, куда повернул, туда и вышло". И, уж если Президент, гарант Конституции, издает указ, а на сле-

дующий день депутаты подобострастно под этот указ меняют Закон, то о каком главенстве Закона можно говорить? Традиция. Мы хорошо помним Великую Сталинскую Конституцию – самую демократическую в мире. И что, это кому-нибудь помешало творить величайшие злодеяния в истории человечества? А

«утверждение в должности» Главы Республики Карелия Нелидова в Национальном театре! В фойе даже банкет был уже накрыт! Одним словом – демократия... по-нашему.

2013 г.

POST SCRIPTUM

Как я ходил по Большому

В начале 1991 года Союз театральных деятелей РСФСР объявил о формировании группы оперных концертмейстеров для стажировки в Большом театре. Группу предполагалось собрать из десяти человек, и участники должны были отвечать определенным критериям. Поначалу это вызвало большой ажиотаж среди членов СТД, но постепенно стало ясно, что по разным причинам – и членство в СТД, и занятость в репертуаре, и стаж работы в театре и сроки, и пр. и пр. оставляли «за бортом» многих желающих попасть на столь престижный форум в главный музыкальный театр страны.

И вот, семь концертмейстеров из разных оперных и музыкальных театров РСФСР собрались в помещении СТД в Москве на Страстном бульваре, д. 10. Нам представили концертмейстера Большого театра Лию Абрамовну Могилевскую, которая и будет вести этот курс с завтрашнего дня. Лия Абрамовна познакомилась со всеми, спросила откуда кто приехал, и что каждый хотел бы получить от нее. Всем раздали направления в гостиницу «Центральная» на улице Горького (ныне ул. Тверская), которая оказалась совсем недалеко (к нашему удивлению, с деревянными лестницами внутри и всеми удобствами... в коридоре) и попросили подойти завтра к Большому театру – там нас будут встречать. Предупредили, что Большой театр – режимный объект, и вход строго по специальным пропускам, и находиться в театре мы сможем только в указанное в них время. Назавтра задолго до 10 часов я уже был у театра. Обошел вокруг, еще не веря, что вот сейчас войду внутрь и буду ходить по коридорам, по которым ходили великие деятели русского театра, где рождались шедевры российской и мировой сцены. Вспомнил спектакли, которые посчастливилось здесь увидеть: «Севильский цирюльник» с Юрием Мазурком (1969); «Щелкунчик» с Екатериной Максимовой и Владимиром Васильевым (хотя шел я на балет «Геологи» на музыку Николая Каретникова, но его в последний момент заменил) (1969); «Свадьба Фигаро» с Евгением Кибкало (1970); «Чайка» с Аллой Михальченко (1980). Еще на сцене Большого смотрел спектакль театра Ла Скала «Аида» со знаменитым дирижером Клаудио Аббадо и потрясающей Амнерис – Фьоренцей Коссотто (1974). Перед спектаклем Ла Скала, помню, театр был оцеплен милицией, и пока я попал внутрь, три раза проверили билет: сначала запустили под колонны; затем перед входными дверями; и, наконец, уже внутри в вестибюле! А перед театром бегал какой-то иностранец с пачкой долларов и смешно выкрикивал: «былзэт, былзэт!». Последний раз в Большом театре я был на «Иване Сусанине» в 1981 году. Огромный, немного аляповатый зал, много света, много красивой публики, разыгрывающийся перед спектаклем оркестр – все это наполняло меня каким-то восторгом, предвкушением чуда. И чудо свершилось, правда, не со-

всем такое, какое я ожидал. Дирижер встал за пульт, взмахнул палочкой, и зазвучал долгий аккорд, на который оркестранты вдруг встали и весь зал в след за ними. Двое мужчин, сидящих рядом со мной, подозрительно похожих друг на друга выправкой, одинаковыми костюмами и галстуками, резво вскочили. Ничего не понимая, поднялся и я. И этот великолепный зал наполнился звуками... Гимна Советского Союза! Оказывается, этим спектаклем, по традиции, открывался новый театральный сезон, и перед началом исполнялся Гимн СССР. Восторг у меня как-то сразу улетучился, сменившись некоторым скепсисом с долей иронии. И несмотря на прекрасное пение Евгения Нестеренко, выступавшего в главной роли, я холодным рассудком констатировал, что Ваня в исполнении Тамары Синявской, скорее Маня; поляки, запутавшиеся в спустившемся на тросах нарисованном заднике, могли бы еще дома узнать дорогу на Москву, и не спрашивать про нее у какого-то Ивана, хоть он и Сусанин; и хор «Славься» исполняется, как строевая советская песня про родную коммунистическую партию, и звучит как-то даже угрожающе.

Но это было давно.

А сейчас нашу группу встретила Лия Могилевская, и мы нерешительно вошли в чрево Большого театра через артистический подъезд. Прошли по, казалось, нескончаемому коридору, подошли, наконец, к небольшому холлу со множеством объявлений. Пока Лия Абрамовна зашла в какую-то коморку за ключом, мы обратили внимание на криво висящий листок на доске объявлений, на котором было поздравление Лие Могилевской (с чем – память не сохранила). В глаза бросилась фраза, что Лия Абрамовна Могилевская обладает «феноменальными профессиональными качествами, знает наизусть более ста опер», чему, естественно, было трудно поверить, – но в то время такими громкими фразами не бросались. И только в процессе занятий мы убедились, что это правда, да еще и не вся! Лия Могилевская играла наизусть не только любые сцены из опер, которые мы просили разобрать, но и с любого места, и даже любые фразы, за любых персонажей! Клавиры нужны были только для наглядности, чтобы показать нам, как выстраивается та или иная линия, где лучше исполнителю взять

дыхание, где можно «отдохнуть», где концертмейстеру необходимо «прикрыть» певца, а где слегка ускорить темп, чтобы у артиста хватило дыхания и пр. и пр. Словом, тысячи всяческих профессиональных тонкостей, почти неуловимых, на слух из зала вряд ли различимых, но все вместе, в совокупности они и отличают Мастера-художника от ремесленника, даже очень высокой квалификации. Это был гимн профессии, праздник высокого искусства! На этом фоне совершенно неожиданным для нас было ее признание, что сама она... не поет!

– Вот чего нет, так нет. Но Бог мне дал «вокальное» ухо, что случается довольно редко. Причем я даже не знаю всей певческой терминологии. Когда слышу неверный звук, то говорю о нем простыми словами, и мы вместе с вокалистом находим, как его исправить. Концертмейстер – это человек, который должен любить театр и вокалистов больше, чем себя. Он должен подчинить всю свою жизнь и профессию тому, чтобы сделать певцов музыкантами.

Она объяснила нам, что в клавирном переложении в пассажах не всегда необходимо выигрывать все ноты, важно показать это движение и понять для чего оно служит, что в себе несет, создать художественный образ, заложенный композитором. Хотя, тут же продемонстрировала, что может все эти нотки выиграть, просто не всегда это дает тот эффект, который задуман автором. Дело в том, что в оркестре в большинстве случаев пассаж исполняют одновременно разные инструменты и не обязательно в унисон, плюс «поддержка» чисто оркестровыми средствами, и этим достигается необходимый эффект, и тут же проиграла несколько вариантов такого пассажа, причем с разными художественными задачами и разными результатами, хотя ноты-то оставались теми же! Нечто похожее я прочитал у великого английского концертмейстера Джеральда Мура в его книге «Певец и аккомпаниатор», переведенной на русский язык и изданную в СССР в 1987 году. По поводу одного «шумного» места в аккомпанементе какого-то вокального произведения Джеральд Мур пишет, что не так важно даже какие ноты вы сыграете (все, конечно, в меру), а важен сам посыл, художественный образ. Во вступительной статье к книге, написанной еще одним выдающимся аккомпаниатором Важа Чачавой, сказано о Джеральде Муре: «Его заслугой является то, что он повысил статус аккомпаниатора от подчиненного лица до равноправного творческого партнера». Вот этому и учила нас Лия Абрамовна Могилевская, названная «концертмейстером №1 в мире». Она работала с такими великими исполнителями, как Иван Козловский, Сергей Лемешев, Владимир Атлантов, Галина Вишневская, Маквала Касрашвили, Зураб Соткилава, Николай Гедда, Мария Биешу, Елена Образцова; с дирижерами Евгением Мравинским, Куртом Зандерлингом, Евгением Светлановым, Юрием Темиркановым, Мстиславом Ростроповичем,

Борисом Хайкиным, Самуилом Самосудом, – и это далеко не полный список! Уже по этому списку можно представить масштаб дарования и высоту полета этой удивительной женщины! Недаром же Родион Щедрин сказал о Лие Могилевской «Она феноменально одарена природой: абсолютный, не побоюсь сказать, – абсолютнейший слух, редчайшая, почти моцартовская музыкальная память. Вкус, умение видеть деталь и охватить целое, прирожденное чувство музыкальной драматургии. К этому нужно добавить пианистический дар, дирижерскую – да-да, дирижерскую – одаренность, педагогический такт и чутье. Все это – редкие качества в нашем музыкальном цеху...»

Желая познакомить нас с новыми явлениями в мировом оперном искусстве (Советский Союз много лет был оторван от западной культуры), Лия Абрамовна пригласила нас к себе в гости, купив огромный торт. Жила она на Новом Арбате в высотном доме с консьержкой при входе, напротив домов-книжек. Квартирка оказалась небольшой, и с пола до потолка была уставлена стеллажами с видеокассетами оперных спектаклей. Как объяснила Лия Абрамовна, она привозила их из зарубежных поездок, тратя все заработанные там деньги. «Такой коллекции записей опер нет ни в одном магазине или фонотеке», – сказала она очень просто, без желания удивить, накрывая на стол. Показала нам несколько фрагментов разных опер в нетрадиционных постановках, том числе и «Травиату» Франко Дзеффирелли с целым букетом знаменитостей: Терезой Стратас, Пласидо Доминго, Екатериной Максимовой, Владимиром Васильевым (снявшими свой танец одним дублем, пояснила по ходу Лия Абрамовна), дирижером Джеймсом Левайном, хором и оркестром Метрополитен Опера. Потом были и «Кармен», и «Тоска», и «Сказки Гофмана», и еще одна «Травиата»... Вместить в себя все увиденное было просто невозможно. Лишь позже вспоминались какие-то фрагменты и комментарии или реплики Лии Абрамовны, довольно острые, но всегда точные.

Однажды во время утренних занятий дверь без стука отворилась и в класс вальяжно вошел Зураб Соткилава. После приветствия-поцелуя с улыбкой, как бы между прочим, сказал Лие, что «певец С. завтра петь не сможет, так ты уж подготовь своего молодого Б.», и попрощался, обещав позже рассказать о своей поездке в Турцию, из которой только что вернулся. Лия спокойно ответила: – Хорошо, – но, когда дверь закрылась, обратилась к нам: – Ну, все понятно? Театр!.. Он же знает, что Б. еще совсем сырой, хочет немного ему подгадить. Она извинилась и отпустила нас, сказав, что сейчас попробует сделать все, что возможно за эти полтора дня, а нам посоветовала посмотреть сценическую репетицию «Евгения Онегина».

Мы спустились в зрительный зал. На сцене репетировали первый акт «Онегина». Спектакль ставил Борис Покровский, а рутинные репетиции проводи-

ли очередные режиссеры театра. И вот, в режиссере, ведущем репетицию, я с удивлением узнал своего знакомого! Дело в том, что минувшим летом я отдыхал в Доме творчества СТД в Рузе. Как-то, гуляя, на развилке тропинки встретил двух таких же отдыхающих, смотрящих куда-то вверх на верхушки деревьев.

– Второй день уже слышим, как стучит дятел, но никак не можем его увидеть, – ответили на мой вопрос.

– Вот так надо стучать: слышно что стучит, но не видно кто, – и я пошел дальше.

– Ну, у нас так и стучат! – донеслось вдогонку.

Потом мы пару раз виделись в столовой, перекинулись ничего не значащими фразами, даже не представились друг другу – обычное в таких ситуациях, чтобы не обременять себя ненужными знакомствами.

В перерыве репетиции, идя по проходу зрительного зала, режиссер встретился со мной взглядом, подошел, поздоровался. Было видно, что он мучительно вспоминает, где мог со мной видиться. После нескольких общих фраз на всякий случай извинился и отошел.

Дальше – чистый Николай Васильевич Гоголь. Человек пять или шесть, сидящих в зале, увидев, что режиссер (в отличие от меня, они знали, кто он) почтительно здоровается с неизвестным им человеком, – а вдруг он из ЦК или Министерства культуры или еще откуда-нибудь «сверху», – по очереди стали подходить ко мне и представляться! Сначала я немного растерялся, но после третьего, представившегося заместителем начальника какого-то цеха театра, вошел в роль и даже похвалил Нину Раутио, единственную фамилию, которую я мог назвать, поскольку она из Петрозаводска, хотя в этой репетиции не участвовала, а просто присутствовала. Это произвело впечатление. Я попросил «обратить на нее внимание». В ответ мне подобострастно закивали.

Девушки из нашей группы уважительно посмотрели на меня:

– А ты, оказывается, известный человек!

А когда в буфете мне на шею бросилась молодая артистка театра с поцелуями, мои «акции» еще немного подросли. Они же не знали, что Ирина Г. окончила Петрозаводскую консерваторию и работала в хоре, и мы были хорошо знакомы. Она-то и рассказала о некоторых закулисных делах. Оказывается, спектакль «Евгений Онегин» ставился для гастролей в Нью-Йорке, поэтому атмосфера в театре была нервная – не знали кто поедет, тогда это было жизненно важно в материальном плане. И хотя львиную долю из заработанных артистами денег за рубежом забирало себе государство, все же и эти, оставшиеся гроши, были ощутимой добавкой к нищенской актерской зарплате. Да и привезти «оттуда» можно было то, чего не было в стране, строящей коммунизм. И в хоре, и в оркестре готовили по два состава, а у солистов

даже больше. Во время репетиций на сцене всегда находился директор хора с «амбарной» книгой, в которую что-то записывал, постоянно перетасовывал составы. Работа в хоре изнурительная, отношение к артистам недоброжелательное, зарплата небольшая, домой между репетициями нет смысла уходить: пока доедешь, уже надо обратно. Вот такая жизнь! Я посочувствовал.

В перерывах между занятиями я ходил по коридорам и прислушивался к тому, что пели или играли за многими дверями. Остановливался, слушал как идет урок, какие замечания делает концертмейстер, как это исправляется. Интересной была, подслушанная мной, работа над романсом Рахманинова «Здесь хорошо», из которой я для себя взял несколько нюансов. В общем, «коридорная консерватория». Кстати, о коридорах. Вся закулисная часть Большого театра, включая сцену, была в отвратительном состоянии: облезлая штукатурка; деревянные перекрытия; причем перекрытия эти, очевидно, не менялись с момента постройки здания, и были неровными, в щербинах, местами наспех приколотенные к стенам, чтобы не развалиться окончательно; мебель не выбивалась из общего ансамбля и хорошо, если имела три ноги; освещение, если можно так назвать несколько лампочек, висящих на проводах... И среди всего «этого» рождались шедевры! В этом что-то есть!

Очень хотелось поприсутствовать на уроке артистов балета. Пошел искать в этом лабиринте всевозможных переходов и залов. По звукам, все же, нашел. Слегка приоткрыл дверь. Не очень большой квадратный зал, находившийся где-то наверху рядом со зрительской частью, был завешан черным бархатом, очевидно, для поглощения звука, и рояль звучал непривычно глухо. Я не стал входить, так как урок уже шел, и смотрел через эту щель. Человек двадцать пять не очень молодых артистов старательно выполняли движения у станка. Мне показалось, что подготовка их была не на высоте, что меня очень удивило. (Позже я узнал, что это были артисты миманса). Посмотрев немного, пошел искать зал, где занималась труппа Юрия Григоровича, куда меня пригласила Татьяна Ледовских, артистка этой труппы, несколько лет работавшая в нашем театре. Опять какими-то коридорами, по лестницам и переходам, на лифте, который, казалось, вот-вот развалится, поднялся на какой-то этаж (лифт шел только до него) и попал прямо к залу. До урока оставалось еще несколько минут, но артисты были уже на своих местах – опаздывать там нельзя. У педагога попросил разрешения присутствовать на уроке. Она как-то безразлично пожала плечами, даже не спросив, кто я и зачем мне это надо. Увидев меня, незнакомого человека, концертмейстер заметно занервничала – а вдруг «этот» собирается работать вместо нее. Она даже предложила мне поиграть урок. Я успокоил ее, объяснив почему я здесь. После занятия спросил у педагога как работает Татьяна, сказал, что она танцевала и Одетту-Одиллию, и Жизель,

и Китри, что она Лауреат Государственной премии РСФСР. Педагог не знала этого, очень удивилась и пообещала: – «Хорошо, присмотрюсь». Потом уже от Татьяны я узнал, что в Большом не очень любят, когда артисты добиваются успеха где-то помимо театра, не разрешают заниматься самостоятельно в нерабочее время – это возможно только с письменного разрешения и объяснения, для чего это нужно. Артист считался как бы собственностью Большого театра. Ну, как крепостные актеры.

Вечером шел балет «Золотой век» Дмитрия Шостаковича труппы «Большой театр – студия Юрия Григоровича». Татьяна Ледовских танцевала троечку, как значилось в программке, «Молодых рыбаков, участников представлений агиттеатра рабочей молодежи». Спектакль поразил мощностью звучания оркестра, масштабом постановки, безупречным исполнением, молодым азартом артистов. После спектакля встретил Татьяну у актерского подъезда, проводил домой. Через некоторое время Татьяна написала в письме, что смогла срочно заменить в спектакле заболевшую артистку и это помогло ей занять положение ведущей балерины труппы. Просила передать большую благодарность прима-балерине нашего театра Наталье Гальциной, которая подготовила с ней ведущие партии в балетах «Спящая красавица», «Лебединое озеро», «Жизель», «Дон Кихот». Татьяна очень успешно работала с труппой Григоровича, станцевав весь репертуар и объездив весь мир. Затем много лет была ведущей балериной в американской труппе Алабама-балет. Сейчас преподает в Москве, ее дочь тоже стала балериной и танцует в Кремлевском балете.

На следующий день давали «Тоску» с артистом Б. в роли Каварадосси. Проводив нас на свои места, Лия Абрамовна ушла, сказав, что должна быть рядом с артистом, для поддержки, хотя это и не первый его спектакль в этой роли, но он еще недостаточно вжился в нее. И вот, после первой арии Каварадосси из разных уголков зала раздались... свист! Это была клака! Я впервые присутствовал при этом, и мне стало не по себе. А ведь спел артист вполне прилично, даже хорошо. Публика сначала бурно заплодировала, затем, услышав свистки, аплодисменты сникли. Как артисту играть после этого? Но он собрался, и когда по воле режиссера должен был скатиться по лестнице, сделал это так, как будто это последний акт в его жизни. Настроение зала резко изменилось, и в конце спектакля артиста наградили бурными овациями и криками браво! В Большом все делалось по большому!

Небольшое лирико-ностальгическое отступление.

Класс, в котором мы занимались с Лией Могилевской, находился за квадригой Аполлона, украшающей фронтон Большого театра. Ну, стоял этот Аполлон и стоял на колеснице, как и подобает греческому богу, во все своей красе, и если вид сзади никого не смущал, тем более, что с этого ракурса его мало кто видел, то вид спереди, очевидно, мог смутить основоположни-

ка научного коммунизма, т.е. Карла Маркса, конкурс на проект памятника которому был объявлен в 1957 году. И кто-то, очевидно очень умный, приказал прикрыть листочком это «безобразие», которое, несмотря на то что находилось на высоте тридцати метров, могло отвлекать некоторых несознательных элементов от строительства светлого будущего всего человечества т.е. коммунизма. Ну, уж если русские умельцы смогли подковать блоху, то и это нехитрое дело быстро устроили, правда металла понадобилось чуть-чуть больше. Но в это время, как раз, вся наша страна перегоняла США по производству этого самого металла на душу населения. Правда, зачем душе населения этот металл никто толком не знал – наверное это было государственной тайной. А между тем, пока страна перегоняла США, конкурс выиграл не совсем русский скульптор Лев Кербель. И получилось, что один еврей (Лев Кербель) на площади имени другого еврея (Якова Свердлова) поставил памятник третьему еврею (Карлу Марксу)! А четвертая представительница этого маленького великого народа – блистательная Фаина Раневская назвала памятник этому третьему, т. е. Карлу Марксу, «Холодильник с бородой». И это в самом сердце, как бы, социалистической по форме и как бы, православной по содержанию, страны! Да еще этот Аполлон, пережиток прошлого, листик с которого как-то очень быстро благополучно отвалился, слава Богу, не прихватив с собой ту пикантную деталь, которую призван был прикрывать, и из-за которого весь этот сыр-бор и разгорелся. О жертвах внизу не сообщалось.

Казалось бы, finita la commedia. Ан, нет! 6 августа 2010 года после грандиозной реставрации Большого театра открылась и отреставрированная квадрига вместе с тем же Аполлоном, половую принадлежность которого, очевидно под влиянием наступивших новых веяний, пришедших к нам «с одичалого Запада», определить теперь не представляется возможным. Но и это не все! Как с фотографией 2012 года Патриарха Кирилла, призывавшего паству к скромности и умеренности в отношении материальных благ – за предельно дорогие часы на его руке заретушировали, а вот их отражение на лоснящемся блестящем столе... Бдительный депутат Государственно Думы в 2018 году обратил внимание на денежную купюру номиналом в 100 рублей с фотографией Большого театра, на которой все тот же Аполлон опять красуется со своим «достоинством», отвлекая народ от очередной борьбы толи с кем-то, толи с чем-то. Мудрый избранник этого самого народа, понимая, что бумажка эта, которая при коммунизме (т.е. еще в 1980 году) должна была совершенно исчезнуть, может попасть в руки, не про нас будет сказано, еще несознательного несовершеннолетнего, или, еще хуже – уже сознательной, но еще несовершеннолетней, предложил ставить маркировку 18+ на купюре, очевидно, на том самом «сомнительном» месте. Этот животрепещущий вопрос до сих пор не решен, что

подтверждает жизненную важность теории еще одного представителя избранного народа – Зигмунда Фрейда, по крайней мере, для России.

Кроме спектаклей Большого театра мне удалось посмотреть оперы «Похождение повесы» Стравинского (по серии из восьми картин английского художника XVIII в. Уильяма Хогарта «Карьера мота») с Марией Лемешевой, и «Дон Жуан или Наказанный развратник» Моцарта в Музыкальном камерном театре Бориса Покровского. В «Дон Жуане» в партии Лепорелло выступал Игорь Парамонов, работавший в нашем театре в 1964 – 1967 годах.

Еще немного...

С Игорем во время спектакля в нашем театре произошел такой случай. В те времена прожектора в кулисах стояли на штативах. И вот за такой штатив решил подержаться Игорь, чтобы поправить туфлю. А там, где-то пробило изоляцию. Игорь не может оторвать руку, так как пальцы свело. Он отчаянно рванулся, штатив с прожектором с неимоверным шумом грохнулись на сцену, выдернув вилку из розетки. Это Игоря спасло. Что он при этом подумал мне рассказали знакомые, смотревшие спектакль с последнего ряда зрительного зала, так как Игорь свои мысли, кратко сформулировав, озвучил молодым, сильным, хорошо поставленным голосом, на красивом русском языке.

После спектакля хотел подойти к Игорю поговорить, но было уже поздно, надо еще добираться до гостиницы, а Москву я тогда совсем плохо знал.

Еще мне удалось осуществить свою давнюю мечту – посмотреть легендарный спектакль МХАТа «Синяя птица» Мориса Метерлинка в постановке Константина Станиславского, Леопольда Сулержицкого, Ивана Москвина с музыкой Ильи Саца, поставленного в 1908 году и идущего до сих пор!

А свою землячку Нину Раутио я послушал в концерте молодых солистов Большого театра на основной сцене и в «Пиковой даме». Она произвела хорошее впечатление, хотя, как мне показалось, в «Пиковой даме» была несколько скована, не хватало свободы поведения на сцене, живого общения с партнером. Но зритель принимал ее очень доброжелательно, она была еще молода, и впереди ее ждала блестящая карьера. Позже, в 2002 – 2003 годах Нина Раутио вернулась в Петрозаводск в качестве артистического директора Музыкального театра, поставила оперу «Сельская честь» Пьетро Масканьи, исполнив в ней партию Сантуцци. Но с труппой контакт наладить не удалось, возник конфликт, и с театром ей пришлось расстаться.

На одном из занятий от Лии Абрамовны мы узнали, что на днях из-за границы приезжает Галина Вишневская, в 1978 году вместе с Мстиславом Ростроповичем лишенная советского гражданства и государственных наград «за действия, порочащие

звание гражданина СССР», с презентацией своей книги «Галина», но почему-то до сих пор не прислала ей приглашение, хотя они были близкими друзьями, и это ее как-то настораживало. Приглашение поступило лишь в день презентации, и Лия Абрамовна, подменившись на репетиции «Онегина», после первого акта убежала на встречу. В Большой театр Вишневская не пришла. Она вернулась лишь год спустя после того, как ей символически возвратили пропуск в Большой театр, и в честь 45-летия ее творческой деятельности на ее родной сцене был дан грандиозный концерт.

С Лией Могилевской произошло нечто обратное.

– В 1964 году в Москву приехал на гастроли Ла Скала. Я хотела попасть на спектакли. И позвонила Светланову, попросила помочь мне в этом. На что он мне ответил: «Приезжай в Москву. Если сыграешь на конкурсе пианистов, который сейчас проходит в театре, дам тебе билеты». Большому тогда нужен был концертмейстер. И я приехала в Москву, но вовсе не ради конкурса. Я прекрасно работала в Ленинграде. Малый оперный в те годы был интересен своим репертуаром, западная классика шла на его сцене в гораздо большем объеме, нежели в Кировском театре. Немецкий дирижер Курт Зандерлинг, а он дирижировал двумя спектаклями Малегота, научил меня работать с певцами, проводить спевки, с ним я стала настоящим оперным концертмейстером... Конкурс такого рода потруднее госэкзамена в консерватории. Игра с листа любого произведения, предложеного комиссией, работа с певцами, умение дирижировать оркестром, чтение партитуры и многое другое. Я сыграла конкурсную программу и получила приглашение работать концертмейстером Большого.

Вот так просто: сыграла с листа, поработала с певцами, продирижировала оркестром, прочитала партитуру, и еще – многое другое... А сколько за этим стоит, чтобы вот так просто!.. Да, надо всего лишь быть ЛИЕЙ АБРАМОВНОЙ МОГИЛЕВСКОЙ! И хотя никто никогда не ставил под сомнение гениальность Лии Могилевской, жизнь ее в театре была не такой, уж, безоблачной. Марк Зальцберг в статье «Человек-оркестр Большого театра» (2009) пишет: «...К месту будет привести анекдотичный разговор, о котором мне поведала Лия. Встретившись однажды в Германии еще в далекие советские времена с великим скрипачом Давидом Ойстрахом, Лия пожаловалась ему на трудную жизнь в театре, платили ей мало и продвижения по этой части достаивали других. Ойстрах сказал: «Лия, евреи делятся на три категории. Тот, кто зарабатывает 100 рублей в месяц – просто жид пархатый, тот, кто зарабатывает 200 – еврей, а тот, кто, как я, получает 500 – есть гордость русского народа. Ты тоже гордость русского народа, значит и платить тебе вскорости будет соответственно».

Последнее.

Когда балетмейстер Игорь Смирнов показал мне телефонный справочник артистов оркестра Большого театра, я подумал, что он мало чем отличается от списка прихожан Московской хоральной синагоги, разве что количеством – телефонный список был значительно солиднее. Русскому народу есть кем гордиться.

Да, в конце концов Лие Могилевской стали платить «соответственно», но дело, очевидно, не только в этом, и она в 1997 году уехала из России, проработав в Большом театре 32 года: целая эпоха Большого связана с ее именем. На вопрос корреспондента чем живет в Нью-Йорке, ответила:

– Живу, как всегда, театром, своей профессией. Работала с вокалистами в нескольких интересных международных проектах. Это – «Хованщина» Му-

соргского в Лондоне, «Борис Годунов» в Торонто, «Евгений Онегин» Чайковского на Глайнборнском фестивале, «Мертвые души» Щедрина в Бостоне, «Война и мир» Прокофьева в Сиэтле, «Орлеанская дева» Чайковского и «Франческа да Римини» Рахманинова – в Бирту... И не так давно – «Нос» Шостаковича на фестивале в Нью-Йорке... Как музыкальный директор организовала с участием русских вокалистов, живущих в Нью-Йорке, несколько концертов в Карнеги-холл, в театре «Миллениум» и на других сценах. Среди них – «Вечера оперной музыки», «Играем Шостаковича», «Музыка на все времена»... В концертах участвовали Мария Биешу, Маквала Касрашвили, Олег Кулько, Владимир Редькин и молодые вокалисты...

В 2010 году вышла книга Лии Могилевской «За кулисами оперы. Записки концертмейстера».

Вот так: кто-то теряет, кто-то находит.

Брехт, ты не прав!

1968 год, апрель. Музыкальный театр на гастролях в Мурманске, я с Русским драматическим театром в Боровичах в качестве пианиста – участника спектакля «Варшавская мелодия» с Еленой Бычковой и Олегом Белонучкиным. Я должен, отыграв поставленные в гастрольную афишу спектакли, ехать в Мурманск, а затем опять присоединиться к драме уже в Ленинграде, где будут показаны, кроме всего, «Варшавская мелодия» и «Дон Хиль – зеленые штаны», спектакль, идущий под живой оркестр, где тоже нужен пианист. На сцене Дома культуры сутолока, до спектакля остается совсем немного времени, и декорацию разгружают прямо с машины, двери нараспашку. Режиссер Юрий Чернышев распоряжается, как поставить декорацию на малоприспособленной для спектакля сцене, посередине которой у задника, прибитая откосами, фигура Ленина из фанеры с протянутой рукой, оставшаяся, очевидно, после очередного мероприятия. А туда надо поставить рояль, на котором мне и предстоит играть. Решив помочь монтировщикам, отдираю от сцены откосы, беру «вождя мирового пролетариата» подмышку и тащу в карман сцены. Поскольку холодно, я в шапке и пальто. Мне навстречу разъяренная директор Дома культуры:

– Как Вы обращаетесь с Лениным!!!

– Что же, мне его в Мавзолей отнести? Это не Ленин, а кусок фанеры – съязвил я.

– Я сейчас запрещаю постановку! – она встала у выхода как все двадцать восемь панфиловцев, защищая Москву. Стало понятно, что она будет стоять насмерть. Дело принимает скандальный оборот с непредсказуемыми последствиями. Но Юрий Чернышев – режиссер:

– Вы больше не работаете у нас монтировщиком! – грозным голосом произносит он. – Все! Можете

идти! – он подмигнул мне.

– Ну, что ж, не работаю монтировщиком, так не работаю, – пробурчал я, подыгрывая ему, и чуть тише, в сторону, – придется работать пианистом, – и пошел надевать фрак.

Спектакль прошел с большим успехом. После спектакля директриса поднесла цветы артистам, показала руку мне:

– Вы здорово играете, – заглядывая в программку, – Шопена, прямо до слез, – она меня, конечно, не узнала (как и Шопена).

На следующий день, знакомясь с городом, поехали к кинотеатру, где рядом с нашей афишей висела афиша кинофильма «Мужчина и женщина», и мы решили посмотреть. Мы – это Елена Бычкова, Олег Белонучкин, Юрий Чернышев и я. Впечатление было ошеломляющее! Из кинотеатра вышли молча. По дороге попался ресторан «Мста», куда и пошли отметить просмотр этого шедевра. Тут же за столом Лена стала Анук Эме, Олег – Жан-Луи Трентиньяном, Юра – режиссером Клодом Лелушем, ну, а я – зрителем. Юра разводил сцены тут же придуманных ситуаций, Лена и Олег виртуозно исполняли, импровизируя на заданную тему. Это был спектакль! Официанты и немногие посетители с восторгом следили за развертывавшимся на их глазах представлением. Наградой были бурные аплодисменты, уверения, что все непременно придут на спектакли нашего театра, и двойные порции заказанных блюд.

Когда была сыграна последняя «Варшавская мелодия», администратор театра выдала мне железнодорожный билет до Мурманска, но на станции Угловка я должен был переночевать, ожидая проходящий поезд. С билетом я получил бумажку, с написанным

адресом коменданта общежития, которая должна дать мне ключ от комнаты, в которой я и должен был находиться до прибытия поезда. Прямо детектив какой-то. Сойдя с поезда в Угловке, найдя по адресу эту женщину, получив ключ, дав честное слово, что ключ этот я верну и никого в комнату не пущу, дойдя до общежития, находящегося недалеко от станции, поднявшись на третий этаж, войдя в комнату и заперев за собой дверь, я, не раздеваясь, сразу же заснул. Снились какие-то кошмары: Ленин почему-то снял с меня шапку, сказав, что это его шапка, которую он оставил в гардеробе театра, когда был в Петрозаводске; потом панфиловцы под музыку Шопена по очереди бросали гранаты, кто дальше; потом пошли танки по брусчатке, и все зашаталось... Я проснулся – в дверь кто-то яростно стучал:

– Дима, это я, Чернышев, открой!

Ввалился Юрий Чернышев:

– Поехали обратно. Как это у Высоцкого: «Там хорошо, но мне туда не надо» – так вот, позвонили из Мурманска: тебе туда не надо. Перекантуешься с нами в Боровичах, и поедем в Ленинград. Хорошо, что я успел.

– А что я буду делать? «Варшавской мелодии» больше не будет, из монтировщиков ты меня уволил...

– Ладно, пошли, скоро обратная электричка.

По окончании гастролей в Боровичах, автобусом по традиционно отвратительным дорогам мы докатились до Северной Пальмиры. Гастроли проходили во Дворце культуры им. А.М. Горького у Нарвских ворот, в котором по вечерам на танцах играл знаменитый полузапрещенный джаз-оркестр под руководством Иосифа Вайнштейна. Записи оркестра тогда ходили по рукам «на ребрах» – мягких пластинках, записанных на рентгеновских снимках. Его имя стало широко известно благодаря разгромной статье в газете «Правда» под названием «О творчестве и подражательстве», подписанной Дмитрием Кабалеvским, после выступления оркестра на Пленуме Союза композиторов в 1962 году. И лишь заступничество Андрея Петрова, Леонида Утёсова, Андрея Эшпая, Александра Колкера уберегли этот оркестр от расформирования, но от широкой концертной деятельности или записи пластинок пришлось отказаться.

Поселили меня в номере с Юрием Августовичем Вильдеком, прекрасным музыкантом, заведующим музыкальной частью Русского драматического театра. Он писал музыку к спектаклям, мог играть на любых инструментах, великолепно играл балетные уроки. Здесь он был в качестве дирижера оркестра, сопровождая спектакль Тирсо де Молина «Дон Хиль – зеленые штаны» с неподражаемыми Еленой Бычковой и Олегом Белонучкиным в главных ролях. Поскольку мы заняты были только в двух спектаклях, жили мы в гостинице «Выборгская», довольно дале-

ко от центра, но, зато, подешевле – театр сэкономил деньги. С деньгами было туго, зарплату задерживали, каждый перебивался, как мог. Накануне я вернулся в гостиницу поздно, когда Юрий Августович уже спал: поскольку вечер был свободный, я пошел на концерт в Большой зал филармонии. После концерта, в гардеробе, вместе с номерком я, по старому столичному обычаю, даю «на чай», придерживая большим пальцем под номерком двадцать копеек. Мне вежливо подают мое далеко не новое пальто:

– А что, лучше там ничего не было? – это я так сострил.

Гардеробщица растерялась и как-то неуверенно ответила, что не было.

Все бы хорошо, но эти двадцать копеек были последними, и до гостиницы «Выборгская» через весь Кировский проспект я добирался пешком! Подумал, что попрошу завтра денег у Юрия Августовича, чтобы перекусить и добраться до гостиницы «Октябрьская» – там был бухгалтер, и после обеда обещали дать аванс.

Утром проснулся рано, хотелось кушать. Но Юрий Августович еще спал. Промаявшись около часа, встал, пошел мыться. Когда вернулся, Юрий Августович лежал очень задумчивый с полуоткрытыми глазами. Я с пионерским оптимизмом попросил у него хоть сколько-нибудь денег до сегодняшнего аванса.

– А я только-только хотел то же самое попросить у тебя, – он сел на край кровати, – вот жизнь! Работашь, работаешь, и что? Вроде, что-то умеешь, голова на месте. Точно, как в «Трёхгрошовой опере» у Брехта: «Своею головой никак не проживешь. Увы, своею головой прокормишь только вошь».

Он почесал затылок, надел очки, положил книгу, лежащую около подушки, на тумбочку, стал ногами искать тапки. Надел один, второй никак не находил. Я взял с его ноги тапок и провел им под кроватью. Из-под кровати, как-то весело выкатилась пустая бутылка.

– О-го! Вот это находка! – Юрий Августович пришел в восторг.

– Но бутылку надевать на ногу не очень удобно, – не понял я его радости.

– А зачем ее надевать. Мы ее сдадим, получим 12 копеек. А 12 копеек – это полпорции пельменей!

Я обомлел:

– Ну, а Вы говорите: «Брехт». Брехт отдыхает!

Столовая была на другой стороне улицы. Не дойдя до перехода, мы побежали прямо к ней. Проезжавшая машина резко затормозила, водитель прокричал нам вдогонку знакомые слова. Машину мы не заметили, так как я смотрел на такую притягательную вывеску столовой, а Юрий Августович прижимал к груди нашу бесценную бутылку. Мы сдали бутылку, получили 12 копеек (сейчас бы сказали «монетизиро-

вали»), и гордо вошли в столовую. Это было время, когда хлеб в «общепите» был бесплатным. Взяли полпорции пельменей в бульоне, которые назывались «Особые», сели за столик. Нет, мы не сразу набросились на этих несчастных «водоплавающих» (назвать это бульоном, надо обладать определенной степенью фантазии) – нескольких пельмешек, плавающих в подсоленной воде – мы же интеллигентные люди! Сначала мы намазали горчицей несколько ломтиков хлеба, посолили и, пожелав друг другу приятного аппетита, откусили по кусочку. Второй кусочек был уже побольше. Так мы съели весь хлеб со своего стола и поменяли нашу хлебницу на хлебницу соседнего. Потом, посчитав каждый для себя количество того, что плавало в тарелке, принялись за трапезу. Пельмени,

действительно, оказались «особыми» – понять из чего они приготовлены не представлялось никакой возможности, но это не помешало нам съесть их с большим аппетитом. Давно я не получал такого удовольствия от еды!

Поблагодарив работников столовой, всех вместе и каждого в отдельности, мы вышли на Кировский проспект. Он был прямой и скрывался за горизонтом, как путь в коммунизм.

– Даже самая длинная дорога начинается с первого шага, – произнес Юрий Августович, и мы бодро зашагали по мокрой, от сошедшей наледи, мостовой навстречу светлому будущему, оставляя позади свое тяжелое прошлое.

Ну и Брехт с ним!

Кугл из лука

1 лук-порей, 2 ст. л. сливочного и 2 ст. л. растит. масла, пучок зеленого лука, пучок укропа, соль, перец

Заливка: 50 г 20% сливок, 1 яйцо, 1 ст. л. манки, 200 г тертого сыра

Дополнительно: сухари для обсыпки формы, 1 ст. л. растит. масла для обмазывания формы

Белую часть порея и немного зеленой части нарезать кружками и до полуготовности обжарить в смеси сливочного и растит. масла. Добавить туда зеленый лук и укроп. Посолить, поперчить в конце.

В миске смешать сливки, яйцо, манку и сыр. Выложить в сковороду и перемешать. Керамическую форму смазать растит. маслом и посыпать сухарями. Выложить смесь. Запекать при 180 гр. около 20-25 минут, пока не покроется золотой корочкой.

Все нарезал, все добавил, все смешал, все выложил, все запек, формы, в основном, свои, обмазал

Вытащил сковороду из духовки, посмотрел – цвет корочки оказался недостаточно золотистым. Сунул обратно – пусть немного потомится. Запах, наполнивший квартиру, был, как говорил Аркадий Райкин, «специфический». Открыл все окна, стало холодно, но запах оказался стойким. Не очень хорошо получается: сейчас придет дочь с молодым человеком, с которым давно дружит, для знакомства, а пахнет, как... Он может не понять и подумать, на что обрекает себя...

Из туалета взял освежитель воздуха, распылил. Как писал классик: «Все смешалось в доме Облонских». Не помню уже, как у Облонских, а у нас в квартире лучше не стало. Вспомнил про сковороду, томящуюся в духовке, быстро достал и вытащил на балкон студиться. На улице пробегающая собака остановилась, посмотрела наверх, принялась, фыркнула, мотнув головой, и побежала дальше, значительно увеличив скорость, один раз даже оберну-

лась. Пришла с работы жена:

– Ты что тут наделал?

– Что значит «наделал»? Я приготовил кугл из лука.

– Да у меня уже все готово, нужно только разогреть. А свой кугл оставь для другого раза.

– А что, будет «другой раз»?

– Ну, если он попробует твой кугл, тогда не будет!

Как она угадала?!

Наконец, появилась дочь с симпатичным русским парнем. Дочь сморщилась:

– Папа, ты опять со своими экспериментами? – и, обратившись к молодому человеку, – Не пугайся, тебе не обязательно это есть.

Надо сказать, что это был период в моей жизни, когда я постоянно что-то готовил, осваивал еврейскую кухню. Не то, чтобы очень уж успешно, но хлопот своим ближним доставлял предостаточно, особенно, когда просил все это отведать. Тут возникали некоторые проблемы.

Мы познакомились, показали квартиру, сели за стол. Немного выпили, закусили, поговорили. И тут я пошел на балкон. Краем уха услышал, как женщины что-то одновременно вполголоса говорили Игорю.

Я торжественно внес сковороду, объяснил, что это традиционное еврейское блюдо, и открыл крышку. В носу засвербило, я извинился, чихнул, взял нож и попытался отрезать кусочек этого самого кугла. Ножик, очевидно от неожиданности, как-то жалобно искривился, но превозмог и отрезал неровно кусок этого «изделия», который я и положил на тарелку почетному гостю. Остальные куски, как мне показалось, ломались уже сами, только завидев нож. Получилось не очень ровно, зато запах!.. Все тот же – «специфический».

Дочь сразу сказала, что уже сыта и толкнула локтем Игоря. Тот, не вняв предупреждению, с трудом воткнул вилку и откусил кусок. Я попробовал сам, и стало очевидно, что «это» есть не только нельзя, но и небезопасно:

– Да, тут что-то не так. Я, наверное, нарушил технологию приготовления. Оставим, пока не поздно.

– Да нет, ничего, – не очень уверенно произнес Игорь, с видимым трудом проглатывая очередной кусок.

Я с уважением оценил силу воли потенциального зятя.

После этого беседа как-то не пошла, и ребята быстро ушли – они торопились в кино на «Доктор Живаго». Вот там-то мой кугл, наложившись на страдания главного героя фильма, сделал свое дело – Игорю стало плохо.

Через несколько дней дочь пришла домой вся в слезах – они с Игорем расстались:

– Это все из-за тебя с твоим куглом!
– Да, испытание было не из легких, но, как говорил...

– Папа!!! И без того тошно!

– Ладно, следующему я приготовлю мацебрай с грибами...

– Хоть с грибами, хоть с кренделями, только без меня!

Прошло время. Мацебрай я не приготовил – как-то обошлось. Дочь вышла замуж за еврея, благополучно растят троих детей. Игорь женился на русской, у них хорошая семья. Но они остались добрыми друзьями. Встречаясь, когда дочь приезжает в Петрозаводск, весело вспоминают тот памятный вечер. В кино Игорь не ходит. На мое предложение приготовить что-нибудь, оба отвечают, что не хотят перебивать послевкусие после того кугла из лука.

Запишите рецепт – может быть пригодится?

Визит к врачу

Накануне моего юбилея моя жена, врач 5-ой поликлиники, решила, что мне пора обойти врачей и проверить здоровье. Она с кем-то договорилась и дала направление в кабинет № 342, объяснив, что он находится на третьем этаже и что там работает симпатичная сестричка Машенька, которая мне должна понравиться. Это был неотразимый аргумент, который заставит меня пойти к врачу.

– Машенька выйдет и вызовет тебя, чтобы тебе не сидеть в очереди.

К обозначенному в направлении времени я нашел кабинет № 342, который оказался в небольшом обособленном коридорчике. Надо сказать, что поликлиника № 5 устроена так, что найти нужный кабинет довольно сложно – какие-то лабиринты, переходы, перекрытые проходы, лестницы – в общем, как всегда, все для людей. Ищущих.

– Кто последний?

Вся очередь, сидящая вдоль стены, обернулась, как-то подозрительно посмотрела на меня:

– Вообще-то я, – не очень уверенно сказала женщина, и мне показалось, что она хотела еще что-то добавить, но передумала.

Я сел напротив. Мне бросилось в глаза, что очередь состояла из одних женщин, из чего сделал вывод, что женщины у нас болеют чаще мужчин, наверное потому, что жизнь у них не сладкая – работают наравне с мужчинами, плюс дети и домашние заботы. И порадовался за свой жребий. Недаром евреи утром говорят благословение: «Благословен Ты, Господь, Бог наш, Царь вселенной, за то, что Ты не создал меня женщиной». Стал рассматривать настенные плакаты. Там красовались женщины в разрезе, ну, прямо, как в

мясной лавке. Мне стало неприятно.

Вошла очередная молодая пациентка:

– Кто последний, – обратилась она к очереди, как будто меня там и не было.

– Я последний, – с некоторым вызовом отозвался я.

Женщина как-то странно на меня посмотрела, молча села напротив, удлинив и без того приличную очередь. Все молчали. Я почувствовал какую-то неловкость. Скорее бы уже вышла сестричка Машенька! Действительно, скоро дверь кабинета № 342 открылась и появилась сестричка. Может быть она и была когда-то Машенькой, но очень давно. Сейчас – это пожилая опрятная женщина, с низким голосом, которая вызвала совсем не меня. Минут через 15 она вновь появилась, выпуская пациентку из кабинета и называя очередную фамилию, опять не мою. Увидав мой ожидающий взгляд, она спросила:

– Вы пришли с кем-то!

– Нет, я уже большой, пришел один.

– Да я вижу, что Вы большой. Покажите, пожалуйста, ваше направление.

Она прочитала направление и попросила меня пройти в регистратуру и уточнить номер кабинета.

Я вышел на лестничную клетку и позвонил жене:

– Ты куда меня направила? Тут очередь на два часа! И где твоя Машенька?

– Ты у какого кабинета ждешь?

– У 342-го! У меня еще не такой склероз, в цифрах разбираюсь.

– И что написано на двери кабинета?

– Врач-маммолог Геворкян Марина Петровна.
 – Какой маммолог!?! У тебя есть голова на плечах?
 – Да, я на нее кепку надеваю.
 – Вообще-то ей думают.
 – Кепкой?
 – Да-а... Я точно тебя не к тому врачу направила.
 Иди домой, завтра разберемся.

Я вышел из поликлиники, пошел на остановку.
 Звонок.

– Я позвонила Машеньке – никакой очереди нет, они тебя ждут... Пстой, ты в какой поликлинике?
 – Как «в какой?» В пятой!
 – А номерок у тебя в четвертую, рядом с домом!
 Вечером в Интернете я посмотрел, кто такой врач-маммолог.

Интересно, к какому врачу я пойду в следующий раз?

Три малявы

I

С Дмитрием Алексеевичем и Анной Ивановной я познакомился, когда приехал в Сегежу просить руки их младшей дочери Марты, с которой дружили уже четыре года.

На подъезде к городу в вагоне появился специфический запах, отличающий атмосферу этого индустриального центра нашей великой родины. Потом в окне появилась величественная панорама с множеством труб, из которых валил дым всевозможных расцветок и оттенков. А из одной из них над всем городом стелился огромный оранжевый шлейф – «лисий хвост», как не без некоторой гордости пояснил нам сосед по купе. Это было даже красиво. Очевидно, международные экологические организации не рисковали сюда заглядывать, а свои люди привыкли совершать подвиги, как в известной песне: «...Пока я дышать умею, Я буду идти вперед», которую я неоднократно исполнял, хотя далеко не со всеми словами был согласен. Где этот «перед», а величина эта не постоянная, нам указывали в передовицах газеты «Правда», какие-то ингредиенты для бумаги, на которой она печаталась, и производили на Целлюлозно-бумажном комбинате (ЦБК) этого славного города. И хотя дым был разноцветным, газета выходила в черно-белом варианте, очевидно, чтобы не отвлекать внимание читателей от глубинных мыслей и идей, выкладываемых на страницы этой «самой правдивой газеты в мире».

Встретили нас просто, но очень тепло, по-домашнему. Выпили, как положено, закусили грибочками, откушали наваристой ушицы, из пойманной Дмитрием Алексеевичем – заядлым рыбаком – рыбы, поставили на стол самовар, выпечку, варенье – что еще надо для счастья? После этого слова песни: «Жила бы страна родная, И нету других забот!» уже воспринимались как-то по-другому. Где-то прокуковала кукушка, и я подумал, что с экологией здесь не так уж плохо. «Официальная часть» тоже прошла просто и естественно, назначили дату – 31 декабря. Заведующая петрозаводским городским загсом, Тамара Скокова, была моей знакомой – она пела с эстрадным оркестром Онежского тракторного завода (ОТЗ), в котором я был пианистом, так что никаких проблем с регистрацией не предвиделось.

Уже было поздно, нам пожелали спокойной ночи и оставили в небольшой, но очень уютной комнатке. На стене висели часы в виде домика, из домика на цепях свешивались гири, под часами в раме красовалась картина с лебедями – произведение, во всевозможных вариантах, продаваемое на всех базарах страны. Но главное это была кровать, застеленная настоящей периной. Я впервые лежал на перине – это было необыкновенное ощущение неги и счастливого восторга! Марта быстро заснула. Вдруг где-то за спиной что-то закрипело и:

– Ку-ку, ку-ку, ку-ку, ку-ку...

Я перевернулся: дверца домика открылась, и оттуда вылезло то, что, очевидно, называлось кукушкой, которая со скрипом поворачивалась из стороны в сторону и довольно противно прокуковала двенадцать раз! Хотя мне показалось, что намного больше. Мне было уже не до сна, я ждал, когда опять вылезет это чудо. Оно вылезло ровно через час, потом еще через час. Когда же это чудовище прокукарекало четыре раза, я решил, что больше никогда не женюсь!

– Да нужно просто снять гирю, и часы остановятся, – сквозь сон произнесла Марта.

Эту ночь я запомнил на всю жизнь. До сих пор, когда я слышу кукушку, правда, случается это только тогда, когда хожу навестить своих родных и знакомых на кладбище, мне хочется посмотреть который уже час и сколько еще осталось.

Музыкальный театр, где я работал, выделил мне комнату площадью 9 кв.м. в общежитии на улице М.Горького, и мы зажили счастливой семейной жизнью. Правда, в нашем «отсеке» с одной кухней на две плиты, огромным овальным столом посередине, покрытым шпоном из карельской березы, и одним туалетом счастливой семейной жизнью жили еще в пяти комнатах. Но, поначалу, как-то все это не очень мешало – работали много, получали мало, пили умеренно, ели, когда было что есть. Да еще принимали друзей по 10-12 человек, праздновали премьеры, вернисажи, дни рождения, встречи и разлуки. Через эти 9 кв.м. прошли многие впоследствии выдающиеся деятели карельской культуры и искусства. Но, опять же, как поется в той же песне: «Не думай, что все пропели, Что бури все отгремели» – родилась дочь Наташень-

ка. Чтобы ее вымыть, надо нагреть воду на плите, хоть немного обогреть кухню, закрыв ее для посещения на все это время для других счастливых обитателей нашей «вороньей слободки». Но, главное, поскольку все работали в театре, то возвращались домой в 10 -11 часов вечера. А ребенку, чтобы дожить до «светлого будущего всего человечества», необходим спокойный сон... Театр ничего обещать не может, больница, где работает Марта, тоже. А работает Марта в городском травмункте, с его ночными дежурствами, опять же: «И снег, и ветер, И звезд ночной полет...» Находится травмункт, как часто у нас бывает, в самом неподходящем для этого месте, на улице Промышленной, и добраться до него можно лишь людям с хорошей предололимпийской подготовкой от остановки единственного автобуса № 3 в горку по остаткам деревянных мостков, освещенных только если «Сквозь волнистые туманы пробирается луна». Это летом и здоровым. А с травмой? А весной, осенью или зимой? И вот однажды, часа через два после того, как Марта ушла на очередное ночное дежурство, в комнату вбегает наш друг, молодой талантливый хирург Олег Машбиц-Веров:

– Дима, не волнуйся, уже все в порядке. Я из больницы с дежурства на «скорой», и мне нужно срочно обратно. Марта в отделении с небольшим сотрясением, но завтра ее отпустят домой. Она шла на работу, и кто-то сзади по голове...

Все. Струна лопнула...

Я сел и за ночь написал от имени Марты письмо Председателю Совета министров Карелии, под плач дочери, которой, видимо, передалось мое почти истерическое состояние. Написал все, что знал и чего не знал: и про военный путь отца Марты, командира отделения вожатых собак разведслужбы, его боевые награды – медаль «За отвагу», орден «Красной Звезды», орден «Отечественной войны» I степени; его подвиг при форсировании реки Буг; самоотверженный труд по восстановлению ЦБК в Сегеже, отмеченный орденом «Знак Почета». Про своего отца – воспитанника киевского детского дома, который получил в 1924 году стипендию им. Ленина, как талантливый студент; его работу в прифронтовом театре Карелии; медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.». В таких условиях одна семья вырастила и воспитала четырех дочерей, другая трех сыновей. И вот теперь их дети, выросшие и получившие образование в Карелии, молодые специалисты оказались не нужны? Они должны уехать куда-нибудь в Казахстан или Сибирь только потому, что здесь для них не нашлось крыши над головой? И про Марту, которая, помогая людям, сама подвергается опасности, идя на работу, расположенную в непригодном и просто криминальном месте. И что у дочери, растущей в таких условиях, в два года уже проявляются отчетливые признаки неврастения...

Все это я сдал в приемную. Через две недели в Горздравотделе Марте вручили ордер на квартиру в только что сданном доме на Ключевой. Через девятнадцать лет там поставили телефон, как специалисту экстренной службы. Вопросом травмпункта занимались много лет – теперь он в центре города.

Ну, что ж, «Finita la commedia», что в переводе на язык песни означает: «Готовься к великой цели, А слава тебя найдет!»

II

Композитор Геннадий Вавилов заметно нервничал:

– Ну, где эта твоя Чарская?! Через десять минут начало! Вы, хоть, порепетировали сегодня?

– И не только...

В помещении Дома Актера Союза театральных деятелей Карелии раз в году проходил семинар для молодых деятелей культуры под эгидой Обкома комсомола. Принимать участие в подобных мероприятиях было престижно, и, кроме того, это был шанс заявить о себе, что немаловажно для начинающих творческих работников. И организаторы, и участники готовились к этому семинару заранее и очень серьезно, подбирая кандидатуры, проверяя репертуар и работы, которые будут представлены на нем. Геннадий Вавилов обратился ко мне с просьбой найти молодую красивую артистку для исполнения песни, которую он незадолго до этого написал. Я предложил Татьяну Чарскую, приехавшую после окончания Музыкального училища при Ленинградской консерватории, первый сезон работающую в нашем театре, с которой мы уже подготовили несколько произведений Гершвина и успешно выступали. И вот...

Появляется, сияющая, Татьяна. Я хватаю Гену за руку, пытаюсь смягчить его реплику...

– Ну, ты, даешь... – он не находит слов.

Татьяна, несколько удивленно, обводит нас своими огромными искрящимися глазами, с укоризной:

– Ну, разве можно нервировать... беременную женщину!

У нас аж дух перехватило!

– Да, да, – делая изящный полукрут рукой и глядя на часы, – я уже 52 минуты, как беременна!..

И невозмутимо поправляет прическу.

Окружающие оценили шутку. Гена во все глаза смотрит на меня: нос у меня удлинился, уши побагровели. К счастью, звенит колокольчик, призывая в зал, все шумно рассаживаются.

Официальные приветственные слова. Кто-то выступает, кто-то, может быть, и слушает, но это никого не интересует. Наконец, дают слово композитору:

– Сегодня я хочу представить вам песню на сти-

хи Ольги Фокиной, написанную совсем недавно. Это первая песня в моем творчестве – до этого я писал серьезную музыку, но песня – это живое непосредственное обращение к молодежи. И мне приятно, что первой исполнительницей будет молодая солистка нашего Музыкального театра Татьяна Чарская.

Мы проходим в помещение кафе. Вежливые аплодисменты. Пианино зажато где-то в углу. Я ставлю ноты на пюпитр, Татьяну почти не вижу:

– М-м?..

Первые вступительные аккорды. Татьяна вдруг резко поворачивается ко мне и, не интонируя, произносит: «Мне холодно, знаешь? Мне холодно, слышишь?»

Зал от неожиданности резко замер. Даже табачный дым, казалось, застыл в воздухе. Второй куплет. Напряжение нарастает, третий... На протяжении всей песни никто не шелохнулся, а когда последнее почти шепотом произнесенное «Слышишь?» растворилось где-то за стенами зала, наступила пауза. Та пауза, о которой мечтает любой артист. И шквал аплодисментов! Это был триумф! Сразу все пришло в движение, возгласы, поздравления, бис, браво! Песню пришлось повторить – успех еще больший, чем в первый раз! Лишь после третьего исполнения и призывов ведущего смогли продолжить программу.

Подождал главный режиссер Музыкального театра Дмитрий Уतिकеев, горячо поздравил Татьяну:

– Оказывается, Вы и это можете!

Геннадий Вавилов счастлив. Через несколько дней приносит еще две песни на стихи Фокиной, и создается вокальный цикл, впоследствии с большим успехом часто исполняемый.

Как обычно и бывает в театре, после такого, наделавшего много шума выступления, о Чарской заговорили. Она успешно работает, играет ведущие роли, но ей хочется большего – она решила учиться в консерватории тем более, что там стала преподавать Ирина Степановна Гридчина – прекрасная актриса и педагог, уже на первых порах многому научившая Татьяну, как в вокальном, так и в артистическом плане. Но возникла проблема – заочного вокального отделения в консерватории нет, бросать театр тоже не хочется. Необходимо было ходатайство от Министерства культуры. В министерстве не хотят брать на себя ответственность, так как консерватория относится не к их ведомству – пусть напишет нам директор театра Звездин: «в виде исключения», «театр нуждается в артистке» и пр., а мы рассмотрим. Зная Звездина и специфику работы театра, он такую бумагу не напишет, так как должен будет освобождать артистку, занятую в репертуаре, дважды в год на сессии, как раз на время зимних школьных каникул с их «елками» и летних гастролей.

– Димочка, у тебя есть пишущая машинка, ну, на-

стучи на ней что-нибудь, а мы с Ириной Степановной попробуем уговорить Звездина и министерство, – почти безнадежно просит меня Татьяна, – у тебя же, говорят, – голова!

– А все остальное?

– Остальное похуже.

– Ладно, ладно...

Хорошо сказать «настучи». Сергей Петрович самодостаточный человек, все вопросы, связанные с деятельностью театра, решает сам, а потом уже ставит перед фактом министерство или Обком партии, поэтому «просить», да еще за молодую артистку... «Стучал» я дня три. Получилось так, что было непонятно кто, кого, о чем и зачем просит. Слова странно цеплялись друг за друга, переплетались, получалась какая-то вязь, и если не вникать в смысл, который не очень угадывался, то даже по-своему красиво – ну, помесь арабского с ивритом.

– И вот «это» я должна подать Звездину?!

– Как хочешь...

Мы договорились с секретарем, милейшей женщиной, чтобы она запустила Татьяну в кабинет после какого-нибудь приятного для Звездина разговора. Она перебрала бумаги в красной с синим обрезом папке на столе и пригласила прийти завтра к 14.45. Назавтра в 15.05 Татьяна, сжимая бумажку, закрывает за собой дверь кабинета. Время мучительно поплыло, как на картине у Дали. Что происходит ТАМ? Долго, долго... О чем можно так долго говорить? Или да, или нет. Чего тут выяснять?

Вдруг вылетает Татьяна с каким-то победоносным кликом, бросается мне на шею, размахивая той самой, так много значащей бумажкой, и через незакрытую дверь видно, как Сергей Петрович тихо улыбается. Секретарь прикрывает дверь, приглашая следующего посетителя.

– Ну?..

– Что, ну? Сергей Петрович раза два, или даже три основательно, как он все делает,

прочитал «это», – она поцеловала бумажку, – потом посмотрел на меня:

– Витиевато. Кто писал? Цвибель?

Я даже не успела соврать, только робко кивнула. Он, не торопясь, взял ручку, повертел ею, посмотрел на фигуру бизона, стоящего у него на столе, что-то написал наискосок бумаги и передал мне со словами:

– Иди, учись...

Дальше – уже другая история.

III

– Мама, когда мы опять пойдем в гости к Андрюше, а то я уже все плохие слова забыл?

Андрюша – это мой сын. Азы родной речи он впи-

тывал не от Арины Родионовны, а от бабы Шуры, нянечки детского садика на Ключевой. Первую осознанную фразу от него мы услышали, когда он пытался, придя домой, засунуть в рот пустышку, с которой не расставался довольно долго. Пустышки времен активного строительства коммунизма производила отечественная промышленность, поэтому они немного не дотягивали до мировых стандартов: слипались, прогибались, рвались, ломались, и сосать их можно было, только приложив определенные усилия, что, разумеется, заметно развивало практические навыки подрастающего поколения. И вот наш сын, который еще невнятно выражал все свои мысли, и отчетливо произносил только мама, и как-то безнадежно – папа, сидя один посередине комнаты на ковре, вдруг (как оказалось позже, это только для нас «вдруг») явственно с большим чувством, как диктор первого канала советского телевидения про очередные происки мирового сионизма, изрек:

– У, соса, б...!!!

Необходимо отметить, что особых претензий к бабе Шуре у нас не было. Когда в садике одни за другими закрывались группы на карантин, единственная группа, которая ни разу не была закрыта, это как раз ее группа. Причина так и осталась не изученной. Но особую гордость вызывал стенд с набитыми деревянными колышками, на которых висели «именные горшки», т.е. горшки, на каждом из которых красовалось имя его владельца. Всегда в определенном порядке, сияющие чистотой. Садик находился в низине, а наш дом на горке, и из окна кухни пятого этажа хорошо просматривалась группа бабы Шуры, и мы с женой подсмотрели ноу-хау, пока не запатентованное, позволяющее экономить водные ресурсы страны.

На низкой табуретке величественно, как императрица, восседала баба Шура, держа между ног горшок. К ней в строгом порядке выстраивалась очередь будущих защитников Отечества со спущенными штанами и с «петьками» наперевес. Они четко, подойдя на определенное расстояние, делали то, что положено было сделать, и быстро оставляли позицию, давая возможность другим сделать то же самое. В этом акте я усмотрел начатки военно-патриотического воспитания, воспетого (хотя «описанного» точнее по смыслу) позже Евгением Гришковцом в пьесе «Как я съел собаку».

Кстати, про садик. Лучшим садиком в то время считался Детский сад №16. Он находился (и находится до сих пор) на улице Куйбышева, и через него прошли многие дети театральных работников. Приветливый персонал, удобное расположение в центре города, недалеко от театров, что очень важно, когда необходимо забрать ребенка между репетициями, или перед спектаклем, делали его просто идеальным вариантом.

И вот в один прекрасный день, добившись по большому благу места в этом заведении, мы с Ната-

льей Васильевной приводим сына Митю в кабинет директора для знакомства. После обоюдных комплиментов и оформления всяческих официальных бумаг, директор нажимает кнопку звонка, и появляется нянечка с широкой доброй улыбкой.

– Анна Петровна, познакомься и принимай пополнение.

Мы мило познакомились, «пополнение» немного покапризничало, но когда нянечка сказала, что в группе есть настоящий «живой уголок», услышала в ответ:

– А бронтозавры там есть?

– Нет, там есть птички.

– Ну, да, бронтозавры жили очень давно, когда я еще был маленьким, – и они ушли, наладив контакт, и довольные друг другом.

Через год в другой прекрасный день, добившись по большому благу места в этом заведении, мы с Мартой Дмитриевной приводим сына Андрюшу в кабинет директора для знакомства. После обоюдных комплиментов и оформления всяческих официальных бумаг, директор нажимает кнопку звонка, и появляется нянечка с широкой доброй улыбкой.

– Анна Петровна, познакомься и принимай пополнение.

Анна Петровна слегка смутилась. Мы познакомились, она хотела, очевидно, еще что-то спросить, но, встретившись с выразительным взглядом директора, увела покорное очередное пополнение в группу.

Через год подрос Сёма, которого учил нехорошим словам мой сын Андрюша, а поскольку его мама Валя была моей коллегой по театру, и воспитывала сына одна, мы решили, что он пойдет в садик №16, и я, в случае ее занятости на работе, смогу его оттуда забирать.

И вот в еще один прекрасный день, добившись по большому благу места в этом заведении, мы – Валя, ее сын Сёма и я появляемся всё в том же кабинете того же директора. Объяснили ситуацию, которую директор с каким-то даже уважением выслушала, пригласили ее на готовящуюся в театре премьеру, и все встало на свои места.

Поговорили о жизни, некоторых ее причудах. Директор как-то нерешительно нажимает кнопку звонка, и появляется нянечка Анна Петровна с широкой доброй улыбкой. Увидев всю картинку, Анна Петровна застыла, неестественно выпрямилась, улыбка отделилась от ее лица и повисла в воздухе, как у Чеширского Кота, и медленно, медленно, задом, осторожно бесшумно закрывая за собой дверь, нянечка исчезла. Немая сцена...

Прошло время. Дети выросли. Один в Дублине, другой в Иерусалиме, третий в Санкт-Петербурге. Детский сад №16 на том же месте. Над входом в малышковую группу «Кроха» висит огромная растяжка,

посвященная очередной дате Великой победы 1941-1945 гг. и много, много пятиконечных звезд – это вам уже не баба Шура, или Евгений Гришковец...

«Придут другие времена, взойдут другие имена» – так сказал поэт. Пришли и зошли.

За прошедшие тридцать лет и жизнь изменилась, и страна стала другой, но Детский сад №16 остался, хотя персонал и порядки в нем слегка поменялись. Лариса, ведущая солистка балета нашего театра, когда подрос ее сын Никита, тоже по большому благу добилась места для него в этом благословенном садике. Я уже работал в Союзе театральных деятелей, и окно моего кабинета выходило на прекрасную скульптурную композицию – сидящих на скамейке и ведущих интересную беседу Карла Маркса и Фридриха Энгельса, установленную как раз рядом с входом в малышковую группу «Кроха». И я постоянно наблюдал, как новое поколение этих крох, с трудом возвращающихся из коммунизма, проходит мимо его основоположников. Это были лучшие моменты моей работы в СТД. Но просто пассивно наблюдать жизнь со стороны я не умею. И мы договорились с Ларисой, что при необходимости, я буду забирать Никиту из садика. Уже новый директор внимательно выслушал нас, записал мои паспортные данные, и уже на следующий день...

– Вы за кем пришли? – стоя в полуоткрытых дверях, строго спросила нянечка, держа заплаканную девочку на руках, как монумент «Воин-освободитель» в Трептов-парке в Берлине. В группе оставалось уже совсем мало детей.

– Да мне все равно. Дайте кого-нибудь, и я пойду, – сорок лет работы в оперетте накладывают заметный отпечаток на мозг человека (по-моему, хорошая тема для диссертации по психиатрии).

Нянечка испуганно отступила назад и взялась за ручку двери, чтобы, в случае чего, захлопнуть ее.

– Кто Вы? Как зовут ребенка? – девочка на ее руках притихла.

– Да это же Дима! Вы что, не видите? – между нянечкой и дверью просунулась голова Никиты, – мама сказала, чтобы мы взяли всю мою одежду, ее надо постирать.

Я извинился, сказал, что я из театра. Она сочувственно кивнула. В следующий раз уже сама спросила:

– Вам кого отдать?

Вдруг девочка, которая сидела за столиком и неохотно всхлипывала:

– Меня.

– Ты что! Это же мой Дима! – запротестовал Никита.

Конечно, Никитушка, ты прав...

Однажды, придя за Никитой, обратил внимание, что нянечка не улыбается, и на глазах готовы высту-

пить слезы. Поскольку никого, кроме нас в раздевалке не было, я поинтересовался, в чем дело. Тут она, действительно, расплакалась, закрыв дверь в группу:

– Понимаете, меня хотят уволить – директору нужно место, чтобы устроить кого-то из знакомых. А я проработала тут почти двадцать лет! Куда я пойду? Мне уже 60. Своих детей у меня нет – сын пропал в Чечне – здесь мне не одиноко, я чувствую себя нужной детям, привыкла, как к своим. А так...

– Я попробую Вам помочь.

Она недоверчиво посмотрела на меня, поблагодарила, вытерла слезы и пошла в группу.

Я сел за компьютер и глубоко задумался. Что можно написать? Какие аргументы? Ткнул первую попавшуюся клавишу... Потом, как прорвало: я писал о быстротечности жизни, о благодатных семенах, которые должны прорасти в наших детях, о передаче национальных традиций. В одном предложении у меня уместились Арина Родионовна, Надежда Константиновна, физиолог Павлов, Зигмунд Фрейд, Макаренко, Януш Корчак... «А американский психолог Отто Ранк (Розенфельд) советует...» Что он советует, я не знал, но все это каким-то образом связал с нашей нянечкой, и получилось какая-то наукообразная чепуха. В довершении написал, что садик может гордиться своими выпускниками, один из которых даже поет в тель-авивской опере!

На следующий день передал эту бумагу директору, ничего не объясняя, попросив прочитать ее очень внимательно. Извинился, что не могу уделить ей сейчас время, но готов встретиться в любое другое, удобное для нее.

Встреча не состоялась, но нянечка осталась. Она рассказала, что директриса вызвала ее и с большим уважением поговорила с ней, как будто первый раз ее увидела. Несколько испуганно показала бумагу. Чуть позже нянечка попросила меня сделать ей копию этого письма, пояснив, что если ей придется искать работу, то с такой рекомендацией ее возьмут куда угодно: хоть в Горсовет, хоть в Законодательное собрание, даже в Госдуму, Белый дом, или какой-нибудь дом другого цвета...

А я подумал, по какому поводу буду писать следующую маляву? Кого поведу в детский садик № 16? У американского композитора Чарльза Айвза есть оркестровое произведение «Вопрос, оставшийся без ответа». А может быть, и не всегда так уж необходимо получать ответы на эти вечные вопросы?

И все же...

Мы идем по улице с Ларисой и Никитушкой – ему уже пять лет, он ходит в другой садик, и вообще, они скоро уезжают из Петрозаводска навстречу новой жизни. А навстречу нам – женщина с белокурой в кудряшках девочкой на руках. Лариса знакомит нас. Ирина – моя новая знакомая – радостно сообщает,

что только что ей выделили место для дочери в садике, и через полгода, когда Агате исполнится два годика, она отведет ее туда. Вот только могут возникнуть проблемы с тем, что рабочий день у нее не нормирован, и не всегда она сможет забирать ребенка из садика вовремя.

– А в какой садик?

– Да тут рядом, садик № 16. (!)

Лариса, улыбаясь, выразительно смотрит на меня...

Вот так «причудливо тасуется колода».

ОГЛАВЛЕНИЕ

Залман Кауфман. ЗЯМА.....	4
НЕВЫДУМАННЫЕ РАССКАЗЫ	
МОТЬКА	25
МИШКА	26
СУЛЯ	27
ЛЮСЯ.....	28
ГЕРБЕРТ.....	30
КОНСТАНЦИЯ.....	31
НИНА	32
РАХИЛЬ.....	34
АДА	36
ФАНЯ	37
ЕВРЕИ И РУСЬ	
ЕВРЕИ И РУСЬ	41
ИУДАИСТСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ В ЕРЕТИЧЕСКИХ ТЕЧЕНИЯХ	
СРЕДНЕВЕКОВОГО ПРАВОСЛАВИЯ	48
ЕВРЕИ В ТВОРЧЕСТВЕ НЕЕВРЕЙСКИХ ХУДОЖНИКОВ	55
ЕВРЕЙСКИЕ ЗИГЗАГИ РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ	65
Наталья Лайдинен. ЗВЕЗДЫ НА СЕВЕРНОМ НЕБЕ	
СЧАСТЛИВАЯ ЗВЕЗДА ГАРРИ ЛАКА.....	77
КРАСНОАРМЕЕЦ ЗЯМА КАУФМАН.....	80
СВЕТЛЫЙ ЧЕЛОВЕК СЕМЕН БЕКЕНШТЕЙН	82
«ЗОЛОТЫЕ ГОРЫ» МИХАИЛА ГОЛЬДЕНБЕРГА	84
ЕВРЕЙСКАЯ МУЗЫКА ДМИТРИЯ ЦВИБЕЛЯ.....	87
НАТАЛЬЯ ГУЛЬ: «ТАНЦЕВАТЬ – УМ РАЗВИВАТЬ».....	89
ВЛЮБЛЕННАЯ В ФОЛЬКЛОР. СОФЬЯ ЛОЙТЕР	92
СВЕТ ИСЦЕЛЕНИЯ	
СЕМЕЙНАЯ ДИНАСТИЯ ИССЕРСОН-БАРАНОВЫХ:	
ПЯТЬ ПОКОЛЕНИЙ ВРАЧЕЙ НА СЛУЖБЕ ЛЮДЯМ	94
ПРОФЕССОР ЗИЛЬБЕР: «ПОДГОТОВКА СПЕЦИАЛИСТА	
ДОЛЖНА ИМЕТЬ ГУМАНИТАРНУЮ ОСНОВУ!».....	97
МАРК БУРКИН: «ДРУЗЬЯ И ПОМОЩЬ ЛЮДЯМ –	
ЛУЧШЕЕ ПРОТИВОЯДИЕ ОТ ДЕПРЕССИИ»	100
РУДОЛЬФ МЕЛЬЦЕР: «ЧУВСТВОВАТЬ ЧУЖУЮ БОЛЬ»	104
САВЕЛИЙ ХЕНКИН: «ВРАЧ – ПРЕЖДЕ ВСЕГО ХОРОШИЙ ЧЕЛОВЕК»	108
СТАТЬИ И ИНТЕРВЬЮ РАЗНЫХ ЛЕТ	
ВОЛЯ К ПОБЕДЕ: ИСТОРИЯ ЖИЗНИ НАТАЛЬИ ЛИПНИНОЙ	111
«ОБЫКНОВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК» ДАВИД ГЕНДЕЛЕВ	115
ПРОФЕССОР К.И. ВЕКСЛЕР: «ГЛАВНОЕ – ПЕРЕДАТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ КАЧЕСТВА»	116

В ЕДИНСТВЕ НАУКИ И СПОРТА. ПРОФЕССОР ШЕГЕЛЬМАН	119
ОБАЯТЕЛЬНЫЙ «КНИЖНИК». ВСПОМИНАЯ В.А. ШТЕЙНБЕРГА.....	121
ГРИГОРИЙ КАЦ: «Я РОДИЛСЯ ПОД ВЫСТРЕЛЫ»	123
ИМЕНА В АЛЛЕЕ ПРАВЕДНИКОВ: СЕМЬЯ ЛОГАЦКИХ	127
МОСТЫ НАРОДНОЙ ДИПЛОМАТИИ.....	128
НЕМЕЦКИЕ БУДНИ «РУССКОГО» РАВВИНА ПУШКИНА	129
МИХАЭЛЬ ФОЛЬКМАНН. ЖИЗНЬ КАК СЛУЖЕНИЕ	131
МОСТЫ КУЛЬТУРЫ	
НИТИ РОДСТВА И КУЛЬТУРЫ АННЫ КЕЙНАН.....	135
МЕИР ШАЛЕВ. РЕАЛИЗМ И ТАИНСТВО.....	137
АВРААМ БЕН ИЕГОШУА: О МИССИИ ЕВРЕЙСКОГО ПИСАТЕЛЯ	140
ИННА БЕРТМАН: НЕОЖИДАННОЕ ПРИЗВАНИЕ	142
СЧАСТЛИВЫЙ МАЭСТРО ВИОЛОНЧЕЛИ АМИТ ПЕЛЕД	143
ОБРАЩЕНИЕ К ШЕКСПИРУ: СОВРЕМЕННАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ АВРААМА ОЗА	145
«СМУЗИ ИЗ ПРАВДЫ И ЛЖИ»: БЕЗГРАНИЧНАЯ ВСЕЛЕННАЯ ЭТГАРА КЕРЕТА	147
ГАСТРОЛИ ТЕАТРА «ГАБИМА» В МОСКВЕ	149
ДИАЛОГ НА ЯЗЫКЕ ИСКУССТВА.	
ШКОЛА СОВРЕМЕННОЙ ХОРЕОГРАФИИ «МАСЛУЛЬ»	150
«ЕСТЬ МУЖЕСТВО ПОЭТА – НЕ МОЛЧАТЬ...»	152
ЖИВЫЕ КОРНИ	
ДОРОГА К ИЕРУСАЛИМУ	163
ДЫМ ХОЛОКОСТА	165
СУББОТНИЕ СВЕЧИ	167
ВРЕМЯ ЛЮБВИ	169
ХЛЕБ ИЗГНАНИЯ	172
Дмитрий Цвибель. МОЙ ПАПА.....	175
МОЙ ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС	
БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ ЕВРЕЕМ?	188
МОЙ ШОСТАКОВИЧ	189
МОЕ «САМОЛЕТНОЕ ДЕЛО»	191
АНДРЕЙ ДМИТРИЕВИЧ	194
СОКОЛЫ ЖИРИНОВСКОГО	197
РОШ ha-ШАНА 67-го, И НИЧЕГО ЕВРЕЙСКОГО.....	201
МОЙ ЕВРЕЙСКИЙ ВОПРОС	203
ЛИДЕРЫ	
БОРИС КЛЕЙН	207
АЛЕКСАНДР МОДЫЛЕВСКИЙ.....	209
МИХАИЛ БРАВЫЙ.....	212
ВАЛЕНТИНА БРАВАЯ.....	215
НАТАЛЬЯ КУЗЬМЕНКО.....	217
ОЛЬГА ХАРИНА	219
СУДЬБЫ, ОПАЛЕННЫЕ ВОЙНОЙ	
ГАРРИ ЦАЛЕЛОВИЧ ЛАК.....	222

МЕЕР ШОЛЫМОВИЧ ФИШМАН	225
САВЕЛИЙ ХОНАНОВИЧ ХЕНКИН.....	228
НИСОН-БОРУХ ЯНКЕЛЕВИЧ КЛЕЙН	231
ЕФИМ ЛЕЙБОВИЧ ЛЕВИН.....	234
СЕМЕН ИОНОВИЧ БЕКЕНШТЕЙН	236

ГОРЬКИЙ ДЫМ ХОЛОКОСТА

ГОРЬКИЙ ДЫМ ХОЛОКОСТА.....	241
ПАМЯТЬ О ХОЛОКОСТЕ В СССР И В ПОСТСОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ	245
ЕВРЕИ ПЕТРОЗАВОДСКА – ХРИСТИАНЕ ТЮБИНГЕНА: УДИВИТЕЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ЛЮБВИ	250

ВРЕМЯ ЛЮБИТЬ

ПРИВЕТСТВЕННЫЙ АДРЕС	255
НЕКОТОРЫЕ МЫСЛИ	256
ДОЛГ ПАМЯТИ НАШЕЙ	257
ВРЕМЯ ЛЮБИТЬ	258
АТМОСФЕРА ЛЮБИТЬ	259
ВЫСОКАЯ МИССИЯ ДРУЖБЫ	260
КОГДА УЛЫБАЕТСЯ МАГЕН-ДАВИД	261
ПРИВЕТСТВЕННОЕ ОБРАЩЕНИЕ ФОНДА «МИРОВОЙ ЭТОС»	262
ПРИВЕТСТВЕННОЕ ОБРАЩЕНИЕ ОБЕРБУРГОМИСТРА РУСС-ШЕРЕР	263
ОБЕРБУРГОМИСТРУ БРИГИТТЕ РУСС-ШЕРЕР.....	265
ИСТОРИЯ ЛЮБВИ	266

АВГУСТ 91-го И ПОСЛЕ

АВГУСТ 91-го	269
ПОД КОЛЕСАМИ ОПЛОМБИРОВАННОГО ВАГОНА	273
ОБРАЩЕНИЕ КО ВСЕМ РЕЛИГИОЗНЫМ ОРГАНИЗАЦИЯМ КАРЕЛИИ	278
«ТЕКСТАМИ НАЧИНАЮТ МАНИПУЛИРОВАТЬ».....	280

POST SCRIPTUM

КАК Я ХОДИЛ ПО БОЛЬШОМУ	283
БРЕХТ, ТЫ НЕ ПРАВ!	288
КУГЛ ИЗ ЛУКА.....	290
ВИЗИТ К ВРАЧУ	291
ТРИ МАЛЯВЫ	292

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Петрозаводская еврейская религиозная община

ОБЩИННЫЙ ВЕСТНИК

Избранные публикации 1998 – 2018 гг.

Том - II

Редактор-составитель Дмитрий Цвибель

Бумага офсетная. Формат 60x90 ¹/₈. Тираж 100 экз.
Усл. печ. л. 35.5. Уч. изд. л. 27.6

Отпечатано в «Издательский дом ПИН», ИП Марков Н.А.
г. Петрозаводск, ул. Балтийская 5б, тел. (814 2) 56-26-73
www.pinptz.ru